

ISSN 2311-911X (print)

ISSN 2313-6871 (online)

QUAESTIO ROSSICA

QR.URFU.RU

Vol. 8 | 2020 | № 2

Журнал основан в 2013 г.
Выходит 4 раза в год (апрель, июнь,
сентябрь, декабрь)

Established in 2013
Published 4 times a year (April, June,
September, December)

Учредитель – Уральский федераль-
ный университет имени первого
Президента России Б. Н. Ельцина
(УрФУ)
620000, Россия, Екатеринбург,
пр. Ленина, 51

Founded by Ural Federal University
named after the first President
of Russia B. N. Yeltsin
(UrFU)
51, Lenin Ave., 620000, Yekaterinburg,
Russia

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-56174 от 15.11.2013

Journal Registration Certificate
PI № FS77-56174 as of 15.11.2013

«Quaestio Rossica» – рецензируемый научный журнал, сферой интересов которого являются исследования в области культуры, искусства, истории, археологии, лингвистики и литературы России. Задача журнала – расширить представления о российском гуманитарном дискурсе в пространстве мировой науки. Приоритет отдается публикациям, в которых исследуются новые исторические и литературные источники, выполняются требования академизма и научной объективности, историографической полноты и полемической направленности. К публикации принимаются статьи на русском, английском, немецком и французском языках. Полнотекстовая версия журнала находится в свободном доступе на сайте журнала и размещается на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки. Полная информация о журнале и правила оформления статей размещены на сайте: <http://qr.urfu.ru>

“Quaestio Rossica” is a peer-reviewed academic journal focusing on the study of Russia’s culture, art, history, archaeology, literature and linguistics. The journal aims to broaden the idea of Russian studies within discourse in the humanities to encompass an international community of scholars. Priority is given to articles that consider new historical and literary sources, that observe rules of academic writing and objectivity, and that are characterized not only by their critical approach but also their historiographic completeness. The journal publishes articles in Russian, English, German and French. A fulltext version of the journal is available free of charge on the journal’s website and is published in the database of the Russian Science Citation Index of the Russian Universal Scientific Electronic Library. For more information on the journal and about article submission, please consult the journal’s website: <http://qr.urfu.ru>

Журнал индексируется
в *AHCI Web of Science, Scopus*.

The journal is indexed
in *AHCI Web of Science, Scopus*.

Адрес редакции: Уральский федеральный
университет им. первого Президента Рос-
сии Б. Н. Ельцина. Россия, 620000,
Екатеринбург, пр. Ленина, 51, оф. 260
E-mail: qr_editor@urfu.ru

Editorial Board Address: Ural Federal
University named after the first President
of Russia B. N. Yeltsin. Office 260, 51 Lenin Ave.,
620000, Yekaterinburg, Russia
E-mail: qr_editor@urfu.ru

Editorial Staff

Editor-in-Chief – Prof. **Larisa Soboleva** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); *Deputy Chief Editor* – Prof. **Dmitry Redin** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archeology, UB of RAS); *Executive Editor* – Prof. **Dmitry Timofeev** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archeology, UB of RAS); *Guest Editor* – Dr **Andrey Sushentsov** (Russia, Moscow, MGIMO University); *Reviews Section Editor* – Dr **Dmitry Spiridonov** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); *Executive Secretary Associate* – Prof. **Alexey Antoshin** (Russia, Yekaterinburg, UrFU).

Translation Editors – Dr **Tatiana Kuznetsova** (section ed.; Russia, Yekaterinburg, UrFU); PhD **James White** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); PhD **Malcolm Spencer** (Russia, Yekaterinburg, UrFU)

Editorial Board

Prof. **Vladimir Abashev** (Russia, Perm State National Research University); Prof. **Vladimir Arakcheev** (Russia, Moscow, RGADA); Prof. **Elena Dergacheva-Skop** (Russia, Novosibirsk State National Research University); Prof. **Simon Dixon** (UK, University College of London); Prof. **Fulvio Franchi** (Argentina, State University of Buenos Aires); Dr hab. **Artur Gorak** (Poland, Lublin, Maria Curie-Skłodowska University); Prof. **Tatiana Itskovich** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Dr **Dmitry Katunin** (Russia, Tomsk State University); Prof. **Holger Kusse** (Germany, Dresden University of Technology); Prof. **Rina Lapidus** (Israel, Tel Aviv, Bar-Ilan University); Prof. **François-Xavier Nérard** (France, Pantheon-Sorbonne University); Dr **Vladislav Rjeoutsky** (Russia, German Historical Institute in Moscow); Prof. **Seo Sangbeom** (Republic of Korea, Busan University of Foreign Studies); Prof. **Elena Sozina** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archeology, UB of RAS); Prof. **Angelina Vacheva** (Bulgaria, Sofia University "St Kliment Ohridski"); Prof. **Daniel Waugh** (USA, Seattle, University of Washington); Prof. **Paul Werth** (USA, Las Vegas, University of Nevada); Dr **Julia Zapariy** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Prof. **Andrey Zorin** (UK, University of Oxford)

Editorial Council

Prof. **Evgeniy Anisimov** (Russia, St Petersburg Institute of History of RAS); Dr **Evgeniy Artemov** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archeology, UB of RAS); Prof. **Sergio Bertolissi** (Italy, University of Naples "L'Orientale"); Prof. **Paul Bushkovitch** (USA, New Haven, Yale University); Prof. **Igor Danilevsky** (Russia, Moscow, National Research University – Higher School of Economics); Prof. **Chester Dunning** (USA, College Station, Texas A ; M University); Prof. **Natalia Fateyeva** (Russia, Moscow, The Russian Language Institute of RAS); Prof. **Boris Gasparov** (USA, New York, Columbia University); Prof. **Elena Glavatskaya** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Prof. **Tatiana Krasavchenko** (Russia, Moscow, Institute for Scientific Information of Social Sciences of RAS); Prof. **Arto Mustajoki** (Finland, University of Helsinki); Prof. **Maureen Perrie** (UK, University of Birmingham); Prof. **Vladimir Petrukhin** (Russia, Moscow, Institute of Slavic Studies of RAS); Prof. **Rudolf Pihoya** (Russia, Moscow, Institute of Russian History of RAS); Dr **Igor' Poberezhnikov** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archeology, UB of RAS); Prof. **Olga Porshneva** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Prof. **Gyula Szvak** (Hungary, Budapest, Eotvos Lorand University)

Logo ; cover design – **Konstantin Pervukhin**

Редакционная коллегия

Главный редактор – проф. **Л. С. Соболева** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); зам. главного редактора – проф. **Д. А. Редин** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); выпускающий редактор – проф. **Д. В. Тимофеев** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); приглашенный редактор – доц. **А. А. Сушенцов** (Россия, Москва, МГИМО Университет); отдел рецензий – доц. **Д. В. Спиридонов** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); ответственный секретарь – проф. **А. В. Антошин** (Россия, Екатеринбург, УрФУ).

Редакторы перевода – доц. **Т. С. Кузнецова** (отв. ред.; Россия, Екатеринбург, УрФУ); PhD **Дж. Уайт** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); PhD **М. Спенсер** (Россия, Екатеринбург, УрФУ)

Члены редколлегии

Проф. **В. В. Абашев** (Россия, Пермский государственный научно-исследовательский университет); проф. **В. А. Аракчеев** (Россия, Москва, РГАДА); проф. **А. Вачева** (Болгария, Софийский университет Св. Климента Охридского); проф. **П. Верг** (США, Лас-Вегас, Университет Невады); д. и. н. **А. Горак** (Польша, Люблин, Университет Марии Склодовской-Кюри); проф. **Е. И. Дергачева-Скоп** (Россия, Новосибирский государственный научно-исследовательский университет); проф. **С. Диксон** (Великобритания, Университетский колледж Лондона); к. и. н. **Ю. В. Запарий** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); проф. **А. Л. Зорин** (Великобритания, Оксфордский университет); проф. **Т. В. Ицкович** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); к. ф. н. **Д. А. Катунин** (Россия, Томский государственный университет); проф. **Х. Куссе** (Германия, Дрезденский технический университет); проф. **Р. Лапидус** (Израиль, Тель-Авив, Университет Бар-Илан); проф. **Ф.-К. Нерар** (Франция, Париж 1 Пантеон-Сорбонна); к. и. н. **В. С. Ржеуцкий** (Россия, Германский исторический институт в Москве); проф. **Со Санбом** (Республика Корея, Пусанский университет иностранных языков); проф. **Е. К. Созина** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); проф. **Д. Уо** (США, Сизтл, Университет Вашингтона); проф. **Ф. Франчи** (Аргентина, Университет Буэнос-Айреса)

Редакционный совет

Проф. **Е. В. Анисимов** (Россия, Санкт-Петербургский институт истории РАН); д. и. н. **Е. Т. Артемов** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); проф. **С. Бертолисси** (Италия, Неаполитанский Восточный университет); проф. **П. Бушкович** (США, Нью-Хейвен, Йельский университет); проф. **Б. М. Гаспаров** (США, Нью-Йорк, Колумбийский университет); проф. **Е. М. Главацкая** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); проф. **И. Н. Данилевский** (Россия, Москва, Высшая школа экономики); проф. **Ч. Даннинг** (США, Колледж-Стейшен, Техасский университет А&М); проф. **Т. Н. Красавченко** (Россия, Москва, ИНИОН РАН); проф. **А. Мустайоки** (Финляндия, Хельсинкский университет); проф. **М. Перри** (Великобритания, Университет Бирменгема); проф. **В. Я. Петрухин** (Россия, Москва, Институт славяноведения РАН); проф. **Р. Г. Пихоя** (Россия, Москва, Институт российской истории РАН); д. и. н. **И. В. Побережников** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); проф. **О. С. Поршнева** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); проф. **Д. Свак** (Венгрия, Будапешт, Университет им. Лорана Этвёша); проф. **Н. А. Фатеева** (Россия, Москва, Институт русского языка РАН)

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Vox redactoris

<p><i>Yulia Zaparyi, Alexey Antoshin.</i> Strategies and Instruments of Russian Politics: History and Contemporaneity .....341</p>	<p><i>Yulia Zaparyi, Alexey Antoshin.</i> Strategies and Instruments of Russian Politics: History and Contemporaneity .....341</p>
--	--

Scientia et vitae

<p><i>Rodric Braithwaite.</i> Do History Lessons Ever Pay off? A Diplomat's Memoir .....355</p>	<p><i>Rodric Braithwaite.</i> Do History Lessons Ever Pay off? A Diplomat's Memoir .....355</p>
---	---

Problema voluminis

<p>Советский Союз и Россия во внешней политике</p> <p><i>Андрей Сушенцов.</i> Внешняя политика России и стратегическая культура: диалог с Уильямом Уолфортом об исследовательской парадигме...369</p> <p><i>Василий Христофоров, Юлия Гусева.</i> Военная стратегия Советского Союза в Афганистане: просчеты планирова- ния и общественное неприятие...382</p> <p><i>Иван Сафранчук, Андрей Казанцев, Рустам Махмудов.</i> Патриотический вектор в ретроспективных оценках Афганской войны.....399</p> <p><i>Andrey Sushentsov, Nikita Neklyudov.</i> Protracted Conflicts in Afghanistan and Chechnya: American Perspectives on Russian Experience.....415</p> <p><i>Александр Никитин, Ирина Болгова, Юлия Никитина.</i> Деятельность неправитель- ственных организаций по урегулиро- ванию этнополитических конфликтов на постсоветском пространстве...428</p> <p><i>Андрей Лямзин.</i> Невидимое бремя Вьетнамской войны: из воспоминаний советского офицера .....442</p> <p>Пропаганда: иллюзия успеха</p> <p><i>Владислав Аксенов.</i> Образы Ленина в визуальной сатире и причины краха антибольшевистской пропаганды...455</p> <p><i>Илья Печенкин, Юлия Старостенко, Анна Вяземцева.</i> Зодчий и революция: архитектурная жизнь России в эпоху перемен.....473</p> <p><i>Тимофей Раков.</i> <i>Побить его Лениным и фактами:</i> практики политического культа в дискуссии 1920-х годов...488</p> <p><i>Юлия Козицкая.</i> <i>Поэма о челюскинцах</i> Сабита Муканова: оригинал без перевода и перевод без автора .....503</p> <p><i>Rina Lapidus.</i> The “Erotic” Tractor in the Soviet Cinema .....519</p>	<p>The USSR and Russia in International Politics</p> <p><i>Andrey Sushentsov.</i> Russia's Foreign Policy and Strategic Culture: A Dialogue with William Wohlforth about the Research Paradigm .....369</p> <p><i>Vasily Khristoforov, Yulia Guseva.</i> Soviet Military Strategy in Afghanistan: Errors in Planning and Public Condem- nation .....382</p> <p><i>Ivan Safranchuk, Andrey Kazantsev, Rustam Makhmudov.</i> Patriotic Interpretation in the Retrospective Assessment of the War in Afghanistan .....399</p> <p><i>Andrey Sushentsov, Nikita Neklyudov.</i> Protracted Conflicts in Afghanistan and Chechnya: American Perspectives on Russian Experience.....415</p> <p><i>Alexander Nikitin, Irina Bolgova, Yulia Nikitina.</i> Activities of Non- Governmental Organisations Aimed at Conflict Settlement in Post-Soviet States.....428</p> <p><i>Andrey Lyamzin.</i> The Invisible Burden of the Vietnam War: From the Memoirs of a Soviet Officer .....442</p> <p>Propaganda: An Illusion of Success</p> <p><i>Vladislav Aksenov.</i> Lenin's Images in Visual Satire and the Collapse of Anti-Bolshevik Propaganda .....455</p> <p><i>Ilya Pechenkin, Yulia Starostenko, Anna Vyazemtseva.</i> The Architect and the Revolution: Architectural Life in Russia in Times of Change .....473</p> <p><i>Timofey Rakov.</i> <i>To Defeat Him by Quoting Lenin and Facts:</i> Practices of the Political Cult in Discussions of the 1920s.....488</p> <p><i>Yulia Kozitskaya.</i> <i>Sabit Mukanov's Poem about the Chelyuskintsy:</i> An Original w/o a Trans- lation and a Translation w/o an Author .503</p> <p><i>Rina Lapidus.</i> The “Erotic” Tractor in the Soviet Cinema .....519</p>
---	--

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Oleg Riabov. The Red Machine: The Dehumanization of the Communist Enemy in American Cold War Cinema. 536

Oleg Riabov. The Red Machine: The Dehumanization of the Communist Enemy in American Cold War Cinema. 536

Origines

Лариса Соболева, Евгений Алексеев. Художник с мировым именем о творческой свободе, о времени и о себе: последняя беседа с Виталием Воловичем. 553

Larisa Soboleva, Yevgeny Alekseev. A World-Famous Artist on Creative Freedom, Time, and Himself: The Last Conversation with Vitaly Volovich. 553

Conceptus et conceptio

Alexander Chubariyan. “Difficult Questions” of Russian History: Opinions and Forecasts. 575

Alexander Chubariyan. “Difficult Questions” of Russian History: Opinions and Forecasts. 575

Marek Masnyk. Between Berlin and Moscow: Polish Western Thought in the Twenty-Year Interwar Period. 591

Marek Masnyk. Between Berlin and Moscow: Polish Western Thought in the Twenty-Year Interwar Period. 591

Тамаш Краус. Венгерские войска во Второй мировой войне: горькая правда архивных документов и попытка ревизии. 604

Tamás Krausz. Hungarian Troops in World War II: The Bitter Truth of Archival Documents and an Attempt at Revision. 604

Disputatio

Екатерина Постникова, Виктория Волкова. Это мой мир: фронтовые дневники матроса-подводника. 623

Yekaterina Postnikova, Viktoriya Volkova. This is my World: A Submariner’s Battlefield Diary. 623

Антон Мохов, Андрей Шаманаев, Карина Капсалькова. Прибыли в полной сохранности: эвакуация коллекций Херсонесского музея в Свердловск. 639

Anton Mokhov, Andrey Shamanaev, Karina Kapsalykova. They Arrived Completely Intact: The Evacuation of Chersonese Museum Collections to Sverdlovsk. 639

Сергей Затравкин, Елена Вишленкова, Елена Шерстнева. «Коренной перелом»: довоенная реформа советского здравоохранения. 652

Sergei Zatravkin, Elena Vishlenkova, Elena Sherstneva. “A Radical Turn”: The Reform of the Soviet System of Public Healthcare. 652

Controversiae et recensiones

Vladimir Ilyinykh. Private Trade in the Mixed Economy of the Urals under the NEP. 669

Vladimir Ilyinykh. Private Trade in the Mixed Economy of the Urals under the NEP. 669

Михаил Шматов. Массовая политическая культура и «всенародное обсуждение» сталинской конституции в концепции Ольги Великановой. 678

Mikhail Shmatov. Mass Political Culture and the “National Discussion” of the Stalin Constitution in the Concept of Olga Velikanova. 678

Алексей Антошин. Из лагерей DP – на «зеленый континент». 692

Alexey Antoshin. From DP Camps to the “Green Continent”. 692

Elena Proskurina. The Semantic Environment of the Late Dramatic Works of A. Platonov. 699

Elena Proskurina. The Semantic Environment of the Late Dramatic Works of A. Platonov. 699

Об авторах. 711

On the Authors. 711

Сокращения. 720

Abbreviations. 720

VOX REDACTORIS

DOI 10.15826/qr.2020.2.466

STRATEGIES AND DEVICES OF RUSSIAN POLITICS: HISTORY AND MODERNITY

The close relationship between politics and propaganda seems obvious, but it was the twentieth century that made apparent the oft-destructive power of propaganda used by states as a tool to safeguard their national interests. Contemporary Russian society still retains an evident interest in the slogans, visual images, and mythologies of the Soviet period. How foreign policy strategies and propaganda have influenced people, how mass beliefs have been formed, how ideology has influenced decision-making by political elites – all these problems are explored by the authors in this issue of *Quaestio Rossica*.

The history of Soviet foreign policy is among one of the most interesting fields of modern Russian historiography. Dependence on the policy reversals of politicians and diplomats bestows an ideological and conjectural character to many works in the field. Battles for meaning continue in the pages of memoir literature and the media. All this is even more relevant for historiography related to the post-Soviet era. This ideological dimension makes it difficult to apply the principles of objective academic analysis to contemporary history.

This issue's content is the result of an experiment conducted by the editorial board, which has led to a change in the usual format and an interesting fusion of history with a profound analysis of modern political processes. Thanks to the efforts of our guest editor Andrey Sushentsov, director of the Institute of International Studies of MGIMO University (Russian Foreign Ministry), the articles in the *Problema voluminis* and *Scientia et vitae* sections weave the political realities of our time into a multidimensional historical context.

The memoir of Sir *Rodric Braithwaite* (University of Buckingham, UK), is a fusion of the strong opinions of an academic and a practitioner, and as such is a unique source in the history of Soviet foreign policy. Drawing on his experience, Sir Rodric, who served as the British ambassador in the USSR during the perestroika years, creates a three-dimensional panorama of the Cold War era, discussing the role of intelligence agencies and the specifics of relations between Russia and the West. The time span of the memoir is not limited to the second half of the 1980s. Of great interest, in particular, are his memories of his meetings in Vienna in the early 1950s with defectors from behind the Iron Curtain. The ideas of Sir Rodric, the author of several books on World War II and the Cold War, serve as a kind of prologue to this issue's *Problema voluminis* section.

The central focus in the issue stems from studies of Russia's foreign policy strategy and the Russian state's participation in local conflicts. In an enlight-

ening interview, *Andrey Sushentsov*, director of the Institute of International Studies at the MGIMO University, and *William Wohlforth*, one of the founders of the theory of neoclassical realism in foreign policy studies, talk about the conceptual foundations of strategic culture in the USSR and Russia, as well as offer an assessment of the current state of Russo-American relations. The interview shows how Wohlforth's research interest in Russia formed and how important the analysis of key historical events is for understanding foreign policy. According to one of the prominent scholars in the field, political elites make decisions based on their inherent "strategic culture or mental model". This mental model, in turn, is largely determined by the historical and current experience significant for the state at any given time.

The problem of decision-making by political elites, as well as the matter of determining "entry strategies" into conflict situations, are considered by the authors of *Quaestio Rossica* with reference to the most significant local wars of recent decades – the war in Afghanistan and the first Chechen War.

Vasily Khristoforov (Russian State University for the Humanities, Moscow) and *Yulia Guseva* (Samara Branch of Moscow City University), basing their work on the materials from the Central Archives of the Russian Federal Security Service, analyse the strategic objectives and tactical actions of a limited contingent of Soviet troops in Afghanistan. The authors conclude that, in the first stage of the war, Soviet military strategy in Afghanistan was "blitzkrieg-oriented" and had limited goals; its long-term consequences were largely ignored when the decision to send troops was made. The researchers conclude that the experience of talking to political 'satellites' from a position of power predetermined the inconsistency of the USSR's Afghanistan policy.

The article by *Ivan Safranchuk*, *Andrey Kazantsev* (MGIMO University, Moscow), and *Rustam Makhmudov* (University of World Economy and Diplomacy, Tashkent, Uzbekistan) is focused on the 'long echo' of the war in Afghanistan, which to an extent continues to define the strategic culture of contemporary political elites. The authors analyse various interpretations of this war in memoir and research publications and trace the evolution of the official versions of events. Comparing works authored by military and intelligence officers, the researchers show that the same authors have often significantly changed and corrected their views in the process of writing over the years. This article thus offers a unique analysis of memory policy regarding the war in Afghanistan in contemporary Russia.

Interpretations of Russian foreign policy in American literature are presented by *Andrey Sushentsov* and *Nikita Nekludov* (MGIMO University, Moscow). They explore the ways in which the American academic community analysed Russia's experience of conflict in Afghanistan and Chechnya, as well as post-conflict policies. The issue of local conflict resolution has a special place in academic research on Russia's foreign policy. According to the opinion of Russian foreign policy scholars, it is here where the positions of opposed American scholars, belonging to different research schools, often collide.

The strategies for exiting conflict are studied by *Alexander* and *Yulia Nikitin* and *Irina Bolgova* (MGIMO University, Moscow), who explore the role of

non-governmental organisations in resolving ethnopolitical conflicts in the post-Soviet space. The authors analyse the creation and operation of the International Federation for Peace and Conciliation, the successor to the Soviet Committee for the Defence of Peace. Working with archival materials, they come to the conclusion that in the first half of the 1990s, there was determined interaction between ministries and non-governmental organisations. It was during this period that some representatives of the military elite showed a willingness to discuss hot zones and conflict situations and apply international standards to resolving conflicts. The dialogue between elites and non-governmental organisations strengthened the position of international diplomacy and allowed Russian non-governmental organisations to play a practical role in resolving a number of ethnopolitical conflicts in the CIS.

Andrey Lyamzin (Ural Federal University, Yekaterinburg) continues the discussion of the 'non-state vector' in local conflicts. In his research, the experience of a private person is woven into the wider history of a regional conflict that had a significant impact on the dynamics of bipolar confrontation. This 'personal facet' complements and adjusts the formal version of the events presented in official documents. This adds relevance to the author's interview with Valery Skoryak, head of the Ural Branch of the Vietnam War Veterans Society. The interview with the Soviet officer about the specifics of daily military life and the relations of Soviet servicemen with the Vietnamese population will be interesting for students of military history.

One of the central themes of this issue is propaganda. Studies in the field of political communication theory show that World War I was a period when warring parties began to actively apply methods of information warfare. The "Soviet civilization", which in many ways was the product of this era, was inseparable from propaganda. The materials presented in the issue show that it permeates the entirety of Soviet history. Initially, the efforts of the Bolsheviks were aimed at combating negative depictions of V. I. Lenin. This is the focus of an article by *Vladislav Aksenov* (Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow). The historian demonstrates that the image of Lenin in the anti-Bolshevik press was mythologised and often demonised; however, these efforts did not bring about the desired effect. The wide variety of negative images (Lenin – traitor, Lenin – a member of the Black Hundreds, etc.) did not allow for a strong unified negative image of the Bolshevik leader. Moreover, the many constructed depictions of Lenin were not designed for the simple people but targeted instead the more sophisticated parts of society.

Researchers have long noted that the cultural trends and processes of the Soviet era often had their origins in the pre-revolutionary period. *Ilya Pechenkin*, *Yulia Starostenko*, and *Anna Vyazemtseva* (Scientific Research Institute of Theory and History of Architecture and Urban Planning, Moscow) look at such trends. Analysing architectural life in the revolutionary years, the authors show that the formation of a new identity for Soviet architects began earlier than the Revolution of 1917.

As *Timofey Rakov* (Tyumen State University) shows, Lenin's image, having become part of everyday ideological discourse, was actively used in the political debates of the 1920s. Leninism quickly became a way to legitimise politics in the USSR. At the same time, it was neither a kind of ideologeme, imposed from above, nor some meaningless ritual. As the author shows, ordinary communists perceived Leninism as a means of combating "deviations".

The theme of Soviet propaganda in the interwar era is continued in *Yulia Kozitskaya's* (Higher School of Economics, Moscow) discussion of the poem "The Polar Bear", written by the Kazakh poet Sabit Mukanov and dedicated to the *Chelyuskin* crew. Analysing the translation of the poem into Russian, the author shows what metaphors both the author and the translator used to embody the theme of Soviet heroism and strengthen Stalin's glorification.

Propaganda in Soviet cinema seems to be a popular subject in academic research, as the article by *Rina Lapidus* (Bar-Ilan University, Ramat Gan, Israel) evinces. The author finds, however, an unexpected angle on this familiar theme: an analysis of the role of the tractor in shaping the ideal of masculinity in Soviet propaganda. In her opinion, erotic motifs are widely represented in such well-known films as *Tractor Drivers*, *Cossacks of the Cuban*, etc.

The propaganda factor played a particularly significant role during the Cold War, and certainly not only in Soviet politics. The article by *Oleg Ryabov* (St Petersburg State University) presents an in-depth analysis of the image of the "Soviet enemy" as constructed in American cinema. The author shows that the tendencies of dehumanising and demonising the ideological enemy were often present in American films.

A long interview of *Larisa Soboleva* and *Yevgeny Alekseev* (Ural Federal University, Yekaterinburg) with the outstanding Russian artist Vitaly Volovich takes a special place in this issue of *Quaestio Rossica* (*Origines* section). The discussion centres on the theme of monstrosity in Volovich's work. However, the master's memories about wartime Sverdlovsk and meetings with Pavel Bazhov, Marietta Shaginyan, and other writers and artists are of great interest as well. Some facts from the biography of this talented artist remain little known to a wider audience – the article uncovers Volovich's persecution in Soviet times, connected with accusations of "formalism" and other political "sins". Held shortly before Volovich sadly passed away in 2018, this interview will undoubtedly arouse the interest of a wide audience.

The *Conceptus et conceptio* section further develops the topic of conflict, propaganda, and the impact of historical experience upon foreign policy. Researchers working in various fields of Russian history inevitably turn to the problem of history policy in contemporary Russia. *Alexander Chubariyan* (State Academic University for the Humanities; Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow) touches upon several aspects of contemporary history policy in his article. Highlighting key themes in Russian history (the origin of the ancient Russian state, the specifics of the imperial period, the Russian Revolution, Soviet

modernisation, the history of culture and everyday life), the author shows a variety of approaches in modern Russian history writing.

The Polish historian *Marek Masnyk* (Opole University, Poland) traces the formation and development of the “Western ideology”, which was designed to justify the interwar Polish state’s rights in territories lost as a result of the Prussian partition and to protect the interests of the Polish population living in Germany. The historian shows that Germanophile sentiments were very common among Polish politicians and intellectuals as a form of opposition to a pro-Soviet orientation. Throughout the interwar period, Poland was geopolitically and ideologically located “between Germany and the USSR”, and this largely determined the intellectual climate in the country.

“Memory policy” in Central and Eastern Europe is causing a fierce debate not only in academia, but also far beyond. This adds urgency to the work of the prominent Hungarian historian *Tamás Krausz* (Eötvös Loránd University, Budapest, Hungary), dedicated to the mythologisation of the events of World War II in Hungarian historiography. The researcher proves that Hungarian soldiers were responsible for a genocide against civilians in the occupied territories of the USSR. The argumentative article, much of which is a polemic with the Hungarian historian *Krisztián Ungváry*, will undoubtedly add new aspects to this much-contested field. The second part of the article is planned for *Quaestio Rossica* No. 3 (2020).

A number of texts published in the *Disputatio* section discuss the social and everyday history of the Soviet era. Thus, *Sergei Zatravkin* (N. A. Semashko National Research Institute of Public Health; Higher School of Economics, Moscow), *Elena Vishlenkova* (Higher School of Economics, Moscow), and *Elena Sherstneva* (N. A. Semashko National Research Institute of Public Health, Moscow) analyse the reform of the Soviet health care system in the 1930s. Proving that the reform was aimed at meeting the needs of the state and not society, they characterise its advancement as the delivery of pseudo-care.

The story of G. I. Sennikov, a submariner in the Northern Fleet during the Great Patriotic War, is presented by *Yekaterina Postnikova* and *Victoria Volkova* (Nosov Magnitogorsk State Technical University). They analyse the genre and style features of his diaries (1943–1946), the author’s psychology and values, and elements of self-censorship inherent in his work.

Some contributors to this issue introduce new historical sources into academic circulation. *Anton Mokhov*, *Andrey Shamanayev*, and *Karina Kapsalykova* (Ural Federal University, Yekaterinburg) have discovered a report on the evacuation of the Chersonese Museum to Sverdlovsk in 1941 in the State Archive of Sverdlovsk Region. The authors paint a vivid picture of how personal heroism and independent decision-making in extreme circumstances helped Soviet researchers to save precious museum items.

The *Controversae et recensione*s section provides reviews on monographs by Russian and foreign authors that touch on various subjects in Soviet history. *Vladimir Ilyinykh* (Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk) analyses A. P. Kilin’s

book (published by Ural University Press) on the era of the NEP. He notes that the author is able to show the NEP as a multi-layered economy which coexisted organically with private trade.

Mikhail Shmatov (Novosibirsk State National Research University), in a review of a book by Olga Velikanova, who is now working in the United States, notes how Velikanova demonstrates the existence of a mass political culture in the USSR in the mid-1930s. At the same time, her skilful use of various historical sources (from official legislation to personal correspondence) is emphasised.

Alexey Antoshin (Ural Federal University, Yekaterinburg) draws readers' attention to a book by Jayne Persian (University of Southern Queensland) on second-wave Soviet emigration to the "Green Continent". It is noted that the author introduces a large set of documents from the Australian archives previously unused by researchers on this topic.

Elena Proskurina (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk) reviews K. S. Kogut and N. P. Khryashcheva's examination of the poetics of Andrey Platonov's late dramas. The reviewer notes that the work shows the originality of Platonov's dramas and their connection with the autobiographical context.

In sum, the published reviews are of interest not only to historians, philologists, and cultural scholars, but also to all those enthralled by Russia and Russian culture.

Yulia Zapariy

Alexey Antoshin

Ural Federal University, Yekaterinburg

Translated by Anna Dergacheva

Тесная связь политики и пропаганды очевидна, но лишь в XX в. стали очевидны их мощь и зачастую разрушительная сила, которую государства использовали как инструмент обеспечения своих национальных интересов. Современное российское общество до сих пор сохраняет интерес к лозунгам, визуальным образам и мифологемам советского периода. Как влияли на людей внешнеполитические стратегии и пропагандистские установки, какими методами формировались массовые убеждения, как идеология воздействовала на принятие решений политическими элитами – все эти вопросы затрагиваются авторами настоящего номера.

История советской внешней политики относится к числу не только наиболее значимых, но и чрезвычайно непростых для исследования сюжетов современной отечественной историографии. Зависимость от концептуальных разворотов, совершаемых политиками и дипломатами, придает многим работам идеологизированный

и конъюнктурный характер. Продолжаются их битвы на страницах мемуарной литературы и в СМИ. Все вышесказанное еще более актуально для проблематики, связанной с постсоветской эпохой. Данное обстоятельство делает нелегкой задачу применения принципов научного анализа при осмыслении современной истории.

Содержание данного номера представляет собой результат своеобразного эксперимента редакционной коллегии, приведший к изменению привычного формата – соединению исторических сюжетов с аналитикой современных политических процессов. Благодаря усилиям приглашенного редактора Андрея Сушенцова, директора Института международных исследований МГИМО Университета МИД России, материалы рубрик *Problema voluminis* и *Scientia et vitae* вплетают политические реалии современности в многомерный исторический контекст.

Мемуары сэра *Родрика Брейтвейта*, историка и дипломата (Букингемский университет, Великобритания), представляют собой сплав мнений ученого и практика. Эта статья – уникальный источник по истории советской внешней политики. Опираясь на свой опыт, автор, который в годы перестройки был послом Великобритании в СССР, создает объемную панораму эпохи холодной войны, высказывается о роли разведки и о специфике отношений между Россией и Западом. Представленная в мемуарах информация не ограничивается рамками второй половины 1980-х гг. Большой интерес, в частности, представляют воспоминания автора о его встречах в Вене в начале 1950-х гг. с перебежчиками из-за «железного занавеса». Идеи сэра Р. Брейтвейта, автора нескольких книг по истории Второй мировой и холодной войн, служат своеобразным прологом к рубрике *Problema voluminis*.

Проблема номера генерируется вокруг вопроса о стратегических основаниях внешней политики России и значимости опыта участия российского государства в локальных конфликтах. В беседе директора Института международных исследований МГИМО Университета *Андрея Сушенцова* с известным теоретиком международных отношений и одним из основоположников неоклассического реализма Уильямом Уолфортом (США) представлены концептуальное осмысление оснований стратегической культуры СССР и России, а также оценка современного состояния российско-американских отношений. В интервью показано, как формировался исследовательский интерес У. Уолфорта к России и насколько важен анализ ключевых исторических событий для понимания внешней политики. По мнению одного из крупнейших в своей области ученых, политические элиты принимают решения исходя из присущей им «стратегической культуры или ментальной модели». Ментальная модель, в свою очередь, в значительной степени определяется историческим и современным значимым для государства опытом.

Тема принятия решений политическими элитами, проблема определения «стратегий входа» в конфликтные ситуации рассматриваются авторами рубрики на примере самых значимых локальных войн последних десятилетий – Афганской и Чеченской.

Василий Христофоров (Российский государственный гуманитарный университет, Москва) и *Юлия Гусева* (Самарский филиал Московского городского педагогического университета), опираясь на материалы Центрального архива ФСБ России, анализируют стратегические установки и тактические приемы действий ограниченного контингента советских войск в Афганистане. Авторы статьи приходят к выводу, что советская военная стратегия в Афганистане на первом этапе была «ориентирована на блицкриг» и ставила перед собой ограниченные цели, а ее долгосрочные последствия в момент принятия решения о вводе войск в значительной степени игнорировались. Опыт разговора с политическими сателлитами с позиции силы предопределил непоследовательность «афганской» политики СССР, заключают исследователи.

Статья *Ивана Сафранчука, Андрея Казанцева* (МГИМО Университет, Москва) и *Рустама Махмудова* (Университет мировой экономики и дипломатии, Ташкент, Узбекистан) посвящена «долгому эху» Афганской войны, которое продолжает определять стратегическую культуру современных политических элит. Авторы анализируют различные интерпретации этой войны в мемуарной и исследовательской литературе и прослеживают эволюцию ведомственной трактовки событий. Сопоставляя подходы, характерные для трудов военных и разведчиков, исследователи показывают, что даже одни и те же авторы корректировали свои взгляды в сочинениях разных лет. Данная статья представляет собой уникальный анализ политики памяти в отношении Афганской войны в современной России.

Проблематика интерпретаций российской внешней политики в американской литературе представлена также в статье *Андрея Сушенцова* и *Никиты Неклюдова* (МГИМО Университет, Москва). Они исследуют способы, которыми американское академическое сообщество анализирует российский опыт ведения конфликтов в Афганистане, Чечне, а также постконфликтного урегулирования. Вопрос урегулирования локальных конфликтов занимает особое место в исследованиях, посвященных внешней политике России. По мнению российских международных экспертов, именно на этом исследовательском поле нередко сталкиваются позиции американских ученых, которые принадлежат к различным научным школам.

Проблема стратегии выхода из конфликта представлена статьей *Александра* и *Юлии Никитиных* и *Ирины Болговой* (МГИМО Университет, Москва), в которой исследуется роль неправительственных организаций в урегулировании этнополитических конфликтов на постсоветском пространстве. Авторы анализируют процесс создания и деятельности «Федерации мира и согласия» – преемницы советского Комитета защиты мира. Опираясь на архивные материалы, они приходят к выводу, что для первой половины 1990-х гг. была характерна высокая степень взаимодействия между министерствами и общественными объединениями. Именно в этот период представители военной

элиты проявили готовность обсуждать острые конфликтные ситуации и применять международные стандарты. Диалог элит и общественных организаций усилил позиции межгосударственной дипломатии и позволил российским неправительственным организациям сыграть реальную практическую роль в урегулировании ряда этнополитических конфликтов в СНГ.

Продолжает «негосударственный вектор» темы локальных конфликтов *Андрей Лямзин* (Уральский федеральный университет, Екатеринбург). В представленном им материале опыт конкретного человека вплетается в историю регионального конфликта, оказавшего существенное воздействие на динамику биполярного противостояния. «Личностное изменение» позволяет дополнить и скорректировать представленные в официальных документах дискурсы. Это придает дополнительную актуальность интервью автора с главой Уральского отделения общества ветеранов войны во Вьетнаме Валерием Скоряком. Рассказ советского офицера об особенностях военной повседневности, об отношениях советских военнослужащих с вьетнамским населением будет интересен для любителей военной истории.

Одной из центральных тем номера является феномен пропаганды. Исследования специалистов в области теории политической коммуникации показывают, что именно период Первой мировой войны стал временем его актуализации, когда противоборствующие стороны начали активно применять методы информационной войны. И «советская цивилизация», во многом ставшая продуктом этой эпохи, неотделима от феномена пропаганды. Предложенные в номере материалы показывают, что данное явление пронизывало всю историю советского общества. Первоначально усилия большинства были направлены на борьбу с негативными образами В. И. Ленина, представленными в издававшейся их оппонентами прессе. Этому посвящена статья *Владислава Аксенова* (Институт российской истории РАН, Москва). Историк доказывает, что в антибольшевистской прессе происходили мифологизация и демонизация образа В. И. Ленина, однако это не принесло желаемого эффекта. Множественность изображений (Ленин-предатель, Ленин-черносотенец и др.) не позволяла сформировать единый негативный образ большевистского вождя. К тому же многие сконструированные в СМИ образы В. И. Ленина не были рассчитаны на обывателя, а ориентировались на информированную часть общества.

Исследователями давно отмечен тот факт, что многие тенденции, характерные для культурного процесса советской эпохи, имели свои истоки в предреволюционном периоде. Этому сюжету посвящена статья *Ильи Печенкина, Юлии Старостенко и Анны Вяземцевой* (Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства, Москва). Анализируя архитектурную жизнь революционных лет, авторы показывают, что процесс формирования новой идентичности советских зодчих начался еще до революции 1917 г.

Как показывает в своей статье *Тимофей Раков* (Тюменский государственный университет), образ Ленина, став частью идеологического дискурса, активно использовался в политических дебатах 1920-х гг. Ленинизм довольно быстро превратился в способ легитимизации политики в СССР. В то же время он не был некоей навязанной сверху идеологемой или бессодержательным ритуалом. Как показывает автор, рядовые коммунисты воспринимали его буквально как средство борьбы с «уклонами».

Проблематика советской пропаганды межвоенной эпохи продолжена в статье *Юлии Козицкой* (Высшая школа экономики, Москва) о поэме «Белый медведь», написанной казахским поэтом Сабитом Мукановым и посвященной челюскинцам. Анализируя перевод поэмы на русский язык, автор показывает, какие образы использовали автор и переводчик для воплощения темы советского героизма и усиления глоризации Сталина.

Весьма популярный среди исследователей сюжет – пропаганда в советском кинематографе – представлен в статье *Рины Липидус* (Университет Бар-Илан, Рамат-Ган, Израиль). Автор нашла неожиданный ракурс: анализ роли трактора в формировании идеала мужественности в советской пропаганде. По ее мнению, эротические мотивы широко представлены в таких известных лентах, как «Трактористы», «Кубанские казаки» и др.

Фактор пропаганды играл особенно значимую роль в годы холодной войны, причем, конечно, не только в политике СССР. В статье *Олега Рябова* (Санкт-Петербургский государственный университет) представлен глубокий анализ конструирования образа советского врага в американском кинематографе. Автор показывает, что тенденции дегуманизации и демонизации идеологического противника нередко были присущи американским деятелям искусства.

Особое место в данном номере занимает большое интервью *Ларисы Соболевой* и *Евгения Алексева* (Уральский федеральный университет, Екатеринбург) с выдающимся отечественным художником Виталием Воловичем (рубрика *Origines*). В центре статьи – сюжеты, связанные с монструозностью в творчестве В. Воловича. Однако несомненный интерес представляют воспоминания мастера о военном Свердловске, о встречах с П. П. Бажовым, М. С. Шагинян и другими деятелями культуры. Малоизвестны широкой аудитории и представленные в интервью страницы биографии художника, связанные с гонениями на него в советское время, с обвинениями в формализме. Состоявшееся незадолго до смерти мастера в 2018 г., данное интервью бесспорно вызовет интерес у читателей журнала.

В рубрике *Conceptus et conceptio* тематика конфликта и пропаганды, влияния исторического опыта на внешнюю политику получает дальнейшее развитие.

Исследователи, работающие над различными вопросами отечественной истории, неизбежно обращаются к проблеме исторической поли-

тики в современной России. Ее отдельные аспекты затронуты в статье академика РАН *Александра Чубарьяна* (Государственный академический университет гуманитарных наук; Институт всеобщей истории РАН, Москва). Выделяя ключевые темы отечественной истории (происхождение Древнерусского государства, специфика имперского периода, русская революция, советская модернизация, история культуры и повседневности), автор показывает разнообразие подходов, представленных по этим сюжетам в современной российской историографии.

В статье польского историка *Марека Масныка* (Опольский университет, Польша) прослеживаются формирование и развитие «западной идеологии», призванной дать обоснование прав на территории, потерянные в результате Прусского раздела, и на защиту интересов польского населения, проживавшего на территории Германии. Историк показывает, что германофильские настроения в качестве оппозиции просоветской ориентации были весьма распространены среди польских политиков и интеллектуалов. На протяжении всего межвоенного периода Польша геополитически находилась «между Германией и СССР», что во многом определяло интеллектуальный климат в этом государстве.

«Политика памяти» в странах Центральной и Восточной Европы вызывает ожесточенные дискуссии не только в академической среде, но и далеко за ее пределами. Это придает дополнительную актуальность труду известного венгерского историка *Тамаша Крауса* (Будапештский университет, Венгрия), посвященному мифологизации событий Второй мировой войны в венгерской историографии. Исследователь доказывает, что венгерские солдаты несли ответственность за геноцид мирного населения на оккупированных территориях СССР. Дискуссионная статья, значительная часть которой представляет собой полемику автора с венгерским историком К. Унгвари, несомненно вызовет интерес у читателей. Ее продолжение готовится к публикации в третьем номере журнала.

Ряд материалов номера, публикуемых в рубрике *Disputatio*, связан с проблематикой социальной истории и истории повседневности советской эпохи. Так, *Сергей Затравкин* (Национальный научно-исследовательский институт общественного здоровья имени Н. А. Семашко; Высшая школа экономики, Москва), *Елена Вишленкова* (Высшая школа экономики, Москва) и *Елена Шерстнева* (Национальный научно-исследовательский институт общественного здоровья им. Н. А. Семашко, Москва) обратились к анализу реформы советского здравоохранения 1930-х гг. Доказывая, что реформа была направлена на удовлетворение потребностей государства, а не общества, они характеризуют ее мероприятия как псевдозаботу о здоровье народа.

История Великой Отечественной войны представлена и в материале *Екатерины Постниковой* и *Виктории Волковой* (Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова), основанном на дневниках матроса-подводника Северного флота Г. И. Сен-

никова за 1943–1946 гг. Авторы анализируют жанровые и стилевые особенности дневника, психологические и ценностные установки автора, элементы самоцензуры, присущие его произведению.

Авторы номера вводят в научный оборот новые исторические источники. Так, *Антон Мохов*, *Андрей Шаманаев* и *Карина Капсалькова* (Уральский федеральный университет, Екатеринбург) обнаружили в Государственном архиве Свердловской области отчет об эвакуации коллекций Херсонесского музея-заповедника в Свердловск в 1941 г. Авторы живо рисуют картину того, как героизм и умение принимать самостоятельные решения в экстремальной ситуации помогли советским ученым спасти для науки ценные экспонаты.

В разделе *Controversiae et recensione*s представлены отклики на ряд монографий российских и зарубежных авторов, затрагивающих различные сюжеты истории советского общества. Так, *Владимир Ильиных* (Институт истории Сибирского отделения РАН, Новосибирск) обратился к анализу книги А. П. Килина, вышедшей в издательстве Уральского университета и посвященной эпохе НЭПа. Он отмечает, что автору удалось показать НЭП как модель многоукладной экономики, в которую был органично вписан феномен частной торговли.

Михаил Шматов (Новосибирский национальный исследовательский государственный университет) в рецензии на книгу работающей ныне в США Ольги Великановой отмечает, что последняя обосновала существование в реалиях СССР середины 1930-х гг. явления массовой политической культуры. При этом подчеркивается умелое использование автором монографии разнообразных исторических источников (от официального законодательства до личной переписки).

Алексей Антошин (Уральский федеральный университет, Екатеринбург) обращает внимание читателей на выход в свет в Австралии книги преподавателя Университета Южного Квинсленда Джейн Пешен, посвященной судьбам на «зеленом континенте» представителей второй волны советской эмиграции. Отмечается введение автором в научный оборот большого комплекса документов из австралийских архивов, которые ранее не использовались исследователями данной темы.

Наконец, *Елена Проскурина* (Институт филологии Сибирского отделения РАН, Новосибирск) анализирует труд К. С. Когут и Н. П. Хрящевой, посвященный поэтике позднего драматического творчества А. Платонова. Исследователь отмечает, что в рецензируемом сочинении показано сюжетное своеобразие драм А. Платонова, их связь с автобиографическим контекстом.

Думается, что публикуемые рецензии, как и другие материалы номера, представляют интерес не только для специалистов-историков, филологов, культурологов, но и для всех, кто интересуется судьбами России и русской культуры.

Юлия Запарий
Алексей Антошин

Уральский федеральный университет, Екатеринбург

Scientia
et vita

Sir Rodric Braithwaite is giving a lecture. Photograph taken by Association of Schools of Political Studies of the Council of Europe. 2018

Scientia
et vita

DO HISTORY LESSONS EVER PAY OFF? A DIPLOMAT'S MEMOIR*

Rodric Braithwaite

University of Buckingham,
Buckingham, United Kingdom

Sir Rodric Braithwaite was educated at Christ's College, University of Cambridge, from where he went to serve in HM Diplomatic Service, having worked in Jakarta, Moscow, Washington, Warsaw, Rome, and Brussels, where he was a member of the British delegation to the European Community. From 1988 to 1992, Sir Rodric served as HM Ambassador in the Soviet Union during the decisive years of the Perestroika and the first British ambassador in Russia. Subsequently, he was appointed foreign policy adviser to the Prime Minister in the second John Major ministry and chaired the UK Joint Intelligence Committee between 1992 and 1993. He was appointed Knight Grand Cross of the Order of St Michael and St George (GCMG) in 1994. As a career diplomat, Sir Rodric gained decades of insight into the troubled relations between Russia and West, having taken part in numerous negotiations on arms control. His affinity with the decision-making circles in both Russia and Britain alongside with the mastery of the Russian language allow him to skillfully dissect the underlying causes of ups-and-downs in Moscow's relationship with the West, employing the works of both English- and Russian-speaking analysts. Among his recent books are *Across the Moscow River* (2002), *Moscow 1941: A City and Its People at War* (2006), *Afgantsy: The Russians in Afghanistan, 1979–1989* (2012), *Armageddon and Paranoia: The Nuclear Confrontation* (2017). In this essay, Sir Rodric reminisces of the years spent as a diplomat and provides his view on the usefulness and applicability of historical lessons while devising a foreign policy course.

Keywords: Russian foreign policy; Cold War; diplomatic relations; memoir.

Представлено эссе сэра Родрика Брейтвейта, выпускника Колледжа Христа Кембриджского университета. После завершения учебы он поступил на службу в Министерство иностранных дел Великобритании и занимал дипломатические посты в таких городах, как Джакарта, Москва, Вашингтон, Варшава, Рим и Брюссель; в последнем он работал в качестве члена британской делегации в Европейском сообществе. В 1988–1992 гг. сэр Родрик был послом Великобритании в СССР в ходе решающих лет перестройки

---

* *Citation:* Braithwaite, R. (2020). Do History Lessons Ever Pay off? A Diplomat's Memoir. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 2. P. 355–366. DOI 10.15826/qr.2020.2.467.

Цитирование: Braithwaite R. Do History Lessons Ever Pay off? A Diplomat's Memoir // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 2. P. 355–366. DOI 10.15826/qr.2020.2.467.

и впоследствии стал первым британским послом в Российской Федерации, позднее был назначен советником премьер-министра по внешней политике во втором кабинете Джона Мейджора, в 1992–1993 г. возглавлял Объединенный разведывательный комитет Великобритании. В 1994 г. был титулован рыцарем Большого Креста ордена Святых Михаила и Георгия. Будучи ветераном дипломатической службы, сэр Родрик в течение многих десятилетий был близко знаком с основными вопросами непростых отношений между Россией и Западом, в том числе принимал участие в многочисленных переговорах по контролю над вооружениями. Его контакты в политическом истеблишменте как России, так и Великобритании, а также владение русским языком позволяют ему точно анализировать причины взлетов и падений в отношениях Москвы с западными соседями, привлекая работы англо- и русскоязычных аналитиков. В числе его недавних работ – *Across the Moscow River* (2002), *Moscow 1941: A City and Its People at War* (2006), *Afgantsy: The Russians in Afghanistan, 1979–1989* (2012), *Armageddon and Paranoia: The Nuclear Confrontation* (2017). В настоящем эссе сэр Родрик проводит обзор своей дипломатической практики и рассуждает о пользе и применимости исторических примеров во внешней политике.

Ключевые слова: внешняя политика России; холодная война; дипломатические отношения; мемуары.

Making good policy and writing good history require above all an understanding of the way human beings actually behave. The best politicians are aware of the historical context in which they operate. The best historians help them to understand it.

I spent forty years of my life in government service dealing with my country's relationships with the outside world. I learned a great deal, and I was almost never bored. And I wrote a lot, too: records of official meetings, reports on the politics of the countries where I worked, policy recommendations for Ministers. I greatly enjoyed writing: trying to say exactly what I meant, as briefly and clearly as I could, with no superfluous words, no official jargon, so that my reader would take account of what I said.

I went on writing after I retired: newspaper articles, conference papers, books on historical subjects. I had no scholarly qualifications and I began badly – I gave up history at school at the age of fourteen. I've never written an academic dissertation or a doctorate. I've never worked as a professional historian. I haven't spent my life working in the archives. But what I now write has certainly been illuminated by what I saw when I was working in the bureaucracy.

Watching It Happen

From 1950 to 1952 I was a conscript in the army. I started in the infantry, and was then sent to a very small military intelligence unit in Vienna. There were only thirteen of us, under a single officer, a captain in the regular army who drank too much. We worked and lived in civilian accommodation in the

middle of Vienna, we wore civilian clothes, and we had very little to do with conventional military life. Half my colleagues were regular soldiers. They ran agents and dealt in secrets. The rest of us were conscripts. We were not allowed near the secrets. But the things we did deal with were still very interesting.

Europe was still in ruins. Millions of refugees across the continent were still looking for a home. Vienna was deep inside the Soviet zone of occupation in Austria, rather like Berlin in Germany. We, the Soviets, the Americans, and the French each occupied a separate bit of the city. I met my first Soviet citizen there: Lieutenant Pivovarov of the GRU. But unlike Berlin, the city was never divided: we and the Austrians could go wherever we liked without having to pass through checkpoints. I spent my free time going to the opera and the theatre, and exploring the city. I soon knew it like the back of my hand.

My job was to interview people who had escaped from Eastern Europe and wanted to emigrate to Britain, Australia, South Africa, and Canada. Most had tragic histories. Many were Jewish and had lost their families in the Holocaust. Others had opposed Communism, and had escaped before they were arrested. There was already a literal Iron Curtain across Europe: a line of barbed wire and mines and watchtowers with machine guns. Many of those I interviewed had sold all they had to bribe guides who knew their way through the obstacles. Now they were desperate to get out of Vienna and start their lives anew.

The procedure will be familiar to Russian readers. My job was to discover if the applicants were spies or criminals. So I first took them through their autobiographies. If they seemed suspicious, I had to recommend that they be refused a visa. I was nineteen years old, too young to judge. But I felt the responsibility very keenly, and I turned down as few people as I could.

There were two useful by-products. I learned a very great deal about the recent history of Eastern Europe. And watching my colleagues manage their secret agents made it easy to turn down later offers of work from the British intelligence agencies.

I then studied Russian at Cambridge. Of course I couldn't get to the Soviet Union: Stalin was still in charge. But I wanted to work abroad, to understand the local politics, learn the language, and get to know as many people of all kinds as possible. I wasn't interested in business, so the Foreign Office seemed the obvious choice. None of my family had ever been in government and I worried that diplomacy would be too snobbish. I needn't have done: I never regretted my choice. I worked and lived in Indonesia, Poland, Italy, Russia, America. I dealt with the European Union and with NATO. I was ambassador in Moscow in 1988–1992. I was then briefly foreign policy advisor to Prime Minister John Major and chairman of the Joint Intelligence Committee, a less glamorous body than it sounds.

Policymaking and Scholarship

All that gave me a good insight into the way governments work.

Outsiders often think that government is an orderly business, that politicians devise rational policies based on privileged information, which they then have the power to implement.

The reality is much more messy. Even the most powerful politicians have to choose between incompatible objectives. They make the wrong choice, or do nothing because it seems safer. They have to frustrate the intrigues of their political rivals. Even in authoritarian systems they cannot always get their way, and have to work to retain the support from the public. They cannot make plans for the future because they are too busy coping with the crises of today. So they stumble forward as best they can. Even Bismarck, effective and calculating though he was, is supposed to have said that the best a statesman could do was to hear the distant hoof beat of history – and then, by a superhuman effort, to leap and catch the horseman by the coat-tails [Berlin].

Individual politicians do of course have a great influence on events. The world would be a very different place if Peter the Great, Mao Tse Tung, Stalin, Churchill, and Roosevelt had never existed. But even they were much constrained by circumstance, and we should never forget that. Absolute power does not exist.

To function effectively, governments need to have a common understanding of what they are trying to achieve. This may be an explicit ideology, as it was in the Soviet Union. It may be a set of common assumptions, as it is in America. But something is always there. In the Foreign Office, there was a consensus around a few central questions. The Soviet Union was irredeemably hostile, military and politically effective. So it needed to be opposed: that was the basis for our alliance with the United States and NATO. Britain needed to be a member of the European Union to retain its influence and prosperity. Economic liberalism was the only sensible way of organising a country's economy.

It's called "groupthink" or "confirmation bias". None of us are free from pressure, open or hidden, to think the same as those around us. Only the bravest and most independent-minded can escape from it.

Governments, like individuals, need reliable information on which to base their actions. Much is publicly available. Some can only be obtained by secret means: not surprisingly governments set up intelligence agencies for the purpose. Thanks to James Bond, John Le Carre, and Sterlitz, spies have acquired a romantic aura, and their effectiveness is popularly exaggerated.

But whether open or secret, the information needs to be accurate and timely, and properly analysed and acted on by the recipient. Stalin was caught out by the German invasion because he refused to believe his intelligence agencies. The United States and Britain attacked Iraq in 2003 on the basis of inaccurate intelligence that Saddam had weapons of mass destruction. There are innumerable other examples.

Moreover "intelligence" cannot predict the future. Western intelligence agencies were heavily criticised for failing to foretell the Chinese Communist victory in 1949 and the fall of the Shah in 1978. In April 1989 a CIA analysis said that the Soviet Union would remain the main threat to the United States for the next 20 years. Less than three years later the Soviet Union had ceased to exist.

That was groupthink at work. Western analysts could see Soviet military strengths only too easily. They failed to set that off against Soviet

weaknesses, which were also there to see if you bothered to look. But as the US Congress remarked in 1993 "Policymakers and private citizens who expect intelligence to foresee all sudden shifts are attributing to qualities not yet shared by the deity with mere mortals" [Report of the Oversight and Investigations Subcommittee of the Committee on Armed Services, p. 2]. You must not expect more from intelligence than it can deliver.

Ray Garthoff, a wise CIA analyst who studied at Leningrad University, believed that *'the inability to empathize with the other side and visualize its interests in other than adversarial terms'* was one reason why American analysis often got the USSR wrong. He added that an American official who departed from *'the implicit stereotypical cold war consensus'* risked damaging his career. Such inhibitions reached to the highest levels. During the Cuba crisis John Kennedy tried constantly to see events through Khrushchev's eyes. But he warned a journalist that even for him it was politically unwise to show too much understanding of Khrushchev's problems [Braithwaite, 2017, p. 233].

Empathy is as important for a historian who wants to understand the past as it is for a diplomat who wants to understand the present. During the Cold War think tanks in Britain and America produced papers based on deep thought and careful research that practising officials and ministers could not afford to ignore.

The best academic historians know this perfectly well. One fine example is Richard Ullman's beautifully written and documented book about Anglo-Soviet relations after the revolution [Ullman]. When it came out, the Ministry of Defence tried to prosecute him for violating official secrets, but gave up when they discovered all the papers were available in Oxford University, where they had been illegally deposited years earlier by Prime Minister Lloyd George. In riveting detail Ullman shows Lloyd George and his colleagues in action: ignorant, prejudiced, emotional, and muddleheaded – just like the rest of us. Ministers and politicians in other countries are unlikely to be much wiser than they are in Britain.

But the usefulness of academic history is undermined if it becomes enslaved to fashionable theory: realism, neorealism, idealism, post-modernism, game theory, mathematical modelling. Human behaviour is too complex to be pinned down by abstractions. Young historians do better to spend time out in the world, working in a political party, a bureaucracy or in business, observing how human beings actually behave. They will bring back to their scholarly writing a deeper and more understanding idea of reality.

The Russia Connection

When I was born my father was working as a conductor in one of the London opera houses. His colleague Lawrence Collingwood studied music in St Petersburg before the First World War and married a Russian woman with a very powerful personality. We spent family holidays in their little cottage outside London, which they had converted into a Russian dacha: «там Русью пахло».

I studied Russian in Cambridge from 1952 to 1955. My wife Jill and I lived in Moscow from 1963 to 1966. Friendships between foreigners and

Soviet citizens were then officially discouraged. But we travelled the length and breadth of the country, from Vilnius to Nakhodka, from Yakutsk to Samarkand and Erevan. We hitchhiked in Georgia past busts of Stalin which stood in every village even though Khrushchev had just denounced him. We had brief but revealing conversations with people we met on the way: the old peasant woman who asked if we were Christians or some kind of Catholics; the gallant amateurs performing Leoncavallo's opera *Pagliacci* in the Seamen's Club in Nakhodka in the aftermath of a typhoon; the young man who defied the restaurant manager in Sochi so that Jill could teach him the twist.

We returned in 1988 to a Russia transformed, where we were at last able to have real friends and uninhibited discussions about life and politics. Jill came into her own. She spent weekends helping the nuns restore the Tolga monastery outside Yaroslavl. She stood with Russian friends outside Yeltsin's White House in August 1991 on the night when three young men were killed. It was not what an ambassador's wife should do, but I was proud of her courage and her determination to stand up for what she believed. After we left Moscow she regularly returned to Russia to support Russian friends in their projects for the care of backward children and the elderly, and for developing the skills of Russian social workers. She died in 2008, and I wrote a private tribute to her called *Coming of Age in Warsaw* (2014), because that is where we met as young diplomats.

Over all those years, like so many other foreigners, we became entranced with Russian culture, Russian architecture, the Russian countryside, and the Russian people.

My books all reflect that fascination. Most British people are intrigued and confused by Russia. I wrote to help the ordinary British reader to understand Russian history, and the way Russian people think about it. As a foreigner I am badly qualified to pontificate about what Russians feel. But I hoped that any Russians who read my books would at least think I had tried to be fair, even if they did not agree with me.

My first book *Across the Moscow River* (2002) was an attempt to convey and analyse the dramatic events which transformed the Soviet Union between 1988 and 1992 [Braithwaite, 2002]. It was heavily based on the diary I kept while I was there.

The Soviet system had been in trouble since Khrushchev's day. The politburo chose Gorbachev in 1985 because they thought he was the man to put things right: young, energetic, imaginative and, they hoped, orthodox. But he had his own ideas. He set out on a program of far-reaching political and economic reform to turn Russia into what our Moscow friends called "a normal country", open, prosperous, at peace with itself and the rest of the world. And he was determined to do it without the bloodshed which had marred so many previous Russian attempts at reform.

It did not turn out like that. Gorbachev has been much criticised for his failure to get on top of the economic problem, and for his inability to prevent the Soviet republics choosing independence as soon as they could. He is now reviled by many of his countrymen as the author of the disasters that

descended on Russia in the 1990s, the collapse of a great state in circumstances that reminded them of the terrible precedents of the Time of Troubles in the seventeenth century, and the revolutions and civil war of the twentieth.

But to lay all the blame on one man reflects a flawed understanding of what happened and what was possible. The political and economic structure of the Soviet Union was in decay. Its ideology had lost its worldwide appeal. The cost of maintaining military parity with America was becoming unsustainable. No one leader could have accomplished what was needed to put all that right. Gorbachev's critics have not convincingly proposed a better course. The "Chinese alternative" is implausible: the two cultures are too different, and Russia remains too bound up with Europe in too many ways. I hope that future Russian historians will treat Gorbachev with greater justice.

War and Peace

Three of my later books have been about war.

I was seven years old when the second world war began. I remember much of it in vivid detail. The British and the French went to war with Germany to honour the futile guarantee they had given to Poland. America was still firmly neutral and the Soviet Union was Hitler's ally. In the terrifying summer of 1940 we were saved from German invasion by the miraculous rescue of the defeated British Army from Dunkirk and the RAF's crucial victory over the Luftwaffe. In 1941–1942 Hitler made the fatal mistake of invading Russia, the BBC reported hourly on the battle of Stalingrad as the Germans crept closer to the Volga, and German submarines sank so many food ships in the Atlantic that Britain came close to starving. There followed the exhilarating years of victory, the spectacular seaborne invasion of France in 1944 and the fall of Berlin to Zhukov and Koniev in the spring of 1945. I was thirteen when I read the newspaper reports of the nuclear destruction of Hiroshima.

Since then I've had plenty of time to think about humanity's appalling willingness to wreak destruction and death on itself. War is endemic, unavoidable, central to human experience. It raises the ultimate questions of good and evil, of why men fight, why they become heroes or cowards, why even decent men commit appalling atrocities. Even victory is purchased at too high a price.

The British are proud of what they did in the war. But they have very little feeling for the scale of the fighting in the east, and of the absolutely decisive contribution which Russians made to the final victory. I hoped I could help to rectify that. My second book, *Across Moscow 1941: A city and its people at war* (2006), was intended to give British readers a sense of the scale of the Soviet victory, and of what the war was like for ordinary Russians [Braithwaite, 2006]. I read a great deal, watched the Soviet films of the day, and interviewed nearly a hundred people who shared their memories of that year: veterans, women factory workers, famous film stars, children, city officials, people who had been German camps, in the Gulag and in punishment battalions. By then the people who surrounded Stalin in 1941 were dead: but I interviewed their children.

Afgantsy (2011) was about the Soviet war in Afghanistan [Braithewaite, 2011]. I was working in London when it started. We told a visiting Soviet minister that invading Afghanistan was not a sensible thing to do: we had tried it in the 19th century and it had not worked. He said that this time it would be different. The Americans said the same when they too invaded Afghanistan in 2001.

The Western line that the Soviets had brutally invaded Afghanistan in order to impose Communism, but had been ignominiously defeated by the gallant mujaheddin with the decisive assistance of the Americans. I suspected it was not that simple, so I set out to discover what had actually happened, what the Russians had thought they were trying to do, and what impact the war had on Soviet society and on Soviet soldiers.

Once again I watched the films, read a great deal and interviewed those who had been there. Documents were beginning to emerge. Soviet soldiers and journalists had written histories, memoirs, and some excellent fiction. I interviewed generals, diplomats, scholars, civilians, women, and conscripts. It helped that I too had been a conscript, though I had never been in battle. I started from the assumption that the Soviet Army might be different from the British Army, but that soldiers are much the same everywhere. They experience the same hardships, the same fear, the same comradeship. They are not interested in the political background to their war, they do not trust their politicians, and they are convinced that the civilians back home will never understand what they went through. I was not surprised to discover that Soviet soldiers in Afghanistan were more concerned with getting through the day, and with surviving the fighting, than with grandiose ideas about saving their Afghan allies or promoting the communist way of life.

Of course there were brutalities on both sides. In war there always are:

Armies are institutions for organising and channelling violence in the pursuit of some concept of the national interest", I wrote. "They help to focus the emotions of patriotism, self-sacrifice, and solidarity which states need for their coherence and sometimes for their survival. Violence is not easy to control, and armies have to cope with violence within their own ranks as well as atrocities against the enemy and the civilian population. Otherwise they risk a breakdown of discipline and a loss of function.

It is a problem which has been faced by the commanders of all armies throughout history.

There was a myth in the West that disagreement in the authoritarian Soviet system was impossible. That was oversimple even in Stalin's day. Many people inside the Soviet government criticised the decision to invade Afghanistan. Within months the government itself was looking for a way out. But it is always easier to start a war than to finish it, and the whole business took nine years. The war brought great suffering to the Afghan people, and it helped to undermine support in the Soviet union for the regime. But the error was far from unique. There was much in common

between the reasoning of those who took the Soviet Union into Afghanistan and those who took America into Vietnam.

My last book, *Armageddon and Paranoia* (2017), was about the nuclear confrontation. I never thought there was much sense in the idea that we can defend ourselves against a nuclear enemy by threatening to wipe out tens of millions of his people, even though our own country would be entirely destroyed in retaliation. Writing a book was a way of sorting out my ideas.

The Soviet side of the story was better documented than I expected. There were hosts of memoirs and diaries, a few histories, and a mass of documents [Атомный проект СССР. Документы и материалы], including many references to intelligence about the Americans' Manhattan Project which had produced the Hiroshima bomb. In the early 1990s some former Soviet intelligence officers claimed that the Soviet weapons project could not have succeeded without their secret information about the American project. Yuli Khariton, the brilliant scientist and administrator who headed the Soviet project for nearly four decades, rightly argued that Soviet scientists were equal of any in the world, and that the intelligence was helpful but no more [Braithwaite, 2017, p. 222].

The attitudes of people on both sides of the Iron Curtain to the prospect of nuclear war turned out to be very similar, a mixture of fatalism and great fear. There were three lessons to be drawn. First, that the confrontation was very dangerous, because the systems on both sides were and remained vulnerable to accident, even if no one wanted a nuclear war. Second, that none of us who have nuclear weapons are likely to give them up. But third, that despite their immense suspicion of one another, American and Soviet leaders did manage to negotiate agreements to control nuclear weapons, agreements which have been dangerously eroded over recent decades.

Disappointed Hopes: 1989 and After

All of us, in Russia and in the West, felt a huge sense of relief when the Cold War ended and a nuclear conflagration became a distant nightmare. Nations and would-be nations in Eastern Europe and the Soviet Union were exhilarated to discover that they no longer had to do what Moscow told them.

In the West most of us really did hope that Russia would become open, prosperous, and democratic, a partner with whom we could cooperate to our mutual benefit. There was an overwhelming wave of goodwill towards Russia and a genuine desire to help Russia overcome the appalling difficulties which followed the Soviet collapse.

Many Russians find that impossible to believe. They are convinced that the West is conspiring to destroy Russia. Western dealings with Russia in the 1990s were too often triumphalist, insensitive and arrogant. But there is no serious evidence to justify the suspicion that West is pursuing any deliberate plan. Of course there are conspiracy theorists on both sides who are unable to shake off their Cold War attitudes. There is a great deal of disinformation flying about. None of that makes it easy to create the cooperative relationship which would benefit both Russia and the West.

We should not have been surprised by the way history reasserted itself after 1989. The terrifying black-and-white confrontation of the Cold War overshadowed everything else. Once the Cold War was over, ancient hostilities came out of the deep freeze: between Poles and Russians, between Ukrainians and Poles, between Armenians and Azeris, between Hungarians and Rumanians, within Czechoslovakia. Except in Yugoslavia most were resolved without conflict.

This was the background for one of the most contentious developments of the last three decades: the extension of western influence and the NATO alliance into areas which historically had been a matter of intense interest to Russia. The problem was simple enough. The countries of Eastern Europe had a long experience of Russian Imperial expansion. The Poles had more than once seen their country wiped off the map by Germany and Russia. It was not at all surprising that these countries sought refuge in NATO and the European Union once Russian power and influence were withdrawn.

Debate on the wisdom of the Western policy of enlarging NATO still continues in my country. But there were few realistic alternatives. There was strong domestic pressure throughout the West to bring in countries in the east to whom we had promised freedom and democracy for the previous three decades. By the middle of the 1990s the pressure was almost irresistible. But the actions of NATO and its members were muddled and insensitive. Western statesmen said ambiguous things which Russians interpreted as assurances that NATO would not enlarge. Russians resented the bombing of Serbia and the forcible liberation of Kosovo. They felt that the West was deliberately taking advantage of Russian weakness, and acting without regard for Russian feelings and interests. The outburst of nationalist feeling which accompanied Russia's return to the international stage after 2000 was understandable, even if some of its manifestations were unpleasant.

Some people now suggest that a better alternative would have been a system of European collective security in which Russia played an equal part. It seemed a good idea, but it was not practical. Russia was likely to become a major military power again, far more powerful than any other country in Europe. The other Europeans feared renewed Russian domination, and were determined to keep America in to ensure a balance. But the Americans would not contemplate any security arrangement in which they did not have the main voice. The result was and has remained a deadlock.

Europe's anxieties seemed justified when Russia annexed Crimea and stirred up trouble in East Ukraine. Almost no one in the West knew the history of the tangled thousand year relationship between Ukraine and Russia. They did not understand the ambitions, fears and emotions which lay behind the Russian action. But most felt that the Russian use of force was wholly inappropriate. Poles feared that they would once again be assaulted by Russia and betrayed by their allies, as they had been in 1939. Other Eastern Europeans felt the same. NATO had little choice but to react. The deployment of forces to the East, and the imposition of sanctions, was probably the least it could do. The Russian government called it a

provocation. But if their advisers did not warn them what was likely to happen, they were not doing their job.

The breakdown in the relationship between Russia and the West has reached absurd levels of emotion and paranoia on both sides. It also misses the point. The problem for the twenty-first century lies elsewhere: in the unstoppable rise of China, and the way America, Russia, and the rest of us adapt to that.

It does not have to be so. In 1995 the Americans held a ceremony to honour the memory of Robert Oppenheimer at Los Alamos, where he developed the bomb that destroyed Hiroshima. Yuli Khariton sent a moving message. He wrote:

Mindful of my role in the remarkable scientific and engineering achievements which led to humanity tapping into practically non-depletable energy sources, today, as a more mature person, I am not so sure that people are fully prepared to master this energy. I am aware of our part in the gruesome death of thousands of people and massive damage done to the environment of our common home the Earth. Words of repentance can change nothing. God willing our descendants will find both ways and the courage within themselves to strive for good without doing evil [Человек столетия: Юлий Борисович Харитон].

We need to revive that sense of mutual respect and shared responsibility if we are to reconstruct the agreements which kept us safe (though not very safe) during the Cold War, and mitigate the damaging divisions between Russia and the West today.

Conclusion: The Uses and Abuses of History

It is of course an illusion to think that we can draw literal lessons from history. History does not repeat itself – except perhaps, as Marx said, as farce. We do have a freedom of choice: nothing is wholly inevitable. But we are all constrained by geography, by our neighbours, by the limitations on our resources – and by history itself. Even the most practical politician needs to understand the mistakes made by his predecessors. Otherwise he will merely repeat them.

People need a common idea of their national history: it shapes their sense of identity and unity, without which a country can barely function. But what people think of as their national history is often largely a romanticised construction of heroic myths, very different from what scholars regard as proper history. In England we talk of “our island story”, a story of continuous victory and imperial expansion abroad, and the steady growth of democracy at home. Our move to leave the European Union is partly driven by nostalgia for a past when Britain was Great. Our television and our politicians’ speeches are full of references to the glorious time – what Churchill called our finest hour – when we were fighting Germany on our own. Glorious it certainly was. But it is irrelevant as a guide to tackling Britain’s problems in the 21st century.

Politicians exploit such myths not only in Britain but in America, Russia, China and everywhere else. They are a way of getting your people to back

you. Such was Milosević's notorious invocation of the Serbian defeat at the battle of Kosovo Pole in 1389 in order to arouse Serbian nationalism six hundred years later. That is why our politicians want their historians to write what they call "patriotic" history. It makes it easier for them to stoke politically convenient myths.

Those who want to write seriously about the past should take no notice. They should not deal in myths, but stick to what can be properly documented. None of us can escape the prejudices we were born with. There will always be room for different interpretations of the past. Attitudes will change from one generation to the next. It is for the reader to exercise his own judgement. That is why the writing of history will always be a perennial fascination, and why the kind of meticulously documented history at which the best Russian scholars excel is such a pleasure to read.

Список литературы

Атомный проект СССР : Документы и материалы : в 3 т. / под общ. ред. Л. Д. Рябева. Саров : ВНИИЭФ ; М. : Физматлит, 1998–2010.

Человек столетия: Юлий Борисович Харитон / под ред. В. Н. Михайлова. М. : ИздАТ, 1999. 664 с.

Berlin I. The Sense of Reality. L. : Chatto & Windus, 1996. 304 p.

Braithwaite R. Across the Moscow River: The World Turned Upside Down. L. : Yale Univ. Press, 2002. 384 p.

Braithwaite R. Moscow 1941: A City and Its People at War. L. : Profile Book, 2006. 464 p.

Braithwaite R. Afgantsy: The Russians in Afghanistan. L. : Profile Books, 2011. 432 p.

Braithwaite R. Armageddon and Paranoia: The Nuclear Confrontation. L. : Profile Books, 2017. 512 p.

Report of the Oversight and Investigations Subcommittee of the Committee on Armed Services // House of Representatives, One Hundred Third Congress, First Session. 16 August 1993. P. 2, note 2.

Ullman J. R. Anglo-Soviet Revelations 1917–1921 : 3 vols. Princeton : Princeton Univ. Press, 1961. 376 + 432 + 536 p.

References

Berlin, I. (1996). *The Sense of Reality*. L., Chatto & Windus. 304 p.

Braithwaite, R. (2002). *Across the Moscow River: The World Turned Upside Down*. L., Yale Univ. Press. 384 p.

Braithwaite, R. (2006). *Moscow 1941: A City and Its People at War*. L., Profile Books. 464 p.

Braithwaite, R. (2011). *Afgantsy: The Russians in Afghanistan*. L., Profile Books. 432 p.

Braithwaite, R. (2017). *Armageddon and Paranoia: The Nuclear Confrontation*. L., Profile Books. 512 p.

Mikhailov, V. N. (Ed.). (1999). *Chelovek stoletiya: Yulii Borisovich Khariton* [A Man of the Century: Yuli Borisovich Khariton]. Moscow, IzdAT. 664 p.

Report of the Oversight and Investigations Subcommittee of the Committee on Armed Services. (1993). In *House of Representatives, One Hundred Third Congress, First Session*. 16 August. P. 2, note 2.

Ryabev, L. D. (Ed.). (1998–2010). *Atomnyi proekt SSSR. Dokumenty i materialy v 3 t.* [The Atom Project of the USSR. Documents and Materials. 3 Vols.]. Sarov, Vserossiiskii nauchno-issledovatel'skii institut eksperimental'noi fiziki, Moscow, Fizmatlit.

Ullman, J. R. (1961). *Anglo-Soviet Revelations 1917–1921. 3 Vols.* Princeton, Princeton Univ. Press. 376 + 432 + 536 p.

The article was submitted on 02.12.2019

Problema voluminis

THE USSR AND RUSSIA IN INTERNATIONAL POLITICS
PROPAGANDA: AN ILLUSION OF SUCCESS

Андрей Сушенцов (слева) и Уильям Уолфорт (справа). 2019.
Фото Б. Ананьева

Andrey Sushentsov (left) and William Wohlforth (right). 2019.
Photograph taken by B. Ananyev

Problema voluminis

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ И РОССИЯ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ
ПРОПАГАНДА: ИЛЛЮЗИЯ УСПЕХА

THE USSR AND RUSSIA IN INTERNATIONAL POLITICS

DOI 10.15826/qr.2020.2.468
УДК 327(470)

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ И СТРАТЕГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА: ДИАЛОГ С УИЛЬЯМОМ УОЛФОРТОМ ОБ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ПАРАДИГМЕ*

Андрей Сушенцов
МГИМО Университет,
Москва, Россия

RUSSIA'S FOREIGN POLICY AND STRATEGIC CULTURE: A DIALOGUE WITH WILLIAM WOHLFORTH ABOUT THE RESEARCH PARADIGM**

Andrey Sushentsov
MGIMO University,
Moscow, Russia

This article contains a talk between Andrey Sushentsov, head of the MGIMO University Institute for International Studies and Professor William Wohlforth, a leading American international relations theorist and one of the founders of neoclassical realism. Having received his PhD in Yale, Wohlforth began his career as a specialist on Russia. One of his key works is the study of the driving forces behind the foreign policy of early USSR. His studies have also focused on the issue of the global balance of power and super-power dynamics. Overall, Wohlforth has authored or edited nine books and some 60 articles or chapters on a wide range of topics from US foreign policy strategy to the Cold War. Thus, the changes in Russian foreign policy and its global influence have always remained in the focus of Wohlforth's attention.

---

* Исследование выполнено при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (договор № 14.641.31.0002).

** *Citation*: Sushentsov, A. (2020). Russia's Foreign Policy and Strategic Culture: A Dialogue with William Wohlforth about the Research Paradigm. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 2. P. 369–381. DOI 10.15826/qr.2020.2.468.

Цитирование: Sushentsov A. Russia's Foreign Policy and Strategic Culture: A Dialogue with William Wohlforth about the Research Paradigm // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 2. P. 369–381. DOI 10.15826/qr.2020.2.468 / Сушенцов А. Внешняя политика России и стратегическая культура: диалог с Уильямом Уолфортом об исследовательской парадигме // *Quaestio Rossica*. Т. 8. 2020. № 2. С. 369–381. DOI 10.15826/qr.2020.2.468.

Wohlforth is currently a member of the Department of Government at Dartmouth College, mainly teaching and researching international security and foreign policy issues. Since 2018, he has been in charge of the Laboratory of International Trends Analysis at MGIMO which carries out applied research in the field of international issues. The talk considers issues concerning the strategic culture of Russian policy, focusing on the biographic and academic foundations of the scholar's interest in Russia, and his collaboration with Russian specialists.

Keywords: Russian foreign policy; international relations theory; balance of power; strategic culture.

Представлена беседа директора Института международных исследований МГИМО Университета Андрея Сушенцова и ведущего американского теоретика-международника, одного из основателей школы неоклассического реализма профессора Уильяма Уолфорта. Защитив диссертацию в Йеле, путь в науке Уолфорт начинал как специалист по России, а одной из его ключевых работ стало исследование движущих сил внешней политики раннего СССР. В его работах также затрагивались вопросы глобального баланса сил и динамики отношений между сверхдержавами. Профессор Уолфорт является автором или редактором девяти книг и порядка 60 статей или глав, посвященных широкому кругу вопросов – от внешнеполитической стратегии США до политики эпохи холодной войны. Изменения в российской внешней политике и степени влияния России на мировой арене неизменно оставались в фокусе внимания Уолфорта. С 2018 г. профессор Уолфорт руководит Лабораторией анализа международных процессов в МГИМО, где реализуются прикладные исследования международных проблем. В беседе затрагиваются вопросы стратегической культуры российской политики, раскрываются биографические и научные основы интереса американского исследователя к России, его взаимодействие с российскими специалистами.

Keywords: российская внешняя политика; теория международных отношений; баланс сил; стратегическая культура.

А. С. Как студенческие годы определили Ваш путь как ученого? Представляли ли Вы тогда свою карьеру иначе?

У. У. Мое обучение в небольшом колледже свободных искусств на Среднем Западе сыграло огромную роль. В Белойт-колледже была программа по международным отношениям с элементами политологии, экономики и истории. Я многие годы, если вообще не всю сознательную жизнь, интересовался международной политикой, так что поступление в колледж было сродни исполнению мечты. На вводном курсе по международным отношениям мы читали «Политические

отношения между нациями» Ганса Моргентау. Поначалу я эту книгу просто терпеть не мог! Она была написана тяжеловесным языком и казалась совершенно непонятной – Моргентау был свойственен этот европейский полный двусмысленностей стиль, кроме того, она была ужасно длинной, так что у меня была типичная реакция студента.

Однако со временем я обнаружил, что постоянно обращаюсь к ключевым теоретическим положениям из первой части этой книги в различных жизненных ситуациях: когда дискутировал с друзьями о международной политике в пабе, когда пытался понять, о чем читаю в газете, когда писал работы об актуальных событиях международной жизни в те годы. Я интуитивно постепенно осознал полезность теории и академического подхода для понимания предмета, которым я уже сильно интересовался, то есть международных отношений. Будучи студентом, я начал склоняться к общественно-научному подходу в противовес журналистскому.

Изначально я предполагал, что пойду в политику, может быть, буду заниматься вопросами глобального управления в каком-нибудь мозговом центре или неправительственной организации, но только не в академической среде. В то время в США (в 1980-е гг.) наблюдался резкий спад в количестве поступающих в высшие учебные заведения, так что на научную карьеру мало кто возлагал надежды. К счастью (учитывая, как я доволен своей работой), когда я в магистратуре изучал политикоориентированную программу, один из преподавателей сказал мне: «Почему бы тебе не получить PhD после магистратуры? Другого шанса у тебя не будет. Как только ты начнешь продвигаться в жизни – обзаведешься семьей и прочими обязанностями – у тебя уже вряд ли будет время на диссертацию, а в политике докторская степень не помешает. Может, просто подашь документы, а там посмотрим?» Так что я последовал его совету и был принят в Йель на кафедру политологии со специализацией на международных отношениях; с тех пор я, за исключением пары перерывов, был прочно связан с академической средой. Я очень благодарен тому преподавателю за его совет!

А. С. Почему Вы решили специализироваться на России? Как изучение российской специфики повлияло на Ваше понимание теории международных отношений?

У. У. Я включил в свою диссертацию по политическим наукам специализацию, тогда называвшуюся советологией, по более-менее прагматическим причинам: чтобы получить степень PhD в Йеле, нужно было либо владеть двумя языками, либо обойтись одним, но также много заниматься математическим анализом, теорией игр и статистикой, которая мне не очень нравилась. Я знал, что придется выбирать второй язык, и выбрал русский. Почему? Все-таки шла холодная война, СССР был нашим чрезвычайно могущественным и влиятельным главным противником, так что хотелось понять – насколько это было возможно со всеми присущими тому времени ограничениями –

как видят обстановку в Москве. Единственным способом сделать это было выучить язык и изучать источники, культуру, историю. Разумеется, в процессе всего этого я стал воспринимать русскую культуру, историю и литературу менее утилитарно, чем вначале.

Исследовать то, как устроен мир и как его воспринимают в других странах, в частности, в России, было крайне важно для выработки моего подхода к изучению международных отношений. Моя первая статья и моя первая книга были посвящены восприятию государственной мощи, они основывались на предположении, что если «мощь государства» и влияет на международную политику, то через призму восприятия и оценок лиц, принимающих решения относительно внешней политики государств. Количественные измерения мощи, к которым прибегали ученые того времени, лишь приближались к истинной искомой переменной, а именно к оценкам лиц, принимающих решения. Чтобы понять их, нужно в какой-то степени проникнуть вглубь политической и стратегической культуры страны, что я и воплотил на практике в своей первой статье о восприятии мощи российского государства периода Первой мировой войны [Wohlforth, 1987], а в своей первой книге я сопоставил восприятия мощи США и СССР во время холодной войны. Мой подход к использованию теории реализма, который в итоге можно было бы причислить к неоклассическому реализму, возник благодаря решению комбинировать исследование советской/российской региональной специфики с моим изначальным интересом к научному изучению мировой политики.

А. С. Возвращаясь к «старому мышлению», термину, который Вы использовали, чтобы описать советские внешнеполитические установки до Горбачева, как бы Вы определили актуальную стратегическую культуру России? Унаследовала ли она что-либо от своих предшественниц?

У. У. Большая часть моей книги *The Elusive Balance* посвящена достаточно значительным различиям между американской и советской стратегическими культурами, тому, как в них рассматриваются мир, динамика мощи, баланс сил в международной политике [Wohlforth, 1993]. Я думаю, эти различия со временем стали меньше, пусть и существуют до сих пор. У обеих сторон разные точки зрения, но я бы не сказал, что «старое мышление» сохранилось как таковое: в конце концов, я ввел этот термин для описания смешения старых российских геополитических установок с марксистско-ленинскими. Я склонен рассматривать сегодняшнюю российскую внешнеполитическую культуру как скорее реалистическую, со значительным влиянием геополитики, более сфокусированную на категориях пространства, центральности геополитических процессов в Евразии, если сопоставлять ее с западными реалистическими политическими культурами, но в целом я считаю, что у российской с ними много общего.

Наблюдателей часто удивляет значительный цинизм со стороны российской политической элиты относительно мотивов государств в международной политике, особенно западных. Будучи реалистом, я считаю, что этот цинизм зачастую уместен, однако иногда российские политики все же перегибают палку. Российскую политическую культуру с советской объединяет то, чем, откровенно говоря, немного страдают все страны, – склонность выделять в стратегической культуре те вещи, которые вашему государству хорошо удаются. Например, северные страны, Канада, все эти средние державы концентрируются на многосторонних форматах, и для них «делать добро в мире» – неотъемлемая часть внешней политики и мирополитических процессов. В США все говорят о технологиях, космической мощи и союзах – ни у одной страны нет такого количества военных союзов, как у США. В американской стратегической культуре приоритетны связи, формальные альянсы и все в таком роде.

В России фокус смещен в сторону того, чем она располагает в избытке, то есть в сторону территории и пространства, а также важности позиции в международной политике; для России типичны классические геополитические идеи, поскольку она расположена в сердце Евразии, а ее границы пролегают во всех ключевых регионах. Неудивительно наблюдать подобную линию в российской стратегической и политической культуре, но может возникнуть и недопонимание, когда представители разных политических культур в процессе взаимодействия имеют противоположные ожидания относительно своей мощи и подчеркивают значимость своих сильных сторон. Если взглянуть на восприятие угроз, каждая стратегическая культура по-своему обращается с этой проблемой, и российский взгляд сконцентрирован на инструментах управления огромным территориальным пространством и обусловленной данной необходимостью более заметной ролью государства, что на Западе иногда встречает непонимание. Несомненно, задача тех, кто изучает российскую внешнюю политику, – разъяснять подобные моменты, и, на мой взгляд, все качественные работы на эту тему позволяют студентам взглянуть на мир с российских позиций.

А. С. Не могли бы Вы подробнее разъяснить Ваше понимание стратегической культуры во внешней политике и применение исторического анализа к ее изучению?

У. У. Я определяю стратегическую культуру просто как ментальную модель мироустройства, разделяемую политической элитой. В международной политике много неопределенного и трудного для восприятия, поэтому ментальная модель служит для упрощения мира. В этой области не бывает уникальных решений, соответственно, рациональные люди могут различаться в плане своих реакций на стратегическую обстановку, так что стратегическая культура или ментальная модель в головах элиты будет оказывать существенное

влияние на реакцию на различные стимулы, вызовы и ограничения, которые предлагает международная ситуация. Ментальная модель, в свою очередь, в значительной степени определяется историческим и современным значимым для государства опытом. Невозможно понять внешнюю политику страны, если не попытаться проникнуть в ее глубинную суть, не постараться понять, и это неосуществимо без анализа ключевых исторических событий, которые определили положение государства в международной системе. В случае России для людей моего поколения, которые стали взрослыми в ходе поздней стадии холодной войны, полагаю, определяющим являлся тот факт, что они выросли в государстве, которое впоследствии развалилось у них на глазах. События конца холодной войны и следующие несколько лет, таким образом, будут крайне важны для людей моего поколения и старше, которые занимаются планированием и осуществлением российской внешней политики; эти события определенно наложили отпечаток на их картину мира.

А. С. В чем заключается «ловушка» для исследователя?

У. У. Можно выделить два типа ловушек, которые являются диаметрально противоположностями друг друга, и задача аналитика заключается в том, чтобы работать в пространстве между ними. Есть опасность так сильно проникнуться стратегической культурой изучаемой страны, что начинаешь принимать все, что тебе говорят, и приводить те же оправдания, что и власти этого государства, тем самым утрачивая объективность относительно изучаемой страны. Любое государство – лишь одно из многих; да, Россия – сверхдержава, и Америка – тоже сверхдержава. Конечно, они уникальны, но в конечном счете великая держава есть великая держава, и глубокое погружение в ее стратегическую культуру и исторический опыт не должны отменять твою способность посмотреть на ситуацию со стороны и сказать: «Стоп, а откуда мне знать, что в данных обстоятельствах любая великая держава не поступила бы так же?» Нужно бороться со склонностью принимать предлагаемые объяснения с нормативной и моральной точек зрения, пытаюсь понять их.

Понимание не равно поощрению, так что если я изучаю российскую внешнюю политику и пытаюсь объяснить, почему Россия так себя ведет, то это не значит, что я с ее действиями согласен или считаю, что это хорошо. Все-таки я американский гражданин, и моя работа заключается в том, чтобы держать в уме безопасность США и их национальные интересы; тот факт, что я очень стараюсь понять российскую картину мира, не значит, что я одобряю все действия России на международной арене. Другая ловушка – просто отрицать весь контекст и «натягивать» на изучаемую страну собственную картину мира. Эту ошибку часто совершают специалисты по России, когда они не могут поставить себя на место людей, ответственных за безопасность России, за предупреждение настоящих и будущих угроз бла-

гополучию жителей этой огромной территории. Из-за этой ловушки игнорируются те объяснения, которые происходят от стратегической культуры изучаемой страны. Фокус в том, чтобы сохранять свою объективность как аналитика и при этом быть способным понимать стратегическую культуру изучаемого государства изнутри.

А. С. Какие основные вызовы сегодня стоят перед исследователями российской внешней политики?

У. У. Существуют как внутренние вызовы в США, так и имеющие отношение к характеру российской политической системы. В США основные проблемы имеют институциональную природу, а именно постепенное отмирание регионоведения как подотрасли политической науки, так что для политолога достаточно трудно стать глубоким специалистом по российской внешней политике. В каком-то смысле молодой ученый обязан быть специалистом общего профиля, поэтому сложно освоить политологию, проектирование исследований, количественные методы и т. п., умудряясь находить время на изучение языка и региональной специфики, которые необходимы для того, чтобы стать настоящим экспертом по российской внешней политике. Мейнстрим внешнеполитических исследований в США отошел от изучения государства как такового и его действий на мировой арене, так что это можно отнести к внутренним институциональным препятствиям.

Главный внешний вызов, разумеется, лежит в исключительно централизованном характере российской политической системы, который подразумевает достаточно строгий контроль над информационными потоками, когда за СМИ следят гораздо более пристально, чем во многих других странах, так что получить данные, необходимые для заполнения пробелов в своей ментальной модели российской внешней политики, порой исключительно трудно. Даже среди наиболее информированных российских аналитиков существуют диаметрально противоположные взгляды на то, в чем заключается суть российского политического режима, что им движет, как власть распределяется в политической системе. Исследуя вопрос российских государственных интересов, можно натолкнуться на резко контрастирующие точки зрения. В этой связи есть искушение вернуться к клише о «загадке, спрятанной в тайну, упакованную в непостижимость», и гадать себе: «Кремлю нужно то, Кремлю нужно это». Я очень стараюсь избегать этого и честен со своей аудиторией в отношении ограниченности моих знаний.

А. С. Считаете ли Вы, что в профессиональном сообществе преодолели стереотип о России как о «загадке, спрятанной в тайну, упакованную в непостижимость» (У. Черчилль)?

У. У. Эта загадка может проявляться в двух формах. Она может выражаться как исключительно раздутые неприятие и подозрительность в отношении России или же как наивная склонность всегда

рассматривать Россию как только обороняющуюся невинную жертву в мире мировой политики – каким-то образом эта огромная могущественная страна, раскинувшаяся на несколько часовых поясов, оказывается бедной-несчастной заложницей интриг большого и страшного Запада. И того, и другого нужно избегать, и разумным аналитикам это удастся. Я стараюсь обращаться к хорошо информированным аналитикам в Москве и читать их комментарии. За время своей карьеры я составил список западных экспертов, которые, на мой взгляд, хорошо разбираются в вопросах российской безопасности и внешней политики, так что я полагаюсь на них, чтобы не удариться в стереотипы в отношении России.

А. С. Вы согласны с определением современного состояния российско-американских отношений как новой холодной войны?

У. У. Нет, не согласен. Я должен сказать, что испытываю огромное уважение к ряду ученых и аналитиков, которые проводят такую параллель и используют выражение «новая холодная война» (Боб Леволд, Стив Коэн), они замечательные люди и потрясающие специалисты, но я не могу с ними согласиться. В этом случае я опираюсь на саму теорию международных отношений, где холодная война выделяется по ряду специфических параметров и признаков, которые являются ключевыми для анализа межгосударственных отношений в долгосрочной перспективе. Если быстро сконцентрироваться лишь на двух, то я бы назвал мощь и идеологию. С точки зрения мощи для холодной войны было характерно биполярное распределение потенциала. Многие из черт данной геополитической ситуации имеют свои корни в концентрации основного материального ресурса в двух странах – США и СССР. В этом плане их мощь на глобальной арене превосходила всех возможных конкурентов в мировой истории.

Например, если взглянуть на развитие британо-германского соперничества в конце XIX – начале XX в., на соперничество России и Великобритании в Индии и Азии в XIX в., на франко-британский антагонизм в XVIII–XIX вв., то станет очевидно, что все они имели продолжительную историю, но они все же очень отличались от холодной войны, и именно для этого понадобилось ввести этот термин. Различие отчасти заключалось в невероятно большом отрыве США и СССР от остальных государств в плане их материального потенциала, что и стало одной из ключевых характеристик холодной войны.

Помимо других важных переменных, идеология и внутренняя политика также играют большую роль. Именно столкновение систем как таковых отличало противостояние во время холодной войны от других случаев межгосударственного антагонизма, в том числе и современного российско-американского. Различия в картине мира, убеждениях и идеологии между Россией и США сегодня гораздо менее фундаментальны, чем между США, представлявшими в XX в. так называемый «либерально-капиталистический мир», с одной стороны,

и революционными марксистскими идеями, которые были включены в советскую внешнеполитическую доктрину, с другой. Во времена холодной войны СССР позиционировал себя как наследника радикального марксизма, который содержал в себе идею революционного свержения текущего классового порядка в мире. С точки зрения современного человека следование марксистской идеологии XIX в. выглядит весьма странным: неужели люди в самом деле в это верили? Это можно долго обсуждать, но, главное, на международную систему оказывало сильное влияние существование общества, которое производило впечатление рабочей альтернативы рынку и частной собственности. Можно сколько угодно дискутировать о разногласиях России и США и о том, как их истеблишмент рассматривает роль государства в обществе и прочее, но все это меркнет в сравнении с фундаментальным столкновением идеологий и систем времен холодной войны.

Я не списываю со счетов заявления некоторых представителей российской стороны о том, что в России социальное устройство несколько иное – например, с более заметной ролью государства. Остается открытым вопрос, насколько в России довольны некоторыми правилами, которые США и их союзники стараются внести в международный порядок, – концепцией «обязанности защищать», другими поправками к международному праву, которые привели бы к ограничению государственного суверенитета ради защиты прав человека, и другими. Но сравнивать эти разногласия с холодной войной – значит оказывать дурную услугу ответственному анализу. Поэтому, какими бы плохими ни были российско-американские отношения, они не обладают необходимыми параметрами холодной войны. В заключение хочу отметить еще одно ключевое различие, которое происходит от обеих переменных, а именно «центральность» обеих стран во внешней политике соперника. Учитывая распределение мощи в мире и тот факт, что оба государства позиционировали себя как аватары и ключевые представители своих идеологий, противник автоматически становился центром внешнеполитической картины мира. У них просто не было свободы выбора, настолько они хотят концентрироваться на оппоненте.

Сегодня и в России, и в США слышны подобные высказывания: «Они нам безразличны, мы просто будем выстраивать свою политику без оглядки на них, они нам надоели, они не делают нужных уступок, так что мы от них отвернемся». Это часто можно услышать от американцев, которые говорят, что Россия не является восходящей державой, поэтому нужно переключиться на Китай. Это так же часто можно услышать в России: «С Западом для нас все кончено, мы от них устали – лучше обернемся на Восток к нашему ключевому партнеру Китаю». Во время холодной войны рассуждать подобным образом было невозможно ввиду тех глубинных структурных причин, что я привел выше. Поэтому я нахожу сравнение современной ситуации с холодной войной скорее вводящим в заблуждение.

А. С. В совместной со Стивенем Бруксом книге “*The World out of Balance*” (2008) Вы утверждали, что превосходство США не может быть оспорено другими игроками. Спустя более чем десять лет Ваше мнение не изменилось?

У.У. Ответ на этот вопрос содержится в нескольких свежих публикациях, в частности, в моей с Бруксом книге *America Abroad: Why the Sole Superpower Should Not Pull back from the World*, которую мы опубликовали несколько лет назад [Brooks, Wohlforth, 2016a]. Мы также написали статьи на смежные темы в *Foreign Affairs* [Brooks, Wohlforth, 2016b] и *International Security* [Brooks, Wohlforth, 2015/2016]. Отчасти эти работы обновляют выводы, сделанные в *The World out of Balance*. Будучи посвященными глубокому анализу распределения мощи на мировой арене, они подтверждают главный тезис этой книги: США – единственное в мире государство с материальным потенциалом для статуса сверхдержавы в глобальном смысле этого слова в противовес толкованиям в региональном измерении. Мы все еще настаиваем, что не считаем возможным появление в кратко- или среднесрочной перспективе, то есть в ближайшие 10–20 лет, равной США сверхдержавы. Но отрицать зарождение второй сверхдержавы не значит отрицать изменения в распределении мощи.

Несомненно, Китай продолжает свое восхождение и укрепился значительно сильнее, чем мы могли предвидеть в *The World out of Balance* [Brooks, Wohlforth, 2008]. Российская Федерация тоже усилила свои позиции и преодолела многие слабости, которые были ей присущи в 2007 г. Кроме того, США сами наносят удары по своему положению – мы наблюдаем новые внутренние причины возникновения слабости и неспособности реагировать на вызовы на глобальном уровне. Ключевые союзники США, в особенности европейские страны, также страдают от внутренних проблем, которые мы не затронули. Если скомбинировать все эти изменения – рост Китая, повторное укрепление позиций России и ее возрастающие организационные и государственные ресурсы, комплексные вызовы в Европе и собственноручно созданные проблемы внутреннего плана, заставляющие США в некотором роде забросить своих партнеров, – становится очевидно, что как в области материального потенциала, так и в сфере внутренней политики перед США стоят гораздо более серьезные вызовы при реализации их стратегии «глубокого реагирования», чем мы это отразили в *The World out of Balance*. По этой причине я и моя коллега Дженнифер Линд в недавней статье для *Foreign Affairs* высказали позицию, что США пора перенаправить свою большую стратегию в консервативное русло ради сохранения своих позиций и однозначно отказаться от расширения системы военных союзов и распространения своего видения мирового порядка, перейти из режима экспансии в режим сохранения [Lind, Wohlforth, 2019]. Это было не настолько ясно выведено в *The World out of Balance*.

Возможность консервативного развития американской магистральной стратегии была озвучена в последней главе *America Abroad*. По этой причине считать, что в мире только одна сверхдержава в нашем понимании этого термина, которая останется единственной в своем роде в ближайшем будущем, не значит утверждать, что не произошло изменений в мировой политике и распределении мощи, так что менять американскую глобальную стратегию нужды нет. Напротив, имели место существенно важные изменения, которые привели к ослаблению позиций США, и в стратегии должен быть предусмотрен равноценный ответ на это.

А. С. Как сотрудничество с российскими коллегами помогает Вам в Ваших исследованиях?

У. У. Я общаюсь с людьми, которые способны осваивать новый материал, применять его к новым областям, ставить важные исследовательские вопросы, проводить анализ, иногда используя совершенно не знакомые мне методы, так что наше взаимодействие можно охарактеризовать как взаимное обучение.

Я думаю, что могу дать хороший совет, как провести исследование от концепции к публикации через соответствующее планирование и анализ, но по ходу работы я много узнаю от людей, которых обучали совсем не так, как меня в свое время, или которые являются продуктом совсем другой системы образования. Кроме того, помимо команды умных, молодых и целеустремленных российских ученых, с которой я счастлив сотрудничать, есть множество людей, обладающих исключительными знаниями о специфике российской внешнеполитической кухни, об исторической и мирополитической школе в России и актуальных политических событиях на постсоветском пространстве, в том числе и в их евразийском разрезе, который важен для российской внешнеполитической стратегии.

Ученые, с которыми я сотрудничаю в России, применяют эти знания к мировой политике и видам исследований, которые находятся в мейнстриме, но не анализировались с подобных точек зрения; российский опыт, российская региональная перспектива и интеллектуальная традиция существенно отличаются от тех, что преобладают в мире, к которому я привык.

Наконец, этот критический и зачастую остроумный взгляд извне на доминирующие теории позволяет моим российским коллегам ставить очень уместные вопросы и продвигать исследования в новых направлениях. Они замечают некоторую предвзятость в англоязычных журналах США и Европы и поднимают проблему литературы в очень неожиданной, но от этого не менее важной манере, заставляя тебя переосмыслить, какова может быть природа скрытой необъективности в данных академических работах.

Подводя итоги, я постоянно оказываюсь перед новыми перспективами и новыми вызовами. Если честно, то моя работа в Москве

с российскими коллегами меня страшно выматывает! Я иногда даже начинаю переживать, а не старею ли я, поскольку мы идем в очень интенсивном темпе, и я окружен исключительно одаренными и упорными людьми.

А. С. Как бы Вы в целом оценили будущее исследований о России в академической среде?

У. У. Частью нашего сотрудничества является применение теории международных отношений с целью обогащения анализа опытом российской внешней политики и евразийских геополитических процессов, и наоборот, то есть мы пытаемся рассматривать ближайшее окружение России и ее взаимодействие с соседями, чтобы анализировать, проверять и развивать ключевые положения теории международных отношений.

Это очень богатое и преимущественно нетронутое поле для исследований. Я надеюсь, что мы будем успешно публиковаться, что позволит отразить связь российского опыта с основными теоретическими постулатами, и что мы таким образом продемонстрируем академическому сообществу перспективы уделения России большего внимания при развитии и проверке теорий в сфере науки о международных отношениях.

А. С. Считаете ли Вы, что то внимание, которым сейчас пользуется российская внешняя политика, приведет к новому пониманию России в теории международных отношений?

У. У. Я более пессимистично настроен в отношении начала некоего ренессанса, который продвинет на передовую исследований в области международных отношений и теории международных отношений Россию, ее внешнюю политику и ее опыт взаимодействия с международной системой.

Некоторые причины я уже озвучил: регионоведение как таковое утрачивает свою привлекательность, так что сочетать качественную экспертизу по какому-либо региону с другими требованиями продвижения к вершинам академической карьеры в области исследований международных отношений в США и в меньшей степени в Европе очень непросто, это практически несочетаемо. По сути, международные отношения сконцентрированы вокруг власти, а на нее в значительной мере оказывает влияние восприятие геополитических границ. Разумеется, с геополитической точки зрения значение России за последние десять лет существенно выросло, соответственно, люди стали уделять ей больше внимания и выпускать больше статей на российском материале или посвященных российским кейсам. Но в итоге все это – лишь бледная тень того, что пишут о Китае. Это единственное исключение в тренде отхода от регионоведения, о котором я говорил ранее. Если попробовать оценить количество работ о восхождении Китая, которые более-менее попадают в категорию

литературы о международных отношениях, то их попросту не пере-
честь. Я не наблюдаю схожего повышенного внимания к изучению
России, что, на мой взгляд, весьма прискорбно, но это отражение кол-
лективной оценки политологическим сообществом того, что сейчас
важно в международных отношениях.

Но в завершение я хотел бы сказать, что верю в некоторое повыше-
ние интереса к российскому опыту в исследованиях по той простой
причине, что Россия играет гораздо более важную и противоречивую
роль на международной арене, чем десять лет назад. Это неизбежно
привлекает внимание, что совершенно оправданно, ведь исследова-
ния должны быть релевантны по отношению к современной внешней
политике и вносить веский вклад в актуальный дискурс, в центре ко-
торого зачастую оказывается именно Россия.

Список литературы

Brooks S., Wohlforth W. World Out of Balance: International Relations and the
Challenge of American Primacy. Princeton : Princeton Univ. Press, 2008. 248 p.

Brooks S., Wohlforth W. The Rise and Fall of the Great Powers in the Twenty-First
Century: China's Rise and the Fate of America's Global Position // *Quarterly J.: Intern.
Security*. Winter 2015/2016. № 40 (3). P. 3–53.

Brooks S., Wohlforth W. America Abroad: Why the Sole Superpower Should Not Pull
Back from the World. N. Y. : Oxford Univ. Press, 2016a. 288 p.

Brooks S., Wohlforth W. The Once and Future Superpower: Why China Won't Overtake
the United States // *Foreign Affairs*. 2016b. № 95 (3). P. 91–104.

Lind J., Wohlforth W. The Future of the Liberal Order is Conservative: A Strategy to
Save the System // *Foreign Affairs*. 2019. № 98 (2). P. 70–81.

Wohlforth W. The Perception of Power: Russia in the Pre-1914 Balance // *World
Politics*. 1987. № 39 (3). P. 353–381.

Wohlforth W. The Elusive Balance: Power and Perceptions during the Cold War. Ithaca :
Cornell Univ. Press, 1993. 317 p.

References

Brooks, S., Wohlforth, W. (2008). *World Out of Balance: International Relations and
the Challenge of American Primacy*. Princeton, Princeton Univ. Press. 248 p.

Brooks, S., Wohlforth, W. (2015/2016). The Rise and Fall of the Great Powers in the
Twenty-First Century: China's Rise and the Fate of America's Global Position. In *Quarterly
J.: Intern. Security*. Winter. No. 40 (3), pp. 3–53.

Brooks, S., Wohlforth, W. (2016a). *America Abroad: Why the Sole Superpower Should
Not Pull Back from the World*. N. Y., Oxford Univ. Press. 288 p.

Brooks, S., Wohlforth, W. (2016b). The Once and Future Superpower: Why China
Won't Overtake the United States. In *Foreign Affairs*. No. 95 (3), pp. 91–104.

Lind, J., Wohlforth, W. (2019). The Future of the Liberal Order is Conservative:
A Strategy to Save the System. In *Foreign Affairs*. No. 98 (2), pp. 70–81.

Wohlforth, W. (1987). The Perception of Power: Russia in the Pre-1914 Balance.
In *World Politics*. No. 39 (3), pp. 353–381.

Wohlforth, W. (1993). *The Elusive Balance: Power and Perceptions during the Cold
War*. Ithaca, Cornell Univ. Press. 317 p.

DOI 10.15826/qr.2020.2.469
УДК 327.5(470:581)"1979/1989"

ВОЕННАЯ СТРАТЕГИЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА В АФГАНИСТАНЕ: ПРОСЧЕТЫ ПЛАНИРОВАНИЯ И ОБЩЕСТВЕННОЕ НЕПРИЯТИЕ

Василий Христофоров

Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия

Юлия Гусева

Московский городской педагогический университет,
Самарский филиал, Самара, Россия

SOVIET MILITARY STRATEGY IN AFGHANISTAN: ERRORS IN PLANNING AND PUBLIC CONDEMNATION*

Vasily Khristoforov

Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia

Yulia Guseva

Moscow City University,
Samara Branch, Samara, Russia

Referring to archival materials and historiography, the authors of this article examine the circumstances behind the development of principles regulating the presence of a limited contingent of Soviet troops in Afghanistan (1979–1989), its nature, and scope. It is concluded that Soviet military strategy in Afghanistan initially set itself limited goals and assumed limited obligations. It also used a narrow set of expert assessments, mainly those that fitted into the usual picture of a “cold” confrontation and the established paternalistic model of interaction with countries in the zone of the USSR’s ideological and political influence. The study

---

* *Citation:* Khristoforov, V., Guseva, Yu. (2020). Soviet Military Strategy in Afghanistan: Errors in Planning and Public Condemnation. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 2. P. 382–398. DOI 10.15826/qr.2020.2.469.

Цитирование: Khristoforov V., Guseva Yu. Soviet Military Strategy in Afghanistan: Errors in Planning and Public Condemnation // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 2. P. 382–398. DOI 10.15826/qr.2020.2.469 / Христофоров В., Гусева Ю. Военная стратегия Советского Союза в Афганистане: просчеты планирования и общественное неприятие // *Quaestio Rossica*. Т. 8. 2020. № 2. С. 382–398. DOI 10.15826/qr.2020.2.469.

shows that the Soviet state machine was largely focused on solving geopolitical problems, and the militarist directions of defence and law enforcement agencies and provided society with very limited information. The long-term consequences of the Afghanistan policy (especially internal and economic) at the time of the decision to send troops were practically not calculated, since the initial strategy was aimed at appeasing Afghanistan with the help of limited forces without active military operations. The contradictions between the geopolitical thinking of the Soviet leadership and the peculiarities of the Afghanistan military campaign, which did not fit into the expected strategy of full-scale military operations but at the same time immediately went beyond the "limited" impact, gives contemporaries a reason to deny the victory or defeat of the Soviet troops, but does not give them an opportunity to doubt the reality of hostilities and their negative impact on the relationship between the Soviet state and society.

Keywords: armed conflict in Afghanistan 1979–1989; limited contingent of Soviet troops in Afghanistan; war in Afghanistan 1979–1989; history of Soviet foreign policy.

На основании архивных материалов и актуальной историографии рассматриваются обстоятельства выработки принципов присутствия ограниченного контингента советских войск в Афганистане (1979–1989 гг.), его характер и масштабы. Делается вывод о том, что советская «афганская» военная стратегия изначально ставила перед собой ограниченные цели и брала на себя ограниченные обязательства, использовала узкий набор экспертных оценок, преимущественно тех, которые вписывались в привычную картину «холодного» противостояния, в устоявшуюся патерналистскую модель взаимодействия со странами, находившимися в зоне идейно-политического влияния СССР. Исследование показывает, что советская государственная машина во многом ориентировалась на решение геополитических задач и милитаристские установки силовых ведомств и давала обществу лимитированный объем информации о происходящем. Долгосрочные последствия «афганской» политики (особенно внутривнутриполитического, экономического характера) в момент принятия решения о вводе войск практически не просчитывались, так как первоначальная стратегия была ориентирована на успокоение Афганистана малыми силами без активных боевых действий. Противоречия между геополитическим мышлением советского руководства и специфичностью афганской военной кампании, которая не вписывалась в ожидаемую стратегию полномасштабных боевых действий, но при этом сразу вышла за рамки «ограниченного» воздействия, дают основания современникам отрицать факт победы или поражения советских войск, но не дают возможностей сомневаться в реальности боевых действий и их негативном влиянии на взаимоотношения Советского государства и общества.

Ключевые слова: вооруженный конфликт в Афганистане 1979–1989 гг.; ограниченный контингент советских войск в Афганистане; история советской внешней политики.

12 декабря 1979 г. представители высшей партийной элиты (Л. Брежнев, Ю. Андропов, А. Громыко, Д. Устинов) обсуждали ситуацию в Афганистане. Членами Политбюро ЦК КПСС было принято решение о вводе в страну советских войск. Так началась афганская кампания – единственная военная операция, которую вел Советский Союз за пределами стран Варшавского договора. Она стала самой продолжительной и малоизвестной войной в истории СССР.

Более 30 лет, прошедшие с момента вывода советских войск из Афганистана, почти не приблизили к пониманию объективных последствий и справедливых уроков этой необъявленной войны. Подобного рода исследование дает возможность более полно охарактеризовать советскую управленческую модель на последнем историческом этапе ее существования, которая, «запланированная как задача внешней политики, стала во главу угла всей внутривластной повестки Советского Союза» [Якупова, Якупов, с. 94]. Отдельные выводы статьи раскрывают истоки позднейшего тренда на отторжение и неприятие «афганцев» обществом, которое не понимало и в большинстве своем до сегодняшнего дня не понимает обстоятельств присутствия советских войск в Афганистане¹.

Литература, посвященная событиям в Афганистане 1979–1989 гг., достаточно обширна, но не равноценна по своему содержанию, что объясняется не только различием интересов и подходов авторов, но и степенью их осведомленности. Целостного видения афганской драмы нет и среди профессионалов-историков, востоковедов, которые фактически начиная с 1979 г. продолжают дискуссии о справедливости и необходимости советского военного вмешательства, о характере советского военного присутствия – был ли это обоснованный ввод² или неправомерное вторжение³, на каких условиях следовало выводить войска⁴ и пр.

---

¹ Все это, в свою очередь, помогает понять причины и последствия частичной маргинализации воинов, прошедших Афганскую войну. Раз новое государство (Россия) не подтверждало их формальный уважаемый статус и не предоставляло льготы, у «афганцев» появлялось стремление доказать обществу обратное всеми доступными законными и незаконными путями. С учетом выхода общества в «дикий капитализм» 1990-х гг. подобные «доказательства» нередко получали полукриминальный характер и были направлены прежде всего на материальное обогащение, помогающее преодолеть социальную фрустрацию.

² Ввод войск – вступление войск одного государства на территорию другого с согласия или по просьбе его правительства.

³ Вторжение – вступление вооруженных сил одного государства на территорию другого без согласия его правительства. Вторжение представляет собой акт агрессии.

⁴ Авторы статьи исходят из того, что ввод советских войск юридически был практически безупречен (войска пришли по просьбе афганского правительства и в соответствии с Договором о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между Советским Союзом и Демократической Республикой Афганистан от 5 декабря 1978 года, ст. 4), но по факту он представлял собой вмешательство в дела суверенного государства: советские подразделения специального назначения, устранив неудобного афганского лидера Хафизулла Амина, фактически произвели переворот в стране [см.: Христофоров, 2019].

Основные вопросы звучат так: существовала ли в этот период у СССР специфическая «афганская» стратегия⁵? Если да, то была ли она частью единой глобальной международной стратегии СССР? Какие факторы, кроме геополитических обстоятельств и специфики ситуации в Афганистане, повлияли на ее формирование? Что показала афганская кампания в отношении способности позднесоветской государственной машины принимать долгосрочные стратегические решения?

Источниками выступают как хорошо известные опубликованные делопроизводственные документы советских государственных и партийных органов, так и неопубликованные документы из ведомственных архивов и материалы специальных служб (Архив Президента РФ; ЦА ФСБ России). Отдельные сведения почерпнуты из аналитических материалов, опубликованных на сайте американского Архива национальной безопасности.

Советская «афганская» стратегия 1979 г.

На первый взгляд может показаться, что Советский Союз не имел четко очерченной стратегии афганской военной кампании. На это, в частности, указывают и очевидцы событий, например, Борис Громов⁶:

Когда говорят «поражение», я этого не понимаю. Во-первых, 40-я армия никаких задач кого-то «победить» в Афганистане не получала. Я был там почти все время, был уполномоченным правительства СССР по временному пребыванию в стране 40-й армии. Не было ни одного документа, ни одного распоряжения кого-то там «победить». Во-вторых, практически вся территория страны находилась под контролем 40-й армии и правительства ДРА (Демократической Республики Афганистан. – В. Х., Ю. Г.). Афганские вооруженные силы, МВД, КГБ ДРА (СГИ – МГБ. – В. Х., Ю. Г.) тоже были под нашим контролем. *Войны как таковой не было. Нас «покусывали», иногда сильно, банды – да, были нападения на колонны, но полноценной войны не было* (выделено нами. – В. Х., Ю. Г.). Это игра слов и желание показать, что 40-я армия не справилась. Ни о победе, ни о поражении в военном отношении в Афганистане нет смысла разговаривать [Громов].

Другой участник войны в Афганистане, генерал-полковник В. А. Меримский⁷, также утверждает, что перед армейским

⁵ Стратегия – это сценарий достижения результата, для которого характерен специфический прогноз будущего, часто формирующийся при отсутствии полноты информации. Стратегия имеет соответствующий набор тактических средств, которые могут принести предсказуемый результат.

⁶ Громов Борис Всеволодович (1943) – командующий 40-й армией (1 июня 1987–15 февраля 1989), генерал-полковник (1989), Герой Советского Союза (1988).

⁷ Меримский Виктор Аркадьевич (1919–2003) – генерал-полковник, участник Советско-финляндской и Великой Отечественной войн, заместитель начальника Оперативной группы Министерства обороны СССР в ДРА (1979–1984), руководил боевыми действиями частей и подразделений 40-й армии в Афганистане и афганских правительственных войск.

командованием не ставилась задача одержать военную победу [Меримский, с. 349].

Продолжая свою мысль, командующий 40-й армией указывает, что перед советскими войсками ставились следующие основные цели: отразить потенциальные и реальные внешние угрозы (в том числе с пограничных с Афганистаном территорий Ирана, Пакистана, Китая), поддержать существующий политический режим и стабильность внутри страны [Там же]. Однако подобные высказывания расходятся с мнением других исследователей и очевидцев событий, а также с документами ЦА ФСБ России. Так, по мнению Е. Г. Никитенко⁸, на протяжении всей войны СССР преследовал цели подавления сопротивления вооруженной афганской оппозиции и укрепления власти афганского правительства [Никитенко, с. 278].

Попробуем разобраться, насколько корректными по форме и содержанию являются подобные оценки. Действительно – существовало ли долгосрочное планирование советской операции в Афганистане, и чем оно было продиктовано?

Анализ ситуации, предшествовавшей вводу войск, показывает, что решение о перемещении советских войск не было импульсивным, одномоментным, исходившим от узкого круга лиц. Обсуждение шло долго и мучительно на протяжении многих месяцев 1979 г. [Христофоров, 2016, с. 71–84; ЦА ФСБ России. Ф. 60с. Оп. 2. Д. 64. Л. 186–188, 248–255]. Вопрос о направлении войск неоднократно с марта по ноябрь 1979 г. выносился на обсуждение Политбюро ЦК КПСС, и всякий раз принималось отрицательное решение [Архив Президента РФ. Ф. 3. Оп. 82. Д. 148. Л. 5–7, 109–11; Д. 138. Л. 133–13; Д. 151. Л. 52–56]. При этом окончательное решение было принято преимущественно на основании специфической информации силовых ведомств и не отвечало критериям полноценного многоаспектного анализа последствий.

Политбюро ЦК КПСС в полном составе не собиралось для обсуждения этого вопроса. По мнению экспертов, члены Политбюро ЦК КПСС слабо представляли, что происходит в Афганистане, а информация, поступавшая по каналам МИД, Минобороны и КГБ СССР, была противоречивой. Ю. А. Нешумов справедливо отмечает, что советская разведка, в том числе и пограничная, неглубоко анализировала и слабо прогнозировала происходившие в Афганистане внутренние изменения. На принятии политических решений негативно сказалось отсутствие согласованных взглядов на события в Афганистане в руководстве советских силовых структур (Минобороны, КГБ, МВД) [Нешумов, с. 9–74, 288; ЦА ФСБ России. Ф. 60с. Оп. 2. Д. 14. Л. 256, Д. 65. Л. 122–126].

Бывший председатель КГБ СССР В. А. Крючков (1988–1991) пишет, что обсуждения носили закрытый характер и проходили в узком со-

---

⁸ Никитенко Евгений Григорьевич (1949) – генерал-майор, заместитель начальника оперативного отдела 40-й армии (1985–1987).

стве, и ведущую роль в обосновании необходимости подобных мер играл тезис о «стратегических государственных интересах Советского Союза» [Крючков, с. 199–200]. Советские политики действительно ссылались на «важные стратегические интересы Советского Союза», но самым понятным и приемлемым объяснением было то, что СССР был заинтересован в сохранении дружественного Афганистана и спокойной советско-афганской границы. Было желание продемонстрировать всему миру, и прежде всего США, решимость Москвы отстаивать государственные интересы не только дипломатическим, но и военным путем [Кирпиченко, с. 360]. По мнению иностранных исследователей, инициаторами ввода советских войск в Афганистан были Ю. Андропов и Д. Устинов [Фейфер, с. 21].

Холодная война стала триггером процесса: по линии КГБ и ГРУ поступали тревожные данные о «далекоидущих военных замыслах США по использованию территорий, непосредственно прилегающих к южной границе СССР» [Крючков, с. 199–200]. Однако нет документальных доказательств повышенной американской активности в имеющихся в нашем распоряжении документах спецслужб, что позволяет считать данный тезис информационно-пропагандистским обоснованием «афганской» стратегии Кремля. В атмосфере холодной войны каждая сторона была склонна преувеличивать угрозы и исходить из самых негативных сценариев. Парадокс ситуации заключался в том, что во время холодной войны Афганистан являлся нейтральной территорией именно вследствие негласных договоренностей между соперничавшими державами, а установление советского контроля над ним меняло всю стратегическую ситуацию в регионе [Акимбеков, с. 324–325].

Советское политическое руководство долго сомневалось в целесообразности направления советских войск в Афганистан. Основным движущим фактором решения в пользу ввода стали геополитические интересы, которые в сознании элиты, мыслившей глобальными категориями, затмевали все остальные. К этому времени Советский Союз имел положительный опыт поддержки развивающихся стран Юго-Восточной Азии, Африки, Ближнего и Среднего Востока через экономическую и советническую помощь, поставку военной техники, поэтому советское руководство надеялось на относительно простое и быстрое решение афганской проблемы.

«Ограниченность» как суть советской «афганской» стратегии

Первые ориентиры военной кампании склонялись в сторону краткосрочного фактического присутствия без активного ведения военных действий. «Ограниченность» становилась определяющей сущностью советской «афганской» стратегии.

Де юре война действительно не была объявлена. Принимая решение о вводе советских войск в Афганистан, советские политики пред-

полагали, что части и подразделения советских войск будут размещены гарнизонами в Кабуле, крупных городах и вдоль наиболее важных участков магистралей страны. Они будут играть роль сдерживающего и стабилизирующего фактора, охладят «горячие головы» лидеров вооруженной оппозиции. Под прикрытием советских войск планировалось провести формирование афганских сил безопасности (национальной армии, министерства внутренних дел, службы разведки и контрразведки), которые в дальнейшем должны были обеспечивать безопасность и стабильность в стране. Ограниченный по численности контингент войск должен был действовать на ограниченной территории и не самыми масштабными ресурсами.

Несмотря на то, что Минобороны СССР и КГБ СССР предпринимали энергичные меры по развертыванию частей и соединений, готовившихся к вводу в Афганистан [ЦА ФСБ России. Ф. 12ос. Оп. 41. Д. 2. Л. 270], иностранные исследователи назвали процесс формирования 40-й армии «триумфом импровизации», подчеркивая, что он сопровождался множеством серьезных недочетов⁹, возможно, и не сыгравших бы особой роли, если бы армия смогла избежать тяжелых боев и покинуть страну через год с небольшим, как это изначально планировалось. Но когда советские войска обосновались в Афганистане надолго, промахи – неадекватное жилье, дефицит запасного обмундирования, безвкусная и нездоровая пища, примитивные санитарные условия – дали о себе знать [Брейтвейт, с. 157]. Во время девятилетнего пребывания советских войск в Афганистане, по мнению Р. Аушева, так и не была решена проблема с питьевой водой [«Начальники махали шашками»].

Непросчитанность геополитических последствий дорого обошлась СССР. Высшее советское руководство не предусмотрело реакцию мусульманского мира, поэтому после силовой акции в Афганистане Советский Союз потерял много друзей и приобрел много врагов. Организация «Исламская конференция» крайне негативно отреагировала на ввод советских войск в Афганистан, и практически все исламские страны заняли антисоветскую позицию [ЦА ФСБ России. Ф. 6ос. Оп. 3. Д. 26. Л. 314–317]. Даже союзники по коммунистическому движению негативно реагировали на ввод советских войск в Афганистан. Руководство Союза коммунистов Югославии назвало советские действия в отношении Афганистана «недопустимым вмешательством во внутренние дела суверенной внеблоковой страны» [Там же. Д. 15. Л. 23–25].

---

⁹ Не обошлось и без курьезов на грани с расшифровкой подготовительных мероприятий. 14 декабря вдоль всей взлетно-посадочной полосы аэропорта Ташкент, в непосредственной близости от здания аэровокзала, на виду у изумленных пассажиров, в числе которых были иностранцы, разместилась большая группа военно-транспортных самолетов Ан-22 с личным составом и боевой техникой. Как оказалось, представители военно-воздушных сил не согласовали порядок приземления и посадки самолетов военно-транспортной авиации с руководством аэропорта. См.: [ЦА ФСБ России. Ф. 5. Оп. 27/3. Д. 59. Л. 117–118].

Сложно сказать, насколько детально просчитывались экономические расходы на военную кампанию. Документы, свидетельствующие об экономических прогнозах подобного рода, нам не известны. В связи с этим в литературе можно найти диаметрально противоположные оценки. Есть утверждения о том, что

...цифры (затрат на кампанию. – В. Х., Ю. Г.) были просто огромными. Достаточно посмотреть, во сколько обходился один день только 40-й армии. А там было еще целое море советников – военных, гражданских, по линии милиции, КГБ, партийные и комсомольские советники, дорожные, кого там только не было. Это еще целая армия, их всех надо было содержать. Я уже не говорю про материально-техническое снабжение 40-й армии. Мы всё подвозили. Это огромные суммы! [Громов].

Современные исследователи предпочитают оценивать военные расходы как весьма умеренные, не способные поколебать устойчивость советской экономической системы. По разным оценкам, в период с 1980 по 1983 г. на афганскую эпопею уходило в среднем около 3 млрд долларов в год, и «эта помощь была больше, чем любому другому просоветскому государству, за исключением Кубы и Вьетнама... Наиболее затратными и неоправданными для СССР стали не военные расходы, а “прямые” социальные вложения в инфраструктуру Афганистана» [Якупова, Якупов, с. 87; Топорков]. По мнению А. Хейга, Афганистан истощал советскую казну и людские ресурсы и подрывал доверие к советской идеологии. Он дорого обошелся Советскому Союзу и в том смысле, что открыл «третьему миру» глаза на сущность советской политики [Хейг, с. 42].

Ряд специалистов полагают, что советское политическое руководство, принимая решение о вводе советских войск в Афганистан, пыталось действовать в интересах национальной безопасности, во имя какой-то высшей идеологической цели, но без учета интересов собственного народа [Ляховский, с. 122]. Ему вторит генерал разведки Кирпиченко, отмечая, что при принятии данного решения были полностью проигнорированы вопросы внутреннего положения в СССР [Кирпиченко, с. 360]. По нашему мнению, общественный отклик просчитывался, но не ставился на первое место по значимости.

Основной задачей становилось дозирование информации об афганских событиях, доведение до народа минимума сведений. «Режим приложил все усилия, чтобы ограничить осведомленность населения о событиях в Афганистане, заставляя советских граждан принять позицию Советского Союза и подавить широкую общественную критику» [Якупова, Якупов, с. 88]¹⁰.

---

¹⁰ Об информационной составляющей также см. подробнее: [Христофоров, 2019, с. 18–19].

КГБ СССР разработал комплекс мер по сокрытию вопросов, связанных с изменениями в афганском руководстве и вводом советских войск в Афганистан. Утверждалось, что с марта 1979 г. афганское руководство (Тараки и Амин) 14 раз обращались к Москве с просьбами о вводе советских войск в Афганистан. Предлагалась даже фантастическая версия о том, что Бабрак Кармаль¹¹ нелегально вернулся в Афганистан в октябре 1979 г. и возглавлял деятельность подпольных организаций, которые якобы произвели казнь Амина. Тот факт, что устранение Амина произошло в процессе начавшегося ввода советских войск в Афганистан, объяснялся совпадением по времени, и причинной связи у этих событий не было [ЦА ФСБ России. Ф. 608. Оп. 2. Д. 14. Л. 252–254].

На заседании Политбюро ЦК КПСС 30 июля 1981 г. кремлевские идеологи обсуждали сюжет об увековечивании памяти о погибших в Афганистане. Было принято кощунственное, но вполне очевидное для государства, пытающегося скрыть от всего мира реальность происходящего, решение о том, что «нецелесообразно устанавливать сейчас надгробные плиты», а родителям погибших на все вопросы следовало отвечать заранее заготовленными стандартными и лаконичными фразами [Христофоров, 2019, с. 18–19].

Соответствующие указания регламентировали деятельность СМИ. Из новостей и особенностей подачи материалов следовало, что конфликт в Афганистане не являлся событием внешней политики СССР, но всегда оставался внутренним делом афганского народа [Авдонина, с. 194]. Цель советской информационной политики состояла в том, чтобы предотвратить публичное обсуждение участия Советского Союза в войне в Афганистане, поэтому угрозам, о которых писали в СМИ, подвергался в первую очередь южный сосед СССР: «...освещение войны в перестроечную эпоху проходило так, чтобы развести два понятия: политическое решение ввести войска и воинский долг, повиновение приказу, воинская обязанность» [Там же, с. 204, 205].

Различные структуры КГБ внимательно отслеживали то, как реагируют военнослужащие 40-й армии на боевые действия. В первую очередь их интересовали негативная реакция на пребывание советских войск в Афганистане («неизвестно, за что наши ребята свои головы кладут»), сравнение действий советских войск с американской кампанией во Вьетнаме («увязли, а вылезти не можем», август 1986 г.) [ЦА ФСБ России. Ф. 6. Оп. 9. Д. 483. Л. 50–59].

На первый взгляд, государственная стратегия в афганском направлении действительно отвечала категории «ограниченности». Решение было принято узким кругом лиц, направлено на сдержанное присутствие незначительного количества советских войск, тщательно охранялось не только от публичного обсуждения, но и от экспертного

---

¹¹ Кармаль Бабрак (1929–1996) – афганский политический, государственный и партийный деятель, один из основателей Народно-демократической партии Афганистана (НДПА), лидер фракции «Парчам».

воздействия. Обществу отводилась роль молчаливого наблюдателя, которому дают дозированную и лакированную информацию, слабо отражающую реальность. Стратегия действительно не отвечала категориям полномасштабных военных действий.

Глобальное мышление vs ограниченность

25 декабря 1979 г. части и соединения 40-й отдельной армии начали движение по понтонному мосту через пограничную реку Амударья на территорию Афганистана. Одновременно самолетами военно-транспортной авиации велась доставка войск и техники в Кабул и Баграм.

Стоит отметить, что приведенная нами в начале статьи позиция Б. Громова об отсутствии войны как таковой де-факто продолжает сформулированную в 1979 г. партийными функционерами идеологическую установку о помощи афганскому народу в весьма специфическом ограниченном объеме. Эта помощь была представлена всему миру так, чтобы не вызывать подозрений в открытом вмешательстве в афганские дела. Пренебрегая реальностью боевых действий, именуя их «покусываниями банд», отчасти можно было бы согласиться с подобным мнением, если бы не одно «но».

В записке от 31 декабря 1979 г., направленной в ЦК КПСС за подписями Андропова, Громыко, Устинова и Пономарева (на ее основе были заготовлены официальные материалы для советских СМИ), сообщалось:

...На волне патриотических настроений, охвативших довольно широкие народные массы афганского населения в связи с вводом советских войск, осуществленным в строгом соответствии с положением советско-афганского договора 1978 года, оппозиционные Амину силы в ночь с 27 на 28 декабря 1979 года организовали вооруженное выступление, которое завершилось свержением режима Х. Амина. Это выступление получило широкую поддержку со стороны трудящихся масс, интеллигенции, значительной части афганской армии, госаппарата, которые приветствовали создание нового руководства ДРА и НДПА [ЦА ФСБ России. Ф. бос. Оп. 2. Д. 14. Л. 252–254; Коргун, с. 418].

В действительности 27 декабря 1979 г. подразделения специального назначения КГБ и ГРУ ГШ ВС СССР при поддержке «Мусульманского батальона»¹² провели операцию под кодовым названием «Шторм-333»¹³ по захвату резиденции Амина, который во время штурма был убит. В результате специальной операции советской раз-

¹² Мусульманский батальон – 154-й отдельный отряд специального назначения ГРУ ГШ ВС СССР (командир – майор Х. Т. Холбаев), сформированный летом 1979 г. на базе 15-й отдельной бригады специального назначения ТуркВо (г. Чирчик Ташкентской обл.) из советских военнослужащих – выходцев из советских республик Средней Азии. Переброшен в Афганистан в начале декабря 1979 г.

¹³ Более подробно об операции «Шторм-333» см.: [Дроздов, с. 227–294].

ведки к власти в Афганистане было приведено новое просоветское правительство во главе с Бабраком Кармалем. Таким образом, режим Амина был уничтожен в результате переворота, в котором непосредственно участвовали советские войска, приглашенные афганским руководством. Военной силой извне был свергнут легитимный правитель, у власти было поставлено лояльное Москве правительство, а Афганистан удержался в сфере советских интересов.

К концу января 1980 г. ввод главных сил 40-й армии был в основном завершен. Тогда «ограниченный контингент» советских войск насчитывал более 52 тыс. человек, в разгар военной компании он превышал 100 тыс. человек. Но уже самые первые боевые действия советских войск привели к изменению изначальной стратегии и миссии ограниченного контингента, к включению его в боевые действия против повстанцев. Началась длительная вооруженная борьба. Из-за низкой боеспособности афганских вооруженных сил советским войскам пришлось принимать участие в боевых действиях с вооруженными отрядами оппозиции – моджахедами.

Отказавшись от действия крупными силами, представители афганских племен разбили свои формирования на отряды и группы численностью от 20 до 100 человек и перешли к партизанским действиям, основой которых стали засады. На узких дорогах Афганистана, с обеих сторон окруженных возвышенностями, было удобно вести огонь из стрелкового оружия и гранатометов. Советские войска постепенно втягивались в боевые действия с вооруженными отрядами и группами афганской оппозиции, которые поддерживало местное население [Меримский, с. 196–198].

В некоторых регионах боевые операции проводились по несколько раз (например, в долине Панджшер против отрядов полевого командира Ахмад Шаха Масуда [ЦА ФСБ России. Ф. бос. Оп. 8. Д. 4. Л. 40–41; Д. 15. Л. 73–76]), однако вскоре после их завершения вооруженные отряды оппозиции без труда возвращали себе утраченные позиции, потому что представители новой власти не пользовались авторитетом, не хотели и не умели работать с населением. Советским солдатам пришлось вести борьбу с афганским народом, сталкиваясь с культурно разобщенным афганским обществом, безуспешно бороться с усилением ислама [Рунов, с. 37].

По данным советской разведки и контрразведки, в стране в разное время действовало более 4 тыс. отрядов и групп оппозиции общей численностью от 150 до 200 тыс. человек. Ежегодно в Афганистан засылались сотни новых вооруженных групп и отрядов оппозиции, десятки тысяч человек. Задача по перекрытию от притока вооруженных отрядов границы Афганистана с Пакистаном и Ираном оказалась исключительно трудной. Сильными сторонами афганской оппозиции были прекрасное знание местности, высокая мобильность вооруженных отрядов и хорошая физическая выносливость бойцов, внезапность нападений, широкая социальная база и симпатии на-

селения, внешняя материальная и моральная поддержка со стороны Пакистана, Ирана и других стран. Слабыми ее сторонами являлись отсутствие единства, стратегического планирования и опыта нападения на защищенные города, ограниченная огневая поддержка, логистические проблемы в доставке боеприпасов и вооружения, оказания медицинской помощи раненым [ЦА ФСБ России. Ф. бос. Оп. 7. Д. 21. Л. 85–93; Спольников; *The Soviet Experience in Afghanistan*].

Интенсивность боевых действий советских войск до середины 1980-х гг. постоянно возрастала. Однако это не приводило к закреплению правительственных сил. Между тем, росли боевые потери советских войск¹⁴, а расширение вооруженной борьбы в Афганистане требовало от Советского Союза все больших финансовых и материальных затрат. Ситуация в Афганистане развивалась по весьма проблемному для СССР сценарию: советские вооруженные силы при поддержке афганских войск не могли ни выиграть войну, ни остановить ее, ни уйти без существенных репутационных потерь [ЦА ФСБ России. Ф. бос. Оп. 7. Д. 21. Л. 85–93].

Кремль понимал всю ограниченность размера 40-й армии – при сложившейся международной обстановке и специфике местного ландшафта не было возможности развернуть большие силы, поэтому термин, использовавшийся для наименования афганской группировки («ограниченный контингент»), имел не только пропагандистское, но и вполне реальное звучание. Имеющимися ресурсами 40-я армия могла закрепиться в определенных районах, но не могла стабилизировать ситуацию в масштабах всей страны, так как нужно было перемещаться из одного ареала в другой, оставляя регионы уязвимыми для действий оппозиции.

Перед советскими войсками ставились две основные задачи: разгромить крупные вооруженные отряды афганской оппозиции в базовых районах и оказать содействие афганскому правительству в расширении и укреплении органов государственной власти на местах, в перекрытии государственной границы Афганистана. Если первую (боевую) задачу советские и афганские войска, как правило, выполняли, нанося при этом противнику большие потери, то вторую решить было несоизмеримо сложнее [ЦА ФСБ России. Ф. ОКСВ. Д. 22. Т. 17. Л. 23–37].

Советские войска оказались не готовы к контрпартизанским действиям. Опыт борьбы частей и подразделений Красной армии и войск ОГПУ по борьбе с басмачами в Средней Азии был забыт, более поздний опыт борьбы иностранных армий с партизанским движением в период Второй мировой войны и локальных войн 1950–1970-х гг.

---

¹⁴ Второй период пребывания советских войск в Афганистане (март 1980 – апрель 1985) стал пиковым по числу погибших, унеся жизни 9 175 советских солдат и офицеров (49 % потерь за всю афганскую кампанию). Основные потери несли военнослужащие 40-й армии, в то же время среди погибших были советские военные советники (в том числе генералы), сотрудники КГБ и МВД СССР, военнослужащие пограничных войск КГБ СССР [Россия в войнах XX века, с. 539].

также не изучался. Военно-политическая эффективность советских военных действий стремилась к нулю.

В результате около двух третей (63 %) подразделений советских войск в Афганистане были вынуждены заниматься охраной и обеспечением безопасности городов и крупных населенных пунктов, коммуникаций, аэродромов, мест дислокаций воинских частей (на территории Афганистана дислоцировались 179 советских воинских частей, расположенных в 33 гарнизонах, из них боевых частей – 39, авиационных – 41, тыловых – 35, обеспечения и обслуживания – 64), объектов промышленности, науки и культуры. К боевым действиям в Афганистане могли привлекаться только 37 % подразделений 40-й армии [ЦА ФСБ России. Ф. ОКСВ. Д.17. Т. 8. Л. 24–39]. Вооруженные отряды оппозиции действовали практически по территории всей страны и контролировали около 80 % кишлачной зоны. Советские эксперты по Афганистану не смогли спрогнозировать, что в условиях сложной логистической ситуации поддержка для частей и соединений 40-й армии будет опасной операцией, а также не учли зависимость афганской экономики от безопасности на коммуникациях дорожных связей – все это усиливало уязвимость для советских войск.

Данные характеристики весьма сильно отличались от тех целей и задач, которые прописывались советскими военными теоретиками, разрабатывавшими стратегию использования советских вооруженных сил, вооружения и боевой техники применительно к потенциальному конфликту со странами НАТО. В Афганистане СССР ждала не высокотехнологичная кампания с современным вооружением и боевой техникой, использованием военно-воздушных сил, регулярными воинскими формированиями. Именно о такой «полноценной войне» и говорил генерал Громов. Такими же категориями мыслило советское военное командование. Вместо этого Советский Союз получил затяжную партизанскую войну, часто лишённую высокой интенсивности боевых действий и стремительного темпа, идущую только на тактическом уровне.

Советские представители фактически с начала 1981 г. на международном уровне вели обсуждение путей мирного урегулирования афганской проблемы. В 1982 г. под эгидой ООН был запущен процесс непрямых афгано-пакистанских переговоров, закончившийся лишь в 1988 г. подписанием документов, вошедших в историю как Женевские соглашения¹⁵. Выработкой позиции афганской стороны на переговорах в Женеве занимались эксперты МИД, Минобороны, КГБ СССР и Международного отдела ЦК КПСС [ЦА ФСБ России. Ф. 6 ос. Оп. 6. Д. 22. Л. 266–273; Д. 23. Л. 46–48; Д. 24. Л. 88–94, 295–303; Д. 30. Л. 71–79. Оп. 7. Д. 14. Л. 155–160; Оп. 10. Д. 55. Л. 294–300]. Подписать соглашения по Афганистану удалось лишь в апреле 1988 г., а 15 фев-

---

¹⁵ Более подробно о Женевских соглашениях по Афганистану см.: [Христофоров, 2008].

раля следующего года вывод войск 40-й армии из Афганистана был полностью завершен.

Так закончилось более чем девятилетнее советское военное присутствие в Афганистане, проходившее на фоне жестокого противостояния афганского правящего режима, поддерживаемого СССР, с одной стороны, и афганской оппозиции, поддерживавшейся Пакистаном, США и другими странами, с другой. В нем пострадало более миллиона афганских граждан, несколько миллионов афганских беженцев оказались в эмиграции. Всего были убиты, умерли от ран и болезней, погибли в катастрофах 18 тыс. афганских и 15 051 советских военнослужащих [Россия в войнах XX века, с. 536]. По мнению американского эксперта по вопросам безопасности в США, Южной Азии и борьбе с терроризмом Брюса О. Риделя, война в Афганистане стала финальной битвой холодной войны, борьбы между США и их союзниками, с одной стороны, и Россией с союзниками, с другой стороны [Riedel].

Долгосрочные последствия «афганской» политики в момент принятия решения о вводе войск в значительной степени игнорировались, так как первоначальная стратегия была ориентирована на блицкриг, успокоение Афганистана малыми силами без активных боевых действий. Однако категория «ограниченность» советской «афганской» стратегии была похоронена в момент убийства Хафизуллы Амина, легитимного руководителя суверенного государства. *Realpolitik* и влияние силовых ведомств с их милитаристским мышлением оказались сильнее изначальных стратегических установок. Это событие сыграло далеко не последнюю роль в развязывании реальной войны, сопровождавшейся невымысленными операциями, людскими и материальными потерями.

В условиях геополитического противоборства ввиду неостребованности экспертного анализа, доминирования в общественном и государственном поле влиятельных силовых структур накопленный «имперский» опыт разговора с политическими сателлитами с позиции силы придал стратегии войны в Афганистане весьма специфический вид, который явно выходил за рамки ограниченного присутствия. Он больше походил на симптоматические колебания между стремлением уйти и желанием остаться. Отсюда и происходила известная непоследовательность «афганской» советской политики, приведшая к резкому ухудшению ситуации в Кабуле спустя три года после вывода войск.

Список литературы

Авдонина Н. С. Исполнившие интернациональный долг : Образ «афганца» в советских средствах массовой информации // Свободная мысль. 2015. № 5 (1653). С. 189–206.

Акимбеков С. М. История Афганистана. Астана ; Алматы : ИМЭП при Фонде Первого Президента, 2015. 848 с.

- Архив Президента РФ. Ф. 3. Оп. 82. Д. 138, 148, 151.
- Брейтвейт Р.* Афган: русские на войне / пер. с англ. А. Широкова. М. : АСТ : Corpus, 2013. 496 с.
- Громов Б.* В Афганистане не было поражения или победы : интервью // ТАСС : [сайт]. 2016. 27 сент. URL: <https://tass.ru/interviews/3654718> (дата обращения: 15.01.2020).
- Дроздов Ю. И.* Записки начальника нелегальной разведки. М. : ОЛМА-Пресс, 2000. 415 с.
- Кирпиченко В. А.* Разведка: лица и личности. М. : Междунар. отношения, 2001. 400 с.
- Коргун В. Г.* История Афганистана. XX век. М. : Ин-т востоковедения РАН : Крафт+, 2004. 528 с.
- Крючков В. А.* Личное дело : в 2 ч. М. : Олимп, 1996. Ч. 1. 448 с.
- Ляховский А.* Трагедия и доблесть Афгана. М. : Искона, 1995. 650 с.
- Меримский В. А.* Загадки Афганской войны. М. : Вече, 2006. 384 с.
- «Начальники махали шашками: мы Берлин брали, а вы кишлак взять не можете?» : интервью Героя Советского Союза, ветерана-афганца Руслана Аушева // Новая газета : [сайт]. 2019. 25 дек. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2019/12/25/83292-nachalniki-mahali-shashkami-my-berlin-brali-a-vy-kishlak-vzyat-ne-mozhete> (дата обращения: 15.01.2020).
- Нешумов Ю. А.* Границы Афганистана: трагедия и уроки : ист.-публиц. исслед. 2-е изд., доп. М. : Граница, 2011. 304 с.
- Никитенко Е. Г.* Афганистан: от войны 80-х до прогноза новых войн. М. : Астрель : АСТ, 2004. 365 с.
- Россия в войнах XX века. Потери вооруженных сил / под общ. ред. Г. Ф. Кривошеева. М. : ОЛМА-Пресс, 2001. 608 с.
- Рунов В. А.* Афганская война. Боевые операции. М. : Яуза : ЭКСМО, 2008. 432 с.
- Спольников В. Н.* Афганистан: исламская оппозиция : Истоки и цели. М. : Наука, 1990. 192 с.
- Топорков В. М.* «Нет никаких шансов, что гонка вооружений может истощить советские материальные и интеллектуальные резервы...» : (Влияние афганского фактора на экономические процессы в СССР в 1980–1992 гг.) // Воен.-ист. журн. 2014. № 7. С. 10–14.
- Фейфер Г.* Большая игра : Война СССР в Афганистане / пер. с англ. М. Крысина. М. : ЭКСМО, 2013. 336 с.
- Хейг А.* Предостережение: реализм, Рейган и внешняя политика. М. : Прогресс, 1985. 406 с.
- Христофоров В. С.* Трудный путь к Женевским соглашениям 1988 года по Афганистану // Новая и новейшая история. 2008. № 5. С. 23–47.
- Христофоров В. С.* Афганистан: военно-политическое присутствие СССР 1979–1989 гг. М. : Ин-т рос. истории. РАН, 2016. 544 с.
- Христофоров В. С.* Афганские события 1979–1989 гг.: от познания к осмыслению и признанию // Рос. ист. 2019. № 6. С. 3–21. DOI 10.31857/S086956870007464-1.
- ЦА ФСБ России. Ф. 5. Оп. 27/3. Д. 59; Ф. 6ос. Оп. 2. Д. 14, 64; Оп. 3. Д. 15, 26; Оп. 6. Д. 22, 23, 24, 30; Оп. 7. Д. 14, 21; Оп. 8. Д. 4, 15; Оп. 9. Д. 483; Оп. 10. Д. 55; Ф. 12ос. Оп. 41. Д. 2; Ф. ОКСВ. Д. 17. Т. 8; Д. 22. Т. 17.
- Якупова Д. В., Якулов Р. А.* Советское общество и война в Афганистане в оценках Центрального разведывательного управления // Изв. Высш. учеб. заведений. Поволжский регион. Гуманитар. науки. 2019. № 2 (50). С. 84–99. DOI 10.21685/2072-3024-2019-2-7.
- Riedel B.* What We Won: America's Secret War in Afghanistan, 1979–89. Washington, DC : Brookings Inst. Press, 2014. 189 p.
- The Soviet Experience in Afghanistan: Russian Documents and Memoirs // The National Security Archive : [website]. URL: <https://nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB57/soviet.html> (mode of access: 29.12.2019).

References

- Kimbekov, S. M. (2015). *Istoriya Afganistana* [History of Afghanistan]. Astana – Almaty, Institut mirovoi ekonomiki i politiki pri Fonde Pervogo Prezidenta. 848 p.
- Arkhiv Prezidenta RF* [Archive of the President of the Russian Federation]. Stock 3. List 82. Dos. 138, 148, 151.
- Avdonina, N. S. (2015). Ispolnivshie internatsional'nyi dolg. Obraz "afgantsa" v sovetskikh sredstvakh massovoi informatsii [Fulfilled International Duty. The Image of the "Afghan" in the Soviet Media]. In *Svobodnaya mysl'*. No. 5 (1653), pp. 189–206.
- Braithwaite, R. (2013). *Afgan: russkie na voine* [Afghantsy: Russians in Afghanistan 1979–89] / transl. by A. Shirokov. Moscow, AST, Corpus. 496 p.
- Drozdov, Yu. I. (2000). *Zapiski nachal'nika nelegal'noi razvedki* [Notes by the Chief of Illegal Intelligence]. Moscow, OLMA-Press. 415 p.
- Feifer, G. (2013). *Bol'shaya igra. Voina SSSR v Afganistane* [The Big Game. The USSR's War in Afghanistan] / transl. by M. Krysin. Moscow, EKSMO. 336 p.
- Gromov, B. (2016). V Afganistane ne bylo porazheniya ili pobedy. Interv'yu [There Was No Defeat or Victory in Afghanistan]. In *TASS* [website]. 27 September. URL: <https://tass.ru/interviews/3654718> (mode of access: 15.01.2020).
- Haig, A. (1985). *Predosterezhenie: realizm, Reigan i vneshnyaya politika* [Caveat: Realism, Reagan and Foreign Policy]. Moscow, Progress. 406 p.
- Khristoforov, V. S. (2008). Trudnyi put' k Zhenevskim soglasheniyam 1988 goda po Afganistanu [The Difficult Path to the 1988 Geneva Agreements on Afghanistan]. In *Novaya i noveishaya istoriya*. No. 5, pp. 23–47.
- Khristoforov, V. S. (2016). *Afganistan: voenno-politicheskoe prisutstvie SSSR 1979–1989 gg.* [Afghanistan: The Military-Political Presence of the USSR 1979–1989]. Moscow, Institut rossiiskoi istorii RAN. 544 p.
- Khristoforov, V. S. (2019). Afganskie sobytiya 1979–1989 gg.: ot poznaniya k osmysleniyu i priznaniyu [Afghanistan Events of 1979–1989: From Cognition to Comprehension and Recognition]. In *Rossiiskaya istoriya*. No. 6, pp. 3–21. DOI 10.31857/S086956870007464-1.
- Kirpichenko, V. A. (2001). *Razvedka: litsa i lichnosti* [Intelligence: Faces and Personalities]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya. 400 p.
- Korgun, V. G. (2004). *Istoriya Afganistana. XX vek* [History of Afghanistan. 20th Century]. Moscow, Institut vostokovedeniya RAN, Kraft+. 528 p.
- Krivosheev, G. F. (Ed.). (2001). *Rossiya v voinakh XX veka. Poteri vooruzhennykh sil* [Russia in the Wars of the 20th Century. Losses of the Armed Forces]. Moscow, OLMA-Press. 608 p.
- Kryuchkov V. A. (1996) *Lichnoe delo v 2 ch.* [Private Business. 2 Parts]. Moscow, Olimp. Part 1. 448 p.
- Lyakhovskii, A. (1995). *Tragediya i doblest' Afgana* [The Tragedy and Valor of Afghanistan]. Moscow, Iskona. 650 p.
- Merimskii, V. A. (2006). *Zagaadki afganskoi voiny* [Riddles of the War in Afghanistan]. Moscow, Veche. 384 p.
- "Nachal'niki makhali shashkami: my Berlin brali, a vy kishlak vzyat' ne mozhetey?". Interv'yu Geroya Sovetskogo Soyuz, veterana-afgantsa Ruslana Ausheva ["The bosses waved sabers: we took Berlin, but you can't take a village?"] Interview with the Hero of the Soviet Union, Afghan Veteran Ruslan Aushev]. (2019). In *Novaya gazeta* [website]. 25 December. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2019/12/25/83292-nachalniki-mahali-shashkami-my-berlin-brali-a-vy-kishlak-vzyat-ne-mozhete> (mode of access: 15.01.2020).
- Neshumov, Yu. A. (2011). *Granitsy Afganistana: tragediya i uroki. Istoriko-publitsisticheskie issledovaniya* [Borders of Afghanistan: Tragedy and Lessons. Historical and Journalistic Research]. 2nd Ed., add. Moscow, Granitsa. 304 p.
- Nikitenko, E. G. (2004). *Afganistan: ot voiny 80-kh do prognoza novykh voin* [Afghanistan: From the War of the 1980s to the Forecast of New Wars]. Moscow, Astrel', AST. 365 p.

Riedel, B. (2014). *What We Won: America's Secret War in Afghanistan, 1979–89*. Washington, DC, Brookings Inst. Press. 189 p.

Runov, V. A. (2008). *Afganskaya voina. Boevye operatsii* [War in Afghanistan. Combat Operations]. Moscow, Yauza, EKSMO. 432 p.

Spol'nikov, V. N. (1990). *Afganistan: islamskaya oppozitsiya. Istoki i tseli* [Afghanistan: Islamic Opposition. Origins and Goals]. Moscow, Nauka. 192 p.

The Soviet Experience in Afghanistan: Russian Documents and Memoirs. In *The National Security Archive* [website]. URL: <https://nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB57/soviet.html> (mode of access: 29.12.2019).

Toporkov, V. M. (2014). “Net nikakikh shansov, chto gonka vooruzhenii mozhet istoshchit' sovetские material'nye i intellektual'nye rezervy...”. (Vliyaniye afganskogo faktora na ekonomicheskie protsessy v SSSR v 1980–1992 gg.) [“There is no chance that the arms race can deplete soviet material and intellectual reserves...”. (The Influence of the Afghanistan Factor on the Economic Processes in the USSR in 1980–1992)]. In *Voенно-istoricheskii zhurnal*. No. 7, pp. 10–14.

ISA FSB Rossii [Central Archive of the Federal Security Service of Russia]. Stock 5. List 27/3. Dos. 59; Stock 6os. List 2. Dos. 14, 64; List 3. Dos. 15, 26; List 6. Dos. 22, 23, 24, 30; List 7. Dos. 14, 21; List 8. Dos. 4, 15; List 9. Dos. 483; List 10. Dos. 55; Stock 12os. List 41. Dos. 2; Stock OKSV. Dos. 17. T. 8; Dos. 22. T. 17.

Yakupova, D. V., Yakupov, R. A. (2019). Sovetskoe obshchestvo i voina v Afganistane v otsenkakh Tsentral'nogo razvedyvatel'nogo upravleniya [Soviet Society and the War in Afghanistan in the Estimates of the Central Intelligence Agency]. In *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Gumanitarnye nauki*. No. 2 (50), pp. 84–99. DOI 10.21685/2072-3024-2019-2-7.

The article was submitted on 20.01.2020

DOI 10.15826/qr.2020.2.470
УДК 327.5(470:581)"1979/1989"

ПАТРИОТИЧЕСКИЙ ВЕКТОР В РЕТРОСПЕКТИВНЫХ ОЦЕНКАХ АФГАНСКОЙ ВОЙНЫ*

Иван Сафранчук

Андрей Казанцев

МГИМО Университет,
Москва, Россия

Рустам Махмудов

Университет мировой экономики и дипломатии,
Ташкент, Узбекистан

PATRIOTIC INTERPRETATION IN THE RETROSPECTIVE ASSESSMENT OF THE WAR IN AFGHANISTAN**

Ivan Safranchuk

Andrey Kazantsev

MGIMO University,
Moscow, Russia

Rustam Makhmudov

University of World Economy and Diplomacy,
Tashkent, Uzbekistan

This article refers to memoirs of high-ranking participants and witnesses of the war in Afghanistan (1979–1989) published in the 1990s: it singles out two departmental interpretations of the war by military and intelligence veterans and examines their influence on the study of the history of the war. The article takes an unprecedented look at important transformation in interpretations at the turn of the century. The authors provide a holistic picture which they define as a patriotic

---

* Статья подготовлена при финансовой поддержке МГИМО Университета МИД России в рамках проекта № 1921–01–04.

** *Citation*: Safranchuk, I., Kazantsev, A., Makhmudov, R. (2020). Patriotic Interpretation in the Retrospective Assessment of the War in Afghanistan. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 2. P. 399–414. DOI 10.15826/qr.2020.2.470.

Цитирование: Safranchuk I., Kazantsev A., Makhmudov R. Patriotic Interpretation in the Retrospective Assessment of the War in Afghanistan // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 2. P. 399–414. DOI 10.15826/qr.2020.2.470 / Сафранчук И., Казанцев А., Махмудов Р. Патриотический вектор в ретроспективных оценках Афганской войны // *Quaestio Rossica*. Т. 8. 2020. № 2. С. 399–414. DOI 10.15826/qr.2020.2.470.

perspective and describe its elements. Also, the article demonstrates the main peculiarity of its formation and support, i. e. the use of interpretations of current international events to justify a positive assessment of the war in Afghanistan. The authors conclude that the formation of the patriotic perspective diminished the objectivity of knowledge about the war in Afghanistan and is probably going to further impede access to it. Together with this, the patriotic perspective has made it possible for the war veterans to complete their withdrawal from the war as they have given up disputes about the character of the war which endured from its start.

Keywords: war in Afghanistan; Russia; departmental interpretations; patriotic interpretation.

В статье на базе воспоминаний высокопоставленных участников и свидетелей Афганской войны, опубликованных в 1990-х гг., выделяются две ведомственные интерпретации Афганской войны (1979–1989) – военных и внешней разведки КГБ – и рассматривается их влияние на изучение истории этой войны. Впервые описывается важная трансформация интерпретаций на рубеже веков, которые были сведены в общую новую картину (авторы определяют ее как патриотическую). Приводятся основные элементы патриотической интерпретации. Показывается главная особенность ее формирования и поддержания: использование трактовок текущих международных событий для обоснования положительной оценки Афганской войны. Делается вывод, что в том виде, как это произошло, формирование патриотической интерпретации стало отдалением от объективного знания об Афганской войне и, возможно, будет затруднять дальнейшее продвижение к нему. Одновременно патриотическая интерпретация помогла завершить выход из войны в широком смысле слова для самих ее ветеранов, которые оставили принципиальные споры о ее характере, тянущиеся с самой войны.

Ключевые слова: Афганская война; Россия; ведомственные интерпретации; патриотическая интерпретация.

На завершающем этапе Афганской войны уже существовало понимание, что переход от войны к миру не будет простым, что у этой войны будет свое «эхо». Шли дискуссии об отношении общества и государственной бюрократии к воинам-интернационалистам. Но также важной частью перехода от войны к миру было восполнение знаний об Афганской войне, о которой обществу долгое время предоставлялась неполная и искаженная информация.

Среди источников по истории Афганской войны важными являются воспоминания ее высокопоставленных участников и свидетелей, опубликованные с начала 1990-х гг. параллельно с рассекречиванием документов. Авторы воспоминаний часто противоречат друг другу, а нередко информации из документов. Но у этой противоречивости есть системность: разногласий гораздо больше между пред-

ставителями разных ведомств, чем между коллегами по одному ведомству. Во многих воспоминаниях отмечается, что по афганскому вопросу существенные ведомственные разногласия имели место еще во время войны. В 1990-е гг. это стало важным приращением в стремлении к объективному знанию об Афганской войне, и практически все научные и публицистические работы, в которых упоминается о ведомственных разногласиях, приводят примеры таковых.

Необходимо понять, трансформировались ли ведомственные споры времен войны в существенно отличные и достаточно цельные ретроспективные ее интерпретации и насколько эти интерпретации способствуют или мешают ее изучению. Задача состояла в реконструкции ведомственных позиций, вычленении соответствующей информации из воспоминаний, установлении динамики этих позиций в послевоенный период. Для реконструкции ведомственных позиций заданы два критерия: симметричность проблем, по которым высказывается мнение разными ведомствами, и различие мнений. В результате самостоятельные и достаточно цельные интерпретации Афганской войны (цели, течение и итог) удалось описать для военных¹ и сотрудников внешней разведки КГБ². При отслеживании развития этих ведомственных трактовок авторы впервые выявили синтез интерпретаций военных и разведчиков в начале 2000-х гг.,³ за счет чего была сформирована новая патриотическая версия событий.

Ведомственные интерпретации военных и разведчиков

Военные полагали, что они были поставлены в крайне неблагоприятные условия в Афганистане, но делали максимум возможного, несмотря на то, что трудностей им только добавляли⁴. Они с самого начала выступали против ввода войск в Афганистан, но их туда послали политики, опираясь на информацию от разведки КГБ (иногда

---

¹ Для военных это было сделано главным образом по воспоминаниям Б. В. Громова [Громов], А. А. Ляховского [Ляховский, 1995], В. А. Меримского [Меримский], М. М. Майорова [Майоров], также использовались воспоминания М. А. Гареева [Гареев], книга «Война в Афганистане» [Война в Афганистане], статья военного историка В. Г. Сафронова [Сафронов], интервью А. С. Аушева [«Начальники махали шашками»]. Для реконструкции ведомственной позиции военных были привлечены воспоминания, в которых отражены политические и военно-стратегические аспекты (литература, в которой описываются только личный опыт, отдельные операции и т. д., не привлекалась).

² Ведомственная позиция разведчиков описывалась по воспоминаниям Н. С. Леонова [Леонов], Л. В. Шебаршина [Шебаршин, 1992; Шебаршин, 1994], В. А. Крючкова [Крючков, 1996].

³ См. работы Р. А. Медведева [Медведев] и В. И. Варенникова [Варенников].

⁴ Представленную далее интерпретацию военных в большей степени выражали и разделяли те, кто непосредственно командовали войсками в Афганистане, вверх же по командной цепочке согласие с некоторыми ее пунктами ослабевает. Например, среди военных были сторонники более решительных действий и в ходе ввода войск, и в дальнейшем (с оговорками, что лучше было вообще не вводить войска, но если уж ввели, то не должно быть такого – «ограниченный контингент и воюет ограниченно») [Гареев, с. 46–47, 62–65].

говорится, что также от МИД, но он упоминается редко) [Война в Афганистане, с. 215–216; Меримский, № 10, с. 13–14, 21; Майоров, с. 44]. Неблагоприятные условия предопределялись несколькими факторами: отсутствием четких изначальных задач или их изменением, что привело к втягиванию в местный конфликт [Меримский, № 12, с. 27–29; Гареев, с. 49, 54, 62]; нежеланием афганской армии и полиции брать на себя бремя войны с мятежниками, а нередко и помощью им [Меримский, № 12, с. 32; Громов, 1994, с. 121, 182, 261]; иностранной помощью моджахедам [Громов, с. 198–202]. Военные делали все возможное: старались минимизировать потери (и свои, и среди мирного населения) [Там же, с. 177, 196, 255], не шли на эскалацию военных действий (иногда даже обманывали начальство, если оно требовало активизировать боевые действия), а старались замирать моджахедов [Громов, с. 144, 175, 192–193, 207, 264–265; Афганистан: предварительные итоги, с. 26–27], даже ставили вопрос о выводе войск [Громов, с. 217; Майоров, с. 271]. Трудностей добавляли афганские и советские политические руководители (первые занимали иждивенческую позицию и постоянно требовали более активных военных действий, а вторые долго шли у них на поводу) [Громов, с. 175, 313–314], приказы из Москвы и инспекции крупных военачальников, которые не учитывали местную специфику⁵, КГБ (разведчики требовали масштабных операций против знаковых фигур моджахедов, которых армейские генералы предпочитали по возможности замирать) [Там же, с. 194–195]. В отношении КГБ критика приобретала иногда крайне острую форму: «Очевидно, не навоевавшись со своими соотечественниками, кабинетные деятели КГБ стремились во что бы то ни стало проявить доблесть в Афганистане. Вот только для того, чтобы кто-то из них продырявил лацкан своего пиджака для очередного ордена, солдаты и офицеры 40-й армии должны были рисковать жизнью» [Там же, с. 195]. Крайне резко высказывался в адрес разведки КГБ маршал Н. В. Огарков [Майоров, с. 276–277].

Главной политической целью афганской кампании военные считали поддержку режима в Кабуле (прежде всего по идеологическим соображениям) [Громов, с. 198; Ляховский, 1995, с. 617–618] и считали, что ради торжества идеологических представлений жертвы не могут быть оправданы [Громов, с. 196, 218; Ляховский, 1995, с. 122; Сафронов, с. 71]. Также у военных был тезис, что их участие в конфликте превратилось в войну с народом, выиграть которую невозможно [Громов, с. 195–196]. Но для военных было важно, что все это не умаляет значения честно выполненного воинами-интернационалистами долга и что армия не потерпела военного поражения – на этом настаивали все [Громов, с. 237, 331–332; Ляховский, 1995, с. 616–618; Саф-

---

⁵ Генерал Громов пишет об этом сдержанно [Громов, с. 174–176], а генерал Аушев – резко: «К нам приезжали большие генералы из Москвы и ставки южного направления и начинали махать шашками. Буквально говорили: мы Берлин брали, а вы какой-то кишлак взять не можете?» [«Начальники махали шашками»].

ронов, с. 71; Гареев, с. 376)⁶, некоторые при этом признавали, что военной победы тоже не было [Громов, с. 331], и советское руководство было вынуждено согласиться на вывод войск (из-за внешней и внутренней критики) [Там же, с. 337], или констатировали политическое поражение, которое было вне компетенции военных [Афганистан. Войну проиграли политики; Гареев, с. 70].

В воспоминаниях разведчиков представлен иной взгляд на Афганскую войну. Акцентируется внимание на том, что война шла неудачно, военные операции не давали необходимого результата. При этом одни критиковали военных [Шебаршин, 1992, с. 179–181, 191–192; Леонов, с. 263–266], другие представляли военные неудачи как нечто объективное [Крючков, 1996, с. 210]. Разведчикам было непонятно, почему, если уж ввязались в войну, не воевать в полную силу – они требовали увеличить, если необходимо, группировку, наносить удары по лагерям боевиков на пакистанской территории и т. д. [Леонов, с. 267–268], были не согласны с формулой военных, что в Афганистане имело место политическое, а не военное поражение [Шебаршин, 1992, с. 192]. Вызывала у разведчиков нарекания и работа многочисленных партийных и отраслевых советников [Леонов, с. 267]. При этом разведчики настаивали, что реальные угрозы, которые определяли цели войны, это закрепление США в Афганистане и создание военных угроз для СССР, а также распространение там исламского фундаментализма и его перетекание в СССР с катастрофическими последствиями [Шебаршин, 1992, с. 203; Крючков, 1996, с. 199–202, 241–242].

У разведчиков сформировалось два варианта заключений. Первый, более драматичный, – все пошло не по плану и в конечном счете не получилось, и второй, более спокойный, – все шло медленнее, чем хотелось бы, но в конечном счете главные задачи были решены, а потери признаны небольшими [Крючков, 1996, с. 185, 240]⁷. В первом варианте более резко критикуются военные, а защита тех соображений, которыми обосновывалось военное вмешательство в афганские дела, совмещается с признанием, что ввод войск был ошибкой [Шебаршин, 1994, с. 55]. Во втором критика в адрес военных и советников звучит более сдержанно, зато защищаются представления об угрозах, на основе которых было принято решение о вводе, и сам ввод войск хотя и признается, но звучит мысль о том, что осуществлять его следовало бы по-другому [Крючков, 1996, с. 203, 242]. В обоих этих вариантах есть общее ядро – наличие угрозы, мысль о том, что ввод войск был необходим для защиты жизненно важных интересов СССР [Шебаршин, 1994, с. 203; Крючков, 1996, с. 185, 199].

---

⁶ Конечно, главным образом это ответ общественному мнению конца 1980-х гг., но упреки в адрес военных – мол, победить не можете – звучали на межведомственных совещаниях еще до перестройки [Майоров, с. 271].

⁷ Есть точка зрения, что боевые потери в Афганской войне завышены, поскольку военных, погибших в результате несчастных случаев, оформляли как боевые потери, чтобы семьи получили льготы и уважение общества [«Начальники махали шашками»].

Подчеркнем, что речь идет не просто о ведомственных, а о более фундаментальных разногласиях, обусловленных разным пониманием каузальности военной тяжести и безнадежности. Тяжелая потому, что безнадежная (из-за своих целей), или безнадежная, потому что тяжелая (из-за того, как идет война)? Военные высказали свою позицию в пользу первого. Разведчики – в пользу второго. Или вообще не признавали войну безнадежной.

Формирование патриотической интерпретации

В 1990-е гг. на постсоветском пространстве происходили события, которые многие связывали с Афганистаном. В Таджикистане в 1992–1997 гг. шла гражданская война, одна из сторон в которой имела поддержку со стороны Афганистана⁸. Это был важный для безопасности России вопрос, так как таджикско-афганскую границу охраняли российские пограничники [Примаков, с. 166]. Первая чеченская война, и особенно вторая, в которых Россия столкнулась не только с сепаратистами, но и с исламистскими экстремистами, также связывались с Афганистаном [Там же, с. 130]. Получивший широкую известность в чеченских кампаниях полевой командир арабского происхождения Хаттаб воевал против советских войск в Афганистане, имел там лагерь подготовки боевиков и провез отряд на «чеченскую кампанию». Первым, с кем де-факто независимая Ичкерия (после Хасавюртовских соглашений 1997 г.) установила дипломатические отношения, было талибское правительство в Афганистане. С учетом всего этого Чечня виделась «не изолированным явлением», а элементом «стратегического исламско-экстремистского треугольника» Афганистан – Северный Кавказ – Косово [Примаков, с. 464].

Все это заставляло произвести переоценку действий СССР в Афганистане. Получалось, что пока советские войска воевали в Афганистане, «дома» также было безопасней. Это могло морально реабилитировать военных, но в еще большей степени – разведчиков. Такие настроения постепенно созревали в среде специалистов (в непубличном пространстве).

Первой крупной публикацией, представившей Афганскую войну в свете таких настроений, была афганская глава книги Р. А. Медведева «Неизвестный Андропов» (1999). Автор исходит из того, что у советского руководства должны были быть очень веские причины для принятия решения о вводе войск [Медведев, с. 277–280], поскольку в Политбюро понимали (это подтверждается документально), что

---

⁸ Руководство вооруженной оппозиции в 1993 г. эвакуировалось из Таджикистана в Афганистан. Там тоже шла гражданская война, но таджикская оппозиция получала помощь от разных политиков и полевых командиров, в том числе враждовавших между собой; когда в Афганистане появились талибы, они тоже стали оказывать поддержку таджикской вооруженной оппозиции, были и контакты с Хаттабом, позже ставшим широко известным в России по событиям в Чечне [Интервью с участниками Афганской войны].

ввод войск в Афганистан может вылиться в тяжелую войну с народом [Медведев, с. 271–272]. Медведев настаивает, что решение определяли соображения геополитического характера и связанная с ними оценка угроз для СССР (распространение исламского фундаментализма), победа в 1979 г. Исламской революции в Иране (риск ее экспорта сначала в Афганистан, а оттуда в СССР), интерес США к Афганистану («в сознании советских лидеров возникали пугающие картины американских ракет, нацеленных на Советский Союз с территории Афганистана»), попытки китайского «агрессивного маоизма» расширить свое влияние в Азии, решение американцев о размещении в Европе новых ядерных ракет («по логике холодной войны, ослабление позиций... в одном регионе можно и нужно было компенсировать усилением позиций... в другом регионе»), наконец, углубление сближения США и Китая на антисоветской платформе – этот фактор Медведев называет, «может быть, самым важным» [Там же, с. 280–284]. В книге не отражены важные элементы интерпретации военных, но они и не критикуются, эскалация войны и ее тяжесть представлены как некое объективное стечение обстоятельств, и признается то, что «результат оказался противоположным ожидаемому» [Там же, с. 288].

В 2001 г. основные оценки военных и разведчиков свел воедино генерал армии В. И. Варенников [Варенников]. Он не противопоставлял ход войны ее целям. Генерал признал, что за решением о вводе войск стояли соображения, связанные с реальными угрозами, – американская военная угроза с территории Афганистана (если бы американцам удалось включить эту страну в свою сферу влияния) и распространение исламского фундаментализма в направлении СССР [Там же, с. 57, 399]. Цели войны (недопущение реализации этих угроз через поддержку дружественного режима) Варенников назвал и разумными, и достойными [Там же, с. 64, 407, 415]. После этого уже нельзя было признать принципиальную невозможность выиграть войну (ведь тогда получалось бы, что армия не способна выполнить важные государственные задачи). Поэтому, признавая: «да, не победили!» – Варенников не пишет, что победить было невозможно. Если бы военный контингент в Афганистане был увеличен в три-пять раз и наносились авиационные удары по базам на территории Пакистана – тогда моджахедов разгромили бы за несколько месяцев. Признавая саму возможность такой победы, Варенников считает, что лучше было не втягиваться в местную гражданскую войну [Там же, с. 417]. При таком совмещении ключевых элементов военных и разведчиков Афганская война становится не безнадежной, которую невозможно было выиграть и в которую политики бросили армию ради целей, не стоящих того, а нерациональной. Цели были разумны, но достигать их можно и нужно было иначе. Не выбрали же лучшее решение потому, что на каждом этапе находились те, кто этому мешал: в 1979 г. – Д. Ф. Устинов, который, по мнению Варенникова, «пробивал» решение о вводе войск в Афганистан по соображениям

лично-карьерного характера [Варенников, с. 54], в середине 1980-х – М. С. Горбачев и Э. А. Шеварднадзе, которых генерал обвиняет в предательстве [Там же, с. 357].

В период, когда формировалась патриотическая интерпретация, были случаи смещения акцентов при переиздании ранее вышедших книг: во втором издании книги генерала А. А. Ляховского «Трагедия и доблесть Афгана» 2004 г. (первое – 1995 г.) был ослаблен тезис, что война велась преимущественно ради идеологических целей, более выражено звучал тезис о принятии геополитического компонента войны (но она все равно признавалась ошибкой) [Ляховский, 2004, с. 224–227, 776]. В том же издании были существенно сокращены рассуждения о том, что негативные процессы в Средней Азии в 1990-е гг. были спровоцированы Афганской войной [Там же, с. 744, 776], а в издании 2009 г. от обширных прежних рассуждений [Ляховский, 1995, с. 637–649] на этот счет не осталось почти ничего [Ляховский, 2009, с. 1015].

Интересная смысловая правка была внесена при переиздании воспоминаний В. А. Крючкова. В книге 2001 г. отсутствует часть текста про потери, а вместе с ним и фраза, что они были небольшие [Крючков, 2001]. Однако в последующих изданиях 2003 и 2019 гг. эта часть была возвращена [Крючков, 2003, с. 265; Крючков, 2019, с. 200]. Для подведения итогов афганского раздела в 2003 г. была добавлена такая фраза: «уже мало кто критически вспоминает о решении бывших советских руководителей о вводе войск» (в том смысле, что всем стало ясно, что это было правильно) [Крючков, 2003, с. 268]. Впрочем, в переиздании 2019 г. эту фразу убрали, заменив ее на более нейтральную [Крючков, 2019, с. 203–204]⁹. Крючков (или его редакторы) явно хотел усилить тезис, что Афганская война была «не зря» (ставший центральным для патриотической интерпретации), но колебался, в какой степени и как именно это делать.

Отдельный интересный кейс – это взгляды генерала Б. В. Громова. Его современные комментарии полностью соответствуют патриотической интерпретации. Если в прошлом он настаивал на том, что военного поражения не было (признавая, что не было и победы), то в его современных комментариях «непоражение» становится «фактически военно-политической победой» [Герой Советского Союза Борис Громов]. И если раньше он считал главными идеологические цели войны, то теперь говорит только о геополитических и контртеррористических. Однако в 2019 г. впервые после 1994 г. была переиздана его книга «Ограниченный контингент», в которой нет никаких изменений по сравнению с первым изданием. В результате содержание книги и публичные выступления Громова существенно контрастируют друг с другом.

---

⁹ Необходимо сделать оговорку, что В. А. Крючков умер еще в 2007 г., поэтому не совсем понятно, внес ли он при жизни изменения в воспоминания, с учетом которых они были переизданы через 12 лет после его смерти, или изменения вносились уже правообладателями.

Противоречивой стала и ситуация с постановлением 1989 г. о политическом и моральном осуждении решения о вводе войск, по поводу которого «афганцы» давно выражают недовольство. Действительно, если в рамках патриотической интерпретации признаются разумными соображения, которые стояли за решением о вводе войск в Афганистан, то почему же само это решение заслуживает морального и политического осуждения? В худшем случае это ошибка, как об этом и говорят. При этом смещаются акценты при указании, что именно является ошибкой. В ноябре 2018 г. в Госдуме были проведены слушания, на которых был представлен проект постановления, в котором моральное и политическое осуждение ввода войск признавалось «не соответствующим принципам исторической справедливости» [В Госдуме одобрили проект документа о пересмотре политических оценок войны в Афганистане]. В январе 2019 г. Комитет по обороне предложил его рассмотреть на заседании Госдумы и утвердить 14 февраля, ровно к дате вывода войск (15 февраля). В СМИ это широко комментировалось, и в основном в позитивном ключе. Однако вопрос так и не был вынесен на рассмотрение, и тема была закрыта. Можно предположить, что если бы существовала однозначная позиция против принятия такого документа, то «Единая Россия» как партия парламентского большинства могла бы заблокировать его «на дальних подступах», еще в комитете. Однако вопрос был снят буквально в последний момент.

Интересной представляется ситуация с фильмом П. Лунгина «Братство» (2019). Ранее «афганцы» критически отнеслись к телевизионному сериалу «Ненастье» (2018) по одноименной книге А. Иванова, в котором ставятся под сомнение важные ценности их субкультуры (честность, братство, солидарность) [Иванов]. В отличие от этого, общий тон картины «Братство», в том числе название, вроде бы соответствовал патриотической интерпретации. Идея сюжета принадлежит генералу спецслужб Н. Д. Ковалеву (бывшему директору ФСБ, а потом на протяжении многих лет депутату Госдумы, члену фракции партии большинства); представители пресс-службы фильма заявляли, что он «основан на воспоминаниях старших офицеров службы внешней разведки» [Фильм Павла Лунгина]. Однако уже после предварительных просмотров в начале 2019 г. картина вызвала серьезный скандал. В ней есть моменты, представляющие военных в неприглядном виде (пьянство, коррупция и т. п.). Но основная проблема – в сюжетной линии: разведчик (главный герой) договаривается с командиром моджахедов о безопасном проходе подразделения советских войск. Армейский генерал, который находится в трудной эмоциональной ситуации (только что в плену погиб его сын), поддавшись чувству мести, прикрывая свои истинные мотивы просьбами просоветских афганских политиков, наносит по моджахедам сокрушительный удар, не щадя ни своих, ни чужих. Картина вызвала критику, в том числе и отставников КГБ/ФСБ, но в гораздо большей

степени – ветеранов-военных. В результате Министерство культуры перенесло выход фильма, планировавшийся изначально на 9 мая, и он не стал «хитом» в год 30-летия вывода войск из Афганистана.

Описанные случаи противоречий свидетельствуют, что память об Афганской войне пока не устоялась в общественном сознании: отношение к ней остается неоднозначным. На уровне профессиональных сообществ военных и разведчиков, а также политиков и госчиновников есть полное признание патриотической интерпретации и готовность ее придерживаться, соблюдая баланс между исходными трактовками тех и других. Однако этой интерпретации не удается придать цельность, отсутствует устойчивое понимание, что «правильно», а что нет, и где границы допустимого в трактовке фактов и в цитируемых мнениях.

Интерпретации и историческое знание

В начале 1990-х гг. публикации воспоминаний давали не отраженную в документах (или отраженную неполно) информацию, которая позволяла лучше понять документы – это помогало познавательному процессу, но воспоминания также и преображали прошлое. Для минимизации эффекта аберрации воспоминания воспринимались критически: исследователи сопоставляли данные документов из разных источников, реконструируя исторические события.

Ведомственные интерпретации военных и разведчиков давали информацию об их спорах времен Афганской войны (само их выявление стало значительным приращением к объективному знанию), но они их и продолжали, а значит, появлялись ретроспективные суждения, которые могли исказить изначальный ведомственный спор. Военные и разведчики представляли свои взгляды на Афганскую войну с учетом критического отношения, возникшего к ней в период перестройки. Советское руководство принимало решения, не понимая рисков? Или оно осознавало риски и все-таки пошло на ввод войск? Все эти вопросы переводили обсуждение Афганской войны в плоскость целей и издержек военной и внешней политики – ради чего и чем оно готово было жертвовать.

Появлялись версии событий, которые снимали остроту этих вопросов. Иногда говорят, что в Афганскую войну СССР втянули. Особенно на этом настаивали дипломаты, например, посол Ю. М. Воронцов [Дипломат Юлий Воронцов, с. 143, 147–148] и бывший советник Х. Амина В. С. Сафрончук (в документальном фильме «Афганский капкан»). Если «втянули», то, следовательно, вопрос о соотношении между издержками и целями войны стоял перед советским руководством не столь остро, как при инициативном решении. Также появилась версия, что изначально советское руководство не знало о реальном положении дел в Афганистане [Примаков, с. 188–189] и не предвидело последствий ввода войск [Гареев, с. 48], а значит, недооценивало тяжесть и безнадежность войны. Постепенное осознание ситуации

действительно происходило у специалистов, попавших на работу в Афганистан [«Нельзя множить ложь»], но документы показывают, что члены Политбюро признавали риски (до ввода войск) и трудности (после того, как он состоялся). Из того, что А. Н. Косыгин по поручению Политбюро говорил афганскому лидеру Н. Тараки 20 марта 1979 г. [Запись беседы], можно было бы составить статью с критикой Афганской войны, актуальную для времен перестройки (заменив будущее время на прошедшее). Примерно то же самое обсуждалось на заседаниях Политбюро – будет война с народом, будут тяжелые международные последствия, «мы можем удержать революцию в Афганистане только с помощью своих штыков, а это совершенно недопустимо для нас. Мы не можем пойти на такой риск» [Заседание Политбюро ЦК КПСС, 18 марта 1979]. В 1983 г. Ю. В. Андропов говорил на Политбюро, что решение принимали тяжело (то есть знали, на что шли), что надо принять трудности (борьба с басмачами в СССР тоже была тяжелая и долгая): «нам дает здесь бой американский империализм. <...> Поэтому отступить мы не можем» [Заседание Политбюро ЦК КПСС, 10 марта 1983 года].

При формировании общей для военных и разведчиков патриотической интерпретации ее влияние на знание об Афганской войне стало еще более существенным. Исходное допущение, на котором началось формирование патриотической интерпретации («события после вывода войск показали, что Афганская война имела смысл, так как сдерживала исламистскую угрозу»), не является достоверной информацией. Сразу после вывода войск такие рассуждения были свойственны разведчикам [Крючков, 1996, с. 200, 242], военные же либо отмечали, что в ходе войны душманы стали нападать на советско-афганскую границу в основном из чувства мести [Громов, с. 197], либо прямо говорили – исламистская угроза с юга двинулась в сторону СССР и России из-за Афганской войны [Ляховский, 1995, с. 637, 648–649].

К тому же есть данные, что у части советских граждан среднеазиатского происхождения отношение к Афганской войне было неоднозначным. Б. Громов писал, что среди них были случаи открытого отказа принимать участие в боевых действиях, известны и небезуспешные попытки душманов склонить их к сотрудничеству [Громов, с. 284]). И все-таки многие советские граждане из Средней Азии (не только призывники-солдаты, но и офицеры, переводчики, многочисленные гражданские советники) искренне верили в то, что они несли прогрессивные идеи в Афганистан, когда отправлялись туда. Однако потом происходило переосмысление ситуации. В Афганистане существовал культурный контекст, от которого советские граждане в Средней Азии были отсоединены примерно одно поколение (в конце 1930-х и в 1940-е гг.); при соприкосновении с ним оказывалось, что он им в той или иной степени безразличен, особенно людям образованным. В Таджикской ССР это способствовало формированию настроений, которые выражало движение «Растохез» (в его

руководстве были люди с опытом советнической работы в Афганистане), направленное на воссоединение с персоязычным культурным и политическим пространством. На бытовом уровне бывали истории, когда перед отъездом в Афганистан молодые люди слышали от своих дедов просьбы «найти родню» (выяснялось, что кто-то из родственников в 1920–1930-е гг. ушел от советской власти в Афганистан); вполне искренние комсомольцы и коммунисты не относились к ним всерьез. Но потом в Афганистане при общем переосмыслении ситуации они все-таки пробовали искать (особенно в последний период Афганской войны, когда контроль органов госбезопасности и партийных несколько ослаб) и в некоторых случаях находили родственников [Интервью с участниками Афганской войны]. Из Афганистана возвращались не те советские люди, которые туда отправлялись. Это способствовало дезинтеграционным процессам в СССР и, кроме того, делало Среднюю Азию более открытой для влияния с юга, в том числе для продвижения радикальных идей.

Можно возразить, что в интерпретациях военных и разведчиков по отдельности тоже существовали допущения или подгонка фактов. Действительно, многие из тех, кто были на Афганской войне, считали, что командование не берегло людей, что было много ненужных жертв и среди своих, и среди афганцев. Более того, при анализе ведомственных интерпретаций к селективному использованию фактов нужно относиться с пониманием: обнаружение преувеличений в отдельных положениях, на которых построены эти интерпретации, не делает их менее достоверными. Как это ни покажется парадоксальным, используя допущения и ведомственные интерпретации, авторы в конечном счете стремились донести свой главный тезис.

Вместе с тем в ведомственных интерпретациях поступки советского руководства и высокопоставленных чиновников были понятны (хотя их можно было по-разному оценивать и по-разному к ним относиться). Но как в рамках патриотической интерпретации понять то, что Г. М. Корниенко (многолетний заместитель министра иностранных дел, государственный критик внешнеполитического курса Горбачева – Шеварднадзе) всерьез рассуждал о том, не правильнее ли было уйти в отставку в знак несогласия с решением о вводе войск, чтобы не иметь к «афганскому вопросу» никакого касательства [Корниенко, с. 208]? В драматических тонах рассуждал о своем несогласии с Афганской войной и генерал армии М. М. Майоров [Майоров, с. 285]. Если цели Афганской войны реабилитированы, означает ли это, что те, кто выступали против ввода войск, недооценивали их значение, а, следовательно, и их возражения были излишними?

Необходимо также отметить, что ветераны Афганской войны все в большей степени рассматривают себя в качестве субъектов знания о войне и претендуют на исключительную роль в определении его достоверности. Ими ставится задача «настойчиво оппонировать» силами ветеранских организаций неправильным, с их точки зрения, трактов-

кам; это помещается в общий контекст недопущения очернительства отечественной истории [Герой Советского Союза Борис Громов].

Ведомственные интерпретации в том виде, в каком они сформировались сразу после войны в воспоминаниях ее участников и свидетелей, были во многом ответом на запрос общества узнать больше об этой войне. Полноценно вынести вопросы, поднимавшиеся в ведомственных интерпретациях, на суд истории как науки о прошлом не получилось. Негативные процессы постсоветского времени оказалось возможным связать с Афганской войной. На этой базе в 2000-е гг. сформировалась общая патриотическая интерпретация, которая реабилитировала и цели, и ход войны, и даже ее результаты. Она закончила для военных и разведчиков выход из войны: они оставили давние споры. Патриотическая интерпретация и ее сторонники в лице ветеранской общественности теперь выступают не как часть объекта, а как субъект знания об Афганской войне, претендуя на исключительную роль в определении его достоверности. Они продолжают настойчиво оппонировать «неправильному» освещению этой войны в источниках и исследованиях. Но общество в целом патриотическая интерпретация не приближает к объективному знанию (наоборот, скорее отдаляет от него), хотя именно способность его принять и можно считать окончательным переходом от войны к миру.

Список литературы

Афганистан. Войну проиграли политики : беседа нашего корреспондента Н. Топуридзе с профессором, доктором философских наук, генерал-майором К. Цаголовым // Аргументы и факты : [сайт]. 1989. 30 сент. URL: <https://aif.ru/archive/1650849> (дата обращения: 30.01.2020).

Афганистан: предварительные итоги : беседа корреспондента «Огонька» Артема Боровика с доктором философских наук, начальником кафедры марксизма-ленинизма Военной академии имени М. В. Фрунзе генерал-майором К. Цаголовым // Огонек. 1988. № 30. С. 25–27.

В Госдуме одобрили проект документа о пересмотре политических оценок войны в Афганистане // Интерфакс : [сайт]. 2018. 21 нояб. URL: <https://www.interfax.ru/russia/638844> (дата обращения: 30.01.2020).

Варенников В. И. Неповторимое : в 7 кн. М. : Сов. писатель, 2001. Кн. 5. 444 с.

Война в Афганистане. М. : Воениздат, 1991. 367 с.

Гареев М. А. Моя последняя война: Афганистан без советских войск. М. : НПО «ИНСАН», 1996. 431 с.

Герой Советского Союза Борис Громов: «Они заслужили право на достойную жизнь после подвига» // Боевое братство : [сайт]. 2014. 15 дек. URL: <http://bb-khv.ru/index.php/information/704-2014-01-29-12-28-34> (дата обращения: 30.01.2020).

Громов Б. В. Ограниченный контингент. М. : Прогресс, 1994. 352 с.

Дипломат Юлий Воронцов. Сборник воспоминаний / под ред. В. Н. Казимирова. М. : Междунар. отношения, 2009. 264 с.

Запись беседы А. Н. Косыгина, А. А. Громыко, Д. Ф. Устинова, Б. Н. Пономарева с Н. М. Тараки, 20 марта 1979 года // Архив национальной безопасности : [сайт]. URL: https://nsarchive2.gwu.edu/rus/text_files/Afganistan/March%2020,%201979-2.pdf (дата обращения: 22.10.2019).

Заседание Политбюро ЦК КПСС (рабочая запись), 18 марта 1979 года // Johns Hopkins University. Soviet Archives : [website]. <http://psi.ece.jhu.edu/kaplan1/IRUSS/BUK/GBARC/pdfs/afgh/afg79pb.pdf> (дата обращения: 30.01.2019).

Заседание Политбюро ЦК КПСС (рабочая запись), 10 марта 1983 года // Johns Hopkins University. Soviet Archives : [website]. <http://psi.ece.jhu.edu/kaplan1/IRUSS/BUK/GBARC/pdfs/afgh/pb83-4.pdf> (дата обращения: 30.01.2019).

Иванов А. В. Ненастье. М. : АСТ, 2015. 637 с.

Интервью с участниками Афганской войны из числа жителей Таджикской ССР. 2014. Февраль-май. Душанбе, Республика Таджикистан // Личный архив И. А. Сафранчука.

Корниенко Г. М. Холодная война : Свидетельство ее участника. М. : Междунар. отношения, 1995. 288 с.

Крючков В. А. Личное дело : в 2 ч. М. : Олимп, 1996. Ч. 2. 444 с.

Крючков В. А. Личное дело. Три дня и вся жизнь. М. : Олимп, 2001. 492 с.

Крючков В. А. Личное дело. Три дня и вся жизнь. М. : ЭКСМО, 2003. 477 с.

Крючков В. А. Личное дело. Три дня и вся жизнь. М. : Центрполиграф, 2019. 573 с.

Леонов Н. С. Лихолетье. М. : Междунар. отношения, 1994. 395 с.

Ляховский А. А. Трагедия и доблесть Афгана. М. : Искона, 1995. 996 с.

Ляховский А. А. Трагедия и доблесть Афгана. 2-е изд. Ярославль : Норд, 2004. 799 с.

Ляховский А. А. Трагедия и доблесть Афгана. М. : ЭКСМО, 2009. 1085 с.

Майоров А. М. Правда об Афганской войне : Свидетельства главного военного советника. М. : Права человека, 1996. 287 с.

Медведев Р. А. Неизвестный Ан드로пов. Ростов н/Д : Феникс, 1999. 510 с.

Меримский В. А. Кабул – Москва: война по заказу // Военно-исторический журнал. 1993. № 10. С. 11–21. № 12. С. 27–32.

«Начальники махали шашками: мы Берлин брали, а вы кишлак взять не можете?» : интервью Героя Советского Союза, ветерана-афганца Руслана Аушева // Новая газета : [сайт]. 2019. 25 дек. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2019/12/25/83292-nachalniki-mahali-shashkami-my-berlin-brali-a-vy-kishlak-vzyat-ne-mozhete> (дата обращения: 30.01.2020).

«Нельзя множить ложь» : беседуют Александр Проханов и зам. министра РФ по делам национальностей и федеративным отношениям генерал Ким Цаголов // Завтра : [сайт]. 1997. 05 авг. URL: <http://zavtra.ru/blogs/1997-08-053all> (дата обращения: 30.01.2020).

Примаков Е. М. Встречи на перекрестках. М. : Центрполиграф, 2015. 860 с.

Сафронов В. Г. Как это было // Военно-исторический журнал. 1990. № 5. С. 66–71.

Фильм Павла Лунгина «Братство» выйдет в прокат осенью // РИА Новости : [сайт]. 2018. 19 марта. URL: <https://ria.ru/20180319/1516761677.html> (дата обращения: 30.01.2020).

Шебаршин Л. В. Рука Москвы : Записки начальника советской разведки. М. : Центр-100, 1992. 349 с.

Шебаршин Л. В. Из жизни начальника разведки. М. : Междунар. отношения, 1994. 189 с.

References

Afganistan. Voinu prigrali politiki. Beseda nashogo korrespondenta N. Topuridze s professorom, doktorom filosofskikh nauk, general-maiorom K. Tsagolovym [Afghanistan. The War Was Lost by Politicians. An Interview of Our Correspondent N. Topuridze with Major General K. Tsagolov, Professor, Dr. Hab. (Philosophy)]. In *Argumenty i fakty* [website]. 30 September. URL: <https://aif.ru/archive/1650849> (mode of access: 30.01.2020).

Afganistan: predvaritel'nye itogi. Beseda korespondenta "Ogon'ka" Artema Borovika s doktorom filosofskikh nauk, nachal'nikom kafedry marksizma-leninizma Voennoi akademii imeni M. V. Frunze general-maiorom K. Tsagolovym [Afghanistan: Preliminary Results. An Interview of Artyom Borovik, an *Ogonyok* Correspondent, with Major General

K. Tsagolov, Dr. Hab. (Philosophy), Head of the Department of Marxism-Leninism of Frunze Military Academy]. (1988). In *Ogonek*. No. 30, pp. 25–27.

Fil'm Pavla Lungina "Bratstvo" vyidet v prokat osen'yu [The Film *Brotherhood* by Pavel Lungin to be Released this Autumn]. (2018). In *RIA Novosti* [website]. 19 March. URL: <https://ria.ru/20180319/1516761677.html> (mode of access: 30.01.2020).

Gareev, M. A. (1996). *Moya poslednyaya voina. Afganistan bez sovetskikh voisk* [My Last War. Afghanistan Without Russian Troops]. Moscow, NPO "INSAN". 431 p.

Geroi Sovetskogo Soyuza Boris Gromov: "Oni zasluzhili pravo na dostoinuyu zhizn' posle podviga" [Hero of the Soviet Union Boris Gromov: "They earned the right to a dignified life after the feat"]. (2014). In *Boevoe bratstvo* [website]. 15 December. URL: <http://bb-khv.ru/index.php/information/704-2014-01-29-12-28-34> (mode of access: 30.01.2020)

Gromov, B. V. (1994). *Ogranichennyi kontingent* [Limited Military Presence]. Moscow, Progress. 352 p.

Interv'yu s uchastnikami Afganskoi voiny iz chisla zhitelei Tadjikskoi SSR. 2014. Fevral'-mai. Dushanbe, Respublika Tadjikistan [Interviews with Participants of the War in Afghanistan from among the Residents of the Tajik SSR. 2014. February-May. Dushanbe, Tajikistan]. (2014). In *I. A. Safranchuk's private archive*.

Ivanov, A. V. (2015). *Nenast'e* [Foul Weather]. Moscow, AST. 637 p.

Kazimirov, V. N. (Ed.). (2009). *Diplomat Yulii Vorontsov. Sbornik vospominanii* [Diplomat Yuly Vorontsov. A Collection of Memoirs]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya. 264 p.

Kornienko, G. M. (1995). *Kholodnaya voina. Svidetel'stvo ee uchastnika* [Cold War. Testimony of a Participant]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya. 288 p.

Kryuchkov, V. A. (1996). *Lichnoe delo v 2 ch.* [Personal File. 2 Parts]. Moscow, Olimp. Part 2. 444 p.

Kryuchkov, V. A. (2001). *Lichnoe delo. Tri dnya i vsya zhizn'* [Personal File. Three Days and the Whole Life]. Moscow, Olimp. 492 p.

Kryuchkov, V. A. (2003). *Lichnoe delo. Tri dnya i vsya zhizn'* [Personal File. Three Days and the Whole Life]. Moscow, EKSMO. 477 p.

Kryuchkov, V. A. (2019). *Lichnoe delo. Tri dnya i vsya zhizn'* [Personal File. Three Days and the Whole Life]. Moscow, Tsentrpoligraf. 573 p.

Leonov, N. S. (1994). *Likholet'e* [Hard Time]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya. 395 p.

Lyakhovskii A. (2009). *Tragediya i doblest' Afgana* [The Tragedy and Valor of Afghanistan]. Moscow, EKSMO. 1085 p.

Lyakhovskii, A. (1995). *Tragediya i doblest' Afgana* [The Tragedy and Valor of Afghanistan]. Moscow, Iskona. 996 p.

Lyakhovskii, A. (2004). *Tragediya i doblest' Afgana* [The Tragedy and Valor of Afghanistan]. 2nd Ed. Yaroslavl, Nord. 799 p.

Maiorov, A. M. (1996). *Pravda ob Afganskoi voine. Svidetel'stva glavnogo voennogo sovetnika* [The Truth about the War in Afghanistan. Memoirs of the Chief Military Adviser]. Moscow, Prava cheloveka. 287 p.

Medvedev, R. A. (1999). *Neizvestnyi Andropov* [Unknown Andropov]. Rostov-on-Don, Feniks. 510 p.

Merimskii, V. A. (1993). Kabul – Moskva: voina po zakazu [Kabul – Moscow: War by Order]. In *Voенно-istoricheskii zhurnal*. No. 10, pp. 11–21. No. 12, pp. 27–32.

"Nachal'niki makhali shashkami: my Berlin brali, a vy kishlak vzyat' ne mozhete?". Interv'yu Geroya Sovetskogo Soyuza, veterana-afgantsa Ruslana Ausheva ["The bosses waved sabers: we took Berlin, but you can't take a village?"] Interview with Hero of the Soviet Union, Veteran of the War in Afghanistan Ruslan Aushev]. (2019). In *Novaya gazeta* [website]. 25 December. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2019/12/25/83292-nachalniki-mahali-shashkami-my-berlin-brali-a-vy-kishlak-vzyat-ne-mozhete> (mode of access: 30.01.2020).

"Nel'zya mnozhit' lozh". Besedyut Aleksandr Prokhanov i zamestitel' ministra Rossiiskoi Federatsii po delam natsional'nostei i federativnym otnosheniyam general Kim

Tsagolov ["Let us not multiply lies". Aleksander Prokhanov and Deputy Minister Talk. Minister of the Russian Federation for Nationalities and Federal Affairs, General Kim Tsagolov]. (1997). In *Zavtra* [website]. 5 August. URL: <http://zavtra.ru/blogs/1997-08-053all> (mode of access: 30.01.2020).

Primakov, E. M. (2015). *Vstrechi na perekrestkakh* [Meetings at the Crossroads]. Moscow, Tsentrpoligraf. 860 p.

Safronov, V. G. (1990). Kak eto bylo [The Way it Happened]. (1990). In *Voenno-istoricheskii zhurnal*. No. 5, pp. 66–71.

Shebarshin, L. V. (1992). *Ruka Moskvy. Zapiski nachal'nika sovetskoj razvedki* [Moscow's Hand. Notes of the Chief of Soviet Intelligence]. Moscow, Tsentr-100. 349 p.

Shebarshin, L. V. (1994). *Iz zhizni nachal'nika razvedki* [About the Life of a Chief of Intelligence]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya. 189 p.

V Gosdume odobrili proekt dokumenta o peresmotre politicheskikh otsenok voiny v Afganistane [The State Duma Approved a Draft Document on the Revision of Political Assessments of the War in Afghanistan]. (2018). In *Interfaks* [website]. November 21. URL: <https://www.interfax.ru/russia/638844> (mode of access: 30.01.2020).

Varennikov, V. I. (2001). *Nepovtorimoe v 7 kn.* [The Inimitable. 7 Books]. Moscow, Sovetskii pisatel'. Book 5. 444 p.

Voina v Afganistane [War in Afghanistan]. (1991). Moscow, Voenizdat. 367 p.

Zapis' besedy A. N. Kosygina, A. A. Gromyko, D. F. Ustinova, B. N. Ponomareva s N. M. Taraki, 20 marta 1979 goda [Record of the Conversation of A. N. Kosygin, A. A. Gromyko, D. F. Ustinov, B. N. Ponomarev, and N. M. Taraki, 20 March 1979]. (1979). In *Arkhiv natsional'noi bezopasnosti* [website]. URL: https://nsarchive2.gwu.edu/rus/text_files/Afganistan/March%2020,%201979-2.pdf (mode of access: 22.10.2019).

Zasedanie Politbyuro TsK KPSS (rabochaya zapis'), 18 marta 1979 goda [Minutes of Politburo Meetings, 18 March 1979]. (1979). In *Johns Hopkins University. Soviet Archives* [website]. URL: <http://psi.ece.jhu.edu/kaplan1/IRUSS/BUK/GBARC/pdfs/afgh/afg79pb.pdf> (mode of access: 30.01.2019).

Zasedanie Politbyuro TsK KPSS (rabochaya zapis'), 10 marta 1983 goda [Minutes of Politburo Meetings, 10 March 1983]. (1983). In *Johns Hopkins University. Soviet Archives* [website]. URL: <http://psi.ece.jhu.edu/kaplan1/IRUSS/BUK/GBARC/pdfs/afgh/pb83-4.pdf> (mode of access: 30.01.2019).

The article was submitted on 25.11.2019

**PROTRACTED CONFLICTS IN AFGHANISTAN
AND CHECHNYA: AMERICAN PERSPECTIVES
ON RUSSIAN EXPERIENCE****

Andrey Sushentsov

Nikita Neklyudov

MGIMO University,
Moscow, Russia

Since the early 1980s, American scholarly and analytical literature has discussed the effectiveness of Soviet, and subsequently Russian, management of low-intensity conflicts. Though both the Soviet and Russian experience has been examined from many perspectives, including the military, economic, social and political, the American academic community does not tend to deem such an approach relevant and useful in terms of understanding US foreign policy. This disjoint is even harder to understand given the fact that the American military faced the same problems in Afghanistan and Iraq as the Soviet army experienced in Afghanistan (1979–1989), and Russian forces experienced during the First Chechen War (1994–1996). The greatest perplexity for American authors was the ability of Soviet and Russian leaders to recreate a power hierarchy on the ground while relying on their former adversaries – the Afghan Mujahideen and Chechen separatists. According to American intellectual discourse, reliance on a former enemy cannot be considered, by definition, during post-conflict state-building. Since the condition of the Russian conflict settlement model was pragmatism that is opposite to normative approach of the American policies in conflicts, this experience was not in demand in American foreign policy practice. The number of works by American scholars that include the comparison between the Soviet/Russian and the US campaigns is significantly smaller than the number of papers focusing on Soviet and Russian conduct, let alone their experience of nation-building. The aim of this study is to analyse American academic discourse about the Soviet/Russian experience of conducting low intensity conflicts. In the first part, the authors analyse the key mistakes of the Russian leadership during the campaigns, according to the estimates given by American researchers; the second part examines Russian strategy and its

---

* This research is funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (grant agreement 14.641.31.0002).

** *Citation*: Sushentsov, A., Neklyudov, N. (2020). Protracted Conflicts in Afghanistan and Chechnya: American Perspectives on Russian Experience. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 2. P. 415–427. DOI 10.15826/qr.2020.2.471.

Цитирование: Sushentsov A., Neklyudov N. Protracted Conflicts in Afghanistan and Chechnya: American Perspectives on Russian Experience // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 2. P. 415–427. DOI 10.15826/qr.2020.2.471.

conflict settlement drawing comparison with the American experience. The authors conclude that US adaptation on the basis of Russian experiences in Afghanistan and Chechnya has proved impossible due to normative imperatives dominating American academic papers and policies. These imperatives bind the conflict resolution with the level of sophistication of a given country's institutions. Perhaps, the vice versa claim could have grounds, yet it exceeds the limits of this study.

Keywords: war in Afghanistan; war in Chechnya; peace settlement; USSR; Russia; USA; post-conflict state-building; US strategy; low-intensity conflict.

Предметом исследования является анализ американской академической мысли об опыте СССР и России в конфликтах низкой интенсивности, который изучается в американской научной и аналитической литературе с начала 1980-х гг. Хотя опыт рассмотрен с множества исследовательских ракурсов – военного, экономического, социального и политического – он получил в американском научно-исследовательском сообществе оценку как нерелевантный и оказался невостребованным во внешнеполитической практике США. Это усугубляется тем, что американские вооруженные силы столкнулись с теми же проблемами в Афганистане и Ираке, что Советский Союз в Афганистане (1979–1989) и Россия в Чечне (1994–1996). Наибольшее недоумение американских авторов вызывала способность советских и российских руководителей воссоздавать властную иерархию на месте при опоре на своих бывших оппонентов – афганских моджахедов и чеченских сепаратистов. С точки зрения американского интеллектуального дискурса, российский подход по вовлечению в сотрудничество бывшего врага, основанный на комбинации силового давления и системы компромиссов, не является постконфликтным урегулированием. Вследствие того, что условием российской модели урегулирования был прагматизм, отрицающий классический для американской политики нормативно-ценностный подход, этот опыт оказался не востребован в американской внешнеполитической практике. Количество работ американских ученых, проводящих параллели между кампаниями СССР/России и США, существенно меньше количества их работ, изучающих сугубо советскую/российскую модели ведения войн и постконфликтного урегулирования. В первой части статьи исследуются американские представления о ключевых ошибках советского/российского руководства в военных кампаниях, во второй сравниваются российская стратегия и методы урегулирования конфликтов с американским опытом. Авторы приходят к выводу, что адаптация Соединенными Штатами российского опыта постконфликтного урегулирования в Афганистане и Чечне оказалась невозможна из-за доминирования в академических исследованиях и политической практике нормативных установок, увязывающих урегулирование конфликта с уровнем развития политических институтов.

Ключевые слова: война в Афганистане; война в Чечне; мирное урегулирование; СССР; Россия; США; постконфликтное строительство; стратегия США; конфликт низкой интенсивности.

The US military's participation in low-intensity conflicts has been the most acute issue of American foreign policy for the last 30 years. Although US academics have thoroughly studied their own foreign policy campaigns, the question of how Americans evaluate other nations' experience in the same type of conflicts remains unaddressed. In this article we aim to study American academic perspectives on Russian performance in low-intensity conflicts, mainly Russia's participation in both Chechen wars and the Soviet war in Afghanistan. Although Russian experience in Afghanistan and Chechnya has been studied at length, it is generally not considered relevant for US foreign policy, even though the United States has faced the same consequences of their interventions in Afghanistan as the Soviet Union did in the 1980s. As Oliker points out, "eighteen years after the U.S. went to war, the parallels with Russia's experience seem obvious. Not least of them is the difficulty of leaving Afghanistan" [Oliker, 2019].

We start with a theoretical evaluation of the American negligence of Russia's foreign policy experience. Then we look at how American political and International Relations (IR) specialists evaluate Soviet and Russian conflict experience in Afghanistan and Chechnya. Having analyzed over a hundred works, we find that their scholars draw out four primary arguments, which in their view provide grounds for understanding the ultimate Russian failure in both Afghanistan (1979–1989) and the First Chechen campaign (1994–1996). Thus, we divide these causes into two major groups, accounting for military and political aspects. The Military aspect encompasses (1) conventional military strategy inadequately applied to insurgency and (2) lack of resources to support the military campaign. The Political aspect includes (1) unclear political goals and immersion in local politics and (2) lack of legitimacy among the local population. Also, many works discussing the Soviet/Russian experience look at the process of withdrawal from both wars. Thus, we analyze how Americans look at the final stages of both conflicts as well.

We argue that the Russian experience of post-conflict settlement was seen as irrelevant by the US due to three major factors dominating political and academic discourse: (1) normative bias towards Soviet/Russian political strategy, (2) emphasis on nation-building through developing democratic institutions, and (3) American exceptionalism that prevents learning from others. All three aspects lead to linking successful post-conflict settlement to the establishment of democratic rule.

What makes the US think normatively?

This section deals with the US normative worldview that, we believe, made it almost impossible to accept external foreign policy experience, especially that of the Soviet Union.

American exceptionalism and its impact on US foreign policy has been studied at length. Since the neoconservative turn during the first Bush Administration, American exceptionalism has gained a greater role in US foreign policy discourse [Holsti, p. 381; Mearsheimer]. This growing role has

been substantiated by the authors using quantitative methods [McCoy]: by 2010, the term's mentions in Google Scholar database reached 4,172. American exceptionalism affects the reasoning behind the neglect of the Soviet experience of nation-building per se. When taking a closer look at American scholarship on nation-building, it is evident that US experts do not tend to take external experiences seriously.

The same is true for the US normative bias towards the USSR. Although a small amount of works explore US perceptions of the USSR as a malevolent actor and, thus, neglect its foreign policy experience, there are constructivist works which analyze US foreign policy discourse in relation to the actions and existence of the Soviet Union. Using quantitative methods, the authors analyzed approximately three thousand sources¹, revealing the USSR and Communism as the most significant 'other' that shaped US foreign policy. Also, US self-identity underscored such categories as democracy (in contrast to totalitarianism and tyranny – 89 sources), freedom (86 sources), and egalitarianism (in contrast to discrimination – 45 sources). All the data aggregated by our study demonstrates that the US has developed a normative lens for studying foreign policy conduct.

Another root cause of US scholars dismissing the Russian experience of nation-building as irrelevant lies in the broader distinction between two contrasting aspects of post-conflict settlement: one either seeks to build an entire nation from scratch, or tries to stabilize the situation in the country by relying on its national government². The majority of those American authors studied [Dobbins, p. 73; Dobbins et al.; Rubin, 2006, p. 179–181; Talentino, p. 573; Statebuilding and Intervention; Rupp] believed that genuine nation-building implies a broader package of measures aimed at establishing democratic rule.

By contrast, historically, Russia sought to rebuild security structures that would guarantee stabilization at the expense of democratic development, even to the extent of cooperating with the enemy, which is grossly different from the American experience of post-conflict reconstruction [Fayutkin, p. 371]. Having been at war in the Caucasus for many decades during the XIX century, Russia has adopted the policy of "zamirenye" [Венюков], which means achieving peace through striking deals with its enemies. This was the case, for example, with the Chechen leader Shamil. The same is true for the Russian Civil War (1918–1921). Despite the initial conflicts witnessed between Bolshevik and nationalist forces in Asia, all major Muslim leaders were befriended by Moscow, which provided invaluable leverage over the Basmachi insurgents [Bennigsen]. In contrast, US scholars see Soviet cooperation with the mujahideen – the so called Mujahideenisation, adopted after the term Vietnamisation, which was coined during the

---

¹ The count has been conducted based on 2624 sources written between the 1960s–1970s [Cascander].

² As regards to any potential distinction between these two terms, there is none. As far as the distinction between nation-building and stabilization concerned, the question will be examined further below.

Vietnam war (1969–1979) – not as a nation-building process but rather a realpolitik power bargain. In the case of US involvement in Vietnam, its Vietnamisation – leaving the war burden against Vietcong to the Hanoi government – was considered as a last resort before a humiliating defeat. Thus, some realist authors favor American withdrawal from Afghanistan, viewing the Soviet’s pulling out from the country as an historical template [Hess; Grau].

Afghanistan and Chechnya: views on the military factors behind the failure

The first argument deals with a wrong military strategy. Russia has previously applied strategy devised for the European theatre of operations to low-intensity conflicts in mountainous areas (Afghanistan and Chechnya). The Soviet army, primarily trained to conduct conventional high-intensity warfare on the plains of Europe could not adapt to far more sophisticated geographical conditions of the mountains in Afghanistan and urban districts in Chechnya [Cassidy, p. 33; Johnson, p. 90]. The Soviet Union did change its strategy later, introducing several tactical innovations, but by that time the character of the war had already transformed to a protracted one [The Bear Went Over the Mountain, p. 202].

The Russian Federation made the same mistakes in the First Chechen War (1994–1996). Instead of applying counterinsurgency tactics that could undermine the trust of civilians in the insurgents, Russian military forces used heavy artillery against the population; thus, the battle for the hearts and minds of the Chechens was lost [Cassidy]. Oliker underlines that the Russian army could not “bloodlessly and effectively capture a large urban area from an insurgent force” [Oliker, 2001, p. 84].

Misunderstanding the asymmetrical nature of conflict is another argument of American scholarship when interpreting the causes of Soviet/Russian failure. When describing the classic paradox of the asymmetric conflict, asymmetry is viewed in two forms: the asymmetry of military hardware and resources (stronger part) and the asymmetry of a will to quell an invader (weaker part). The American discourse emphasizes these asymmetries, stressing freedom above rational reasoning. Speaking of the underestimated identity component, Cassidy pinpoints “the Chechen tradition, as tempered and hardened by the historical experience of the past two hundred years” [Cassidy, p. 27]. Misperception of the manifold components of asymmetric warfare in both cases became one of the reasons why the conflict transformed into a prolonged one.

The problem lay in not only the wrong tactics being applied but also the inadequate supply of resources, meaning the country was either unwilling to invest more (as in case of Afghanistan), or there was a lack of material resources, which is relevant for both the late-Soviet period and the early days of the Russian Federation. American discussion of Soviet/Russian resources in low-intensity conflicts centers on two aspects: a disproportionate amount of resources invested for the scale of the threat, as well as

the unwillingness of the state's leadership to deploy additional resources to fight Mujahideen and Chechen rebels.

According to Derleth and Reuveny, when governments showed little desire to increase their commitment of resources to the conflict, this ultimately resulted in the poor performance of the army [Reuveny, Prakash; Derleth]. After 1980, Moscow realized it could not deploy 500,000 men, as the United States did in Vietnam, for both domestic economic-political reasons, and because of the theater's undeveloped infrastructure [Blank].

Cassidy describes the causes of failure in the First Chechen campaign, stating that, from the very beginning of the Chechen War, Russia lacked the will to prosecute it [Cassidy, p. 30]. Undoubtedly, what should be taken into account is that during both campaigns the country was experiencing structural problems in both political and economic life during the late 1980s and early 1990s. In a similar vein, Olikier highlights disproportionately large losses on the part of Russian officers during the First Chechen campaign compared to the number of soldiers [Olikier, 2001], which cannot be explained in any way except a poor level of training.

Military means realist?

We assume that these arguments demonstrate a realist view on Soviet/Russian foreign policy conduct. First, they compare the Soviet/Russian wars in Afghanistan and Chechnya with US experiences in the Middle East [Frankel; Canfield; Fayutkin; Marshall; Grau; Hess; Granville]. For instance, Marshall points out that the Soviet Union failed to preserve a stable regime in Afghanistan, which led to the spread of terrorism throughout Central Asia [Marshall, p. 69]. In this sense, the case of US failure to secure a monopoly on the use of force in Iraq is the same [Marshall, p. 83; Donini, Minear, Walker]. Other works provide similar comparative reasoning: for instance, Granville [Granville, p. 115–124] points out that both countries attempted nation-building and failed to soberly assess all the risks that these military campaigns might have entailed [Ibid., p. 118].

Second, they see Soviet withdrawal tactics as the template for how to end the war. In this vein, Hess mentions the Soviet experience [Hess, p. 184], suggesting that the Obama administration should have looked at it as a mere technical solution to a long-term American entanglement. The same opinion is expressed by Grau, stating that “the Soviet withdrawal from Afghanistan provides an excellent model for a disengagement from direct military involvement” [Grau, p. 260].

Afghanistan and Chechnya: views on the political factors behind the failure

The second group of arguments deals with the political aspects of Soviet/Russian strategies. The first argument describes the Russian inability to avoid immersion in local politics and its lacking coherent goals in both conflicts [see: Cassidy; Feifer; Derleth; Goodson, Johnson; Grau; The Bear

Went Over the Mountain]. Debates are still being held concerning the goals the Soviet Union pursued when sending troops to Afghanistan. One thing that most American scholars agree on is that Afghanistan was a region of strategic interest for Soviet foreign policy. Gibbs states that, due to “the emergence of Iranian influence, Daoud’s anti-communist repressions, the PDPA takeover” that took place in late 1970s, the Politburo had to address the issue in a manner different from any approach they had previously adopted [Gibbs, p. 372]. When moving away from a macro level analysis to more practical considerations, American views on the Soviet Union’s goals in Afghanistan become blurry and often unconvincing. Cassidy believes that the Soviet army opted for a long war by undermining and dividing the Mujahideen with an indirect strategy, so the prospect of a sweeping victory was off the table [Cassidy, p. 27].

The second argument in this group addresses the USSR’s problem of legitimacy when conducting military operations. In the case of Afghanistan, it deals with the prevailing Brezhnev doctrine, which made it impossible to withdraw from the region and allowed anti-communist forces to take over [Grau]. Still, the Afghan population viewed the Soviet soldiers as invaders. With a wide range of actors involved, each with varying degree of legitimacy and power, after the failure of the National Reconciliation Policy initiated by Mohammed Najibullah in 1986, the conflict had little chance of being resolved. This was proved after Soviet troops left Afghanistan in 1989 and a civil war broke out in the country.

There is no wide interest among American scholars in the Soviet post-conflict settlement strategy³. The exception is Benningsen’s policy memo, analyzing the Soviet experience of counterinsurgency operations, as well as its consideration of the failed attempts of the USSR to establish a viable government system in Afghanistan [Benningsen, p. 18–21].

From a normative standpoint, American scholars believe that the USSR pursued a policy of preserving an authoritarian regime and imposing its own ideology, while the US, in contrast, has been trying to conduct a proper nation-building process, to forge a government “with democratic aspirations, and a claim on prosperity” [Collins, p. 33–34]. The same argument is shared by Millen, claiming that the USSR “destroyed the socio-economic fabric of Afghanistan” [Millen, p. 1].

The same group of political arguments (the lack of coherent aims and legitimacy) apply to American analysis of the Russian conduct of the First Chechen War. The variety of goals present include keeping the republic as a part of Russia, fighting terrorism and ousting the Dudaev regime [Cassidy, p. 22]. The disorganized Russian government, which lacked an understanding of the purposes of the conducted campaign, did not fully comprehend the state of its military forces. Lieven points out that the Soviet and Rus-

---

³ Although there is a considerable amount of literature dealing with Soviet economic policy in Afghanistan [Rubin, 1995; Robinson, Dixon] a political strategy of the USSR is generally omitted. Also, for more examples demonstrating how American scholarship views the Soviet withdrawal through a technical lens, see: [Marshall; Hess; Grau].

sian military commander, Colonel General Vorobyov, was denouncing the “moral cowardice of Grachev in not telling Yeltsin that the army was not prepared for intervention” [Lieven, p. 106].

Echoing them, Lapidus states that the ultimate failure to either oust the Dudaev government or achieve legitimacy for the Kremlin-backed Zavgayev was coupled with increasing domestic and international turmoil, which resulted in “half-hearted attempts of negotiation [that] were combined with a relentless pursuit of military victory” [Lapidus, p. 13]. Kramer also emphasizes that, in the 1990s, Russian troops did not manage to gain legitimacy in the eyes of most Chechens [Kramer], as they had similarly failed to do in Afghanistan.

Concerning Moscow’s post-conflict actions in Chechnya, there is a group of authors who analyze the Russian conduct in Chechnya in mere technical aspects [Frankel; Canfield; Fayutkin] and they are considered realist. These perspectives drive American scholars to compare the then ongoing Iraq War with the Russian operation in the Caucasus [Kramer].

Yet the Chechen case feeds the normative discourse of US scholarship greatly [Hodgson; Thomas; Ware; Lyall, Blair, Imai]. The work of Ware is typical in this regard: he declares that the Chechnya campaign greatly influenced the evolution of Russian federalism. The terrorist attacks perpetrated by Shamil Basayev gave Russian president Vladimir Putin a cue to transform Russian regional politics in a more “oppressive and authoritarian fashion” [Ware; Russel]⁴. The most profound difference between American perspectives on the Afghan and Chechen cases is that Chechnya is seen primarily as the product of Russian internal politics – national federalism during the conflict has grown into a coercive system being described as the Chechenisation of Russian politics.

Political means idealist?

We have analyzed political arguments in American thinking on the failure of Russian strategy in both protracted conflicts. We assume that the majority of American scholars develop a normative/idealistic perspective on both conflicts. Concerning war in Afghanistan, the Soviet’s lacking legitimacy is always put against the democratizing purposes of US military operations, therefore, American academia is certain that the US operation is legitimate.

The same goes for the purposes of the conflict: in Afghanistan, the Soviet forces divided a nation while conducting military crimes and, thus, failed to win over the hearts and minds of the Afghani nationals. In contrast, the US is presented as defending the Afghani nation against Taliban terrorists. Apart from a different reading of what nation building is, the American scholarship has introduced a term Chechenisation that attests to the fact

---

⁴ Russel suggests that the Chechen war has created “an iron Putin”, an autocrat seeking to freeze the Russian political process.

that the rise of authoritarianism in Russia is due to its flawed conflict strategy. Normative bias in the American reading of the political strategy of Russia/Soviet Union is clear.

* * *

We have studied a body of American works on Soviet/Russian experiences during small/counterinsurgent conflicts, paying special attention to whether these experiences are considered relevant for understanding comparable American foreign entanglements. Our research has found several promising research patterns.

First, American scholars look at Soviet/Russian failures in both campaigns through the lens of broadly similar factors – strategy deficiencies, lack of resources, wrong objectives, lack of understanding of conflict, and lack of legitimacy. Second, we have examined how American academia understands Soviet/Russian practices of peace building in both cases: As regards to Afghanistan, American scholarship (apart from the literature on technical issues) does not see Soviet withdrawal, or the subsequent deal-making with the mujahedeen, as a proper conflict settlement strategy since it is lacking genuine nation-building. Concerning Chechnya (again, besides the few exceptions noted above) Russian post-conflict policy is branded as Chechenisation and viewed as a part of the Russian internal evolution towards authoritarianism.

For a long time, the US has been mired in protracted military entanglements and continues to search for ways out. Yet, President Obama, in responding to the US military presence in Syria, called America ‘exceptional’. For the US to end its protracted conflict in Afghanistan, it is important to adopt a policy similar to the Soviet approach, which was based on securing deals with the key players on the ground and withdrawing forces out of the country. It is symbolic that Russia is ready to broker peace talks between the US and Taliban. It is time to open the Soviet/Russian handbook on how to build peace, instead of seeking to build an imagined nation.

Список литературы

- Венюков М. И.* Исторические очерки России со времени Крымской войны до заключения Берлинского договора. 1855–1878 : в 4 т. Лейпциг : [Б. и.], 1878. Т. 1. 431 с.
- Bennigsen A.* The Soviet Union and Muslim Guerrilla Wars, 1920–1981: Lessons for Afghanistan. Santa Monica, CA : RAND Corporation, 1981. 30 p.
- Blank S.* Airmobile Troops and Soviet Airland War: From Afghanistan to the Future // The J. of Soviet Military Studies. Vol. 5. 1992. № 1. P. 28–52. DOI 10.1080/13518049208430051.
- Canfield D. T.* The Russian Chechen Wars: Three Lessons for US Defense Planners // Joint Force Quarterly. Vol. 51. 2008. № 4. P. 102–105.
- Cascander M. O.* Making Identity Count: USA 1970 // OSF : [website]. URL: <https://osf.io/zfe8v/?action=download%26mode=render> (mode of access: 13.02.2020).
- Cassidy R. M.* Russia in Afghanistan and Chechnya: Military Strategic Culture and the Paradoxes of Asymmetric Conflict. Carlisle, PA : Strategic Studies Inst., 2003. 81 p.
- Collins J.* Understanding War in Afghanistan. Washington, DC : National Defense Univ. Press, 2011. 158 p.

Derleth J. W. The Soviets in Afghanistan: Can the Red Army Fight a Counterinsurgency War? // *Armed Forces & Society*. Vol. 15. 1988. № 1. P. 33–54. DOI 10.1177/0095327X8801500103.

Dobbins J. America's Role in Nation-Building: From Germany to Iraq. Santa Monica, CA : Rand Corporation, 2003. 280 p.

Dobbins J., Poole M. A., Long A., Runkle B. After the War: Nation-Building from FDR to George W. Bush. Santa Monica, CA : Rand Corporation, 2008. 188 p.

Donini A., Minear L., Walker P. The Future of Humanitarian Action: Mapping the Implications of Iraq and Other Recent Crises // *Disasters*. Vol. 28. 2004. № 2. P. 190–204. DOI 10.1111/j.0361-3666.2004.00252.x.

Fayutkin D. Stabilization and Reconstruction of Nations after Military Conflict: Afghanistan and Chechnya Case Studies // *Comparative Strategy*. Vol. 28. 2009. № 4. P. 367–372. DOI 10.1080/01495930903185377.

Feifer G. The Great Gamble: The Soviet War in Afghanistan. N. Y. : Harper Perennial, 2010. 326 p.

Frankel M. The ABCs of HVT: Key Lessons from High Value Targeting Campaigns against Insurgents and Terrorists // *Studies in Conflict & Terrorism*. Vol. 34. 2010. № 1. P. 17–30. DOI 10.1080/1057610X.2011.531456.

Gibbs D. Does the USSR Have a “Grand Strategy”? Reinterpreting the Invasion of Afghanistan // *J. of Peace Research*. Vol. 24. 1987. № 4. P. 365–379. DOI 10.1177/002234338702400404.

Goodson L. P., Johnson T. H. US Policy and Strategy toward Afghanistan after 2014. S. I. : Strategic Studies Inst., US Army War College, 2014. 60 p.

Granville J. Afghan Stalemate. A Comparison of the Soviet and American Counterinsurgencies in Afghanistan (Review Article) // *Asian Affairs*. Vol. 45. 2014. № 1. P. 112–125. DOI 10.1080/03068374.2013.874224.

Grau L. W. Breaking Contact Without Leaving Chaos: The Soviet Withdrawal from Afghanistan // *The J. of Slavic Military Studies*. Vol. 20. 2007. № 2. P. 235–261. DOI 10.1080/13518040701373080.

Hess S. Coming to Terms with Neopatrimonialism: Soviet and American Nation-Building Projects in Afghanistan // *Central Asian Survey*. Vol. 29. 2010. № 2. P. 171–187. DOI 10.1080/02634937.2010.490677.

Hodgson Q. Is the Russian Bear Learning? An Operational and Tactical Analysis of the Second Chechen War, 1999–2002 // *J. of Strategic Studies*. Vol. 26. 2003. № 2. P. 64–91. DOI 10.1080/01402390412331302985.

Holsti K. J. Exceptionalism in American foreign policy: Is it exceptional? // *Europ. J. of Intern. Relations*. Vol. 17. 2011. № 3. P. 381–404. DOI 10.1177/1354066110377674.

Johnson D. R. Soviet Counterinsurgency : Thesis M. A. in National Security Affairs. Monterey, CA : [S. n.], 1990. 129 p.

Kramer M. The Perils of Counterinsurgency: Russia's War in Chechnya // *Intern. Security*. Vol. 29. 2005. № 3. P. 5–63. DOI 10.1162/0162288043467450.

Lapidus G. W. Contested Sovereignty: The Tragedy of Chechnya // *Intern. Security*. Vol. 23. 1998. № 1. P. 5–49. DOI 10.2307/2539261.

Lieven A. Chechnya. Tombstone of Russian Power. N. Haven : Yale Univ. Press, 1998. 436 p.

Lyall J., Blair G., Imai K. Explaining Support for Combatants during Wartime: A Survey Experiment in Afghanistan // *Am. Political Science Rev.* Vol. 107. 2013. № 4. P. 679–705. DOI 10.1017/S0003055413000403.

Marshall A. Managing Withdrawal: Afghanistan as the Forgotten Example in Attempting Conflict Resolution and State Reconstruction // *Small Wars and Insurgencies*. Vol. 18. 2007. № 1. P. 68–89. DOI 10.1080/09592310601173238.

McCoy T. How Joseph Stalin Invented ‘American Exceptionalism’ // *The Atlantic* : [website]. 2012. March 15. URL: <https://www.theatlantic.com/politics/archive/2012/03/how-joseph-stalin-invented-american-exceptionalism/254534/> (mode of access: 13.02.2020).

Mearsheimer J. J. Great Delusion: Liberal Dreams and International Realities. N. Haven, Yale Univ. Press, 2018. 328 p.

Millen R. A. Afghanistan: Reconstituting a Collapsed State. [S. l.] : Strategic Studies Inst. : US Army War College, 2005. 22 p.

Oliker O. Russia's Chechen Wars 1994–2000: Lessons from Urban Combat. Santa Monica, CA : RAND Corporation, 2001. 102 p.

Oliker O. Americans in Afghanistan: Ignoring Lessons of the Soviet Intervention // Valdai. Discussion Club : [website]. 2019. 13 Aug. URL: <http://valdaiclub.com/a/highlights/americans-in-afghanistan-ignoring-lessons/> (mode of access: 13.02.2020).

Reuveny R., Prakash A. The Afghanistan War and the Breakdown of the Soviet Union // Rev. of Intern. Studies. Vol. 25. 1999. № 4. P. 693–708. DOI 10.1017/S0260210599006932.

Robinson P., Dixon J. Aiding Afghanistan: A History of Soviet Assistance to a Developing Country. L. : C. Hurst & Co, 2013. 256 p.

Rubin B. R. The Fragmentation of Afghanistan: State Formation and Collapse in the International System. N. Haven, Yale Univ. Press, 1995. 426 p.

Rubin B. R. Peace Building and State-Building in Afghanistan: Constructing Sovereignty for Whose Security? // Third World Quarterly. Vol. 27. 2006. № 1. P. 175–185. DOI 10.1080/01436590500370038.

Rupp R. High Hopes and Limited Prospects: Washington's Security and Nation-Building Aims in Afghanistan // Cambridge Rev. of Intern. Affairs. Vol. 19. 2006. № 2. P. 285–298. DOI 10.1080/09557570600724587.

Russell J. Terrorists, Bandits, Spooks and Thieves: Russian Demonisation of the Chechens before and since 9/11 // Third World Quarterly. Vol. 26. 2005. № 1. P. 101–116. DOI 10.1080/0143659042000322937.

Statebuilding and Intervention: Policies, Practices and Paradigms / ed. by D. Chandler. L. : Routledge, 2014. 248 p.

Talentino A. K. The Two Faces of Nation-Building: Developing Function and Identity // Cambridge Rev. of Intern. Affairs. Vol. 17. 2004. № 3. P. 557–575. DOI 10.1080/0955757042000297008.

The Bear Went Over the Mountain: Soviet Combat Tactics in Afghanistan / ed. by L. Grau. L. : Routledge, 1998. 220 p.

Thomas T. L. Russian Tactical Lessons Learned Fighting Chechen Separatists // J. of Slavic Military Studies. Vol. 18. 2005. № 4. P. 731–766. DOI 10.1080/13518040500355015.

Ware J. Afghanistan: War Without an End // BBC : [website]. 2011. 31 July. URL: <https://www.bbc.co.uk/programmes/p00j1dlg> (mode of access: 29.10.2019).

References

Bennigsen, A. (1981). *The Soviet Union and Muslim Guerrilla Wars, 1920–1981: Lessons for Afghanistan*. Santa Monica, CA, RAND Corporation. 30 p.

Blank, S. (1992) Airmobile Troops and Soviet Airlift War: From Afghanistan to the Future. In *The J. of Soviet Military Studies*. Vol. 5. No. 1, pp. 28–52. DOI 10.1080/13518049208430051.

Canfield, D. T. (2008). The Russian Chechen Wars: Three Lessons for US Defense Planners. In *Joint Force Quarterly*. Vol. 51. No. 4, pp. 102–105.

Cascander, M. O. (N. d.). Making Identity Count: USA 1970. In *OSF* [website]. URL: <https://osf.io/zfe8v/?action=download%26mode=render> (mode of access: 13.02.2020).

Cassidy, R. M. (2003). *Russia in Afghanistan and Chechnya: Military Strategic Culture and the Paradoxes of Asymmetric Conflict*. Carlisle, PA, Strategic Studies Inst. 81 p.

Chandler, D. (Ed.). (2014). *Statebuilding and Intervention: Policies, Practices and Paradigms*. L., Routledge. 248 p.

Collins, J. (2011). *Understanding War in Afghanistan*. Washington, DC, National Defense Univ. Press. 158 p.

Derleth, J. W. (1998) The Soviets in Afghanistan: Can the Red Army Fight a Counterinsurgency War? In *Armed Forces & Society*. Vol. 15. No. 1, pp. 33–54. DOI 10.1177/0095327X8801500103.

Dobbins, J. (2003). *America's Role in Nation-Building: From Germany to Iraq*. Santa Monica, CA, Rand Corporation. 280 p.

Dobbins, J., Poole, M. A., Long A., Runkle B. (2008). *After the War: Nation-Building from FDR to George W. Bush*. Santa Monica, CA, Rand Corporation. 188 p.

Donini, A., Minear, L., Walker, P. (2004). The Future of Humanitarian Action: Mapping the Implications of Iraq and Other Recent Crises. In *Disasters*. Vol. 28. No. 2, pp. 190–204. DOI 10.1111/j.0361-3666.2004.00252.x.

Fayutkin, D. (2009). Stabilization and Reconstruction of Nations after Military Conflict: Afghanistan and Chechnya Case Studies. In *Comparative Strategy*. Vol. 28. No. 4, pp. 367–372. DOI 10.1080/01495930903185377.

Feifer, G. (2010). *The Great Gamble: The Soviet War in Afghanistan*. N. Y., Harper Perennial. 326 p.

Frankel, M. (2010). The ABCs of HVT: Key Lessons from High Value Targeting Campaigns against Insurgents and Terrorists. In *Studies in Conflict & Terrorism*. Vol. 34. No. 1, pp. 17–30. DOI 10.1080/1057610X.2011.531456.

Gibbs, D. (1987). Does the USSR Have a “Grand Strategy”? Reinterpreting the Invasion of Afghanistan. In *J. of Peace Research*. Vol. 24. No. 4, pp. 365–379. DOI 10.1177/002234338702400404.

Goodson, L. P., Johnson, T. H. (2014). *US Policy and Strategy toward Afghanistan after 2014*. S. I., Strategic Studies Inst., US Army War College. 60 p.

Granville, J. (2014). Afghan Stalemate. A Comparison of the Soviet and American Counterinsurgencies in Afghanistan (Review Article). In *Asian Affairs*. Vol. 45. No. 1, pp. 112–125. DOI 10.1080/03068374.2013.874224.

Grau, L. W. (Ed.). (1998). *The Bear Went Over the Mountain: Soviet Combat Tactics in Afghanistan*. L., Routledge. 220 p.

Grau, L. W. (2007). Breaking Contact Without Leaving Chaos: The Soviet Withdrawal from Afghanistan. In *The J. of Slavic Military Studies*. Vol. 20. No. 2, pp. 235–261. DOI 10.1080/13518040701373080.

Hess, S. (2010). Coming to Terms with Neopatrimonialism: Soviet and American Nation-Building Projects in Afghanistan. In *Central Asian Survey*. Vol. 29. No. 2, pp. 171–187. DOI 10.1080/02634937.2010.490677.

Hodgson, Q. (2003). Is the Russian Bear Learning? An Operational and Tactical Analysis of the Second Chechen War, 1999–2002. In *J. of Strategic Studies*. Vol. 26. No. 2, pp. 64–91. DOI 10.1080/01402390412331302985.

Holsti, K. J. (2011). Exceptionalism in American Foreign Policy: Is It Exceptional? In *Europ. J. of Intern. Relations*. Vol. 17. No. 3, pp. 381–404. DOI 10.1177/1354066110377674.

Johnson, D. R. (1990). *Soviet Counterinsurgency*. Thesis M.A. in National Security Affairs. Monterey, CA, S. n. 129 p.

Kramer, M. (2005). The Perils of Counterinsurgency: Russia's War in Chechnya. In *Intern. Security*. Vol. 29. No. 3, pp. 5–63. DOI 10.1162/0162288043467450.

Lapidus, G. W. (1998). Contested Sovereignty: The Tragedy of Chechnya. In *Intern. Security*. Vol. 23. No. 1, pp. 5–49. DOI 10.2307/2539261.

Lieven, A. (1998). *Chechnya. Tombstone of Russian Power*. N. Haven, Yale Univ. Press. 436 p.

Lyall, J., Blair, G., Imai, K. (2013). Explaining Support for Combatants during Wartime: A Survey Experiment in Afghanistan. In *Am. Political Science Rev.* Vol. 107. No. 4, pp. 679–705. DOI 10.1017/S0003055413000403.

Marshall, A. (2007). Managing Withdrawal: Afghanistan as the Forgotten Example in Attempting Conflict Resolution and State Reconstruction. In *Small Wars and Insurgencies*. Vol. 18. No. 1, pp. 68–89. DOI 10.1080/09592310601173238.

McCoy, T. (2012). How Joseph Stalin Invented ‘American Exceptionalism’. In *The Atlantic* [website]. March 15. URL: <https://www.theatlantic.com/politics/archive/2012/03/how-joseph-stalin-invented-american-exceptionalism/254534/> (mode of access: 13.02.2020).

Mearsheimer, J. J. (2018). *Great Delusion: Liberal Dreams and International Realities*. N. Haven, Yale Univ. Press. 328 p.

Millen, R. A. (2005). *Afghanistan: Reconstituting a Collapsed State*. S. 1., Strategic Studies Inst., US Army War College. 22 p.

Oliker, O. (2001). *Russia's Chechen Wars 1994–2000: Lessons from Urban Combat*. Santa Monica, CA, RAND Corporation. 102 p.

Oliker, O. (2019). Americans in Afghanistan: Ignoring Lessons of the Soviet Intervention. In *Valdai. Discussion Club* [website]. 13 August. URL: <http://valdaiclub.com/a/highlights/americans-in-afghanistan-ignoring-lessons/> (mode of access: 13.02.2020).

Reuveny, R., Prakash, A. (1999). The Afghanistan War and the Breakdown of the Soviet Union. In *Rev. of Intern. Studies*. Vol. 25. No. 4, pp. 693–708. DOI 10.1017/S0260210599006932.

Robinson, P., Dixon, J. (2013). *Aiding Afghanistan: A History of Soviet Assistance to a Developing Country*. L., C. Hurst & Co. 256 p.

Rubin, B. R. (1995). *The Fragmentation of Afghanistan: State Formation and Collapse in the International System*. N. Haven, Yale Univ. Press. 426 p.

Rubin, B. R. (2006). Peace Building and State-Building in Afghanistan: Constructing Sovereignty for Whose Security? In *Third World Quarterly*. Vol. 27. No. 1, pp. 175–185. DOI 10.1080/01436590500370038.

Rupp, R. (2006). High Hopes and Limited Prospects: Washington's Security and Nation-Building Aims in Afghanistan. In *Cambridge Rev. of Intern. Affairs*. Vol. 19. No. 2, pp. 285–298. DOI 10.1080/09557570600724587.

Russell, J. (2005). Terrorists, Bandits, Spooks and Thieves: Russian Demonisation of the Chechens before and since 9/11. In *Third World Quarterly*. Vol. 26. No. 1, pp. 101–116. DOI 10.1080/0143659042000322937.

Talentino, A. K. (2004). The Two Faces of Nation-Building: Developing Function and Identity. In *Cambridge Rev. of Intern. Affairs*. Vol. 17. No. 3, pp. 557–575. DOI 10.1080/0955757042000297008.

Thomas, T. L. (2005). Russian Tactical Lessons Learned Fighting Chechen Separatists. In *J. of Slavic Military Studies*. Vol. 18. No. 4, pp. 731–766. DOI 10.1080/13518040500355015.

Venyukov, M. I. (1878). *Istoricheskie ocherki Rossii so vremeni Krymskoi voyny do zaklyucheniya Berlinskogo dogovora. 1855–1878 v 4 t.* [Historical Essays of Russia from the Time of the Crimean War to the Conclusion of the Berlin Treaty. 1855–1878. 4 Vols.]. Leipzig, S. n. Vol. 1. 431 p.

Ware, J. (2011). Afghanistan: War Without an End. In *BBC* [website]. 31 July. URL: <https://www.bbc.co.uk/programmes/p00j1dlg> (mode of access: 29.10.2019).

The article was submitted on 19.11.2019

DOI 10.15826/qr.2020.2.472
УДК 327.3(470)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ПО УРЕГУЛИРОВАНИЮ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ*

Александр Никитин

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
МГИМО Университет,
Москва, Россия

**Ирина Болгова
Юлия Никитина**

МГИМО Университет,
Москва, Россия

ACTIVITIES OF NON-GOVERNMENTAL ORGANISATIONS AIMED AT CONFLICT SETTLEMENT IN POST-SOVIET STATES**

Alexander Nikitin

National Research University
Higher School of Economics,
MGIMO University,
Moscow, Russia

**Irina Bolgova
Yulia Nikitina**

MGIMO University,
Moscow, Russia

This article analyses the peace-making activities of Soviet/Russian non-governmental public organisations (NGOs) with reference to the Federation for Peace and Conciliation, the successor of the Soviet Peace Committee. NGOs

---

* Работа И. Болговой и Ю. Никитиной над исследованием осуществлялась при финансовой поддержке МГИМО Университета МИД России в рамках внутреннего проекта ИМИ № 1921–01–06.

** *Citation:* Nikitin, A., Bolgova, I., Nikitina, Yu. (2020). Activities of Non-Governmental Organisations Aimed at Conflict Settlement in Post-Soviet States. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 2. P. 428–441. DOI 10.15826/qr.2020.2.472.

Цитирование: Nikitin A., Bolgova I., Nikitina Yu. Activities of Non-Governmental Organisations Aimed at Conflict Settlement in Post-Soviet States // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 2. P. 428–441. DOI 10.15826/qr.2020.2.472 / Никитин А., Болгова И., Никитина Ю. Деятельность неправительственных организаций по урегулированию этнополитических конфликтов на постсоветском пространстве // *Quaestio Rossica*. Т. 8. 2020. № 2. С. 428–441. DOI 10.15826/qr.2020.2.472.

were formed at the initiative of the state and party organs of the Soviet system but were transformed into independent NGOs after the collapse of the USSR with their own active strategy of assistance in conflict resolution. This study is based upon unique archive materials and the personal experience of one of the authors, who used to work for such organisations. The study focuses on the ethnopolitical conflicts which took place between the collapse of the USSR and the mid-1990s. There is a widespread opinion in academic literature that so-called non-governmental organisations set up by the government do not have their own identity, especially during social crises, and passively follow the government's political line. However, the study of their activities demonstrates that during the first years after the dissolution of the Soviet Union, these organisations initiated a significant number of practical and political projects with the participation of high-ranked representatives of the governments, parliaments, and political parties of both post-Soviet and foreign states and international organisations, including the UN, OSCE, NATO, CIS, etc. This, in turn, played a role as a substantial supplement to classical interstate diplomacy and practically promoted the settlement of certain ethnopolitical conflicts. The archive materials analysed prove that in the early post-Soviet period, a certain *inversion* in the direction of political and ideological impulses took place, and a number of non-governmental organisations that used to transmit the interests of the Communist Party and state organs to the international environment were able to create new international projects and consultations in the form of "track one-and-a-half" diplomacy, i. e. the informal interaction of officials in the capacity of unofficial experts. And in such cases, it was NGOs which shaped the agenda and transmitted public interests to the state structures of Russia and the CIS states, mediating between fighting sides and amongst representatives of various states, practically assisting the settlement of ethnopolitical conflicts.

Keywords: conflict settlement; peacekeeping; post-Soviet space; Soviet Peace Committee; Federation for Peace and Conciliation; Centre for Political and International Studies; Commonwealth of Independent States.

Анализируется миротворческая деятельность советских/российских неправительственных общественных организаций (НПО) на примере Федерации мира и согласия, возникшей на основе Советского комитета защиты мира. Будучи сформированными по инициативе государственных и партийных органов, после распада СССР они трансформировались в независимые НПО с собственной активной стратегией содействия урегулированию конфликтов. Привлечены уникальные архивные материалы, а также использован личный опыт одного из соавторов, работавшего в упомянутых организациях. Исследование фокусируется на этнополитических конфликтах периода накануне распада СССР и до середины 1990-х гг. В научной литературе доминирует представление, что организованные государством НПО не имеют собственной субъектности, особенно в период кризисов, и лишь пассивно проводят навязываемую им государством политическую линию. Однако изучение практики их деятельности показывает, что в первые годы после распада СССР данные общественные

объединения организовали значительное количество практических и политических мероприятий с участием высокопоставленных представителей правительств, парламентов, политических партий как постсоветских государств, так и зарубежных государств и международных организаций, включая ООН, ОБСЕ, НАТО, СНГ, что служило существенным дополнением к классической межгосударственной дипломатии и практически способствовало процессу урегулирования ряда этнополитических конфликтов. Архивные материалы доказывают, что в ранний постсоветский период постепенно произошла инверсия направленности политических и идеологических импульсов, и ряд НПО, ранее транслировавших в международную среду интересы советских государственных и партийных органов, сумели создать новые формы международных мероприятий и консультаций в формате так называемого «полutorного трека» (неформального взаимодействия официальных лиц в неофициальном экспертном качестве), в которых уже они формировали повестку дня и транслировали в адрес госорганов России и стран СНГ общественные интересы, стали посредниками для конфликтующих сторон и представителей разных государств, содействуя урегулированию этнополитических конфликтов.

Ключевые слова: урегулирование конфликтов; миротворчество; постсоветское пространство; неправительственные организации; Советский комитет защиты мира; Федерация мира и согласия; Центр политических и международных исследований; Содружество Независимых Государств.

В последние годы Россия на официальном уровне оказывает содействие в мирном урегулировании зарубежных конфликтов, примеры тому – форум «Межафганский диалог» в Москве, Конгресс народов Сирии в Сочи, межпалестинский диалог, организуемый Институтом востоковедения РАН [Степанова], координаторами которых выступают государственные структуры. В 1990-е гг. похожие инициативы исходили не от госорганов, а от российского гражданского общества, что положило начало дипломатии «полutorного трека» с участием как представителей НПО, так и официальных лиц среднего ранга.

В урегулировании региональных и локальных конфликтов на территории СССР (с 1991 г. – на постсоветском пространстве) начиная с 1980-х до конца 1990-х гг. существенную роль сыграли общественные организации, в том числе изначально сформированные в формате, который в мировой научной литературе называют ГОНГО (*Governmentally Initiated Non-Governmental Organizations* – «Иницированные государством неправительственные организации»)¹ [Мельвиль, Никитин].

Система ГОНГО в советский период решала задачу «канализации» общественной активности в международной сфере и явного или неявного проведения государственной политики через структуры, которые

---

¹ О феномене ГОНГО см.: [Лушников].

в современной терминологии стали именовать негосударственными акторами международных отношений. Тремя основными организациями этого типа в общесоветском масштабе являлись Союз советских обществ дружбы с зарубежными странами (ССОД, впоследствии преобразованный в агентство «Россотрудничество»), Советский комитет защиты мира (СКЗМ) и Комитет молодежных организаций СССР (КМО). СКЗМ был наиболее политизированной общественной организацией, проводившей целенаправленные общественно-пропагандистские кампании прежде всего в сферах международной безопасности и разоружения и в целом по всей тематике трех «переговорных корзин» Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ) (безопасность, экономика, гуманитарные вопросы).

В российской науке интерес к изучению мирного движения в СССР возобновился в начале XXI в. [Викторов; Гордеева; Локшин; Маслихин; Орлова; Раева, 2016; Раева, 2017]. Однако исследования деятельности НПО и ГОНГО в 1990-х гг. практически не проводились в России, хотя следует отметить ряд зарубежных исследований о роли гражданского общества в урегулировании конфликтов на постсоветском пространстве [Iji; Koppesek, Hoch, Vaar; Popescu; Saunders; Stewart; Venturi].

Из последних изданий на русском языке следует упомянуть книгу Г. Сондерса «Устойчивый диалог в конфликтах: трансформации и изменения», где на примере Дартмутского процесса² показывается, как на основе опыта советско-американского диалога периода холодной войны была разработана концепция «устойчивого диалога», затем на практике примененная в ходе межтаджикского урегулирования и урегулирования в Нагорном Карабахе [Сондерс]. Однако пример Дартмутского процесса не уникален – вовлеченные в советско-американский гражданский диалог советские ГОНГО после распада СССР также использовали свой предыдущий опыт примирения для практических шагов по урегулированию конфликтов на постсоветском пространстве.

Концепция «устойчивого диалога» Сондерса формировалась постепенно и сложилась в окончательном виде к концу 1990-х гг., во многом на основе опыта межтаджикского урегулирования. В предлагаемой статье показывается, что многие элементы концепции «устойчивого диалога» Г. Сондерса на практике использовались анализируемыми ГОНГО, то есть опыт мирного движения периода холодной войны впоследствии был конвертирован в опыт мирного процесса силами гражданского общества в лице СКЗМ, который был трансформирован после 1991 г. в Федерацию мира и согласия (ФМС). Е. Степанова выделяет три основы концепции «устойчивого диалога»: 1) мирный процесс силами гражданского общества с участием представителей широких общественных кругов, как правило,

---

² Советско-американские консультации в формате диалога видных представителей гражданского общества, которые впервые были проведены в 1961 г. Об истории Дартмутских встреч см.: [The Dartmouth Conference].

еще на предпереговорной стадии; 2) отказ от навязчивого внешнего модерирования с предоставлением площадки для диалога, чтобы сами стороны могли прийти к соглашению без внешнего давления; 3) безопасное место для продолжительного диалога на систематической основе [Степанова].

Конечно, американский опыт частично был перенят в России в начале 1990-х: в мае 1993 г. под эгидой Дартмутских российско-американских встреч в Москве было проведено заседание Рабочей группы по региональным конфликтам, посвященное положению в Таджикистане, с учетом ситуаций в сопредельных азиатских и ближневосточных странах. Однако, как было отмечено выше, в этот период концепция «устойчивого диалога» только начинала свое становление, поэтому практику СКЗМ и ФМС в урегулировании конфликтов можно считать самобытной.

Уже в конце 1980-х гг. СКЗМ развернул деятельность по снижению опасности от разгорающихся внутренних конфликтов. Первые общественные слушания по вопросам внутренней безопасности были проведены в ноябре 1989 г. На них были приглашены выступить активисты разворачивающихся общественных движений, а также представители МВД и КГБ СССР.

В 1991–1993 гг. СКЗМ/ФМС и созданный ими совместно с Советской ассоциацией политической науки Центр политических и международных исследований (ЦПМИ) при участии Ассоциации содействия ООН провели в Москве беспрецедентную серию из десяти международных (поначалу они назывались межреспубликанскими) консультаций по проблемам коллективной безопасности и конфликтов [Михайлов]. В условиях распада Союза межгосударственные переговоры по проблемам вооруженных сил и безопасности сдерживались неполной сформированностью структур политического (Совета безопасности) и военного (Министерства обороны) руководства новых независимых государств (ННГ).

По результатам консультаций вырабатывались практические рекомендации для ННГ по созданию доктрин национальной безопасности и военных доктрин, была издана книга «Коллективная безопасность для России и СНГ» [Коллективная безопасность]. Разрабатывались и обсуждались проекты положения «О силах по поддержанию мира в СНГ», соглашения о создании Совета безопасности Содружества Независимых Государств, положения о Комитетах правовой и социальной защиты военнослужащих Министерства обороны.

В условиях нарастающей межэтнической и политической напряженности в Прибалтике и Закавказье (эти регионы вскоре потребовали перейти на наименования «страны Балтии» и «страны Южного Кавказа») СКЗМ провел 14–16 мая 1991 г. международную встречу «Политическая стабильность в СССР и международная безопасность» [Политическая стабильность в СССР]. Во встрече участвовали представители министерств обороны и внутренних дел СССР,

Верховных Советов СССР и РСФСР, правительств Литвы, Латвии, Эстонии, Азербайджана, Армении, эксперты из США, представители народов Северного Кавказа, крымских татар и др.

В условиях активизирующихся региональных и локальных конфликтов ФМС применяла инновационные для того времени методики посреднических встреч представителей политического руководства конфликтующих сторон (вторая основа в концепции Сондерса – обеспечение безопасной площадки). Когда конфликт в Приднестровском регионе Молдавии стал обретать насильственную форму, делегация ФМС³ в марте 1992 г. посетила Тирасполь и Кишинев, встретила в посредническом формате с представителями молдавской армии и приднестровских вооруженных добровольческих формирований, политическими и общественными деятелями Молдавии и Приднестровской Молдавской Республики. Позднее в ФМС несколько раз проводились практические посреднические встречи между представителями приднестровского и молдавского руководства.

В сентябре 1992 г. ФМС и ЦПМИ провели посредническую встречу по грузино-абхазскому конфликту [Встреча-диалог по грузино-абхазскому конфликту]. Для участия были приглашены в Москву депутаты абхазского парламента (ВС Абхазии) от абхазской и грузинской этнических групп, дипломаты из посольства Грузии в РФ, лидеры КГНК (Конфедерации горских народов Кавказа, своеобразного «народного фронта» северокавказских этнических групп), представители северокавказских этнических общин, проживающих в Москве, эксперты государственных министерств и ведомств России (первая основа концепции Сондерса – в диалоге участвуют не только НПО и эксперты, но и широкие общественные круги). Это был период, когда абхазские добровольческие формирования вытесняли с территории Абхазии грузинское население, обращая его в беженцев и переселенцев, создавая ситуацию, приближенную в отдельных районах к гуманитарной катастрофе. Военное вмешательство России последовало лишь в 1994 г. после согласования мандата по линии СНГ, а осенью 1992 г. общественные посреднические встречи оставались уникальным форматом, в рамках которого прорабатывался вопрос о плюсах и минусах внешнего вмешательства.

В августе 1993 г., в трагическую годовщину начала вооруженной стадии конфликта в Абхазии, ФМС провела диалог «Абхазия: взгляд в будущее, мир без войны» с участием представителей грузинской и абхазской диаспор в Москве и представителей руководства противоборствующих сторон, прибывших непосредственно из конфликтного региона.

---

³ 4 февраля 1992 г. после образования СНГ вместо СКЗМ была образована Федерация мира и согласия, ставшая его правопреемницей. Субъектами федерации стали свыше 20 национальных комитетов и советов мира, а также около 50 миротворческих, научных, экологических, правозащитных организаций и общественных объединений.

Практический вклад ФМС внесла в организацию процесса обмена заложниками между осетинской и ингушской сторонами в ходе североосетинско/ингушского конфликта в 1992 г. Представители московских ингушской и осетинской диаспор встречались в ФМС и прямо по междугородним телефонам из его помещения договаривались со своими соотечественниками в Назрани и Владикавказе об условиях обмена заложниками.

Грузино-абхазские и грузино-осетинские противоречия оставались в фокусе внимания организации и в 1994 г. (в этом году началась военная операция российских войск в Абхазии). С февраля по апрель в ФМС прошли три серии общественных слушаний «Проблемы обеспечения стабильности и примирения на Северном Кавказе и в Закавказье» (здесь важно, что диалог проводился несколько раз – это соответствует третьей основе концепции Сондерса, а именно систематическому характеру диалога) [Проблемы обеспечения стабильности]. Практическая значимость встреч состояла в том, что были изучены и подробно обсуждены 14 протоколов, соглашений и договоров, заключенных к тому времени между российским и грузинским руководством. Детально обсуждались вопросы статуса российских пограничных войск в регионе, возможность применения к действиям России статуса миротворческих операций, пути возвращения беженцев и переселенцев и урегулирования грузино-абхазских и грузино-осетинских противоречий.

Несмотря на структурное сходство моделей применения российских войск в Таджикистане, Молдавии и Грузии в миротворческих целях, все эти операции формировались не как части одной системы, а *ad hoc* – решения принимались разными инстанциями, политическими и военными, в разное время, обмена опытом между контингентами практически не было. ФМС и ЦПМИ одними из первых поставили вопрос о сведении миротворческих практик в конфликтных регионах постсоветского пространства в единую систему миротворческих действий и сопоставлении их принципов с принципами и практикой действий ООН, ОБСЕ и НАТО в конфликтных регионах Европы, в частности, в бывшей Югославии, где к 1994 г. также началось международное военно-политическое вмешательство в конфликт в Боснии. В июне 1994 г. была проведена международная конференция «Партнерство в поддержании мира», посвященная сопоставлению практики операций России и СНГ в Молдавии, Грузии и Таджикистане с практикой операций ООН, СБСЕ/ОБСЕ и НАТО. Приглашенные эксперты ООН, Европейского союза, НАТО побывали на тренировочной военной базе внутренних войск МВД РФ, где велась подготовка контингентов для участия в операциях на постсоветском пространстве.

К тому времени координацию операций в Таджикистане и Абхазии осуществлял Штаб по координации военного сотрудничества государств – участников СНГ (ШКВС СНГ), куда, наряду с Министерством

обороны и МВД РФ, были направлены выработанные в ходе мероприятия рекомендации зарубежных экспертов. Практическая значимость этих мероприятий состояла в ознакомлении международных экспертов с практикой действия войск СНГ на постсоветском пространстве (которую они не признавали ранее миротворчеством), в доказательстве сопоставимости миротворческих действий ООН и НАТО в Югославии и действий СНГ в операциях в Таджикистане и Абхазии. Секретарь Совета министров обороны СНГ генерал-полковник Л. Г. Ивашов активно сотрудничал с ФМС и ЦПМИ и содействовал обмену миротворческим опытом по линии общественных организаций.

Инновационным форматом содействия конфликтному урегулированию стали организованные ФМС международные школы конфликтологии с психологическими тренинг-семинарами для представителей «горячих точек». Помимо отечественных психологов, модераторами тренингов в ряде случаев выступили приглашенные британские пасторы-квакеры, имеющие опыт примиренческих усилий между конфликтующими общинами в Северной Ирландии⁴.

В 1992–1994 гг. серьезно обсуждался вопрос о потенциальном привлечении миротворческих сил ООН или даже контингентов НАТО для разделительных миротворческих миссий в постсоветских конфликтах. В мае 1992 г. ФМС совместно с ЦПМИ и Российской ассоциацией содействия ООН провел конференцию «Миротворческие возможности ООН, ОБСЕ и СНГ в связи с конфликтными ситуациями на территории бывшего СССР». В обсуждении приняли участие представители ООН, структур НАТО, Генерального штаба ВС РФ, российского Министерства иностранных дел и ряда посольств.

В сентябре-октябре 1994 г. под рубрикой «Три года без Союза: потери и приобретения» в ФМС прошли встречи-диалоги «Россия – Грузия: состояние и перспективы отношений», а также «Россия – Украина: контуры партнерства». Несмотря на то, что тогда отношения России с южным славянским соседом Украиной не носили того кризисного характера, который стал для них характерен после 2014 г., уже были заметны признаки серьезного рассогласования российской и украинской политических линий, и отношения бывших братских республик балансировали на грани конфликта.

На международной конференции, проведенной теми же общественными организациями (ФМС/РКЗМ/ЦПМИ) 20–24 июня 1994 г. по теме «Международное сотрудничество в поддержании мира в конфликтных регионах на территории СНГ», речь шла о военном вмешательстве в региональные конфликты на постсоветском пространстве со стороны государств и международных организаций [Международное сотрудничество]. На мероприятии формировалась трак-

---

⁴ Инициатором и организатором привлечения британских квакеров к тренингам посреднических навыков выступил побывавший в Северной Ирландии российский психолог А. Гостев.

товка (в тот период совсем не очевидная) действий России и стран СНГ в отношении конфликтов в Таджикистане, Грузии и Молдавии как миротворческих операций, во многом (хотя и не во всем) соответствующих критериям ООН и сопоставимых с действиями ООН и НАТО в бывшей Югославии. Тематика обусловила большой интерес к обсуждению со стороны зарубежных исследователей и военных – в конференции приняли участие 24 зарубежных эксперта из Великобритании, США, Швеции, Чехии, Италии, Норвегии, Нидерландов, Германии, Испании, Франции. Из стран СНГ в Москву на данное трехдневное мероприятие прибыли представители руководства Южной Осетии (Л. А. Чибиров, К. П. Пухаев), Абхазии (Ю. Д. Анчабадзе), пять представителей Приднестровья (В. А. Лицкай, В. Г. Шевцов и др.); Грузия и Украина направили дипломатов из своих посольств в РФ, власти Молдавии делегировали директора Евро-Атлантического центра Республики Молдова Н. С. Киртоакэ. Трехдневный международный диалог включал посещение Штаба по координации военного сотрудничества государств – участников СНГ (ШКВС), встречу с аккредитованными при штабе постоянными военными представителями стран СНГ, а также посещение российского парламента и дебаты с депутатами – членами комитетов Государственной думы Федерального собрания РФ по международным делам, по обороне, по делам СНГ и связям с соотечественниками.

Атмосферу мероприятия отличало неплохое взаимопонимание между российскими и зарубежными военными: НАТО именно в этот период втягивалось в участие в операциях (по мандату ООН) в бывшей Югославии, причем это была первая «боевая» операция НАТО за всю историю организации, и западных военных всерьез интересовал опыт проведения российскими военными разделительных операций в похожих по типу конфликтах.

В ходе диалога в Государственной думе российская сторона представила для международного гласного обсуждения проект федерального закона РФ «О порядке предоставления военного и гражданского персонала РФ для участия в операциях по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности и других видах миротворческой деятельности». Этот закон впоследствии, годом позже (в 1995 г.), был принят и стал правовым основанием для направления российских контингентов в операции ООН в бывшей Югославии (Боснии и Косово). Что же касается его использования для легитимизации направления российских воинских контингентов в регионы конфликтов в СНГ, то закон запоздал: контингенты в Южную Осетию и Приднестровье были направлены в 1992 г., в Таджикистан – в 1993-м, а в Абхазию – в 1994-м. Закон был применен *post factum* лишь для утверждения направления российского контингента (по мандату СНГ) в Абхазию, и то уже в период, когда контингент там был давно развернут.

Руководство двумя операциями, которые проводились по мандатам СНГ, а именно в Абхазии/Грузии и Таджикистане, осуществ-

влялось Штабом по координации военного сотрудничества государств – участников СНГ (ШКВС), и в июне 1994 г. именно они стали предметом обсуждения с европейскими и американскими военными, прибывшими в ШКВС в качестве участников конференции по линии общественных организаций. Некоторые западные участники оспаривали возможность отнесения операций военных СНГ и России на постсоветском пространстве к миротворческим, сопоставимым с операциями ООН. Причем острая дискуссия разгорелась даже не между западными и российскими участниками, а между разными европейскими и американскими экспертами, когда представители НАТО поделились своим проектом (впоследствии так и не принятым) концепции миротворческих операций НАТО, который, среди прочего, предполагал возможность проведения совместных операций военными НАТО и России (например, в Югославии). Однако на конференции речь зашла о потенциальной применимости контингентов НАТО во взаимодействии с контингентами стран СНГ для проведения операций на постсоветском пространстве. Ряд представителей стран СНГ в ШКВС высказались за такую возможность, но возобладала точка зрения, что политические и международно-правовые сложности такого «боевого братства» применительно к постсоветскому пространству превысят его практическую полезность.

Впоследствии, уже в 2000-х гг., международно-правовые разработки ФМС и ЦПМИ привели к практическому результату – созданию по инициативе этих организаций трех принятых Межпарламентской ассамблеей СНГ и вступивших в действие модельных законов СНГ: «О миротворческих операциях», «О военной организации государства СНГ» и «О противодействии наемничеству». Ряд государств СНГ затем практически использовали эти законы при разработке национального законодательства в соответствующих сферах.

Обзор проведенных общественными объединениями в первой половине 1990-х гг. международных форумов и конференций позволяет сделать некоторые выводы.

Несмотря на общую ломку в начале 1990-х гг. старых государственных и окологосударственных структур при распаде СССР, определенной группе общественных организаций, относящихся к категории ГОНГО, удалось сохранить, несколько трансформировав, свою функциональную направленность и адаптироваться к новым условиям подчас быстрее, чем министерские государственные ведомства.

Деятельность СКЗМ/ФМС и связанных с ними других общественных объединений отразила в первой половине 1990-х гг. как весьма высокий уровень обеспокоенности среди элит и общественности России и новых независимых государств региональными и локальными конфликтами на постсоветском пространстве, так и неспособность государственных структур самостоятельно справиться с задачей урегулирования таких конфликтов. При этом указанная группа общественных организаций уже не следовала в кильватере прави-

тельствственной или партийной политики, как это было в советский период, а разрабатывала и задавала собственную повестку дня. Сложилась примечательная инверсия: в значительной мере уже не общественные организации категории созданных государством неправительственных организаций следовали за государственной линией, а государственные структуры с запозданием и под общественным давлением (хотя и не всегда и не во всем) отзывались на инициативы общественных организаций.

Упомянутой категории организаций в целом удалась в тот период практическая реализация формата «полutorного трека», когда официальные лица, принимающие практические политические решения (представители ключевых министерств и ведомств, парламента и президентской администрации), широко вовлекались общественными организациями в диалог с гражданским обществом и, что не менее важно, друг с другом на диалоговых площадках НПО.

В России происходило внедрение практики политического диалога, известной в международных политико-академических кругах как *Chatham House Rules* – создание для официальных лиц, в том числе для представителей конфликтующих политических сил, условий для более свободного посреднического диалога, при котором они временно снимают с себя функции представительства своего ведомства или государства и общаются в индивидуальном порядке в качестве экспертов. Такая практика, внедрявшаяся именно на площадках организаций категории ГОНГО, заметно отличалась от официозного советского стиля мероприятий и позволила создать обновленную культуру политических дискуссий, в частности, в сфере обсуждения и урегулирования межэтнических и международных конфликтов.

При этом архивные материалы СКЗМ/ФМС/ЦПМИ демонстрируют высокую готовность министерств и ведомств в первой половине 1990-х гг. не просто контактировать, но практически взаимодействовать на плановой основе с общественными объединениями, регулярно обеспечивая высокий уровень представительства государственных ведомств на диалогах с гражданским обществом. Материалы мероприятий 1990–1995 гг. показывают также относительно высокую открытость военных ведомств РФ (Министерства обороны, комитетов ГД и ФС РФ по обороне и безопасности) и СНГ (Совета министров обороны СНГ, ШКВС и др.). В реформируемой военной среде проявлялась готовность обсуждать острые конфликтные ситуации, в том числе вокруг применения вооруженной силы, и применять международные критерии и стандарты.

В целом обзор деятельности СКЗМ/ФМС и взаимосвязанных с ними общественных организаций позволяет констатировать, что российские НПО сыграли реальную практическую роль в урегулировании ряда этнополитических конфликтов в СНГ, обеспечив существенное дополнение к межгосударственной дипломатии –

от практического участия в организации обмена заложниками в осетино-ингушском конфликте, посреднического сведения представителей руководства сторон в конфликтах вокруг Приднестровья, Нагорного Карабаха, Южной Осетии и Абхазии до регулярного сведения за столом переговоров организаторов дипломатических и военных действий (из разных российских ведомств и разных стран СНГ) в разбросанных по постсоветскому пространству конфликтах в целях обмена опытом и унификации принципов и подходов. При этом практика сопоставима по своему содержанию с наработками экспертов Дартмутской рабочей группы по региональным конфликтам, которые были обобщены Г. Сондерсом в концепцию «устойчивого диалога». Однако если работа Дартмутской группы хорошо представлена в англоязычной и российской литературе, особенно в случае междуаджикского урегулирования, то роль российских негосударственных объединений в обеспечении дипломатии «полоторного трека» при урегулировании других конфликтов на постсоветском пространстве остается нераскрытой и недооцененной.

Список литературы

Викторов А. Г. Влияние Советского комитета защиты мира (СКЗМ) на развитие общественно-политической ситуации в 1965–1985 гг. // Бюллетень науки и практики. 2016. № 9. С. 168–170. DOI 10.5281/zenodo.154288.

Встреча-диалог по грузино-абхазскому конфликту, сентябрь 1992 : программа мероприятия // Архив дирекции ЦПМИ. Официальные документы. 1992.

Гордеева И. А. Возникновение независимого мирного движения в СССР в 1980-е годы // Вестн. РГГУ. Сер.: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2013. № 1. С. 214–224.

Коллективная безопасность для России и СНГ / под ред. А. И. Никитина. М. : Центр полит. и междунар. исслед., 1992. 162 с.

Локин Г. М. Кто за что, а мы за мир // Обозреватель – Observer : науч.-аналит. журн. 2009. № 6. С. 63–75.

Лушиков Д. А. Организованные правительством неправительственные организации (GONGO): генезис проблематики, интерпретация и функции // Полис. Политические исследования. 2019. № 2. С. 137–148. DOI 10/17976/jpps/2019.02.10.

Маслихин А. В. Идеи мира и пацифизма на постсоветском пространстве // Вісник Луганського національного університету імені Тараса Шевченка. Соціологічні науки. 2012. № 23. С. 100–107.

Международное сотрудничество в поддержании мира в конфликтных регионах на территории СНГ. 20–24.06.1994 : программа мероприятия // Архив дирекции ЦПМИ. Официальные документы. 1994.

Мельвил А. Ю., Никитин А. И. Ростки новой гражданской культуры? // Полис. Политические исследования. 1991. № 2. С. 50–55.

Михайлов С. Г. Мир в собственном доме и во всем мире : [К 60-летию Советского комитета защиты мира – Федерации мира и согласия]. М. : Федерация мира и согласия, 2009. 541 с.

Орлова Г. «Трактор в поле “дыр-дыр-дыр”, все мы боремся за мир»: советское миролюбие в брежневскую эпоху // Неприкосновенный запас. 2007. № 4. С. 70–88.

Политическая стабильность в СССР и международная безопасность. 16.05.1991 : протокол мероприятия // Архив СКЗМ/ФМС. Официальные документы. 1991.

Проблемы обеспечения стабильности и примирения на Северном Кавказе и в Закавказье, апрель 1994 : отчет // Архив СКЗМ/ФМС. Официальные документы. 1994.

- Раева Т. В.* Особенности институциональной организации советского миролюбия в эпоху холодной войны // *Управление в современных системах*. 2016. № 4 (11). С. 56–60.
- Раева Т. В.* Советское движение за мир в послевоенной культурной дипломатии: институты, курсы, практики // *Вестн. Юж.-Урал. гос. ун-та. Сер. Социально-гуманитарные науки*. Т. 17. 2017. № 2. С. 19–25. DOI 10.14529/ssh170203.
- Сондерс Г. Г.* Устойчивый диалог в конфликтах: трансформации и изменения / пер. с англ. И. Поляничевой. М. : Аспект Пресс, 2019. 380 с.
- Степанова Е. А.* Динамика диалога в конфликтах: второй трек // *Пути к миру и безопасности*. 2019. № 1. С. 135–146. DOI 10.20542/2307-1494-2019-1-135-146.
- Iji T.* Multiparty Mediation in Violent Conflict: Peacemaking Diplomacy in the Tajikistan Civil War. Oxford : Routledge, 2019. 206 p.
- Kopecek V., Hoch T., Baar V.* Conflict Transformation and Civil Society: The Case of Nagorno-Karabakh // *Europe-Asia Studies*. Vol. 68. 2016. № 3. P. 441–459. DOI 10.1080/09668136.2016.1147528.
- Popescu N.* The EU and Civil Society in the Georgian-Abkhaz Conflict // *The European Union, Civil Society and Conflict* / ed. by N. Tocci. Oxford : Routledge, 2011. P. 46–67.
- Saunders H. H.* The Inter-Tajik Dialogue // *A Public Peace Process*. N. Y. : Palgrave Macmillan, 1999. P. 147–170.
- Stewart S.* The Role of International and Local NGOs in the Transformation of the Georgian-Abkhazian Conflict // *The Global Rev. of Ethnopolitics*. Vol. 3. 2004. № 3–4. P. 3–22. DOI 10.1080/14718800408405170.
- The Dartmouth Conference: The First Fifty Years (1960–2010). N. Y. : Kettering Foundation, 2010. 82 p.
- Venturi B.* Civil Society Organizations and Conflict Resolution: Moldova–Transnistria // *Intern. J. on World Peace*. Vol. 28. 2011. No. 2. P. 7–34.

References

- Gordeeva, I. A. (2013). Vozniknovenie nezavisimogo mirnogo dvizheniya v SSSR v 1980-e gody [The Emergence of an Independent Peace Movement in the USSR in the 1980s]. In *Vestnik RGGU. Seriya Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya. Zarubezhnoe regionovedenie. Vostokovedenie*. No. 1, pp. 214–224.
- Iji, T. (2019). *Multiparty Mediation in Violent Conflict: Peacemaking Diplomacy in the Tajikistan Civil War*. Oxford, Routledge. 206 p.
- Kopecek, V., Hoch, T., Baar, V. (2016). Conflict Transformation and Civil Society: The Case of Nagorno-Karabakh. In *Europe-Asia Studies*. Vol. 68. No. 3, pp. 441–459. DOI 10.1080/09668136.2016.1147528.
- Lokshin, G. M. (2009). Kto za chto, a my za mir [Whatever They are for, We are for Peace]. In *Obozrevatel' – Observer. Nauchno-analiticheskii zhurnal*. No. 6, pp. 63–75.
- Lushnikov, D. A. (2019). Organizovannye pravitel'stvom nepravitel'stvennye organizatsii (GONGO): genesis problematiki, interpretatsiya i funktsii [Government-Organised Non-Governmental Organisations (GONGO): Genesis of the Problem, Interpretation, and Functions]. In *Polis. Politicheskie issledovaniya*. No 2, pp. 137–148. DOI 10/17976/jpps/2019.02.10.
- Maslikhin, A. V. (2012). Idei mira i patsifizma na postsovetskom prostranstve [Ideas of Peace and Pacifism in the Post-Soviet Space]. In *Visnik Lugans'kogo Natsional'nogo universitetu imeni Tarasa Shevchenka. Sotsiologichni nauki*. No. 23, pp. 100–107.
- Mel'vil', A. Yu., Nikitin, A. I. (1991). Rostki novoi grazhdanskoi kul'tury? [Sprouts of New Civic Culture?]. In *Polis. Politicheskie issledovaniya*. No. 2, pp. 50–55.
- Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo v podderzhanii mira v konfliktnykh regionah na territorii SNG. 20–24.06.1994. Programma meropriyatiya [International Cooperation in Peacekeeping in Regional Conflicts in the CIS Area. 20–24.06.1994. Event Programme]. (1994). In *Arkhiv direktsii TsPMI. Ofitsial'nye dokumenty*.
- Mikhailov, S. G. (2009). *Mir v sobstvennom dome i vo vsem mire. K 60-letiyu Sovetskogo komiteta zashchity mira – Federatsii mira i soglasiya* [Peace in Your Own Home and in All

the World. For the 60th Anniversary of the Soviet Peace Committee – Federation for Peace and Conciliation]. Moscow, Federatsiya mira i soglasiya. 541 p.

Nikitin, A. I. (Ed.). (1992). *Kollektivnaya bezopasnost' dlya Rossii I SNG* [Collective Security for Russia and the CIS]. Moscow, Tsentr politicheskikh i mezhdunarodnykh issledovaniy. 162 p.

Orlova, G. (2007). “Traktor v pole ‘dyr-dyr-dyr’, vse my boremsya za mir”: sovetskoe mirolyubie v brezhnevskuyu epokhu [“A tractor in a field makes a noise, we all fight for peace”: Soviet Pacifism in the Brezhnev Era]. In *Neprikosnovennyi zapas*. No. 4, pp. 70–88.

Politicheskaya stabil'nost' v SSSR i mezhdunarodnaya bezopasnost'. 16.05.1991. Protokol meropriyatiya [Political Stability in the USSR and International Security. 16.05.1991. Proceedings]. (1991). In *Arkhiv SKZM/FMS. Ofitsial'nye dokumenty*.

Popescu, N. (2011). The EU and Civil Society in the Georgian–Abkhaz Conflict. In Tocci, N. (Ed.). *The European Union, Civil Society and Conflict*. Oxford, Routledge, pp. 46–67.

Problemy obespecheniya stabil'nosti i primireniya na Severnom Kavkaze i v Zakavkaz'e, aprel' 1994. Otchet [Issues of Securing Stability and Conciliation in the Northern Caucasus and Transcaucasia, April 1994. Report]. (1994). In *Arkhiv SKZM/FMS. Ofitsial'nye dokumenty*.

Raeva, T. V. (2016). Osobennosti institutsional'noi organizatsii Sovetskogo mirolyubiya v epokhu kholodnoi voyny [Specificities of the Institutional Organisation of Soviet Peace-Making Activities in the Era of the Cold War]. In *Upravlenie v Sovremennykh Sistemakh*. Vol. 4, No. 11.

Raeva, T. V. (2017). Sovetskoe dvizhenie za mir v poslevoennoi kul'turnoi diplomatii: instituty, diskursy, praktiki [Soviet Peace Movement in Post-War Cultural Diplomacy: Institutes, Discourses, Practices]. In *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Sotsial'no-gumanitarnye nauki*. Vol. 17. No. 2, pp. 19–25. DOI 10.5281/zenodo.154288.

Saunders, H. H. (1999). The Inter-Tajik Dialogue. In *A Public Peace Process*. N. Y., Palgrave Macmillan, pp. 147–170.

Saunders, H. H. (2019). *Ustoichiviy dialog v konfliktakh: transformatsii i izmeneniya* [Sustained Dialogue in Conflicts: Transformation and Change] / transl. by I. Polyancheva. Moscow, Aspekt-Press. 380 p.

Stepanova, E. A. (2019). Dinamika dialoga v konfliktakh: vtoroi trek [Dynamics of a Dialogue in Conflicts: Second Track]. In *Puti k miru i bezopasnosti*. No. 1, pp. 135–146. DOI 10.20542/2307-1494-2019-1-135-146.

Stewart, S. (2004). The Role of International and Local NGOs in the Transformation of the Georgian–Abkhazian Conflict. In *The Global Rev. of Ethnopolitics*. Vol. 3. No. 3–4, pp. 3–22. DOI 10.1080/14718800408405170.

The Dartmouth Conference: The First Fifty Years (1960–2010). (2010). N. Y. : Kettering Foundation. 82 p.

Venturi, B. (2011). Civil Society Organizations and Conflict Resolution: Moldova – Transnistria. In *Intern. J. on World Peace*. Vol. 28. No. 2, pp. 7–34.

Viktorov, A. G. (2016). Vliyanie Sovetskogo komiteta zashchity mira (SKZM) na razvitie obschestvenno-politicheskoi situatsii v 1965–1985 gg. [The Influence of the Soviet Peace Committee (SCZM) on the Development of the Socio-Political Situation in 1965–1985]. In *Byulleten' nauki i praktiki*. No. 9, pp. 168–170. DOI 10.5281/zenodo.154288.

Vstrecha-dialog po gruzino-abkhazskomu konfliktu, sentyabr' 1992. Programma meropriyatiya [Dialogue Meeting on the Georgian–Abkhaz Conflict, September 1992. Event Programme]. (1992). In *Arkhiv direksii TsPMI. Ofitsial'nye dokumenty*.

The article was submitted on 30.11.2019

НЕВИДИМОЕ БРЕМЯ ВЬЕТНАМСКОЙ ВОЙНЫ: ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ СОВЕТСКОГО ОФИЦЕРА

Андрей Лямзин

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

THE INVISIBLE BURDEN OF THE VIETNAM WAR: FROM THE MEMOIRS OF A SOVIET OFFICER*

Andrey Lyamzin

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

This article publishes and analyses an interview with Lieutenant Colonel V. V. Skoryak, a Soviet military specialist who took part in the Vietnam War for eleven months in 1970. The interview describes little-known facts about military advisers' stay in the country, when they mostly stayed far away from the frontline and dealt with the preparation and maintenance of the S-75 high-altitude air defence systems. Special attention is paid to the everyday life of the advisers and their legal status, which helps reveal new aspects of the "everyday history" of war. Skoryak speaks about the ideological, moral, and psychological preparedness of the Soviet people to fulfil their "international duty", which, according to him, was internally motivated. He also analyses post-traumatic syndromes in Soviet military men: it was especially frequent and profound in the early stages of the conflict. Additionally, the interview contains information about the medical care provided to the participants of the conflict and the consequences for their health. It puts forward some ideas about how the chemical weapons used by the Americans affected the human reproductive system. The interview provides an emotional assessment of the war and their place in the biography of a Soviet officer.

Keywords: Vietnam War; memories; posttraumatic syndrome; international aid.

---

* *Citation:* Lyamzin, A. (2020). The Invisible Burden of the Vietnam War: From the Memoirs of a Soviet Officer. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 2. P. 442–454. DOI 10.15826/qr.2020.2.473.

Цитирование: Лямзин А. The Invisible Burden of the Vietnam War: From the Memoirs of a Soviet Officer // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 2. P. 442–454. DOI 10.15826/qr.2020.2.473 / Лямзин А. Невидимое бремя Вьетнамской войны: из воспоминаний советского офицера // *Quaestio Rossica*. Т. 8. 2020. № 2. С. 442–454. DOI 10.15826/qr.2020.2.473.

Публикуется и кратко анализируется интервью подполковника В. В. Скоряка, советского военного специалиста, принимавшего участие в ходе войны во Вьетнаме в течение 11 месяцев 1970 г. В нем рассказывается о малоизвестных страницах пребывания военных советников в стране в то время, когда они в основном находились в отдалении от линии фронта и занимались подготовкой и обслуживанием зенитно-ракетных комплексов С-75. Большое внимание уделяется бытовой, житейской стороне пребывания советников, их правовому статусу, что открывает новые грани «обыденной истории» войны. В. В. Скоряк, рассказывая об идейной и морально-психологической готовности советских людей к выполнению «интернационального долга», которая, по его убеждению, была внутренне мотивирована, останавливается на анализе посттравматического синдрома у советских военнослужащих. Особенно часто и глубоко он проявлялся на начальном этапе военных столкновений. Также автор раскрывает информацию о медицинском обслуживании участников военного конфликта, его последствиях для здоровья, высказывая предположения о влиянии применявшихся там американскими военными химических веществ на репродуктивную функцию организма. В интервью дана эмоциональная оценка произошедших событий и их места в биографии советского офицера.

Ключевые слова: война во Вьетнаме; воспоминания; посттравматический синдром; интернациональная помощь.

С момента окончания войны во Вьетнаме минуло 45 лет. Об этом конфликте много написано, опубликовано немало мемуаров участников тех событий, но термин «вьетнамский синдром» воспринимается как нечто чужое и далекое и обычно ассоциируется с военнослужащими армии США, 2,5 млн которых приняли участие в этой войне. В рефлексии американской истории и в медицине этот диагноз подробно и многократно исследован. Не секрет, что в этой войне также приняли участие около 10,5 тыс. советских военных специалистов.

Постепенно с возникновением политики «гласности», а потом и с исчезновением цензуры в СССР и России начали появляться воспоминания участников этой войны, хотя и немногословные и немногочисленные, но уже позволяющие получить представления об этом конфликте с нашей стороны и исследовать его [Жонорева]. К сожалению, ценный исторический материал постепенно уходит. Из принимавших участие в войне к настоящему моменту остаются в живых около половины (не более 5 тыс. чел.), поэтому очень важно успеть зафиксировать описание событий той войны через их восприятие.

В Екатеринбурге активно работает Отделение Уральского федерального округа Межрегиональной общественной организации ветеранов войны во Вьетнаме, которое поддерживает и сохраняет память

Советские военные советники на ступенях буддийского монастыря. Фото из архива В. В. Скоряка

Soviet military advisers on the steps of a Buddhist monastery.
Photograph from the archive of V. V. Skoryak

об этих событиях. Воспоминания советских военных советников собраны в книгах [Незабываемый Вьетнам; На страже неба Урала и Вьетнама]. Такая активность уральских ветеранов связана с тем, что основой помощи Демократической Республике Вьетнам (ДРВ) стала 4-я отдельная Краснознаменная армия ПВО (Уральская армия ПВО). Не случайно подзаголовок второй книги («От победы над Lockheed U2 до победы над F-4C Phantom 1.05.1960–24.07.1965») напоминает, что военнослужащие наших частей ПВО остались в истории, сбив 1 мая 1960 г. в небе

над Свердловском американский самолет-разведчик (с летчиком Ф. Г. Пауэрсом). Рассказать об условиях пребывания на Вьетнамской войне выразил готовность подполковник Валерий Васильевич Скоряк, который перед отправкой во Вьетнам служил недалеко от Свердловска, являясь инженером службы ракетного вооружения¹.

В данном интервью в рамках подхода, характерного для микроистории, больше внимания уделено личностным и бытовым аспектам пребывания наших военных советников на территории ДРВ, а также психологическим проблемам, трудностям и последствиям этой войны.

Вьетнамская война для Валерия Васильевича осталась не только в воспоминаниях и немногочисленных фотографиях, которые

¹ В. В. Скоряк (род. в 1941 г. в Белоруссии) окончил Одесское военно-техническое училище. Будучи кадровым офицером, 11 месяцев 1970 г. провел во Вьетнаме в качестве советника. В 1979 г. находился в спецкомандировке в Ливии. В настоящее время живет в Екатеринбурге, является председателем Уральского отделения Общества ветеранов войны во Вьетнаме.

сохранились. После возвращения из Вьетнама у него в 1973 г. родился тяжелобольной сын (инвалид I группы), которому врачи поставили диагноз «фенилкетонурия», что с большой степенью вероятности может свидетельствовать о воздействии на организм ветерана американских отравляющих веществ, вероятно, дефолиантов или гербицидов, самым известным из которых является «оранж».

Эта история лишней раз напоминает нам о трагическом влиянии войны на жизнь человека. Даже если он сам находился в сравнительно сносных условиях в ходе боевых действий, выход из конфликта может оказаться долгим и непредсказуемым. При публикации данного материала мы постарались по возможности сохранить стиль изложения рассказчика.

В. В. Скоряк во Вьетнаме.
Фото из архива В. В. Скоряка

V. V. Skoryak in Vietnam. Photograph
from the archive of V. V. Skoryak

А. Л. Вы служили в ракетной части?

В. С. Да, здесь, в Березовском. Это часть, которая сбивала Пауэрса.

А. Л. Как случилось, что в 1969 году Вас направили во Вьетнам?

В. С. Это не был приказ. Предлагали. Я говорю: «Во Вьетнам так во Вьетнам!» Я человек военный. Надо – значит надо, но убеждение идейное, что я делаю правильно, было четкое. Во-первых, мы были воспитаны на идеях Ленина о справедливых и несправедливых войнах. И эту войну, которую вел Вьетнам за свою независимость, мы считали справедливой. Мы такую помощь оказывали ранее и Сирии, и Египту, и африканским странам, и все считали, что поддержание независимости государства – это справедливая война, и если ты на ней воюешь, то ты делаешь справедливые дела.

Дело в том, что в любых странах, где наши военные были, у нас осталось много друзей из местного населения. А вы возьмите американцев, которые приходят в ту или иную страну, – у них друзей не остается. Может, влюблялся кто-то в местных, а так, чтобы контакт постоянный с местным населением был... Они входят как диктаторская сторона, которая пришла насаждать по их понятиям справедливые порядки. Нет у них друзей по их идеям, понимаете? Поэтому

решение о том, что должен поехать во Вьетнам, я считал во всех отношениях справедливым.

А. Л. Ваш мотив был – принять участие в справедливой войне?

В. С. Да. Как воин-интернационалист. Тогда это четко звучало – «интернациональная помощь».

А. Л. А материальная составляющая?

В. С. Нет, мы не задумывались над этим! Даже была поговорка: «Курица не птица, Вьетнам не заграница». Потому что, когда наши военные оказывали помощь той же Ливии, в том же Египте, на той же Кубе, им платило принимающее государство. А здесь Советский Союз платил. Получалось, что, ущемляя себя в еде или в чем-то еще, накапливали на несчастный «Запорожец».

А. Л. Ваша зарплата отличалась от советской?

В. С. Двойной оклад платили, но те, кто были в других местах (Египет, Ливия), четверной получали.

А. Л. А можно было потратить эти деньги там?

В. С. На сертификатах, которые выдавали, были желтая полоса, синяя и без полос. У нас была синяя полоса. Они шли по цене доллара. Это были чеки Внешпосылторга, на них в Союзе покупали дефицитные товары в магазинах «Березка». После окончания войны их всем давали. Сколько нужно денег – из зарплаты я брал, переводил в донги и на еду тратил.

А. Л. Что Вы знали о Вьетнаме перед поездкой?

В. С. Я мало что знал. Что это социалистическая страна, что есть вождь у них Хо Ши Мин. Нас только перед поездкой туда пять-семь дней инструктировали. Инструктаж предполагал рассказ о климате, о том, как вести себя.

А. Л. Запомнилось ли вам, что говорили во время инструктажа?

В. С. Надо было два раза в день мыться. Но хоть и мылись по два раза, у многих была потница – ноги покрывались прыщиками, и ходить было невозможно. Тогда отправляли в Союз.

А. Л. Никакого лекарства нет против этого?

В. С. Нет, только иммунитет, выработанный у местного населения. Если у нас клещ энцефалитный, то у них энцефалитный комар. От энцефалитного комара нам делали два укола. Было два случая. Один полковник, причем руководитель всех военных специалистов, Цыганков, из Челябинска, не знал, как себя держать, вены порезал из-за укуса энцефалитного комара – развилось психическое расстрой-

ство. А один старший лейтенант тоже то ли умер, то ли его отправили в Союз. Поэтому, когда начали остальных отправлять, всем делали японские прививки. Этой мошкары всякой тьма вилась, когда мы там находились. В городах у нас накомарники были. Мы спали под марлевыми покрывалами, потому что иначе загрызут. Сейчас приезжаешь во Вьетнам – нет этой мошкары.

А. Л. А что вы пили?

В. С. Ни в коем случае нельзя было пить сырую воду. Использовали воду из бутылок, и термосы в каждом номере стояли. Чай сами заваривали, правда.

А. Л. Каким был ваш статус пребывания в стране?

В. С. Мы там в любом случае были как партизаны. Официальных паспортов у нас в этой стране не было.

А. Л. А военный билет?

В. С. Ничего не было. Только летчикам выдавали удостоверения на вьетнамском языке – вдруг он сбит будет и попадет к вьетнамскому населению, люди прочтут и будут знать, что это их летчик.

А. Л. В каком статусе вы туда ехали?

В. С. Как советские военные специалисты, на основании договора Косыгина с Хо Ши Мином.

А. Л. Вам выдали новую одежду?

В. С. Одели всех в одинаковую форму. Улетали из Шереметьево, вышли все как один, в одинаковых костюмах, одинаковых шляпах, одинаковых туфлях. Мороз на улице – 25 или 30 градусов. Мы заходим, все смотрят – что это за делегация?

А. Л. Костюмы были советского производства?

В. С. Да, советского.

А. Л. Какие-то личные вещи можно было взять?

В. С. Да, никто не запрещал.

А. Л. А вывозить дневники, фотографии можно было?

В. С. Насчет фотографий, пленок, съемок никто претензий не предъявлял.

А. Л. У Вас сохранились эти фотографии?

В. С. У меня альбом целый есть. У нас был офицер один, из Прибалтики, увлекался этим. Когда мы поехали в Четвертую зону, там бриться невозможно было, мы заросли, бородатые все были. Этот

прибалт-офицер все нас фотографировал. А потом что-то он поссорился с нами и ни одного снимка не дал. А там такие интересные фотографии! Как раз при нем мы возле дивизиона были, в километре, и американцы ракеты «Шрайк» прямо с самолета пускали. Он фронтовик был, этот полковник: «А ну, немедленно в траншею прячьтесь, а вы рты разинули и смотрите, как они ракеты пускают!»

Они, конечно, если бы имели цель наших долбить, могли причинить вред, но они сдерживались, чтобы наших военных специалистов не обозлить. Но когда наши сбивали самолеты, они тогда обстреливали все подряд.

А. Л. Как вы добирались во Вьетнам?

В. С. Самолет Ил-18 летел Душанбе – Карачи – Калькутта – Вьентьян – Ханой. 20 часов летели. Выходили там, кормили нас.

А. Л. Вы оказались в Ханое. Что Вас удивило, заинтересовало?

В. С. Поразили при посадке уже в Карачи воздух, запах. Это какое-то цветущее растение, оно и во Вьетнаме дает такой же запах, который остается даже на вещах. Когда я домой прилетел, он в вещах еще месяца три-четыре сохранялся.

А. Л. Как обеспечивалось ваше питание? Это была вьетнамская кухня или советская гречка с тушенкой?

В. С. Они готовили, как французские повара в колониальные времена, примерно так.

Нет, советского там не было, чисто местная кухня: вьетнамский суп с овощами, с мясом, с лапшой. В столовой, где мы питались, заказывали, в меню были разные блюда. Можно было варьировать. Ты платишь донгами, да и все.

А. Л. Надо было платить каждый раз, это не была полевая кухня?

В. С. Нет, деньги отстегиваешь, и все. А уже когда выезжали в части, в зоне находились, мы питались при наших советских полковых группах. Это было смешение вьетнамской кухни с французской.

А. Л. Мяса было достаточно?

В. С. Достаточно: были буйволы, свинина, курица. На Новый год собачатину нам готовили как оригинальное блюдо. Сначала мы съели, а потом они говорят: «Это была собачатина». А мы не заметили.

А. Л. Как Вы разобрались в ситуации, в том, из-за чего идет эта война?

В. С. Любая система требует настройки. Вот Сталин дал указ: «Ни шагу назад!» – и начали воевать. Или стрельнут сзади, или пойдешь воевать. А потом привыкли, и сзади уже никаких батальонов не было

штрафных. Так же и во Вьетнаме. Коммунистическая партия имела цель объединить Север и Юг. Были все основания на это. Международное законодательство предусматривало проведение выборов и объединение Юга и Севера. Но американцы ввели свои войска уже после французов в Южный Вьетнам, и у них по 17-й параллели произошло разграничение.

А. Л. Какие особенности вьетнамской армии Вы могли бы отметить?

В. С. Дело в том, что у них во время войны огромную роль играли своего рода комиссары. Такой комиссар даже выше командира считался. В частях проводились собрания, и они носили демократический характер. Это были общие собрания подразделения, не считалось, партийный ты или нет. Выражалось общее мнение всех военнослужащих. Но руководил ими комиссар от компартии. Иногда бывало – мы приезжаем, а нам говорят: «Зачем вы приехали?» – «Ну как зачем, проверять вашу боевую готовность, давать разрешение на стрельбу». – «Мы с вами не сможем работать, у нас фибинь (это «критика» по-вьетнамски, так называлось общее собрание в части). Вот пройдет собрание, приезжайте через два дня». Два дня шло собрание. И пока каждый по два-три раза не выступит, оно не закончится, только потом начинают делать выводы. У них идеология была четкая, были определенные установки. Если ты им не будешь следовать, тебя переправляют в Южный Вьетнам в иные условия.

А. Л. Вы обратили внимание на характер вьетнамцев, можете выделить их основные черты?

В. С. Если ты хочешь добиться решения какого-то вопроса, ты должен побеседовать с вьетнамцем на одну и ту же тему пять раз, не меньше. Иначе он тебя не поймет. Потому что у него есть свое мнение, и ты его должен в процессе рассказа переубедить.

А так – просто удивляешься, что они из какого-то феодализма выскочили, но очень настойчивы были в освоении военной техники, всегда спрашивали по десять раз. Они одну и ту же учебную тему старались прослушать у разных офицеров, задать вопросы. Стремление к знаниям у них было сумасшедшее. И русский язык они гораздо быстрее осваивали, чем мы вьетнамский. 60 слов у нас было записано, и нам хватало для общения.

А. Л. А как складывались ваши отношения с китайскими специалистами? Ведь тогда были сложные отношения между КНР и СССР.

В. С. Китайские подразделения располагались в одном месте – один или два аэродрома с МиГ-17, которыми руководили китайцы. Они там варились в своей каше, и мы даже не знаем, сколько они сбили самолетов. Как они действовали, нас не касалось. На севере Вьетнама были прокитайски настроенные подразделения, которые

пытались убедить остальных вьетнамских военных, что Китай – более выгодный друг, чем Советский Союз. А когда уже начали воевать по-настоящему, мы свою технику продемонстрировали, подготовили специалистов. В войне во Вьетнаме участвовала только советская техника. Даже предоставленная нами Китаю техника потом передавалась для помощи вьетнамцам.

А. Л. Насколько успешно действовали советские специалисты? Много ли среди них награжденных?

В. С. Один офицер, Ильиных, во Вьетнаме был представлен к награде за то, что сбил не менее 16 американских самолетов. Он в первом бою участвовал. Его представили к званию Героя Советского Союза, но ему не дали Героя, только орден Красного Знамени и орден Ленина. А когда присваивается звание Героя, то к нему всегда прилагается орден Ленина. И таких у нас человек шесть из Вьетнама, которые орден Ленина получили, а были представлены к Герою Советского Союза. Но самый интересный случай произошел недавно. Начальник госпиталя звонит и говорит: «К нам на лечение попал Герой Советского Союза, он воевал во Вьетнаме, такой-то такой-то». Начали разбираться – никакой он не Герой Советского Союза и во Вьетнаме близко не был. Себе нацепил звезду фальшивую и кричит. Вот так бывает.

А. Л. А были ли у вас политработники?

В. С. Были, но только на высоком уровне – в посольстве, в ЗРВ². Партийные группы были только при соответствующих структурах.

А. Л. Были ли Вы членом партии, проводились ли у вас партсобрания?

В. С. Были. Как-то раз офицер из Прибалтики на собрании начал жаловаться на недостойное поведение другого офицера, сильно выпившего однажды. Такое иногда бывало. Но постоянного пьянства, конечно, не было. Мы все осудили этого прибалта и сказали: «Нечего ходить сексотить! Человек перебрал, но поведение нормальное, специалист хороший». А в отношении одного офицера мы поставили вопрос, чтобы его отправили в Союз – воровал. Отбирали-отбирали людей, а все равно попадались не те.

А. Л. Там были сотрудники КГБ, которые за вами наблюдали?

В. С. Дело в том, что, когда первые поехали в 1965 году, в апреле месяце, у них был один сотрудник КГБ, и он сделал свое интересное дело: в первом бою сбили три американских самолета или четыре, так он упаковал один самолет и отправил в Советский Союз, и это была его великая заслуга. А следить за моральным обликом, чтобы кто-то не предал родину – такого не было. Хотя я уже позже узнал, что среди

---

² ЗРВ – зенитно-ракетные войска.

тех специалистов кто-то имел связи с КГБ – рассказывал о настроении, об обстановке. Все равно шла какая-то информация.

А. Л. Какими были последствия Вашего пребывания во Вьетнаме (физические или психологические, для здоровья)?

В. С. Болезнь почек – возможно, это воздействие отравляющих веществ. Были и другие отрицательные последствия, которые со временем прошли. Конечно, если бы я был умным, мог бы добиться какой-то группы инвалидности. Но, пока молодой, думаешь – все пройдет. Сын из-за этого родился больной. Он ведь родился таким из-за того, что я попал в область отравляющих веществ во Вьетнаме. Дочь у меня здоровая вполне, с высшим образованием, до Вьетнама родилась. Так что последствия были.

А. Л. Вы это как-то ощущали?

В. С. Нет. Дело в том, что я знал, что в этой зоне применялось, а где, как попал – неизвестно, но, кроме этого «оранжа», от которого листва опадала, они применяли массу разных других отравляющих веществ. Примерно сто тысяч тонн отравляющих веществ было сброшено на Вьетнам. Все районы указаны. А когда сейчас я делаю запросы официальным вьетнамским властям, они вообще не отвечают. Через посла, через консула я делал запрос, чтобы они подтвердили. И тому имеются свидетельства. Одна польская журналистка трижды была во Вьетнаме во время боевых действий³. Она описывает так, будто я сам присутствовал при этих событиях: как переправы организовывали, как бомбили. Потому что я в четвертой зоне был, и там велись самые активные боевые действия. Она рассказывает о событиях 1969 года, а я в 1970-м был. В тех провинциях, где я был, польская журналистка описывает применение отравляющих веществ, она пишет, что такие-то контейнеры сброшены, а потом постепенно оболочка разлагается, происходит отравление местных жителей, и все.

Вьетнамские военные мне официально подтвердили все, с нотариусом, с печатью, со всеми, кто служил в это время, что да, в этой зоне применялись отравляющие вещества, когда я там находился. Но вопрос в том, что если я вьетнамской стороне предъявлю претензии, то они окажутся в трудной ситуации. Сейчас их политики осторожничают, чтобы иметь с Соединенными Штатами нормальные отношения.

А. Л. А у американских военных известны такие случаи?

В. С. Да. У них рождались даже без рук и без ног дети, но, когда они обращались к американским официальным властям, те отказывались оказывать помощь – дескать, неизвестно, почему это произо-

---

³ Моника Варненска – польская журналистка, репортер и писательница [Варненска].

шло. Фирмы, которые применяли отравляющие вещества, иногда подачки отстегивают тем, кто пострадал, у кого дети родились больные. А государство не оказывает помощь.

А. Л. Каким еще образом военные могут получать отравления?

В. С. Я соприкасался с компонентами ракетного топлива с высокой частотой. Они очень вредные, влияют по-разному на людей. У меня друг был, сейчас умер уже, он, когда чернобыльская катастрофа произошла, на этом реакторе работал три дня, все тушил. Тем не менее, он прожил до 75 лет. А его сверстники в течение двух-трех лет поумирали. Точно так и у нас на воинской службе: работа на радиолокационных станциях, контакт с компонентами топлива – постоянная вредность. Приходят люди на компоненты топлива, поработают год-два, а потом идут в поликлиники да больницы, проверяют свое здоровье, почки или печень. Получалось – или ты болеешь, или поколение твое, это я встречал. А были люди, которые на двух компонентах по 20 лет работают, хотя положено на одном не более пяти.

А. Л. Непосредственно в зоне боевых действий Вы испытывали какой-то стресс, напряжение?

В. С. Эти стрессы испытывали те, кто были там в первые три года, потому что некоторые наши советские офицеры и целые подразделения воевали, находясь непосредственно в зоне боевых действий. И там были случаи бомбежек наших дивизионов. Когда ты видишь их результаты, тогда стрессы начинаются.

А я сам под бомбежки не попал, потому что у нас в 1970 году была задача проверить технику и дать добро – вы можете стрелять. Мы старались работать не тогда, когда американцы бомбят. Обычно они бомбили с десяти утра до шести вечера. Мы приезжаем к шести вечера и до 12 ночи делаем настройку – зачем нам эти бомбежки. Бывали случаи, что и в ночное время бомбили, но это очень редко.

А. Л. Вы наблюдали у других людей какие-то психологические изменения?

В. С. Да, наблюдал у вьетнамцев. Вы представляете: кабина размером два с половиной метра на восемь метров, в которой сидят операторы – пять человек и офицер. Американцы их шариковой бомбой как долбанут! Бомбы в контейнерах сбрасываются, потом раскручиваются, потом разлетаются и на определенной высоте взрываются. А когда раненый остается, который перенес все это месиво, он потом вообще месяцами не может зайти в эту кабину. Не может психологически. Потому что каждый квадратный сантиметр пронизан этими шариками. Люди, которые видели это, на несколько месяцев полностью исключены из общения. Некоторые не так реагируют, это от психики человека зависит. Я видел тех, кто воевали в Афганистане,

непосредственный боевой контакт с моджахедами имели: на одного повлияло, а другой – хоть бы что, остался в нормальном состоянии.

А. Л. *А вьетнамцы это как-то учитывали?*

В. С. У них подготовленных расчетов было достаточно, чтобы заменять, если человек не может. Его отправляли на другие задания, и все.

А. Л. *Я читал, что там была какая-то проблема общения с женщинами...*

В. С. Они следили, чтобы мы ни в коем случае не общались...

А. Л. *А почему?*

В. С. У них такая установка была. И днем, и ночью следили, если что – сразу докладывали. Виноват – наказывали. На юг посылали воевать в «горячих» условиях.

А. Л. *Как Вы сейчас оцениваете, насколько эффективно велась война с нашей стороны?*

В. С. Эффективность могла бы быть лучше, но... Молодцы наши инженеры, ученые. Они по ходу боевых действий делали корректировки, дорабатывали технику. Дело в том, что комплекс С-75 для тех условий вообще не предназначен. В ситуации влажного тропического климата происходил выход из строя узлов и деталей техники. Это вызывало беспокойство, конечно. Если бы этих факторов не было, эффективность была бы намного выше.

Техника, созданная нашими специалистами, очень хорошая, недаром она до сих пор во Вьетнаме на вооружении стоит. Талантливые конструкторы создавали эту систему.

А. Л. *Валерий Васильевич, сколько времени Вы провели во Вьетнаме?*

В. С. Я был 11 месяцев, почти год. С 30 января по 20 декабря 1970 года.

А. Л. *Существовала ли тогда какая-то система восстановления, реабилитации?*

В. С. Такой системы не было. У афганцев – я понимаю, они лицом к лицу дрались с моджахедами, их посылать на реабилитацию имело смысл, но у нас ничего такого не предусматривалось. Даже сами вьетнамцы накрывали нас своими телами во время бомбежек, потому что Хо Ши Мин дал указание ценой жизни защищать советских военных специалистов.

Наши, кто воевали дивизионами, старались минимально рисковать. Если ты начинаешь воевать, ты должен обеспечить или быстрое отступление, или крепкую защиту.

А. Л. При противостоянии двух систем Вьетнам и Корея оказались в похожей ситуации. Но в Корее не получилось восстановить единство страны, а во Вьетнаме получилось. На примере Кореи мы видим, что коммунистическая Корея живет хуже. В этой связи возникает вопрос: правильно ли было защищать Северный Вьетнам?

В. С. За прожитые мной 78 лет вопрос этот возникал. Как оценивать ту или иную систему? Я считаю, что любая система может существовать, но в разумных пределах. Можно провозглашать ту же социалистическую идею, но допускать элементы капитализма. Предположим, существует частная собственность в какой-то сфере и показывает положительные результаты – пожалуйста, пусть она существует. Вьетнамцы добились значительных успехов, потому что они в мелком производстве дали людям большую свободу после объединения страны. Они показывают такие же темпы развития, как китайцы.

Екатеринбург, 21 февраля 2020 г.

Список литературы

Варненска М. Четвертая зона : Путевой дневник писателя и военкора. М. : Прогресс, 1970. 366 с.

Конорева И. А. Воспоминания советских участников войны во Вьетнаме как исторический источник при изучении локальных войн и конфликтов второй половины XX в. // Ученые записки : электрон. науч. журн. Курск. гос. ун-та : [сайт]. 2008. № 4. URL: https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/146/ (дата обращения: 02.03.2020).

На страже неба Урала и Вьетнама. Екатеринбург : [Б. и.], 2014. 138 с.

Незабываемый Вьетнам. Екатеринбург : Профиль, 2013. 422 с.

References

Konoreva, I. A. (2008) *Vospominaniya sovetskikh uchastnikov voiny vo V'etname kak istoricheskii istochnik pri izuchenii lokal'nykh voin i konfliktov vtoroi poloviny XX v.* [Memoirs of Soviet Participants in the Vietnam War as a Historical Source in the Study of Local Wars and Conflicts of the Second Half of the 20th Century]. In *Uchenye zapiski. Elektronnyi nauchnyi zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta* [website]. No. 4. URL: https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/146/ (mode of access: 02.03.2020).

Na strazhe neba Urala i V'etnama [Guarding the Sky of the Urals and Vietnam]. (2014). Yekaterinburg, S. n. 138 p.

Nezabyvaemyi V'etnam [Unforgettable Vietnam]. (2013). Yekaterinburg, Profil'. 422 p.

Varnenska, M. (1970). *Chetvertaya zona. Putevoi dnevnik pisatelya i voenkora* [Fourth Zone. Travel Diary of a Writer and War Correspondent]. Moscow, Progress. 366 p.

The article was submitted on 09.03.2020

PROPAGANDA: AN ILLUSION OF SUCCESS

DOI 10.15826/qr.2020.2.474
УДК 94(47): 82-7"1917/24"

ОБРАЗЫ ЛЕНИНА В ВИЗУАЛЬНОЙ САТИРЕ И ПРИЧИНЫ КРАХА АНТИБОЛЬШЕВИСТСКОЙ ПРОПАГАНДЫ

Владислав Аксенов

Институт российской истории РАН,
Москва, Россия

LENIN'S IMAGES IN VISUAL SATIRE AND THE COLLAPSE OF ANTI-BOLSHEVIK PROPAGANDA*

Vladislav Aksenov

Institute of Russian History
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

This article analyses anti-Leninist visual propaganda and examines the reasons for its low effectiveness. The author studies the morphological structure of Lenin's images as an internal and external enemy, "the other": a German spy, Judas, Hun, anarchist, or a member of the Black Hundreds. It is demonstrated that the sources of anti-Leninist images were visual political satire of the previous period and mass rumours. In some cases, anti-Leninist images were provoked by the radical statements and actions of Ulyanov himself. Anti-Leniniana was even beneficial to Bolsheviks: Lenin, previously unknown to the general public, became one of the most prominent political antagonists. Widespread public fears and premonitions were reflected in the images, which makes visual satire a mirror of the era. The low effectiveness of anti-Leninist propaganda can be explained by various factors, i. e. the use of propaganda stamps which most people had already gotten tired of during World War I; the inversion of images in the perceptions of different social strata; excessive stigmatisation of the Bolsheviks, who, as they approached

---

* *Citation:* Aksenov, V. (2020). Lenin's Images in Visual Satire and the Collapse of Anti-Bolshevik Propaganda. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 2. P. 455–472. DOI 10.15826/qr.2020.2.474.

Цитирование: Аксенов В. Образы Ленина в визуальной сатире и причины краха антибольшевистской пропаганды // *Quaestio Rossica*. Т. 8. 2020. № 2. С. 455–472. DOI 10.15826/qr.2020.2.474.

October, began to be perceived as victims of the tired regime of A. F. Kerensky; and the counter-propaganda of the Bolsheviks themselves.

Keywords: Lenin's image; revolution; propaganda; satire; visual history; imagology.

Анализируется антиленинская визуальная пропаганда и разбираются причины ее низкой эффективности. Исследуется морфологическая структура ленинских образов как внутреннего и внешнего врага, «чужого»: немецкого шпиона, Иуды, хама, гунна, анархиста, черносотенца. Показано, что источниками антиленинианы оказывались визуальная политическая сатира предшествующего периода и массовые слухи, а в ряде случаев антиленинские образы были спровоцированы радикальными заявлениями и действиями самого героя (В. И. Ульянова). Антилениниана оказывалась выгодна большевикам: неизвестный доселе широким слоям общества Ленин становился одним из самых заметных политиков-антагонистов. В создаваемых образах воплощались общественные страхи и предчувствия, что превращает визуальную сатиру в своеобразное зеркало эпохи. Низкая эффективность антиленинской пропаганды объясняется разными факторами: эксплуатацией уже надоевших обывателям за годы Первой мировой войны пропагандистских штампов; инверсивностью образов в восприятии различных социальных слоев населения; чрезмерной стигматизацией большевиков, которые по мере приближения к октябрю начинали восприниматься жертвой всем надоевшего режима А. Ф. Керенского; контрпропагандой самих большевиков.

Ключевые слова: образ Ленина; революция; пропаганда; сатира; визуальная история; имагология.

В последнее время в историко-антропологических исследованиях привлекает внимание имагология – изучение образов «чужих», что особенно актуально при обращении к кризисным периодам истории (войнам и революциям), когда конструирование образа врага становится важной пропагандистской задачей [Сенявская; Голубев, Поршнева; Филиппова, Баратов]. Исследователи не случайно обращаются к карикатуре, которая характеризуется многофункциональностью: она не только высмеивала актуальные проблемы, политические группы, но и демонстрировала общественную саморефлексию, вскрывая внутренние страхи и комплексы обывателей. Главной же функцией политической карикатуры выступала алармистская, что порождает вопрос: почему антиленинская пропаганда, предсказавшая развязывание Гражданской войны большевиками, не смогла ее предотвратить и помешать большевикам захватить власть?

В символическом пространстве 1917 г. на публику выплеснулись накопленные за предшествующие годы претензии к представителям различных политических сил. За конкретными партиями и их лидерами уже были закреплены определенные стереотипы, которые в процессе революции подвергались метаморфозам в соответствии с актуальными событиями. Не стал исключением и В. И. Ульянов (Н. Ленин): навешенный на него ярлык германского агента развивал слухи о большевиках,

ходившие еще летом 1914 г. Иконография образов лидера большевиков отличалась большим разнообразием, и семиотический анализ изображений Ленина позволяет уловить те характеристики, которые не были вербализованы в письменном антиленинском дискурсе.

Историография последних лет пополнилась визуальными исследованиями образа Ленина в годы Российской революции. А. Россомахин, подчеркивая широкий диапазон отрицательных образов лидера большевиков в массовом сознании (от шпиона до Антихриста), подробно останавливается на характеристике Ленина как Иуды, который из 1917 г. перешел в антибольшевистскую карикатуру периода Гражданской войны и наполнился антисемитским содержанием [Россомахин]. Т. А. Филиппова обращает внимание на выраженные семитские черты Ленина, присутствующие уже в карикатурах 1917 г. [Филиппова, с. 96]. Е. Орех отмечает некоторое иконографическое расхождение образов большевика и ленинца: последний часто относился к радикально настроенным обывателям, включая и анархистов [Гражданская война, с. 81].

Негативные образы Ленина были созданы практически на любой вкус: для патриотической общественности – образ немецкого агента, для демократической – отступник от социалистических принципов, для религиозной – злой демон, для обывателей – разбойник с большой дороги. Из новых политиков революционного времени Ленин по антипопулярности почти равнялся Николаю II¹. Причины резкого неприятия лидера большевиков понятны: не успев вернуться в Россию, он уже 4 апреля выступил на собрании большевиков и меньшевиков с тезисами, в которых обрушился не только на Временное правительство, но и на Петросовет. В соответствии со своим психическим складом Ленин назвал членов Совета (кроме большевиков) «смердящими трупами», «мелкобуржуазными оппортунистическими элементами» и «социал-шовинистами» [Единство. 1917. 5 апр.; Правда. 1917. 7 апр.]. Под впечатлением от выступления Ленина Г. В. Плеханов заявил, что своей «бредовой речью» лидер большевиков «водрузил знамя гражданской войны в среде революционной демократии» [Единство. 1917. 5 апр.]².

Радикальное ленинское требование передачи всей власти Советам являлось тактикой борьбы за власть, в которой лидер большевиков, не только пропустивший Февральскую революцию, но и недалеко идя проглядевший ее предпосылки накануне³, пытался наверстать упущенное, заработав себе в сжатые сроки некий политический капитал. Февральская революция вспыхнула на почве единения большинства

---

¹ Самым популярным персонажем карикатуристов в журналах «Новый Сатирикон», «Бич», «Пугач», «Будильник», «Стрекоза» в 1917 г. (не считая антигероев старого строя) стал А. Ф. Керенский, но значительная часть его образов носила комплиментарный характер.

² Здесь Плеханов процитировал слова И. П. Гольденберга о Ленине.

³ Хорошо известны слова Ленина, выступавшего в январе 1917 г. перед социалистической молодежью в Цюрихе, о том, что «мы, старики, может быть, не доживем до решающих битв этой грядущей революции».

общественных и политических сил страны, в этом отношении многие партийные лидеры февраля-марта, как социалисты, так и либералы, были готовы к компромиссам, Петросовет и Временное правительство разделяли между собой функции, взаимно подкрепляя свою легитимность. Однако Ленин, сознательно противопоставляя Временное правительство и Петросовет, доказывал, что вся полнота власти должна принадлежать Советам. Выступление Ленина 4 апреля 1917 г. продемонстрировало его полное непонимание политического момента и фанатичное стремление к захвату власти любой ценой. Апрельские тезисы обернулись скандалом и превратили большевиков в маргинальных аутсайдеров политической борьбы, при этом сам Ленин получил недостававшую ему широкую известность. В политический лексикон россиян начинало постепенно входить слово «ленинцы», хотя поначалу общего его понимания не было, часто в него вкладывался негативный смысл, а некоторые крестьяне считали, что «ленинцы» – это жители Ленинской губернии [Правда. 1917. 28 мая]. Тем самым, «раскрутка» большевиков и их лидера в печати даже в негативном ключе была им выгодна.

Заняв непримиримую позицию, Ленин создал себе образ «чужого», который был подхвачен разными слоями общества. Карикатура наиболее ярко в метафорической форме отразила преломления его образа в сознании современников. Здесь можно отметить несколько ипостасей Ленина-чужого: от представителя внешнего врага (немецкого шпиона), извне заброшенного в Россию, до «своего чужого», внутреннего порождения революционной анархии (разбойника с большой дороги).

Наиболее ранней метафорой, направленной на дискредитацию большевиков как немецких агентов, стало сравнение пломбированного вагона с Троянским конем. Первая карикатура на этот сюжет появилась в газете «Петроградский листок» уже 10 апреля, а чуть позже Н. Ремизов (Ре-Ми) опубликовал в «Новом Сатириконе» рисунок под названием «Все совершенствуется», сопровождавшийся подписью: «Раньше “троянский конь” изготовлялся в виде деревянной лошади, в которую засовывали несколько воинов... теперь “троянский конь” делается германцами в виде поезда, начиненного Лениным» (ил. 1 на цв. вклейке).

В мае-июне главными антагонистами Ленина в журнальной карикатуре оказываются председатель Временного правительства князь Г. Е. Львов и министр почт и телеграфов меньшевик И. Г. Церетели. После того, как 18 июня планировавшиеся в поддержку Временного правительства демонстрации неожиданно были разбавлены ленинскими лозунгами «Вся власть Советам!», а анархисты совершили налет на тюрьму «Кресты» и освободили большевика Ф. П. Хаустова, способствовав побегу около 400 уголовников, в массовом сознании обывателей начинается сближение образов большевиков и анархистов. Появляются слухи, что большевики готовят государственный переворот. Этому способствовало выступление Ленина на I Всероссийском съезде советов 4 июня, заявившего в ответ на слова Церетели об от-

сутствии в России партии, требующей себе всю полноту власти, что такая партия есть, это партия большевиков, которая «каждую минуту готова взять власть целиком» [Ленин, с. 267]. В контексте выступления Церетели (лидер меньшевиков утверждал, что только в сплочении разных политических сил заключается спасение страны) это означало, что большевики готовы развязать гражданскую войну. Характерна карикатура журнала «Барабан» «Между властью и анархией», изображавшая обалдевшего обывателя (напоминавшего Церетели), на носу которого раскачивались на весах Львов с Лениным (ил. 2 на цв. вклейке).

Антиленинская пропаганда приписывала большевикам не только попытку внесения раскола в социалистическое движение, но и развал армии. В «Апрельских тезисах» прозвучала идея, что единственным способом остановить империалистическую войну является братание на фронте. Большевиков тут же заподозрили в агитации в поддержку дезертирства, стихийно распространявшегося в армии еще до революции. Художники отреагировали на это серией рисунков, в которых Ленин на личном примере показывал солдатам, как правильно бежать с фронта, молниеносно перемещаясь от одной трибуны к другой.

Летом происходит объединение образов ленинцев и анархистов: и тех, и других нередко изображают с «немецкой пломбой» на спине, при этом Ленину предлагают выбрать новую платформу – железнодорожную, на пути обратно в Германию [Стрекоза. 1917. № 25. С. 5; № 26. С. 5]. Массовое сознание проводило параллели между анархистами и большевиками также благодаря схожести решения ими «квартирного вопроса» – захвата анархистами дачи Дурново и особняка Кшесинской большевиками. 19 июня 1917 г. командующий Петроградским военным округом генерал П. А. Половцов силами одной казачьей сотни выселил анархистов из особняка Дурново, при штурме был убит матрос-анархист Ш. А. Аснин. Оправдываясь перед Съездом Советов, министр юстиции П. Н. Переверзев предъявил фотографии многочисленных уголовных татуировок Аснина. На это отреагировал художник «Барабана» и опубликовал рисунок спин Ю. М. Стеклова⁴, А. В. Луначарского и В. И. Ленина, сопровождавшийся подписью: «Ввиду близости большевиков к анархистам – посмотрим: нет ли какой-нибудь татуировки на спинах». При этом на спине Стеклова красовалась императорская корона и слова «Боже, царя храни!», на спине Луначарского – германский пикельхельм, а на спине Ленина – 50 тыс. немецких марок [Барабан. 1917. № 14. С. 3]. Тем самым, в визуальном сатирическом пространстве анархисты и большевики обмениваются признаками: большевики приобретают обвинение в провоцировании анархии, анархисты – в работе на Вильгельма II.

В визуальном антиленинском дискурсе формировалась собственная мифология. Большевикам начинали приписывать ответственность за мероприятия, к которым они отношения не имели. Так, в августе А. Лебедев обратился к репинской композиции «Запорожцев»

⁴ Хотя Ю. М. Стеклов (Нахамкис) большевиком не являлся.

в карикатуре «Пишут „Приказ № 1“» (ил. 1). На его рисунке одними из авторов приказа № 1 оказывались отсутствовавшие тогда в России В. И. Ульянов и А. В. Луначарский, причем Ленин изображался монголоидом с торчавшей из головы пикой от немецкого шлема.

1. А. Лебедев. Пишут «Приказ № 1» // Стрекоза. 1917. № 32. С. 14

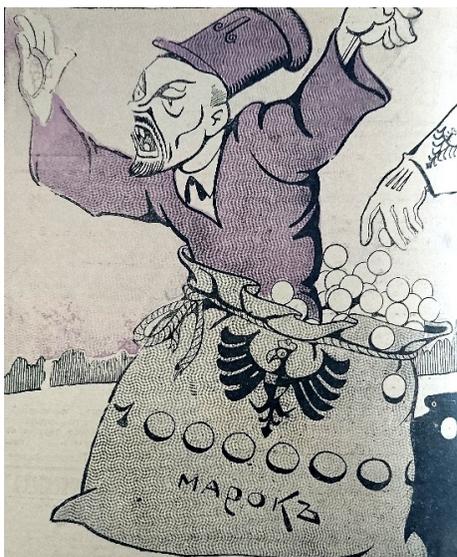
A. Lebedev. Writing Order 1 // *Strekoza*. 1917. № 32. P. 14

Некоторые современники видели в Ленине воплощение самого Вильгельма II [Бич. 1917. № 17. С. 3]. У обывателей тема «переселения душ» вызвала ассоциации с образом последнего министра внутренних дел А. Д. Протопопова, который, согласно массовым слухам, неоднократно заявлял, что в него вселился дух убитого Григория Распутина. Рисунок И. Степанова иллюстрировал, как Пуришкевич пытается вернуть дух Ленина обратно в тело. Подпись гласила: «В. М. Пуришкевич доказывает, что подлинный Ленин умер в 1916 г., а ныне под его именем живет и действует некто совершенно другой» [Бич. 1917. № 37]. Таким образом, для некоторых читателей сатирических журналов Ленин занимал место то ли Распутина, то ли Протопопова. Вместе с тем, художники нередко пытались подчеркнуть карликовость большевистского лидера. На одном из рисунков Д. Мельникова Россия в кольчуге и красной юбке с красным знаменем в одной руке и мечом в другой вела в бой полки солдат. Ее пыталась удержать маленькая лысая фигурка мужичка в черном, напоминавшая Ленина. Примечателен лозунг: «Вперед! Только русские штыки принесут свободу германскому народу!» (ил. 3 на цв. вклейке). Также Ленина изображали карликом на ходулях, в одном случае он всаживал нож в спину

России-Свободе (ил. 4 на цв. вклейке), в другом угрожал растоптать гигантского казака [Бич. 1917. № 31].

Антиленинская пропаганда давала кратковременный эффект: на улицах большевистских агитаторов считали провокаторами и нередко угрожали им физической расправой. На имена Ленина и Зиновьева приходили анонимные письма с угрозами убийства [Правда. 1917. 10, 12 мая]. Сотрудник «Правды» Георгий Сафаров рассказывал, как в конце апреля пытался провести беседу с группой людей, собравшихся у Публичной библиотеки, но толпа подняла крик: «Ленинец!», «Провокатор!», «Куплен на немецкие деньги!», «Видно, что из жидов!», – в результате чего постовой милиционер в сопровождении публики доставил Сафарова в комиссариат 1-го Спасского района [Правда. 1917. 4 мая]. Впрочем, многое зависело от политической топографии: если перед Публичной библиотекой большевиков не жаловали, то перед дворцом Кшесинской могло не поздороваться их оппонентам. Гардемарин Н. Вреден вспоминал, как с товарищем попытался приветствовать Ленина криком «Браво, Кшесинская!», за что чуть не был избит толпой [Реден, с. 55].

Среди образов Ленина-немца можно выделить две концепции: «патриотическую», при которой Ленин оказывался немцем, искренне

2. Ленин-пролетарий, или Шило в мешке // Стрекоза. 1917. № 30. С. 14

A proletarian Lenin, or an Awl in a sack // Strekoza. 1917. № 30. P. 14

преданным Вильгельму II (или его воплощением), и «меркантильную», рисующую образ предателя, отработывающего полученный гонорар. В последнем случае обязательным атрибутом выступал набитый деньгами мешочек с немецкой печатью. На опубликованной в «Стрекозе» карикатуре под названием «Ленин-пролетарий, или Шило в мешке» лидер большевиков вылезал из наполненного монетами мешка, на котором имелась надпись «1 000 000 марок» (ил. 2).

Не реже миллиона германских марок фигурировали 30 сребреников. Обращение к библейскому сюжету предательства Иуды встречалось в журнальной карикатуре и ранее. В 1915 г. в роли Иуды изображался болгарский царь Фердинанд, выступивший против Антанты. На одной из карикатур авторства Н. Ремизова подлинный Иуда с завистью смотрел на Иуду-Фердинанда, державшего в руках чек

на пять триллионов. При этом болгарский царь был исполнен в сатирическом ключе – с гипертрофированным носом [Новый Сатирик. 1915. № 40. Обложка]. В 1917 г. Дени изобразил Ленина Иудой, принимающим 30 сребреников от Вильгельма II. Карикатура называлась «Верная служба – честный счет» (ил. 5 на цв. вклейке). В отличие от глуповатого Иуды-Фердинанда, Иуда-Ленин имел зловещий вид. Можно отметить эмоциональное различие двух карикатур: первая развлекала зрителя высмеиванием болгарского царя, вторая пугала демоническим Лениным. Со временем образ Ленина приобретал все более зловеще-инфернальный характер.

Художники намекали, что получение денег от Германии – далеко не единственная тайна ленинцев. Во время уголовного следствия над большевиками в июльском номере «Пугача» появилась карикатура «Ленин за своей газетой», на которой лидер большевиков был изображен за чтением «Правды» в интерьере комнаты, на стене которой висел портрет Вильгельма II, на столе стояла посуда с германским орлом. Рисунок сопровождала подпись от лица Ленина: «Не в “Правде” правда, а в том, что все узнали, что я получил два миллиона от Вильгельма! Но это еще не вся правда: удавлюсь, если всю узнают!» (ил. 6 на цв. вклейке). В июле публикуется карикатура Б. Антоновского «Триумфальное возвращение Ленина в отечественную столицу Берлин», обыгрывавшая тему бегства Ленина обратно в Германию [Бич. 1917. № 28. Без пагинации]. В «Пугаче» появляется карикатура на тему «Ленин в Германии»: Ульянов встречает бедствующего К. Либкнехта и предлагает ему просить разрешения у Вильгельма ехать вместо него в Россию на заработки [Пугач. 1917. № 16. С. 3].

Демонизация В. Ульянова совпала с ростом тревожности столичных жителей по поводу угрозы гражданской войны, а также возможного захвата немцами Петрограда после падения Риги 21 августа 1917 г. Корниловский мятеж, подорвавший авторитет А. Ф. Керенского, породил слухи о скором «втором пришествии» скрывающегося Ленина, в этот раз он должен был явиться вместе с немецкой армией. Этой теме была посвящена карикатура в сентябрьском номере «Пугача», на которой Ленин-Иуда держал в руках новый мешочек с 30 сребрениками (несмотря на европейский костюм Ленина, атрибутом Иуды, помимо денег, выступала веревка на шее) (ил. 7 на цв. вклейке).

Образ Ленина стал воплощением тревожных предчувствий современников, и обращение в этом контексте к библейским сюжетам добавляло ленинине эсхатологическую коннотацию. Еще в июне 1917 г. на карикатуре под названием «Враг народа» лидер большевиков был изображен в образе злого демона, летящего над городом с мешочком немецких сребреников и бросающего бомбы. Рисунок сопровождала подпись, перефразирующая стихотворение М. Ю. Лермонтова «Ангел»: «По небу полуночи Ленин летел / И песню анархии пел...» [Барaban. 1917. № 9. Обложка].

Визуальная пропаганда шла параллельно судебному процессу против большевиков, инспирированному министром юстиции Временного правительства П. Н. Переверзевым после июльских беспорядков. Однако обывателям казалось, что суд над большевиками недостаточно быстро проходит из-за препон, чинимых Петросоветом. В августе 1917 г. появляется карикатура на тему библейского сюжета жертвоприношения Исаака. В роли Исаака на ней изображался лежащий на жертвеннике голенький Ленин, в роли Авраама, занесшего кинжал над Лениным, министр Переверзев, а в роли ангела, остановившего Авраама, председатель исполнительного комитета Петровета Н. С. Чхеидзе [Новый Сатирик. 1917. № 28]. В кустах стоял кадет в образе покорной овцы, которой и суждено было стать жертвой. Художникам-карикуристам не чужда была политическая прозорливость.

Ленин как «свой чужой» символизировал вырождение социалистического движения. Вероятно, одной из самых оригинальных карикатур на эту тему стала работа Ре-Ми «Семья не без урода», изображавшая «дедушку русской революции» П. А. Кропоткина, ее «бабушку» Е. К. Брешко-Брешковскую и их внука В. И. Ульянова. Похожий на чертенка Ленин сидел на заборе и корчил рожи, в то время как «бабушка» с «дедушкой» рассуждали над сломанным Ильичем саженцем, что внучек их совсем другой, нежели они, немецкой марки (ил. 8 на цв. вклейке).

Тема Ленина-внука очередной раз возникла в октябре 1917 г. на рисунке И. Степанова, на котором Брешко-Брешковская мылила голову маленькому Володе, приговаривая и указывая на послушного старшего внука (Керенского), сидящего на полу в матросской робе и играющего с игрушками: «Видишь: Шура – пай-мальчик, утешает бабушку, за то и награжден: солдатиков ему подарили, пушечку... А ты негодяй, лгунишка, забияка, ябеда... у-у-у! наказание Божеское!.. вот же тебе головомойка!» [Бич. 1917. № 40. Обложка].

Жестче отреагировал на политику Ленина по внесению раскола в социалистическое движение художник «Барабана». На карикатуре «Завивка большевика» в образе парикмахера выступал Чхеидзе, пытавшийся сделать Ленину «республиканскую прическу». При этом сам Ленин был изображен в образе Медузы Горгоны (ил. 9 на цв. вклейке).

Параллельно образам Ленина – немецкого агента и Ленина – предателя социализма формировался образ Ленина-черносотенца. Так, на одной из карикатур «Пугача» за спиной выступающего на митинге Ульянова расположился Н. Е. Марков 2-й (ил. 10 на цв. вклейке). Соседство в визуальном пространстве одиозного черносотенца и большевика не случайно: согласно диалектическому закону борьбы и единства противоположностей, они казались союзниками, ведущими Россию к одному финалу – гражданской войне. Карикатура И. Симакова (Синуса) в журнале «Бич» изображала, как Марков 2-й

и Ленин перетягивают друг у друга вооруженного громилу [Бич. 1917. № 24. С. 6]. На карикатуре из «Стрекозы» Николай Романов, наблюдая из окна за большевистской манифестацией, размышлял: «Ого! Как эти большевики голубчики стараются... вернуть мне потерянное место!» [Стрекоза. 1917. № 28. Обложка]. В этом контексте Ленин оказывался не агентом Вильгельма II, а марионеткой контрреволюционеров, старающихся вернуть в России старый строй. Подобные страхи проникали в массовое сознание, так как «медовый месяц революции» начал сменяться периодом разочарований современников в новом строе. Показательна карикатура Ре-Ми «Тоска о твердой власти», опубликованная еще в майском номере «Нового Сатирикона», изображавшая обывателя, стоящего на коленях перед тенью городского и жалующегося: «О, дорогая тень! Если бы ты знала, как я тоскую о тебе под лучами слишком жаркого для моего организма солнца свободы» [Новый Сатирикон. 1917. № 18. Обложка]. В то время как большевики говорили о необходимости углубления революции, современники видели в этом предательство завоеванной в феврале свободы и справедливо опасались контрреволюционного переворота и установления нового самодержавия (диктатуры Ленина). Появлялись карикатуры, на которых Н. Ленин изображался царем и именовался Николаем III (до этого массовое сознание «венчало» на царство А. Ф. Керенского под именем Александра IV). Впрочем, ходили и другие слухи: Ленин собирается возвести на престол царевича Алексея, а регентом назначить Гессенского принца [Финдейзен, с. 214].

Если июль стал месяцем провала большевиков, вынужденных уйти в подполье, то после дискредитации Керенским Л. Г. Корнилова у Ленина появился шанс вернуть потерянные позиции. Художник Синус почувствовал возможный триумф большевиков, изобразив в карикатуре «Сретение неподобных великомучеников большевистских Ленина и Зиновьева», выполненной в стилистике религиозной иконографии, возвращение из финляндского подполья в Петроград лидеров большевиков, перед которыми на колени падал социал-демократ Ю. М. Стеклов, одетый в черные одежды. У ворот города их встречали представители власти и видные политики: А. Ф. Керенский, Л. Д. Троцкий, В. М. Чернов, А. В. Луначарский и др. В руках у Ленина были трость и черный котелок, а у Зиновьева – чемоданчик с немецкими деньгами. За всем этим с пальмы удовлетворенно наблюдала троица немецких шпионов (ил. 11 на цв. вклейке).

Несмотря на повторяющийся мотив немецких денег большевиков, данная работа интересна тем, что в метафорической форме отразила еще одну ипостась Ленина как библейского Хама. Ключом к этой интерпретации является фигура непримечательного на первый взгляд (но центрального в композиции карикатуры) Стеклова, в отношении которого антибольшевистская печать весной-летом 1917 г. развязала настоящую травлю. Обывателям Стеклов был хорошо известен по своей первой фамилии Нахамкис. Публицисты и художники пы-

тались дискредитировать большевиков, «разоблачая» их настоящие фамилии (большевикам пришлось оправдываться в «Правде», указывая на вынужденный характер использования псевдонимов) [Правда. 1917. 25 мая]. Этой теме была посвящена карикатура М. Ага «Исход праведной души товарища Нахамкеса из грешного тела товарища Стеклова» [Бич. 1917. № 21. С. 10]. Фамилия Нахамкис использовалась современниками в качестве нарицательной, с ее помощью обыгрывалось представление о большевиках как о сборище хамов. По аналогии с Нахамкисом, в некоторых карикатурах Ленина называли Нахалкиным [Пугач. 1917. № 8. Обложка]. В упомянутой карикатуре И. Степанова, обыгрывавшей тему переселения душ, визуализировался слух о том, что дух Ленина вселился в Нахамкиса.

В свою очередь, сравнение большевиков с хамами уходило корнями в статью Д. С. Мережковского периода Первой революции «Грядущий хам», в которой он предсказывал гибель России. Июньский номер «Нового Сатирикона» открывала карикатура Ре-Ми, на которой был изображен бандит, развалившийся с ногами на диване в чужой разгромленной квартире с газетой «Правда» в руке. Его слова передавала подпись к рисунку: «Вот все говорили „грядущий“ да „грядущий“!.. А вот я уже и „пришедший“!..» [Новый Сатирикон. 1917. № 21. Обложка]. Одна из июньских карикатур обыгрывала газетное сообщение о том, что семья Нахамкисов держала салон красоты, в котором буржуям отрезали волосы вместе с головой. Тем самым, «пришедшие хамы» несли с собой не только моральную, но и физическую угрозу. В это время в столице среди обывателей ходила шутка, как при встрече большевика с меньшевиком первый гордо заявил, что в Петрограде теперь очень много большевиков, на что получил ответ: «Поэтому его и называют, не Петербург, а Хам-бург». Ровно через год, в июне 1918 г., Ре-Ми невесело шутил на эту тему: на рисунке под названием «Пророк» был изображен Д. С. Мережковский, опирающийся на башню из книг с заглавиями «Грядущий хам». Писатель раздумывал: «А все-таки напрасно говорят, что нет пророка в своем отечестве» [Новый Сатирикон. 1918. № 13. С. 3].

Характерно, что в портретах Нахамкиса из журналов «Бич», «Новый Сатирикон» выраженно присутствовали монголоидные черты, с помощью которых проводились параллели между большевиками и гуннами, большевиками и монголо-татарами. В декабрьском номере «Стрекозы» А. Лебедев изобразил гунна, удовлетворенно наблюдавшего за тем, как большевики грабят и убивают обывателей. Гунн констатировал: «Мои потомки работают несколько не хуже меня!» [Стрекоза. 1917. № 48. С. 5]. Говоря об источниках образа большевика-гунна, следует заметить его пересечение с «грядущим хамом» в стихотворении В. Брюсова «Грядущие гунны», написанном в Первую российскую революцию: «Где вы, грядущие гунны, / Что тучей нависли над миром! / Слышу ваш топот чугунный / По еще не открытым Памирам».

Ленин также изображался некоторыми художниками представителем монголоидной расы. В этом случае нередко происходило смешение нескольких иконографических типов: Ленин – гунн/монгол, Ленин-анархист, Ленин – немецкий шпион, Ленин – библейский персонаж, Ленин – хам. Накануне октябрьского переворота В. Денисов (Дени) опубликовал карикатуру «Владыка дней наших», изображавшую голову коронованного бандита монгольской внешности. Подпись поясняла: «Его величество Хам I. Взошел на престол 21 апреля, коронован 3–5 июля 1917 г.» (ил. 12 на цв. вклейке). Несмотря на собирательный характер образа большевика, в этом портрете обнаруживаются иконографические признаки Ленина: монголоидная внешность и жиденькие усики с бородкой⁵. Примечательно, что восшествие на престол датировалось апрельским кризисом – часть современников считала, что недовольство нотой П. Н. Милюкова было искусственно раздуто большевиками, и рассматривала последующую отставку министра как первую победу ленинцев.

Помимо ассоциаций с гуннами и монголо-татарами, данная иконография развивала фобии перед «китайской угрозой» – с лета 1917 г. газеты сообщали о нашествии китайцев в Петроград, об организации ими вооруженных банд, которые якобы устраивали человеческие жертвоприношения. В ситуации, когда антисемитизм стал менее популярен, фобии «кровавого навета» с евреев переадресовывались китайцам. Вероятно, не случайно, что на ноябрьской карикатуре Д. Моора, посвященной противостоянию Ленина и Каледина, лидер большевиков предстал в образе высоколобого китайского божества Фукурокудзю (который, впрочем, считается одним из семи богов счастья) (ил. 13 на цв. вклейке).

Октябрьский переворот большевиков не стал главным мотивом карикатур в октябре-ноябре 1917 г. Большевики еще летом превратились в символ анархии и разрухи, поэтому их приход к власти принципиально не меняет образы и сюжеты, с ними связанные. Тем не менее, важное отличие образов большевиков лета 1917 г. от образов большевиков осени-зимы заключается в том, что в первом случае они чаще всего представляли в виде цивилизованных немцев, а во втором становились олицетворением животных инстинктов толпы. Заросшие, грязные, оборванные и до зубов вооруженные, они символизировали распространявшуюся по России анархию. Так, на карикатуре из «Стрекозы» громадный большевик-разбойник с ножом охотится на маленького обывателя, решившего бежать в Гонолулу, на карикатуре из «Нового Сатирикона» под названием «Разоблачение» бандиты-

---

⁵ Впоследствии эта карикатура чуть не стоила Дени карьеры, а то и свободы: в начале 1923 г. журнал «Красный перец» решил вывести смиренного с советской властью художника на чистую воду и опубликовал этот рисунок с вопросами: «Кто нарисовал? Когда нарисовал?? Кого нарисовал???» Перепуганный Дени попросил помощи у сестры Ленина Марии Ульяновой, после чего редакции «Красного перца» был дан сигнал оставить Дени в покое.

большевики раздевают обывателей, считая свои действия «разоблачением контрреволюции» [Стрекоза. 1917. № 41; Новый Сатирик. 1917. № 39].

Настроения обывателей после захвата власти большевиками можно понять по рождественским выпускам сатирических иллюстрированных журналов. Иллюстрации на обложках последних декабрьских номеров «Нового Сатирикона» и «Бича» были подписаны строчкой из Великого славословия «Слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение», которую, согласно Евангелию от Луки, ангелы пропели пастухам, извещая о рождении Иисуса. Н. Ремизов переосмыслил эту легенду в контексте актуальных российских событий и в образе поющих ангелов изобразил трех пьяных мужиков, аккомпанирующих себе на гармошке, причем центральный персонаж монголоидного типа соответствовал иконографической традиции, в которой обычно изображали Ленина (ил. 14 на цв. вклейке).

Антиленинская пропаганда достигла своего логического апофеоза в годы Гражданской войны – некоторые обыватели начали прямо называть Ленина Антихристом [Письма во власть, с. 95]. Одна из белогвардейских листовок называлась «Что говорит Священное Писание об Антихристе и какие дела его». В ней сообщалось, что «Антихрист засел в Кремле» [Бессонов, с. 257]. Основанное летом 1918 г. А. И. Деникиным Осведомительное агентство активно эксплуатировало антисемитскую тему и представляло большевистских лидеров в образе то Антихриста, то лжепророков. Так, на плакате «В жертву Интернационала» Ленин был изображен в виде лжепророка, по наставлению которого Троцкий и другие приносили Россию в жертву языческому идолу Марксу (ил. 15 на цв. вклейке). Песня «Интернационал» занимала особое место в прихрамовой эсхатологии верующих: указывали, что слова «Вставай, проклятьем заклейменный» могут относиться лишь к ритуалу пробуждения Антихриста [Тарабукина].

Универсального иконографического типа Ленина в 1917 г. не сложилось. Художники по-разному интерпретировали его внешность, в некоторых случаях пренебрегая портретным сходством ради акцентирования внимания зрителя на неких архетипических чертах. Распознать на карикатурах лидера большевиков можно было по германской печати на пиджаке или брюках, по мешочку с деньгами. Другие более универсальные «атрибуты» Ленина – лысина (не всегда), характерные усики с бородкой; часто он был одет в темный костюм (иногда достаточно пижонский, с брюками в полосочку), на голове изображались кепка или котелок (именно в котелке В. И. Ульянов выступал 3 апреля 1917 г., стоя на броневике на Финляндском вокзале). Распространенным стало изображение Ленина как представителя монголоидного типа. Кроме того, художники старались подчеркнуть признаки вырождения на лице Ленина, придавая ему обезьянью внешность. В этом иконографическом направлении Ленин обретал портретное сходство с Николаем Романовым, которого часто рисовали алкого-

ликом-дегенератом. Учитывая, что после разгрома винного погреба Зимнего дворца в ноябре 1917 г. за большевиками прочно закрепилось реноме пьяниц, у Ленина и Николая в сатирическом дискурсе обнаруживается общая платформа. В январе 1918 г. в печати обсуждались слухи о пьянстве Ленина в Смольном (якобы меньшевик А. А. Иоффе видел, как мертвецки пьяного председателя СНК выносили из кабинета на носилках матросы) [Утро России. 1918. 16 янв.]. Общие дегенеративные черты в образах Н. Романова и В. Ульянова также соотносятся со слухами об их сумасшествии. Об умопомешательстве Николая II говорили в декабре 1916 г., о психически больном Ленине – в ноябре 1917 г. [Сигнал. 1917. 13 нояб.]. Октябрьское восстание большевиков приобретало коннотацию коллективного безумия маргиналов.

Разнообразие антиленинских метафор в визуальной пропаганде 1917 г. не стало серьезным препятствием на пути большевиков к власти. Причиной следует признать то, что многие антагонистические образы Ленина не были рассчитаны на широкие слои, они могли вызвать задуманные художниками ассоциации лишь в среде образованных слоев, как, например, образ троянского коня. Эксплуатация библейских сюжетов также не достигала ожидаемого эффекта по причине давнишнего расцерковления обывателей и роста скептического отношения к религиозной тематике [Аксенов, Rogoznyy]. В годы Первой мировой войны пропаганда навязывала обществу идею, что Антихристом является Вильгельм II, однако среди крестьян ходили слухи, что Антихрист – это Николай II. Дискредитация пропагандистского приема демонизации «чужого» не позволяла эффективно манипулировать широкими слоями реципиентов. Живучим оказался образ большевиков как немецких агентов, однако в 1917 г., в условиях всеобщей усталости от войны, а осенью – и от усиленной революцией разрухи он уже не был столь однозначным, как в 1914 г. Не желавшим отправки на фронт обвинения Ленина в стремлении заключить сепаратный мир могли и вовсе показаться достоинством.

Также не выполнил в полной мере задачу дискредитации Ленина образ хама. Будучи семантически близким образу разбойника с большой дороги, вероятно, именно он стал наиболее сильным эмоциональным раздражителем для средних и зажиточных слоев населения, однако для массы крестьянства, люмпенизированных рабочих и солдат этот образ символизировал идею борьбы с буржуазией, реализацию принципа «грабь награбленное».

Социокультурный раскол российского общества проявлялся в разнообразии смыслов и значений, которые приписывались различными группами населения одним и тем же образам. Антиленинская пропаганда справедливо назначила лидера большевиков на роль главного антагониста, которую совсем недавно исполнял Г. Распутин. В этой связи уместно вспомнить, что к царскому фавориту в народе было совсем иное отношение, нежели в городских слоях. Крестьяне

отреагировали на убийство «старца» в соответствии со стереотипами традиционного сознания: «Сказывали, от народа будто Распутин к царю приставлен был всю правду говорить. Не простой люд его извел», «У нас разное про того Распутина знали. Кто и за святого считал. Сказывали, будто один он правду царям говорил. За то будто и убили его вельможи» [Палеолог, с. 716; Федорченко, с. 88]. Нечто подобное происходило и со слухами вокруг Ульянова. В противовес разыгравшейся либеральной печатью карте «пломбированного вагона», в передававшихся солдатами и крестьянами «наиновых» сказках Ленин предстал чуть ли не святым, чудесным образом оказавшимся в России весной 1917 г. [Федорченко, с. 364].

Многообразие антиленинских образов оборачивалось их конкуренцией друг с другом и приводило к снижению пропагандистского эффекта. Особенно это касалось случаев, когда ложные обвинения, которым большевикам было проще противодействовать, вытесняли справедливые. Образ ленинцев – германских шпионов не был подкреплен материалами следствия; образы хама и гунна, равно как разбойника с большой дороги, оказывались слишком абстрактными, тогда как реальную опасность представляли создававшиеся большевиками отряды красной гвардии и пропагандирование принципа всеобщего вооружения народа. Лишь в октябре 1917 г. потенциальная угроза, исходящая от красной гвардии, визуализируется в рисунке А. Радакова «Буриданов осел русской власти», на котором осел с фригийским колпаком на голове изображался между красногвардейцем и текинцем [Новый Сатирикон. 1917. № 38. С. 8.]. Автор напоминал зрителю, что, по легенде, буриданов осел умер от голода, так как не смог сделать окончательного выбора.

Однако чрезмерная эксплуатация даже точного образа со временем неизбежно снижала его воздействие на умы. Алармистский образ большевика – разжигателя гражданской войны слишком долго вхолостую использовался печатной пропагандой, в результате чего заметно потерял свой эффект к октябрю 1917 г. Еще в начале июня в Петрограде ходили слухи о подготовке большевиками переворота с целью захвата власти, восстание большевиков «назначали» на 27 августа [Вечернее время. 1917. 25 авг.]. Уставшие от постоянного психологического напряжения обыватели осенью 1917 г. переживали состояние политической апатии. Не случайно, что некоторые современники известие о захвате большевиками власти восприняли с некоторым облегчением: «Пучина наконец-то разверзлась» – записал в своем дневнике П. А. Сорокин [Сорокин, с. 99]. К тому же многие были уверены в том, что ленинцы у власти надолго не задержатся.

К другой группе причин можно отнести контрмеры самих большевиков, в некоторых случаях оказывавшиеся достаточно эффективными. Так, например, большевики демонстрировали известную гибкость в отношении к определенным обвинениям, доводя их до абсурда и превращая в шутку. Примечательна заметка в апрельском

номере «Правды», озаглавленная «Истинное происшествие»: «Из достоверных источников нам сообщают: Нева внезапно потекла вспять. Нетрудно догадаться, кто является виновником этого печального события: германofil Ленин. Правильность этого сообщения удостоверяют А. Амфитеатров, Г. В. Плеханов, Д. Заславский, И. Гольденберг, сэр Бьюкенен, посол дружественной державы» [Правда. 1917. 15 апр.]. Параллельно большевики читали лекции рабочим и солдатам, выступали перед уличной толпой на митингах, разъясняя свою позицию и опровергая обвинения оппонентов. Так, весной 1917 г. Г. Зиновьев неоднократно выступал с докладом «Война и революция», в рамках которого давал объяснения, как он с товарищами проехал через территорию Германии в plombированном вагоне [Правда. 1917. 1 мая, 3 мая]. Попытались большевики противодействовать обвинениям в поощрении анархии. Н. Ленин в статье «Запугивание народа буржуазными страхами» отрицал распространение в обществе анархии, указывая, что имеющие место случаи захвата крестьянами помещичьей земли не анархия, а подлинная демократия – решение народного большинства [Правда. 1917. 4 мая]. В результате большевики как стигматизируемая группа постепенно начинали казаться некоторым современникам жертвой всем надоевшего режима А. Ф. Керенского.

Низкая эффективность антиленинской пропаганды в 1917 г. была следствием увлеченности карикатуристов второстепенными, ложными темами. Изучение образов Ленина как чужого позволяет понять психологическое состояние российского революционного общества, многие страхи которого были унаследованы от предшествующих лет Первой мировой войны, в результате чего Ленину нередко переадресовывались чужие грехи. Некоторые визуальные образы оказывались пророческими, демонстрировали провидческий потенциал художественного мышления: карикатурная лениниана предсказала и поражение России от Германии, и захват власти большевиками с последующим развязыванием Гражданской войны. Использование в ленинской иконографии библейских сюжетов отражало восприятие частью населения России революции как «малого апокалипсиса истории».

Список литературы

Аксенов В. Б. Народная религиозность и образы духовенства в годы Первой мировой войны и революции // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2019. № 1–2 (37). С. 272–303. DOI 10.22394/2073-7203-2019-37-1/2-272-303.

Барабан. 1917. № 4, 9, 10, 14.

Бессонов И. А. Русская народная эсхатология. История и современность. М. : Гнозис, 2014. 336 с.

Бич. 1917. № 17, 21, 24, 26, 28, 31, 37, 38, 40.

Будильник. 1917. № 19, 37–38.

Вечернее время. 1917. 25 авг.

Голубев А. В., Поршнева О. С. Образ союзника в сознании российского общества в контексте мировых войн. М. : Новый хронограф, 2011. 392 с.

- Гражданская война в образах визуальной пропаганды : словарь-справ. СПб. : Скифия-принт, 2018. 176 с.
- Единство. 1917. 5 апр.
- Ленин В. И. Полное собрание сочинений : в 55 т. 5-е изд. М. : Изд-во полит. лит., 1969. Т. 33. 434 с.
- Новый Сатирик. 1917. № 15, 18, 21, 24, 28, 38, 39, 40, 45; 1918. № 13.
- Палеолог М. Дневник посла. М. : Захаров, 2003. 864 с.
- Письма во власть. 1917–1927 : Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям / сост. А. Я. Лившин, И. Б. Орлов. М. : РОССПЭН, 1998. 664 с.
- Правда. 1917. 7, 8, 15 апр., 1, 3, 4, 10, 12, 25, 28 мая.
- Пугач. 1917. № 6, 8, 13, 14, 16, 20.
- Реден Н. Сквозь ад русской революции. Воспоминания гардемарина. 1914–1919. М. : Центрполиграф, 2006. 287 с.
- Рогозный П. Г. Православная церковь и русская революция : Очерки истории. 1917–1920. М. : Весь мир, 2018. 304 с.
- Россомахин А. Прогерманский Иуда // Историк. 2017. № 7–8. С. 70–73.
- Сенявская Е. С. Прогивники России в войнах XX века: эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М. : РОССПЭН, 2006. 288 с.
- Сигнал. 1917. 13 нояб.
- Сорокин П. А. Дальняя дорога : автобиография. М. : Терра, 1992. 304 с.
- Стрекоза. 1917. № 25, 26, 28, 30, 32, 41, 48.
- Тарабукина А. В. Фольклор и культура прицерковного круга : дис. ... канд. филол. наук. СПб. : [Б. и.], 2000. 222 с.
- Утро России. 1918. 16 янв.
- Федорченко С. Народ на войне. М. : Сов. писатель, 1990. 448 с.
- Филиппова Т. А. «Враг внутренний» – «враг внешний» : Образы революции 1917 г. в русской сатирической журналистике // Рос. ист. 2015. № 6. С. 90–98.
- Филиппова Т. А., Баратов П. Н. «Враги России» : Образы и риторика вражды в русской журнальной сатире эпохи Первой мировой войны. М. : АИРО-XXI, 2014. 360 с.
- Финдейзен Н. Ф. Дневники. 1915–1920. СПб. : Дмитрий Буланин, 2016. 576 с.

References

- Aksenov, V. B. (2019). Narodnaya religioznost' i obrazy dukhovenstva v gody Pervoi mirovoi voyny i revolyutsii [Popular Religiosity and Images of the Clergy during the First World War and the Revolution]. In *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom*. No. 1–2 (37), pp. 272–303. DOI 10.22394/2073-7203-2019-37-1/2-272-303.
- Baraban [Baraban]. (1917). No. 4, 9, 10, 14.
- Bessonov, I. A. (2014). *Russkaya narodnaya eskhatologiya. Istoriya i sovremennost'* [Russian Folk Eschatology. History and Modernity]. Moscow, Gnozis. 336 p.
- Bich [Bich]. (1917). No. 17, 21, 24, 26, 28, 31, 37, 38, 40.
- Budil'nik [Budilnik]. (1917). No. 19, 37–38.
- Edinstvo [Yedinstvo]. (1917). 5 April.
- Fedorchenko, S. (1990). *Narod na voine* [People at War]. Moscow, Sovetskii pisatel'. 448 p.
- Filippova, T. A. (2015). “Vrag vnutrennii” – “vrag vneshnii”. Obrazy revolyutsii 1917 g. v russkoi satiricheskoi zhurnalistike [“Internal Enemy” – “External Enemy”. Images of the 1917 Revolution in Russian Satirical Journalism]. In *Rossiiskaya istoriya*. No. 6, pp. 90–98.
- Filippova, T. A., Baratov, P. N. (2014). “Vragi Rossii”. *Obrazy i ritoriki vrazhdy v russkoi zhurnal'noi satire epokhi Pervoi mirovoi voyny* [“Enemies of Russia”. Images and Rhetoric of Enmity in Russian Magazine Satire of the First World War Era]. Moscow, AИРО-XXI. 360 p.

Findeisen, N. F. (2016). *Dnevnik. 1915–1920* [Diaries. 1915–1920]. St Petersburg, Dmitrii Bulanin. 576 p.

Golubev, A. V., Porshneva, O. S. (2011). *Obraz soyuznika v soznanii rossiiskogo obshchestva v kontekste mirovykh vojn* [The Image of the Ally in Russian Social Consciousness in the Context of the World Wars]. Moscow, Novyi khronograf. 392 p.

Grazhdanskaya voina v obrazakh vizual'noi propagandy. Slovar'-spravochnik [The Civil War in the Images of Visual Propaganda. Dictionary and Reference Book]. (2018). St Petersburg, Skifiya-print. 176 p.

Lenin, V. I. *Polnoe sobranie sochinenii v 55 t.* [Complete Works. 55 Vols.]. (1969). 5th Ed. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoi literatury. Vol. 33. 434 p.

Livshin, A. Ya., Orlov, I. B. (Eds.). (1998). *Pis'ma vo vlast'. 1917–1927. Zayavleniya, zhaloby, donosy, pis'ma v gosudarstvennye struktury i bol'shevistskim vozhdyam* [Letters to Power. 1917–1927. Statements, Complaints, Denunciations, Letters to State Structures and Bolshevik Leaders]. Moscow, ROSSPEN. 664 p.

Novyi satirikon [Novyi Satirikon]. (1917). No. 15, 18, 21, 24, 28, 38, 39, 40, 45. (1918). No. 13.

Paléologue, M. (2003). *Dnevnik posla* [The Ambassador's Diary]. Moscow, Zakharov. 864 p.

Pravda [Pravda]. (1917). 7, 8, 15 April. 1, 3, 4, 10, 12, 25, 28 May.

Pugach [Pugach]. (1917). No. 6, 8, 13, 14, 16, 20.

Reden, N. (2006). *Skvoz' ad russkoi revolyutsii. Vospominaniya gardemarina. 1914–1919* [Through the Hell of the Russian Revolution. Memoirs of the Garde-Marine. 1914–1919]. Moscow, Tsentrpoligraf. 287 p.

Rogoznyi, P. G. (2018). *Pravoslavnnaya tserkov' i russkaya revolyutsiya. Ocherki istorii. 1917–1920* [The Orthodox Church and the Russian Revolution. Essays on History. 1917–1920]. Moscow, Ves' mir. 304 p.

Rossomakhin, A. (2017). Progermanskii Iuda [Pro-German Judas]. In *Istoriik*. No. 7–8, pp. 70–73.

Senyavskaya, E. S. (2006). *Protivniki Rossii v voynakh XX veka: evolyutsiya "obraza vraga" v soznanii armii i obshchestva* [Opponents of Russia in the Wars of the 20th Century: The Evolution of the "Enemy Image" in the Minds of the Army and Society]. Moscow, ROSSPEN. 288 p.

Signal [Signal]. (1917). 13 November.

Sorokin, P. A. (1992). *Dal'nyaya doroga. Avtobiografiya* [The Long Way. Autobiography]. Moscow, Terra. 304 p.

Strekoza [Strekoza]. (1917). No. 25, 26, 28, 30, 32, 41, 48.

Tarabukina, A. V. (2000). *Fol'klor i kul'tura pritserkovnogo kruga* [Folklore and Culture of the Church Circle]. Diss. ... kand. filol. nauk. St Petersburg, S. n. 222 p.

Utro Rossii [Utro Rossii]. (1918). 16 January.

Veчерnee vremya [Veчерnee Vremya]. (1917). 25 August.

The article was submitted on 14.01.2020

ЗОДЧИЙ И РЕВОЛЮЦИЯ: АРХИТЕКТУРНАЯ ЖИЗНЬ РОССИИ В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН*

**Илья Печенкин
Юлия Старостенко
Анна Вяземцева**

Научно-исследовательский институт
теории и истории архитектуры и градостроительства,
Москва, Россия

THE ARCHITECT AND THE REVOLUTION: ARCHITECTURAL LIFE IN RUSSIA IN TIMES OF CHANGE**

**Ilya Pechenkin
Yulia Starostenko
Anna Vyazemtseva**

Scientific Research Institute of Theory and History
of Architecture and Urban Planning,
Moscow, Russia

When describing the history of twentieth-century Russian architecture, it is common to separate (and even oppose) the pre-revolutionary decades and the early Soviet period of the 1920s. Thus, the revolutionary months of 1917 proper have been completely overlooked by researchers as unworthy and capable of shaking the existing historiographical model. Such an approach, dictated by ideological considerations, is no longer justified today and requires revision. The study of periodicals of the second half of the 1910s and archival materials, a great number of which have not been introduced into academic circulation, convince us that the years of the

---

* Исследование выполнено за счет средств Государственной программы Российской Федерации «Развитие науки и технологий» на 2013–2020 гг. в рамках плана фундаментальных научных исследований Минстроя России и РААСН, тема 1.2.31.

** *Citation:* Pechenkin, I., Starostenko, Yu., Vyazemtseva, A. (2020). The Architect and the Revolution: Architectural Life in Russia in Times of Change. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 2. P. 473–487. DOI 10.15826/qr.2020.2.475.

Цитирование: Pechenkin I., Starostenko Yu., Vyazemtseva A. The Architect and the Revolution: Architectural Life in Russia in Times of Change // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 2. P. 473–487. DOI 10.15826/qr.2020.2.475 / Печенкин И., Старостенко Ю., Вяземцева А. Зодчий и революция: архитектурная жизнь России в эпоху перемен // *Quaestio Rossica*. Т. 8. 2020. № 2. С. 473–487. DOI 10.15826/qr.2020.2.475.

First World War and the revolution were marked by significant changes in the minds of architects. Many things which had previously seemed fundamental for the collective identity of architects became subject to problematisation, and aesthetic categories were replaced by political criteria in the professional press. The architectural process started to be described by its participants in terms of struggle, while the self-identification of members of the architectural corporation lay between the search for survival tactics and taking part in the transformation of the country's inner life. The novelty of the data presented in this article is due to the virtual absence of special studies devoted to this extremely important period in twentieth-century Russian architectural history.

Keywords: architecture and town-planning in 20th century Russia; Russian revolution; First World War; professional communities; Imperial Academy of Art.

В истории российской архитектуры XX в. сложилась устойчивая традиция разделять и противопоставлять дореволюционные десятилетия и ранний советский период 1920-х гг. В результате революционные месяцы 1917 г. выпадали из поля зрения исследователей как не заслуживающие внимания и вызывающие сомнения в описанной историографической модели. Такой подход, продиктованный идеологическими соображениями, не является оправданным и требует пересмотра. Изучение периодики второй половины 1910-х гг., а также архивных материалов, существенная часть которых до сего времени не была введена в научный оборот, убеждают, что годы Первой мировой войны и революции были отмечены значительными сдвигами в сознании архитекторов. Проблематизации подверглись многие понятия, казавшиеся прежде фундаментальными для корпоративной идентичности зодчих, на смену преобладавшим в риторике профессиональных изданий эстетическим категориям пришли критерии политического рода. Архитектурный процесс стал описываться его участниками в терминах борьбы, а варианты самоидентификации для представителей архитектурного цеха в революционную эпоху простирались от поисков тактики выживания до решительного включения в работу по переустройству внутренней жизни страны. Новизна представленного в статье материала обусловлена практически полным отсутствием в историографии специальных исследований, посвященных этому короткому, но чрезвычайно важному для понимания судеб отечественной культуры начала XX в. периоду.

Ключевые слова: архитектура и градостроительство в России в начале XX в.; Русская революция; Первая мировая война; профессиональные объединения; Императорская Академия художеств.

Одной из существенных проблем исторического архитектуроведения применительно к материалу первой четверти прошлого века является установка на обособленное рассмотрение дореволюционной и советской эпохи. Весьма показательна в этом отношении статья Ф. Ф. Надъярных (1964 г.) о состоянии архитектурной школы России накануне революции [Надъярных]. Фундаментальным для статьи был тезис о глубоком противоречии между прогрессивностью зодчих и реакционными взглядами на архитектуру правящих классов.

И хотя идеологическая заданность в научных суждениях – дело прошлого, концепция разделения истории архитектуры на до и после революции 1917 г. по-прежнему находила отражение в трудах крупнейших специалистов [Борисова, Каждан; Кириченко; Градостроительство России; Хазанова]. В качестве редкого исключения стоит назвать статью А. А. Стригалева, который впервые обратил внимание на своеобразие периода Первой мировой войны как «подготовительного» для начала советской эпохи истории искусства и архитектуры [Стригалева]. Рассматривая ситуацию августа 1914 – октября 1917 г., исследователь уделил внимание событиям революционных месяцев, хотя принцип жесткого отделения советского от дореволюционного остался. Показательна попытка преодоления этого разрыва в монографии М. Г. Мееровича, посвященной отечественной градостроительной политике 1917–1929 г. [Меерович]. Но наиболее продуктивными для идеи о непрерывности истории отечественной архитектуры первой половины XX в. стоит считать исследования творчества конкретных зодчих, в карьере которых объединились дореволюционный и ранний советский периоды (см. работы В. Г. Лисовского).

Западные исследователи архитектуры XX в., обращаясь к материалу России – СССР, редко анализируют дореволюционный опыт, и в весьма специфическом ракурсе. Как правило, основное внимание уделяется авангардным проявлениям в изобразительном искусстве 1910-х гг., создавшим предпосылки для формирования советского архитектурного авангарда (или советской версии межвоенного архитектурного модернизма) [см., например: De Feo; Colquhoun]. Исключениями являются работа Ф. Даль Ко и М. Тафури [Tafuri, Dal Co], а также отчасти коллективная монография «Градостроительство в тени Сталина» [Градостроительство в тени Сталина]. Однако в целом архитектурно-градостроительная проблематика, начиная с проектов 1920-х гг., освещается вне связи с дореволюционной ситуацией, реалиями войны или событиями февраля-октября 1917 г. [World architecture 1900–2000]. Такое умолчание в зарубежной научной литературе восходит к ситуации конца 1910-х гг., когда культурная коммуникация между странами была затруднена обстоятельствами военного времени, а профессиональная периодика была занята проблемой военных разрушений и восстановления городов. После разрыва дипотношений, связанного с приходом к власти большевиков и продлившегося много лет, западный наблюдатель (а вслед за ним

и западные исследователи следующих поколений) и вовсе потеряли из вида события, происходившие в русской художественной жизни на острие исторического перелома¹.

Представление европейцев о современном русском искусстве как о своеобразной смеси архаики и новаторства было сформировано в начале XX в. «Русскими сезонами», музыкой И. Ф. Стравинского, искусством Н. Н. Гончаровой, О. В. Розановой, А. П. Архипенко, Н. К. Рериха, Л. С. Бакста, активно выставлявшихся в западных галереях; наконец, экзотическим «русским стилем» павильонов Российской империи на международных выставках (последним стал павильон, выстроенный в 1914 г. для Венецианской биеннале по проекту А. В. Щусева). Но о новом «пролетарском» или «революционном» искусстве и архитектуре на Западе начали писать только после 1920 г. Первой монографией о «новом искусстве в России» стала книга К. Уманского [Umanskij]. За публикацией последовала *Russische Ausstellung* в Берлине 1922 г., крупная экспозиция на Венецианской биеннале 1924 г., впечатлившая зарубежного зрителя [Paladini], после нее состоялось и триумфальное участие в парижской Выставке декоративных искусств 1925 г., на которой прогремел советский павильон К. С. Мельникова, заложивший основу своего рода мифа «архитектуры русского авангарда» на Западе.

Иные причины обусловили появление аналогичной лакуны в трудах отечественных авторов, занимавшихся темой становления «советской культуры». Почти все они также обходили вниманием период двоевластия, фокусируясь на событиях октября-декабря 1917 г. [см., например: Из истории строительства советской культуры; Великая Октябрьская социалистическая революция и становление советской культуры]. Исключениями стали вышедшие в 1980-х гг. работы В. П. Лапшина и О. Н. Знаменского, хотя архитектура и архитекторы ими упоминаются сугубо вскользь [Лапшин; Знаменский]. Знаменский, впрочем, позволяет читателю увидеть причину такого «заговора молчания», когда цитирует слова архитектора О. Р. Мунца, который «в программной статье (“Архитектурно-художественного

---

¹ В начале 1920-х гг. встречались публикации о «современной» архитектуре в России, написанные на дореволюционном материале. Так, в 1921 г. Марчелло Пьячентини в журнале «Architettura e arti decorative» в своей статье о международной архитектуре посвятил несколько абзацев России. Внимание Пьячентини привлекла «деревенская» архитектура, «которая невероятно свежа и заставляет нас думать о том, как могли бы строить мы наши церкви и виллы» (здесь и далее пер. с ит. А. Г. Вяземцевой) [Piacentini, p. 43]; автор привел в пример церковь в Натальевке Щусева (1908–1913). В той же статье Пьячентини отметил и неоклассическую тенденцию в русской архитектуре, назвав ее «классикой третьей варки», за исключением «некоторых гениальных мастеров, сумевших освободиться от такой риторики, оставаясь на территории классики, как архитектор Шреттер в его Петроградских банях». На самом деле Пьячентини имел в виду грязелечебницу в Ессентуки, построенную по проекту Е. Ф. Шреттера в 1913–1915 гг. Напомним, что незадолго до начала войны в Венеции был открыт павильон России по проекту А. В. Щусева в неорусском стиле (1913), а неоклассические павильоны на Всемирной выставке в Италии в Турине и Риме 1911 г. были спроектированы В. А. Шуко и были, безусловно, известны Пьячентини.

еженедельника”. – И. П., Ю. С., А. В.) “Заря свободы и вечное искусство” писал, что до революции архитекторы “почти не испытывали, надо иметь смелость сознаться”, гнета самодержавия, как художники» [Знаменский, с. 98]. Иными словами, архитекторы, зачастую связанные заказами с высшими слоями общества, были общественной группой, заинтересованной в стабильности и сохранении прежнего режима больше, чем в радикальных переменах.

Переоценка ценностей

Для понимания ситуации, в которой оказалось архитектурное сообщество к февралю 1917-го, следует учитывать опыт нескольких военных лет. В 1915 г. в Петербурге должен был пройти X Международный архитектурный конгресс. По понятным причинам он не состоялся, да и столичного города с таким названием уже не было на карте. Состоявшемуся в Москве в 1913 г. V Съезду русских зодчих было суждено оказаться последним; его труды так и не были опубликованы. Похожая участь ждала и многие архитектурно-градостроительные замыслы. Например, было заморожено строительство квартала «Новый Петербург» по проекту И. А. Фомина и Ф. И. Лидваля, инициированное итальянским промышленником Риккардо Гуалино, опиравшимся на английский капитал. После октября 1917 г. стройка была национализирована, а Гуалино даже в 1931 г. не мог смириться с этой потерей:

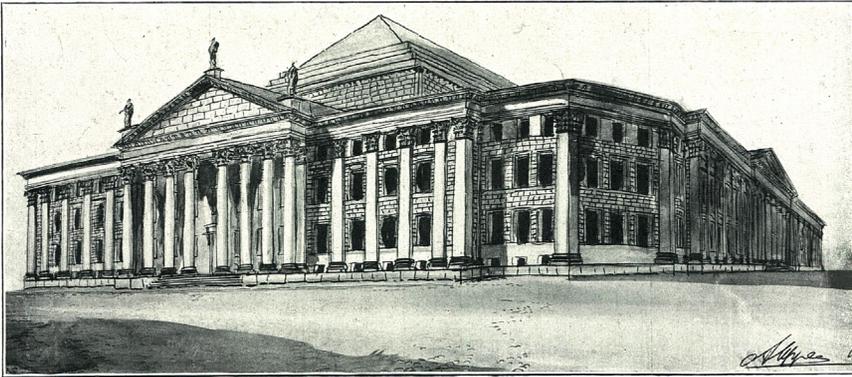
Мой грандиозный проект возвести на пустынных землях новый современный город с широкими набережными и улицами, полными зелени, моя надежда дать новый импульс всему столичному строительству сегодня похоронены, уничтожены ненавистной кражей. «Новый Петербург» живет в моем сознании и в моем сердце как сон, прерванный пробуждением, как память о несправедливости судьбы [Gualino, p. 48]².

Аналогично сложилась судьба проекта по переустройству Тучкова буяна (авторы О. Р. Мунц, М. Х. Дубинский, И. А. Фомин) [см. подробнее: Басс, с. 145–283] и нового здания Николаевского вокзала (арх. В. А. Щуко) в Петербурге, по расширению здания Коммерческого института в Москве (арх. А. В. Щусев) [Печенкин, с. 212–215] и многочисленных проектов «городов-садов», концепция которых была чрезвычайно популярна в России 1910-х гг.

Имели место попытки интерпретировать обстоятельства войны как благоприятные для развития отечественной архитектуры. «Война отрезала нас от Запада, – писал И. А. Фомин в начале 1915 г., – естественно поэтому и правильно твердое решение русского общества

---

² Когда в 1919 г. в условиях послереволюционной разрухи И. А. Фомин возглавил Архитектурно-планировочную мастерскую Совета по урегулированию плана Петрограда и его окраин при Совете коммунального хозяйства Петрограда, он не возвратился к проекту «Нового Петербурга», ограничившись лишь завершением начатых зданий.

А. В. Щусев. Проект здания Коммерческого института в Москве // Ежегодник Общества архитекторов-художников. 1914–1916

A. V. Shchusev. Project of the building of the Commercial Institute in Moscow // *Ezhegodnik obshchestva arkhitektorov-khudozhnikov*. 1914–1916

заняться благоустройством существующих наших курортов и устройством новых» [Фомин, с. 378]. «Освобождение» от обременительного германского влияния стало лейтмотивом публикаций в профессиональной прессе этих лет. Знарок петербургской старины В. Я. Курбатов сетовал на пагубность чрезмерного доверия немецким источникам в сфере истории искусства [Курбатов, с. 250], архитектор Г. Е. Гинц вскрывал варварскую природу и художественную ничтожность модерна (порождения германского вкуса) [Гинц, с. 261], а харьковский гражданский инженер А. М. Гинзбург рассказывал о том, насколько подчиненной оказалась отечественная строительная практика германским производителям материалов и оборудования [Гинзбург]. Эти здравые рассуждения хорошо вписывались в русло патриотической пропаганды, одной из тем которой стал вандализм противника в отношении памятников культуры и искусства. Разрушения, причиненные германцами осенью 1914 г. в Реймсе и Лувене, активно обсуждались на страницах российских архитектурных изданий и были осуждены в официальном заявлении Императорской Академии художеств (далее – ИАХ) [В Императорской академии художеств].

На этом фоне обострилось внимание к собственному архитектурному достоянию, понимавшемуся не только как конкретные памятники, но и как самобытная строительная традиция. В марте 1915 г. под непосредственным покровительством Николая II было учреждено «Общество возрождения художественной Руси», преследовавшее цель «освободиться от влияний последнего времени на окружающую повседневную обстановку домашней жизни, полную попыток отразить образцы иностранного искусства» [Хроника, 1915, с. 35]. Зримое выражение это направление мысли получило в первую очередь в постройках Царского Села, таких как Государева Ратная палата,

в которой разместился Музей текущей войны (арх. С. Ю. Сидорчук, 1913–1917), или казармы собственного его императорского величества конвоя (арх. В. Н. Максимов, 1915–1916).

Однако неблагоприятное для России развитие событий на фронте в 1915 г. существенно повлияло на бытовые реалии. Год спустя ввиду подорожания материалов и дефицита рабочих рук было полностью свернуто возведение построек, не связанных с государственной необходимостью [Литовский, с. 126]. Пострадала и архитектурная школа. Например, в Высшем художественном училище при Академии художеств (ВХУ ИАХ) из-за необходимости экономить топливо и параллельной занятости учащихся на различных военно-инженерных курсах работа в проектных мастерских была ограничена светлым временем суток, сроки выполнения учебных проектов были продлены, а сами задания подверглись упрощению [РГИА. Ф. 789. Оп. 33. Д. 37. Л. 197, 223, 224, 225]³. В апреле 1917 г. выяснилось, что некоторые из оканчивающих курс ВХУ несут обязанности городских милиционеров, ввиду чего занятия идут «не вполне нормально». В итоге срок представления работ на соискание звания художника-архитектора был перенесен с мая на конец октября [РГИА. Ф. 789. Оп. 33. Д. 38. Л. 103].

Лишние люди?

Хотя в годы Первой мировой войны из России эмигрировали многие представители творческой интеллигенции, архитекторов среди них было немного. Зодчие станут уезжать главным образом уже после Октябрьской революции⁴. Большинство же из них, включая уехавшего на историческую родину шведского подданного Лидваля, не сумели успешно продолжить карьеру за границей, получая только единичные заказы. Некоторые вообще не имели возможности строить и занимались живописью, графикой или историей архитектуры. Очевидно, что архитекторы, осознавая специфику своей профессии, а также отдавая себе отчет в не самых благоприятных условиях послевоенного будущего, искренне рассчитывали на возможность продолжения деятельности в России. Александр Белобородов, например, в декабре 1916 г. закончил реконструкцию апартаментов Феликса Юсупова и его супруги Ирины Александровны Романовой (именно в них вскоре был убит Григорий Распутин) и едва ли мог предполагать катастрофические следствия крушения монархии. Ведь и сами Юсуповы покинули Россию лишь после октября 1917 г.

³ С 1915 г., например, стало необязательным представлять вид бокового фасада и отмывку детали, что не могло не отразиться на результатах обучения.

⁴ В списке фамилий указываем год эмиграции: Л. М. Браиловский (1918), Ф. И. Лидваль (1918), А. Я. Белобородов (1919), Г. К. Лукомский (1920), Альберт Н. Бернау (1924), М. Х. Дубинский (1918?), Н. И. Исцеленов (1920), Н. П. Краснов (1919). С. В. Ноаковский (1918), М. С. Лялевич (1918), А. И. Владовский (1918) связали дальнейшую судьбу с получившими независимость окраинами бывшей империи (двое первых – с Польшей, последний – с Эстонией).

В Российской империи начала XX в. действовали серьезные ограничения на прием в высшие учебные заведения представителей ряда социальных групп, в частности, женщин и евреев. Кроме того, было распространено мнение об отсталости отечественного художественного и архитектурного образования. Эти факторы в совокупности с угрозой очутиться в действующей армии делали для многих желанной учебу за рубежом. Именно по такому пути шел Б. М. Иофан, будущий автор утвержденного проекта Дворца Советов в Москве и одна из центральных фигур сталинской архитектуры [Коньшева].

В 1916 г. он закончил Институт архитектуры при Академии художеств в Риме (в котором учился начиная с 1914 г.) и начал сблизиться с русской диаспорой [Patti, p. 26–79]. В разгар революционных потрясений, случившихся в России, Иофан принял участие в выставке «Художников и любителей» при читальне Гоголя с серией работ, которая включала небольшой офорт, изображавший интерьер Пантеона [Esposizione artisti ed amatori russi residenti a Roma, № 46–52]. В той же выставке участвовали Н. Н. Гончарова и М. Ф. Ларионов во время работы над декорациями для дягилевских балетов. Локализация в 1917 г. в Риме европейских художников, в том числе и выходцев из России, произошла по причине удаленности итальянской столицы от театра военных действий. Как вспоминала скульптор Екатерина Барянская, в Риме «едва ли можно было вспомнить, что за его пределами шла война» [Barjansky, p. 43].

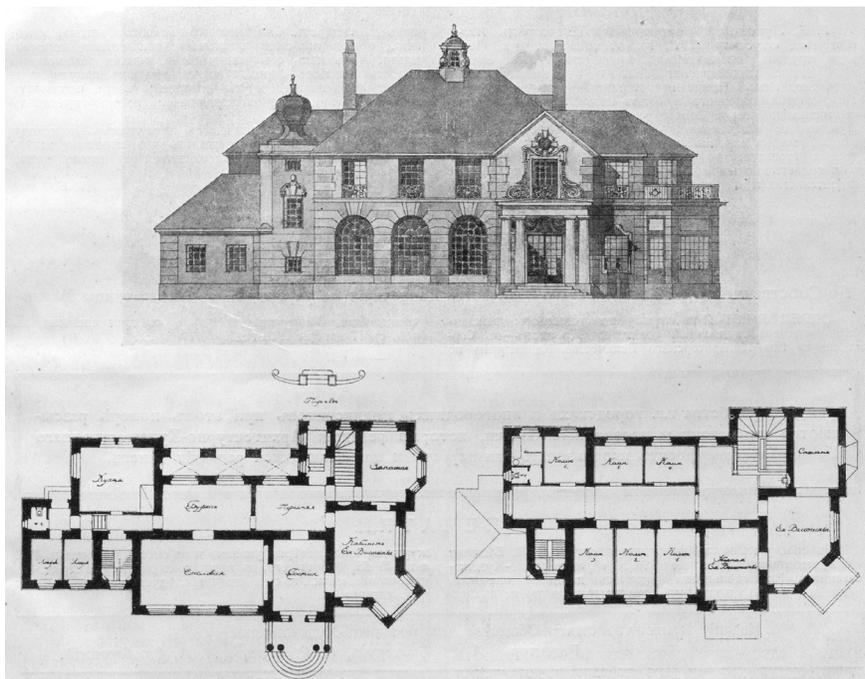
«Заря свободы»

Надежды А. Я. Белобородова сохранить положение любимого зодчего элиты в новых социально-политических реалиях были не такими беспочвенными: некоторые протагонисты архитектуры 1910-х гг. даже заняли после февраля 1917-го государственные должности при новом правительстве. Все они были сметены следующей революционной волной всего через несколько месяцев. Показателен пример А. И. Таманова, который занял при Временном правительстве и занимал вплоть до начала 1918 г. должность комиссара Академии художеств (равную позиции вице-президента). Высокий пост, впрочем, не был удовлетворительной компенсацией разрушенной карьеры придворного зодчего, перспектива которой забрезжила перед ним накануне крушения старого режима в виде великокняжеских заказов. Состоявший в родстве с Тамановым Александр Бенуа записал в начале марта 1917-го:

Но вообще он заметно подавлен событиями, которые лично для него едва ли представляются желательными. Едва человек успел вступить на первые ступени той лестницы, которая вознесла бы его до положения какого-то русского Мансара, а тут все вокруг полетело к черту [Бенуа, с. 128]⁵.

---

⁵ Очевидно, Бенуа намекает на назначение Таманова в 1916 г. в Технический комитет при Кабинете его величества и на начатую им работу над проектом усадебного дома для великой княгини Ольги Александровны, которую ему было не суждено завершить.

А. И. Таманов. Проект дома в усадьбе великой княгини Ольги Александровны в Воронежской губернии // Архитектурно-художественный еженедельник. № 52. 1916. 28 дек.

A. I. Tamanov. Project of the estate house of Grand Duchess Olga Alexandrovna in Voronezh Province // *Arkhitekturno-khudozhestvennyi ezhenedel'nik*. No. 52. Dec., 28. 1916

Сам Александр Николаевич в те же дни выступил с идеей учреждения «самостоятельного ведомства изящных искусств» и энергично принялся за ее воплощение. По слухам, распространившимся в Петрограде почти сразу после известия об отречении Николая II, новое ведомство должно было появиться в результате преобразования Министерства императорского двора, в подчинении которого находилась ИАХ [Охрана художественных ценностей]. На пике «la belle époque» вообще была популярна мысль о необходимости возвести заботу о прекрасном на уровень государственной политики. В частности, в качестве одной из резолюций VIII Международного архитектурного конгресса, прошедшего в Вене в 1908 г., значилось следующее:

Правительствам настоятельно предлагается учредить особые министерства изящных искусств или, по крайней мере, особые отделения (sections), специально ведающие интересы искусства. В состав таких министерств или отделений входят наиболее выдающиеся художники. Так как архитектуру нужно рассматривать как объединение всех изящных искусств, то архитекторы должны быть представлены в министерстве или отделении в наибольшем числе [цит. по: Доклад председателя, с. 38].

Именно А. Н. Бенуа оставался одним из тех, кто продолжал настаивать на выделении художественного в особую сферу, автономную от политических соображений. Он возглавил комиссию, призванную детально разработать проект будущего министерства и определившую необходимость создания семи комиссий по отраслям искусства [Хроника, 1917а; Лапшин, с. 87]. В комиссию по архитектуре вошли люди одного круга – состоявшие в ОАХ выпускники мастерской Л. Н. Бенуа в ВХУ ИАХ В. А. Покровский, И. А. Фомин, А. И. Таманов (Таманян), а также В. Я. Курбатов [Хроника, 1917б]. Примечательно, что среди тех персон, привлечение которых к работе в новом министерстве А. Н. Бенуа посчитал нежелательным, числился А. В. Щусев [Лапшин, с. 88]. Большую работу выполняла «Комиссия Горького», в центре внимания которой находилась в первую очередь судьба «брошенных дворцов, представляющих художественную ценность, и прежде всего имущества, находящегося в этих дворцах» [Там же]. В эти дни М. Горькому удалось консолидировать вокруг себя едва ли не все представительные художественные силы. Наряду с литераторами, музыкантами и живописцами, в состав комиссии был включен архитектор И. А. Фомин⁶. Уже 5 марта (даты приводятся по старому стилю) в результате беседы членов комиссии с министрами Временного правительства и комиссаром по делам искусства Н. Н. Львовым был образован комиссариат для охраны художественных ценностей, известный впоследствии как Особое совещание по делам искусств [Охрана художественных ценностей]. В его состав вошел также Г. К. Лукомский, сотрудничавший впоследствии во Всероссийской коллегии по делам музеев, а с мая возглавивший Царскосельскую художественно-историческую комиссию, которая вела работы по описи и реставрации памятников Царского Села, занималась каталогизацией художественных предметов, принадлежавших императорской семье.

В подобных околоправительственных органах архитекторы были востребованы прежде всего как эксперты в вопросах сохранения и спасения художественного наследия. К марту 1917 г. относится эпизод, хорошо показывающий двусмысленность положения архитекторов в революционном Петрограде. Городской совет постановил провести 10 марта «всенародные общегражданские» похороны жертв февральских событий на Дворцовой площади. А. Н. Бенуа записал в дневнике:

И снова тревога, так как, по слухам, хоронить «жертв революции» собираются на площади Зимнего дворца, где со временем предполагается соорудить грандиозный памятник. <...> Тут является и опасность, как бы стотысячная толпа, которую привлечет погребальное шествие, под влиянием каких-либо шальных демагогов не ринулась бы на самый дворец и заодно на Эрмитаж! [Бенуа, с. 144].

---

⁶ Сведения о персональном составе комиссии довольно противоречивы. Согласно некоторым источникам, помимо И. А. Фомина, в ней заседал архитектор В. А. Щуко [Лапшин, с. 74; Знаменский, с. 181].

Делу был дан ход, армейские саперы уже начали исследование почвы на месте планируемого захоронения и памятников, коих предполагалось установить целых два симметрично напротив главного фасада Адмиралтейства: один – посвященный жертвам революции, и другой – декабристам [Доклад комиссии, с. 75]. Группе зодчих и историков Петербурга-Петрограда, объединившихся вокруг ОАХ, только при поддержке М. Горького удалось убедить рабочих и солдатских депутатов в целесообразности перенести кладбище на территорию Марсова поля, где оно и было открыто 23 марта [Измозик, Лебина, с. 76–77]. Разумеется, это было компромиссное решение в пользу «меньшего из зол».

* * *

В ракурсе истории архитектуры и архитектурной жизни России события революционного 1917 г. неразрывно связаны с Первой мировой войной. Период февраля-октября 1917 г. имел свои особенности. Во-первых, происходила политизация профессионального дискурса фактически безо всякого давления со стороны власти. Во-вторых, война поколебала представление о непреходящей ценности архитектурного академизма, школа была вынуждена считаться с вызовами текущего дня. В-третьих, актуализировались вопросы профессиональной самоорганизации зодчих ввиду ужесточения условий работы и падения объемов строительства. Все эти факторы формировали новую идентичность русских зодчих, которые, несмотря на известную замкнутость своей корпорации, оказались ввергнутыми в бурную деятельность по переустройству страны после февраля 1917 г. Индивидуальные сценарии поведения в этих условиях могли быть разными, но наиболее амбициозные и удачливые представители поколения, ступившего на профессиональное поприще в 1900-е гг., постарались вписаться во вновь выстраиваемую управленческую иерархию посредством коллаборации с Временным правительством либо через активное участие в строительстве новых общественных организаций.

Список литературы

Басс В. Г. Петербургская неоклассическая архитектура 1900–1910-х годов в зеркале конкурсов: слово и форма. СПб. : Изд-во ЕУСПб, 2010. 486 с.

Бенуа А. Н. Дневник. 1916–1918. 3-е изд. М. : Захаров, 2016. 736 с.

Борисова Е. А., Каждан Т. П. Русская архитектура конца XIX – начала XX века. М. : Наука, 1971. 240 с.

В Императорской Академии художеств // Архитектурно-художественный еженедельник. 1914. № 30. С. 275.

Великая Октябрьская социалистическая революция и становление советской культуры, 1917–1927 / под ред. М. П. Кима. М. : Наука, 1985. 526 с.

Гинзбург А. Роль Германии в русской строительной промышленности // Зодчий. 1915. № 16. С. 155–159.

Гинц Г. Война и архитектура // Архитектурно-художественный еженедельник. 1914. № 28. С. 261.

Градостроительство в тени Сталина : Мир в поисках социалистического города в СССР, 1926–1935 / сост. Х. Боденшатц, К. Пост. Берлин : Verlagshaus Braun, 2015. 415 с.

Градостроительство России середины XIX – начала XX века : в 3 т. / под ред. Е. И. Кириченко. М. : Прогресс – Традиция, 2001. Т. 1. Общая характеристика и теоретические проблемы. 340 с.

Доклад комиссии по устройству братской могилы жертв революции // Архитектурно-художественный еженедельник. 1917. № 10–14. С. 75–76.

Доклад председателя Моск[овского] Архитектурного О[бществ]а академика Ф. О. Шехтеля о поездке его на VIII международный конгресс архитекторов в Вене // Записки Московского архитектурного общества. 1909. Т. 2. № 3. С. 37–40.

Знаменский О. Н. Интеллигенция накануне Великого Октября (февраль–октябрь 1917 г.). Л. : Наука, 1988. 349 с.

Из истории строительства советской культуры. Москва, 1917–1918 : документы и воспоминания / сост., общ. ред. и предисл. В. Н. Кучина. М. : Искусство, 1964. 384 с.

Измозик В. С., Лебина Н. Б. Петербург советский: «новый человек» в старом пространстве. 1920–1930-е годы. СПб. : Крига, 2010. 248 с.

Кириченко Е. И. Русская архитектура 1830–1910-х годов. М. : Искусство, 1978. 400 с.

Коньшиева Е. «Комплекс превосходства»: павильон СССР на Всемирной выставке в Париже и советская культурная дипломатия // *Quaestio Rossica*. Т. 6. 2018. № 1. С. 161–182. DOI 10.15826/qr.2018.1.289.

Курбатов В. Лувен // Архитектурно-художественный еженедельник. 1914. № 23. С. 250.

Лапшин В. П. Художественная жизнь Москвы и Петрограда в 1917 году. М. : Сов. художник, 1983. 495 с.

Литовский И. М. Строительство казарменно-жилищного фонда и объектов социальной инфраструктуры для русской армии в России (1882–1917 гг.). Исторический опыт : дис. ... канд. ист. наук. М. : [Б. и.], 2009. 256 с.

Меерович М. Г. Градостроительная политика в СССР, 1917–1929 : От города-сада к ведомственному рабочему поселку. М. : Новое лит. обозрение, 2017. 347 с.

Надъярных Ф. Ф. Русская архитектурная школа накануне Великой Октябрьской социалистической революции // Исследования по истории архитектуры и градостроительства. М. : Моск. арх. ин-т, 1964. С. 245–282.

Охрана художественных ценностей // Речь. 1917. № 56. 7 марта. С. 2.

Печенкин И. Е. Здание Коммерческого института в Москве : К истории отечественной неоклассики начала XX века // Архитектурное наследие. Вып. 67. СПб. : Коло, 2017. С. 202–217.

РГИА. Ф. 789. Оп. 33. Д. 37, 38.

Стригалева А. А. Специфические черты архитектуры России в период между началом Первой мировой войны и Октябрьской революцией // Проблемы истории советской архитектуры (исторические предпосылки и начальный этап развития) : сб. науч. тр. / под ред. А. А. Стригалева. М. : ЦНИИТИА, 1985. С. 6–30.

Фомин И. Роль архитектора в деле устройства русских курортов // Архитектурно-художественный еженедельник. 1915. № 41. С. 378.

Хазанова В. Э. Советская архитектура первых лет Октября, 1917–1925. М. : Наука, 1970. 214 с.

Хроника // Архитектурно-художественный еженедельник. 1915. № 3. С. 35.

Хроника // Речь. 1917а. № 58. 9 марта. С. 7.

Хроника // Речь. 1917б. № 61. 12 марта. С. 6.

Varjansky C. Portraits with Backgrounds. N. Y. : Macmillan Company, 1947. 223 p.

Colquhoun A. Modern Architecture. Oxford : Oxford Paperbacks, 2002. 288 p.

De Feo V. URSS. Architettura 1917–1936. Roma : Riuniti, 1963. 186 p.

Esposizione artisti ed amatori russi residenti a Roma : catalogo della Mostra (Roma, Biblioteca Gogol', marzo 1917). Roma : [S. n.], 1917. S. p.

Gualino R. Frammenti di vita. Milano : Mondadori, 1931. 236 p.

Paladini V. Arte nella Russia dei Soviets. Il padiglione dell'U. R. S. S. a Venezia. Roma : La bilancia, 1925. 38 p.

Patti F. Boris Iofan (1891–1976). Dagli anni romani all'ascesa professionale in Unione Sovietica. Politecnico di Torino ; Politecnico di Milano, 2009. 377 p.

Piacentini M. Il momento architettonico all'estero // Architettura e arti decorativi. 1921. A. 1. № 1. P. 32–76.

Tafuri M., Dal Co F. Architettura contemporanea. Milano : Electa, 1976. 426 p.

Umanskij K. Neue Kunst in Russland. 1914–1919. Potsdam : Gustav Kiepenheuer ; München : Hans Goltz, 1920. 31 p.

World Architecture 1900–2000 : A Critical Mosaic. Vol. 7. Russia – USSR – CIS. / ed. by K. Frampton, Yu. Gnedovsky. Wien ; N. Y. : Springer, 1999. 251 p.

References

Barjansky, C. (1947). *Portraits with Backgrounds*. N. Y., Macmillan Company. 223 p.

Bass, V. G. (2010). *Peterburgskaya neoklassicheskaya arkhitektura 1900–1910-kh godov v zerkale konkursov: slovo i forma* [St Petersburg Neoclassical Architecture of the 1900s and 1910s as Reflected in the Mirror of Architectural Competitions: Word and Form]. St Petersburg, Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge. 486 p.

Benois, A. N. (2016). *Dnevnik. 1916–1918* [A Diary, 1916–1918]. 3rd Ed. Moscow, Zakharov. 736 p.

Bodenschatz, H., Post, C. (Eds.). (2015). *Gradostroitel'stvo v teni Stalina. Mir v poiskakh sotsialisticheskogo goroda v SSSR, 1926–1935* [Town Planning in Stalin's Shadow. The World Seeking a Socialist Town in USSR, 1926–1935]. Berlin, Verlagshaus Braun. 415 p.

Borisova, E. A., Kazhdan, T. P. (1971). *Russkaya arkhitektura kontsa XIX – nachala XX veka* [Russian Architecture between the Late 19th and Early 20th Centuries]. Moscow, Nauka. 240 p.

Colquhoun, A. (2002). *Modern Architecture*. Oxford, Oxford Paperbacks. 288 p.

De Feo, V. (1963). *URSS. Architettura 1917–1936*. Roma, Riuniti. 186 p.

Doklad komissii po ustroistvu bratskoi mogily zhertv revolyutsii [Report of the Commission for the Organisation of a Common Grave for Revolution Victims]. (1917). In *Arkhitekturno-khudozhestvennyi ezhenedel'nik*. No 10–14, pp. 75–76.

Doklad predsedatelya Mosk[ovskogo] Arkhitekturnogo O[bshchest]va akademika F. O. Shekhtelya o poezdke ego na VIII mezhdunarodnyi kongress arkhitektorov v Vene [A Report by the Chairman of the Moscow Architectural Union of Academician F. O. Schekhtel about His Trip to 8th International Congress of Architects in Vienna]. (1909). In *Zapiski Moskovskogo arkhitekturnogo obshchestva*. Vol. 2, No. 3, pp. 37–40.

Esposizione artisti ed amatori russi residenti a Roma. *Catalogo della Mostra (Roma, Biblioteca Gogol', marzo 1917)*. (1917). Roma, S. n. S. p.

Fomin, I. (1915) Rol' arkhitekora v dele ustroistva russkikh kurortov [The Architect's Role in the Establishment of Russian Resorts]. In *Arkhitekturno-khudozhestvennyi ezhenedel'nik*. No. 41, p. 378.

Frampton, K., Gnedovsky, Yu. P. (Eds.). (1999). *World Architecture 1900–2000. A Critical Mosaic. Vol. 7. Russia – USSR -- CIS*. Wien, N. Y., Springer. 251 p.

Ginz, G. (1914). Voina i arkhitektura [War and Architecture]. In *Arkhitekturno-khudozhestvennyi ezhenedel'nik*. No. 28, p. 261.

Ginzburg, A. (1915). Rol' Germanii v russkoi stroitel'noi promyshlennosti [The Role of Germany in the Russian Building Industry]. In *Zodchii*. No 16, pp. 155–159.

Gualino, R. (1931). *Frammenti di vita*. Milano, Mondadori. 236 p.

Izmozik, V. S., Leбина, N. B. (2010). *Peterburg sovetskii: "novyi chelovek" v starom prostranstve. 1920–1930-e gody* [Soviet Petersburg: A "New Human" within the Old Environment]. St Petersburg, Kruga. 248 p.

- Khazanova, V. E. (1970). *Sovetskaya arkhitektura pervykh let Oktyabrya, 1917–1925* [Soviet Architecture of the Earliest October Years, 1917–1925]. Moscow, Nauka. 214 p.
- Khronika [Chronicle]. (1915). In *Arkhitekturno-khudozhestvennyi ezhenedel'nik*. No. 3, p. 35.
- Khronika [Chronicle]. (1917a). In *Rech'*. No. 58. 9 March, p. 7.
- Khronika [Chronicle]. (1917b). In *Rech'*. No. 61. 12 March, p. 6.
- Kim, M. P. (Ed.). (1985). *Velikaya Oktyabr'skaya sotsialisticheskaya revolyutsiya i stanovlenie sovetskoi kul'tury, 1917–1927* [The Great October Socialist Revolution and the Formation of Soviet Culture, 1917–1927]. Moscow, Nauka. 526 p.
- Kirichenko, E. I. (1978). *Russkaya arkhitektura 1830–1910-kh godov*. [Russian Architecture of the 1830s–1910s]. Moscow, Iskusstvo. 400 p.
- Kirichenko, E. I. (Ed.). (2001). *Gradostroitel'stvo Rossii serediny XIX – nachala XX veka v 3 t.* [Russian Town Planning from the Mid-19th to Early 20th Centuries. 3 Vols.]. Moscow, Progress – Traditsiya. Vol. 1. Obshchaya kharakteristika i teoreticheskie problemy 340 p.
- Konysheva, E. (2018). “Kompleks prevoskhodstva”: pavil'on SSSR na Vsemirnoi vystavke v Parizhe i sovetskaya kul'turnaya diplomatiya [Superiority Complex: The Pavilion of the USSR at the Exposition Internationale in Paris and Soviet Cultural Diplomacy]. In *Quaestio Rossica*. Vol. 6. No. 1, pp. 161–182. DOI 10.15826/qr.2018.1.289.
- Kuchin, V. N. (Ed.). (1964). *Iz istorii stroitel'stva sovetskoi kul'tury. Moskva, 1917–1918. Dokumenty i vospominaniya* [From the History of the Construction of Soviet Culture. Moscow, 1917–1918. Documents and Memories]. Moscow, Iskusstvo. 384 p.
- Kurbatov, V. (1914). Luven [Leuven]. In *Arkhitekturno-khudozhestvennyi ezhenedel'nik*. No. 23, p. 250.
- Lapshin, V. P. (1983). *Khudozhestvennaya zhizn' Moskvy i Petrograda v 1917 godu* [Moscow and Petrograd Artistic Life in 1917]. Moscow, Sovetskii khudozhnik. 495 p.
- Litovskii, I. M. (2009). *Stroitel'stvo kazarmenno-zhilishchnogo fonda i ob'ektov sotsial'noi infrastruktury dlya russkoi armii v Rossii (1882–1917 gg.). Istoricheskii opyt* [The Building of Barracks and Apartment Blocks for the Russian Army in Russia (1882–1917). Historical Experience]. Dis. ... kand. ist. nauk. Moscow, S. n. 256 p.
- Meerovich, M. G. (2017). *Gradostroitel'naya politika v SSSR, 1917–1929. Ot gorodasada k vedomstvennomu rabochemu poselku* [Urban Governance in USSR, 1917–1929. From the Garden City to the Corporative Worker Town]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 347 p.
- Nad'yarnykh, F. F. (1964). Russkaya arkhitekturnaya shkola nakanune Velikoi Oktyabr'skoi sotsialisticheskoi revolyutsii [The Russian School of Architecture on the Eve of the Great October Revolution]. In *Issledovaniya po istorii arkhitektury i gradostroitel'stva*. Moscow, Moskovskii arkhitekturnyi institut, pp. 245–282.
- Okhrana khudozhestvennykh tsennostei [The Protection of Artistic Treasures]. (1917). In *Rech'*. No. 56. 7 March, p. 2.
- Paladini, V. (1925). *Arte nella Russia dei Soviets. Il padiglione dell'U.R.S.S. a Venezia*. Roma, La bilancia. 38 p.
- Patti, F. (2009). *Boris Iofan (1891–1976). Dagli anni romani all'ascesa professionale in Unione Sovietica*. Politecnico di Torino, Politecnico di Milano. 377 p.
- Pechenkin, I. E. (2017). Zdanie Kommercheskogo instituta v Moskve. K istorii otechestvennoi neoklassiki nachala XX veka [The Moscow Commercial Institute Building. On the History of Russian Neoclassicism in the Early 20th Century]. In *Arkhitekturnoe nasledstvo*. Iss. 67. St Petersburg, Kolo, pp. 202–217.
- Piacentini, M. (1921). Il momento architettonico all'estero. In *Architettura e arti decorative*. A. 1. No. 1, p. 32–76.
- RGIA [Russian State Historical Archive]. Stock 789. List 33. Dos. 37, 38.
- Strigalev, A. A. (1985). Spetsificheskie cherty arkhitektury Rossii v period mezhdou nachalom Pervoi mirovoi voyny i Oktyabr'skoi revolyutsiei [Specialties of Russian Architecture Between the Beginning of World War I and the October Revolution]. In Strigalev, A. A. (Ed.). *Problemy istorii sovetskoi arkhitektury (istoricheskie predposylki*

i nachal'nyi etap razvitiya). *Sbornik nauchnykh trudov*. Moscow, Tsentral'nyi nauchno-issledovatel'skii institut teorii i istorii arkhitektury, pp. 6–30.

Tafari, M., Dal Co, F. (1976). *Architettura contemporanea*. Milano, Electa. 426 p.

Umanskij, K. (1920). *Neue Kunst in Russland. 1914–1919*. Potsdam, Gustav Kiepenheuer, München, Hans Goltz. 31 p.

V Imperatorskoi Akademii khudozhestv [At the Imperial Academy of Arts]. (1914). In *Arkhitekturno-khudozhestvennyi ezhenedel'nik*. No. 30, p. 275.

Znamenskii, O. N. (1988). *Intelligentsiya nakanune Velikogo Oktyabrya (fevral'-oktyabr' 1917 g.)* [The Intelligentsia on the Eve of the Great October (from February to October 1917)]. Leningrad, Nauka. 349 p.

The article was submitted on 13.07.2019

**ПОБИТЬ ЕГО ЛЕНИНЫМ И ФАКТАМИ:
ПРАКТИКИ ПОЛИТИЧЕСКОГО КУЛЬТА
В ДИСКУССИИ 1920-х ГОДОВ**

Тимофей Раков

Тюменский государственный университет,
Тюмень, Россия

**TO DEFEAT HIM BY QUOTING LENIN AND FACTS:
PRACTICES OF THE POLITICAL CULT
IN DISCUSSIONS OF THE 1920S***

Timofey Rakov

University of Tyumen,
Tyumen, Russia

This article analyses practices related to the cult of Lenin in the confines of the Leningrad party organisation of the RCP(b) and its influence on inner-party discussions and political disagreements. The author aims to examine how appeal to the cult and Leninism helped shape the position of the Leningrad Bolsheviks led by G. E. Zinoviev. To achieve this goal, the author refers to a variety of sources, i. e. the works of the leaders of the Leningrad party organisation, such pamphlets by G. I. Safarov and G. E. Evdokimov, minutes of district party conferences, etc. The sources listed above suggest that the terms “testament,” “heritage,” and “task” used in party discourse symbolise a set of actions and principles, following and being faithful to which allowed party members to comply with the correct political line. For representatives of the Leningrad opposition, this meant relying on the poor and middle strata of the village. The category of practice mentioned in the title of this article means that attention was paid not so much to the function of quotations or clichéd phrases but rather to what party groups implied when quoting Lenin’s statements.

---

* *Citation:* Rakov, T. (2020). *To Defeat Him by Quoting Lenin and Facts: Practices of the Political Cult in Discussions of the 1920s*. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 2. P. 488–502. DOI 10.15826/qr.2020.2.476.

Цитирование: Раков Т. *Побить его Лениным и фактами: практики политического культа в дискуссии 1920-х годов* // *Quaestio Rossica*. Т. 8. 2020. № 2. С. 488–502. DOI 10.15826/qr.2020.2.476 / Раков Т. *Побить его Лениным и фактами: практики политического культа в дискуссии 1920-х годов* // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 2. P. 488–502. DOI 10.15826/qr.2020.2.476

The term “cult”, which historiography usually employs to describe the veneration of V. I. Lenin as the leader of the party, does not reflect the entirety of this process or take into account its productive component, namely, the fact that, because of its heterogeneity, Leninism allowed members of the Communist Party to pay attention to diverse aspects of Lenin’s heritage. In the course of the polemic surrounding issues facing the party (politics in the countryside, the possibility of building socialism in a single country, etc.), the Leningrad Bolsheviks turned to Leninism as a range of ideas legitimising their political position and as a tool for identifying the Bolsheviks who, in contrast to the Leningraders, “deviated” from the correct political line.

Keywords: political cult; discussion; Bolshevik party; political practices; Leninism; Leningrad party organisation.

Статья посвящена анализу практик культа В. И. Ленина в ленинградской партийной организации РКП(б) и его влиянию на внутрипартийные дискуссии. Для рассмотрения того, как обращение к ленинизму способствовало оформлению позиции ленинградских большевиков во главе с Г. Е. Зиновьевым, задействованы разнообразные источники: произведения руководителей партийной организации Ленинграда, брошюры Г. И. Сафарова и Г. Е. Евдокимова, протоколы районных партийных конференций и т. п. При работе с вышеперечисленными источниками автор резюмировал, что встречающиеся в партийной публицистике термины «завет», «наследство», «задача» символизируют набор действий и принципов, правильное исполнение или верность которым позволяли члену партии соответствовать верной политической линии. Для представителей ленинградской оппозиции это означало опору на бедные и средние слои деревни. Категория практики предполагает внимание не столько к функционированию цитат или клишированных фраз, сколько к тому содержанию, которое вкладывалось теми или иными партийными группами в цитирование работ В. И. Ленина. Термин «культ», которым, как правило, описывается почитание В. И. Ленина как вождя партии, не охватывает всей специфики этого процесса и не учитывает его продуктивную составляющую, при которой вследствие своей гетерогенности ленинизм позволял различным членам партии обращать внимание на разные аспекты ленинского наследия. Ленинградские большевики в ходе полемики вокруг вопросов, стоявших перед партией (политика в деревне, отношение к возможности построения социализма в одной стране и других), обращались к ленинизму как к легитимизирующему их политическую позицию спектру идей и как к инструменту выявления тех, кто, в отличие от ленинградцев, «уклонился» от правильной политической линии.

Ключевые слова: политический культ; дискуссия; партия большевиков; политические практики; ленинизм; ленинградская партийная организация.

Ленинизм, безусловно, относится к политическим культам советского общества. Существующая историография по проблематике культов обращается к почитанию Ленина [Tumarkin; Velikanova; Эннкер], и даже чаще – к сталинскому культу личности 1930-х гг. [Plamper; Rolf; Ennker]. Историография, обращая внимание на культ, обходит стороной почитание вождей как практику, которая объединяет всю партию, будь то сторонники ЦК или же его оппоненты. В статье рассматривается практика обращения к ленинизму в контексте политических разногласий 1925 г. и анализируется, как ленинградские большевики использовали эту практику в полемике с ЦК партии.

В середине 1920-х гг. ленинский культ не был внутренне целостным. Каждая из внутривнутрипартийных групп, будь то сторонники ЦК или оппозиционеры, могла по-разному интерпретировать содержание ленинского наследия. Инструменталистское отношение к ленинизму и его собственная гетерогенность порождали ситуацию, когда в текстах Ленина отыскивалось теоретическое руководство для партии по любым вопросам, и в то же время члены партии могли извлекать необходимое каждому из корпуса текстов.

В статье под практиками понимаются практики политические, выраженные способами дискутирования. Такая постановка вопроса позволяет вслед за трактовкой Л. Альтюссера преодолеть различие между идеологией и ее материальным воплощением [Альтюссер]. Ленинизм становился идеологией в момент, когда цитируемые произведения В. И. Ленина превращались в орудие в сиюминутных политических разногласиях.

Под ленинградскими большевиками в статье подразумеваются работники прежде всего партийного аппарата Ленинградского губкома партии, выступавшие в поддержку определенной политической линии в отношении экономической политики партии и взаимоотношений с крестьянством. Нельзя сказать, что они были связаны именно персоной Зиновьева, хотя он и был главным трибуном и оратором позиции ленинградцев, но эта группа выстраивалась не только на основе патронажа и клиентелы. Влияние Зиновьева на принятие политических решений в самом Ленинграде постепенно снижалось, что видно из того, как уменьшилось его участие в повседневной работе Городского совета депутатов и губкома партии начиная приблизительно с 1922 г. [Вихров, с. 141]. Для Зиновьева стала более важной роль члена Политбюро и председателя исполкома Коминтерна. Более того, он не входил в число секретарей партийной организации, то есть не обладал административным влиянием. Ленинградских большевиков стоит трактовать как группу, сложившуюся к середине 1920-х гг. сначала по принципу персональных связей в руководстве города, а затем и заявившую о себе как об обладающей схожими политическими принципами. Впервые солидарность ленинградцев проявилась в ходе дискуссии с левой оппозицией в 1923 г., и особенно в ходе литературной дискуссии 1924 г. Так, именно представители Ле-

нинграда были в числе сторонников наиболее радикальных мер в отношении Л. Д. Троцкого по итогам дебатов 1924 г.

Политические принципы этой группы к 1925 г. можно описать как курс на сохранение важности в партии интернационализма в противовес теории построения социализма в одной стране, ориентацию на средние и беднейшие слои деревни в аграрной политике и ставку на индустриализацию и поддержку пролетариата в городах. Среди важных для данной статьи личностей из числа ленинградцев необходимо упомянуть Г. Е. Евдокимова¹ и Г. И. Сафарова². Первый был секретарем городской партийной организации еще со времен Гражданской войны. Вторым в начале 1925 г. руководил в губкоме работой комсомола, но затем был от нее отстранен. Пожалуй, после Зиновьева Сафаров был наиболее ярким публицистом из представителей «ленинградской оппозиции».

В 1925 г. большевистскую партию охватили споры о сути советской экономической и социальной политики. Уровень развития НЭПа заставил обсуждать не только достижение экономических показателей 1913 г., но и вопросы дальнейшего развития народного хозяйства. Споры о характере советской экономики, политике партии в деревне, отношении к возможности экономической автаркии советской промышленности привели к разногласиям внутри партии. Но открытая дискуссия, вполне допустимая в годы Гражданской войны и первые годы НЭПа, к 1925 г. стала практически невозможной. Длительная полемика с левой оппозицией, смерть Ленина и отсутствие единого признанного авторитета вызвали опасение внутривнутрипартийного раскола и страх появления новых «уклонов». Поэтому полемика в 1925 г. носила не всегда явный характер. Однако в ней можно выделить две позиции: в первую входило большинство Политбюро, идейным вдохновителем которого был Н. И. Бухарин, составивший дуумвират со Сталиным [Коэн, с. 254–303], во вторую – представители «новой оппозиции» (Г. Е. Зиновьев, председатель исполкома Коминтерна и Ленинградского совета, Л. Б. Каменев, председатель Моссовета, Н. К. Крупская, нарком финансов Г. Я. Сокольников, М. М. Лашевич). В Ленинграде эту оппозицию

---

¹ Евдокимов Григорий Еремеевич (1884–1936), член РСДРП с 1903 г., активный участник революции 1917 г., избирался в 1918 г. членом Учредительного собрания. В годы Гражданской войны находился в Петрограде, с начала 1920-х гг. был секретарем Петербургского, затем Ленинградского губкома РКП(б). В 1925 г. был первым секретарем губкома. Член ЦК РКП(б) в 1923–1927 гг. Расстрелян в августе 1936 г. Реабилитирован в 1988 г.

² Сафаров Георгий Иванович (1891–1942), член РСДРП с 1908 г. Участник революции 1917 г., в 1918 г. входил в редакцию центральной партийной газеты «Правда», в 1919–1921 гг. был членом Туркестанского бюро ЦК РКП(б). В 1922 г. перешел на работу в исполком Коминтерна. После возвращения в Петроград стал членом губкома. В начале 1925 г. был представителем губкома в комсомоле, но затем был отстранен от этой работы. В 1926 г. после поражения «новой оппозиции» был назначен торговым представителем СССР в Китае. Один из видных партийных публицистов, теоретик колониального вопроса. Погиб в лагере в 1942 г. Реабилитирован в 1991 г.

поддерживал целый ряд работников губернского комитета партии и руководителей районных комитетов.

Суть разногласий между оппозиционерами и представителями большинства сводилась к тому, какую политику партия должна выработать по отношению к крестьянству и какими путями следует развиваться экономике страны после четырех лет НЭПа. Представители большинства партии, прежде всего Н. И. Бухарин, полагали, что партия должна предоставить большую свободу для развития крестьянского хозяйства и, опираясь на последнее, строить социалистическую экономику. Бухарин отстаивал медленные темпы развития, путь к социализму «черепашьями шагами» [Бухарин, с. 21]. Из конкретных мер, предпринятых в 1925 г. для стимулирования роста крестьянской экономики, можно упомянуть разрешение на найм рабочей силы на селе и снижение сельскохозяйственного налога³. Данные меры вызвали опасение представителей «новой оппозиции». Они полагали, что партия делает ставку на кулака, то есть зажиточного крестьянина, использующего в своем хозяйстве труд наемных рабочих, и таким образом отворачивается от политики опоры на среднее и бедное крестьянство. В области промышленного развития страны разногласия вращались вокруг оценки характера хозяйства. Так, Г. Е. Зиновьев оценивал его как «госкапитализм», систему отношений, при которой государство является собственником основных средств производства, однако и в промышленности, и в сельском хозяйстве сохраняются значительные элементы прежних капиталистических отношений (товарный характер крестьянского хозяйства, найм рабочей силы) [Зиновьев, 1925а, с. 246–258].

Стоит заметить, что, поскольку дискуссия в 1925 г. не велась открыто, эти две группы в партии не могли свободно полемизировать и вербовать себе сторонников. Тем не менее, способ скрытой, подспудной полемики существовал. Намеки на «уклоны», «отклонения» от партийной линии, которые в дискуссиях начала 1920-х гг. были результатом анализа той или иной платформы, к 1925 г. стали предварять собственно дискутирование о тех или иных идеях разных членов партии. Одним из таких уклонов для ленинградских большевиков была позиция Бухарина и его школы, то есть молодых большевистских теоретиков, хотя С. Коэн высказывает сомнения, что критикуемые ими В. Богушевский и Ю. Спасский принадлежали к этой школе [Коэн, с. 264].

Ленинизм родился в партии тогда же, когда воскрес троцкизм – в ходе дискуссий между большинством Политбюро ЦК и Л. Д. Троцким в 1923–1924 гг. [Эннкер, с. 75–85]. Единжды возникнув, ленинизм оказал значительное влияние на практику

---

³ Найм разрешали принятые в апреле 1925 г. СНК «Временные правила об условиях применения подсобного наемного труда в крестьянских хозяйствах трудового типа». Также СНК снизил единый сельскохозяйственный налог на 1925 г.

дискуссии. В 1925 г. в Ленинграде местные большевики, споря с ЦК, постоянно будут прибегать к такому приему, как обвинение своих оппонентов в «ревизии ленинизма», в уклоне от него. Ленинградцы будут доказывать, что они отстаивают верный вариант ленинизма. Можно сказать, что внутрипартийная дискуссия станет спором разнообразных вариантов ленинизма и способом выяснить, какой из них ближе всего к истинному.

Отсылка к ленинизму стала играть роль легитимирующего фактора в любом новом начинании. Ленинградские большевики выступили инициаторами создания обществ культурной смычки города и деревни. Первое такое общество возникло в Московско-Нарвском районе еще в 1923 г., и во главе его стоял секретарь районного комитета партии Д. А. Саркис⁴. Вероятно, эти общества служили своего рода компенсацией слабости партийных организаций на селе, ведь под их эгидой происходила отправка рабочих в отпуска в их родные деревни, что служило и способом пропаганды коммунистических идей среди крестьянства, и способом получения информации о состоянии деревни [Ленинград лицом к деревне]. Информация, которую собирали члены этих обществ, интерпретировалась партийным руководством Ленинграда как подтверждение правильности их политической позиции в отношении линии партии в деревне. Свидетельства рабочих, что в деревне к 1925 г. наблюдался рост влияния кулаков, должны были подкреплять необходимость антикулацкой политики партии, которую отстаивали ленинградские коммунисты.

Помимо обращения к «фактам», члены подобных обществ использовали и практики политического культа. Стремясь показать успешность своей работы, верность ее «ленинской линии», они выпустили отчетную брошюру «Два года работы по заветам Ленина». В самом начале издания была помещена статья В. И. Ленина «Страничка из дневника». Как было сказано в разделе «От редакции», основным содержанием этой статьи была «замечательно ясная постановка вопроса о современных задачах рабочего класса и коммунистической партии в деревне. Из этих же задач должны исходить в своих практических мероприятиях и наши рабочие общества смычки» [Два года работы по заветам Ленина, с. 9]. Завет и задача в данном контексте увязывались воедино: основная цель деятельности общества состоит в том, чтобы в своих задачах воплощать ленинские идеалы. Если «общество смычки» верно выполняет заветы Ленина, то и его политическая позиция не может быть ошибочной. Иными словами, если они верные ленинцы, то правильно видят становление новых социальных явлений.

---

⁴ Саркисов Саркис Артемьевич (Д. А. Саркис, 1898–1937). Член РСДРП(б) с 1917 г., заведующий организационным отделом Петербургского-Ленинградского губкома партии (1921–1925). Активный участник «новой оппозиции» и «объединенной оппозиции». В 1927 г. исключен из партии, восстановлен в 1928 г. С 1933 по 1937 г. – член ЦК КП(б) Украины. Расстрелян в 1937 г.

Примером обращения к «ленинским заветам» является брошюра за авторством Г. Е. Евдокимова, озаглавленная «Как выполняются заветы Ленина». Вероятнее всего, она была воспроизведением выступления Евдокимова перед торжественным собранием, посвященным годовщине смерти В. И. Ленина (косвенно на это указывалось во вступлении) [Евдокимов, с. 3]. Прежде чем описать работу партии в разных сферах государственной и политической работы, Г. Е. Евдокимов декларировал:

Товарищ Ленин оставил нам громадной ценности наследство: Советское государство, партию и Коминтерн. Все это создано под его руководством. В его жизни, работе и учении мы имеем верные и надежные указания, как продолжать и довести начатое под его руководством дело до победного конца. В дни первой годовщины смерти тов. Ленина каждый член партии, каждый рабочий и крестьянин должен дать себе отчет в том, как мы распорядились этим великим наследством, в том, как мы выполняли и выполняем заветы нашего учителя [Там же].

В этой цитате повторяется практика коммунистической риторики в обращении к идеям В. И. Ленина, его «наследству», «заветам» и «указаниям», которые выступают как фигуры актуальной политической жизни. Советские граждане должны «дать себе отчет», как они распоряжаются ленинским наследством, то есть насколько успешным является строительство социалистического общества в каждый конкретный период. Форма торжественного отчета, приуроченного к годовщине, подразумевает и возможность ритуализации этой практики, которая и произойдет несколько позднее.

Примеры, связанные с деятельностью различных обществ, или торжественные отчеты, приуроченные к годовщинам, позволяли местному партийному руководству очертить круг идей, которые они объединяли под эгидой ленинизма. Полемические брошюры, выходявшие за авторством местных коммунистов в 1925 г., дают возможность проанализировать, как обращение к ленинизму служило способом отграничения одной позиции от другой, как внутри него появлялись различные идейные направления. В ситуации внутрипартийных дискуссий середины 1920-х гг. одна из позиций именовалась «верной ленинской», противоположная же объявлялась уклоном от ленинизма или от партийной линии. Одной из таких работ, рассматривающих «уклоны» от правильной политики в деревне, стала брошюра Г. И. Сафарова «К вопросу о нашей стабилизации».

Вопрос о «стабилизации» восходил к идее оценке мирового положения середины 1920-х гг. В основе этой концепции была мысль о том, что мировое хозяйство (а вместе с ним и советская экономика) постепенно преодолевают последствия Первой мировой войны. Для советского государства это означало оживление промышленности и постепенный рост продуктивности сельского хозяйства. «Стабилизация» ставила под вопрос скорое наступление мировой социали-

стической революции, что обосновывало задачу поиска внутренних ресурсов на проведение индустриализации. Таким образом, встал вопрос о методах взаимодействия партии с крестьянским хозяйством в целях извлечения из него требуемых экономических ресурсов. Эта проблема порождала разные точки зрения в партии.

Два раздела брошюры Г. И. Сафарова были посвящены историческому анализу различных «мелкобуржуазных» ошибок в оценке экономики и хозяйства. В них предлагалась своеобразная телеологическая трактовка развития – от утопического социализма до «уклонов» внутри РКП(б). В двух других разделах давался анализ текущей ситуации: высказывалась мысль, что во всей послевоенной Европе лишь Советский Союз смог восстановить экономику, опираясь на собственные силы, тогда как другие государства попали в зависимость от экономической помощи США. Произошло, по словам Сафарова, «закабаление всех более бедных “держав” более богатыми» [Сафаров, с. 3]. Свое понимание ленинизма Сафаров изложил в четвертом разделе, названном «Еще одна ревизия ленинизма».

Раздел начинался с характеристики двух «опасностей» в оценке политики партии в деревне. Одна из них, сформулированная Ю. Лариным в работе «Советская деревня» [Ларин], и была названа Сафаровым «отголоском полуменьшевистских взглядов на крестьянство» [Сафаров, с. 26]. Другая заключалась в недооценке отрицательных сторон НЭПа. Дав такую характеристику этой позиции, Сафаров на той же странице замечает, что она «отбрасывает» резолюцию XI партийного съезда о профсоюзах, «писаную Ильичом». Появление этой точки зрения автор связывает с восстановлением советской экономики. Аргументация против этой позиции риторически выстраивается Сафаровым при помощи цитирования: он приводит выдержку из какой-либо статьи оппонентов, дает ей краткую характеристику, а потом в подтверждение своих слов приводит слова В. И. Ленина:

В Соед. Штатах или в Канаде фермер льет воду на мельницу финансового капитализма, у нас он даже в своем законченном «кулацком» виде будет одним из винтиков машины социалистического накопления... Охваченный кольцом социалистических командных высот, аграрный капитализм будет рычагом роста социалистических элементов советского хозяйства. Здесь перед нашими глазами мелькают марксистские словечки, но они лишены всякого классового содержания. Гармония между различными классовыми элементами здесь нарисована столь полная, что не оказывается совсем места ни для какой стихийной классовой борьбы... Мелкобуржуазный метод есть метод строительства отношений возможно большего социального мира [Сафаров, с. 28].

В первом случае курсивом сам Сафаров выделил цитату из статьи Ю. Спасского, затем он выразил свою позицию и в довершение усилил ее цитатой из Ленина, также набранной курсивом.

Статья Юрия Спасского «На переломе (из деревенской литературы)» вышла в пятом номере журнала «Печать и революция» за 1925 г. Это издание 1920-х гг. было посвящено искусству, а статья была опубликована в рубрике «Обозрение искусств и литературы», в которой помещались обзоры различных книжных новинок [Спасский]. Внимание Сафарова привлек процитированный им фрагмент статьи, который занимает в ней не столь значительное место. Гораздо больше в ней уделено внимания описанию решений XIV Конференции РКП(б), состоявшейся весной 1925 г., а также приводятся цитаты из различных работ партийных публицистов по вопросу о политике в деревне, в том числе автор ссылается и на Г. Е. Зиновьева. Можно утверждать, что в среде рядовых членов партии из Ленинграда статья не вызвала почти никакого отклика, что объясняется статусом ее автора и типом журнала. Спасский был малоизвестным литературным работником, он не принадлежал к числу партийных теоретиков, а издание, в котором статья вышла, вряд ли активно читали партийцы районного уровня.

Схожим образом построена аргументация в заметке Сафарова и далее. На трех страницах [Сафаров, с. 29–32] автор пространно цитирует статью В. Богушевского [Богушевский], комментирует, а затем приводит подходящую мысль Ленина. Богушевский выдвигал идею о том, что при анализе экономической трансформации нэповской деревни термин «кулак» использовать неверно, отсылая к реалиям дореволюционной деревни. При этом в подтверждение, что кулак – это ограниченное во времени социальное явление, он также ссылался на рассуждения Ленина в работе «Развитие капитализма в России», где тот различает кулака как тип ростовщика и собственно сельскую буржуазию. По Ленину, кулак исчезнет с развитием рынка, а Богушевский связывает его окончательное исчезновение из послереволюционного села с развитием государственной кооперации. Одной из возможных причин столь острой реакции на заметку Богушевского могло стать место ее публикации: «Большевик» был официальным органом ЦК, и его материалы должны были восприниматься как отражение позиции партийного руководства. Получалось, что официальная позиция партии, транслируемая изданием, состояла в том, что кулаки в деревне исчезают. Ленинградские большевики, напротив, настаивали на том, что позиции кулаков усиливаются.

Завершалась брошюра Сафарова пассажем о том, что в конечном итоге социалистические тенденции развития советской экономики окажутся сильнее «мелкобуржуазной отсталости», и партия должна идти вперед, причем «только по-ленински» [Сафаров, с. 37]. Автор вкладывает в это «по-ленински» настороженное отношение к нэповской экономике и порождаемым ею тенденциям. Партийная политика должна строиться не просто в виде реакции на эти тенденции, но на основе активного вмешательства в ход развития социальных отношений в пользу рабочих и крестьян.

Некоторые партийные лидеры могли трактовать верность заветам вождя как способ поиска истинной политической позиции. В работе Г. Е. Зиновьева «Ленинизм», которая в контексте дебатов 1925 г. была одной из основополагающих для формирования позиции ленинградской партийной организации, автор настаивал:

Ленинизм конкретен, как всякая истина конкретна. Первое требование ленинизма заключается в том, чтобы каждая тактическая истина применялась в зависимости от конкретной обстановки, от условий места и времени. Мы были бы только начетчиками ленинизма, мы не были бы достойны своего учителя, если бы не умели изменять своей тактики и приемов руководства вместе с меняющейся обстановкой. Чтобы быть верным заветам Ленина, надо уметь видеть новое в обстановке, когда это новое еще только рождается [Зиновьев, 1925а, с. 209].

Завет в данном случае выступает не в роли готового решения, которое можно отыскать в работах Ленина, но как верность самому теоретическому принципу – конкретному анализу конкретных обстоятельств и поиску истины, базирующейся на этом анализе.

Лидер местной коммунистической организации предпринимал немало усилий для того, чтобы создать свой образ как верного ленинца, вкладывая при этом в понятие «ленинизм» собственное содержание [Lih]. Чтобы понять, какую роль ленинизм как практика играл в ходе споров 1925 г., нужно разобрать, как Зиновьев в этой работе описывает позицию В. И. Ленина по отношению к НЭПу. В книге есть несколько глав, описывающих связь ленинизма с актуальными вопросами политики партии.

В первой главе «Ленинизм и НЭП. НЭП и государственный капитализм» Зиновьев сформулировал принципы, на которых должно строиться отношение партии к новой экономической политике. Основными характеристиками НЭПа были «отступление» и «государственный капитализм». Обильно цитируя работы Ленина, Зиновьев высказал мысль, что НЭП, по сути, не является кардинально иной политикой для советского государства, он лишь тактический маневр, который должен будет смениться «наступлением», переходом к социалистической индустриализации. Но для текущего этапа развития советского хозяйства важно было определение советской экономики как «государственного капитализма». Для Зиновьева это означало сохранение элементов капиталистической экономической системы, которые находятся в руках рабочего государства.

Рассматривая политику партии в деревне, Г. Е. Зиновьев сосредоточился на том, как она должна относиться к кулаку. Аргументацию своей антикулацкой позиции Зиновьев построил на цитировании Ленина и комментариях к нему:

Кулаки – самые зверские, самые грубые, самые дикие эксплуататоры... Кулаков больше, чем помещиков и капиталистов. Но все же кулаки – меньшинство в народе... едва ли больше двух миллионов (двух миллионов! Это – к сведению тех, кто утверждает, что кулаков у нас «почти» нет) будет кулачья, богатеев, спекулянтов хлебом [Зиновьев, 1925а, с. 273].

В приведенной цитате позиция Зиновьева заключена прямо в выдержку из произведения Ленина, что позволяло еще более заострить антикулацкий характер цитаты и открыто направить ее против тех членов партии, кто выступали с другой позицией (в скобках Зиновьев дает свой комментарий). Такая политика цитирования превращала книгу не только в пособие по ленинизму, но и в средство политической полемики. В ней позиции Ленина по тем или иным вопросам не просто описывались, а противопоставлялись взглядам некоторых большевиков.

Политическая практика должна иметь субъектов, воспроизводящих идеологию, и ленинизм также создает такую группу – ленинцев. Г. Е. Зиновьев в одной из статей по поводу кончины Ленина определяет ленинцев функционально, через описание стоящих перед ними задач: «закрепить союз рабочего класса и крестьянства», «укрепить связь партии с беспартийной рабочей массой», «уберечь единство партии»; последней ставилась задача борьбы с «извращениями ленинизма» [Зиновьев, 1925b, с. 51–52].

Говоря о партийном единстве, Г. Е. Зиновьев пишет, что «партию нашу Владимир Ильич всегда мыслил как монолитное целое, как вылитую из одного куска организацию» [Там же, с. 52]. Представление о монолитной партии разделял не только Зиновьев, но и многие ленинградские большевики. «Наша организация, как говорится, является действительно монолитной и в смысле дисциплинированности, и в смысле выполнения всяких директив», – утверждал докладчик на районной партийной конференции в Ленинграде осенью 1925 г. [ЦГАИПД. Ф. 2. Оп. 1. Д. 143. Л. 53]. На конференции Петроградского района звучали подобные же слова:

Должна быть монолитна, едина, объединена ленинским единством, и мы выражаем уверенность, что ленинская организация, поскольку она явилась одним из передовых отрядов ленинской гвардии, будет таковой и дальше [ЦГАИПД. Ф. 6. Оп. 1. Д. 189. Л. 70].

Тавтология и повторы в выступлении усиливали это утверждение единства: «едина, объединена ленинским единством»; определение «ленинский» в этой короткой цитате повторяется три раза. Все вместе это больше похоже на обращение к известным клишированным формам речи, функция которых – не столько сообщить информацию, сколько воспроизвести уже известные положения и убедить слушателя. Единство партии на Выборгской районной конференции было осмыслено в категориях противопоставления формального и суще-

ственного: «у нас действительно по-настоящему не казенное и формальное, а внутреннее единство в нашей организации» [ЦГАИПД. Ф. 2. Оп. 1. Д. 143. Л. 53].

Главная задача, которую Г. Е. Зиновьев поставил перед ленинцами, – «остаться партией воинствующего большевизма» – предполагала борьбу с разными внутривнутрипартийными уклонами и оппозициями⁵:

На сегодняшних конференциях мы должны красной нитью подчеркнуть то единство партии, которое не разрушат никакие уклоны, которые подчас бывают в нашей коммунистической партии. Эти внутривнутрипартийные уклоны, подчас мелкобуржуазные, наша стальная Ленинградская организация будет сметать своей мощной рукой, –

говорилось одним из делегатов той же Выборгской районной партийной конференции [ЦГАИПД. Ф. 2. Д. 142. Л. 20].

В некоторых случаях ленинизм в глазах партийцев выступал как средство борьбы с оппонентами в дискуссии или даже как практика, способная дискуссию прекратить. Помимо выступлений в прениях, делегаты районных конференций посылали в президиумы целый ряд записок [Раков]. В одной из записок, поданной во время работы партийной конференции Петроградского района, задавался такой вопрос:

Чем объяснить замазывание кулака Богушевским, в то время как кулак при последних перевыборах в Сельсоветы на ряде фактов, что он существует, и мало того, претендует на руководящую роль в деревне, на чем же тогда Богушевский основывается. Отражает ли Богушевский определенное течение в партии (какое незамазанных ли троцкистов), или он одиночка. Не лучше ли, чем дискутировать с ним, просто побить его Лениным и фактами, и баста (сохранены стиль и орфография оригинала. – Т. Р.)? [Раков, с. 168].

В последнем предложении делегата-коммуниста «Ленин» и «факты» оказались равнозначны, что можно понять, если вернуться к идее Зиновьева о том, «чтобы каждая тактическая истина применялась в зависимости от конкретной обстановки, от условий места и времени». Если сравнить ее с содержанием записки, то перед нами возникнут два возможных пути развития практики ленинизма. Зиновьев выступает за ленинизм как процесс движения к истине, который в зависимости от обстоятельств может выглядеть по-разному. Во втором случае ленинизм выступает как объект, как истина, уже явленная нам непосредственно, которую можно применить практически к любой ситуации. Рядовой коммунист воспринимает слова партийных лидеров о верности заветам Ленина не как предложение сопоставлять

---

⁵ Понятие «уклон» появилось в партии достаточно рано и, видимо, означало нечто меньшее, чем организованную группу, скорее речь шла о некоем идейном отклонении [Halfin].

с его текстами те или иные идеи и делать вывод об их соответствии истинной политике партии, а как указание на то, что в самих цитатах из Ленина и содержится истинная политика. Таким образом, необходимость в анализе конкретной позиции можно было отбросить – ленинизм предвзял собой этот анализ и заменял его, что и говорится в приведенной записке. Дискуссия требуется для того, чтобы выявить все аспекты чьих-то взглядов, но раз есть корпус текстов, содержащих истину, то обращение к ним само по себе служит заменой выявлению политической линии через дискуссию.

Однако данное различие не отменяло того, что и рядовые коммунисты, и партийные лидеры прибегали к инструментализации ленинизма. Зиновьев стремился увидеть в цитатах Ленина способ движения к истине, но также он использовал их в качестве орудия политической борьбы с оппонентами, которые «уклоняются» от истины.

Ленинизм уже в 1925 г., как видно на примере ленинградской партийной организации, становился способом легитимации практически любых действий, будь то обоснование антикулацкой политической линии или же всего лишь отчет о деятельности общественной организации. В то же время акцент на практике позволяет говорить о том, что ленинизм не был некой навязанной сверху идеологемой или бессодержательным ритуалом. Ленинградские большевики, по крайней мере, упомянутые в статье ближайшие соратники Зиновьева в губкоме, вкладывали в него конкретное содержание. Рядовые коммунисты выражали политическую направленность практик обращения к ленинизму прямее, чем их осторожные лидеры, и могли воспринимать ленинизм буквально как средство борьбы с уклонами. Подобный аспект «низового» ленинизма, на наш взгляд, объясняет, почему в начале 1926 г. ленинградская оппозиция проиграла: обернувшееся против нее обвинение в уклонах из уст авторитетнейшего партийного органа – ЦК – подорвало ее позиции в городе.

Список литературы

Альтюссер Л. Идеология и идеологические аппараты государства (заметки для исследования) // Неприкосновенный запас. 2011. № 3. С. 14–58.

Богушевский В. О деревенском кулаке или о роли традиции в терминологии // Большевик. 1925. № 9–10. С. 59–64.

Бухарин Н. И. К итогам XIV съезда ВКП(б). Л. : Прибой, 1926. 62 с.

Вихров В. М. Коммунистический лидер Г. Е. Зиновьев во главе Петрограда – Ленинграда (конец 1917 г. – начало 1926 г.) : дис. ... канд. ист. наук. СПб. : [Б. и.], 2011. 227 с.

Два года работы по заветам Ленина. Опыт ленинградских рабочих в деле помощи культурному и хозяйственному развитию деревни с 7 рисунками : сб. ст. и материалов. Л. : Прибой, 1925. 160 с.

Евдокимов Г. Е. Как партия и советская власть выполняют заветы тов. Ленина. Л. : Прибой, 1925. 30 с.

Зиновьев Г. Е. Ленинизм. Введение в изучение ленинизма. Л. : Гос. изд-во, 1925а. 400 с.

- Зиновьев Г. Е. На смерть Ленина. Л. : Гос. изд-во, 1925b. 60 с.
- Коэн С. Бухарин : Политическая биография. 1888–1938. М. : Прогресс, 1988. 574 с.
- Ларин Ю. Советская деревня. М. : Экон. жизнь, 1925. 384 с.
- Ленинград лицом к деревне : стеногр. отчет Первой Ленинград. губерн. конф. рабочих обществ смычки города с деревней. Л. : Прибой, 1925. 123 с.
- Раков Т. Н. Политическое настроение ленинградских коммунистов в 1925 г. (через призму записок на районных партийных конференциях) // Вестн. Перм. ун-та. История. 2018. № 1. С. 165–172. DOI 10.17072/2219-3111-2018-1-165-171.
- Сафаров Г. И. К вопросу о нашей стабилизации : (Беглые заметки). Л. : Прибой, 1925. 39 с.
- Спаский Ю. На переломе : (Из деревенской литературы) // Печать и революция. 1925. № 5-6. С. 305–312.
- ЦГАИПД. Ф. 2. Оп. 1. Д. 142, 143; Ф. 3. Оп. 1. Д. 62; Ф. 6. Оп. 1. Д. 189.
- Эннкер Б. Формирование культа Ленина в Советском Союзе. М. : РОССПЭН : Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011. 438 с.
- Ennker B. Struggling for Stalin's Soul: The Leader Cult and the Balance of Social Power in Stalin's Inner Circle // Personality Cults in Stalinism / ed. by J. Plamper, H. Keller. Göttingen : V&R Unipress, 2004. P. 161–195.
- Halfin I. Intimate Enemies: Demonizing the Bolshevik Opposition, 1918–1928. Pittsburgh : Univ. of Pittsburgh Press, 2007. 416 p.
- Lih L. Zinoviev: Populist Leninist // The NEP Era: Soviet Russia, 1921–1928. Vol. 2. 2008. P. 1–23.
- Plamper J. The Stalin Cult: A Study in the Alchemy of Power. N. Haven ; L. : Yale Univ. Press, 2012. 310 p.
- Rolf M. The Leader's Many Bodies: Leader Cults and Mass Festivals in Voronezh, Novosibirsk, and Kemerovo in the 1930's // Personality Cults in Stalinism / ed. by J. Plamper, H. Keller. Göttingen : V&R Unipress, 2004. P. 197–206.
- Tumarkin N. Lenin Lives! : The Lenin Cult in Soviet Russia. Cambridge, Mass. ; L. : Harvard Univ. Press, 1983. 315 p.
- Velikanova O. Making of an Idol: On Uses of Lenin. Göttingen : Muster-Schmidt, 1996. 179 p.

References

- Althusser, L. (2011). Ideologija i ideologičeskie apparaty gosudarstva (zametki dlya issledovaniya) [Ideology and Ideological State Apparatuses (Study Notes)]. In *Neprikosnovennyi zapas*. No. 3. pp. 14–58.
- Bogushevskii, V. (1925). O derevenskom kulake ili o roli traditsii v terminologii [About the Village Kulak or Considering the Role of Tradition in Terminology]. In *Bol'shevik*. No. 9–10, pp. 59–64.
- Bukharin, N. I. (1926). *K itogam XIV s"ezda VKP(b)* [On the Results of the 14th Congress of All-Union Communist Party (Bolsheviks)]. Leningrad, Priboi. 62 p.
- Cohen, S. (1988). *Bukharin. Politicheskaya biografija. 1888–1938* [Bukharin and the Bolshevik Revolution: A Political Biography, 1888–1938]. Moscow, Progress. 574 p.
- Dva goda raboty po zavetam Lenina. Opyt leningradskikh rabochikh v dele pomoshchi kul'turnomu i khozyaistvennomu razvitiyu derevni s 7 risunkami. Sbornik statei i materialov* [Two Years of Work According to Lenin's Precepts. Experience of Leningrad Workers in Assisting the Cultural and Economic Development of the Village with 7 Pictures. A Collection of Articles and Materials]. (1925). Leningrad, Priboi. 160 p.
- Ennker, B. (2004). Struggling for Stalin's Soul: The Leader Cult and the Balance of Social Power in Stalin's Inner Circle. In Plamper, J., Keller, H. (Eds.). *Personality Cults in Stalinism*. Göttingen, V&R Unipress, pp. 161–195.
- Ennker, B. (2011). *Formirovanie kul'ta Lenina v Sovetskom Soyuze* [Forming the Cult of Lenin in the Soviet Union]. Moscow, ROSSPEN, Fond "Prezidentskii tsentr B. N. El'tsina". 438 p.

Evdokimov, G. E. (1925). *Kak partiya i sovetskaya vlast' vypolnyayut zavety tov. Lenina* [How the Party and Soviet Power Carry out the Precepts of Comrade Lenin]. Leningrad, Priboi. 30 p.

Halfin, I. (2007). *Intimate Enemies: Demonizing the Bolshevik Opposition, 1918–1928*. Pittsburgh, Univ. of Pittsburgh Press. 416 p.

Larin, Yu. (1925). *Sovetskaya derevnya* [The Soviet Village]. Moscow, Ekonomicheskaya zhizn'. 384 p.

Leningrad litsom k derevne. Stenograficheskii otchet Pervoi Leningradskoi gubernskoi konferentsii rabochikh obshchestv smychki goroda s derevnei [Leningrad Facing the Village. Stenographic Report of the First Leningrad Regional Conference of the Workers' Societies of the Union of the City and the Village]. (1925). Leningrad, Priboi. 123 p.

Lih, L. (2008). Zinoviev: Populist Leninist. In *The NEP Era: Soviet Russia, 1921–1928*. Vol. 2, pp. 1–23.

Plamper, J. (2012). *The Stalin Cult: A Study in the Alchemy of Power*. N. Haven, L., Yale Univ. Press. 310 p.

Rakov, T. N. (2018). Politicheskoe nastroyenie leningradskikh kommunistov v 1925 g. (cherez prizmu zapisok na raionnykh partiinykh konferentsiyakh) [*Zapiski* from District Party Conferences as a Reflection of the Political Moods of Leningrad Communists in 1925]. In *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya*. No. 1, pp. 165–172. DOI 10.17072/2219-3111-2018-1-165-171.

Rolf, M. (2004). The Leader's Many Bodies: Leader Cults and Mass Festivals in Voronezh, Novosibirsk, and Kemerovo in the 1930's. In Plamper, J., Keller, H. (Eds.). *Personality Cults in Stalinism*. Göttingen, V&R Unipress, pp. 197–206

Safarov, G. I. (1925). *K voprosu o nashei stabilizatsii. (Beglye zametki)* [To the Question of Our Stabilisation. (Short Reports)]. Leningrad, Priboi. 39 p.

Spasskii, Yu. (1925). *Na perelome. (Iz derevenskoi literatury)* [On the Turning Point. (From Rural Literature)]. In *Pechat' i revolyutsiya*. No. 5–6, pp. 305–312.

TsGAIPD [Central State Archive of Historical and Political Documents]. Stock 2. List 1. Dos. 142, 143; Stock 3. List 1. Dos. 62; Stock 6. List 1. Dos. 189.

Tumarkin, N. (1983). *Lenin Lives! The Lenin Cult in Soviet Russia*. Cambridge, Mass, L., Harvard Univ. Press. 315 p.

Velikanova, O. (1996). *Making of an Idol: On Uses of Lenin*. Göttingen, Muster-Schmidt. 179 p.

Vikhrov, V. M. (2011). *Kommunisticheskii lider G. E. Zinov'ev vo glave Petrograda – Leningrada (konets 1917 g. – nachalo 1926 g.)* [Communist Leader G. E. Zinoviev at the Head of Petrograd – Leningrad (Late 1917 – Early 1926)]. Dis. ... kand. ist. nauk. St Petersburg, S. n. 227 p.

Zinov'ev, G. E. (1925a). *Leninizm. Vvedenie v izuchenie leninizma* [Leninism. An Introduction to the Study of Leninism]. Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo. 400 p.

Zinov'ev, G. E. (1925b). *Na smert' Lenina* [On the Death of Lenin]. Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo. 60 p.

The article was submitted on 19.02.2018

**ПОЭМА О ЧЕЛЮСКИНЦАХ САБИТА МУКАНОВА:
ОРИГИНАЛ БЕЗ ПЕРЕВОДА И ПЕРЕВОД БЕЗ АВТОРА***

Юлия Козицкая

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

**SABIT MUKANOV'S POEM ABOUT THE CHELYUSKINTSY:
AN ORIGINAL WITHOUT A TRANSLATION
AND A TRANSLATION WITHOUT AN AUTHOR****

Yulia Kozitskaya

National Research University
Higher School of Economics,
Moscow, Russia

This article considers the topic of Soviet heroism as reflected in *The Polar Bear* (Rus. «Белый медведь») by the Kazakh poet Sabit Mukanov, a poem dedicated to the rescue of SS *Chelyuskin* wreck survivors. The poem came second in a competition of works about *Chelyuskintsy* held in 1934. After the competition results were announced, a Russian translation of the poem by Pavel Vyacheslavov was released. Of all the works presented at the competition, only the translation of Mukanov's poem was published in the central press: excerpts appeared in the *Novy Mir* and *30 Dney* magazines. The fact that a work by a representative of a national minority was published in Moscow magazines demonstrates the significance of the text for the entirety of Soviet discourse. This article discusses the translation features of the excerpt published in *Novy Mir* and analyses the

---

* Исследование осуществлено в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2020 г.

** Citation: Kozitskaya, Yu. (2020). Sabit Mukanov's Poem about the Chelyuskintsy: An Original without a Translation and a Translation without an Author. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 2. P. 503–518. DOI 10.15826/qr.2020.2.477.

Цитирование: Kozitskaya Yu. Sabit Mukanov's Poem about the Chelyuskintsy: An Original without a Translation and a Translation without an Author // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 2. P. 503–518. DOI 10.15826/qr.2020.2.477 / Козицкая Ю. Поэма о челюскинцах Сабита Муканова: оригинал без перевода и перевод без автора // *Quaestio Rossica*. Т. 8. 2020. № 2. С. 503–518. DOI 10.15826/qr.2020.2.477.

structure of the original text. In addition to the obligatory components of Stalinist social realism, such as the glorification of Stalin and the heroism of the Soviet man, the poem contains elements that mark it as a text from a different cultural tradition, i. e. specific similes and Kazakh proverbs and sayings. The poem contains references to the works of Pushkin, Heine, and the Kazakh classic Abai Qunanbaiuly. Mukanov uses these references to demonstrate that he is familiar with the literary canon and is learning from the literary classics. Based on an analysis of the text, it can be concluded that it is the Moscow Kremlin, not the polar ice floe, which is at the centre of the rescue operation. Thus, the key topic of the poem is not the rescue of the *Chelyuskinty*, but the glorification of the Soviet system under Stalin. An examination of differences between the original text and the translation makes it possible to understand what was directed at the Kazakh-speaking reader in the text – and therefore what disappeared in the translation. The Kazakh text contains many clarifying footnotes, including explanations of words by means of synonyms. It may be presumed that by incorporating new Soviet words into the Kazakh language, Mukanov acts as a transmitter of imperial ideology.

Keywords: *Chelyuskinty*; Sabit Mukanov; Pavel Vyacheslavov; Kazakh literature; Soviet literature; Pushkin.

Задача статьи – проследить воплощение темы советского героизма в поэме казахского поэта Сабита Муканова «Белый медведь», посвященной спасению челюскинцев. Поэма заняла второе место на конкурсе произведений 1934 г. о челюскинцах. После подведения результатов конкурса появился русский перевод поэмы, выполненный Павлом Вячеславовым. Среди заявленных на конкурс произведений только перевод поэмы Муканова был опубликован в центральной печати: отрывки из него вошли в журналы «Новый мир» и «30 дней». Факт публикации произведения национального автора в московских журналах свидетельствует о важности текста для всего советского дискурса. В статье раскрываются особенности перевода той части поэмы, которая была опубликована в «Новом мире», дан анализ структуры текста национального автора. Помимо обязательных компонентов сталинского соцреализма – прославления Сталина и героизма советского человека – в поэме содержатся элементы, маркирующие произведение как текст инокультурной традиции: специфические сравнения, казахские пословицы и поговорки. В поэме есть отсылки к произведениям Пушкина, Гейне и казахского классика Абая Кунанбаева, посредством которых Муканов демонстрирует свое знакомство с литературным канон и учится у литературных классиков. При анализе текста выявлено, что центром художественного текста является не спасательная операция с полярной льдины, а образ Московского Кремля и прославление советского строя под руководством Сталина. Выявление разницы оригинала и перевода поэмы позволяет понять, что в тексте было на-

правлено на казахскоязычного читателя и поэтому исчезает в переводе. Казахский текст содержит большое количество сносок-пояснений, вплоть до объяснений слов с помощью синонимов. Можно заключить, что Муканов, вводя в казахский язык новые советские слова, выступает в роли транслятора имперской идеологии.

Ключевые слова: челюскинцы; Сабит Муканов; Павел Вячеславов; казахская литература; советская литература; А. Пушкин.

Значимым идеологическим нарративом в довоенном СССР стала история экспедиции парохода «Челюскин» 1933 г. и его спасения. Ю. Слезкин называет повествования о походе началом «полярного эпоса, подарившего власти плодотворную метафору и действенный патриотический лозунг» [Слезкин, с. 320]. Освоение и преобразование пространства силами советского человека становятся главной темой текстов, посвященных Арктике [Frank]. Экипаж раздавленного льдами парохода, проведенный на льдине два месяца в условиях полярной зимы и организовавший на ней настоящий советский лагерь, и летчики, справившиеся с операцией по спасению людей, воспринимаются как символы триумфа советского народа.

Литературные произведения, посвященные подвигу челюскинцев и летчиков-спасателей, были непосредственным ответом на «запросы читателей», которые публиковались в центральных газетах. Прославляя достижения советского человека, они были значимым орудием пропаганды. Обращение советского писателя к актуальной теме увеличивало шансы на публикацию и благосклонные отзывы критики. Журналист, скрывшийся под инициалами Б. Р., писал о «наказе» Всесоюзному съезду писателей, принятом на общегородском слете «читательского актива»:

Слет читательского актива сформулировал основные требования, высказанные на страницах заводских газет и с трибун читательских конференций. Он объединил тематические заявки и дал заявку на высокое качество советской литературы: «...Мы хотим читать о наших героических буднях, – говорится в наказе, – о беззаветных героях наших фабрик, заводов, колхозов. Мы хотим читать о нашей доблестной Красной армии и флоте. <...> Дайте нам книги об эпопее челюскинцев, о завоевании стратосферы, об освоении Арктики и безводных пустынь...» [Б. Р.].

Наряду с русскими, о челюскинцах писали и национальные писатели, обращение к теме общесоюзной значимости утверждало их статус как советских авторов. В конце 1934 г. газета «Социалды Қазақстан» объявила конкурс на лучшее произведение о челюскинцах, на который было подано 25 произведений [Нуртазин, с. 130].

Сабит Муканов.
Фото 1930-х гг.

Sabit Mukanov. Photograph.
1930s

Результаты конкурса были опубликованы в газете «Lenincil şas» 12 июня 1935 г. [Кәмесіје]¹. Первая премия на конкурсе присуждена не была, поэма Сабита Муканова «Ақ ајув» получила второе место². Проследить историю изданий всех произведений о челюскинцах и их переводов на русский язык не представляется возможным из-за отсутствия полных библиографий казахских литераторов.

Сабит Муканов (1900–1973), первые произведения которого вышли из печати в советском Казахстане, был одним из ведущих казахских писателей, встроившимся в советскую литературную иерархию, активно участвовал в общественной и политической жизни. Муканов окончил Институт красной профессуры в Москве, отлично знал русский язык, читал и писал на нем. Он был заметным деятелем советской политики в литературе: стал одним из руководителей Казахской ассоциации пролетарских писателей, дважды возглавлял правление Союза писателей Казахстана (в 1936–1937 и 1943–1951 гг.) [Хасенов, с. 475]. Эти факты биографии, а также выход его книг в ведущих московских издательствах позволяют говорить, что Муканов не был рядовым казахским писателем в советском литературном поле, а занимал достаточно высокую позицию, играя роль посредника между центром и национальной республикой.

Поэма «Ақ ајув» («Белый медведь») открывается описанием отплытия экипажа парохода «Челюскин» и речью начальника экспедиции О. Ю. Шмидта. После крушения парохода Шмидт организует на льдине лагерь. Сталин отдает приказ спасти челюскинцев, им на помощь вылетает летчик Ляпидевский. Вместе с экипажем он перевозит и захваченного Шмидтом белого медведя. Белый медведь знакомится в зоопарке с бурым, который рассказывает ему о том, как он попал в зоопарк и кто в нем живет.

Главы поэмы на казахском языке начали выходить в газете «Социалды Қазақстан» сразу же после объявления конкурса в ноябре 1934 г. [Мұқан ұлы, 1934]. Спустя 20 дней после публикации результатов конкурса был сдан в набор номер «Литературного Казахстана» [Муканов, 1935а, с. 71–75], содержавший первую главу поэмы на русском языке.

¹ Среди представленных на конкурс были произведения Сабита Муканова «Ақ ајув» («Белый медведь»), Аскара Токмагамбетова «Уборсытса» («Уборщица»), Гали Орманова «Альпоян Қамал» («Освобожденная крепость»), Таира Жарокова «Мұз тұтқынь» («Пленник льда»), Абдильды Тажибаева «Қутқарув» («Спасение») [Вәйге].

² В дальнейшем при ссылке на победу в конкурсе место, которое заняла поэма, не указывалось. Ср.: «Вполне заслуженно его [Муканова] поэма о челюскинцах “Белый медведь” получила в Казахстане высшую премию» [Шарипова].

Журналы «Литературный Казахстан» и «Әдебиет майданы» продолжали издавать поэму поглавно, однако на русском языке не вышла пятая глава, которая была опубликована только в собрании сочинений Муканова (1960) [Муканов, 1960, с. 372–381]. В этом издании перевод остальных глав поэмы подвергся некоторым изменениям, при этом годом написания всей поэмы был указан 1935-й. Единственным переводчиком поэмы «Ақ ајуу» был поэт Павел Вячеславов.

Поэма Муканова является одним из многих текстов национальных советских авторов, особенностью которых было их функционирование одновременно на национальном языке и в русскоязычном переводе. Этот процесс включал текст в поле советской многонациональной литературы, поскольку делал его доступным для всех читателей. Посредством переводов формировался корпус советской литературы как литературы многонациональной³.

Текст на русском языке не является в полной мере переводом с казахского: он содержит все ключевые эпизоды сюжета поэмы, однако о полном соответствии можно говорить только на уровне мотивов. При этом текст на русском языке, в создании которого были задействованы автор подстрочника, переводчик, редактор, издатель, функционировал в поле советской литературы именно как перевод с казахского и был подписан именем Муканова.

Нет оснований считать, что Муканов не знал о тех изменениях, которые вносились при переводе. Автор участвовал в выборе переводчиков для своих стихотворений и мог оценить, в какой мере перевод соответствует оригиналу. Один из ранних сборников стихотворений Муканова открывается предисловием автора на русском языке, в котором он отмечает неточности переводов, связанные с тем, что переводчики, не зная казахского языка, работали с подстрочником [Муканов, 1934]. Это позволяет предполагать, что перевод поэмы был согласован с автором.

И текст на русском языке, и текст на казахском, оставаясь произведениями, приписанными определенному автору, могут служить образцами безавторской поэзии сталинского соцреализма, прагматика которой заключается в прославлении вождя. Анализируя специфику переводов в СССР, Е. Добренко пишет: «Тексты о вожде не могут быть авторскими по определению: в “стеклянном доме” тоталитарного государства связь между персонажем (вождем) и читателем (массами) прямая и не предполагает посредника-автора. Превращаясь в медиум вождя, автор теряет все те качества, которыми не располагает, согласно Барту, и читатель: он лишается истории, биографии, психологии и, таким образом, сам превращается в читателя. Между вождем и массой третий – лишний» [Добренко, 2011, с. 262].

---

³ «Перевод с разных языков должен был способствовать созданию глобального канона социалистического реализма, а также советского канона “репрезентативных” выражений национальных культур внутри империи (что также стало вопросом национальной политики)» [Witt, p. 151].

Отрывки из поэмы, посвященной челюскинцам, были дважды изданы в центральной московской печати. Публикация преследовала в первую очередь идеологические цели. Текст Муканова, представителя казахских писателей, демонстрировал лояльность советской национальной элиты к власти и ее включенность в процессы, происходящие в стране. Одновременно публикации национальных писателей на русском языке в центральной прессе служили идеологическим доказательством продолжения советской властью политики «положительной деятельности» [Мартин]. Текст национального автора оказывается важным для всего советского дискурса.

В журнале «30 дней» (1936, № 5) вышла глава «Медведь на небе», в которой летчик-спасатель Ляпидевский перевозит в Москву белого медведя [Муканов, 1936а, с. 46–47]. Месяцем позже небольшой отрывок из этой главы, озаглавленный «Москва моя», появился в журнале «Новый мир» (1936, № 6). Текст, опубликованный в «Новом мире», представляет собой своеобразный фрактал, демонстрирующий принципы построения всего русскоязычного текста:

Москва моя! Свобода!	Песен
Ночью летней,	И стихов...
Когда на склонах мира	А над стеной Кремля –
Даль темна, –	Под облаками –
Ты, как в степи	Пылает ярче
Джигит двадцатилетний,	Всех огней земли
В светящийся	Наполненное
Халат наряжена.	Красным светом знамя,
<...>	Как солнце,
И каждый житель,	Восходящее вдали...
Сам того не зная, –	[Муканов, 1936б, с. 73].
Творец веселья,	

Спецификой текстов соцреализма является типичность тем, сюжетов и героев⁴. Произведения советских национальных авторов отражают их двойную идентичность. Кроме обязательных компонентов текстов соцреализма, таких как прославление Сталина, восхищение советской действительностью, готовность противостоять врагам, произведения восточных авторов содержат элементы, свидетельствующие об их принадлежности иноязычной традиции.

В первую очередь стоит отметить, что перевод не содержит никаких отсылок к событиям, связанным с челюскинцами. Главное место в тексте занимает указание на центр, средоточие всех событий советской ежедневной действительности, в том числе происходящих на полярной арктической льдине, – Кремль, над которым развевается красное знамя. Именно оно становится связующим

⁴ О типичности как ключевом понятии соцреализма см.: [Кларк, 2000б, с. 359].

звеном между Москвой и льдиной, что также подчеркивается в третьей главе поэмы:

Он [Шмидт] говорил по радио. Потом он
Ходил... Стоял, на льдине опершись.
А лагерь жил! В нем было все как дома –
Привычная кругом шумела жизнь.
Его, как стены, окружали льдины
И башни скал. Спокоен и велик –
Он Кремль напоминал: посередине
Алело знамя, как на зданьи ЦИК
[Муканов, 1935b, № 3–4, с. 37].

Лагерь на льдине представляет собой своего рода советский микрокосм [Кларк, 2000а, с. 126], пространство организуется вокруг красного знамени. Примечательно, что второй символ советской действительности – радио – соседствует в тексте поэмы с первым. Радио предстает не столько средством связи, сколько орудием спасения, что декларировалось в описании похода:

Весь мир с замиранием сердца следил и видел во всех подробностях, как два месяца с переменным успехом шла неослабная, нарастающая в своем упорстве борьба, где предметом спора была жизнь ста одного человека. Кто участвовал в этой борьбе? С одной стороны:

Холодные пустыни арктических морей. <...> С другой стороны:

Во-первых – радио. Совсем еще молодая шеренга наших арктических радиостанций установила первую связь советской столицы с далеким лагерьем Шмидта [Славным завоевателям Арктики, с. 70–71].

Радио не просто связывает две точки на карте – оно символизирует связь между Москвой и любой точкой советской империи, называется первым среди прочих условий спасения, потому что посредством радио можно связаться со Сталиным.

В переводе поэмы знамя помещается в один ряд с табором, деревней и степью, чтобы подчеркнуть преобразование льдины в советское пространство:

Морозный норд в снегах полярных рыщет.
Блестит скала. Алеет флаг на ней.
Здесь самое опасное жилище
Спокойных и уверенных людей.
<...>
Полярный табор. Зимняя деревня.
Палатки, как избушки, встали в ряд.
И скалы, будто снежные деревья,
Закутанные инеем стоят.

Здесь при дневном
Коротком полусвете
Пустынно, одиноко,
Как в степи...

[Муканов, 1935b, № 3–4, с. 39].

Отсылка к образу степи, упоминание в первой главе поэмы баев, которых свергла советская власть, подчеркивают близость двух пространств, Арктики и советского Казахстана. Дополнительное значение такого сопоставления заключается в том, что арктическое и степное пространство оказываются в одном ряду советских колоний. Еще одним символом покорения Арктики выступает захваченный челюскинцами трофей – белый медведь, которого летчик Ляпидевский везет в центр империи Москву, где медведь оказывается в зоопарке. То, что Ляпидевский везет медведя в Москву, знаменует триумф летчика как советского героя-завоевателя – главного героя соцреализма, которому единственному возможно достигнуть сакрального центра империи. Как пишет К. Кларк, анализируя соцреалистический роман, «положительный герой и его наставники являются, по сути дела, единственными, кто может добраться до Москвы. Их функция – быть ритуальными посредниками между разделенными пространствами, поскольку реальный представитель масс не может пересечь пространственные границы» [Кларк, 2000а, с. 126].

То, что именно зоопарк знаменует собой окончательное покорение белого медведя, символизирующее собой покорение природы вообще, подтверждается изменением названия главы в собрании сочинений Муканова 1960 г. В переводе глава получает название «В зоопарке»⁵ [Муканов, 1960, с. 372]. Бурый медведь знакомит белого с обитателями зоопарка, при этом описывает каждого с помощью устоявшихся в литературе характеристик: слон – самый сильный, тигр – самый ловкий и быстрый, лиса – красавица. Отличительной чертой человека медведь называет покоряющую силу:

Так знай: он всех нас покоряет силой,
Его все звери, птицы, целый свет
[Там же, с. 374].

Отметим также явную библейскую отсылку в речи бурого медведя:

И много нас, и так несхожи мы,
И всем нам имена даны людьми
[Там же].

⁵ В оригинале глава называлась «Айтс» («Айтс», состязание народных певцов – акынов).

Глава поэмы, как и тексты о зоопарках 1930-х гг., завершается резкой сменой интонации: страдающий в неволе больной медведь видит пришедшего в зоопарк Шмидта, который протягивает ему руку через решетку [Лекманов, Свердлов, с. 183].

Компоненты, направленные на ориентализацию текста, обязательны для переводов восточных авторов. Большинство текстов писателей и народных певцов советского Востока содержат специфические сравнения, маркирующие текст как произведение инокультурной традиции, выделяющие его из текстов соцреализма. Зачастую в изданиях на русском языке включаются сноски-пояснения и/или словари, объясняющие значения иноязычных слов русскоязычному читателю. Все названные элементы восточного конструкта можно обнаружить и в отрывке из поэмы «Белый медведь» («Новый мир»). В качестве компонента, направленного на ориентализацию текста, выступает сравнение ночной Москвы с молодым джигитом в халате. Специфическим национальным элементом предстают в тексте пословицы:

Петух во сне
Обычно видит просо,
Лисица спит и видит петуха.
Во сне медведь, продрогший от мороза,
Поднялся за большие облака
[Муканов, 1935b, № 2, с. 54].

В русском переводе содержится ссылка, объясняющая, что фраза о лисице и петухе является казахской пословицей.

В качестве национального компонента выступает форма последней части поэмы – айтыс двух медведей, белого и бурого. Выбор такого названия отсылает к сталинской формуле, которая легла в основу определения советской национальной культуры: «...период диктатуры пролетариата и строительства социализма в СССР есть период расцвета национальных культур, социалистических по содержанию и национальных по форме» [Сталин]. При том, что вся поэма является «социалистической по содержанию», эта глава – «национальная по форме».

В приведенном отрывке не содержится явного противопоставления прошлого и настоящего, также чрезвычайно типичного для сталинского соцреализма, в особенности для восточных писателей. В тексте всей поэмы противопоставление прошлого и настоящего является одним из главных мотивов.

Немало в годы прежние героев
Взял голыми руками этот лед.
Теперь Страна Советская без боя
Товарищей своих не отдает.
<...>

Наказ вождя их вел. Узнает Сталин
 О гибели «Челюскина», о том,
 Что, кроме одного, мы все остались
 На голом льду, еще борясь со льдом, –
 Как в тот же день по сталинскому слову –
 Летавшие, ходившие сюда, –
 Пилоты, мореплаватели снова
 Отправят самолеты и суда
 [Муканов, 1935b, № 3–4, с. 37].

Главное отличие заключается в изменении отношения к человеку, выраженном в советском дискурсе: теперь каждый советский человек ценен, поэтому, как только о катастрофе станет известно, помощь будет оказана. Спасение челюскинцев оказывается возможным благодаря чудодейственной силе слова Сталина, помогающей летчикам, вера в которую – один из главных элементов сталинианы 1930-х гг. [Лекманов, с. 174].

С мотивом преобразования, произошедшего благодаря советской власти, неразрывно связана тема противопоставления Советского Союза, воплощенного в имперском центре, и всего остального мира. В отрывке оно выражено с помощью оппозиции светящейся огнями Москвы и темных «склонов мира».

Помимо эксплицитно выраженных обязательных элементов текста советского восточного автора, отрывок содержит в себе скрытую отсылку к текстам русской классики. Можно заметить переключку восклицания «Москва моя! Свобода!» со строкой «О Русь моя! Жена моя!» из стихотворения А. Блока «Река раскинулась. Течет, грустит лениво...» из цикла «На поле Куликовом». Закономерность такого сопоставления заключается и в близости образной системы поэтического цикла восточному тексту. Обращение к Москве резонирует со строками из «Евгения Онегина»:

Москва... как много в этом звуке
 Для сердца русского слилось!
 [Пушкин, 1960, т. 4, с. 146].

В первой главе поэмы Муканова содержится прямая цитата из «Медного всадника» Пушкина⁶. При этом в сноске дана информация об авторе и источнике цитаты:

Осада! приступ! лезут волны,
 Как звери, в окна. С ними челны
 С разбега стекла бьют кормой.
 Мосты, снесенные грозой,

⁶Цитата содержится в оригинале «Ақ аяу». Перевод «Медного всадника» появился в 1936 г. [Пушкин, 1936, с. 363–379], следовательно, Муканов сам перевел отрывок на казахский язык.

Обломки хижин, бревны, кровли,
Товар запасливой торговли,
Пожитки бедных, рухлядь их,
Колеса дрожек городских.

Приводя в своем тексте объемную цитату из текста русского классика, Муканов подчеркивает близость произведений Пушкина каждому читателю, в том числе читателю из национальной республики.

Включение в текст цитаты из Пушкина преследует две цели. Очевидная цель состоит в использовании цитаты как иллюстрации несчастной жизни людей при царском режиме. Таким образом, с помощью отрывка из классики еще раз противопоставляется жизнь до и после революции, что стало основой высокой оценки поэмы критиком в 1951 г.: «Муканов, приведя цитату из пушкинского “Медного всадника” о наводнении в Петербурге, напоминает читателям о судьбе бедного Евгения. Горькая доля, одиночество, унижение были уделом всех подобных ему бедняков. Так раскрывается принципиальное различие двух эпох – двух прямо противоположных судеб простых людей. Через героический характер советского человека, выразительно нарисованный на основе метода социалистического реализма, мы видим и характер нового общественного строя» [Нуртазин, с. 132–133]. Неявная цель использования цитаты из «Медного всадника» состоит в обращении к русскому литературному канону, центром которого является Пушкин. Несмотря на то, что до масштабного празднования столетия смерти классика остается еще три года, он уже назван главным советским поэтом. Особая роль в арктическом дискурсе была отведена Пушкину, что подтверждается постоянными упоминаниями его имени в текстах поэтов и писателей: «Как величаво-символичен для нашей героической действительности, как волнующе прекрасен был рассказ т. Шмидта о том, как в полярную ночь и стужу, светя им и согревая их, с героями-челюскинцами беседовал гениальнейший Пушкин. С челюскинцами – Пушкин! Это ли не наш современник!» [Бедный]. В газетах публикуются интервью с челюскинцами, в которых они говорят, что Пушкин помогал им переносить тяготы жизни на льдине [Баевский]. Таким образом, если рассматривать арктическую льдину как воссозданный в миниатюре советский мир, то главным поэтом в нем является Пушкин.

Помимо цитаты из русского классика, в тексте поэмы содержится отсылка к классику мировой литературы Г. Гейне. Так, в пятой главе, айтысе медведей, один из медведей говорит, что он потомок Атта-троля – медведя из одноименной поэмы Гейне. Переводчик поэмы Муканова, подчеркивая связь двух поэм, считает, что этот «органичный» прием «хотя и повлек за собой пересказ некоторых стихов Гейне, но отнюдь не кажется литературщиной» [Вячеславов, с. 150].

Статья Вячеславова была опубликована в журнале «Литературная учеба» в год выхода в издательстве «Academia» поэмы Гейне в пере-

воде Л. Пеньковского. Стоит отметить тесную связь двух переводчиков: Пеньковский переводил произведения казахских писателей, в его переводе был издан казахский народный эпос [Брусиловский; Из казакского эпоса]. И Павел Вячеславов, и Лев Пеньковский были осведомлены о ситуации середины 1930-х гг., сложившейся в Казахстане. В большинстве случаев песни народных певцов, изданные как переводы, изначально создавались на русском языке, а затем переводились на казахский. Самым известным примером такой фальсификации текстов были переводы песен Джамбула Джабаева [Добренко, 2013, с. 37]. П. Вячеславов был знаком с одним из первых фальсификаторов песен акынов поэтом Павлом Васильевым, собирал и хранил его стихотворения после расстрела Васильева в 1937 г. [Гронская, с. 51]. Таким образом, и Пеньковский, и Вячеславов знали о механизмах создания псевдопереводов с казахского языка.

Можно предположить, что появление отсылки к тексту Гейне в тексте поэмы Муканова не случайно: так, Вячеславов мог знать о готовившемся издании немецкой поэмы от Пеньковского, который с 1934 г. занимался переводами Гейне для издательства «Academia», и предложить Муканову добавить отсылку к поэме. Упоминание героя поэмы Гейне в русском варианте поэмы Муканова направлено на демонстрацию знания казахским автором мировой литературы в советском изводе.

В казахском варианте поэмы упоминание Атта-троля снабжено комментарием. С помощью национальных реалий объясняется, кем был автор поэмы: Гейне назван «немецким акыном-демократом» («germanbjanb □ buqarasy aqyp») [Мукан Уль, 1935, с. 70], кроме того, даны пояснения для имен главных персонажей поэмы «Атта-троль». Таким образом, текст для казахского читателя выполняет просветительскую функцию.

В казахскоязычном тексте поэмы содержится цитата из произведения классика казахской литературы XIX в. Абая Кунанбаева, которая исчезает в русском переводе. Как и в случае с Пушкиным и Гейне, цитата из текста Абая в поэме сопровождается ссылкой на источник. По мнению автора и издателей, потенциальный читатель поэмы на казахском языке не был знаком с казахской классикой настолько хорошо, чтобы распознать в тексте цитату из Абая. Абай, Пушкин и Гейне одинаково не были известны казахскому читателю середины 1930-х гг. Одна из целей цитирования Абая состоит в актуализации текстов казахского классика в советской казахской литературе. Адресат просветительской функции текста – казахскоязычный читатель, и поэтому цитата исчезает при переводе.

Ту же просветительскую функцию выполняют комментарии в тексте поэмы на казахском языке. В отличие от перевода, в котором содержатся всего лишь три поясняющие ссылки, в казахском оригинале не только прояснена цитата из Абая, но и даны определения для таких имен и названий, как «Балтика», «Петербург», «Чапаев»,

а также слов «кит», «пятилетка», «северное сияние». Более того, даны синонимы для некоторых казахских слов, например, "perzent" – "bala maqanasında" (младенец) [Муқан Уль, 1935, с. 11]. Текст казахского автора утверждал в литературном языке новые для казахов понятия, закреплял новый советско-имперский культурный код.

Появление поэмы о челюскинцах в казахской литературе служит примером влияния советского имперского центра на выбор тем национальными авторами. При этом публикация отрывков из поэмы в центральных московских журналах включает ее в общесоветский дискурс. Обязательным условием этого является перевод текста на русский язык, при котором он трансформируется: исходные элементы сюжета остаются, но меняется план выражения. Вариант поэмы на русском языке представляет собой своеобразный конструкт, собранный согласно представлениям о том, как должно выглядеть произведение советского казахского автора, при этом из текста удаляются компоненты, которые могут быть непонятны или несущественны для русскоязычного читателя. Функционируя в переводе, произведение выходит за рамки национальной культуры и становится частью сталинской советской литературы, задача которой состоит в демонстрации превосходства советского строя, возглавляемого Сталиным.

Список литературы

- Б. Р. Наказ миллионов // Лит. газ. 1934. № 74. С. 4.
Баевский И. Пушкин в лагере Шмидта // Лит. газ. 1934. № 79. С. 1.
Бедный Д. Боевое оружие революции // Лит. газ. 1934. № 116. С. 3.
Брусиловский Е. Отрывки из казахских музыкальных пьес «Жалбыр» и «Кыз-Жибек». Арии, хоры и танцы : Для пения с ф.-п. и для одного ф.-п. / рус. текст Л. Пеньковского. М. : Гос. муз. изд-во, 1936. 32 с.
Вячеславов П. Сабит Муканов // Лит. учеба. 1936. № 4. С. 147–150.
Гронская С. «Здесь я рассадил свои тополя...» : Документальная повесть о Елене Вяловой и поэте Павле Васильеве. Письма. М. : Флинта, 2005. 334 с.
Добренко Е. Найдено в переводе: рождение советской многонациональной литературы из смерти автора // Неприкосновенный запас. 2011. № 4. С. 236–262.
Добренко Е. Джамбул. Идеологические арабески // Джамбул Джабаев : Приключения казахского акына в Советской стране : ст. и материалы / под ред. К. Богданова, Р. Николози, Ю. Мурашова. М. : Новое лит. обозрение, 2013. С. 24–70.
Из казакского эпоса. Ер-саин // Литературный Казакстан. 1935. № 3–4. С. 80–83.
Кларк К. Соцреализм и сакрализация пространства // Соцреалистический канон / под ред. Х. Гюнтера и Е. Добренко. М. : Академ. проект, 2000а. С. 119–128.
Кларк К. Марксистско-ленинская эстетика // Соцреалистический канон / под ред. Х. Гюнтера и Е. Добренко. М. : Академ. проект, 2000б. С. 352–359.
Лекманов О. Сталинская «ода» : Стихотворение Мандельштама «Когда б я уголь взял для высшей похвалы...» на фоне поэтической сталинианы 1937 года // Новый мир. 2015. № 3. С. 174–188.
Лекманов О., Свердлов М. Зверинец у Корнея Чуковского и у детских советских поэтов 1920–1930-х годов // Новое лит. обозрение. 2018. № 4 (152). С. 171–186.
Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939 / пер. с англ. О. Р. Щелоковой. М. : РОССПЭН, 2011. 662 с.
Муканов С. Тулпар : сб. избр. ст. М. : Сов. писатель, 1934. 104 с.

- Муқанов С. Поход. Из поэмы «Белый медведь» // Литературный Казакстан. 1935а. № 1. С. 71–75.
- Муқанов С. Белый медведь // Литературный Казакстан. 1935б. № 2. С. 52–57. № 3–4. С. 37–41.
- Муқанов С. Медведь на небе / Из поэмы «Белый медведь» // 30 дней. 1936а. № 5. С. 46–47.
- Муқанов С. Москва моя / Из поэмы «Белый медведь» // Новый мир. 1936б. № 6. С. 73.
- Муқанов С. Белый медведь / пер. В. Вячеславова // Муқанов С. Стихи и поэмы. Алма-Ата : Казгослитиздат, 1960. С. 372–381.
- Нуртазин Т. О творчестве С. М. Муқанова. Алма-Ата : КГИХЛ, 1951. 337 с.
- Пушкин А. Медный всадник / пер. М. Давлетбаева // Пушкин А. Избр. произв. : в 3 т. Алма-Ата : КИХЛ, 1936. Т. 1. С. 363–379.
- Пушкин А. С. Евгений Онегин // Пушкин А. С. Полн. собр. соч. : в 10 т. М. : ГИХЛ, 1960. Т. 4. С. 9–198.
- Славным завоевателям Арктики : сборник / под ред. И. Грозы, П. Дубенского. М. : ОГИЗ – СОЦЭКГИЗ, 1934. 179 с.
- Слезкин Ю. Арктические зеркала : Россия и малые народы Севера. М. : Новое лит. обозрение, 2008. 512 с.
- Сталин И. Политический отчет Центрального комитета XVI съезду ВКП(б), 27 июня 1930 года // Правда. 1930. 29 июня. С. 5.
- Хасенов М. Сабит Муқанов // История казахской литературы : в 3 т. Алма-Ата : Наука, 1971. Т. 3. Казахская советская литература. С. 473–504.
- Шарипова Г. Литература Казакстана // Лит. газ. 1935. № 59. С. 4.
- Frank S. City of the Sun on Ice: The Soviet (Counter-) Discourse of the Arctic in the 1930s // Arctic Discourses / ed. by A. Ryall, J. Schimanski, H. Wærp. Newcastle : Cambridge Scholars, 2010. P. 106–131.
- Witt S. Between the Lines. Totalitarianism and Translation in the USSR // Contexts, Subtexts and Pretexts: Literary Translation in Eastern Europe and Russia / ed. by B. J. Baer. Amsterdam : John Benjamins Publ. Company, 2011. P. 149–170.
- Вәйге қортъндъсь-әдебийет кыцеримиздің өскендигін көрсетеді // Satsъjaldъ Qazaqъstan. 1935. 11 yjen. № 133 (3237). Б. 3.
- Кәтесіе. «Селыскін соғаръ» тағъь бнда саръjalanojan pajema бәйгесинің қортъндъсь // Lenincil ças. 1935. 12 yjen. № 85 (859). Б. 3.
- Muqan ulъ S. «Celuvsकिन» attanarda // Satsъjaldъ Qazaqъstan. 1934. 7 nojabir. № 258 (3059). Б. 2.
- Muqan Ulъ S. Aq ajuv. Almatъ : Qazaqъstan көркем әдебийет баспасъ, 1935. 87 б.

References

- B. R. (1934). Nakaz millionov [The Order of Millions]. In *Literaturnaya gazeta*. No. 74, p. 4.
- Baevskii, I. (1934). Pushkin v lagere Shmidta [Pushkin in Schmidt's Camp]. In *Literaturnaya gazeta*. No. 79, p. 1.
- Bednyi, D. (1934). Boevoe oruzhie revolyutsii [The Weapons of the Revolution]. In *Literaturnaya gazeta*. No. 116, p. 3.
- Вәйге қортъндъсь-әдебийет кыцеримиздің өскендигін көрсетеді [The Results of the Literary Competition Announced]. (1935). In *Satsъjaldъ Qazaqъstan*. No. 133 (3237). June 11, p. 3.
- Brusilovsky, Ye. (1936). *Otryvki iz kazakhskich muzykal'nykh p'es "Zhalbyr" i "Kyz-Zhibek"*. Arii, khory i tantsy. Dlya peniya s fortepiano i dlya odnogo fortepiano [Excerpts from Kazakh Musical Plays *Zhalbyr* and *Kyz-Zhibek*. Arias, Choirs and Dances. For Singing to the Accompaniment of Piano and for Piano Alone] / Russian text by L. Pen'kovskii. Moscow, Gosudarstvennoe muzykal'noe izdatel'stvo. 32 p.
- Clark, K. (2000a). Sotsrealizm i sakralizatsiya prostranstva [Socialist Realism and the Sacralisation of Space]. In Günther, H., Dobrenko, E. (Eds.). *Sotsrealisticheskii kanon*. Moscow, Akademicheskii proekt, pp. 119–128.

Pushkin, A. (1936). Mednyi vsadnik [The Bronze Horseman] / transl. by M. Davletbaev. In Pushkin, A. *Izbrannye proizvedeniya v 3 t.* Alma-Ata, Kazakhstanskoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury. Vol. 1, pp. 363–379.

Pushkin, A. S. (1960). Evgenii Onegin [Eugene Onegin]. In Pushkin, A. S. *Polnoe sobranie sochinenii v 10 t.* Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury. Vol. 4, pp. 9–198.

Sharipova, G. (1935). Literatura Kazakstana [Literature of Kazakhstan]. In *Literaturnaya gazeta*. No. 59, p. 4.

Slezkin, Yu. (2008). *Arkticheskie zerkala. Rossiya i malye narody Severa* [Arctic Mirrors. Russia and the Small Peoples of the North]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 512 p.

Stalin, I. (1930). Politicheskii otchet Tsentral'nogo komiteta XVI s'ezdu VKP(b), 27 iyunya 1930 goda [Political Report of the Central Committee of the 16th Congress of the All-Union Communist Party of Bolsheviks, 27 June 1930]. In *Pravda*. 29 June, p. 5.

Vyacheslavov, P. (1936). Sabit Mukanov [Sabit Mukanov]. In *Literaturnaya ucheba*. No. 4, pp. 147–150.

Witt, S. (2011). Between the Lines. Totalitarianism and Translation in the USSR. In Baer, B. J. (Ed.). *Contexts, Subtexts and Pretexts: Literary Translation in Eastern Europe and Russia*. Amsterdam, John Benjamins Publ. Company, pp. 149–170.

The article was submitted on 18.09.2019

THE “EROTIC” TRACTOR IN THE SOVIET CINEMA*

Rina Lapidus

Bar-Ilan University,
Ramat-Gan, Israel

Between the 1930s and the 1960s, much emphasis was put in the Soviet Union on the technological development of the country. One of the latest wonders of technology was the tractor, which harvested crops efficiently and rapidly. This article is concerned with the Soviet cinematic representation of work with tractors as the most erotic characteristic of a man. A man attractive to women in Soviet cinema is not handsome but rather is someone proficient in operating a tractor. On the other hand, a man who does not know how to operate a tractor is represented as impotent and is ridiculed by female characters. Several romantic films were produced in which the relationship between the protagonists developed against a background of the use of a tractor. These films became iconic and classic: everyone saw them many times and knew their scripts by heart. Most of the films depict a young Soviet man and his path to the heart of his girlfriend, and some show the maturation of the young character and his transformation into a real man. These goals are achieved through his work as a tractor driver. Examples of this are films like *The Rich Bride* (romantic comedy, 1937), *Tractor Drivers* (romantic drama, 1939), *Cossacks of the Kuban* (romantic comedy, 1949), *It Happened in Penkovo* (romantic drama, 1957), and *Knight's Move* (comedy, 1962). In all these films, work with tractors is represented as an integral part of the “machismo” of the Soviet man.

Keywords: Soviet cinema; image of a tractor driver; eroticism; masculinity.

В Советском Союзе с 1930-х по 1960-е гг. большое внимание уделялось технологическому развитию страны. Одним из последних чудес техники того времени был трактор, работа на котором позволяла эффективно и быстро обрабатывать поля. Статья посвящена советскому пропагандистскому представлению работы на тракторе как самой эротической составляющей маскулинности в советском кино. Мужчина, привлекательный для женщин в советском кино, был не красавцем, а человеком, который умел управлять трактором. С другой стороны, если он не умел управлять трактором, он был представлен как импотент и подвергался осмеянию героями фильма, особенно женщинами. Был выпущен ряд

---

* *Citation:* Lapidus, R. (2020). The “Erotic” Tractor in the Soviet Cinema. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 2. P. 519–535. DOI 10.15826/qr.2020.2.478.

Цитирование: Lapidus R. The “Erotic” Tractor in the Soviet Cinema // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 2. P. 519–535. DOI 10.15826/qr.2020.2.478.

романтических фильмов, в которых отношения между героями развивались в соответствии с умением мужчины управлять трактором. Они стали культовыми, классическими: все видели их много раз и знали их сценарии наизусть. Большинство фильмов изображало молодого советского героя и его путь к сердцу подруги, а некоторые показывали его возмужание и превращение в настоящего мужчину. Эти цели достигались благодаря работе героя на тракторе. Примерами таких кинокартин были «Богатая невеста» (романтическая комедия, 1937), «Трактористы» (романтическая драма, 1939), «Кубанские казаки» (романтическая комедия, 1949), «Дело было в Пенькове» (романтическая драма, 1957) и «Ход конем» (комедия, 1962). Во всех них умение управлять трактором представлялось как важнейшая характеристика советского мужчины.

Ключевые слова: советское кино; образ тракториста; эротика; маскулинность.

Introduction: A Tractor as an Indicator of the Erotic Potential of Soviet Man

This innovative article is concerned with an interesting aspect of Soviet mass media, namely, political propaganda by means of the erotization of agricultural labor in cinema [see: Cody]. Thus, a man attractive to women in Soviet literature and cinema is not handsome but rather is someone proficient in agricultural labor and operating a tractor in particular, the latest technological achievement in the 1920s and 1930s [Соцреалистический канон]. On the other hand, a man who does not know how to operate a tractor is represented as impotent and is ridiculed by the beautiful female characters. The idea of work with a tractor as an element of a man's emotional and erotic capabilities was most clearly manifested in Soviet cinema from the 1930s to the end of the 1960s.

The Symbolization and Erotization of the Tractor in Soviet Cinema

Various objects and actions may be given symbolic meanings in culture, including an erotic meaning. The erotization of various objects and actions is widely used in the arts and cinema. This symbolization makes the work more interesting and attractive. Soviet propaganda gave erotic meaning to the tractor, a working implement, in order to draw the people's attention to this new agricultural machine and arouse their interest in it [see: Cirlot].

In literature, we find phallic symbolism based not on imitation of the external form and action of the male sexual organ, but on its function. When the heroine of a work prefers to use an object rather than to engage in a sexual act with a man, this object is given an erotic, sexual meaning based on the functions it performs for the heroine. When a woman gains

more pleasure in using an object than in having sex with her husband, this object, regardless of its form, becomes the husband's competitor. We have an example in Yury Polyakov's novel *Kostya Gumankov's Paris Love*. The main character, Kostya Gumankov, cannot wait for his wife to come to his bed. But, to his great regret, she prefers to talk with her female friends on the phone. Kostya, insulted, notes with bitterness that if phones receivers were made in "a certain shape", meaning the shape of a phallus, women would completely forsake men. He adds that even now, when the receiver does not have "the necessary shape", it is still more attractive for his wife than he is [Lapidus, p. 125–126].

During intensive industrialization in the young Soviet state, erotic meanings and symbolisms were given to various tools and machines depicted in cinema in order to draw the attention of workers to these matters. These erotic meanings and symbolisms were invented by Soviet propaganda and had no cultural roots. Tools and machines were far from possessing an external phallic form and in no way resembled anything erotic, but they were given an erotic significance by communist ideological propaganda.

In the Soviet Union from the 1930s to the 1950s, much emphasis was laid on the country's technological development, previously a backward agricultural land. Agriculture, the country's chief source of revenue, was primitive, slow, and inefficient. The farmers worked the land with a plow harnessed to horses or oxen, as they had for hundreds of years, and they harvested their crops by hand. Needless to say, this hindered output, which was a crucial matter in view of the starvation which existed in the Soviet Union during that period [Lerman, Kislev, Biton]. Agricultural technology was therefore a primary concern and was promoted by the media and by Soviet propaganda. One of the wonders of technology was the tractor, which harvested crops efficiently and rapidly [Rezun].

In this period, the authorities invested heavily in the development of the cinema, which was an important propaganda instrument for the masses. The cinema was also a prestigious achievement in an international arena looking with curiosity at the first communist state in the world. The cinema transmitted propaganda messages for the promotion of agricultural technology. The tractor was represented in films as a sort of "king of agriculture" on whom the future of the country and the well-being of the people depended. A number of romantic films were produced in which the relationship between the main protagonists developed against the background of the use of a tractor. These films became iconic, classic: everyone saw them many times and knew their scripts by heart. Sayings from these films became proverbs. These films contained many episodes, but there were also elements of repetition [Benjamin]. All the films without exception presented a young Soviet man, full of strength, who saw his future optimistically. The great majority of the films are romantic and depict the main character's circuitous path to the heart of his girlfriend and their final happy marriage, while some of the films show

the maturation of the young man and his transformation into a real man. All the films have a strong element of “machismo” and present a teaching example of the true Soviet man [Ellul].

In order to promote physical labor, the tractor is presented not as an agricultural machine, but as evidence of the tractor driver’s masculinity. When a tractor driver operates his machine with skill, all the girls of the village, and especially the village beauty, appreciate it and show him respect, with an obvious hint that their relations will continue in the personal realm. On the other hand, when a tractor driver cannot cope with his task, the women and girls show him contempt, and the beauty of the village, with whom he is in love, does not even want to look at him, which causes panic and desperation on his part. He is eager to correct this situation, much like a man who discovers he is impotent in an intimate situation. In all the films there is something to which one pays no attention at first, but which prove to be the decisive factor: the tractor.

The protagonist’s girlfriend is only ready to open her heart when he shows that he has full mastery of the tractor. In some cases, the romantic love between the protagonist and his girlfriend develops against the background of agricultural work with the tractor. In the same way, a Soviet youth can only become a man to whom women react positively if he gains full mastery of this vehicle.

The protagonist of Soviet cinema can only realize his virility through the use of agricultural technology and the tractor in particular. On the other hand, the man who cannot use agricultural technology is depicted in the Soviet cinema as lacking in virility and impotent. He is also regarded as having no value for Soviet society at large. The defining identity of the protagonist of Soviet cinema is established by his skills in the use of agricultural technology and especially the tractor.

Moreover, in all these films there is no depiction of sexual relations between the protagonist and his girlfriend, but his attitude to his tractor suggests his potential relationship with the woman he loves and desires. For example, the protagonist is excited and attracted when he is about to work with the tractor. When he does not succeed in operating the machine, he is seized with panic and is completely at a loss. He is like a man who suffers temporary impotence in intimate relations with his partner. On the other hand, when he finally succeeds in operating the tractor, he is ecstatic, pleased with himself, and celebrates his success. When he has finished working successfully with the tractor, he is relaxed and satisfied: those around him, and Soviet society in general, welcome him enthusiastically as a great success and a true hero [Fitzpatrick].

The Rich Bride – musical comedy, 1937

The film begins with a depiction of the harvesting season in a Ukrainian kolkhoz¹. There is a song about harvesting. There is later a song about

---

¹ The lyrical comedy *The Rich Bride* was released in 1937, directed by Ivan Pyryev.

tractors, which became very popular in the Soviet Union. The viewers see a chain of tractors going to work.

Young Komsomol members are engaged in harvesting. There is also a women's agriculture unit working in the field; they are tying the sheaves mowed by the tractors. A song is heard encouraging women to work: 'Hi girls, hi beauties! Let our Motherland sing songs about us!'² which is probably the most famous song about young Russian women. The tractor driver Pavlo and a girl from the kolkhoz, Marina, are in love and wish to get married. But the accountant of the kolkhoz, Kovinko, has long been in love with Marina, too, and is plotting various ways of interfering in the relationship. Kovinko is jealous of Pavlo and wants to become a tractor driver just like him.

Late in the evening, after a hard day of harvesting, the young people start to dance. Afterwards, young couples start leaving the dancehall and hide, kissing and hugging, in every corner of the kolkhoz. Marina's grandfather is the kolkhoz's watchman and he sees the hiding couples. He urges them to go home and to bed, declaring that the next day is another day of harvesting, and harvesting is as important as winning the war against the Nazis. Suddenly he notices that Marina and Pavlo are one of the couples. The grandfather is pleased with his granddaughter's choice and spreads the news that Marina and Pavlo are about to get married. But Kovinko is out of his mind with jealousy and decides to thwart the wedding.

The next morning, all the young people are working in the fields again. The working people call the tractors "iron horses", as tractors are highly cherished and appreciated. The working unit of girls initiates a competition with the men: who can mow faster? Both teams are urged to mow faster and faster. Pavlo is operating a tractor but it breaks down. Pavlo is absolutely heartbroken. The working people around him laugh and make fun of him. Finally, he fixes the tractor alone: everyone around him appreciates and honors him. The girls look up to him with admiration. Pavlo boasts that he is capable not only of fixing a tractor single-handedly but also a tank and war plane. No one can compare to Pavlo. In this film, we see that the romantic relationship between the protagonist Pavlo and his girlfriend Marina depends on his skills in operating a tractor. His relationship to his tractor suggests his potential relationship with the woman he loves.

Kovinko designs a plot intended to foment a quarrel between Pavlo and Marina. Thus, he shows Pavlo false documents in which Marina is declared lazy and has earned only a small number of "workdays"³. He also shows similar documents to Marina, falsely testifying that Pavlo is lazy and poor.

Marina is upset, but, to her great surprise, she sees that the chairman of

---

² Lyrics by Vasily Lebedev-Kumach (1898–1949), music by Isaak Dunayevsky (1900–1955). Lebedev-Kumach was a Soviet poet and lyricist, widely known for his patriotic songs in the Stalin era. Isaak Dunayevsky was a Soviet film composer and conductor of the 1930s and 1940s. He is considered one of the greatest Soviet composers of all time.

³ A workday is *trudoden* in Russian and it literally means "a day of labor". It was a unit of value and a means of assessing the quantity and quality of labor as a factor of production in kolkhozes in the Soviet Union from 1930 to 1966. It was also a form of payment.

the kolkhoz praises Pavlo as the best worker. On the other hand, Pavlo is also upset because he is unaware that Kovinko has deceived him concerning the laziness of Marina. But as a true Soviet man, he declares that he loves Marina and it is not important to him how many “workdays” she has earned. Finally, it turns out that Marina has a lot of “workdays”: she is a rich bride in terms of the kolkhoz. Pavlo and Marina make up. After the harvesting is over, there is a party and everyone dances. The film has a happy ending.

This film is the first in the series of Stalin’s propaganda films promoting agricultural work with tractors. It is a merry film, full of energy and lively music; it immediately became popular throughout the country. The year 1937, besides being the year of the greatest and cruelest of Stalin’s acts of terror, was also a year of mechanization in Soviet agriculture, industry, and the army. People associated with technology came to the fore. In kolkhozes, the most appreciated machine was the tractor.

In this film, the tractor is given primary importance in every way. The tractor is not only an agricultural machine that ensured physical survival and protection from starvation but is also an integral part of the life of every person in the village. It is the object of the hopes of every member of the kolkhoz. They look upon it as a kind of higher authority, a sort of totem that has the power to defend the citizens against all afflictions and all potential enemies. The happiness of the Soviet citizen depends entirely on the tractor [Соцреалистический канон].

The film contains a famous song about the tractor which became a folksong among generations of Soviet citizens⁴. *The March of Tractor Drivers* goes as follows:

The March of Tractor Drivers

Ой вы, кони, вы кони стальные,
Боевые друзья – трактора.

<...>

Наша поступь тверда,
И врагу никогда
Не гулять по республикам нашим!

<...>

Ой вы, кони, могучие кони,
Ой вы, кони, стальные бока,
Мы за счастьем поедem в погоню,
Мы любого осилим врага!

Oh, you horses of steel,
You battle friends-tractors.

<...>

Our tread is solid
And the enemy will never
Walk in our republics!

<...>

Oh you, horses, mighty horses,
Oh, you horses with steel sides,
We will go in pursuit of happiness
We will defeat any enemy!

The song begins by relating to the tractor as a tool for working the land at harvest-time but ends by celebrating it as a higher authority defending the beloved motherland from enemies seeking to conquer and destroy it. In these songs and films, the tractor appears as a means of support for the Soviet citizen, who becomes a soldier in a battlefield, whether it

⁴ Music by Isaak Dunayevsky, lyrics by Vasily Lebedev-Kumach.

is the battlefield of agricultural labor or the battlefield for the defense of the Soviet Union.

The Soviet man becomes a servant of the tractor or of any other technological tool used in agriculture, industry, or warfare. It is the duty of the Soviet man to devote his life to operating heavy technological mechanisms: tractors, combine harvesters, trucks, tanks, airplanes. He is judged by the work he performed using these mechanisms, and his personal qualities are unimportant and not taken into account. The image of the Soviet man in these songs and films is standardized and life in the Soviet Union depicted as good, optimistic, and joyful. The citizens of the Soviet Union are represented in a positive light, as full of confidence and happy, but the reality was quite the opposite. For instance, one of the actors in the film, Semyon Shagaida⁵, who played the comic figure of the barber-musician, was arrested by the Stalinist authorities as soon as work on the film ended and was shot immediately after his arrest.

Musical drama *Tractor Drivers*⁶

Three demobilized tank drivers ride a train from the front back to their villages. Each of them praises his home kolkhoz. One of them, Klim, is going to Ukraine, to see Mariana, a girl whom he has never met; however, he has seen her portrait in a newspaper and made contact with her. She is a brigadier

of a team of tractor drivers. After the publication of her portrait in the newspaper, she receives lots of letters every day, including many from admirers who propose marriage to her. Many also come to her kolkhoz in order to personally propose to her. Mariana jokingly

Scene from *Tractor Drivers*. Nikolai Kryuchkov as Klim Yarko (left) and Boris Andreyev as Nazar Duma

asks the chairman of a team of tractor drivers, Nazar – a very large and strong man – to pretend to be her fiancé in order to fend off annoying admirers.

⁵ Semyon Shagaida (1896–1938), a Ukrainian and Russian actor, arrested and charged of being a Ukrainian nationalist, was executed promptly after arrest.

⁶ Musical drama *Tractor-Drivers* was released in 1939, directed by Ivan Pyryev.

Scene from *Tractor Drivers*.
Marina Ladyynina as Maryana Bazhan, in the center

The collective farm chairman, Kirill Petrovich, a person lacking in a sense of humor, does not understand that Mariana is kidding. He takes Mariana's offer to Nazar seriously and disapproves of Mariana's choice, as Nazar is lazy and a bad tractor driver. All these scenes unfold against the background of Isaak Dunayevsky's songs "Harvest, our harvest, is high harvest" and "Oh, you tractors are steel horses".

When night comes, a storm is brewing. The kolkhoz workers sing the song "Harness horses, boys"⁷ and ride the tractors home. Mariana gets on a motorcycle and rushes home through a field. On the way, she crashes into a dune and falls, hurting her foot. At this time, a kolkhoz member, Klim, passes by Mariana and sees that she has had a motorcycle accident. He sees that Mariana has fallen and injured her leg. He carries Mariana to her home and tries to treat her leg. Later, he also repairs the tractor of Mariana's girlfriend, which was left next to Mariana's home. He is a good-looking man and plays the harmonica well. Klim fought in the Second World War as a tank driver, a fact which suggests that he is a man with high moral standards. He continually sings the song, "Three tank drivers, the team of a war machine, three devoted friends" («Три танкиста, три веселых друга, / Экипаж машины боевой»). He is the embodiment of a heroic male. Mariana offers him a job as a mechanic on the kolkhoz.

Klim begins to work. He has clashes with Nazar, who is lazy and does not take care of the kolkhoz property. Nazar decides to tease Klim and tells him that he is Mariana's fiancé and will not give her up in favor of Klim. Klim is angry and wants to leave for another collective farm. One day, Kirill Petrovich approaches Klim and asks him to become the brigadier of the tractor drivers' team instead of Nazar, who was caught stealing fuel. Klim agrees, but the team react with hostility. In response to a request to start work, they begin to dance. Nazar sits high on a tractor and grins. Klim shows his ability in dancing and work. Everyone recognizes his leadership and begins to change, even Nazar.

The team of tractor drivers headed by brigadier Klim becomes one of the best in the region. Klim suggests that the kolkhoz members should not only do outstanding work but also engage in military training. In the event

⁷ Following the Ukrainian folksong "Guys, unharness horses and go to bed to rest..." («Распрягайте, хлопцы, коней / Да ложитесь поживать...»).

of war, tractor drivers can become tank drivers and defend their beloved Soviet Motherland. The kolkhoz members by chance find a German helmet from the First World War and use it for shooting practice, which suggests the possibility of a pending war. Nazar admits that Klim is better. Nazar follows Klim and starts admiring tanks and singing songs about them. Mariana and Klim confess their mutual love and decide to get married. The movie has a happy ending. The wedding is held in a patriotic atmosphere, the guests sing the song "We don't need a foreign land, but we will not give Moscow away" («Чужой земли мы не хотим ни пяди, / Но и своей вершка не отдадим») and express their devotion to socialism.

This is the most famous film of the entire Stalin period. The main protagonist Klim is a tank driver in a group of Soviet troops that defeated Japanese troops in 1938. The protagonist represents the typical image of a glorious hero: he served as a tank driver in the victorious war, he serves as a tractor driver in the postwar era; he is an innovative mechanic-technician. He seems to be the perfect Soviet superhero.

Thanks to prominent actors who were convinced of the correctness and necessity of making such a film, it gained unprecedented popularity among the youth in the Soviet Union. Hundreds of thousands of young people seeking to resemble Klim went to work in collective farms as tractor drivers. The protagonist Klim was depicted in a way that became incredibly popular among women throughout the Soviet Union.

Proficiency in operating a tractor is shown in this film as the most important quality and skill in a man's life. It characterizes the man as a most admirable person in all respects in the eyes of those around him. Proficiency in operating a tractor makes him complete. On the other hand, someone who does not know how to operate a tractor finally understands that he has no option other than to gain this proficiency as quickly as possible; otherwise, he will lose his place in Soviet society, will fail to build a family, and will remain isolated, without a livelihood and without a future. The tractor is the sole and absolute criterion that everyone bows down to. The tractor was a kind of god of Soviet agriculture from 1930 to 1960.

Musical comedy *Cossacks of the Kuban*⁸

Galina Ermolaevna, who is chairman of a kolkhoz, rides in a cart to a fair. She meets Gordei Gordeevich, who is chairman of a nearby collective farm and also riding to the fair. Their kolkhozes are in socialist competition for greater productivity. Galina and Gordei secretly love each other, but they do not confess this. Galina has been a widow for the last seven years, and Gordei Gordeevich has loved her all his life, even before she got married. Each of them feels they are involved in a clash of interests. Both feel they cannot realize their love because they are chairs of competing neighboring kolkhozes, and to unite as a loving couple would be a betrayal of their socialist duty.

---

⁸ The musical comedy *Cossacks of the Kuban* was released in 1949, directed by Ivan Pyryev, script by Nikolay Pogodin.

Scene from *It Happened in Penkovo*.
Vyacheslav Tikhonov as Matvey Morozov

Finally, each of them arrives at the fair. There is a great abundance of products, commodities, and manufactured goods. There is even a Moskvitch, a Soviet car, for sale there. Since there is a plethora of goods, Galina's kolkhoz has to reduce its prices by 20 percent. Gordei's kolkhoz is compelled to reduce its prices by 30 percent, although both kolkhozes initially planned to raise

their prices. The fair is full of young people walking around and choosing whatever they want to purchase for themselves.

This is a propaganda scene, intended to demonstrate to the Soviet people, constantly suffering from shortages in all spheres of life, how wonderful and rich their lives would be if socialism were achieved. Kolkhozes are shown to be reducing their prices by tens of percent. The presence of many young people in the market is intended to "prove" that they are satisfied in the countryside and have no wish to leave for large cities.

It is emphasized in the film that people not only work hard in the kolkhoz but also enjoy a high level of cultural activities. Thus, Galina and Gordei meet by chance in the regional store for musical instruments. Galina purchases a piano for the amateur club in her kolkhoz. People who come to the store with Gordei ask him to purchase a piano too, but he is reluctant at first as it is expensive. In the end he feels compelled to purchase one since Galina's kolkhoz and his own are competing with one another and he cannot afford to lose.

There are a lot of amateur artistic events in the kolkhoz such as dances and singing in the kolkhoz choir. In one of these events, in the evening in the main hall of the kolkhoz, members sing romantic songs as a hint to Galina and Gordei. Then there are dances, and young men from Galina's kolkhoz court girls from other kolkhozes, including Gordei's. The festival continues for the next few days, with the appearance of an amateur kolkhoz circus, equestrian competitions, and plenty of food and drink. Gordei's adopted daughter falls in love with a guy from Galina's kolkhoz. Gordei objects to their relationship as he is afraid that if they get married, his adopted daughter will leave for the kolkhoz of her husband, depriving his own kolkhoz of an industrious young worker.

The turning point of the plot is an equestrian competition. In the decisive final race, the winner is the young man who loves Gordei's adopted daughter. Gordei now consents to their marriage. In the doubles race, the competitors are Galina and Gordei. It is not clear until the very

end who the winner is, but Gordei finally emerges victorious. Someone in the viewing public sarcastically suggests that Galina faltered in the last dash in order to let Gordei win and so flatter him. After the competition, Galina secretly reveals to a friend that she loves Gordei, and the friend informs Gordei of that fact.

At the end of the film, Galina and Gordei get married, along with Gordei's adopted daughter and her beau. All of them go back to their kolkhozes singing patriotic songs about the dear Soviet motherland. The viewing public sees the prosperity of each of the kolkhozes, which were also equipped with wonderful technical machines like tractors.

This was the last film of the Stalin epoch and has much in common with the *The Rich Bride* (see above). Both were directed in the style of operetta, supported by the brilliant music of Dunayevsky. Both present Soviet reality in a utopian, saccharine light. The main difference between the protagonists of this film and *The Rich Bride* is their age. While the characters in *The Rich Bride* are young people, those in the later film are "adults". Galina and Gordei are shown as successful leaders of advanced kolkhozes. They have much to teach the young and show themselves to be caring mentors. It is said that after watching the film, Stalin commented that agriculture in the country was good. In fact, in 1949, when the film was made, the situation in the country was extremely difficult and even desperate.

Nevertheless, both films always remained very popular, even though the abundance and joyful reality shown in them never arrived. It is thought that the reason for their success is that they represent a cheerful musical fairytale where all the characters are fairytale characters, with their intelligence, beauty, strength, and wisdom. The negative characters only set off the beauty and moral excellence of the protagonists.

The film shows that socialist competition for greater productivity between different kolkhozes leads to the prosperity of Soviet citizens and encourages successful love among couples of all ages, both older couples (like Galina and Gordei) and young people (like Gordei's adopted daughter and her darling). It is socialist competition that leads to the marriage of these two couples. Socialist competition both helps the beloved Soviet motherland economically and allows individuals to find personal happiness. Tractors have a marginal role in this film. They are part of the future happiness of the Soviet people for which individuals like Galina and Gordei are constantly toiling.

Romantic drama *It Happened in Penkovo*⁹

The film begins with a description of the protagonist Matvey riding a train back to his home kolkhoz after serving a term in a prison. He makes friends with the train conductor and tells him his story and how he was sentenced.

---

⁹ The romantic drama *It Happened in Penkovo* was released in 1957, director: Stanislav Rostotzkii, script: Stanislav Rostotzkii, Sergei Antonov.

Matvey was a tractor driver in his home kolkhoz. Once a lecture was given in the kolkhoz club, but Matvey and the daughter of the kolkhoz chairman left and spent time together in a quiet corner of one of the streets. The chairman saw them kissing and got mad, as Matvey had the reputation of being a good tractor driver but not a moral person. When Matvey proves he is serious about the girl, he proposes to her and she happily accepts. They set a date for a wedding.

Before the wedding, Matvey returns in a cart from the station. A young lady, Tonya, is also riding in the cart. She is a veterinarian, newly graduated from a university in Leningrad, and is returning to her kolkhoz to start her career there. She is to temporarily stay with her grandfather as she has no parents. Her grandfather disapproves of Matvey, and speaks of his disgraceful behavior, his drinking, and his damage to life in the kolkhoz. Tonya at first dislikes life in the kolkhoz, especially the treatment of livestock there.

A correspondent from a paper in the big city arrives to write an article about an outstanding worker, Zefirkin, and photograph him. Matvey is jealous and attempts to prove that he is an even better worker, but in vain. He comes up with a suggestion for a competition: to see whose tractor is stronger, the vehicles are attached to a trailer and pull in different directions. Matvey's tractor breaks down. Harming and destroying kolkhoz property is a felony: an investigator arrives and talks with Matvey. He finds out that the main suspect, Matvey, and the daughter of the chairman of kolkhoz secretly registered their marriage. The case is dropped and they now celebrate the wedding.

The competition is motivated by Matvey's jealousy of Zefirkin, the most successful and admired man on the kolkhoz. The tractor is used by Matvey to show that he is the real success story and it is he who should be admired and photographed for the newspaper. He wants to use the tractor for selfish, frivolous, immoral, and illegal purposes. But the tractor breaks and gives rise to a crisis in Matvey's heart as well, for he understands the seriousness of his actions and internalizes the fact that his behavior was not only not moral but illegal.

Matvey, who fought in a tank in the Second World War, is essentially a man of high morals. In the war, he had shown himself to be honest, brave, and loyal. His desire to throw off all restraint that one sees at the beginning of the film disappears at the shocking sight of the broken tractor, and he admits his fault. After this incident, he becomes himself again: a noble person who works honestly in the spirit of a true Soviet citizen.

Later, Matvey and Tonya get to know one another better and begin to like each other. Matvey drives Tonya home in his tractor. A female neighbor spreads rumors about them. Matvey's wife gets very jealous. In the kolkhoz, they start building a club on Tonya and Matvey's initiative. They are both eager to advance the construction, and one night they meet there by chance. They confess their mutual affection, but Tonya is very reluctant and does not encourage Matvey to take further action. They never consummate their mutual love.

At the end of their casual encounter, Tonya stumbles and injures her leg. Matvey brings her home in his arms. A female neighbor sees it and informs Larissa, Matvey's wife, that Matvey and Tonya are lovers. She

persuades Matvey's wife to poison Tonya. Matvey's wife pours poison into a cup of tea she gives to Tonya, but at the last moment realizes that Matvey did not actually betray her with Tonya and knocks the cup out of her rival's hands. Larissa tells Matvey that the neighbor had told her that he and Tonya were lovers. He runs to the neighbor in a rage, hits her, and locks her in a cellar. Consequently, Matvey is charged in court with violence. As a noble person, he admits to being guilty and forbids his wife from giving testimony mentioning Tonya's name in order to avoid evil rumors about her. He is sentenced to serve two years in prison for violence. Now he comes back from prison (the beginning of the film). At home, he sees his infant son, who was born in his absence, for the first time. He decides to remain with his family. When he meets Tonya by chance, they exchange glances in a friendly way.

This film was a breakthrough in its humanization of Soviet people and its focus on the fate of ordinary people. The characters in the film have strong emotions and are torn apart by their hesitations, their impulses, and their suffering. In this film, work with a tractor is less felt and there is more emphasis on the hard fate of women such as Tonya who remained alone after the Second World War. But the breakdown of the tractor in the competition is a crisis point in Matvey's life. Before the competition, Matvey feels that he deserves compensation for his years of fighting in the war, even if that compensation is at the expense of public property belonging to the kolkhoz. But after the incident with the tractor, his conscience is aroused, and he understands that one has to act morally towards everyone, including those who did not fight in the war. He understands his feeling, that he deserves more than others because he suffered for five years in the war and endangered his life, is not right or justified.

In this film, the tractor appears as a thing of great value – something sacred. And therefore, when Matvey breaks the tractor in the competition, this is seen as crossing every human, moral, and sacrosanct boundary. At the same time, Matvey works as a tractor driver on a kolkhoz, and this shows him as a man of a high moral standards. In this film, as in others of this period, the tractor is seen as having a supreme value.

***Comedy Knight's Move*¹⁰**

Knight's Move is a Soviet feature film made in 1962, based on a young people's novel by Mikhail Zhestev¹¹, *The Adventures of a Little Tractor Operator* (1957). Fifteen-year-old Alyosha Levshin, who dreams of becoming a high-class tractor driver, is not allowed to work on the collective farm because he is too young. Then he exchanges his documents with his elder comrade, Kolka Lopatin, who dreams of a carefree life in the city. As a result, Alyosha gets an honors diploma, but he still cannot work

¹⁰ The comedy *Knight's Move* was released in 1962, director: Tatiana Lukashevitz.

¹¹ Mikhail Zhestev (real name Mark Ilich Levinson, 1902–1983) was a Soviet and Russian novelist, essayist, and journalist.

on a collective farm because of his young age, and he is assigned to work in his home school as an assistant of the teacher.

There is a class in the school and all the students read the novel *My Apprenticeship* by Maxim Gorky, where the author describes the crucial importance of serious work in one's life. The protagonist Alyosha reads a book about tractors. After school, Alyosha and his friend Kolka go to see tractors at work. Kolka is an assistant to a tractor driver, but he does not enjoy working with the tractors and is very lazy.

Shugai is the manager of all the tractor drivers and operates a tractor masterfully: he brings down a huge tree that the others could not fell. Shugai is impressed by Alyosha's interest in tractors and promises to teach him how to operate a tractor when he grows up. Shugai leaves his work and goes for a break. Alyosha climbs onto his tractor and starts driving. He notes that people saw him stealing a tractor for a drive. He gets frightened and drives the tractor into a river. He hides under the walkways above the river. Everyone thinks he was drowned and begin to search for him with great commotion, but in vain. When his grandmother calls him, he comes out of hiding, feeling guilty and confused, as he failed to realize the panic he caused by his disappearance.

Kolka sees a luxurious Volga car in the big city and the young men sitting in it: they wear shirts, tight pants, and thick-soled shoes. These are urban bums, condemned by official Soviet media and the public but nevertheless very attractive for a frivolous lad like Kolka. They seem to behave like the spoiled children of big bosses. Kolka is jealous of them and dreams of such a life.

At this time, Alyosha's aunt appears on the stage. She is about to sell her house where she lives with her mother (Alyosha's grandmother) and Alyosha himself, as he has no parents. She intends to send her mother to her grown-up daughter living in the city and Alyosha to her brother, Alyosha's uncle, who lives in another part of the city. Alyosha has never met this uncle.

Alesha is upset as he has to part with his home village and his dream of learning how to operate a tractor. At this time, Kolka (who is two years older) gets a referral from a collective farm to a tractor driver's school in the big city. Kolka is eager to leave for the city and enjoy life there, but he does not want to attend the tractor drivers' school. The opposite applies to Alyosha: his dream is to study in the tractor driver's school. They decided to exchange documents – Alyosha goes to the school as if he were Kolka, and Kolka heads to Alyosha's uncle, pretending to be his nephew.

In the city, it turns out that the manager of the dormitory in the school is Alyosha's uncle, but neither the manager of the dormitory nor Alyosha are aware of this. Nevertheless, they feel close to one another and become good friends as both of them are fond of tractors.

In the dormitory room where Alyosha is put, a new tenant appears: Pomerantsev, a cunning rogue who wants to cheat everyone. At one point, Alyosha teaches him to play chess and Pomerantsev likes the knight, because it can move two steps forward and one step aside, a metaphor for his lousy character. In the school, Alyosha is the best student and Pomerantsev ends up as the worst. However, Pomerantsev realizes that Alyosha is not the

person he claims to be: he cannot return to his native village because his deception would be revealed.

Therefore, Pomerantsev suggests to Alyosha that he, Alyosha, should go to Pomerantsev's village, where Pomerantsev will arrange for Alyosha to be his assistant tractor driver. Alyosha accepts the offer and works brilliantly; soon, Pomerantsev goes to a nearby collective farm to call Shugai himself for a competition. Everyone feels that something is wrong, because Pomerantsev says he is working with Shugai's former assistant, Kolka, who was feckless and a loafer.

Meanwhile, Kolka matures and becomes more serious. Hence, people stop giving him the nickname "Kolka" and start calling him by his proper name, "Nikolay". He begins to realize the wrongness of his life. His big-city acquaintances extort money from him. He wants to escape from them in that fancy Volga car which initially attracted him to move to the city. But while driving the car, he crashes into a soda machine and covers the car with sweet syrup. He is detained by the police and all his wrongdoings, lies, and cunning are revealed. Nikolay is disappointed with life in the city and his own behavior; he is willing to reform his life and to become a moral, decent Soviet citizen.

Shugai is very happy about Alyosha. His grandma returns to the kolkhoz in the village. Nikolay is now willing to study at the school for tractor drivers. The film ends with Alyosha working with a tractor, and he begins to replace Shugai as a teacher in courses for tractor drivers in his native village.

This film is a merry comedy with a happy ending and the best comic actors in Soviet cinema. It is a comedy of changing positions and misunderstandings, very skillfully made. The tractor driver Shugai is Alyosha's ideal; he is also decorated with a medal of the Hero of Socialist Labor, the highest award for working people in the Soviet Union. His appearance is masculine and handsome, and his behavior resembles that of pilots. At the same time, he is a figure from the films of the 1930s and 1940s about tractor drivers. Urban youth are shown as parasites, semi-criminals, living on the edge, wasting their parents' money or engaged in theft. City life, opposed to peasants' life in rural villages, is shown as defective. A person who admires big city life is depicted as an admirer of Western culture, a semi-traitor of the dear Soviet Motherland.

But if we compare this film to *It Happened in Penkovo* (see above), we may note that there is significant socialist propaganda in this film. Thus, the young viewing audience is brainwashed to prefer agricultural work with a tractor on a kolkhoz to all the benefits of a carefree life in a big city. The film urges them to devote their lives to building communism. These were the years of the creation of the Moral Code of the Builder of Communism¹² and its spread

---

¹² The Moral Code of the Builder of Communism was a set of principles of communist morality, included in the texts of the third program of the CPSU and Articles of the Communist Party of the Soviet Union adopted by the 22nd Congress. These principles included devotion to the cause of communism, to the socialist Soviet Motherland and to all socialist countries, honest labor for the good of the public as a whole, awareness of socialist public duties, intolerance of individuals who disregarded public interests, intolerance of enemies of communism, etc.

throughout the Soviet Union, with the task of achieving communism by 1980. The film was released in 1962, a year after Yuri Gagarin's space flight¹³, when young men in the Soviet Union were dreaming of becoming pilots. Young people were leaving rural areas in droves. The film was intended to arrest this tendency and to attract them to the challenges in the rural villages, which could bring them honor and satisfaction. At the same time, this was the famous generation of the sixties, from which emerged the poets Yevtushenko¹⁴, Akhmadullina¹⁵, and Voznesensky¹⁶, the artists Shemyakin¹⁷ and Neizvestny¹⁸, anti-Soviet dissident writers, and many people who determined Russia's path in the late twentieth and early twenty-first centuries [Избавление от миражей: соцреализм сегодня].

The tractor appears in this film as a means of testing the value of the Soviet man. The youth who gains proficiency in operating a tractor becomes an adult Soviet citizen, mature, appreciated in society. Together with his proficiency in operating a tractor, he learns to make the right decisions and to become serious, principled, and solid. He is loved and admired both in his kolkhoz and in Soviet society as a whole. On the other hand, a young man who does not wish to gain such proficiency reveals by this his general worthlessness. Although he is physically mature, he is not mature spiritually. He is light-headed, irresponsible, a liar, engaged in dubious schemes – one cannot trust him. In fact, he is taking a path to total failure in his life, and if he continues on that path it will finally lead him to prison and an early death. The only way for this weak adolescent to avoid this fate is for him to wake up and become serious, and the first step is to learn to operate a tractor.

To sum up, one can say that Soviet cinema was full of deliberate propaganda. What is surprising is the representation of work with a tractor as a decisive influence on a man's fate, and especially the representation of work with a tractor as an integral part of the "machismo" of the Soviet man.

Список литературы

Избавление от миражей: соцреализм сегодня / сост. Е. А. Добренко. М. : Сов. писатель, 1990. 413 с.

Соцреалистический канон / под ред. Х. Гюнтера, Е. Добренко. СПб. : Академ. проект, 2000. 1040 с.

¹³ Yuri Gagarin (1934–1968), was a Soviet pilot and cosmonaut who became the first human to journey into outer space. Gagarin became an international celebrity and was awarded many medals and titles.

¹⁴ Evgeny Yevtushenko (1932 (1933?)–2017) was a Russian poet, film producer, orator, and actor. He was one of the candidates for the Nobel prize in literature.

¹⁵ Bella Akhmadulina (1937–2017) was a Soviet and Russian poet and short story writer. She was part of the Russian New Wave literary movement.

¹⁶ Andrei Voznesensky (1933–2010) was a Soviet and Russian poet and writer. He was one of the "children of the '60s," the new wave of iconic Russian intellectuals resulting from the Khrushchev thaw.

¹⁷ Mikhail Shemyakin (b. 1943) is a Russian painter, stage designer and sculptor. He is a controversial representative of the nonconformist art tradition of St Petersburg.

¹⁸ Ernest Isosifovich Neizvestny (1925–2016) was a Russo-American sculptor, painter and graphic artist. He emigrated to the US in 1976 and lived and worked in New York City.

Benjamin W. *Work of Art in the Age of Its Technological Reproducibility: Second Version* // Benjamin W. *The Work of Art in the Age of Its Technological Reproducibility, and Other Writings on Media* / ed. by M. W. Jennings, B. Doherty, T. Y. Levin. Cambridge, MA : Harvard Univ. Press, 2008. P. 19–55.

Cirlot J. E. *A Dictionary of Symbols*. 2nd Ed. L. : Routledge, 1990. 514 p.

Cody T. *The Propaganda Era: Film as a Political Tool* // *The Silhouette* : [website]. 2013. Marth 28. URL: <https://www.thesil.ca/the-propaganda-era-film-is-a-political-tool> (mode of access: 24.03.2020).

Ellul J. *Propaganda: The Formation of Men’s Attitudes*. N. Y. : Alfred A. Knopf, 1965. 320 p.

Fitzpatrick S. *Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times : Soviet Russia in the 1930s*. Oxford : Oxford Univ. Press, 2000. 312 p.

Lapidus R. *Passion, Humiliation, Revenge – Hatred in Man-Woman Relationships in the 19th and 20th Century Russian Novel*. Lanham, Maryland : Lexington Books, 2008. 182 p.

Lerman Z., Kislev Y., Biton D. *Agricultural Output and Productivity in the Former Soviet Republics* // *Economic Development and Cultural Change*. Vol. 51. 2003. № 4. P. 999–1018. DOI 10.1086/376884.

Rezun M. *Science, Technology, and Ecopolitics in the USSR*. Westport, CT : Praeger, 1996. 228 p.

References

Benjamin, W. (2008). *Work of Art in the Age of Its Technological Reproducibility: Second Version*. In Benjamin, W. *The Work of Art in the Age of Its Technological Reproducibility, and Other Writings on Media* / ed. by M. W. Jennings, B. Doherty, T. Y. Levin. Cambridge, MA, Harvard Univ. Press, pp. 19–55.

Cirlot, J. E. (1990). *A Dictionary of Symbols*. 2nd Ed. L., Routledge. 514 p.

Cody, T. (2013). *The Propaganda Era: Film as a Political Tool*. In *The Silhouette* [website]. Marth 28. URL: <https://www.thesil.ca/the-propaganda-era-film-is-a-political-tool> (mode of access: 24.03.2020).

Dobrenko, E. A. (Ed.). (1990). *Izbavlenie ot mirazhei: sotsrealizm segodnya* [Deliverance from Illusions: Socialist Realism Today]. Moscow, Sovetskii pisatel’. 413 p.

Ellul, J. (1965). *Propaganda: The Formation of Men’s Attitudes*. N. Y., Alfred A. Knopf. 320 p.

Fitzpatrick, S. (2000). *Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times : Soviet Russia in the 1930s*. Oxford, Oxford Univ. Press. 312 p.

Günther, H., Dobrenko, E. (Eds.). (2000). *Sotsrealisticheskii kanon* [The Socialist Realist Canon]. St Petersburg, Akademicheskii proekt. 1040 p.

Lapidus, R. (2008). *Passion, Humiliation, Revenge – Hatred in Man-Woman Relationships in the 19th and 20th Century Russian Novel*. Lanham, Maryland, Lexington Books. 182 p.

Lerman, Z., Kislev Y., Biton D. (2003). *Agricultural Output and Productivity in the Former Soviet Republics*. In *Economic Development and Cultural Change*. Vol. 51. No. 4, pp. 999–1018. DOI 10.1086/376884.

Rezun, M. (1996). *Science, Technology, and Ecopolitics in the USSR*. Westport, CT, Praeger. 228 p.

The article was submitted on 14.09.2019

**THE RED MACHINE:
THE DEHUMANIZATION OF THE COMMUNIST ENEMY
IN AMERICAN COLD WAR CINEMA****

Oleg Riabov

St Petersburg State University,
St Petersburg, Russia

This article deals with the US Cold War cinematographic construction of the Soviet enemy. The researcher focuses on the means of dehumanising the communist enemy, external and internal, by equating it to a machine. The author applies Nick Haslam's dual model of dehumanization (2006), according to which dehumanization is visible in two main forms: animalistic, by associating members of the out-group with animals, and mechanistic, by associating them with a soulless machine. The materials used consist of US films from the "Long Fifties", in which Hollywood, equating the enemy to machines, developed three plots: the robotic existence of individuals in a totalitarian society; the transformation of Americans into zombies by communists by means of Soviet science; and the body snatching of Americans by an alien mind, an allegory of a future communist occupation of the USA. The article demonstrates that dehumanization was implemented by directly labeling the representatives of the communist world as robots and by attributing to them a lack of emotions, consciousness, will, individuality, initiative, warmth, love, friendship, creative abilities, and even the ability to smile. Such an image of the enemy implied a moral exclusion, treating them as an inanimate object unworthy of empathy, including in the event of their destruction. The author points out that the use of mechanistic dehumanization was very effective. Essentialization of the differences between "us" and "them" occurred: the symbolic border between them is presented as a boundary between living and nonliving. The image of mortal danger was created: the "Red Machine" is strong and merciless, it cannot be moved to pity, and so it is permissible to destroy it. This image contributed to the legitimization of power: the political opponents of the authorities are represented as internal enemies who are anxious to turn Americans into obedient executors of someone else's will and to deprive them of humanity. At the same time, the machine also has weaknesses, and it is possible to defeat it:

---

* This article is financially supported by the Russian Science Foundation, grant 18-18-00233 "Cinematographic Images of the Soviet and American Enemies in the Symbolic Politics of the Cold War: Comparative Analysis" (headed by O. V. Ryabov).

** Citation: Riabov, O. (2020). *The Red Machine: The Dehumanization of the Communist Enemy in American Cold War Cinema*. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 2. P. 536–550. DOI 10.15826/qr.2020.2.479.

Цитирование: Riabov O. *The Red Machine: The Dehumanization of the Communist Enemy in American Cold War Cinema* // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 2. P. 536–550. DOI 10.15826/qr.2020.2.479.

since it is devoid of human creativity, it is clearly inferior to the free human spirit embodied in America.

Keywords: image of Russia; Cold War; US cinema; image of the enemy; dehumanization; propaganda.

Исследуется проблема конструирования образа советского врага кинематографом США периода холодной войны. Предметом анализа становятся способы дегуманизации коммунизма, внешнего и внутреннего, с использованием его сравнения с машиной. В основе методологии лежит концепция Ника Хэслема, согласно которой дегуманизация аутгруппы как полное или частичное отрицание человечности осуществляется в двух формах: анималистской при помощи сравнения людей с животными и механицистской за счет их уподобления неодушевленным механизмам. Источниками исследования являются американские фильмы «долгих пятидесятых», в которых Голливуд разрабатывал три сюжета: роботоподобное существование индивидов в тоталитарном обществе; превращение коммунистами американцев в зомби при помощи советской науки; похищение тел американцев инопланетным разумом как аллегория захвата США коммунизмом. Дегуманизация осуществлялась через прямую маркировку представителей коммунистического мира как роботов или сравнение их с машиной, а также путем атрибутирования им отсутствия эмоций, воли, индивидуальности, инициативы, теплоты в человеческих отношениях, любви, дружбы, творческих способностей. Такое изображение врага влекло за собой отношение к нему как к неодушевленной вещи, исключение его из моральной системы, отсутствие эмпатии, в том числе в случае его уничтожения. Использование механицистской дегуманизации позволяло реализовать функции, которые был призван выполнять образ врага. Происходит эссенциализация отличий «своих» от «чужих»: символическая граница между ними представлена как граница между живым и неживым. Создается образ смертельной опасности: «красная машина» сильна, ее невозможно разжалобить, поэтому допустимо ее уничтожить. Оппоненты власти представлены как внутренние враги, стремящиеся превратить американцев в исполнителей чужой воли и лишить их человечности. Но «машина» лишена творческих способностей, она уступает свободному человеческому духу, воплощением которого является Америка, поэтому ее возможно победить.

Ключевые слова: образ России; холодная война; кинематограф США; образ врага; дегуманизация; пропаганда.

When Russians hear the words “Red Machine” today, their hearts, especially those of hockey fans, are filled with pride. This phrase has a special meaning. It refers to the Russian hockey team, which inherited the traditions of the USSR national team: its energy, team play, mutual assistance, and victory. However, the description of the Soviet team as a “Red Machine”

appeared in the West during the Cold War, in the 1970s and 1980s [Martin], and included a slightly different set of meanings: the USSR national team was credited not only with team spirit, collectivism, and power, but also with certain robotic features. Commenting on the defeat of the US national team at the pre-Olympic tournament in 1980, its captain Mike Eruzione said of the Soviet hockey players: “They were like robots. When they scored a goal, they never smiled. I don’t think I ever saw them smile” [Do You Believe in Miracles]. This comparison helped to draw a symbolic border between “us” and “them”: indeed, the right of the latter to be considered as people was challenged. In other words, this was one of the ways in which the enemy was dehumanized. The image of the communist enemy constructed by American Cold War discourse has been studied for several decades; in particular, different scholars have demonstrated various ways of creating this image [e. g. Sharp; Robin; Давыдова]. However, researchers have not yet addressed the comparison of the enemy with a machine.

I will use cinematography to try to analyze this phenomenon. Cinema was one of the main theaters of the cultural Cold War. On both sides of the Iron Curtain, leading directors, actors, and scriptwriters were involved in the “struggle for hearts and minds”. Cinema, which combined three forms of propaganda (visual images, narration, and sounds), served as a very effective tool in constructing the image of the enemy (for more detailed information on the cinematic Cold War, see, [Strada, Troper; Kenez; Shaw; Shaw, Youngblood; Riabov; Федоров]).

The purpose of this article is therefore to analyze how dehumanization of enemy number one was conducted in US Cold War cinema by comparing external and internal communism with a machine. The sources of the research are films from the so-called Long Fifties (1946–1963), considered to be the most dangerous period of the Cold War, when the prospect of a full-blown nuclear war looked quite real. The first part of the article will focus on the methodological foundations of research into dehumanization as a method for constructing the image of the enemy. Then, the ways in which the image of the communist enemy was constructed in American Cold War discourse will be analyzed. Finally, the comparison of the enemy with a machine in cinema will be investigated: I will examine the forms and techniques of dehumanization, as well as the attitude towards the communist enemy as determined by the created images.

The enemy image and dehumanization

It is important, however, to highlight the main functions of the image of the enemy. First of all, we would like to mark out the function of strengthening positive collective identity, which is manifested with the help of representing the enemy as being as different from “us” as possible and by drawing a firm and natural symbolic border between them. The mobilization function requires the creation of an image of mortal danger for each member of the community; the enemy must therefore terrify. The function of legitimizing violence involves portraying the enemy in such a way as to justify negative

feelings toward them, violence against them, or even their elimination. The function of legitimizing power and the social and political order is associated with representations of rulers as reliable defenders from the enemy. The political opposition is therefore labeled as internal enemies and accomplices of external enemies. Finally, the function of predicting victory involves the justification of one's own military superiority and the image of the enemy as weak and vulnerable [Рябов, 2019, с. 85].

Consequently, an effectively constructed image of the enemy is supposed to evoke a feeling of mortal danger, hatred for the enemy, a willingness to eliminate them, a sense of moral superiority over them, and laughter. The enemy should be depicted comical so that "we" do not lose confidence in the final victory [Aho; Keen; Harle; Porshneva].

The enemy should be portrayed as the Other and as something worse. So, one of the objectives of studying this image is to analyze the ways in which its othering and inferiorization are portrayed. Symbolic borders that exclude "them" are drawn using various discourses, including political, moral, axiological, historical, gender, anthropological, confessional, ethnic, racial, and aesthetic ones. At the same time, if the methodology of intersectionality is used, it is necessary to take into account the fact that the differentiating categories of class, race, gender, ethnicity, national, and civilizational affiliation interact with each other and create a system of social hierarchy [Crenshaw]. Obviously, this situation can also be extrapolated to international relations: the political otherness of the opponent in the international arena will be strengthened due to moral, confessional, and gender othering.

The present paper deals with the anthropological type of discourse associated with efforts to interpret the truly human. Dehumanization as a complete or partial denial of humanity is one of the elements of anthropological discourse in military propaganda. Nick Haslam, in an article which reviews the works of many scholars on dehumanization, substantiates the idea that dehumanization depends on an understanding of humanity. The author proceeds from the trichotomy "man – animal – machine" and proposes that two sets of characteristics attributable to man should be distinguished: uniquely human (UH) ones, which differentiate man from animals, and human nature (HN) ones, which separate man from machine [Haslam, p. 255–257]. UH characteristics involve refinement, civility, morality, and higher cognition. HN characteristics include cognitive flexibility, emotionality, vital agency, and warmth.

The denial of these characteristics is used in two forms of dehumanization: animalistic and mechanistic, respectively. In the former, representatives of the out-group are endowed with the following features: they are coarse, uncultured, lacking in self-control, and unintelligent. They are declared deprived of moral sensibility and cognitive capacity. A more nuanced means of animalization is infra-humanization [Haslam], which is studied in the works of J. P. Leyens and his colleagues. In particular, they have shown that people commonly attribute more uniquely human "secondary" emotions (including love, hope, regret, nostalgia) to the in-group

than to out-groups but do not deny the latter the primary emotions that we share with other animals (e. g. joy, anger, sadness) [e. g. Leyens et al.].

The attribution of such traits contributes to a certain attitude towards the representatives of out-groups: they must be governed because they are incapable of self-control; communication with them does not imply an equal dialogue, so manipulation is permissible; their objectification occurs, so it is acceptable to treat them not as an end, but simply as a means [Haslam, p. 254, 260].

The mechanistic form of dehumanization includes the denial that out-group representatives have traits like agency, subjectivity, individuality, emotionality, inter-personal warmth, empathy, and flexible thinking [Ibid.]. The ways these characteristics manifest themselves in cinematic representations will be considered further.

Dehumanizing the Cold War enemy

The dehumanization of the enemy was widely used by the propaganda machines of both superpowers. First of all, this is true in relation to the animalistic form of dehumanization. The comparison of the enemy with animals occupied a prominent place in both Soviet and American Cold War discourses [Bonnell; Riabov]¹. In American representations of the USSR, a significant role was given to the “Russian bear” as one of the embodiments of barbarism and brutal force [Рябов, 2013]. To a much greater extent, this dehumanization took shape when the USSR was attributed with characteristics that contributed to the association of the country and its population with animals. However, this should be the subject of a specific study.

If comparing the enemy with animals was a common practice, then drawing a parallel between the enemy and a machine was much less widespread, although mechanical dehumanization as a method of military propaganda appeared long before the Cold War. S. Keen identifies several models of the enemy, one of which is comparing the enemy with a soulless machine. In particular, he shows that during the First World War, one of the images of Triple Entente propaganda was German militarism as the mechanical monster Frankenstein [Keen, p. 147]. The accusations that German culture idolized technology were also popular in the Russian propaganda of the time [Jahn, p. 165]. Mechanistic dehumanization was also used in the USSR. For example, in *Alexander Nevsky* (1938), a film dir. by Sergei Eisenstein, German knights are shown as robots, and this visual mechanization is complemented by Sergei Prokofiev’s music. The image of Nazi Germany as a monstrous machine was also prominent in Dmitri Shostakovich’s *Symphony No. 7* titled Leningrad (1942).

It is obvious that, in addition to the patterns noted above, there must be other reasons for comparing a country with a machine. In the case of Germany, the use of this comparison was not particularly surprising because

---

¹ See the film *The Beast of Yucca Flats* (dir. by Coleman Francis, 1961), in which a representative of the communist world literally turns into a beast [Hendershot].

the stereotype of a German contains such features as rationality, order, discipline, and punctuality. The country itself is associated with a high level of technology. But how did it happen that the Russian bear, mighty but lagging far behind the “civilized world”, was suddenly turned into the Red Machine in Cold War discourse?

Even before World War II, rationalism, the sacralization of science, and the criticism of religion and bourgeois morality were part of the image of communism, and all of these contributed to its association with a machine. Far more prevalent, however, was the image of a totalitarian society as a mechanism in which man is assigned the part of a cog². It is worth remembering that even in *Ninotchka* (dir. by Ernst Lubitsch, 1939), the main character, a convinced communist, speaks of herself with pride as “a tiny cog in the great wheel of evolution”. This image of a Soviet citizen as a small cog in a huge machine was subsequently used by Edgar Hoover, the first head of the FBI, in his book *Masters of Deceit* (1958). He wrote that the Communist Party believed that “man can be completely redesigned from a child of God into a soulless social cog” through “discipline, education, the Party press, recreation, literature, organizational structure, the arts” [quoted in: Dunne, p. 58].

The mechanistic dehumanization of the communist enemy

Before turning to how mechanistic dehumanization was performed in cinema, we should first describe the most distinctive way in which films compared the representatives of communist society to a machine. Depending on how the source of dehumanization is presented, three plots in the cinema of the “Long Fifties” can be identified.

The first plot is connected with cinematic representations of the USSR or a society which becomes a victim of Soviet conquest. Here, the system of state terror and totalitarian propaganda make people similar to robots. We will focus on two films: *Silk Stockings* (dir. by Rouben Mamoulian, 1957) and *Red Nightmare* (dir. by George Waggnar, 1962). The first is a remake of *Ninotchka*. It is the story of a convinced communist Nina, who goes on a party mission to Paris only to be charmed by an American man and the abundance of capitalist society. The second film, released by the US Department of Defense, shows the communist enslavement of the USA through the prism of an average American family. Jerry Donovan is 100% American who, however, does not fully understand that the fight against communism is the responsibility of all US citizens. This is why the filmmakers send him a nightmare in which America is placed under the heel of communism and everything in his country changes according to the Soviet model. Outraged, Donovan tries to fight the new authori-

---

²This is how Arthur Schlesinger Jr., in his influential book of the late 1940s *The Vital Center: The Politics of Freedom* (1949), describes a person in a totalitarian society: “tight-lipped, cold-eyed, unfeeling, uncommunicative men, as if badly carved from wood, without humor, without tenderness, without spontaneity, without nerves” [quoted in: Alpers, p. 280].

ties and is sentenced to be shot. When our hero wakes up, he is sure to become a completely different person.

The second plot depicts the transformation of freedom-loving Americans into zombies by communists through science and brainwashing. The most famous movie developing this plot is *The Manchurian Candidate* (dir. by John Frankenheimer, 1962) (fig. 1). It tells us about Sergeant Raymond Shaw, who is captured during the Korean War. He is programmed by a group of Soviet and Chinese psychologists under the guidance of the secret services in such a way that he becomes an obedient executor of orders from communist agents in the USA who were headed by his mother Eleanor Iselin. His main mission upon returning to the United States is to kill the Republican presidential candidate so that his stepfather can take the presidential office, allowing him to put forward a policy in the best interests of the Kremlin.

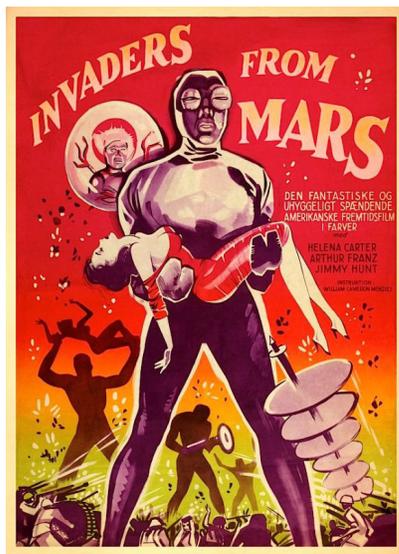

1. Angela Lansbury as Eleanor Iselin and Laurence Harvey as Raymond Shaw in a scene from *The Manchurian Candidate*

Lastly, the third plot is connected with the invasion of aliens and their attempts to seize power in the USA. Most scholars believe that these sci-fi filmmakers, as well as their audience, perceived alien aggression as an allegory for communist invasion [e. g. Shaw, p. 50]. The ability of aliens to capture the consciousnesses of Americans and snatch bodies by taking human form looked especially scary. This also played an important role in creating the image of the “Red Menace”. The danger may come from everywhere: there may be a deadly merciless enemy in the body of the person whom you consider your nearest and dearest. Among the most famous films based on such a plot are *Invaders from Mars* (dir. by William Cameron Menzies, 1953), *Invasion of the Body Snatchers* (dir. by Don Siegel, 1956) (fig. 2), and *I Married a Monster from Outer Space* (dir. by Gene Flower Jr., 1958) (fig. 3).

2. Promotional picture from
I Married a Monster from Outer Space

3. Poster for *Invaders from Mars*

It should be emphasized that, in addition to mechanistic dehumanization, these films played an important role in strengthening the symbolic border between “us” and “them”, as they showed the absolute alienness of communism not only to humans, but also to everything of this world.

The mechanistic form of dehumanization included a direct comparison of representatives of the communist world with robots. For example, in *Silk Stockings*, the American Steve Canfield proudly says about the transformation of Nina, who is in love with him and has lost her communist illusions, that he thought he “saw a carefully trained robot turn into a woman.” An indirect form of dehumanization was used to endow communists with robotic features. Haslam emphasizes that the mechanistic form of dehumanization is expressed through representatives of out-groups being shorn of emotions [Haslam, p. 258–260]. In the films under study, the villainous characters do not show love, compassion, anger, hatred, or rage. In *The Manchurian Candidate*, Raymond kills his wife and father-in-law unemotionally, just obeying the orders of his Soviet masters. The absence of emotions – either positive or negative – in such heroes is especially noticeable against the background of the increased emotionality of their antagonists, Americans who react very violently towards the established totalitarian regime. Jerry, the hero of *Red Nightmare*, is indignant that the communists have turned the church into a museum of atheism and puts up a fight there. Meanwhile, his opponents are extremely calm: even when they shoot him, they do not show any specific emotions. Equally unemotional are his wife and children, who have been subjected to communist indoctrination.

Family relations on both sides of the Iron Curtain were an essential part in the struggle for hearts and minds [May]. In American anti-communism, the Bolsheviks had been accused of wanting to abolish the family, communalizing their wives and entrusting their children from infancy to the care of the state, since the 1920s. Numerous cases of children informing on their parents were demonstrative of the lack of family warmth [Peacock, p. 53]³. The dehumanization practices under study helped to demonstrate that communists simply do not need a family, since they do not and cannot have a need for emotional bonds.

The relationships of members of the communist world are another aspect of the representations of the “Red Machine”. Like insects, they interact perfectly with each other, but there are no emotional bonds between them at all. Friendship has no value, they are absolutely indifferent toward each other. It is never shown that they, for example, express any regret for the death of their comrade or want to avenge themselves on capitalist enemies. They do not hesitate to kill a wounded comrade if they become a burden.

A cinematic image of robot-like people is created through facial expressions – or rather, their absence. In all the films under study, the faces of the

4. Greta Garbo as Nina Yakushova
in a scene from *Ninotchka*

members of the communist world are motionless. The canon of such a model of communist facial expressions was established in *Ninotchka* (fig. 4). Greta Garbo was perfect for this role because she had had the reputation of an actress who never smiled. Consequently, her laugh in the film (“Garbo laughs!” became the slogan of the advertising campaign for the movie) was a sign

of a communist robot returning to a natural human state. It is of critical importance that this happened thanks to the love of a Soviet woman for a Western man.

The theme of love between an American man and a Soviet woman, which many Hollywood films have been dedicated to since the release of *Ninotchka* [Рябов 2013], was in great demand. Communist women were distinguished by the complete absence of romanticism, which they regard as impractical bourgeois stupidity. Here are typical dialogues featuring Nina from *Silk Stockings*. To the question of her boss, “You are a music

³ It is significant that comparing Soviet schoolchildren with robots was very common in the period analyzed [Peacock, p. 51–60].

lover?” she answers, “Music is essential for parades”. When she receives an answer from Steve that his ties are made of silk, she notes, “Silk should be used for parachutes”. This emotional poverty reveals itself in relation to love. In the film *Invasion of the Body Snatchers*, one of the aliens explains to the main protagonist, “There’s no need for love... Love, desire, ambition, faith – without them, life’s so simple, believe me.”

One further feature in the portrayal of communists is the lack of personality, which manifests itself both in the absence of individuality and of one’s own will. The world that the aliens from *Invasion of the Body Snatchers* want to create is a society free not only of trouble (“an untroubled world”), but also of individual differences. Absolute obedience to the orders of leaders is another distinctive feature of communists, and military discipline characterizes both men and women (for example, Nina in *Silk Stockings*).

Communists’ cognitive abilities are also associated with robot-like behavior. These abilities are characterized by rigidity, readiness to perform programmed actions, and an inability to think creatively. They are also easily outwitted. In this regard, the scene from *Invasion of the Body Snatchers* where Miles and Becky flee from the aliens who have assumed human appearance is illustrative. The filmmakers focus on how ridiculously the pursuers behave and how they get in the way of each other. Such bewilderment is so clearly shown on their faces that the viewer is in no doubt that the fugitives will be able to escape.

Haslam notes that dehumanizing images of an out-group not only shape its assessment, but also program the attitude towards its members: a lack of empathy, moral exclusion, and the acceptability of destruction [Haslam, p. 262]. Almost all of the films under study contain scenes of the murder of automaton-esque communists. However, there is no sympathy from the films’ characters (or their makers) in these scenes. The commandment “Thou shalt not kill!” does not apply to them. The scene from *Invasion of the Body Snatchers* where Becky screams in horror is typical: she is worried about a dog that might be run down by car. A minute before this scene, she stabs one of the aliens without the slightest regret.

Finally, it should be noted that mechanistic dehumanization manifested itself throughout the Cold War era. The duel of the man symbolizing America and the machine symbolizing the USSR became a key event in many Hollywood blockbusters of the 1980s, including *Red Dawn* (dir. by John Milius, 1984), *Rambo III* (dir. by Peter MacDonald, 1988), and *Firefox* (dir. by Clint Eastwood, 1982) [Palmer, p. 214, 219]. The best-known case of the man vs. machine opposition is the confrontation between the main characters of the film *Rocky IV* (dir. by Sylvester Stallone, 1985). Ivan Drago, Rocky’s opponent in a boxing match, is perceived as a merciless Soviet machine. In the crucial moment of their bout, the coach, in order to inspire confidence in Rocky, shouts: “You *hurt* him! You see? You see? He’s *not* a machine. He’s a man!” The image of Drago is typical of mechanistic dehumanization during the Cold War: he is shorn of emotions, does not feel any pain, and scarcely utters a word [Shaw, Youngblood, p. 160, 168]. Moreover,

the face of Dolph Lundgren, who plays the role of Drago, is devoid of facial expressions; unlike Stallone's hero, he does not smile (fig. 5).

5. Dolph Lundgren as Ivan Drago in a scene from *Rocky IV*

This last fact deserves special attention. An unwillingness to smile is an integral part of the Western stereotype of Russians. It should be emphasized here that this feature can be interpreted as a sign not only of a lack of courtesy and amicability, but also of the robot-like features under study. J. Sharp cites an excerpt from an article in *The Readers Digest* published in 1985. It described a twelve-year-old Russian who came to live in America. The boy's American teacher was quoted as saying, "Walter has changed from a robot to a kid learning to laugh" [Sharp, p. 132–133]. The scholar emphasizes that a smile was an important diacritic for distinguishing members of the free world from the robotic inhabitants of the world behind the Iron Curtain [Ibid., p. 117–119].

* * *

Similarity to a machine is one of the forms of dehumanization, along with the animalistic form, used by American cinema in relation to the internal and external communist enemy. Comparing the enemy with a machine, Hollywood developed three plots: the robotic existence of individuals in a totalitarian society; the transformation of Americans into zombies by communists using Soviet science; and the body snatching of Americans by an alien mind as an allegory of the occupation of the USA by communism.

Mechanistic dehumanization was implemented through direct labeling of the representatives of the communist world as robots and through attributing to them the lack of emotions, consciousness, will, individuality,

initiative, warmth in human relations, love, friendship, creativity, and, finally, the ability to smile. Such an image of the enemy implied a moral exclusion, treating them as an inanimate object unworthy of empathy, including in the event of their destruction.

This sort of dehumanization was very effective. The essentialization of differences between “us” and “them” occurs: the symbolic border between them is presented as the boundary between living and nonliving. The image of mortal danger is created: the “Red Machine” is strong and merciless, it cannot be moved to pity, so it is permissible to destroy it. At the same time, the machine also has weaknesses: it is vulnerable and can be defeated, since it is devoid of human creativity. Opponents of the government are represented as internal enemies who are anxious to turn freedom-loving Americans into obedient executors of someone else’s will and to deprive them of humanity.

The observed dehumanization practices were aimed not only at obtaining advantages in the struggle for hearts and minds when confronting the USSR; the communist Other was also a projection of the fears of Americans themselves. The “Long Fifties” was when new trends in the development of American society appeared, which some interpreted as a shift away from traditional values. For example, pastor Billy Graham regarded the establishment of mass society in the USA as dangerous dehumanization through the transformation of America into a civilization of robots manipulated by the media [Stevens, p. 176]. Additionally, it must be kept in mind that in the post-war USA, the rapid development of science and technology was often perceived as hostile to humanity⁴. First of all, this distrust was associated with the fear of the nuclear bomb and new types of weapons; space exploration also fed a fear of a war of the worlds and alien invasion (and the success of the USSR in the Space Race was far from being universally admired in the USA). Finally, it was associated with the development of psychology and new ways of controlling human consciousness [Robin]. Consequently, the communist threat and distrust of science complemented each other.

It should be emphasized that the films analyzed are interesting not only from a historical viewpoint – the images created in them have been updated in the modern American policies, both domestic and foreign. One of the most noticeable cases is the interpretation of the Donald Trump phenomenon through the prism of images from *The Manchurian Candidate*. A few months before the US presidential election in 2016, *The New York Times* published an article entitled *Donald Trump, the Siberian Candidate* by Paul Krugman, a Nobel Prize winner in Economics. This piece accused Trump of being supervised from abroad [Krugman]. This comparison was actively supported by representatives of the Democratic Party and their loyalists. This association of the politician with the heroes of the film and its plot, placing the perception of current Russian-American relations in the framework of one of the most dramatic episodes of the Cold War, strengthened accusations

---

⁴It is no coincidence that the mad scientist as a movie villain became widespread at that time [Frayling].

that Russia was interfering in the elections, reduced Trump's legitimacy, and represented the politician and his supporters as zombies acting at the behest of the Kremlin. The idea that Russia is sowing discord in American society and is manipulating the choice of millions of US citizens has not significantly departed from the ideas of the "Long Fifties" about the ability of a communist enemy to take over the consciousness of freedom-loving Americans. Certainly, not everyone in the USA shares this idea. Moreover, even in the Cold War, not everyone trusted the representations of the enemy produced by Hollywood: otherwise, *The Russians are Coming! The Russians are Coming!* (dir. by Norman Jewison), with its distinguished "re-humanization" of the Soviet Other, would not have been released in 1966 and nominated for the Academy Award the next year⁵.

Список литературы

Давыдова О. С. Иллюзорная идеология: как неигровое кино США превратилось в орудие холодной войны // *Terra Aestheticae*. 2019. № 2. С. 82–105.

Рукавишников В. О. Холодная война, холодный мир: общественное мнение в США и Европе об СССР/России, внешней политике и безопасности Запада. М. : Академ. проект, 2005. 863 с.

Рябов О. В. «From Russia with love»: образ СССР в гендерном дискурсе американского кинематографа (1946–1963 гг.) // *Общественные науки и современность*. 2013. № 5. С. 166–176.

Рябов О. В. Женщины нацистской Германии в зеркале советской карикатуры (на материале журнала «Крокодил») // *Урал. ист. вестн.* 2019. № 3. С. 84–92. DOI 10.30759/1728-9718-2019-3(64)-84-92.

Федоров А. В. Отражения: Запад о России / Россия о Западе. Кинообразы стран и людей. М. : Информация для всех, 2017. 389 с.

Aho J. A. *This Thing of Darkness: A Sociology of the Enemy*. Seattle : Univ. of Washington Press, 1994. 224 p.

Alpers B. L. *Dictators, Democracy, and American Public Culture: Envisioning the Totalitarian Enemy, 1920s–1950s*. Chapel Hill : Univ. of North Carolina Press, 2003. 405 p.

Bonnell V. E. *Iconography of Power: Soviet Political Posters under Lenin and Stalin*. Berkeley : Univ. of California Press, 1997. 363 p.

Crenshaw K. W. Mapping the Margins: Intersectionality, Identity Politics, and Violence against Women of Color // *Stanford Law Rev.* 1991. Vol. 43. No. 6. P. 1241–1299.

Do You Believe in Miracles? The Story of the 1980 U. S. Hockey Team (2001 TV Movie) // YouTube : [website]. URL: https://www.youtube.com/watch?time_continue=29&v=CDBuPpalX14 (mode of access: 12.12.2019).

Dunne M. W. *A Cold War State of Mind : Brainwashing and Postwar American Society*. Amherst : Univ. of Massachusetts Press, 2013. 300 p.

Frayling C. *Mad, Bad and Dangerous? The Scientist and the Cinema*. L. : Reaktion Books, 2006. 240 p.

Harle V. *The Enemy with a Thousand Faces: The Tradition of the Other in Western Political Thought and History*. Westport : Praeger, 2000. 232 p.

Haslam N. Dehumanization: An Integrative Review // *Personality and Social Psychology Rev.* 2006. Vol. 10. No. 3. P. 252–264. DOI 10.1207/s15327957pspr1003_4.

Hendershot C. Anti-Communism and Ambivalence in "Red Planet Mars", "Invasion USA", and "The Beast of Yucca Flats" // *Science Fiction Studies*. 2001. Vol. 28. P. 246–260.

Jahn H. F. *Patriotic Culture in Russia during World War I*. Ithaca : Cornell Univ. Press, 1995. 229 p.

Keen S. *Faces of the Enemy: Reflections of the Hostile Imagination*. San Francisco : Harper & Row, 1986. 199 p.

⁵ On the dynamics of US citizens' perception of the USSR see: [Рукавишников].

Kenez P. The Picture of the Enemy in Stalinist Films // *Insiders and Outsiders in Russian Cinema* / ed. by S. M. Norris, Z. M. Torlone. Bloomington : Indiana Univ. Press, 2008. P. 96–112.

Krugman P. Donald Trump, the Siberian Candidate // *New York Times* : [website]. 2016. 7 July. URL: <https://www.nytimes.com/2016/07/22/opinion/donald-trump-the-siberian-candidate.html> (mode of access: 10.09.2019).

Leyens J. P., Demoulin S., Vaes J., Gaunt R., Paladino M. P. Infra-Humanization: The Wall of Group Differences // *Social Issues and Policy Rev.* 2007. Vol. 1. No. 1. P. 139–172. DOI 10.1111/j.1751-2409.2007.00006.x.

Martin L. *The Red Machine: The Soviet Quest to Dominate Canada's Game.* Toronto : Doubleday, 1990. 293 p.

May E. T. *Homeward Bound: American Families in the Cold War Era.* N. Y. : Basic Books, 1988. 284 p.

Palmer W. J. *The Films of the Eighties: A Social History.* Carbondale : Southern Illinois Univ. Press, 1993. 335 p.

Peacock M. *Innocent Weapons: The Soviet and American Politics of Childhood in the Cold War.* Chapel Hill : Univ. of North Carolina Press, 2014. 304 p.

Porshneva O. Image of the German Enemy as Perceived by Russian Army Soldiers during World War I // *Quaestio Rossica.* Vol. 1. 2014. No. 1. P. 79–93. DOI 10.15826/qr.2014.1.024.

Riabov O. Gendering the American Enemy in Early Cold War Soviet Films (1946–1953) // *J. of Cold War Studies.* 2017. Vol. 19. No. 1. P. 193–219. DOI 10.1162/JCWS_a_00722.

Robin R. T. *The Making of the Cold War Enemy: Culture and Politics in the Military-Intellectual Complex.* Princeton : Princeton Univ. Press, 2003. 296 p.

Sharp J. P. *Condensing the Cold War: Reader's Digest and American Identity.* Minneapolis : Univ. of Minnesota Press, 2000. 232 p.

Shaw T. *Hollywood's Cold War.* Amherst : Univ. of Mass. Press, 2007. 352 p.

Shaw T., Youngblood D. Cold War Sport, Film, and Propaganda: A Comparative Analysis of the Superpowers // *J. of Cold War Studies.* Vol. 19. 2017. No. 1. P. 160–192. DOI 10.1162/JCWS_a_00721.

Stevens J. W. *God-Fearing and Free: A Spiritual History of America's Cold War.* Cambridge, MA : Harvard Univ. Press, 2010. 448 p.

Strada M. J., Troper H. R. *Friend or Foe? : Russians in American Film and Foreign Policy, 1933–1991.* Lanham : Scarecrow Press, 1997. 278 p.

References

Aho, J. A. (1994). *This Thing of Darkness: A Sociology of the Enemy.* Seattle, Univ. of Washington Press. 224 p.

Alpers, B. L. (2003). *Dictators, Democracy, and American Public Culture: Envisioning the Totalitarian Enemy, 1920s–1950s.* Chapel Hill, Univ. of North Carolina Press. 405 p.

Bonnell, V. E. (1997). *Iconography of Power: Soviet Political Posters under Lenin and Stalin.* Berkeley, Univ. of California Press. 363 p.

Crenshaw, K. W. (1991). Mapping the Margins: Intersectionality, Identity Politics, and Violence against Women of Color. In *Stanford Law Rev.* Vol. 43. No. 6, pp. 1241–1299.

Davydova, O. S. (2019). Ilyuzornaya ideologiya: kak neigrovoe kino SShA prevratilos' v orudie Kholodnoi voiny [Elusive Ideology: How American Nonfiction Films Became a Cold War Weapon]. In *Terra Aestheticae.* No. 2, pp. 82–105.

Do You Believe in Miracles? The Story of the 1980 U. S. Hockey Team (2001 TV Movie). (2001). In *YouTube* [website]. URL: https://www.youtube.com/watch?time_continue=29&v=CDBuPpalX14 (mode of access: 12.12.2019).

Dunne, M. W. (2013). *A Cold War State of Mind. Brainwashing and Postwar American Society.* Amherst, Univ. of Massachusetts Press. 300 p.

Fedorov, A. V. (2017). *Otrazheniya: Zapad o Rossii / Rossiya o Zapade. Kinoobrazy stran i liudei* [Reflections: The West about Russia / Russia about the West. Cinematic Images of People and Countries]. Moscow, Informatsiya dlya vsekh. 389 p.

Frayling, C. (2006). *Mad, Bad and Dangerous? The Scientist and the Cinema.* L., Reaktion Books. 240 p.

- Harle, V. (2000). *The Enemy with a Thousand Faces: The Tradition of the Other in Western Political Thought and History*. Westport, Praeger. 232 p.
- Haslam, N. (2006). Dehumanization: An Integrative Review. In *Personality and Social Psychology Rev.* Vol. 10. No. 3, pp. 252–264. DOI 10.1207/s15327957pspr1003_4.
- Hendershot, C. (2001). Anti-Communism and Ambivalence in “Red Planet Mars”, “Invasion USA”, and “The Beast of Yucca Flats”. In *Science Fiction Studies*. Vol. 28, pp. 246–260.
- Jahn, H. F. (1995). *Patriotic Culture in Russia during World War I*. Ithaca, Cornell Univ. Press. 229 p.
- Keen, S. (1986). *Faces of the Enemy: Reflections of the Hostile Imagination*. San Francisco, Harper & Row. 199 p.
- Kenez, P. (2008). The Picture of the Enemy in Stalinist Films. In Norris, S. M., Torlone, Z. M. (Eds.). *Insiders and Outsiders in Russian Cinema*. Bloomington, Indiana Univ. Press, pp. 96–112.
- Krugman, P. (2016). Donald Trump, the Siberian Candidate. In *New York Times* [website]. 7 July. URL: <https://www.nytimes.com/2016/07/22/opinion/donald-trump-the-siberian-candidate.html> (mode of access: 10.09.2019).
- Leyens, J. P., Demoulin, S., Vaes, J., Gaunt, R., Paladino, M. P. (2007). Infra-Humanization: The Wall of Group Differences. In *Social Issues and Policy Rev.* 2007. Vol. 1. No. 1, pp. 139–172. DOI 10.1111/j.1751-2409.2007.00006.x.
- Martin, L. (1990). *The Red Machine: The Soviet Quest to Dominate Canada's Game*. Toronto, Doubleday. 293 p.
- May, E. T. (1988). *Homeward Bound: American Families in the Cold War Era*. N. Y., Basic Books. 284 p.
- Palmer, W. J. (1993). *The Films of the Eighties: A Social History*. Carbondale, Southern Illinois Univ. Press. 335 p.
- Peacock, M. (2014). *Innocent Weapons: The Soviet and American Politics of Childhood in the Cold War*. Chapel Hill, Univ. of North Carolina Press. 304 p.
- Porshneva, O. (2014). Image of the German Enemy as Perceived by Russian Army Soldiers during World War I. In *Quaestio Rossica*. Vol. 1. No. 1, pp. 79–93. DOI 10.15826/qr.2014.1.024.
- Riabov, O. (2013). “From Russia with Love”: obraz SSSR v gendernom diskurse amerikanskogo kinematografa (1946–1963 gg.) [“From Russia with Love”: The Image of the USSR in the Gender Discourse of American Cinema (1946–1963)]. In *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. No. 5, pp. 166–176.
- Riabov, O. (2017). Gendering the American Enemy in Early Cold War Soviet Films (1946–1953). In *J. of Cold War Studies*. Vol. 19. No. 1, pp. 193–219. DOI 10.1162/JCWS_a_00722.
- Riabov, O. V. (2019). Zhenshchiny natsistskoi Germanii v zerkale sovetsskoi karikatury (na materiale zhurnala “Krokodil”) [Women of Nazi Germany in the Mirror of the Soviet Caricatures (Materials from the “Crocodile” Magazine)]. In *Ural'skii istoricheskii vestnik*. No. 3, pp. 84–92. DOI 10.30759/1728-9718-2019-3(64)-84-92.
- Robin, R. T. (2003). *The Making of the Cold War Enemy: Culture and Politics in the Military-Intellectual Complex*. Princeton, Princeton Univ. Press. 296 p.
- Rukavishnikov, V. O. (2005). *Kholodnaya voina, kholodnyi mir: obshchestvennoe mnenie v SShA i Evrope ob SSSR/Rossii, vneshnei politike i bezopasnosti Zapada* [Cold War, Cold Peace: US and European Public Opinion on the USSR/Russia, Foreign Policy and Security of the West]. Moscow, Akademicheskii proekt. 863 p.
- Sharp, J. P. (2000). *Condensing the Cold War: Reader's Digest and American Identity*. Minneapolis, Univ. of Minnesota Press. 232 p.
- Shaw, T. (2007). *Hollywood's Cold War*. Amherst, Univ. of Mass. Press. 352 p.
- Shaw, T., Youngblood, D. (2017). Cold War Sport, Film, and Propaganda: A Comparative Analysis of the Superpowers. In *J. of Cold War Studies*. Vol. 19. No. 1, pp. 160–192. DOI 10.1162/JCWS_a_00721.
- Stevens, J. W. (2010). *God-Fearing and Free: A Spiritual History of America's Cold War*. Cambridge, MA, Harvard Univ. Press. 448 p.
- Strada, M. J., Troper, H. R. (1997). *Friend or Foe? Russians in American Film and Foreign Policy, 1933–1991*. Lanham, Scarecrow Press. 278 p.

Origines

Виталий Волович. 2017. Фото Д. Сорокина
Vitaly Volovich. 2017. Photograph taken by D. Sorokin

Origines

**ХУДОЖНИК С МИРОВЫМ ИМЕНЕМ
О ТВОРЧЕСКОЙ СВОБОДЕ, О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ:
ПОСЛЕДНЯЯ БЕСЕДА С ВИТАЛИЕМ ВОЛОВИЧЕМ**

Лариса Соболева

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

Евгений Алексеев

Уральский федеральный университет,
Институт истории и археологии УрО РАН,
Екатеринбург, Россия

**A WORLD-FAMOUS ARTIST
ON CREATIVE FREEDOM, TIME, AND HIMSELF:
THE LAST CONVERSATION WITH VITALY VOLOVICH***

Larisa Soboleva

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

Yevgeny Alekseev

Ural Federal University,
Institute of History and Archaeology,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Yekaterinburg, Russia

This conversation with Vitaly Volovich (3 August 1928 – 20 August 2018), a famous Ural artist, took place on 18 May 2018, and turned out to be the last extended interview given by the artist. The interview was aimed at discussing the newly published *Women and Monsters* album of Volovich's works, as the editorial board of *Quaestio Rossica* was planning to collect and publish more materials on this topic in Russian culture (*Quaestio Rossica*, Vol. 7, 2019, Issue 2). The interview, however, became much more expansive and interesting as Vitaly Volovich, with his phenomenal memory and unprecedented skill as a narrator, recalled many pages of

---

* *Citation:* Soboleva, L., Alekseev, Ye. (2020). A World-Famous Artist on Creative Freedom, Time, and Himself: The Last Conversation with Vitaly Volovich. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 2. P. 553–572. DOI 10.15826/qr.2020.2.480.

Цитирование: Soboleva L., Alekseev Ye. A World-Famous Artist on Creative Freedom, Time, and Himself: The Last Conversation with Vitaly Volovich // *Quaestio Rossica*. Т. 8. 2020. № 2. С. 553–572. DOI 10.15826/qr.2020.2.480 / Соболева Л., Алексеев Е. Художник с мировым именем о творческой свободе, о времени и о себе: последняя беседа с Виталием Воловичем // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 2. P. 553–572. DOI 10.15826/qr.2020.2.480

his difficult life navigating Soviet bureaucratic censorship, which was only braved by those who truly understood and loved art. An epic picture of the dramatic ups and downs in the artist's life unfolds in this interview; the reader finds the artist's personal search for meaning and his opinions on art, the freedom of creativity, life in Sverdlovsk, his friends and adversaries, and his achievements and failures. Volovich was attracted by the theatrical: he loved the circus, the spirit of acting and the carnival. Knights and monsters, selfless heroes and criminals, beautiful women, clowns and beasts reign in his books and graphic works. These images, initially associated with literary fantasies, manifested the artist's thoughts on modernity, on the difficult path of the country and national culture. The interview was conducted by Professor Larisa Soboleva, editor-in-chief of *Quaestio Rossica*, and art critic Yevgeny Alekseev.

Keywords: V. Volovich; book graphics; art of the Urals; book publishers.

Беседа с Виталием Воловичем (3 августа 1928 – 20 августа 2018 г.) состоялась 18 мая 2018 г., и это последнее интервью художника. Конкретной целью встречи было обсуждение альбома «Женщины и монстры», материалы по этой теме в русской культуре редколлегия планировала опубликовать в журнале (*Quaestio Rossica*, т. 7, 2019, № 2). Интервью получилось шире и интереснее: Виталий Волович, обладая феноменальной памятью и мастерством рассказчика, вспоминал страницы своей жизни в искусстве и советскую бюрократическую цензуру, помешать которой рисковали только понимающие и любящие искусство люди. Перед читателем разворачивается картина драматических перипетий в жизни художника: его искания и мнения не только об искусстве, но и о свободе творчества, жизни в Свердловске, друзьях и неприятелях, успехах и сложностях. Воловича привлекал мир театра, он любил цирк, дух лицедейства и карнавальности. Рыцари и монстры, беззаветные герои и преступники, прекрасные женщины, клоуны и чудовища царят в его книгах и станковой графике. Связанные изначально с литературными фантазиями, они по воле проницательного мастера отразили его размышления о современности, о нелегком пути страны и отечественной культуры. В разговоре участвовали главный редактор журнала профессор Лариса Соболева и искусствовед Евгений Алексеев.

Ключевые слова: В. Волович; книжная графика; искусство Урала; книжные издательства.

Встречи с Виталием Михайловичем – всегда праздник еще и потому, что мастер, несмотря на свою занятость, всегда был искренне рад общению. При разговоре с ним никогда не ощущалось, что он ждет ухода гостей, чтобы вернуться к работе, которой он отдавал не большую часть, а всю свою жизнь. Беседы, даже самые мимолетные, запомнились надолго, оставляя светлые оптимистичные ожидания. Его творческая энергия заряжала окружающих, преображала мир, наполняя его многоцветием и ощущением жизни как радостного подарка.

Наше последнее интервью готовилось долго, придя в мастерскую, мы потом не хотели уходить, разговор никак не завершался, хотя это был конец рабочего дня. В интервью с мастером потрясают абсолютная искренность, невероятная правдивость, отсутствие рисовки и же-

лания возвеличить – нет, не себя, но свое дело. Трезвый анализ времени, достойный научных заключений, удивительное видение людей, память о мельчайших проявлениях порядочности и добра – все это делает интервью документом эпохи, ее человеческого измерения, помимо долговременного интереса к жизни и творчеству мастера. Тонкости человеческих взаимоотношений, детали быта, издательского дела, восприятия мастера окружающими и его оценки составляют непреходящую ценность не только для тех, кто имел счастье знать Виталия Михайловича, но и для будущих почитателей его творчества. Мы позволили себе при расшифровке беседы сокращать только собственные рассуждения, оставив все реплики и мнения художника нетронутыми¹.

Л. С. *Виталий Михайлович, мы, конечно, не могли обойтись без Ваших монстров при обращении к этой теме в журнале²...*

В. В. Ну, я монстр, хотя бы потому, что через три месяца, я надеюсь, мне будет 90.

Л. С. *Интересно, как Вы сами представляете этот мир монстров и демонов в его художественном воплощении. В какие годы возникла идея рисовать монстров?*

В. В. Это возникло, как всегда, каким-то побочным сюжетом. Я просто сделал «Исландские саги», и после у меня этот интерес продолжился. Выполнил серию, которая называлась «Языческие мифы». Ну и понятно, что там поначалу возникали какие-то лешие, а потом это все стало трансформироваться благодаря непредсказуемости и глубине внутренней жизни. Это же, в общем, целый мир в нашем сознании... А потом тема вырвалась из мифологии и стала обретать разные аспекты, кстати, даже сексуальные. Без этого тоже совершенно не обойтись.

Л. С. *А в какое время появились «Исландские саги»?*

В. В. «Исландские саги» – это, по-моему, шестьдесят седьмой год³.

Л. С. *Для «Языческих мифов» Вы брали какую-то литературную основу или энциклопедические справочники?*

В. В. Я брал даже не столько литературную основу, сколько материал, который дает возможность делать что-то свое по этому поводу... Знаете, у меня была в связи с «Исландскими сагами» странная история. Когда мне в «Гослитиздате» предложили сделать эту тему, то сказали, что рукописи у них нет, она переводится, поэтому вы, мол, начинайте обдумывать, а как только поступит литературный перевод, мы вам пришлем.

¹ Авторы благодарят Я. Н. Тютюеву за помощь в подготовке материала к печати.

² Монструозности в альбоме В. М. Воловича «Женщины и монстры» была посвящена одна из статей в соответствующей рубрике журнала: [Закс].

³ Иллюстрации к исландским и ирландским сагам В. М. Волович выполнил в 1968 г.

В. М. Волович. Кухулин, идущий по тропе чудовищ. Иллюстрация к исландским и ирландским сагам. 1968. Офорт

V. M. Volovich. Cú Chulainn walking along the path of monsters. Illustration for Icelandic and Irish sagas. 1968. Etching

В. М. Волович. Иллюстрация к ненецкой народной сказке в пересказе М. Булатова «Побежденный кит». 1962. Линогравюра

V. M. Volovich. Illustration for *The Defeated Whale*, a Nenets folk fairytale told by M. Bulatov. 1962. Linocut

Л. С. *«До рукописи обдумывайте» – отлично, хорошие ребята, и с логикой все нормально.*

В. В. Оказалось, что на самом деле хорошая логика. Это был второй заказ от «Гослитиздата». До этого меня выгнали из нашего местного издательства за так называемый формализм. Началась кампания по поводу Брусиловского⁴, а поскольку я бросался с копьем наперевес в защиту Миши, главный редактор и председатель Союза художников сказали: «Надо оставить в покое Брусиловского и заняться его адвокатами»⁵, – ну и занялись. Меня уволили из журнала «Уральский следопыт»⁶...

Л. С. *Вам было тяжело?*

⁴ Миша Шаевич Брусиловский (1931–2016) – живописец, график, художник-монументалист, заслуженный художник Российской Федерации (2011).

⁵ Александр Гаврилович Вязников (1909–1975) – художник, председатель Свердловского союза художников (1957–1963). С 1964 г. жил в Москве, занимал должность секретаря правления Союза художников РСФСР (1964–1968). Главный художник газеты «Правда» (1969–1973).

⁶ Литературно-краеведческий журнал «Уральский следопыт» (1935, 1958 – настоящее время). С 1961 по 1965 г. его главным редактором был Владимир Николаевич Шустов (1924–1978), писатель и журналист.

В. В. Да-да, я сказал себе, что все это навеки. Никто не предполагал никаких изменений... Была еще такая история: я работал в издательстве, и так получилось, что у меня все книжки получали какие-то дипломы на всесоюзных конкурсах. И главный редактор издательства, который был кровно заинтересован в получении диплома за лучшую книгу, написал письмо руководителю всесоюзного выставкома по присуждению премии Шмаринову⁷ и Тамаре Георгиевне Вебер⁸, художественному редактору «Гослитиздата», и заявил, что я отчаянный формалист. Я сделал тогда книжку «Побежденный кит» – ненецкая сказка⁹. Она была черно-белая, в гравюре. И вот, мол, художник догадался для детей в таком виде... Очернитель и формалист. Диплом придержали, я его не получил. Первый раз в жизни и последний. На следующий год послали «Малахитовую шкатулку», и редактор снова написал письмо. Вот такая история... Тогда уж не столько за меня, сколько за честь мундира вступился Шмаринов. Диплом мне сохранили, но меня выставили из издательства. Я пережил это очень тяжело. Потом поехал в Москву. Мне говорят: там надо платить, давать взятки, чтоб получить заказ, боже мой, Москва насыщена первоклассными художниками, страшное дело. Я очень тревожился, сидел в очереди, попал к Тамаре Вебер. Она мне: «Ты, что ли, этот формалист? Что-то, говорит, неплохо выглядишь». Я вышел от нее с заказом на «Песню о буревестнике».

Ну и, в общем, я как-то стал рисовать, а потом уже «Исландские саги». Текст они мне не дали, но я в то время был человек начитанный. Я уже перестал читать интенсивно, но в школе, классе в пятом, я был почти что вундеркиндом. У меня в багаже была информация, я сделал эскизы всех листов, которые потом использовал для «Исландских саг»: «Нашествие», «Тащат женщину»... Вот там впервые появились монстры-духи, Кухулин, идущий по тропе чудовищ, все население этого странного мира.

Л. С. *Что такое для Вас монстр, начиная с «Исландских саг»? Это просто потустороннее существо, или это носитель зла?*

В. В. Это может быть носитель зла, пороков... Это какая-то часть нас самих, в общем.

---

⁷ Дементий Алексеевич Шмаринов (1907–1999) – график, иллюстратор, педагог, профессор, академик Академии художеств СССР (1953), член-корреспондент Академии искусств ГДР (1970), председатель правления Московской организации Союза художников РСФСР (МОСХ) в 1959–1961, 1966–1968 и 1972–1973 гг. Секретарь правления Союза художников СССР с 1968 г.

⁸ Тамара Георгиевна Вебер (1909–?) – искусствовед, музейный деятель, художественный редактор. Работала старшим научным сотрудником в Государственной Третьяковской галерее, Музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина в Москве. Специалист в области русской гравюры. Главный художник, художественный редактор издательства «Художественная литература».

⁹ См.: [Побежденный кит].

Е. А. *Монстр внешне может быть зооморфный, а может быть зооантропоморфный...*

В. В. Там они такие и есть, какие-то неопределенные, черт его знает, может, похожи на мышей... В принципе, никакой логики нет, просто какое-то ощущение... Знаете, рука умнее головы, как говорят, это очень точно. На самом деле, уж если бы я формулировал сначала, какие они должны быть, ничего не получилось бы... Нет, постепенно что-то вырисовывалось, сначала это были образы, привязанные к славянской мифологии, какие-то козлы танцующие и все прочее.

Е. А. *А личные или детские страхи как-то отразились?*

В. В. Я думаю, что да, но этот процесс не шел так отчетливо, чтобы я вспоминал, но что-то было, во мне происходили какие-то вещи.

Е. А. *Страх – очень индивидуальное качество...*

В. В. Да, это в каждом живет, в каждом присутствует, но потом «сон разума рождает чудовищ», в литературе подобного множество... Можно вспомнить Босха.

Е. А. *Художники любят изображать ужасное... Может быть, потому, что над идеальным образом надо потрудиться, не допустить ошибок в анатомии, а, создавая монстра, можно позволить себе быть гротескным или ироничным, работать в пародийном плане и быть откровенно небрежным.*

В. В. Это как бы изживание из себя всей этой мерзости. Ты словно наслаждаешься тем, что обнаруживаешь в себе, и в какой-то степени испытываешь удовлетворение от того, что, рисуя, освобождаешься от них.

Л. С. *Виталий Михайлович, можно я задам плохой вопрос? Плохой, потому что он слишком прямой... Вы сами вспомнили выражение «сон разума рождает чудовищ», у Гойи этот сюжет появился не случайно, в нем отразился весь ужас испанской действительности. У Вас не было ощущения, что, изображая монстров, Вы хотите отомстить той мерзости, которая существует вокруг Вас? Ну, может быть, не отомстить, а как-то ее показать?*

В. В. Может быть, легализовать. Я рисую порок, присущий не мне, а всему человечеству...

Л. С. *Так или иначе, все равно же искусство обобщает... А к какому времени Вы относите начало своих монструозных сюжетов, не помните?*

В. В. Наверное, это началось с языческих мифов, даже раньше, чем «Исландские саги». А в основе языческих мифов лежала обнаженная натура. Мы рисовали очень много... Ну какой молодой художник может обойтись без того, чтобы не рисовать обнаженное тело. Что-то,

наверное, происходило на подсознательном уровне. Потом уже «Исландские саги» дали толчок вполне осознанный, потому что славянская мифология не сильно меня увлекла.

Л. С. Она же не была заказана Вам? Это был Ваш творческий порыв – этот мир узнать?

В. В. Да, начались какие-то рисунки обнаженной натуры, а к ней пририсовывал разных леших или что-нибудь такое. Славянская мифология все-таки достаточно однообразная. А вот исландская мифология, где у каждого предмета есть свои духи – духи города, копий, мечей, и мужчин, и женщин, хороших, плохих... Как будто задвижка открылась, и понял, что все мерзости, которые существуют, живут во всех, и надо их нарисовать... Они от этого все равно никуда не денутся, но легализация, наверное, уменьшает силу их воздействия...

Л. С. Давайте поговорим о моей любимой серии, созданной Вами, – о «Женищинах и монстрах».

Е. А. В данном случае монстр уже становится образом мужчины...

В. В. Да, потом из этой серии родилась следующая – «Старики», в которой в качестве монстров выступают старики. Я не стесняюсь рисовать себя. Монстры трансформировались в образ старости, и это тоже способ каким-то образом снять с себя этот ужас. Потому что, когда я говорю: «Мне 90», – я внутренне стекленею. Я говорю так для того, чтобы снять сакральность этого дела. Надо было назвать беглого монаха Гришкой Отрепьевым, и все встало на свои места... Ну девяносто – девяносто, подумаешь! Появился даже некоторый элемент кокетства.

Л. С. Мне кажется, все-таки тональность Ваших «Исландских саг» одна, а тональность вот этих монстров – другая.

В. В. Это просто потому что тема обживалась внутри, она началась уже в работах над образами из славянской мифологии. Интересных картинок было мало, например, танцующая с козлами женщина. Но раз я что-то нарисовал, это же продолжает жить и каким-то образом трансформируется все время в сознании. В один рисунок включаешь, в другой включаешь, и вот монстры появляются в теме цирка...

Е. А. В «Женищинах и монстрах», несомненно, присутствует большая доля иронии...

В. В. Конечно. Вообще серьезно говорить о чем-нибудь – это очень плохой тон. Мне это далеко не всегда удается – быть ироничным. Совершенно замечательно это реализовано у Миши Брусилковского. Он что бы ни изображал, его сюжеты даже не всегда сформулируешь, но он ироничен во всем, и это замечательное свойство. Я, к сожалению, иногда бываю слишком серьезным, и это мешает, но я, понятно, пытался быть ироничным в этой серии...

В. М. Волович. Иллюстрация к «Роману о Тристане и Изольде» Ж. Бедье. 1972. Автолитография

V. M. Volovich. Illustration for *The Romance of Tristan and Iseult* by J. Bédier. 1972. Autolithography

В. М. Волович. Клоун за ширмой. 1980. Офорт

V. M. Volovich. Clown behind a screen. 1980. Etching

Л. С. В этой серии – да. А в иллюстрациях к скандинавским сагам, хотя там есть элемент гиперболизации и поэтому возникает определенная ироничность, все-таки царит ощущение ужаса. Вот чувство, которое испытывает зритель, – как жутко в этом мире...

В. В. Знаете, у меня была мастерская на улице Ленина, 62. Удобрства – в коридоре, темная комната... И вот я однажды туда захожу, открываю ключом дверь и тянусь, чтобы включить свет, а оттуда, из глубины, вдруг возникает: «У-у-у-у!!!» Что-то невыносимое совершенно. Я через две секунды понял, что это с водопроводом-канализацией какие-то фокусы... Но пока я успел сообразить, у меня волосы дыбом встали – вот это был первобытный ужас. В Художественном фонде, где сейчас церковь¹⁰, было небольшое помещение, каменное, одноэтажное, оно примыкало к зоопарку. Там располагалась литографическая мастерская, и я оставался на ночь рисовать «Тристана и Изольду»¹¹.

¹⁰ Церковь Крестовоздвиженского мужского монастыря Екатеринбургской епархии.

¹¹ Иллюстрации к «Роману о Тристане и Изольде» Ж. Бедье были созданы в 1972 г. Книга издана в 1978 г. (бронзовая медаль на Международной выставке иллюстраций в Брно).

Зимними ночами раздавался волчий вой. Я понимал, что я в абсолютной безопасности, но этот первобытный ужас я ощущал.

Е. А. *Это от неожиданности: рисуешь, рисуешь...*

В. В. Да, рисую с любовью и нежностью литографию, и вдруг... Это ужас.

Л. С. *Современный человек редко испытывает такую чистоту чувств...*

В. В. Вот, а в «Женщинах и монстрах» – тут уже ирония появилась, потому что смешно об этом говорить.

Л. С. *А когда рисовали этот мир «Женщин и монстров», Вы веселились? Ведь все-таки это веселый мир для Вас.*

В. В. Нет, я не веселился, когда рисовал. Мне было интересно. Я понимал, что момент иронии заложен в том, что все, что я рисую, существует, но, конечно же, не в таких формах. И поэтому, когда я рисую, я понимаю, что, может, они есть на самом деле, но выглядят как-то иначе. Я не знаю, как они выглядят.

Л. С. *В каком смысле «на самом деле»? Уточните.*

В. В. Ну, если считать, что монстры – олицетворение наших пороков, тайных желаний, невысказанных идей...

Л. С. *Но это же мир эмоций?*

В. В. Да, эмоций, но они существуют как реальность и в каком-то ином мире, каким-то другим образом, они, может быть, материализуются, а ирония заключается в том, что я не знаю, как их изобразить, и поэтому я рисую, как ребенок, наивно, примитивно.

Е. А. *Виталий Михайлович, сюрреализм Вас привлекал когда-нибудь в 1970-х, 1980-х, видели Вы произведения Сальвадора Дали и прочих мэтров?*

В. В. Конечно, видел, но желания так работать не испытывал. Этот мир очень тяжелый, в нем страшно много физиологии и подлинной жути.

Е. А. *Там представлена определенная деформация человеческого сознания...*

В. В. И как раз все сделано реалистично, пусть где-то в преувеличенном виде... От этого и возникает ощущение подлинного ужаса. Мир сюрреализма – это олицетворение жестокости, жесткости, беспощадности, бессмысленности, отсутствия всего человеческого. В этой атмосфере человек не может существовать. А у меня же просто детские сказки... Понимаете, монстр – он может быть злобен, но может быть и трогателен, наивен. И женщины могут быть трогательными, а временами озлобленными, равнодушными или страстными до жути...

Е. А. *Вы, Виталий Михайлович, говорили о славянских мифах, а если вспомнить про уральские мифы, тем более, Вы соприкасались с творчеством Бажова, иллюстрировали уральские сказы...*

В. В. Я Бажова знал довольно хорошо. Моя мама¹² была дружна с ним, и поскольку семья была литературная (все-таки мама – писательница, и отчим¹³ – университетский преподаватель), собиралась писательская тусовка. У нас был открытый дом, даже во время войны. Я помню, что приходили, приносили какой-то яичный порошок, мама добавляла туда картофельную высушенную шелуху, получался такой большой желтый блин из этого яичного порошка. Все приносили брагу. Хмелели быстро, а я – мне было лет 13–14 – мотался по квартире, вот все мелочи и запомнились.

Л. С. *И что Бажов?*

В. В. Да, и Бажов Павел Петрович приходил, потом мама меня к нему в гости брала. Мама умерла у меня очень рано, ей было 48 лет – дистрофия, потом туберкулез, и Павел Петрович на могиле выступал и сказал: «Эх, Клабочка, мне умереть бы надо, а тебе бы жить да жить». Он умер тоже в 1950 году. И у меня всегда было ощущение, да и не только у меня одного, что, в общем, Павел Петрович всё выдумал. Мне это нравилось. Я позже «Малахитовую шкатулку» сделал и изображал в основном сказочные образы, хотя теперь мне кажется, что как раз сказочные листы так себе, а вот заставки там были бытовые – герои пьют водку, работают... Понимаете, какая штука: я к этому отношусь меньше всего как исследователь. Я так полагаю, к примеру: «Слово о полку Игореве» – подлинник это или это стилизация, неважно. В конце концов, написана опера, нарисована Васнецовым картина, появилась культурная традиция... У меня вообще отношение к истории совершенно определенное: история сама по себе есть мифология в чистом виде... Кто-то сказал, что это соревнование концепций истории. Поэтому я считаю, что не лжет только великое искусство. Вот Суриков нарисовал «Утро стрелецкой казни» на Красной площади, а на самом деле это было не то на Болотной, не то на Голодной, но в сознании живет суриковский образ. Веласкес написал «Сдачу Бреды» – так это было или нет? Шуберт написал «Аве Мария» – и всё, Дева Мария была. Это для меня самое ценное свидетельство. Если Павел Петрович все выдумал – честь ему и хвала.

Е. А. *Виталий Михайлович, многие современные художники, иллюстрируя Бажова, стараются создать атмосферу фантасмагории. Все персонажи, даже положительные, предстают зловецами. У Вас не было желания это драматизировать?*

В. В. Нет. Видимо, момент драматизма в моей жизни еще не настал...

¹² Клавдия Владимировна Филиппова (наст. фамилия Лотоцкая, 1902–1950) – прозаик, драматург.

¹³ Константин Васильевич Боголюбов (1897–1875) – прозаик, литературовед.

Е. А. *А как возник Ваш интерес к Средневековью, к средневековой мистерии?*

В. В. Этим я обязан Константину Васильевичу Боголюбову, своему отчиму, потому что, надо сказать, у него была потрясающая библиотека. Мы жили рядом с улицей Мамина-Сибиряка, в двухэтажном деревянном доме, сейчас не только этого дома – этой улицы нет. И я помню, в коридоре стояли стеллажи и тускло блестели золотом переплеты изданий Брокгауза и Эфрона. Это была роскошная библиотека: Шекспир, Жуковский и «История крестовых походов». Среди книг был Генрих Сенкевич. И вот Сенкевич был одним из первых, прочитанных мной. Потом уж Стивенсон, Сервантес... «Крестоносцы» – одна из первых книг. Я на этом совершенно свихнулся, просто абсолютно, вплоть до того, что занимался фехтованием в кружке Дворца пионеров. Мы не просто дрались во дворе – мы вызывали друг друга на поединок. Да, царила рыцарская культура. Я никогда не говорил: «Честное слово!», я заявлял только: «Клянусь честью!» Когда мы приходили драться, у нас у всех были выструганные мечи и щиты самодельные – у меня на щите были написаны слова из «Айвенго»: «Берегись, это я, Бриан де Буагильбер». И мы начинали фехтовать, биться этими деревянными мечами. А перед тем, как начать поединок, я поднимал глаза к небу и говорил: «Я призываю в свидетели Господа Бога и вас, ясновельможные пань! Не буду повинен в той крови, которую сейчас пролью».

Л. С. *Где же был ваш пионерский отряд?*

В. В. Я был пионером, но это как-то все прошло мимо.

Е. А. *Это в школе, а тут, во дворе... А Вы не рисовали рыцарей в детстве?*

В. В. Рисовал, ну конечно.

Е. А. *Остались рисунки?*

В. В. Нет, ну где ж они остались... Не только рисовал – мы строили замки из коробок, мы рисовали одежду: кресты, геральдику. Потом я совершенно обалдел, когда в Эрмитаже увидел пустые панцири, это было потрясение.

Е. А. *Кстати, Вы противопоставляете образы рыцаря и монстра. Рыцарь – против монстра, и у Вас это есть в средневековых мистериях...*

В. В. Ну, рыцарь – это всегда двойное значение: либо он благороден, либо он пустой панцирь...

Е. А. *...где он обретает черты монстра, недаром шлем напоминает череп какого-то доисторического ящера.*

Л. С. Я бы сказала, что даже не монстра, а олицетворения смерти. Когда вижу иллюстрацию с этим рыцарем с пустыми глазницами – чувствую почти первобытный ужас...

В. В. Я в юности пережил период любви и романтизации Средневековья, а уж потом в зрелые годы понял, какая это была мерзость и что из себя представляли эти ребята. Они были грубы и жестоки, хотя разные были, наверное. Под впечатлением от Средних веков я делал практически все книги: «Ричард III», «Эгмон» – пусть по времени это уже более поздняя эпоха, но отдельные черты Средневековья сохранялись. Мне это было страшно интересно, и у меня накопилось огромное количество разнообразного материала. Допустим, делаю «Ричарда III» – еду в «театралку», рисую костюмы, утварь, изучаю материальную культуру, смотрю старинные миниатюры, портреты... Я в каждой работе мог реализовать от силы пять процентов. У меня накопилось огромное количество материала, вот я и придумал средневековые мистерии по мотивам материалов, собранных в связи с историей Средних веков. Даже написал письмо Аниксту¹⁴ – был такой исследователь Шекспира. Написал: у меня есть огромное количество рисунков, а вы являетесь составителем книги средневековой поэзии. А я не создаю иллюстрации, просто между текстами идет несколько страниц, где нарисованы поединки, войны, прекрасные дамы. То есть я создаю атмосферу. Он мне даже не ответил, наверное, для него это была дикая идея... Это был, по-моему, 1979 или 1980 год. А потом я сделал по этому принципу «Тристана и Изольду» Кретьена де Труа и Готфрида Страсбургского. Вообще это все и послужило основой того, что я сейчас делаю, это авторская книга – я и составитель, и художник. «Цирк» так же сделал. А Средние века – я до сих пор совершенно помешан на всем этом.

Л. С. Болеете ими, да?

В. В. Да. Хотя я стал, наверное, больше понимать, что это вообще такое – Средние века.

Е. А. А вот искусство Средневековья с его телесной деформацией...

В. В. Мне это нравится даже в итальянском варианте. Все, что предшествует высокому Возрождению, – там ощущалось присутствие внутренней жизни, Возрождение же сосредоточилось на передаче плоти, жизни, натуры.

Е. А. А Северное Возрождение, тот же Босх с его адскими сюжетами?

¹⁴ Александр Абрамович Аникст (1910–1988) — литературовед, заслуженный деятель искусств РСФСР, доктор искусствоведения, председатель Шекспировской комиссии АН СССР. Автор исследований о теории и истории западноевропейской литературы, театра и эстетики, книг о Шекспире, Гёте.

В. В. Северное Возрождение – это да! Я люблю и раннее Возрождение: там Филиппино Липпи, Беноццо Гоццолли. Но немцы Северного Возрождения – это вообще грандиозно! Матиас Грюневальд – великий художник. Мартин Шонгауэр, Лукас Кранах – это что-то невероятное. Это искусство удивительно одухотворено.

Л. С. Да, это, конечно, привлекает всегда.

В. В. Я был настолько захвачен игрой в рыцарей – просто из этого состояния почти не выходил... И знаете, как я познакомился со своей женой? В сорок третьем году я учился на третьем курсе, а она пришла поступать. Училище художественное было на пятом этаже филармонии, было три комнатки, мы сидели в ватниках, протыкали черенком кисти лед на банках... Внизу был кожаный склад, и когда мы вечером выбегали на лестничную площадку, сотни крыс скатывались по перилам и ступенькам. А когда мы утром приходили, весь натюрморт восковой был ими облеплен. Они безбоязненно переходили дорогу, не спеша уходили куда-то за холсты.

Л. С. Крысиный мир какой-то.

В. В. Да-да-да... И вот, значит, я спускаюсь по этой лестнице филармонической, а у нас был такой способ: мы к середине лестницы подходили, перепрыгивали на середину следующей. Таким образом я рухнул на лестницу, вдруг вижу – передо мной дивной красоты девушка, которая от меня шарахнулась, я ведь свалился откуда-то сверху на нее. А я, естественно, встал на одно колено и...

Л. С. Как Вы быстро сообразили, Виталий Михайлович!

В. В. Я не выходил из этого образа. И вот, говорю, как я счастлив в этом убогом замке встретить столь прекрасную даму... Какую-то чушь в этом роде. Она на меня с ужасом смотрела и потом мне рассказывала, какой страх она испытала.

Е. А. Наверное, Свердловск в годы войны своей мрачной атмосферой напоминал Средневековье?

В. В. Я тогда Средневековье поэтизировал, для меня это были примеры благородства и красоты, а на улицах Свердловска сидели на костылях крест накрест безногие... Мы ходили с Юркой Истратовым¹⁵ в школу, потом в художественное училище. Улица была немощеная, без единого фонаря, утопала в грязи. Свердловск был

---

¹⁵ Юрий Иванович Истратов (1928–2007) – художник кино, живописец, график, заслуженный деятель искусств РСФСР, лауреат Государственной премии РСФСР (1975), премии губернатора Свердловской области за выдающиеся достижения в области литературы и искусства (2002). Окончил Свердловское художественное училище (1948), художественный факультет ВГИКа (1954). Член Союза кинематографистов с 1960 г. С 1954 г. работал на Свердловской киностудии. Его произведения хранятся в Екатеринбургском музее изобразительных искусств, других музеях и частных коллекциях.

страшный город, просто страшный: убогий, серый, без света. Люди ходили в ватниках. Я помню старый оперный театр, там был такой певец Даутов¹⁶, лирический тенор, юноша дивной красоты с длинными волосами. Он выходил в роли Альфреда в «Риголетто», или Ленского, или Дубровского, или Ромео. Он выходил в серебряном камзоле, в белых трико, пел «Я люблю Вас» – что делали женщины! Это ведь был культ, это было поклонение, потому что люди жили среди серых ватников, замызганных мужчин и женщин. Помню, что я впервые снял ватник на третьем курсе художественного училища, потому что к маме приехал какой-то родственник и привез старый изношенный потертый женский кожан. С какой гордостью я его носил! Свердловск был очень тяжелым городом. На базаре я видел, как за булку хлеба купили женщину, и она пошла... и это было ужасно. А какое количество грабежей, убийств! Какие-то личности на пружинах соскакивали с забора...

Л. С. Это не миф, это правда? А зачем они это делали?

В. В. Это правда. Их подбрасывало немножко – производило такой эффект. Случались и бытовые убийства – вырезали целые семьи... А какие были драки! Людей раздевали на улицах. Никакой романтики в Свердловске не было.

Е. А. Такое Средневековье в реальности и было.

В. В. В реальности – да. Но в моем воображении тогда Средневековье было оазисом, а жизнь в Свердловске – это бездна.

Е. А. С другой стороны, в Свердловске во время войны оказались представители столичной элиты.

В. В. У нас дома собирались. У нас была Мариэтта Сергеевна Шагинян¹⁷, был Бартэн¹⁸ – ленинградский прозаик, было много замечательных интересных людей. У нас была и актерская среда: моим

¹⁶ Нияз Курамшевич Даутов (1913–1986) – певец, режиссер, педагог. Заслуженный деятель искусств РСФСР, народный артист РСФСР, лауреат Государственной премии Республики Татарстан имени Габдуллы Тукая. В 1938 г. окончил Татарскую оперную студию при Московской консерватории, затем Уральскую консерваторию (1953). Солист и режиссер Свердловского театра оперы и балета (1943–1956, 1960–1964).

¹⁷ Мариэтта Сергеевна Шагинян (1888–1982) – поэтесса, прозаик, искусствовед, журналист, историограф. Герой социалистического труда, член-корреспондент Академии наук Армянской ССР, лауреат Сталинской и Ленинской премий.

¹⁸ Александр Александрович Бартэн (1908–1990) – прозаик, драматург, режиссер. Окончил театроведческое отделение Высших курсов искусствоведения, филологическое отделение Ленинградского университета, режиссерское отделение Техникума сценических искусств). В 1930-е гг. был режиссером ленинградских театров и эстрадно-цирковой экспериментальной мастерской, преподавал в театральных студиях. Участник Великой Отечественной войны. Автор романов, пьес, произведений для эстрады.

соседом был Гецов¹⁹, актер в Театре драмы, красавец. А мы, мальчишки же, пять-шесть человек, собирались в пять часов утра... Мы жили на первом этаже в деревянном доме, я вылезал из постели, потом через окно в сад, шпингалет был у меня на веревочке, я опускал шпингалет, потом закрывал, уходил, никто меня ни разу не поймал, ни разу. Гецов жил в соседнем дворе, и мы там яблони, рябину обирали – все, что можно было только. Впоследствии, поскольку мы были знакомы, он меня пригласил на свое восьмидесятилетие в драмтеатр, и я сказал: «Вы, наверно, не догадываетесь, что перед Вами стоит руководитель шайки, которая обирала Ваши яблони и огород».

Л. С. Да, веселое было время. Для детей.

В. В. Был избыток сил, была радость невероятная, да и сравнивать было не с чем, поэтому все эти ужасы не ощущались, это сейчас думаешь: о господи, как мы жили...

Л. С. Но зато следить за Вами было особо некому. Беспризорные же.

В. В. Я, наверное, принадлежал к последнему поколению мальчишек, которые воспитывались не на библиотечке красноармейца, которая чуть позже появилась, а на детской классической литературе.

Е. А. Вам повезло с родителями.

Л. С. И с библиотекой повезло, потому что были дореволюционные издания.

Е. А. Виталий Михайлович, Вы ведь сталкивались с людьми дореволюционной культуры, таких людей было много в Вашем окружении?

В. В. Они каждый раз производили сильное впечатление. К маме приходили удивительные люди. Был такой Егренов, режиссер ТЮЗа, которому тогда было лет 80, он приходил со своей женой, которой было, наверное, 25. Он держал ее за руку, не отпуская. Как он говорил! Как говорят актеры МХАТа – совершенно другая лексика, другая интонация.

Е. А. У Вас не было желания когда-нибудь создать книгу о себе, иллюстрации каких-то жизненных событий: детство, годы войны, встреча с Бажовым...

В. В. Нет, это бытовые дела.

---

¹⁹ Григорий Ефимович Гецов (1918–2000) – актер и режиссер. Народный артист Российской Федерации. Окончил Ленинградский театральный институт. Участник Великой Отечественной войны, после тяжелого фронтового ранения был на лечении в госпитале Свердловска. Актер Свердловского театра юного зрителя (1942–1946), затем Свердловского театра драмы. В течение 40 лет руководил самостоятельным народным театром ДК железнодорожников, которому в 2000 г. было присвоено звание «Народный театр драмы имени народного артиста России Г. Е. Гецова».

Е. А. Да, бытовые, но ведь можно было их и переосмыслить, где-то иронично, где-то гротескно...

В. В. Мне это неинтересно. Для того, чтобы это было интересно, надо, чтобы детали быта были верны. Вообще не хочется в это возвращаться.

Л. С. Вам время неинтересно?

В. В. Мне неинтересно это рисовать. Мне интересно, когда есть выдумка, метафора, есть возможность каких-то обрастаний смысловых. А когда я рисую конкретный сюжет: мальчик Витя, страдающий от голода...

Л. С. Виталий Михайлович, Вы ощущаете, что все-таки, как говорил Шекспир, «Весь мир – театр. В нем женщины, мужчины – все актеры». У Вас нет ощущения, что весь мир – еще и карнавал?

В. В. Временами да, такой адский... А точнее, цирк. Театр – правильнее, а цирк – точнее, потому что примитивнее, и там ярко отображаются страсти. Я познакомился с Марчевским²⁰, директором екатеринбургского цирка, подарил ему книжку «Цирк», а он меня пригласил на представление, водкой напоил, в ложу посадил. И потом я имел глупость сказать (а я был, в общем, начитан по этой части, я Тристана Реми прочитал, «Историю европейского цирка», еще там какие-то вещи), что вот посмотрел представление, но это не цирк, цирка вообще нет, он перестал существовать. Это просто очень плохое шоу. Ну, остались гимнасты, то, что никуда не денешь. Ушли клоуны настоящие... А Марчевский – он бывший клоун. Я ему объясняю: «Клоуны-то ушли, нет традиционных клоунов с пощечинами, с пинками». Он отвечает: «Вы что?! Да мы вообще изжили эту мерзость из цирка, эти пощечины – они унижают достоинство человека!» Я говорю: «Бог с Вами, Анатолий Павлович, как унижает достоинство человека? Это основа цирка. Цирк основан на том, что зритель приходит, видит этого клоуна-недотепу, и даже если зритель сам идиот, то он кажется себе намного умнее. Он смеется над ним, в этом смехе черпает силу, уверенность»...

Л. С. ...Освобождение.

В. В. Да, я очень любил цирк, и там были пощечины, и там были силачи... Увлекаясь рыцарской средневековой культурой, я должен был, наверное, испытывать к цирку отвращение. Но я почему-то любил цирк и видел в нем невысказанное богатство всяческих метафор, вот эти пинки, эти животные, эти дрессировщики...

---

²⁰ Марчевский Анатолий Павлович (род. 1948) – советский и российский артист цирка и актер, директор и художественный руководитель Екатеринбургского цирка (1994–2018).

Я много рисовал в старом деревянном цирке. Это был настоящий цирк. Там был коридор, где перед тем, как выйти на парад-алле, скапливались актрисы – прелестные девушки, перевязанные радикулитными платками, потому что сквозняки. Гимнаст на лошади сидит, одной рукой за кольцо подтягивается на седле, тут же медведей расчесывают. Я прижат к стенке, делаю какие-то наброски, рядом клоун рассказывает актрисе анекдоты, от которых лошади на дыбы становятся – это потрясающая атмосфера по своей подлинности. Мне очень нравился цирк, невероятно нравился. И потом я книжку сделал, там немыслимое количество метафор. Не меньше, чем в театре, но в театре они рафинированней, тоньше, многообразней, а в цирке зато они имеют мощную силу, потому что речь идет о первозданных ощущениях.

Л. С. Телесность присутствует.

В. В. Да, да, конечно.

Е. А. Естественная грубость, демонстрация чувственного начала... А клоун в Ваших работах – это такой пограничный образ, веселящий и пугающий?

Л. С. Амбивалентный образ?

В. В. Грубость, чувственность, телесность... И все это в зримой и яркой форме. Нельзя отказываться от клоунской культуры, от площадного, балаганного, ярмарочного.

Л. С. Это уже невозможно вернуть. Люди стали по-другому чувствовать. Для них цирк сейчас не такое освобождение, им не хочется просто смеяться, они туда идут уже за чем-то другим.

В. В. Вот я рисовал цирковые сюжеты. Приходила комиссия из Управления культуры, а у меня нарисован осел, который жонглирует буквами. Буква «Я» падала. Художественный критик говорит: «Что вы этим хотели сказать?» Я отвечаю: «Да ничего я не хотел сказать, просто буквы, игровой момент, интересный по ритму». Он говорит: «Нет, это у вас крах индивидуализма». Тогда были все специалисты по метафорам. Это сейчас прямоговорение, а тогда все абсолютно все понимали. Чиновница Худякова²¹, была такая, к Мише Брусиловскому подошла и спрашивает: «У вас тут два кота нарисованы, красный и зеленый, что вы этим хотели сказать?» Миша хотел сказать, собственно, что один кот красный, другой зеленый, ничего больше. Она говорит: «Вы мне не морочьте голову, это у вас две системы противопоставлены». Так что метафоры читали все.

---

²¹ Лидия Александровна Худякова (род. 1926). Долгие годы работала в сфере администрирования культуры. Директор Объединенного музея писателей Урала с 1984 по 2004 г.

Я однажды был в Москве, вышел из ГУМа накануне какого-то праздника, вижу – на лобном месте стоит большой картонный макет серпа и молота. Я думаю: «Как же так? Да у нас бы за такое повесили. Символ государства стоит на лобном месте!» Я помню, что я когда «Эгмонта» сделал, какой-то советский критик очень прощительно написал, что художнику, в общем, особого дела до Гёте нет, для него интересны проблемы несвободы²². Это правда... Помню, мне пришло предложение участвовать в выставке в Лейпциге. И, по условиям, можно было представить произведение станковой графики по литературным мотивам, не предназначенное для иллюстрирования книги. При этом выбрать любой формат, стиль, эпоху. Была такая тенденция, которая возникла не только в отечественном искусстве книжной иллюстрации, но и за рубежом тоже. Искусствовед Герчук придумал тогда термин «раскниживание книжек»²³. Всё делали по мотивам. Я позже делал по мотивам «Тристана и Изольду», хотя они потом и были изданы. Для выставки в Лейпциге я решил сделать триптих на тему сожжения книг. Несмотря на то, что я изобразил в композиции фашистские знаки, мне художественный критик заметил: «Вы думаете, никто не понимает, про что вы говорите?» Прямым текстом...

Л. С. Я не думала, что они такие умные, наши чиновники. Шучу.

В. В. Там среди них были исключительно умные. Кстати, были и исключительно порядочные. Потрясающе. Я знаю двух человек в Госкомитете по печати, которые были просто светочами. Сделал я иллюстрации к шотландской балладе²⁴, и на Выставке достижений народного хозяйства в павильоне печати она висела наряду с другими. Шла правительственная комиссия, и какой-то высокий чиновник, который двигался, естественно, впереди всей челяди, остановился перед этой картинкой и, поглядев на челядь, сказал: «Это что, люди?» Все промолчали. Ну никто не объяснил, что это пикты-медовары. Книгу сняли с конкурса, но главный художник Госкома печати перед каждой правительственной экскурсией снимал эти картинки, а затем снова развешивал. Везде были нормальные люди.

И вот, сделал я триптих «Сожжение книг» для выставки в Лейпциге, а от организаторов приходит пояснение, что сюжет должен быть

---

²² «Эгмонт» Гёте с иллюстрациями В. Воловича издан в Средне-Уральском книжном издательстве (1982). Бронзовая медаль Международной выставки искусства книги в Лейпциге.

²³ Юрий Яковлевич Герчук (1926–2014) – искусствовед, художественный критик, историк и теоретик изобразительного искусства, заслуженный деятель искусств Российской Федерации.

²⁴ Имеется в виду «Вересковый мед» Р. Л. Стивенсона (серебряная медаль Международной выставки искусства книги в Лейпциге, 1965). В 1979 г. книга была издана Средне-Уральским книжным издательством.

связан с конкретным литературным произведением. Что делать? Обратился к своему близкому другу Яше Тубину²⁵, прошу: «Яша, подбери мне что-нибудь». Он говорит: «Слушай, у Брехта есть пьеса “Страх и отчаяние в Третьей империи”, ничего, конечно, из того, что ты изображаешь, там нет, но они распевают там зонги и стихи в начале каждого акта общесимволического содержания, все что угодно под это можно представить». Я так и назвал: «По мотивам стихотворных вступлений зонгов в пьесе Бертольда Брехта “Страх и отчаяние”». Шмаринов на национальном выставкоме сказал, что вот, понял человек драматургию Брехта. Но это что! Потом в немецком журнале «Bildende_Kunst» («Изобразительное искусство») написали, как тонко художник, во-первых, обратился к традиционной средневековой форме триптиха, а, во-вторых, точно почувствовал своеобразие и внутренние скрытые пружины пьесы Бертольда Брехта.

Я был потрясен совершенно, и тут у меня возникла абсолютно гениальная идея – я понял, что это путь. На следующую выставку я послал изображения пустых панцирей и написал: «По мотивам средневековой поэзии Кретьена де Труа и Готфрида Страсбургского». Все прошло без сучка и задоринки. Потом я отправил цирковые листы и написал: «По мотивам книги Эдуарда Басса “Цирк Умберто”». Эту книгу я не читал, как позже выяснилось, она не переводилась на русский язык. Я как-то Эрнсту Неизвестному об этом рассказал. Он говорит: «А что ты хочешь? Это ж нормально, если ты делаешь станковую графику – ты ответственный, а если ты иллюстрируешь – по крайней мере, половина вины не на тебе». И таким образом я делал практически все, что хотел.

Л. С. Потрясающе. Это как было в гуманитарной науке: для того чтобы тебя опубликовали, надо сначала сделать ссылку на Ленина и Энгельса. Потом можно про них забыть и в работе никогда уже не вспоминать. Если ссылки нет, то не опубликуют.

В. В. Раньше, когда были аналогии, иносказания, басни, воображение у людей работало. Сейчас – нет. Сейчас – только если говорить прямо. А что значит «говорить прямо»? Это значит изображать то, что видит зритель, привычный к телевидению и гламурным журналам. Объяснить, почему художник занимается деформацией, требует отдельных усилий. Я уже несколько раз объяснял некоторым своим друзьям, которые мне задавали вопрос: «На кой черт вы уродуете людей?» Естественно, художник прибегает к деформации, к тысяче различных приемов, для того чтобы выразить свое отношение. Раньше художник радовался Божьему миру – Господь сотворил

---

²⁵ Яков Соломонович Тубин (1925–1989) – театровед, преподаватель Свердловского театрального института и Уральской консерватории, участник Великой Отечественной войны.

мир, и в нем все прекрасно. Его задачей было изображать этот мир, созданный Богом. А сейчас неизвестно, кто сотворил мир. Ну было известно про второго, который олицетворял все пороки мира. Это дьявол. А сейчас третий присоединился, сейчас среди создателей – менеджер по продажам. Господь, дьявол и менеджер по продажам – вот они втроем управляют. Художнику что же делать? Раньше, помните, в библиотеках обсуждались книги, обсуждались выставки, на каком высоком уровне это все было! Вообще сама мысль о том, что книга, картина – важный элемент жизни, существовала в советской системе при всей примитивности быта, цензуре и других ужасных вещах. Сейчас об этом просто не говорят...

Л. С. *Вот интересно, может, все-таки в этом есть история времени – то, что мы не смогли воспитать поколения, для которых духовная жизнь была бы чрезвычайно значимой?*

В. В. Мы говорим, что и в этом беспросветном мраке что-то было...

Л. С. ...*Что-то было. Поразительно, как быстро мы этого лишились, может быть, оно не было таким основательным тогда? Может, это тоже было очень поверхностно и так легко утратилось, когда перестало подпитываться?*

В. В. Человек вообще очень быстро при соответствующих обстоятельствах переходит от высот нравственности и духа к полной скотине... Малейшие обстоятельства – война, голод, я не знаю что – и человек становится чудовищем или гибнет. Редко люди выживают и сохраняют свою личность²⁶.

Список литературы

- Волович В.* Мастерская : Записки художника. Екатеринбург : Автограф, 2017. 608 с.
Закс Л. Монструозность как код эротики, жестокости и страха в альбоме Виталия Воловича «Женщины и монстры» // *Quaestio Rossica*. Т. 7. 2019. № 2. С. 458–474. DOI 10.15826/qr.2019.2.387.
 Побезденный кит. Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1962. 16 с.

References

- Pobezhdennyi kit* [The Defeated Whale]. (1962). Sverdlovsk, Sredne-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo. 16 p.
 Volovich, V. (2017). *Masterskaya. Zapiski khudozhnika* [Workshop. Notes of the Artist]. Yekaterinburg, Avtograf. 608 p.
 Zaks, L. (2019). Monstruoznost' kak kod erotiki, zhestokosti i strakha v al'bome Vitaliya Volovicha "Zhenshchiny i monstry" [Monstrosity as a Code of Eroticism, Violence, and Fear in Vitaly Volovich's *Women and Monsters* Album]. In *Quaestio Rossica*. Vol. 7. No 2, pp. 458–474. DOI 10.15826/qr.2019.2.387.

The article was submitted on 20.07.2019

²⁶ Многие аспекты своей жизни В. М. Волович описал в книге воспоминаний «Мастерская. Записки художника» [Волович].

Conceptus
et conceptio

Conceptus
et conceptio

“DIFFICULT QUESTIONS” OF RUSSIAN HISTORY: OPINIONS AND FORECASTS**

Alexander Chubariyan

State Academic University for the Humanities,
Institute of World History of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

This article deals with the professional discussion about the so-called “difficult questions” of Russian history that involves historians and teachers in the now independent republics of the former Soviet Union and Eastern Block. Both academic publications and teaching books are used as primary sources for the study. In the first section, the author studies several problems connected with the origin of Russian statehood, the Varangian question, and civilizational characteristics of East Slavic nations. The second section is devoted to the Russian imperial past and especially to the discourse on colonialism, which is often used as an explanatory model for the imperial period by historians and textbook authors in some of the post-Soviet countries. The third section is concerned with the conception of the 1917 revolution. The author emphasizes the fact that the conception of a continuous revolutionary process (1917–1922) has yet to be accepted by Russian secondary schools. In this part, the author considers several other factors significant for understanding the revolutionary process including issues such as the origins of the First World War and the developmental level of the Russian Empire in the early twentieth century. In the fourth section, the article discusses the conception of the 1930s Soviet modernization along with negative opinions about the Soviet period given by scholars of different former Soviet republics. In the fifth section, the author briefly observes contemporary studies of culture and everyday life. It is concluded that the history of culture is not represented well in Russian school textbooks, and it is also found that the studies on everyday life are often lacking in depth. Discussing various “difficult questions” of Russian history, the author highlights controversial historical ideas and opinions, formulated in the post-Soviet countries during the last decades.

Keywords: history education; national history; Varangian question; Russian Empire; 1917 Russian Revolution; Soviet modernization.

---

* The article was written as part of the project 33.4122.2017 / PCH, supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation.

** *Citation:* Chubariyan, A. (2020). “Difficult questions” of Russian History: Opinions and Forecasts. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 2. P. 575–590. DOI 10.15826/qr.2020.2.481.

Цитирование: Chubariyan A. “Difficult questions” of Russian History: Opinions and Forecasts // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 2. P. 575–590. DOI 10.15826/qr.2020.2.481.

Предметом исследования является профессиональная дискуссия историков и преподавателей истории в странах бывшего Советского Союза и Восточного блока по так называемым «трудным вопросам» российской истории. Автор привлекает современные научные публикации, затрагивающие такие вопросы, и учебные издания. Статья состоит из пяти разделов, каждый из которых соответствует одному из «трудных вопросов». В первом рассматривается состояние исследований по проблеме образования древнерусского государства, варяжскому вопросу и цивилизационным особенностям восточнославянских народов. Второй раздел посвящен проблеме имперского прошлого России и колониальному дискурсу как новой объяснительной модели, применяемой к имперскому периоду историками и авторами учебников в некоторых странах бывшего СССР. В третьей части, касаясь революционных событий 1917 г., автор отмечает, что выдвинутая несколько лет назад концепция единого революционного процесса (1917–1922) до сих пор не закрепились в российской школе. Кратко рассмотрены другие проблемы, важные для понимания истории революции: истоки Первой мировой войны и уровень развития Российской империи в начале XX в. В четвертой части обсуждается концепция советской модернизации 1930-х гг. и рассматриваются негативные оценки советского периода истории в бывших союзных республиках. В пятой части дан краткий обзор проблем, связанных с исследованием и репрезентацией истории повседневности и культуры. Сделан вывод, что история культуры недостаточно представлена в российских школьных учебниках, а исследования по истории повседневности нередко имеют поверхностный характер. Обсуждая различные «трудные вопросы» российской истории, автор указывает на противоречивые исторические гипотезы и мнения, сформировавшиеся в последние десятилетия на постсоветском пространстве.

Ключевые слова: историческое образование; национальная история; варяжский вопрос; Российская империя; революция 1917 г.; советская модернизация.

In recent years, the term “difficult questions of history” has been at the forefront of Russian discussions on the problem of historical education. The emergence of the term immediately raised some doubts and objections, as a logical question arose: “What do the so-called ‘difficult questions’ mean in history?”

The concept of “difficult questions” was formed in 2014 as a result of radical changes in the study and teaching of history in secondary schools. The changes led to a certain variability in the sphere, and dozens of textbooks for high school appeared then. At the same time, the Russian scientific and educational community as well as the media started discussions about revising the previously formed views on many events in the history of our country from ancient times to the present.

History teachers found it difficult to navigate in such a difficult situation. A typical Russian teacher, having their own priorities, preferences, and

their own attitude to certain historical events, also has to convey the modern point of view of the national historical science to their students in the process of teaching. It is not surprising that it was the teachers who made the list of “difficult questions” of Russian history, which caused disputes among scholars and specialists in world and national history. In response to these requests, 20 methodological brochures were created, revealing current views on “difficult questions”. At the same time, a number of research projects were initiated. The task was to rethink or clarify and correct the previous, seemingly well-established views on events in Russian history. This was also facilitated by the study of new documents and other evidence which were introduced for scientific use, as well as the process of revising previous theories and concepts in several countries (Poland, Ukraine, the Baltic States, etc.), which were imposed by politics.

The origins of Kievan Rus’

Many historical issues are connected with the origins of Kievan Rus’. Earlier, the confrontation between “Normanists” and “anti-Normanists” in understanding Rurik and the Scandinavian’s role in the formation of Kievan Rus’ was the main point of discussion. The discussion on these issues that took place in Soviet historiography ended up by the beginning of the 1980s with the formation of an official position, which was reflected in the works of B. A. Rybakov [Рыбаков] on the one hand, and A. A. Zimin [Зимин] on the other. Soviet historians agreed that Rurik came with his men not to “empty space”, but to a territory where people already had their own economy and developed social structures. Soviet scholars postulated that the Scandinavians did not play a crucial role in the formation of the state in this territory. However, most scholars held that Scandinavian traders and warriors exercised considerable influence over Slavic tribes of Eastern Europe [Славяне и скандинавы].

In the 1980s, Soviet historians did not deny that the Varangians could possibly originate in Scandinavia, and even Scandinavian roots for the name Rus’ were found in the last years of the Soviet period [Мельникова, Петрухин]. It should be noted that there was a revival of the interest in the Varangian question in the 2000s. At this new stage, participants in the debate are concerned with the ethnic origins of the Varangians, their cultural influence on East Slavic tribes, and the interaction between Slavic and Scandinavian political traditions [Сахаров; Мельникова, 2011; Мельникова, 2017].

Soviet scholars held that Kievan Rus’ created the basis for the formation of Russian, Ukrainian and Belarusian civilizational entities [Пашуто, Флоря, Хорошкевич; Флоря]. However, Kiev has recently developed its own concept of the history of that period, which is based on the idea of only Ukrainian statehood, while denying the value of the Russian component [Гісем; Власов; Струкевич]. Given that no new documentary evidence has appeared, we can assume the presence of political bias in this interpretation. It is worth mentioning that the “new trends” in the Ukraine do not come from classical academic scientists [История Украины], but mainly from

journalists, political scientists, and so on. Nevertheless, it is obvious that we should give a more detailed and documented justification of the Kiev Rus' development history in educational literature, pay more attention to the formation of Ukrainian nation and the elements of statehood [Россия и Украина на перекрестках истории].

Russian Empire: the issues of evolution

The problem of formation and evolution of the Russian Empire is also considered among these “difficult questions”. In Soviet historiography, there were controversial views on the history of the territories of the Caucasus (Armenia and Georgia) and Central Asia becoming part of the Russian Empire. The official idea of the authorities about the so-called “voluntary entry” of these peoples and territories into Russia was often rejected and debated by local national elites [Невская, Кондрашева]. In the 1950s and 1960s, the “lesser evil theory” was even put forward. It stated that, for example, for Armenia and Georgia, their inclusion in Russia was the lesser evil compared to joining Turkey or Persia [Война и ислам на Северном Кавказе]. The topic of any negative aspects of “accession of these territories” to the Russian Empire was not raised at all. The incorporation of the Ukraine into Russia in the 17th century as a result of the initiative of Bogdan Khmelnytsky was seamlessly included in this scheme. However, when the former Soviet republics became independent states after the collapse of the Soviet Union in 1991, they began to build their own history and look for their own identity.

In contrast to the previous generally accepted concept, the period when they were parts of the Russian Empire was characterized as “colonial”. This definition was included in the history textbooks of schools, and in the programs of higher education institutions. Some scientific papers explaining this process of their development were published and various characteristics of the “colonial” period were presented: in some works, the focus was made on seizure and oppression, suppression of independence and culture [Кениньш; Kurlovičs, Tomašūns; Курлович, Томашун; Рахимов; Чоротегин, Омурбеков; Омурбеков, Чоротегин]. Other works attempted to explain the term “colonial period” as taking account of the differences between the traditional understanding of “colonies” (mainly overseas territories) and what happened in the outskirts of the former Imperial Russia, with particular attention paid to economic and cultural development, and the establishment of political organizations¹.

The problem of the Russian Empire's formation concerns the development of Russian Siberia and the Far East, the annexation of the Caucasus and other areas of the Volga region. These issues remain the

---

¹ See, for example, the history textbooks edited by the academician of the national Academy of Sciences of Armenia V. Barkhudaryan [История Армении для 8-го класса, 2005; История Армении для 8-го класса, 2007; История Армении в контексте мировой истории для 9-го класса].

subject of discussion in the scientific and educational societies of modern Russia [История Сибири].

In all regions and republics of Russia, schools mention the so-called “regional component” (local specificity), which actualizes the problem of modern scientific assessment of the history and development of the regions, including those within the Russian Empire [История Оренбургского края; История Крыма; История Сибири; Россия – Башкортостан; История Саратовского Поволжья]. This task requires an interdisciplinary approach and the use of a comparative method – comparing the processes that took place in the Russian Empire with similar examples in the Persian, Ottoman, and British empires.

The problem of the Empire inevitably leads to new approaches in the study of colonialism in general and in a specific historical context, as well as to the study of imperial attitudes in the metropolises themselves.

At meetings with colleagues from post-Soviet countries, Russian historians drew attention to the vulnerability of transferring the general concept and practice of colonialism to characterize the position of individual countries within the Russian Empire. Taking the actual practice into account, we can expect that in the post-Soviet countries the research of “Russian colonialism” will become more popular, and in this situation the study of Russian history (the Imperial period) will acquire a special meaning (the international school of young scientists and historians has ended in Moscow...).

In practice, this may lead to new approaches in the study of the “Treaty of Georgievsk”, which determined the accession of Georgia to Russia, in the study of the processes that took place in Central Asia (the uprising in Turkestan in 1916, etc.) [Восстание 1916 года в Туркестане]. In 2016, Kyrgyzstan’s increased attention to the history of the 1916 uprising indicated a growing trend [Российская газета – Неделя: Киргизия].

The problems related to the Ukraine’s accession to Russia remain important. In the early 1990s, after Ukraine gained independence, Ukrainian historians began to formulate new approaches to the events of the 17th–18th centuries, different from traditional Soviet historiography. Recently, a number of works devoted to Ivan Mazepa were published, in which special attention was paid to the problem of the Ukraine’s accession to Russia [З епістолярної спадщини гетьмана Івана Мазепи; Листи Івана Мазепи; Мазепина книга; Ковалевська; Павленко; Таїрова-Яковлева]. In accordance with new trends, the most radical authors in Kiev began to use the term “forcible absorption” of Ukrainian lands by Russia.

Russian historical science has faced the need to update the argumentation when describing the complex process of interaction between Russia and the Ukrainian Cossacks and the State. This is the subject of joint research of Russian and Ukrainian historians [История Украины; Данилевский, Таирова-Яковлева, Шубин, Мироненко], which uses modern and documented approaches that appeal to the process of the Ukraine’s accession to Russia in the 17th century.

The main task is to avoid excessive politicization, taking new documents and the study of various interdependent factors into account; to reveal the process of formation of the Russian Empire, the development of the lands of the former Tsarist Empire. A balanced and unbiased assessment of the policy of Russification of national borders is needed, as well as a sober understanding of the many advantages these regions received from joining the Russian Empire in terms of economic and cultural growth, the development of political institutions and civil society, and the preservation of border security from external military threats.

Revolution and Civil War: A New Axiology

One of the most controversial topics is the history of the Russian Revolution of 1917 and the Civil War.

It seemed that this issue was finally resolved in the preparation of the historical and cultural standard in 2019. Then, by analogy with the French Revolution of the 18th century, the Russian revolution was considered as a process, the stages of which were the February and October revolutions, and the Civil War. Thus, the Russian revolution covered the period of 1917–1922 [Концепция нового учебно-методического комплекса по отечественной истории]. This chronology was determined by the emergence of new data, as well as new approaches to the interpretation of the history of the Russian revolution, including the important position about “own truth” among the Reds and the Whites.

My communication with history teachers, however, shows that obsolete chronology and assessments are still often used, and the new concept of the Russian revolution and the Civil War needs a deeper documentary and theoretical justification, as well as accessible presentation forms. A new “reading” of the history of the Russian revolution was announced in the year of the centenary of the revolution. Since 1991, the ROSSPEN publishing house, in cooperation with Russian and foreign scientific centers has been implementing a project to publish documents of Russian political parties from the late 19th – early 20th centuries, in the series “Political Parties of Russia. The end of the 19th – the first third of the 20th century. Documentary Heritage.”²

The complexity of the situation is that a change in concept led to the disappearance of a significant historical heritage, because many hundreds, or maybe thousands of collections of documents, scientific and educational

² In 2017, on the 100th anniversary of the Revolution in Russia, scholars released many monographs, e. g. [1917 г. Вокруг Зимнего; Аксютин, Гердт; Медушевский; Хандорин; Шубин, 2017а, 2017б], collections of articles [Россия в 1917 году; Российская революция 1917 года и ее место в истории XX века] collections of documents [Революция 1917 года глазами современников; А. Ф. Керенский: pro et contra; Л. Д. Троцкий: pro et contra], memoirs of contemporaries of the events [Изгоев; Троцкий, 2017а, 2017б; Революция глазами современников; Штейнберг; «Свет во тьме...»; Сомов], chronicles [1917 год. Петроград. Москва. Богородск; Гагкуев, Репников], biographies of the leaders of the Revolution of 1917 [Колоницкий; Данилкин]; also, works by Western historians were translated and published [Историческая неизбежность?; Скочпол].

works contained "evidence" of the old concept of the history of the Russian revolution. The task is to take the necessary documents and memoirs from these previous works and collections and correlate them with the arguments about a new interpretation and a "new chronology" of the history of the Russian revolution and the Civil War. It is also necessary to answer the discussion questions that arose in connection with the scientific substantiation of the 100th anniversary of the Great Russian Revolution.

In Soviet times, the idea prevailed that Russia in 1917 and during the war was one of the most backward countries, and that in this situation only the October Revolution opened the way for Russia to recover. Now these estimates have changed dramatically: it is argued that by 1913 Russia was among the most advanced countries in terms of economic indicators [Маркевич, Харрисон; Петров, Журавлев, Бахтурина]. It is clear that further scientific studies of the real state of the Russian economy, as well as its role and place in world economic development, are required.

In the past, the question of the role of the First World War in the fate of Russia and in the preconditions of the Russian revolution was actually removed from the sphere of scientific circulation. To date, serious scientific research has been published on the origin, course and history of the First World War [Война и общество в XX в.; Первая мировая война на почтовых открытках; Петров, Павлов; Россия в системе международных отношений; Россия и Первая мировая война]. But it seems that this is only the beginning of new studies of the First World War and the consequences of this war for Russia.

The Soviet period in the history of Russia: the empire "vice versa"

The assessment of the Russian revolution is inseparable from the general understanding of the place of the "Soviet period" in the life and development of Russian history. It is known that from the beginning of the 1990s, extremely negative characteristics of the Soviet era were given in our historical literature and journalism. However, there are differences in emphasis, for example, the period 1920–1930 and the postwar years [Бахтурина]. This question arose quite sharply in preparing the cultural-historical standard for high school. In the course of historical discussions, the idea came to call the period of the 1930s "the Soviet version of modernization," which makes it possible to include in this concept all the difficulties of creating a large industry, collectivizing agriculture with tragic consequences, mass repressions, but at the same time successes in industrialization, science, culture, education, etc. It seems that the comprehensive justification of our assessments of the Soviet period is one of the important tasks of modern Russian historiography and political science.

It cannot be solved without the combined efforts of specialists from different disciplines: historians, economists, legal scholars, political scientists, sociologists etc. Studies are complicated by the fact that in the public consciousness there are significant differences in the perception of the relatively recent historical past. The difficulties are compounded by the

real contradictions of the Soviet era: the proximity of negative episodes of history with obvious achievements and successes. Russian researchers are faced with the task of developing new criteria and methods for analyzing such a complex and controversial phenomenon as Soviet society and the Soviet system.

When choosing a research topic, a new generation of scientific personnel is not particularly interested in problems of the Soviet period. Apparently, this is due to distrust of previously published collections of documents and concerns about the correctness of the results due to the apparent uncertainty and inconsistency of the estimates of the Soviet period as a whole and on its merits.

The problem of assessing the Soviet period has not only a Russian, but also an international context. All countries of the post-Soviet space have passed the “Soviet period”, and the attitude of different states to it varies. The Baltic countries are ready to erase the Soviet period from their history, declaring it an occupation by Moscow, although these countries were led by their own figures. The Baltic countries ignore the obvious fact that during the years of Soviet power they received strong financial and economic support, which contributed to the successful development of culture, science and education.

A much more complex perception of the Soviet era exists in the CIS countries. In the early 1990s, a number of CIS countries put forward the idea of continuing the colonial era of the Russian Empire in the Soviet Union [Советские нации]. But this trend has not been developed: it is too obvious that it contradicted the realities of that time. The Soviet republics of Central Asia and the Caucasus during the period of Soviet power had significant privileges, and the local elite and national nomenclature were at the head of the republics. The process of gaining independence was completely led by national leaders [Бахтурина].

Held in 2017–2018, the centennial of the Russian revolution was simultaneously accompanied by the celebrations of the centenary of statehood in Belarus, Kazakhstan, Armenia and other post-Soviet countries. The same anniversary was celebrated in Tatarstan, Bashkortostan, etc.

In the Ukraine, the events of 1918–1919 attract special attention today. In numerous works of Ukrainian historians, the short-term period of the reign of the Ukrainian Central Rada is considered as a certain standard of Ukrainian statehood [Литвин; Хміль]. Meanwhile, it is known that the Ukraine during the Central Rada was actually under the German protectorate. This period is depicted as a time of “deliverance” from Moscow and from the Moscow Bolsheviks, although there was a sharp struggle in the Ukraine itself, including with the participation of the Ukrainian Bolsheviks [Михутина; Солдатенко].

History of everyday life and culture

There are a number of topics that did not fall into the category of difficult ones, but which should be specially mentioned. Modern history textbooks and educational programs have little space, for example, for the

history of everyday life, which today is at the center of many international studies. It seems that in the domestic scientific tradition, methodological approaches and criteria for historical tools to include everyday history in the general research scheme have not been developed. The sections that tell about everyday life, which are now present in a number of scientific works and in educational programs, look rather simplified and superficial.

Equally important is the lack of attention paid to the problems of cultural history. The deficit of efforts in the coverage of culture in textbooks persists from Soviet times. As a rule, it all came down to a simple enumeration of cultural figures in various historical periods. Meanwhile, it is very important to explain the importance of culture in the history of mankind as one of the main aspects of spiritual life, thus, special attention should be paid to the role and place of the Russian culture, including Soviet.

The presented notes do not consider the content of many other topics and problems in the course of national history in school and university educational programs, which need additional substantiation and development. I have cited a number of examples of the so-called “difficult questions” to draw attention to the interconnection and interinfluence of education and science, and to establish how the needs of education, including in high school, can stimulate basic scientific research.

Список литературы

- 1917 г. Вокруг Зимнего / сост. Ю. З. Кантор. М. : РОССПЭН, 2017. 247 с.
- 1917 год. Петроград. Москва. Богородск : Хроника событий / авт.-сост. Е. Маслов. Черноголовка : Богородский печатник, 2017. 122 с.
- А. Ф. Керенский: pro et contra : антология / сост., вступ. ст., коммент. А. Б. Николаева. СПб. : РХГА, 2016. 768 с.
- Аксютин Ю. В., Гердт Н. Е.* Русская интеллигенция и революция 1917 года: в хаосе событий и в смятении чувств. М. : РОССПЭН, 2017. 703 с.
- Бахтурина А. Ю.* Советская национальная политика // ЭНОЖ «История» : [сайт]. Трудные вопросы истории России. URL: <https://history.jes.su/s207987840004708-7-1/> (дата обращения: 22.04.2020). DOI 10.18254/S2079878404708-7.
- Власов В. С.* Історія України : підруч. для 8-го кл. загально-освіт. навч. закл. Київ : Генеза, 2016. 256 с.
- Война и ислам на Северном Кавказе XIX–XX вв. М. : Ин-т рос. истории РАН, 2000. 54 с.
- Война и общество в XX в. : в 3 кн. М. : Наука, 2008. Кн. 1. Война и общество накануне и в период Первой мировой войны. 611 с.
- Восстание 1916 года в Туркестане: документальные свидетельства общей трагедии : сб. док. и материалов. М. : Марджани, 2016. 468 с.
- Гісем О. В.* Історія України : підручник для 7 кл. загальноосвіт. навч. закл. Тернопіль : Навчальна книга – Богдан, 2015. 272 с.
- Гагжуев Р. Г., Репников А. В.* Великая Революция 1917 года. Иллюстрированная летопись. М. : ЭКСМО : Яуза, 2017. 224 с.
- Данилевский И. Н., Таирова-Яковлева Т. Г., Шубин А. В., Мироненко В. И.* История Украины. СПб. : Алетейя, 2015. 508 с.
- Данилкин Л. А.* Ленин : Пантократор солнечных пылинок. М. : Молодая гвардия, 2017. 784 с.
- З епістолярної спадщини гетьмана Івана Мазепи. Київ : Ін-т історії України НАН України, 1996. 191 с.

Зимин А. А. О методике изучения древнерусского летописания // Изв. Акад. наук СССР. Сер. Лит. и яз. Т. 33. 1974. № 5. С. 454–464.

Изгоев А. С. Рожденное в революционной смуте. М. : Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2017. 600 с.

Историческая неизбежность? Ключевые события русской революции / под ред. Т. Брентона. М. : Альпина нонфикшн, 2017. 414 с.

История Армении в контексте мировой истории для 9-го класса / под ред. В. Бархударяна. Ереван : Зангак-97, 2001.

История Армении для 8-го класса / под ред. В. Бархударяна. Ереван : Луйс, 2005.

История Армении для 8-го класса / под ред. В. Бархударяна. Ереван : Макмиллан – Армения, 2007.

История Крыма // ЭНОЖ «История» : [сайт]. URL: <https://history.jes.su/issue.2017.2.4.e12/> (дата обращения: 20.12.2019).

История Оренбургского края // ЭНОЖ «История» : [сайт]. URL: <https://history.jes.su/issue.2017.3.9.e13/> (дата обращения: 20.12.2019).

История Саратовского Поволжья // ЭНОЖ «История» : [сайт]. URL: <https://history.jes.su/issue.2015.3.9.e4/> (дата обращения: 20.12.2019).

История Сибири // ЭНОЖ «История» : [сайт]. URL: <https://history.jes.su/issue.2016.4.10.e11/> (дата обращения: 20.12.2019).

История Украины : науч.-популяр. очерки / под ред. В. А. Смолия. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2008. 1070 с.

Кениньш И. История Латвии : учебник для 8–9-х классов. Рига : Zvaigzne, 1990. 223 с.

Ковалевська О. Иконографія Івана Мазепи в образотворчому мистецтві ХХ – початку ХХІ ст. Київ : Темпора, 2013. 420 с.

Колоницкий Б. И. «Товарищ Керенский»: антимонархическая революция и формирование культуры «вождя народа» (март – июнь 1917 года). М. : Новое лит. обозрение, 2017. 520 с.

Концепция нового учебно-методического комплекса по отечественной истории // Городской методический центр : [сайт]. URL: https://mosmetod.ru/files/metod/srednyaya_starshaya/istor/Koncersia_final.pdf (дата обращения: 20.12.2019).

Курлович Г., Томашун А. История Латвии : для основной школы. Рига : Zvaigzne ABC, 2002. 295 с.

Л. Д. Троцкий: pro et contra : антология / сост., вступ. ст., коммент. А. В. Резника. СПб. : РХГА, 2016. 864 с.

Листи Івана Мазепи : в 2 т. / упорядн. та авт. передм. В. Станіславський. Київ : Інститут історії України НАНУ, 2002, 2010. Т. 1. 1687–1691. 480 с. Т. 2. 1691–1700. 752 с.

Литвин С. Суд історії: Симон Петлюра і петлюріана. Київ : Вид-во ім. Олени Теліги, 2001. 640 с.

Мазепина книга / упор. та вступна стаття І. Ситого. Чернівці : ЦНТЕІ, 2005. 524 с.

Маркевич А., Харрисон М. Первая мировая война, Гражданская война и восстановление: национальный доход России в 1913–1928 гг. М. : Мысль, 2013. 111 с.

Медушевский А. Н. Политическая история русской революции: нормы, институты, формы социальной мобилизации в XX веке. М. ; СПб. : Центр гуманитар. инициатив, 2017. 656 с.

Мельникова Е. А. Ряд в Сказании о призвании варягов и его европейские и скандинавские параллели // Мельникова Е. А. Древняя Русь и Скандинавия : избр. тр. М. : Рус. фонд содействия образованию и науке, 2011. С. 249–256.

Мельникова Е. А. Норманнская проблема // Древняя Русь в средневековом мире : энциклопедия. М. : Ладомир, 2017. С. 560–561.

Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. Название «Русь» в этнокультурной истории Древнерусского государства // Вопр. истории. 1989. № 8. С. 24–38.

Михутин И. В. Украинский Брестский мир. Путь выхода России из Первой мировой войны и анатомия конфликта между Совнаркомом РСФСР и правительством Украинской Центральной рады. М. : Европа, 2007. 288 с.

Невская Т. А., Кондрашева А. С. Власть и реформы на Северном Кавказе (конец XVIII – начало XX вв.). Ставрополь : Изд-во СевКавГТУ, 2011. 91 с.

Омурбеков Т. Н., Чоротегин Т. К. История Кыргызстана (XIX в. – 1917 г.) : учебник для 8 кл. средних школ. Бишкек : Бийиктик, 2005. 192 с.

Павленко С. Иван Мазепа як будівничий української культури. Київ : Києво-Могилянська акад., 2005. 304 с.

Пацуто В. Т., Флоря Б. Н., Хорошкевич А. Л. Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства. М. : Наука, 1982. 264 с.

Первая мировая война на почтовых открытках : в 4 кн. Киров : Крепостновъ, 2014. 1692 с.

Петров Ю. А., Журавлев С. В., Бахтурина А. Ю. Причины, последствия и оценка падения монархии в России, Революции 1917 г., прихода к власти большевиков и их победы в Гражданской войне // ЭНОЖ «История» : [сайт]. Трудные вопросы истории России. URL: <https://history.jes.su/s207987840001282-9-1/> (дата обращения: 22.04.2020). DOI 10.18254/S207987840001282-9.

Петров Ю. А., Павлов Д. Б. Первая мировая война: кто виноват? : (Историографический этюд) // Рос. ист. 2014. № 5. С. 3–13.

Рахимов Ж. История Узбекистана (вторая половина XIX в. – начало XX в.) : учебник для 9-го класса. Ташкент : Узбекистон, 2001. 334 с.

Революция 1917 года глазами современников : в 3 т. М. : РОССПЭН, 2017. 1608 с.

Революция глазами современников / сост. Т. Ф. Прокопов. М. : АСТ, 2017. 480 с.

Российская газета – Неделя : Киргизия. № 6975. 2016. 19 мая // Рос. газ. : [сайт]. URL: <https://rg.ru/gazeta/nedelya-aziya/2016/05/19.html> (дата обращения: 20.12.2019).

Российская революция 1917 года и ее место в истории XX века / под ред. А. В. Торкунова, А. О. Чубарьяна. М. : Весь мир, 2018. 352 с.

Россия – Башкортостан: общность исторических судеб // ЭНОЖ «История» : [сайт]. URL: <https://history.jes.su/issue.2015.3.9.e5/> (дата обращения: 20.12.2019).

Россия в 1917 году : энциклопедия / отв. ред. А. К. Сорокин. М. : РОССПЭН, 2017. 1095 с.

Россия в системе международных отношений накануне и в годы Первой мировой войны : в 3 т. М. : Междунар. отношения, 2019. 1368 с.

Россия и Первая мировая война: экономические проблемы, общественные настроения, международные отношения. М. : Ин-т рос. истории РАН, 2014. 416 с.

Россия и Украина на перекрестках истории : пособие для учителей истории. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2012. 320 с.

Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М. : Наука, 1982. 592 с.

Сахаров А. Н. Рюрик, варяги и судьбы российской государственности // Сборник Русского исторического общества. 2003. № 8 (156). С. 9–17.

«Свет во тьме...». В борьбе за Россию. 1917–1922. М. : Посев, 2017. 305 с.

Скочпол Т. Государства и социальные революции: сравнительный анализ Франции, России и Китая. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2017. 550 с.

Славяне и скандинавы / под ред. Е. А. Мельниковой. М. : Прогресс, 1986. 416 с.

Советские нации и национальная политика в 1920–1950-е годы : материалы VI Междунар. науч. конф., Киев, 10–12 октября 2013 г. М. : Полит. энцикл. : Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2014. 686 с.

Солодатенко В. Ф. Українська революція. Історичний нарис. Київ : Либідь, 1999. 976 с.

Сомов К. А. Дневник. 1917–1923. М. : Дмитрий Сечин, 2017. 928 с.

Струкевич О. К. Історія України : підруч. для 9 кл. загальноосвіт. навч. закл. Київ : Грамота, 2017. 240 с.

Тайрова-Яковлева Т. Г. Иван Мазепа і Російська імперія. Історія «зради». Київ : Кліо, 2013. 403 с.

Троцкий Л. Д. История русской революции. Октябрьская революция. М. : Вече, 2017а. 416 с.

Троцкий Л. Д. История русской революции. Февральская революция. М. : Вече, 2017б. 448 с.

Флоря Б. Н. О некоторых особенностях развития этнического самосознания восточных славян в эпоху Средневековья – раннего Нового времени // Россия – Украина: история взаимоотношений. М. : Школа «Языки рус. культуры», 1997. С. 9–27.

Хандорин В. Г. Национальная идея и адмирал Колчак. М. : Рус. фонд содействия образованию и науке, 2017. 624 с.

Хміль І. В. На шляху відродження української державності : (Український національний конгрес-з'їзд 6–8 квітня 1917 р.). Київ : Ін-т історії України НАН України, 1994. 62 с.

Чоротегин Т. К., Омурбеков Т. Н. История Кыргызстана (IX–XVIII вв.) : учебник для 7 кл. средних школ. Бишкек : Бийиктик, 2005. 184 с.

Штейнберг И. З. Нравственный лик революции. М. : Кучково поле, 2017. 416 с.

Шубин А. В. Великая российская революция : 10 вопросов. М. : История, 2017а. 46 с.

Шубин А. В. Старт Страны Советов. Революция. Октябрь 1917 – март 1918. СПб. : Питер, 2017б. 448 с.

Kurlovičs G., Tomašūns A. Latvijas vēsture vidusskolai. 1. daļa. Eksperimentāla mācību grāmata. Rīga : Zvaigzne ABC, 1999. 255 lpp.

References

Aksyutin, Yu. V., Gerdt, N. E. (2017). *Russkaya intelligentsiya i revolyutsiya 1917 goda: v khaose sobytii i v smyatenii chuvstv* [The Russian Intelligentsia and the 1917 Revolution: In the Chaos of Events and in the Confusion of Feelings]. Moscow, ROSSPEN. 703 p.

Bakhturina, A. Yu. (2018). Sovetskaya natsional'naya politika [Soviet National Policy]. In *Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal "Istoriya"* [website]. *Trudnye voprosy istorii Rossii*. URL: <https://history.jes.su/s207987840004708-7-1/> (mode of access: 22.04.2020). DOI 10.18254/S2079878404708-7.

Barkhudaryan, V. (Ed.). (2001). *Istoriya Armenii v kontekste mirovoi istorii dlya 9-go klassa* [History of Armenia in the Context of World History for the 9th Grade]. Erevan, Zangak-97.

Barkhudaryan, V. (Ed.). (2005). *Istoriya Armenii dlya 8-go klassa* [History of Armenia for the 8th Grade]. Erevan, Luis, 2005.

Barkhudaryan, V. (Ed.). (2007). *Istoriya Armenii dlya 8-go klassa* [History of Armenia for the 8th Grade]. Erevan, Makmillan – Armeniya.

Brenton, T. (Ed.). (2017). *Istoricheskaya neizbezhnost'?* *Klyuchevye sobytiya russkoi revolyutsii* [Historically Inevitable? Turning Points of the Russian Revolution]. Moscow, Al'pina nonfikshn. 414 p.

Chorotegin, T. K., Omurbekov, T. N. (2005). *Istoriya Kyrgyzstana (IX–XVIII vv.)*. *Uchebnik dlya 7 klassov srednikh shkol* [History of Kyrgyzstan (9th–18th Centuries). Textbook for 7th Grade High Schools]. Bishkek, Biiiktik. 184 p.

Danilevskii, I. N., Tairova-Yakovleva, T. G., Shubin, A. V., Mironenko, V. I. (2015). *Istoriya Ukrainy* [History of Ukraine]. St Petersburg, Aleteiya. 508 p.

Danilkin, L. A. (2017). *Lenin. Pantokrator solnechnykh pylinok* [Lenin. Pantocrator of the Solar Dust]. Moscow, Molodaya gvardiya. 784 p.

Florya, B. N. (1997). O nekotorykh osobennostyakh razvitiya etnicheskogo samosoznaniya vostochnykh slavyan v epokhu Srednevekov'ya – Rannego Novogo vremeni [On Some Features of Development of Ethnic Identity of the Eastern Slavs in the Middle Ages – Early Modern Times]. In *Rossiya – Ukraina: istoriya vzaimootnoshenii*. Moscow, Shkola “Yazyki russkoi kul'tury”, pp. 9–27.

Gagkuev, R. G., Repnikov, A. V. (2017). *Velikaya Revolyutsiya 1917 goda. Illyustrirovannaya letopis'* [The Great Revolution of 1917. Illustrated Chronicle]. Moscow, EKSMO, Yauza. 224 p.

Gisem, O. V. (2015). *Istoriya Ukraini. Pidruchnik dlya 7 klasiv zagal'noosvitnikh navchal'nikh zakladiv* [History of Ukraine. 7th Grade Textbook]. Ternopil', Navchal'na kniga – Bogdan. 272 p.

Istoriya Kryma [History of Crimea]. In *Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal "Istoriya"* [website]. URL: <https://history.jes.su/issue.2017.2.4.e12/> (mode of access: 20.12.2019).

Istoriya Orenburgskogo kraja [History of Orenburg Region]. In *Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal "Istoriya"* [website]. URL: <https://history.jes.su/issue.2017.3.9.e13/> (mode of access: 20.12.2019).

Istoriya Saratovskogo Povolzh'ya [History of the Saratov Volga]. In *Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal "Istoriya"* [website]. URL: <https://history.jes.su/issue.2015.3.9.e4/> (mode of access: 20.12.2019).

Istoriya Sibiri [History of Siberia]. In *Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal "Istoriya"* [website]. URL: <https://history.jes.su/issue.2016.4.10.e11/> (mode of access: 20.12.2019).

Izgoev, A. S. (2017). *Rozhdennoe v revolyutsionnoi smute* [Born in Revolutionary Turmoil]. Moscow, Izdatel'skii dom “Delo” Rossiiskoi akademii narodnogo khoziaistva i gosudarstvennoi sluzhby pri Prezidente Rossiiskoi Federatsii. 600 p.

Kantor, Yu. Z. (Ed.). (2017). *1917 g. Vokrug Zimnego* [1917. Around the Winter Palace]. Moscow, ROSSPEN. 247 p.

Kenin'sh, I. (1990). *Istoriya Latvii. Uchebnik dlya 8–9-kh klassov* [History of Latvia. Textbook for Grades 8–9]. Riga, Zvaigzne. 223 p.

Khandorin, V. G. (2017). *Natsional'naya ideya i admiral Kolchak* [National Idea and Admiral Kolchak]. Moscow, Russkii fond sodeistviya obrazovaniyu i nauke. 624 p.

Khmil', I. V. (1994). *Na shlyakhu vidrozhennya ukrains'koi derzhavnosti. (Ukrains'kii natsional'nyi kongres-z'їzd 6–8 kvitnya 1917 roku)* [Towards a Revival of Ukrainian Statehood. (Ukrainian National Congress-Congress April 6–8, 1917)]. Kiev, Institut istorii Ukraїny Natsional'noi akademii nauk Ukraїny. 62 p.

Kolonitskii, B. I. (2017). *“Tovarishch Kerenskii”: antimonarkhicheskaya revolyutsiya i formirovanie kul'ta “vozhdya naroda” (mart – iyun' 1917 goda)* [“Comrade Kerensky”: the anti-Monarchist Revolution and the Formation of the Cult of the “Leader of the People”]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 520 p.

Kontseptsiya novogo uchebno-metodicheskogo kompleksa po otechestvennoi istorii [The Concept of a New Teaching Module on National History]. In *Gorodskoi metodicheskii tsentr* [website]. URL: https://mosmetod.ru/files/metod/srednyaya_starshaya/istor/Koncepcija_final.pdf (mode of access: 20.12.2019).

Kovalevs'ka, O. (2013). *Ikonografiya Ivana Mazepi v obrazotvorchomu mistetstvi XX – pochatku XXI st.* [The Iconography of Ivan Mazepa in the Fine Arts of 20th – Early of 21st Centuries]. Kiev, Tempora. 420 p.

Kurlovičs, G., Tomašūns, A. (1999). *Latvijas vēsture vidusskolai. 1. daļa. Eksperimentāla mācību grāmata*. Rīga, Zvaigzne ABC. 255 lpp.

Kurlovičs, G., Tomašūns, A. (2002). *Istoriya Latvii Dlya osnovnoi shkoly* [History of Latvia. For Secondary School]. Riga, Zvaigzne ABC. 295 p.

Litvin, S. (2001). *Sud istorii: Simon Petlyura i petlyuriana* [The Court of History: Simon Petliura and Petliurian]. Kiev, Vidavnistvo imeni Oleni Teligi. 640 p.

Markevich, A., Harrison, M. (2013). *Pervaya mirovaya voina, Grazhdanskaya voina i vosstanovlenie: natsional'nyi dokhod Rossii v 1913–1928 gg.* [The Great War, the Civil War, and Recovery: Russia's National Income, 1913 to 1928]. Moscow, Mysl'. 111 p.

Maslov, E. (Ed.). (2017). *1917 god. Petrograd. Moskva. Bogorodsk. Khronika sobytii* [1917. Petrograd. Moscow. Bogorodsk. Chronicle of Events]. Chernogolovka, Bogorodskii pechatnik. 122 p.

Medushevskii, A. N. (2017). *Politicheskaya istoriya russkoi revolyutsii: normy, instituty, formy sotsial'noi mobilizatsii v XX veke* [The Political History of the Russian Revolution: Norms, Institutions, Forms of Social Mobilization in the 20th Century]. Moscow, St Petersburg, Tsentri gumanitarnykh initsiativ. 656 p.

Mel'nikova, E. A. (2011). Ryad v Skazanii o prizvanii varyagov i ego evropeiskie i skandinavskie paralleli [A Contract in the Legend of the Calling of the Varangians and Its European and Scandinavian Parallels]. In Mel'nikova, E. A. *Drevnyaya Rus' i Skandinaviya. Izbrannye trudy*. Moscow, Russkii fond sodeistviya obrazovaniyu i nauke, pp. 249–256.

Mel'nikova, E. A. (2017). Normanskaya problema [The Norman Problem]. In *Drevnyaya Rus' v srednevekovom mire. Entsiklopediya*. Moscow, Lodomir, pp. 560–561.

Mel'nikova, E. A. (Ed.). *Slavyane i skandinavyy* [The Slavs and Scandinavians]. Moscow, Progress. 416 p.

Mel'nikova, E. A., Petrukhin, V. Ya. (1989). Nazvanie “Rus’” v etnokul'turnoi istorii Drevnerusskogo gosudarstva [The Name Rus' in Ethnic and Cultural History of the Early Russian State]. In *Voprosy istorii*. No. 8, pp. 24–38.

Mikhutina, I. V. (2007). *Ukrainskii Brestskii mir. Put' vykhoda Rossii iz Pervoi mirovoi voyny i anatomiya konflikta mezhdru Sovnarkomom RSFSR i pravitel'stvom Ukrainskoi Tsentral'noi rady* [Ukrainian Brest Peace. Russia's Way out of the First World War and the Anatomy of the Conflict between the Council of People's Commissars of the RSFSR and the Government of the Ukrainian Central Rada]. Moscow, Evropa. 288 p.

Nevskeya, T. A., Kondrasheva, A. S. (2011). *Vlast' i reformy na Severnom Kavkaze (konets XVIII – nachalo XX vv.)* [Power and Reforms in the North Caucasus (Late 18th – Early 20th Centuries)]. Stavropol', Izdatel'stvo Severo-Kavkazskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. 91 p.

Nikolaev, A. B. (Ed.). (2017). *A. F. Kerenskii: pro et contra. Antologiya* [A. F. Kerenskii: Pro et Contra. Anthology]. St Petersburg, Russkaya khristianskaya gumanitarnaya akademiya. 768 p.

Omurbekov, T. N., Chorotegin, T. K. (2005). *Istoriya Kyrgyzstana (XIX v. – 1917 g.). Uchebnik dlya 8 kl. srednikh shkol* [History of Kyrgyzstan (19th Century – 1917). 8th Grade Textbook for Secondary Schools]. Bishkek, Biiiktik. 192 p.

Pashuto, V. T., Florya, B. N., Khoroshkevich, A. L. (1982). *Drevnerusskoe nasledie i istoricheskie sud'by vostochnogo slavyanstva* [Old Russian Heritage and Historical Fate of the Eastern Slavs]. Moscow, Nauka. 264 p.

Pavlenko, S. (2005). *Ivan Mazepa yak budivnichii ukrains'koi kul'turi* [Ivan Mazepa as a Builder of Ukrainian Culture]. Kiev, Kievo-Mogilyans'ka akademiya. 304 p.

Pervaya mirovaya voyna na pochtovykh otkrytkakh v 4 kn. [World War I on Postcards. 4 Books]. (2014). Kirov, Krepostnov". 1692 p.

Petrov, Yu. A., Pavlov, D. B. (2014). *Pervaya mirovaya voyna: kto vinovat? (Istoriograficheskii etyud)* [World War I: Who is to Blame? (Historiographical Study)]. In *Rossiiskaya istoriya*. No. 5, pp. 3–13.

Petrov, Yu. A., Zhuravlev, S. V., Bakhturina, A. Yu. (2018). *Prichiny, posledstviya i otsenka padeniya monarkhii v Rossii, Revolyutsii 1917 g., prikhoda k vlasti bol'shevikov i ikh pobedy v Grazhdanskoj voine* [Causes, Consequences and Assessment of the Fall of the Monarchy in Russia, the Revolution of 1917, the Coming to Power of the Bolsheviks and their Victory in the Civil War.]. In *Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal "Istoriya"* [website]. Trudnye voprosy istorii Rossii. URL: <https://history.jes.su/s207987840001282-9-1/> (mode of access: 22.04.2020). DOI 10.18254/S207987840001282-9.

Prokopov, T. F. (Ed.). (2017). *Revolyutsiya glazami sovremennikov* [The Revolution through the Eyes of Contemporaries]. Moscow, AST. 480 p.

Rakhimov, Zh. (2001). *Istoriya Uzbekistana (vtoraya polovina XIX v. – nachalo XX v.). Uchebnik dlya 9-go klassa* [The History of Uzbekistan (Second Half of the 19th Century – Beginning of the 20th Century). Textbook for 9th Grade]. Tashkent, Uzbekiston. 334 p.

Revolyutsiya 1917 goda glazami sovremennikov v 3 t. [The Revolution of 1917 through the Eyes of Contemporaries. 3 Vols.]. (2017). Moscow, ROSSPEN. 1608 p.

Reznik, A. V. (Ed.). (2016). *L. D. Trotskii: pro et contra. Antologiya* [L. D. Trotsky: Pro et Contra. Anthology]. St Petersburg, Russkaya khristianskaya gumanitarnaya akademiya. 864 p.

Rossiiskaya gazeta – Nedelya. Kirgiziya. No. 6975. 19 maya 2016 [Russian Gazette – Week. Kyrgyzstan. No. 6975. May 19, 2016]. (2016). In *Rossiiskaya gazeta* [website]. URL: <https://rg.ru/gazeta/nedelya-aziya/2016/05/19.html> (mode of access: 20.12.2019).

Rossiiskaya revolyutsiya 1917 g. i ee mesto v istorii XX veka [The Russian Revolution of 1917 and its Place in the History of the 20th century]. In *Institut vseobshchei istorii Rossiiskoi akademii nauk* [website]. URL: (mode of access: 20.12.2019).

Rossiya – Bashkortostan: obshchnost' istoricheskikh sudeb [Russia – Bashkortostan: A Community of Historical Destinies]. In *Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal "Istoriya"* [website]. URL: <https://history.jes.su/issue.2015.3.9.e5/> (mode of access: 20.12.2019).

Rossiya i Pervaya mirovaya voina: ekonomicheskie problemy, obshchestvennye nastroyeniya, mezhdunarodnye otnosheniya [Russia and the First World War: Economic Problems, Public Sentiment, International Relations]. (2014). Moscow, Institut rossiiskoi istorii RAN. 416 p.

Rossiya i Ukraina na perekrestkakh istorii. Posobie dlya uchitelei istorii [Russia and Ukraine at the Crossroads of History. A Manual for History Teachers]. (2012). Moscow, OLMA Media Group. 320 p.

Rossiya v sisteme mezhdunarodnykh otnoshenii nakanune i v gody Pervoi mirovoi voiny v 3 t. [Russia in the System of International Relations on the Eve of and During the First World War. In 3 Vols.]. (2019). Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya. 1368 p.

Rybakov, B. A. (1982). *Kievskaya Rus' i russkie knyazhestva XII–XIII vv.* [Kievan Rus and Russian Principalities of the 12th–13th Centuries]. Moscow, Nauka. 592 p.

Sakharov, A. N. (2003). Rurik, varyagi i sud'by rossiiskoi gosudarstvennosti [Rurik, the Vikings and the Fate of Russian Statehood]. In *Sbornik Russkogo istoricheskogo obshchestva*. No. 8 (156), pp. 9–17.

Shteinberg, I. Z. (2017). *Nravstvennyi lik revolyutsii* [The Moral Face of the Revolution]. Moscow, Kuchkovo pole. 416 p.

Shubin, A. V. (2017a). *Velikaya rossiiskaya revolyutsiya. 10 voprosov* [The Great Russian Revolution. 10 Questions]. Moscow, Istoriya. 46 p.

Shubin, A. V. (2017b). *Start Strany Sovetov. Revolyutsiya. Oktyabr' 1917 – mart 1918* [Start of the Country of Soviets. Revolution. October 1917 – March 1918.]. St Petersburg, Piter. 448 p.

Sitii, I. (Ed.). (2005). *Mazepina kniga* [Book of Mazepa]. Chernihiv, Tsentri naukovotekhnichnoi i ekonomichnoi informatsii. 524 p.

Skocpol, T. (2017). *Gosudarstva i sotsial'nye revolyutsii: sravnitel'nyi analiz Frantsii, Rossii i Kitaya* [States and Social Revolutions: A Comparative Analysis of France, Russia, and China]. Moscow, Izdatel'stvo Instituta Gaidara. 550 p.

Smolii, V. A. (Ed.). (2008). *Istoriya Ukrainy: nauchno-populyarnye ocherki* [History of Ukraine: General Audience Essays]. Moscow, OLMA Media Group. 1070 p.

Soldatenko, V. F. (1999). *Ukrains'ka revolyutsiya. Istorichnii naris* [The Ukrainian Revolution. A Historical Essay]. Kiev, Libid'. 976 p.

Somov, K. A. (2017). *Dnevnik. 1917–1923* [Diary. 1917–1923]. Moscow, Dmitrii Sechin. 928 p.

Sorokin, A. K. (Ed.). (2017). *Rossiya v 1917 godu. Entsiklopediya* [Russia in 1917. Encyclopedia]. Moscow, ROSSPEN. 1095 p.

Sovetskie natsii i natsional'naya politika v 1920–1950-e gody. Materialy VI Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Kiev, 10–12 oktyabrya 2013 g. [Soviet Nations and National Politics in the 1920–1950s. Materials of the 6th International Scholarly Conference, Kiev, October 10–12, 2013]. (2014). Moscow, Politicheskaya entsiklopediya, Fond “Prezidentskii tsentr B. N. El'tsina”. 686 p.

Stanislav'skii, V. (Ed.). (2002). *Listi Ivana Mazepi v 2 t.* [Letters from Ivan Mazepa. 2 Vols.]. Kiev, Institut istorii Ukraïny Natsional'noi akademii nauk Ukraïny. Vol. 1. 1687–1691. 480 p. Vol. 2. 1691–1700. 752 p.

Strukevich, O. K. (2017). *Istoriya Ukraïni: pidruchnik dlya 9 klasu zagal'noosvitnikh navchal'nikh zakladiv* [History of Ukraine. 9th Grade Textbook for General Education Schools]. Kiev, Gramota. 240 p.

“Svet vo t'me...”. *V bor'be za Rossiyu. 1917–1922* [“Light in the darkness...”. In the Fight for Russia. 1917–1922]. (2017). Moscow, Posev. 305 p.

Tairova-Yakovleva, T. G. (2013). *Ivan Mazepa i Rosiis'ka imperiya. Istoriya “zradi”* [Ivan Mazepa and the Russian Empire. The Story of “Betrayal”]. Kiev, Klio. 403 p.

Torkunov, A. V., Chubar'yan, A. O. (Eds.). (2018). *Rossiiskaya revolyutsiya 1917 goda i ee mesto v istorii XX veka* [The Russian Revolution of 1917 and Its Place in the History of the 20th Century]. Moscow, Ves' mir. 352 p.

Trotsky, L. D. (2017a). *Istoriya russkoi revolyutsii. Oktyabr'skaya revolyutsiya* [The History of the Russian Revolution. October Revolution]. Moscow, Veche. 416 p.

Trotsky, L. D. (2017b). *Istoriya russkoi revolyutsii. Fevral'skaya revolyutsiya* [The History of the Russian Revolution. February Revolution]. Moscow, Veche. 448 p.

Vlasov, V. S. (2016). *Istoriya Ukraïni. Pidruchnik dlya 8-go klasu zagal'noosvitnikh navchal'nikh zakladiv* [History of Ukraine. 8th Grade Textbook]. Kiev, Geneza. 256 p.

Voïna i islam na Severnom Kavkaze XIX–XX vv. [War and Islam in the North Caucasus of the 19th – 20th Centuries]. (2000). Moscow, Institut rossiiskoi istorii RAN. 54 p.

Voïna i obshchestvo v XX v. v 3 kn. [War and Society in the 20th Century. 3 Books]. (2008). Moscow, Nauka. Book 1. Voïna i obshchestvo nakanune i v period Pervoi mirovoi voïny. 611 p.

Vosstanie 1916 goda v Turkestan: dokumental'nye svidetel'stva obshchei tragedii. Sbornik dokumentov i materialov [The Uprising of 1916 in Turkestan: Documentary Evidence of a General Tragedy. Collection of Documents and Materials]. (2016). Moscow, Mardzhani. 468 p.

Z epistolyarnoi spadshchini get'mana Ivana Mazepi [From the Epistolary Heritage of Hetman Ivan Mazepa]. (1996). Kiev, Institut istorii Ukraïny Natsional'noi akademii nauk Ukraïny. 191 p.

Zimin, A. A. (1974). O metodike izucheniya drevnerusskogo letopisaniya [About the Methodology for Studying Old Russian Chronicles]. In *Izvestiya Akademii nauk SSSR. Seriya Literatura i yazyk*. Vol. 33. No. 5, pp. 454–464.

The article was submitted on 21.12.2019

BETWEEN BERLIN AND MOSCOW: POLISH WESTERN THOUGHT IN THE TWENTY-YEAR INTERWAR PERIOD*

Marek Masnyk

University of Opole,
Opole, Poland

This article is not primarily focused on presenting arguments and views held by Polish political groups with reference to the territorial shape of the Polish state after the First World War. Instead, its aim is to draw attention to actions taken by these groups towards the defence of Polish western lands. One of the key problems of Poland's foreign policy after 1918 was the question of relations with its neighbours, chiefly Germany and Russia (and the Soviet Union). For many years, the most serious problem faced by post-Versailles Europe was that of the Germans striving to revise the legal order, to break their political isolation, and return to the prestigious circle of world powers. Those endeavours threatened the security of Poland in a direct way. Defence of the Polish state and its territories on the western outskirts of the Second Republic lay at the heart of establishing so-called "Western thought" in the country. Related to Western Europe, this ideology played a significant role in shaping society's views on, and attitudes towards, the most vital problems of the Polish nation and state.

Keywords: Poland's foreign policy after 1918; Germany-Poland relations; Polish Western thought; Poland-Russia-Ukraine relations; public opinion in Poland.

Статья не столько является попыткой репрезентации споров и взглядов польских политических групп по вопросам национальной государственности после Первой мировой войны, сколько раскрывает действия по защите западных польских территорий как во внутренних, так и во внешних аспектах. Одной из ключевых проблем внешней политики Польши после 1918 г. был вопрос восстановления отношений с соседними государствами, в основном с Германией, а также с Россией (Советским Союзом). На протяжении многих лет самой серьезной проблемой, с которой столкнулась Европа после подписания Версальского мирного договора, была

---

* *Citation:* Masnyk, M. (2020). Between Berlin and Moscow: Polish Western Thought in the Twenty-Year Interwar Period. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 2. P. 591–603. DOI 10.15826/qr.2020.2.482.

Цитирование: Masnyk M. Between Berlin and Moscow: Polish Western Thought in the Twenty-Year Interwar Period // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 2. P. 591–603. DOI 10.15826/qr.2020.2.482.

проблема отношений с Германией, стремившейся пересмотреть установленный договором правовой порядок, разорвать политическую изоляцию и вернуться в круг мировых держав. Эти стремления непосредственно угрожали безопасности Польши. Защита государственного суверенитета на западных приграничных территориях Второй Речи Посполитой лежала в основе зарождавшейся «западной мысли» («западной идеологии»), которая сыграла важную роль в формировании взглядов и отношения общества к наиболее насущным проблемам нации и государства.

Ключевые слова: внешняя политика Польши после 1918 г.; польско-германские отношения; польская западная мысль; польско-русско-украинские отношения; общественное мнение в Польше.

The Second Republic of Poland returned to the map of Europe not only because of the then favourable geopolitical situation, resulting from the military and political defeat of the partitioning powers, but also thanks to the military effort and engagement of Poles themselves. With weapons in hand, clad in uniforms of armies fighting on opposite sides of the conflict (and often against the interests of their own neighbours), Polish soldiers won their country's independence. In the programmes put forward by different independence political groups, deriving still from the nineteenth century, a particular place was occupied by the Polish lands lying in the Prussian Partition. One of the leaders of the national camp, Jan Ludwik Popławski, sketched a vision of Poland's future as "a country between the Oder and the Dnieper, between the Baltic Sea and the Carpathians and the Black Sea" [Kulak, s. 596]. Succeeding Popławski, the role of the chief ideologist of the National Democracy Party (a right-wing party operating between the World Wars) was taken over by Roman Dmowski, who was the first to observe that the issue of independence included "two vital questions – Germany and Russia". Although, with reference to the lands remaining under Prussian rule, he postulated regaining Poznań Province, Western Prussia and Silesia, he saw the "key to solving the Polish question" as remaining in the Russian state [Kulak, s. 71–73].

Territorial visions of the future of Polish statehood were not exclusively the domain of ideologists belonging to the nationalistic current. They were also formulated by leaders of the peasants' movement, including followers of Piłsudski, as well as representatives of other political groups. In many statements delivered by leaders of the Entente in the years 1917–1918, one can perceive hopes for rebuilding Polish statehood, while the Polish National Committee, founded by Dmowski in Paris in August 1918, was recognized to be Poland's official representative body. Numerous enunciations, including US President Woodrow Wilson's address of 8 January 1918, did not define the borders of the future Polish state in a precise way. They limited themselves to declaring that Poland should "cover lands inhabited by people of unquestionably Polish origin" and "have a free and safe access secured to the sea" [Pajewski, s. 252].

The opinions of Dmowski quoted above seem to be of key importance. It is this politician who associated the shifting of Poland's borders with solving the question of Eastern Prussia, since – as he argued – it was only then that it would be possible “to provide [Poland with] an independent development of the country in the time of peace and safety in the case of a conflict” [Hauser, s. 11]. He formulated his aspirations concerning demarcation of the borders in the east in a slightly different way from that proposed by the followers of Piłsudski. Namely, he advocated the conception of building a national state, yet did not take into account aspirations of the nations living in Poland's eastern lands, that is the Ukrainians, the Belarussians and the Lithuanians. Thus, on the threshold of the second independence there existed two opposing conceptions: the idea of the *Piast* Poland and that of the *Jagiellonian* Poland. Acknowledging the role of Popławski in formulating the former is unquestionable. It is he who marked out the west-bound direction of Polish political thought, formulating its historical interpretation and then justification on a national and political basis [Kulak, s. 52–53]. A continuator of Popławski's views, while not seeking to diminish his own output and accomplishments, was Dmowski, for whom the conviction of the inevitability of a Polish-German conflict was to be of key importance to the territorial shape of Poland.

In 1918, Poland regained her independence, as acknowledged above, in part thanks to an unexpected coincidence: the former partitioning powers – Germany and Russia – were experiencing deep internal political and economic chaos caused by, not only the consequences of the defeat of the former, but also those resulting from the systemic revolution in the case of the latter. The Bolshevik coup d'état in Russia pushed that country onto the outskirts of European and world politics, while the November Revolution in Germany paradoxically gave the Germans the republican system which both political elites and a considerable part of the public opinion had regarded as “a scourge” earlier – a punishment for having provoked the global conflict. The third of the partitioning powers – the Austro-Hungarian Monarchy – disintegrated, splitting into several, national states (not necessarily ethnically uniform) and the place of a former imperial power was filled by a small country with its stately capital city of Vienna on the Danube River. Thus, the Versailles system put an end to the functioning despotism of three monarchies (Germany, Austro-Hungary, Turkey) and the fourth of them – tsarist Russia – fell apart under the Bolshevik revolution. The Versailles system, by enabling a number of medium-sized and small states to reappear in Europe, did not solve the problem of their borders, despite the fact that the criterion that was accepted while delineating them was the so-called ‘ethnographic factor’. The situation in which Germany and Russia found themselves after the First World War would not last forever, and was only a transitory stage following which these states could regain their international position and become a serious threat to the Polish Republic. The survival of the Polish state was, thus, dependent on a proper assessment of real threats and the selection of the right alliances. Therefore, the political

thought of the twenty-year interwar period had to determine and define the Polish reason of state.

For many years one of the most serious (if not the most serious of all) political drawbacks of the post-Versailles Europe was the state of Polish-German relations resulting from Berlin's endeavours to revise the border between the two states, while also seeking to break its political isolation, return to the circle of great powers, and regain equality in international relations. The tension present in relations between Warsaw and Berlin existed throughout the period of republican Germany. Despite the propagandist anti-Polish campaign launched on a broad scale and directed against the "Poles' pushing westwards" (*Polen Drang nach Westen*), which included questioning the post-war changes in the borders and calling them wrongful, unjust and temporary, and dubbing Poland "a seasonal state" (*Saisonstaat*), Weimar Germany's achievements were far from impressive [Kotłowski, s. 186–188]. The security of Poland was based – as Warsaw firmly believed – on her own military strength and alliance with France. The changes in the system of political forces, which followed England and France during 1924 (among others in consequence of the failure of France's politics towards Germany in the Ruhr in 1923), exerted a strong influence on Poland improving her political relations with the West. Signing the Locarno Treaties revealed the value of the Polish-French alliance. It is abundantly clear that France, from the very beginning, treated its Polish ally as a vassal, and skilfully used the alliance as a means of exerting pressure on Germany. To Poland – a state reborn after 123 years of captivity – relations with her neighbours, both in the east (Russia and the Soviet Union) and in the west (the Weimar Republic and the Third Reich) were made the focal point of Polish foreign policy.

As mentioned earlier, the state of Polish-German relations remained largely dependent on Berlin's efforts to revise the borderline between the two states. While Germany remained weakened as a result of the restrictions imposed on it by the Versailles Treaty, a threat from that side was limited. Yet, following the signing of the Locarno Treaties, the value of Poland's alliance with France acquired a different significance. Historical antecedents caused the subject matter of Germany to raise particular interest on the part of Polish public opinion. In the 1970s and 1980s, studies on Polish political thought emphasized, in particular, interest in western ideology, very often referred to interchangeably as 'Polish Western thought', the notional scope of which was perceived by its very creators themselves in a very pragmatic way. The interwar period invested it with a much wider meaning, determined by the baggage of new experiences drawn from the contest over the shape of the western border of Poland. Therefore, it is in this context that Western thought played a vital role in forming views and attitudes held by society towards the most important problems of the nation and the state. In the social dimension, it also refers to popularizing Polish Western thought, that is, its impact and influence on public opinion, being treated as a part of Western thought (public opinion as a form of social awareness, with a tendency towards cognitive and valuating elements

dominating it). Reference to the notion of Western thought, as it appeared for a number of years in the relevant historical literature, was, in fact, an attempt at defending of the Polishness of the western lands, both in the internal aspect (as a justification of Poland's rights to regain the lands of the former Prussian Partition) and the external one (defence of the rights of the Polish population in Germany) [Mroczko, s. 10–11].

A historian is never able to fully learn about or explain the role of public opinion in the process of influencing the realization of given political conceptions. With all certainty, this is not the fundamental factor, but obviously plays an inspiring role, initiating changes and shifts of some actions on the part of the centre of authority on politically and socially significant issues. Public opinion, understood as a part of Polish Western thought, played an important role in shaping society's views and attitudes towards their western neighbour, where the ideas of revision of the borders established in the Treaty of Versailles were thriving. Additionally, actions for the defence of the rights of Poles in Germany, especially those living in the Polish-German ethnic-language borderland, made an important, although not the most important, contribution to the question of protecting the Polishness of the western lands of the Second Republic of Poland. It is for these reasons that problems of minorities played a very important role in bilateral Polish-German relations, while also influencing the nationalistic policy of Poland in its internal aspect (the attitude towards national minorities in Poland) and relations with her neighbours (Czechoslovakia, Russia, Lithuania).

To a certain degree, the opinion that the problem of national minorities in interwar Europe was the consequence of the way the new post-war order was built is true and justified. The creators of the Versailles system became victims of the "trap of a plebiscite", which was meant to concern itself with the settlement of territorial conflicts. The principle of nationality failed, so did that of the self-realisation of nations, which attributed the deciding role to the subjective factor of wholly unrestricted people's will to express their preferences in the form of a plebiscite. In taking the final decision on the delimitation of borders it was strategic, economic – hence chiefly political – reasons that were the deciding factor. Therefore, instead of compact ethnic states, Europe obtained multinational states and the problem of national minorities generated conflicts and arguments between states. Fritz Stern, the American historian of Jewish heritage living in Wrocław, and Doctor honoris causa of, among others, Wrocław University (2002), formulated the thesis that the First World War initiated a new 30-year war in Europe, with nationalisms clashing with one another in the background [Stern, s. 148]. In the years 1918–1921, the Polish state *in statu nascendi* annexed territories inhabited by almost all the minorities that had taken part in the civil war in Central Europe. That was a peculiar *bellum omnium contra omnes* (a war of all against all). All those battles – the Polish-Ukrainian War of 1918–1919, the Polish-Lithuanian contest over Vilnius in the years 1919–1920, and the Polish-Bolshevik War in 1920 – became a part of the idealized myth of Polish independence [Böhler, s. 100]. For Polish Western

thought, which was then taking shape, arguments over Greater Poland and Upper Silesia in the years 1919–1921 were of much greater importance.

From the principle of national states, there emerged the postulate of the protection of national minorities. An attempt was made, initially, by minority treaties that originated – to a great extent – from worries held by Jews and Germans concerned about the consequences of the changes introduced into the political map of Europe. One of the basic systems of international protection of minorities' rights was the so-called "Little Treaty of Versailles" (28 April 1919) and minority clauses were also included in, among others, bilateral agreements with Russia (1921) and the Polish-Czechoslovakian agreement (1925). The furthest-reaching attempt at regulating the issues relating to minorities was the Upper-Silesian Geneva Convention drawn up between Poland and Germany on 15 May 1922. Although it stayed in force for only fifteen years, despite German diplomatic efforts to have it prolonged, it exerted a strong influence on Polish-German relations. Efforts at protecting the rights of Poles in Germany constituted a relevant, if not the most important, sphere of actions aimed at defending the Polish character of the western lands of the Second Republic. Consolidating this problem area in the national-political consciousness of Polish society resulted from, in part, the need to oppose the German policy of questioning the Versailles settlements and the Germans' continued efforts to have their eastern border changed.

The question of the Polish minority in Germany was widely perceived through the prism of treating the regulations of the Geneva Convention by Poland and Germany – up to 1937 – and the November Declaration. For Polish public opinion, the possibility of the Polish minority availing themselves of rights they were entitled to maintained a martyrological and interventional character. Many decisions and moves on the part of the government were made under the pressure of public opinion. Irrespective of the state of the Polish-German relations, the belief that the lands that had not been incorporated into the reborn state would return to Poland someday anyway was still perpetuated. This offensive, let us call it – aspirational – current of Polish Western thought was definitely weaker than the one dominated by the more defensive current – one oriented towards defence of the western lands. As early as at the turn of 1921/1922, a German military intervention was expected. Reports of attempts to provoke disturbances that would interfere with preserving the peace were not exaggerated either. Consequently, the issue of Upper Silesia became one of the integral elements of Polish Western thought. Stanisław Kozicki, one of the founders and popularisers of this current in Polish Western thought, postulated that the border between Poland and Germany should be "secured and consolidated politically and strategically." Nevertheless, according to Kozicki, it was an obligation not only imposed on the government, but also on society as a whole, since "a conflict between Germany and Poland was not only a competition between two states, but one between two nations, as well" [Masnyk 2011, s. 31].

In the immediate years following the First World War – more or less until the end of 1924 – Polish public opinion showed a considerable interest in the state of the Polish-German relations, yet the concern was of a one-sided nature. After the organizational structures of the Polish national movement in Germany had been consolidated by the turn of 1922/1923, attention shifted to looking for possibilities for supporting the Union of Poles in Germany in various areas of its activity (a minority school system, participation in local-government and parliamentary elections, economic life). On the other hand, the press kept fixing the image of an ages-long Polish-German conflict in the consciousness of Polish society. The lack of deepened reflection over this problem area resulted from the complexity of the political, economic and social situation of the reborn Polish state. Public opinion was primarily interested in the restoration of the Polish state's possession of institutions of public life, and of relations with its neighbour in the East [Masnyk, 2011, s. 55].

Thus, a great deal of interest was shown in the question of Polish-Ukrainian relations. In the last year of the war, the Polish and Ukrainian nations, which were so close to each other historically and culturally, but which also had opposing interests and territorial aspirations which excluded one another, found themselves on a collision course. For nearly four years – from the Brest Peace until March 1923 – the eastern question was a vital part of the discourse surrounding Polish political thought [Juzwenko]. Already at the time of the peace talks in Lithuanian Brest, the issue of tearing off the Chełm region cast a shadow over Polish-Ukrainian relations. In the months that followed, a potential flashpoint emerged over the problem of Eastern Galicia and the outbreak of the Polish-Bolshevik War, leading up to the diplomatic settlements that practically did not leave the front pages of contemporary daily newspapers [Figura, 2001].

The vectors of European politics changed direction dramatically after 1925. The threat to the Polish western lands grew stronger from the revisionism in the politics of the Weimar Republic, which was gaining force. The foreign policy of Gustav Stresemann consistently led to putting an end to the country's political isolation and Germany more clearly began to define its aspirations of becoming a world power. We can speak of a triumph of German diplomacy during the Stresemann era, and one of the victims of the dismantling the French security system in Central Europe was Poland. In Germany's domestic policies, this contributed to an increase in nationalism and revisionism, one of the arguments for the justification and realization of Stresemann's diplomatic efforts was the minority problem, which – in practice – meant a rise in the discrimination of the Polish population in Germany. The diplomatic offensive of Germany striving to have the borders revised in a peaceful way ended together with the death of its creator. For obvious reasons, Stresemann's policies did not enjoy a positive reception in Poland. Still, he remained respected and appreciated. One day after his death, one of the publicists wrote that in Poland he had been “hated by some but impressive for others” and that “Stresemann was not a celebrity

who was put forward, but distinguished himself with his own value and abilities” [Masnyk, 2015, s. 44]. The fears that after his death the foreign politics of Germany would incline towards discarding the methods applied to date were rightly justified. It was clear, though still not to all, that peace in Europe and the security of Poland were under threat. The atmosphere was full of dramatic tensions; question marks persisted regarding the development of the internal political situation. Worrying news reached Poland: Germany had embarked upon a violence path.

Hitler's rise to power in Germany in 1933 was not coincidental – quite on the contrary – it had been thoroughly planned and carefully put into motion, beginning with the failed Munich Putsch of 1923. This “stray from Braunau” – as Hitler was dubbed by Christian von Krockow, the German political scientist and historian – had learnt his “Munich lesson” well enough [Krockow, s. 178]. Inasmuch as Hitler initially spoke about the rebuilding of the German Reich extending from Klaipėda to Bratislava and from Królewiec (Kaliningrad) to Strasbourg, in his *Mein Kampf* he justified the purposefulness of striking Russia, by making use of the concept of “Lebensraum”. Creating a living space for Germans on the debris of the Soviet Union would not be possible while respecting Poland's neutrality at the same time. In Hitler's plans, Poland stood in the way of German expansion, both eastwards and westwards. In this sense, Berlin's increasingly categorical demands towards Poland in the 1930s were not only a direct reason, but also a pretext for starting a new war.

A fairly large section of Polish public opinion was not able to fully appreciate the drama of those events, nor perceive the consequences of the changes to come. Many political commentators were naïve to believe that, in Germany itself, “there were only a few people who would be glad to see Hitler in charge of the country.” Among Polish conservatives, there dominated the belief that “Hitler was a weak man who sometimes resorts to brutality to mask the lack of energy” [Masnyk, 2015, s. 45]. In Upper Silesia, representatives of “the Western idea” within the Piłsudski's camp aptly assessed that Hitler's taking over the power would mean a definitive end to the existence of the Weimar Republic and, undoubtedly, a deterioration of Polish-German relations. However, in Germany, a fight was going on, which pushed dealing with Poles aside until later. Moreover, even if soon after Hitler's taking power no basic settlements in this respect were expected to follow, there were serious warnings against the consequences of the forthcoming dictatorship.

During the first weeks of his rule, Hitler radically soothed the tone of his public appearances, posing as a proponent of peace and – at the most – equality of international standing for Germany. Roman Dmowski, cited above, realized perfectly well Hitler's far-fetched plans. He rightly thought that German aggression would not stop at the Polish lands. The target was the east of Europe, including tearing the Ukraine from the Soviet Union. The political realism enforced then took account of the standpoint made by Poland's other key neighbour. Despite his hostile attitude towards the

politics of Russia, Dmowski expressed the opinion that "Russia is Russia, therefore a stable and still primary factor in the external location of our state. As such it must be one of the main objects of our political thought" [Kulak, s. 74]. For these reasons, he was positive about the Polish-Soviet non-aggression pact signed in 1932. The pact weakened concerns about the eastern border, and following the signing of a treaty with Germany on 26 January 1934, enabled Poland to regulate independently, by means of bilateral agreements, relations with her two powerful neighbours.

Germany, in the views expressed by the national-democrats, was perceived as a long-time enemy; on the other hand, Germany being reigned by the far right, was admired by Dmowski, Giertych and Stanisław Kozicki – one of the most outstanding creators and popularisers of the national ideology [Wrzesiński]. In each of the political currents of the Second Republic of Poland, we could (without any great effort) find "bold pens" who made penetrating analyses of the new political situation in Germany. Conservatives, national-democrats, socialists and peasant activists, as well as analysts with no clear political affiliation wrote about those events, and their possible consequences. One of them was Kazimierz Smogorzewski – among the most outstanding publicists of the Second Republic, although often forgotten and passed over in considerations of Germany in Polish political thought and discourse of the period. Upon Hitler's securing of power in Germany, Smogorzewski commenced his affiliation with *Gazeta Polska* (*The Polish Gazette*) as its correspondent in Berlin. In his numerous reports and commentaries, he tried to give an insight into the essence of National Socialism, to understand the reasons for which Adolf Hitler's movement enchanted German society with its demagogical bait. According to Smogorzewski, the First World War put an end to dynastic Europe and gave rise to the formation of national Europe. The act of finishing the process commenced by Otto von Bismarck fell to Hitler.

Smogorzewski's published activity did not lack in comments and opinions on the question of the attitude taken by the national-socialist state towards religion. The writer observed a slow process of ousting religion from the public sphere, towards a position of merely tolerating churches and religious unions. "The German nation," he wrote, "are awaiting their fifth Evangelist, a saviour who will strengthen the German values of their character." The crowning moment of Smogorzewski's political punditry was an interview with Hitler himself, the only such interview given by the German leader to a Polish journalist. The occasion was the first anniversary of the signing of the non-aggression treaty between Poland and Germany, on 26 January 1934. The interview – to a great extent – was devoted to current German-Polish relations. The leader of the Third Reich declared in it his wish to establish new relations with Poland so that mistakes made by his predecessors would not be repeated. This interview with Hitler, in combination with his later appearances in the Reichstag, were full of such peaceful declarations. From that moment on, Polish-German relations and the situation of the Polish minority in Germany became an important field of close observation in Smogorze-

wski's analysis. He frequently commented on it in a deepened way, perceiving the issues in a wider perspective of problems faced by Europe of the day. He warned about the consequences of German revisionism, both for Poland and for peace in Europe [Masnyk, 2017, s. 696–697].

Very different views on this question were presented by Władysław Studnicki, often described by historians as the leading Polish Germanophile [Strządała]. The defining character of his opinions on the German question – understood in a very broad way, as developing from before the First World War and carried up until the post-Second World War period – was their anti-Russian character. For this reason, any analysis of Studnicki's views with reference to Germany (before 1918: towards the Prussian Partition, German policy of Germanization and conception of independent Poland) must take into account his attitude towards Russia and Austro-Hungary. In his “political” life, he covered the road from socialism to nationalism. His views evolved over a few decades, yet his geopolitical conceptions basically remained stable, with some elements of his outlook undergoing changes as the Germans and their politics were also developing: from the times of Wilhelm II up to the days of the Third Reich. The changes, which occurred over “epochs”, filled the mutual relations between Poland and Germany with new content. Before the First World War, Studnicki saw the key to Poland regaining its independence in the fall of tsarist Russia, hence his looking for allies, at first, in Austro-Hungary, and later – because of the country's strength and potential – in Germany. It was Russia, which, in Studnicki's conviction, was primarily responsible for the partitions of Poland in the eighteenth century. Thus, his “political Germanophilism” did not result from a fascination with Germany, but rather from the need to find an ally capable of defeating Russia. Furthermore, at the end of the First World War, he continued to advocate for Poland's closer gravitation towards Germany, underlining the significance of the Polish ‘Eastern Lands’, while simultaneously diminishing the importance of the western districts to the reborn Poland. Similarly, Studnicki argued that it would be more beneficial to Poland to have the port in Riga and that in Liepāja at the country's disposal, rather than the one in Gdańsk. He did not believe, either, in the possibility of winning the Plebiscite in Silesia, which would only fuel Polish-German antagonisms in the context of the Bolshevik approach on Warsaw. In the interwar period, Polish-German collaboration was supposed to provide a source of “Polish economic bravery”, raising its international prestige. Still, the major threat to the Republic of Poland, and to other European states, was that posed by Russia under Bolshevik rule. Thus, he postulated that Poland, together with Germany, should establish a Ukrainian state and, in view of protecting Poland and Europe, Georgia, Azerbaijan, Armenia and Turkistan should also be separated from Russia.

Even in the 1930s, according to Studnicki, Poland and Germany had one common enemy in the East, and the Nazi conception of “living space” concerned a possible expansion of the Reich but within Russia exclusively, omitting Poland. His “fascination” with Germany weakened, yet only a lit-

tle, in the spring of 1939. After the annexation of Czechoslovakia, Studnicki noticed the possessiveness of Hitler growing stronger and stronger, and he started to fear that another war would break out. He did not believe in English-French alliances and their guarantees of safety. For Studnicki, the chief enemy was still the Soviet Union. Therefore, he agreed to make concessions to Germans concerning Gdańsk and the “corridor”, and suggested that in any unavoidable conflict between Germany and the West, Poland should stay neutral and should not permit other armies to pass through her territory [Strządala].

Studnicki’s geopolitical conceptions fell apart in the face of the outbreak of the Second World War. In fact, they posed a certain threat to the defined Polish Western thought: the shift of the main vector of Polish foreign policy eastwards could mean a serious hazard for the Polish reason of state in the western lands. The founders of Polish Western thought were able to anticipate Hitler’s intentions correctly. The nationalistic-socialist revolution, which was going on in front of the world’s eyes, was heading for war. Kazimierz Kierski wrote, “Whoever still had any doubts about the future Germans’ attitude towards the Polish, whoever should still nurture illusions as to a peaceful compassion between us, I would recommend that they read Hitler’s *Mein Kampf*” [Masnyk, 2015, s. 51].

To Kozicki, the essence of the Polish-German conflict after 1933 did not change and the Germans’ steps towards reconciliation were – as indicated by other publicists – of the tactical nature. The declarations by the leaders of the Third Reich regarding any drawing up of a political agreement on rejecting war when resolving disagreements were initially, and for a short time after, responded to kindly. However, in the longer run, they were perceived as “Germans’ delaying tactic and lulling the Polish into a false sense of security.” The events in the months and years to come confirmed those fears. Public opinion was greatly concerned about the changes in European politics and the Germans’ aspirations to rule Central and Eastern Europe and to dominate the continent as a whole. It was with grave apprehension that the liquidation of Austria and the annexation of Czechoslovakia were observed. Only those who had taken the trouble to read the second volume of *Mein Kampf* knew Hitler’s real plans, which anticipated stopping the long-time German expansion to the south and to the west of Europe, and redirecting it eastwards. Putting an end to pre-war colonial and trading policies, Hitler announced a transition to agrarian politics (the politics of the future). When he wrote about new lands in Europe, he meant, first of all, Russia and “the fringe states subjected to it”. In this sense, the German demands on Poland in 1939 were not the direct cause, but only a pretext to start the Second World War. The war of the Third Reich against the Soviet Union would not have been possible if the neutrality of Poland had been respected. Hitler took the decision to launch a programme that substantially exceeded traditional German revisionism, one whose aim was to transform the Reich into an empire. For the founders of Polish Western thought a time of great trial would follow.

Список литературы

- Böhler J.* Wojna domowa. Nowe spojrzenie na odrodzenie Polski. Kraków : Społeczny Instytut Wydawniczy Znak, 2018. 336 s.
- Chałupczak H.* II Rzeczpospolita a mniejszość polska w Niemczech. Poznań : Instytut Zachodni, 1992. 374 s.
- Eberhardt P.* Twórcy polskiej geopolityki. Kraków : Arcana, 2006. 275 s.
- Fiedor K.* Polska i Polacy w polityce Trzeciej Rzeszy 1933–1939. Łódź : Wyższa Szkoła Studiów Międzynarodowych, 2005. 288 s.
- Figura M.* Konflikt polsko-ukraiński w prasie Polski zachodniej w latach 1918–1923. Poznań : Wydawnictwo Poznańskie, 2001. 362 s.
- Figura M.* Rosja w myśli politycznej Władysława Studnickiego. Poznań : Wydawnictwo Naukowe UAM, 2008. 315 s.
- Hauser P.* Powrót na mapę. Walka o granice państwa polskiego po I wojnie światowej. Poznań : Instytut Historii UAM w Poznaniu, 2010. 38 s.
- Juzwenko A.* Polska prasa na Górnym Śląsku wobec wschodniej polityki Polski (listopad 1918 – marzec 1921) // *Sobótka*. 1974. No. 1. S. 75–102.
- Kulak T.* Jan Ludwik Popławski 1854–1908. Biografia polityczna : 2 t. Wrocław : Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 1989. T. 2. 275 s.
- Masnyk M.* Między Niemcami a Rosją – poglądy Romana Dmowskiego w sprawie polskich ziem zachodnich // *Twórcy polskiej myśli zachodniej* / red. W. Wrześniński. Olsztyn : Ośrodek Badań Naukowych im. Wojciecha Kętrzyńskiego, 1996. S. 64–75.
- Masnyk M.* Hitler, narodowy socjalizm i stosunki polsko-niemieckie po Machtübernahme w dyskursie II Rzeczypospolitej (subiektywny przegląd opinii i stanowisk) // *Studia Śląskie*. 2015. T. 76. S. 43–53.
- Masnyk M.* Kazimierza Smogorzewskiego uwagi o Niemczech po Machtübernahme // *Człowiek, prawo, państwo: Księga Jubileuszowa dedykowana Stanisławowi Leszkowi Stadniczeńko* / red. W. Żyłko. Warszawa : Wyższa Szkoła Finansów i Zarządzania, 2017. S. 689–697.
- Masnyk M.* Opinia publiczna byłej dzielnicy pruskiej wobec polskiego ruchu narodowego w rejencji opolskiej (1921–1939). Opole : Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, 2011. 283 s.
- Mroczo M.* Polska myśl zachodnia 1918–1939 (kształtowanie i upowszechnianie). Poznań : Instytut Zachodni, 1986. 429 s.
- Pajewski J.* Odbudowa państwa polskiego 1914–1918. Warszawa : Polskie Wydawnictwo Naukowe, 1978. 384 s.
- Stern F.* Niemcy w pięciu wcieleniach. Warszawa : Rosner i Wspólnicy, 2008. 503 s.
- Strządala G.* Niemcy w myśli politycznej Władysława Studnickiego. Opole : Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, 2011. 208 s.
- Wrześniński W.* Stanisław Kozicki wobec problemów polskiej myśli zachodniej w latach II Rzeczypospolitej // *Twórcy polskiej myśli zachodniej* / red. W. Wrześniński. Olsztyn : Ośrodek Badań Naukowych im. Wojciecha Kętrzyńskiego, 1996. S. 140–153.

References

- Böhler, J. (2018). *Wojna domowa. Nowe spojrzenie na odrodzenie Polski*. Kraków, Społeczny Instytut Wydawniczy Znak. 336 s.
- Chałupczak, H. (1992). *II Rzeczpospolita a mniejszość polska w Niemczech*. Poznań, Instytut Zachodni. 374 s.
- Eberhardt, P. (2006). *Twórcy polskiej geopolityki*. Kraków, Arcana. 275 s.
- Fiedor, K. (2005). *Polska i Polacy w polityce Trzeciej Rzeszy 1933–1939*. Łódź, Wyższa Szkoła Studiów Międzynarodowych. 288 s.
- Figura, M. (2001). *Konflikt polsko-ukraiński w prasie Polski zachodniej w latach 1918–1923*. Poznań, Wydawnictwo Poznańskie. 362 s.
- Figura, M. (2008). *Rosja w myśli politycznej Władysława Studnickiego*. Poznań, Wydawnictwo Naukowe UAM. 315 s.

Hauser, P. (2010). *Powrót na mapę. Walka o granice państwa polskiego po I wojnie światowej*. Poznań, Instytut Historii UAM w Poznaniu. 38 s.

Juzwenko, A. (1974). Polska prasa na Górnym Śląsku wobec wschodniej polityki Polski (listopad 1918 – marzec 1921). In *Sobótka*. No. 1, s. 75–102.

Kulak, T. (1989). *Jan Ludwik Popławski 1854–1908. Biografia polityczna : 2 t.* Wrocław, Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego. T. 2. 275 s.

Masnyk, M. (1996). Między Niemcami a Rosją – poglądy Romana Dmowskiego w sprawie polskich ziem zachodnich. In Wrzesiński, W. (Ed.). *Twórcy polskiej myśli zachodniej*. Olsztyn, Ośrodek Badań Naukowych im. Wojciecha Kętrzyńskiego, s. 64–75.

Masnyk, M. (2011). *Opinia publiczna byłej dzielnicy pruskiej wobec polskiego ruchu narodowego w rejencji opolskiej (1921–1939)*. Opole, Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego. 283 s.

Masnyk, M. (2015). Hitler, narodowy socjalizm i stosunki polsko-niemieckie po Machtübernahme w dyskursie II Rzeczypospolitej (subiektywny przegląd opinii i stanowisk). In *Studia Śląskie*. T. 76, s. 43–53.

Masnyk, M. (2017). Kazimierza Smogorzewskiego uwagi o Niemczech po Machtübernahme. In Żyłko, W. (Ed.). *Człowiek, prawo, państwo: Księga Jubileuszowa dedykowana Stanisławowi Leszkowi Stadniczeńko*. Warszawa, Wyższa Szkoła Finansów i Zarządzania, s. 689–697.

Mroczo, M. (1986). *Polska myśl zachodnia 1918–1939 (kształtowanie i upowszechnianie)*. Poznań, Instytut Zachodni. 429 s.

Pajewski, J. (1978). *Odbudowa państwa polskiego 1914–1918*. Warszawa, Polskie Wydawnictwo Naukowe. 384 s.

Stern, F. (2008). *Niemcy w pięciu wcieleniach*. Warszawa, Rosner i Wspólnicy. 503 s.

Strządała, G. (2011). *Niemcy w myśli politycznej Władysława Studnickiego*. Opole, Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego. 208 s.

Wrzesiński, W. (1996). Stanisław Kozicki wobec problemów polskiej myśli zachodniej w latach II Rzeczypospolitej. In Wrzesiński, W. (Ed.). *Twórcy polskiej myśli zachodniej*. Olsztyn, Ośrodek Badań Naukowych im. Wojciecha Kętrzyńskiego, s. 140–153.

The article was submitted on 27.02.2020

**ВЕНГЕРСКИЕ ВОЙСКА ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ:
ГОРЬКАЯ ПРАВДА АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ
И ПОПЫТКА РЕВИЗИИ**

Тамаш Краус

Будапештский университет,
Будапешт, Венгрия

**HUNGARIAN TROOPS IN WORLD WAR II:
THE BITTER TRUTH OF ARCHIVAL DOCUMENTS
AND AN ATTEMPT AT REVISION***

Tamás Krausz

Eötvös Loránd University,
Budapest, Hungary

This article analyses how Hungarian historiography reflects – like a drop of the ocean – a new narrative in which the Great Patriotic War is being transformed into a myth. The pioneer of the new approach is Krisztián Ungváry. Following the spirit of the totalitarianism theorem, he equates the role played by Nazi Germany in World War II to that of the Soviet Union, thus equating one regime to the other. The theoretical basis and background of the new narrative were first provided by E. Nolte and T. Snyder. Ungváry and some other Hungarian historians keep distorting the role the Hungarian occupation army played in the genocide on Soviet territory. They falsify the history of the partisan war when they ignore the special annihilating character of the Nazi war in the east. Ungváry totally loses sight of the basic differences concerning the fate of German and Soviet POWs. This study tries to give some brief insights into the causes of this distorted approach. The publication is divided into two parts: in the first, the main issue is genocide, while the second pays more attention to falsification and the neglect of objective statistics.

Keywords: Hungarian historiography; Great Patriotic War; falsification of history; partisans; POWs; Nazi genocide in the USSR; Hungarian occupation forces in USSR in 1941–1944.

---

* *Citation:* Krausz, T. (2020). Hungarian Troops in World War II: The Bitter Truth of Archival Documents and an Attempt at Revision. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 2. P. 604–620. DOI 10.15826/qr.2020.2.483.

Цитирование: Krausz T. Hungarian Troops in World War II: The Bitter Truth of Archival Documents and an Attempt at Revision // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 2. P. 604–620. DOI 10.15826/qr.2020.2.483 / Краус Т. Венгерские войска во Второй мировой войне: горькая правда архивных документов и попытка ревизии // *Quaestio Rossica*. Т. 8. 2020. № 2. С. 604–620. DOI 10.15826/qr.2020.2.483.

В исследовании анализируется, как венгерская историография отражает – как капля океан – новую версию, в которой Великая Отечественная война превращается в миф. Пионером нового подхода является Кристиан Унгвари, который в духе теоремы тоталитаризма отождествляет роли, сыгранные нацистской Германией и Советским Союзом во Второй мировой войне, и тем самым уравнивает оба режима. Теоретические основы и предпосылки этой трактовки были предоставлены Э. Нольте, а в последнее время – Т. Снайдером. Унгвари и некоторые другие венгерские историки продолжают искажать роль венгерской оккупационной армии в геноциде на советской территории. Они также фальсифицируют историю партизанской войны, игнорируя особый, истребительный характер нацистской войны на Востоке. Унгвари полностью упускает из виду основные различия, касающиеся судьбы немецких и советских военнопленных. Автор исследования пытается дать краткое представление о причинах этого искаженного подхода. Публикация разделена на две части, в первой основная проблема – геноцид, во второй обращено больше внимания на приемы фальсификации и игнорирование объективной статистики.

Ключевые слова: венгерская историография; Великая Отечественная война; фальсификация истории; партизаны; военнопленные; нацистский геноцид в СССР; венгерские оккупационные силы в СССР 1941–1944 гг.

Метод и идеологическая конструкция

Теория тоталитаризма, зародившаяся в раннюю эпоху холодной войны, основана на гипотезе отождествления нацизма (фашизма) и коммунизма («если и в нацистской Германии, и в СССР существовали однопартийная система и диктатура, значит, они отождествимы, Гитлер тождественен Сталину, а нацистский фашизм – коммунизму»). По сути, этот подход аналогичен принципам вульгарно-марксистского объяснения истории, ведущего к профанации теоретического анализа и сковывавшего научное мышление.

В Венгрии уже почти десятилетие продолжается широкая дискуссия, которая была вызвана появлением сборника документов, составленного автором совместно с Е.-М. Варгой на основе источников из российских архивов. Впервые опубликованы переведенные на венгерский язык советские документы, отражающие зверства венгерских оккупационных частей и их участие в нацистском геноциде с лета 1941 по лето 1944 г. [см.: Варга, Краус]. Кристиан Унгвари, наиболее видный представитель этой концепции в Венгрии, опубликовал резко критический отзыв на издание в венгерском историческом журнале «Századok» (2014, № 1).

Начало современного ревизионистского подхода к истории необходимо искать во временах, предшествовавших смене режима

в 1989–1991 гг. Цель переворота, главным лицом которого стал Эрнст Нольте, состояла в ревизии антифашистской исторической и политической позиции относительно роли нацизма в духе «антимодернистского», обращенного к прошлому, своеобразного «христианского консерватизма» и в «защите немцев» от «дискриминационного поведения левых»¹. Венгерский историк М. Сабо на основе переписки между Э. Нольте и Ф. Фюре [Szabó, 2000a, о. 10–26] сделал заключение: «Нольте является последователем Хайдеггера. Этот идейный посыл приводит его в лагерь салонных неонацистов» [Szabó, 2000b, о. 55]. Возвратившись к логике холодной войны, Нольте занялся изучением *тоталитаризма* и «подключил» историю социализма к истории фашизма исходя из логики, что первый был ответом на второй². Значительная часть ответственности за войну между СССР и нацистской Германией возлагается на Советский Союз, главную жертву нацистского нападения³. Частью его рассуждений стала рациональная трактовка гитлеровского антисемитизма, настоящей движущей силой которой он считает «еврейский мессианизм»⁴. В ответном письме Ф. Фюре решительно отверг «концепцию холокоста» Нольте, которая фактически завуалированно возвращает в науку гитлеровский топос «всемирного еврейского заговора»⁵. Однако за последние четверть века эта концепция, выйдя за пределы научной дискуссии, стала в ряде стран Восточной Европы составной частью национально-государственной, властно-политической легитимации. В Венгрии официально героизируют и самого Хорти, и хортистскую армию, виновную в геноциде⁶. Идеологическим цементом подобных взглядов является теория тоталитаризма⁷.

¹ В своей ранней работе Нольте одним из первых изобразил и проанализировал характерные черты и причины нацистской войны на уничтожение [Nolte], в нашу задачу не входит размышление о мотивах осуществленного им позже поворота.

² Это было решительно отвергнуто даже Ф. Фюре, который в целом с большим пониманием относился к Нольте из-за якобы «дискриминационного отношения» к нему левых. В своем ответе Фюре однозначно сформулировал свое мнение: «...придавая первенству большевизма во времени не только хронологическое, но и причинное значение, Вы подставляете себя под обвинение в намерении обелить нацизм» [Szabó, 2000a, о. 16].

³ Унгвари и в своих прежних работах делал такие попытки, на них я отреагировал в полемической статье [Krausz, 2011].

⁴ См.: Письмо Нольте Фюре, Берлин, 20 февраля 1996 г. [Szabó, 2000a, о. 11–13].

⁵ См. Письмо Фюре Нольте [Szabó, 2000a, о. 21–25].

⁶ Унгвари – любитель либеральных СМИ – выпустил специальную книгу в духе героизации офицеров Вермахта, принимавших участие в штурме Будапешта [см.: Ungváry, 2019]. Тот же историк в феврале 2020 г. организовал по случаю 75-й годовщины не освобождения Будапешта, а так называемого прорыва вермахта и Ваффен-СС с венгерскими немцами фотовыставку и туристический поход в Будайские горы в память о жертвах войны, уравнивая всех, вне зависимости от цели военной операции.

⁷ Историко-теоретическое и историографическое изложение проблемы см.: [Gleason; Bartha, 2001; Bartha, 2013]. Описание содержания аналогии между двумя режимами см.: [Ormos, Krausz].

К. Унгвари утверждает, что Советская армия защищала такое же неправо дело, как вермахт и СС⁸. Для построения такой исторической концепции Унгвари прибегает к *методу самовольного рефлекторного освещения*. Уже в 1980-х гг. немецкие исследователи в полемике с Нольте указывали, что историку не следует пользоваться этим методом, задерживаясь на некоторых вызывающих интерес предметах и явлениях и не обращая внимание на другие. Упомянутый автор оставляет без объяснения и самый важный вопрос: как СССР, который до Сталинградской битвы воевал своими силами, без серьезной заграничной помощи, все же сумел победить Германию, стоявшую на более высоком уровне технического развития. Унгвари не обращает внимание на недавно выпущенный немецким историком сборник документов, непосредственно связанных со сталинградским сражением [Hellbeck]. Материалы сборника проливают свет на важные психологические факторы, помогают понять, почему подавляющее большинство советского народа в течение долгих трудных лет упорно защищало СССР, что, по интерпретации Унгвари, приходило только под давлением сталинизма⁹. Источники не подтверждают тезис о «неограниченном применении насилия против собственных солдат»¹⁰. В документах, опубликованных немецким историком, выяснилось, что редкий коммунист не сражался в первых рядах, и эти случаи солдаты считали позорными. Авторитет и интегрирующий потенциал коммунистов подтверждаются тем, что к августу-октябрю 1942 г. на сталинградском фронте число членов партии увеличилось с 28 500 до 53 500 человек. Защита отечества стала общим делом, причем для многих независимо от Сталина и коммунистической партии.

Унгвари переосмысливает историю II Мировой войны, и прежде всего «великой войны России» (А. Верт), в соответствии со своими идеологическими и методологическими приоритетами. Получается,

---

⁸ На Унгвари уже обратили внимание и в Германии в связи с одной из его книг, опубликованной на немецком языке, в которой он пытается подвести итоги хортистского режима. Однако в большом старании он провел параллель между холокостом и послевоенным выселением немцев, которая подверглась резкой критике даже в «Die Welt» [см.: Schmid].

⁹ В книге Й. Хелльбека все это показано в свете источников, замалчивавшихся в течение десятилетий. На смену прежней советской «необарочной» героизации пришла новая дегероизация, замалчивание единения или примирения широких слоев общества с коммунистической партией (и Сталиным), важнейшей организаторской роли коммунистической партии в победе.

¹⁰ В первый период войны особые отделы НКВД арестовали в действующей армии 80 583 чел. Этих мер оказалось недостаточно для предотвращения самовольных отступлений. Вследствие этого в июле 1942 г. Наркомат обороны СССР издал известный одиозный приказ № 227 о формировании так называемых «заградительных отрядов» для борьбы с бегством военнослужащих с поля боя. В 62-й армии 13–15 и 17–18 сентября было расстреляно всего 27 дезертиров [см.: Христофоров, 2008, с. 89–92; Христофоров, 2011, с. 152–168].

что, как пишет сам Унгвари, «Отечественная война – это миф». Но если не было Отечественной войны, тогда вся деятельность нацистской Германии, суть которой составлял геноцид, предстает совершенно в другом свете, открывается возможность не только для оправдания венгерских оккупационных войск, но и для пронацистских выводов¹¹.

Нацистский геноцид

Унгвари признает существование *плана* геноцида, однако отрицает его реализацию на практике, утверждая, что в действительности все «шло не совсем по плану» [Ungváry, 2013]. Он пишет о «так называемом геноциде», который был осуществлен не столько нацистами и их сообщниками, сколько служившими нацистам представителями «подлежавших уничтожению этнических групп», то есть русских и представителей других национальностей (!), и решительно отвергает это для *венгерских* оккупационных войск.

Что же произошло на самом деле?

В нацистских планах, в технико-стратегических приказах и в практической деятельности между уничтожением славян и евреев существовала неразрывная связь, что не позволяет выявить метод *рефлекторного освещения*. Унгвари *hic et nunc* просто «забыл» о плане Ост, в котором на одной и той же странице фигурировали данные о количестве подлежащих уничтожению славян и евреев. В действительности планы не только нельзя противопоставить практическим действиям, но можно утверждать, что после начальных трудностей нацисты значительно «превысили» предварительные предписания [см.: Vági, Kádár; Пикер, Хаффнер]. Позиция Унгвари предопределилась данными о том, что некоторые генералы вермахта по разным причинам, но отнюдь не из соображений гуманности воспротивились буквальному выполнению отдельных приказов, связанных с осуществлением геноцида, прежде всего приказа о комиссарах [Ungváry, 2004, о. 73–74]. Однако суть в том, что это не повлияло на осуществление геноцида. Приказ о комиссарах относился не только к ним, как интерпретирует его Унгвари на осно-

---

¹¹ Конечно, и у красноармейцев проявились желание мести, приведшее к неоправданным бесчеловечным поступкам. Такой трагедией было, например, насилие над женщинами красноармейцев и солдат союзных армий в Германии (конец апреля – начало мая 1945 г.) или при освобождении Венгрии. По некоторым данным, от этого пострадали десятки тысяч женщин. Исключение этих вопросов из исследовательского поля обусловлено у одних авторов опасениями очернить память об освободителях, затемнить справедливый характер Великой Отечественной войны, у других – вероятностью усиления комплекса неполноценности в Германии, у третьих – релятивизацией зверств, совершенных вермахтом и в целом немецкими вооруженными силами. Венгерские и немецкие солдаты также никогда не подвергались наказанию за подобные преступления. Однако замалчивание лишь увеличивает негатив, аккумулирует причиненный историческими катаклизмами душевный шок у широких слоев общества. В наши дни вследствие политических соображений эти факты зачастую служат спекулятивным материалом для тех, кто подвергает сомнению прогрессивную историческую роль Советской армии.

вании одних лишь нацистских документов, признавая наличие казни сравнительно небольшого их числа [Ungváry, 2004, о. 70–71]. Он не учитывает, что этот приказ предполагал и уничтожение еврейских военнопленных, а также всех коммунистов (солдат и офицеров). Нацистское военное руководство заранее наметило и сформулировало в конкретных приказах план геноцида, который и был осуществлен радикальным образом.

Израильский историк Арон Шнеер, проанализировав проблематику геноцида, обратил внимание на *внутренний контекст* приказов нацистского руководства, без которого нельзя понять связь между сознательным намерением, планом и практическим осуществлением геноцида¹². Сам «приказ о комиссарах» [Der Komissarbefehl], разработанный на основании распоряжений Гитлера 5 мая 1941 г., подтвержденный 6 июня и затем разосланный командующим армиями, «был юридическим обоснованием уничтожения советских евреев-военнопленных» [Шнеер, гл. 1, прим. 18]. Следовательно, в этом приказе следует видеть проявление одного из главных направлений геноцида – материальное уничтожение возможных «физических» носителей коммунистической идеологии. Предвоенные нацистские директивы относительно террористических мер являются сильно идеологизированными документами, которые указывают на строгий контроль нацистов над вермахтом [Преступные цели, с. 32]. Согласно приказу о комиссарах, конкретное осуществление казней должно было быть результатом сотрудничества вермахта и СС. Распоряжение Кейтеля от 13 мая, которое *предусматривало безнаказанность в случае военных преступлений против советского мирного населения (!)*, особенно расширило роль вермахта в холокосте и в геноциде в целом.

При чтении антикоммунистических и антикомиссарских пунктов приказа «о комиссарах» неизбежно следует признать, что в нацистской пропаганде и в официальных документах отождествление «евреев и коммунистов», а также «евреев и комиссаров» было столь настойчивым, что солдаты неизбежно их уравнивали¹³. Все это было «синтезировано» в подписанной Гейдрихом директиве для высших руководителей частей СС и полиции на оккупированных советских территориях. В 4-м пункте директивы, носившем название «Экзекуции», были точно определены враги, подлежащие уничтожению. Их перечисление показывает истинное лицо геноцида: «Должны быть уничтожены все функционеры Коминтерна, как и все профессиональные коммунистические деятели; сотрудники высшего и среднего ранга, а также наиболее активные сотрудники низшего ранга в партии, Центральном комитете, областных и районных комитетах; народные комиссары; евреи – члены партии и занятые на государ-

¹² Этой проблеме посвящена первая глава книги Арона Шнеера [Шнеер].

¹³ Это отождествление перешло и в документ, служивший инструкцией для венгерских оккупационных войск, см.: [A folyó háború tapasztalatainak ismertetése].

ственной службе, а также прочие радикальные элементы (диверсанты, саботажники, пропагандисты, снайперы, убийцы, поджигатели и т. п.)» [Уничтожение евреев, с. 40]. Так становилась полной и всеобщей практика геноцида, который Унгвари бесосновательно считает «так называемым геноцидом».

Верховное командование вермахта и его генералов невозможно «очистить» от обвинения в руководстве осуществлением расового геноцида, что давно признано немецкими историками, которые ведут объективные исследования. Достаточно сослаться на фундаментальный труд профессора Гейдельбергского университета, Кристиана Штрайта [Штрайт]. Унгвари охотно использует данные немецкого коллеги, но вырывает цифры из контекста, игнорируя научно обоснованную концепцию Штрайта.

Подчинение деятельности венгерских оккупационных войск немцам (включая вермахт и СС!) predetermined основную ее характер. В опубликованной в 2004 г. книге Унгвари и сам справедливо писал: «Руководство вермахта и Венгерской королевской армии не только знало о массовых казнях, но и должно было координировать их проведение. Военная администрация с самого начала принимала участие в организации преследований евреев, прежде всего введением для них особого отличительного знака и организацией гетто, а также принудительных работ. В этом приняли участие и венгерские части, и венгерская оккупационная администрация» [Ungváry, 2004, о. 110]. В этой книге, посвященной истории венгерской армии, он писал так: «На Восточном фронте за происхождение и партизанскую деятельность или по подозрению в такой деятельности были казнены миллионы гражданских лиц» [Ibid., о. 106].

Объективное освещение роли евреев не вписывается в его концепцию отождествления двух воюющих сторон. В то время как вермахт и СС убивали их, в Красной армии сражались сотни тысяч еврейских военнослужащих, причем сражались с отчаянной храбростью на любых участках фронта, куда бы их ни посылали [см.: Арад]. Среди советских военнопленных были десятки тысяч лиц еврейской национальности, практически все из которых были убиты. Унгвари не придает значение тому, что подавляющее большинство евреев-красноармейцев отнюдь не случайно пожертвовали жизнью во имя антифашистской борьбы, которая, как известно, включала в себя и цель освобождения всей Европы. Эти солдаты, опять-таки вопреки представлениям нашего автора, несмотря на все свои страдания, сумели сделать выбор между сталинской и гитлеровской диктатурой. Эти вещи кажутся самоочевидными, однако венгерская (и не только венгерская, но и польская, украинская и т. д.) ревизионистская историческая наука не способна понять и истолковать подобные «тонкие» различия. Если целью историка становится ликвидация антифашистского нарратива и понятия Отечественной войны, то автор релятивизирует даже значение холокоста.

К. Унгвари, как большинство современных венгерских историков, с помощью метода «рефлекторного освещения» как бы стирает с «картины» геноцида венгерские оккупационные войска, но не убирает с нее румын, литовцев, латышей, украинцев и пр. При такой аргументации вся проблематика геноцида вынимается из общего контекста войны, не связывается с ее характером и целями, а рассматривается лишь как часть «партизанской войны», как будто эта война шла в некоем вакуумном пространстве¹⁴. Доходя в полемике до крайности, Унгвари утверждает: «На тех территориях, где не велись военные действия, венгерские оккупанты не совершили массовых убийств, за исключением большей частью пассивного участия в холокосте» [Ungváry, 2013]. Здесь что ни слово, то фальшь. По имеющимся ныне данным, венгры совершили массовые убийства на территории 19 областей СССР (общей площадью более пяти Венгрий), в сотнях или, возможно, более тысячи населенных пунктах вблизи и вдали от линии фронта. Безразлично, участвовали ли в этом солдаты Восточной или Западной оккупационной группы¹⁵. Опубликованные в нашем сборнике источники и множество неопубликованных архивных документов, в том числе приказ № 10 венгерского генштаба, свидетельствуют о массовых убийствах советских граждан еврейской национальности, о передаче этих граждан немцам и о выполнении венграми охранных и иных задач. Унгвари не обратил внимания на то, что, как свидетельствуют некоторые документы из Исторического архива служб государственной безопасности Венгрии, опубликованные в приложении к сборнику, венгерские военнослужащие и сами рассказывали об *активном участии* в холокосте, а некоторые гордились своей ролью в уничтожении евреев и разрушении советских сел¹⁶ [Великая Отечественная война]. Таким образом, осуществленный нацистами геноцид был делом рук не только немецких фашистов, но солдат и наемников разных национальностей (румын, венгров, финнов, латышей, украинцев и пр.).

В исследованиях Унгвари нет определения понятия геноцида в его исторической конкретности. Этому вопросу посвящена статья русиста Акоша Силади, опубликованная в связи с дискуссией о нашем сборнике в газете «Élet és Irodalom». Автор статьи точно кон-

---

¹⁴ Между тем, К. Унгвари когда-то признавал, что венгры не вели войну отдельно от немцев: «...венгерские оккупационные силы находились в одинаковых с немцами условиях и по вопросам, касающимся населения и военнопленных, подчинялись одним и тем же командам, подвергались влиянию одних и тех же вынуждающих обстоятельств...» [Ungváry, 2004, о. 44, 46].

¹⁵ Венгерский историк Акош Фориш на основе венгерских документов описал массовые убийства, совершенные отдельными частями Западной оккупационной группы в Гайсине и его окрестностях, а также активное участие этих частей в холокосте, см.: [Fóris].

¹⁶ Вопреки утверждению венгерского историка академика Игнац Ромшича, венгерские оккупационные войска совершали массовые убийства и участвовали в холокосте и на тех территориях, где о партизанской войне не было и речи (например, в Гайсине и его окрестностях) [Romsics, о. 420].

кретизирует понятие нацистского геноцида: «...в тотальной войне нацистской Германии геноцид был не побочным явлением, геноцид за линией фронта или в тылу являлся не второстепенным театром военных действий, а характерной, сущностной отличительной чертой этой войны и ее важнейшим фронтом, поскольку военной целью нацистской Германии была *расовая колонизация* („германизация”, „ариезация”) всего мира, включая полное или частичное уничтожение, выселение или использование рабского труда расово „неполноценных” этнических групп, проживающих на завоеванных или подлежащих завоеванию территорий. <...> В этой войне, как это видно не только из практических действий, но и из выраженных в приказах намерений, были ликвидированы все различия, правовые разграничения современного европейского военного права... даже чисто военные результаты, успешные военные маневры непосредственно способствовали реализации плана всемирного геноцида нацистского “преступного государства» [Szilágyi]. В этом контексте и должна рассматриваться вся деятельность венгерских (и других) оккупационных войск в 1941–1945 гг.

Основные расистские цели нацистского геноцида – уничтожение евреев, ликвидация всех подозреваемых в партизанской деятельности, в том числе женщин и детей, а также взятие заложников и массовые казни мирного населения в целях устрашения и т. д. – были сформулированы лишь в апреле 1942 г. в директиве № 10 венгерского генштаба (начальник генштаба Ференц Сомбатхеи) [см.: A folyó háború tapasztalatainak ismertetése]. Однако Унгвари по неизвестным причинам просто умалчивает об этих частях директивы.

Итак, в отличие от немцев, венгры прибыли на советскую землю не с целью осуществления геноцида, но во всяком случае вступили под руководством Хорти в войну на стороне нацистов и в подчинении вермахту и СС, в результате чего неизбежно были вовлечены в этот процесс. Все это яснее ясного подтверждается документами из российских архивов.

Партизаны и геноцид

Отрицание геноцида со стороны венгерских оккупационных войск, помимо прочего, основано на утверждении, сформулированном академиком И. Ромшичем в процессе дискуссии в будапештском Институте военной истории 16 мая 2013 г. об опубликованном сборнике документов: «насильственные инциденты происходили только в тех местах, где шли партизанские бои» [см. об этом: Duna]. Согласно такому представлению, причиной «насильственных инцидентов» (то есть геноцида) были партизаны. Проблема геноцида не связывается с общим характером войны, развязанной нацистской Германией, а оценивается всего лишь как борьба против партизан. К. Унгвари в цитируемой работе также вырывает вопрос «партизанская война и венгры» из контекста *всего* процесса войны в целом, словно речь

идет о событиях в ином времени и пространстве. Историк объясняет и оправдывает борьбу с партизанами *военным правом*, аргументируя это тем, что партизаны его не соблюдали, и поэтому их деятельность незаконна. (Унгвари не высказался по вопросу о французском, югославском и польском партизанском движении.) Однако физическое уничтожение людей, «подозреваемых в партизанской деятельности», и военнопленных, не говоря уж о евреях, было связано не с соблюдением или несоблюдением нацистами Гаагской и Женевской конвенций, а с *сознательным и неприкрытым отказом от соблюдения норм военного права еще до нападения на Советский Союз*. С первой и до последней минуты войны нацистское государство и его венгерские союзники нигде и никогда не соблюдали никаких норм военного права, поскольку это как в концептуальном, так и в практическом плане заранее исключалось *самим тотальным характером войны, осуществлением грабежей и геноцида*. Объяснение, опирающееся на «военное право», служит обелению Вермахта и его генерального штаба, не случайно оно было главным тезисом Гимmlера и Геббельса, всей нацистской пропаганды.

С правовой точки зрения фактическая сторона дела такова. Первая проблема связана с интерпретацией Гаагских конвенций 1899 и 1907 гг.¹⁷ Унгвари обходит вниманием, что нацистская Германия, а несколькими днями позже и ее венгерский союзник – хортистское государство, вопреки военному праву, напали на СССР без всякого объявления войны, нарушив тем самым третью Гаагскую конвенцию 1907 г. об открытии военных действий, предписывавшую «мотивированное объявление войны» [см.: 1913. évi XLIII. Törvénycikk]. В гитлеровских приказах, отданных еще до войны, – *expressis verbis* – уже содержался отказ от соблюдения военного права того времени. Таким образом, утверждение Унгвари о нигилистическом отношении советских партизан к военному праву не имеет никакого смысла. В Советском Союзе еще не было партизан, когда уже родился приказ об их уничтожении. В строго секретном распоряжении начальника Верховного командования вермахта (ОКВ) генерал-фельдмаршала Вильгельма Кейтеля от 13 мая 1941 г. говорилось: «*Партизаны должны беспощадно уничтожаться войсками в бою или при попытке к бегству*». Но этого было недостаточно, Кейтель обещал безнаказанность тем, кто совершит военные преступления против гражданского населения (см. ч. 2, п. 1): «*За действия, совершенные личным составом вермахта и обслуживающим персоналом в отношении вражеских гражданских лиц, не будет обязательного преследования даже в тех случаях, когда эти действия являются военным преступлением или служебным проступком*» [Преступные цели, с. 31–33; ГАРФ. Ф. 7445. Оп. 2. Д. 166. Л. 65–70]. На Нюрнбергском процессе это распоряжение было од-

---

¹⁷ Об этой проблематике мы с Е. М. Варгой подробнее писали в полемике с Петером Сабо, см.: [Krausz, Varga].

ним из документов, свидетельствовавших о совершении тяжелейших военных преступлений. В распоряжении Кейтеля от 13 мая 1941 г., изданном от имени фюрера, директива Гитлера о деятельности военных судов конкретизируется следующим образом: «...подозреваемые в преступлении элементы должны быть немедленно доставлены к офицеру. Он решает, должны ли они быть расстреляны» [Там же]¹⁸. Месяцем позже Кейтель однозначно предписывает вермахту дальнейшее расширение террора. 23 июля 1941 г. он, ссылаясь на приказ Гитлера, дал командирам вермахта указание о применении неограниченного террора: «Имеющиеся для обеспечения безопасности в покоренных восточных областях войска ввиду обширности этого пространства будут достаточны лишь в том случае, если всякого рода сопротивление будет сломлено не путем юридического наказания виновных, а если оккупационные власти будут внушать тот страх, который единственно способен отбить у населения всякую охоту к сопротивлению» [Преступные цели, с. 77; ГАРФ. Ф. 7445. Оп. 2. Д. 141. Л. 140; NCA, Vol. 6, p. 876 (N. D. C-52)]. Следовательно, необходимо было отбить у населения даже «охоту» к сопротивлению, то есть под ярлыком партизана мог быть уничтожен любой советский гражданин, ведь «охота» могла вестись за кем угодно. Кейтель и немецкое военное руководство до такой степени ясно понимали вопиющую преступность своих действий, что 27 июля 1941 г. генерал-фельдмаршал приказал уничтожить все экземпляры распоряжения от 13 мая 1941 г. о применении военной подсудности, но с оговоркой, что «исполнение данного распоряжения не затрагивается фактом уничтожения его письменных экземпляров»¹⁹.

С сентября 1939 по май 1941 г. ни в одной военной кампании не ставилось знака равенства между евреями, партизанами и саботажниками. Однако на пороге войны с Советским Союзом в специальном распоряжении № 1 начальника Верховного командования Вермахта к директиве № 21 от 19 мая 1941 г. говорилось о том, что борьба с большевизмом «требует строгих и решительных мер против большевистских агитаторов, партизан, саботажников и евреев...» [Уничтожение евреев, с. 37]. Напомню, что в случае венгерских оккупационных войск этот подход нашел выражение лишь весной 1942 г. в приказе № 10 руководства генштаба. В полемике с другими оппонентами мы уже подчеркивали и то, что отказу от соблюдения норм военного права того времени был дан дальнейший стимул

---

¹⁸ На английском языке см.: [NCA, Vol. 3, p. 637–639 (N. D. 886-PS)]. Более короткий вариант, помеченный 14 мая 1941 г., сохранился в архиве группы армий «Юг» [NCA, Vol. 6, p. 872–875 (N. D. C-50)]. Как записал Борман, Гитлер, узнав о призыве Сталина к партизанской войне, в присутствии Бормана, Геринга, Кейтеля и других ораторствовал о том, что это имеет свои «преимущества», так как партизанская война «дает нам возможность искоренить все, что противостоит нам» [Штрайт, с. 329].

¹⁹ Вопреки запрету, экземпляры распоряжения обнаружались в Нюрнберге [Бордюгов, с. 41; NCA, vol. 6, p. 875–876].

в особом приказе рейхсфюрера СС и начальника немецкой полиции Гимmlера от 31 июля 1942 г., в котором по психологическим причинам просто запрещалось употребление слова «партизан», разрешалось употреблять только слово «бандит»²⁰. После этого Кейтель, следуя директиве Гитлера, издал 16 декабря 1942 г. секретный приказ, в котором предоставил немецким солдатам право применять в борьбе с «бандитами» любые средства без ограничений, включая и ликвидацию женщин и детей! В этом приказе уже категорически заявлялось, что ни один немец не может быть привлечен к ответственности за свое поведение в бою против «бандитов и их сообщников» [Преступные цели, с. 132–133; ГАРФ. Ф. 7445. Оп. 2. Д. 96. Л. 86–87]. Странно, что Унгары, обладая исследовательскими навыками, знакомый с историей вермахта и изучавший эти документы, знающий немецкий язык, обходит вниманием приведенные факты при создании своей концепции.

В интересах укрепления нацистской власти военное руководство старалось использовать для поимки и ликвидации партизан и «подозреваемых в партизанской деятельности» местных врагов партизанского движения (евреев, саботажников и т. д.), которые по разным причинам пошли на службу к нацистам. Этот менее исследованный «слой» войны обладал характерными для гражданской войны чертами, в которых, с одной стороны, проявлялось наследие прежних антисоветских движений, а с другой – расчет на поддержку предателей (полицаев, выполнявших и функции палачей, доносчиков, дезертиров, в том числе офицерского состава). Унгары затратил много усилий, чтобы, приведя соответствующие данные и аргументы, выдвинуть на передний план явления *коллорационизма* и *предательства*, чтобы показать эти коррумпированные, морально развращенные нацистскими властями социальные группы «легитимными» противниками партизанского движения, антифашистов, боровшихся за свободу. Поскольку наш критик не сумел передать суть этого многоаспектного явления, я, учитывая объем статьи, хотел бы ограничиться единственным замечанием. Границу между двумя противостоявшими сторонами нельзя размыть ни на понятийном, ни на содержательном уровне. Придерживающиеся крайних взглядов историки, следуя этнонационалистической мифологизации предателей и коллаборантов, изображают их «третьей силой» между нацистской Германией и Советским Союзом²¹. В героев превращаются Бандера и его единомышленники или члены отрядов СС. Польско-немецкий историк-ревизионист Богдан Музиал, ссылаясь на описание

²⁰ Публикация приказа: [Война Германии, документ № 89]. В сентябре 1942 г. уже и венгерское военное руководство издало распоряжение о «борьбе с бандитами» и предупреждало о том, что следует избегать слова «партизан», которому придавалось положительное значение, см.: [Pálffy].

²¹ По этой тематике см., например: [«Свершилось. Пришли немцы!»]; см. также: [Христофоров, 2010].

преступлений, совершенных советскими партизанами, в моральном и политическом отношении уничтожает границу между партизанами и карателями [см.: Musial; Sowjetische Partisanen]²². Но именно эти работы для Унгвари наиболее авторитетны, хотя явственно видна их несостоятельность. В правовой и исторической аргументации венгерского ревизиониста происходит логическая подмена причины следствием: причиной тотальной войны и массового кровопролития, всех военных преступлений были не партизаны, а сами оккупанты, армии которых инициировали тотальную войну и геноцид населения.

В ходе дискуссии эта проблема была точно сформулирована Шандором Сили, указавшим на связь между антипартизанской борьбой и насилием против гражданского населения: «Венгерские охотники на партизан берегли собственную жизнь и вместо выполнения своих боевых задач охотнее прибегали к уничтожению беззащитного мирного населения, не желая рисковать своей жизнью в лесу в поисках вооруженных группировок. А перед военным руководством можно было отчитаться и о проведенной операции по „устрашению“»²³.

Список литературы

Арад И. Они сражались за Родину : Евреи Советского Союза в Великой Отечественной войне. М. : Мосты культуры ; Иерусалим : Гешарим, 2011. 456 с.

Бордюгов Г. Преступления Вермахта против гражданского населения // Истребительная война на Востоке : Преступления вермахта в СССР, 1941–1944 : доклады / под ред. Г. Горцка, К. Штанга. М. : АИРО, 2005. С. 40–53.

Варга Е. М., Краус Т. Замалчиваемый геноцид : Венгерские оккупационные войска на территории Советского Союза // Великая Отечественная война. 1943 год : Исследования, документы, комментарии / отв. ред. В. С. Христофоров. М. : Изд-во Гл. архив. управления г. Москвы, 2013. С. 285–312.

Великая Отечественная война. 1943 год : Исследования, документы, комментарии / отв. ред. В. С. Христофоров. М. : Изд-во Гл. архив. управления г. Москвы, 2013. 688 с.

Война Германии против Советского Союза, 1941–1945 : Документальная экспозиция к 50-летию со дня нападения на Советский Союз / под ред. Р. Рюрупа. Берлин : Argon, 1992. 288 с.

ГАРФ. Ф. 7445. Оп. 2. Д. 96, 141, 166.

Пикер Г., Хаффнер С. План «Ост»: как правильно поделить Россию. М. : ЭКСМО, 2011. 384 с.

Преступные цели – преступные средства. Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941–1944 гг.). 2-е изд., доп. М. : Политиздат, 1968. 383 с.

«Свершилось. Пришли немцы!» : Идеинный коллаборационизм в СССР в период Великой Отечественной войны / отв. ред. О. В. Будницкий. М. : РОССПЭН, 2012. 328 с.

Уничтожение евреев СССР в годы немецкой оккупации (1941–1944) : Сборник документов и материалов / ред. И. Арад. Иерусалим : Яд ва-шем, 1991. 424 с.

²² К историкам, придерживающимся подобных взглядов, принадлежат немецко-польский Б. Музиал, украинский В. Вятрович, американский Т. Снайдер. См. о духовном мире Снайдера: [Lazare].

²³ Выступление Шандора Сили в ходе дискуссии о сборнике документов, организованной Центром русистики и венгерским отделением Венгерско-российской смешанной комиссии историков 11 апреля 2013 г.

Христофоров В. С. Сталинград. Органы НКВД накануне и в дни сражения. М. : Моск. учебники, 2008. 239 с.

Христофоров В. С. Коллаборационисты отдельно взятого Локотского округа // 65 лет великой Победы : в 6 т. М. : МГИМО Ун-т, 2010. Т. 4. Другое лицо войны. С. 181–213.

Христофоров В. С. Органы госбезопасности СССР в 1941–1945 гг. М. : Изд-во Гл. архив. управления г. Москвы, 2011. 432 с.

Шнеер А. Плен. Советские военнопленные в Германии 1941–1945. М. : Мосты культуры ; Иерусалим : Гешарим, 2005. 623 с.

Штрайт К. «Они нам не товарищи...» : Вермахт и советские военнопленные в 1941–1945 гг. / пер. с нем. И. Дьяконова, предисл. и ред. И. Настенко. М. : Рус. ист. о-во ; Рус. панорама, 2009. 480 с.

1913. évi XLIII. Törvénycikk. III. Egyezmény az ellenségeskedések megkezdéséről // Wolters Kluwer : [website]. URL: <https://net.jogtar.hu/jogszabaly?docid=91300043.TV> (mode of access: 19.04.2020).

A folyó háború tapasztalatainak ismertetése. Partizánharcok // M. Kir. Honvéd Vezérkar főnöke 4. osztály. 10. sz. füzet. Budapest : Attila-Nyomda Rt., 1942. 67 o.

Bartha E. Sztálinizmus és terror: régi és új irányzatok az angolszász historiográfiában // Gulag. A szovjet táborrendszer története / szerk. T. Krausz. Budapest : Pannonica, 2001. O. 62–83.

Bartha E. Történetírás és ideológia: a totalitarizmusról folytatott vita // Múltunk. 2013. № 3. O. 6–38.

Der Kommissarbefehl 06.06.1941 // NS-Archiv. Dokumente zum Nationalsozialismus : [website]. URL: <http://www.ns-archiv.de/krieg/1941/kommissarbefehl.php> (mode of access: 19.04.2020).

Duna : Mediaklikk.hu : [website]. URL: <http://www.dunatv.hu/musor/videotar?vid=760162&pid=1034788> (mode of access: 21.02.2020).

Fóris Á. Holokauszt a Nyugati Megszálló Csoport területén. Az Államvédelmi Hatóság Ügyészi Kirendeltségének jelentései Pápa Nándor és társai ügyében, 1950. Január 12 // Eszmelet : [website]. 101. sz. 2014. Tavasz. URL: http://www.eszmelet.hu/foris_akos-holokauszt-a-nyugati-megszallo-csoport-teruleten (mode of access: 19.04.2020).

Gleason A. Totalitarianism: The Inner History of the Cold War. N. Y. ; Oxford : Oxford Univ. Press, 1995. 320 p.

Hellbeck J. Die Stalingrad-Protokolle. Sowjetische Augenzeugen berichten aus der Schlacht. Frankfurt a. M. : S. Fischer, 2012. 608 S.

Krausz T. Jaj a győzőknek? // Vitás kérdések a Szovjetunió és Kelet-Európa XX. századi történetében. Ruzsisztikai Könyvek XXXIII / szerk. T. Krausz. Budapest : Russica Pannonicana, 2011. O. 100–121.

Krausz T., Varga É. M. Egy könyvrecenzió – tizenkét csúsztatás // Történelmi Szemle. 2013. № 2. O. 325–340.

Lazare D. Timothy Snyder's Lies // Jacobin : [website]. 09.09.2014. URL: <https://www.jacobinmag.com/2014/09/timothy-snyders-lies/> (mode of access: 19.04.2020).

Musial B. Sowjetische Partisanen 1941–1944. Mythos und Wirklichkeit. Paderborn : Ferdinand Schöningh, 2009. 592 S.

NCA [Nazi Conspiracy and Aggression] : 10 vols. / ed. by Office of the United States Chief of Counsel for Prosecution of Axis Criminality. Nuremberg, Germany (1945–1946). Washington : U. S. Government Printing Office, 1946. Vol. 1–8.

Nolte E. Der Faschismus in seiner Epoche. Action française – Italienischer Faschismus – Nationalsozialismus. München : Piper, 1963. 633 S.

Ormos M., Krausz T. Hitler – Sztálin. Budapest : Pannonica, 1999. 324 o.

Pálffy L. Kiállításra termosz kávéval és szendvicsekkel // Magyar Nemzeti Digitális Archívum és Filmintézet : [official website]. 14.02.2013. URL: http://mandarchiv.hu/cikk/1546/Kiállításra_termosz_kaveval_es_szendvicsekkel (mode of access: 19.04.2020).

Romsics I. Magyarország története. Budapest : Kossuth Kiadó, 2017. 544 o.

Schmid T. Erzwingen Armut und Hinterwäldlertum Judenhass? // Die Welt : [website]. 28.10.2013. URL: <http://www.welt.de/kultur/article121262464/Erzwingen-Armut-und-Hinterwaeldlertum-Judenhass.html> (mode of access: 19.04.2020).

Sowjetische Partisanen in Weißrußland. Innenansichten aus dem Gebiet Baranovici. Eine Dokumentation / Hrsg. von B. Musial. München : De Gruyter Oldenbourg, 2004. 271 S. (Schriftenreihe der Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. Bd. 88).

Szabó M. Fasizmus és kommunizmus : François Furet és Ernst Nolte levélváltása I // Világosság. Vol. 41. 2000a. № 3. O. 7–26.

Szabó M. A "helyzethiány" ellenforradalma // Világosság. Vol. 41. 2000b. № 4. O. 53–58.

Szilágyi Á. Hideg évek. A magyar megszálló csapatok a Szovjetunióban // Élet és Irodalom : [website]. Vol. 57. 2013. № 12. Március 22. URL: <https://www.es.hu/cikk/2013-03-22/szilagyai-akos/hideg-evek.html> (mode of access: 19.04.2020).

Ungváry K. A magyar honvédség a második világháborúban. Budapest : Osiris Kiadó, 2004. 604 o.

Ungváry K. A magyar megszálló csapatok a Szovjetunióban. Levéltári dokumentumok 1941–1947 // Századok. Vol. 147. 2013. № 6. O. 1561–1581.

Ungváry K. Hősök? – A budapesti csata német katonai elitje. Budapest : Jaffa Kiadó, 2019. 352 o.

Vági Z., Kádár G. Szláv népiptás Kelet-Európában // ELTE PPK Holokauszt és Társadalmi Konfliktusok Program (HTKP) : [website]. URL: http://htkp.org/index.php?option=com_content&task=view&id=32&Itemid=33 (mode of access: 19.04.2020).

References

1913. évi XLIII. Törvénycikk. III. Egyezmény az ellenségeskedések megkezdéséről. In *Wolters Kluwer* [website]. URL: <https://net.jogtar.hu/jogszabaly?docid=91300043.TV> (mode of access: 19.04.2020).

A folyó háború tapasztalatainak ismertetése. Partizánharcok. In *M. Kir. Honvéd Vezérkar főnöke 4. osztály. 10. sz. füzet.* (1942). Budapest, Attila-Nyomda Rt. 67 o.

Arad, I. (2011). *Oni srazhalis' za Rodinu. Evrei Sovetskogo Soyuzu v Velikoi Otechestvennoi voine* [They Fought for Their Motherland. Jews of the USSR in the Great Patriotic War]. Moscow, Mosty kul'tury, Jerusalem, Gesharim. 456 p.

Arad, I. (Ed.). (1991). *Unichtozhenie evreev SSSR v gody nemetskoi okkupatsii (1941–1944). Sbornik dokumentov i materialov* [The Extermination of the Jews of the USSR during the Years of German Occupation (1941–1944). Collection of Documents and Materials]. Jerusalem, Yad va-shelem. 424 p.

Bartha, E. (2001). Sztálinizmus és terror: régi és új irányzatok az angolszász historiográfiában. In Krausz, T. (szerk.). *Gulag. A szovjet táborrendszer története.* Budapest, Pannonica, o. 62–83.

Bartha, E. (2013). Történetírás és ideológia: a totalitarizmusról folytatott vita. In *Múltunk.* No. 3, o. 6–38.

Bordyugov, G. (2005). Prestupleniya Vermakhta protiv grazhdanskogo naseleniya [The Wehrmacht's Crimes against Civilians]. In Gortsk, G., Shtang, K. (Eds.). *Istrebitel'naya voina na Vostoke. Prestupleniya vermakhta v SSSR, 1941–1944. Doklady.* Moscow, Assotsiatsiya issledovatelei rossiiskogo obshchestva, pp. 40–53.

Budnitskii, O. V. (Ed.). (2012). „Svershilos'. Prishli nemtsy!“. *Ideinyi kollaboratsionizm v SSSR v period Velikoi Otechestvennoi voiny* [It Has Happened. Germans Have Arrived!]. Ideological Collaborationism in the USSR during the Great Patriotic War]. Moscow, ROSSPEN. 328 p.

Der Kommissarbefehl 06.06.1941. (1941). In *NS-Archiv. Dokumente zum Nationalsozialismus* [website]. URL: <http://www.ns-archiv.de/krieg/1941/kommissarbefehl.php> (mode of access: 19.04.2020).

Duna : *Mediaklikk.hu* [website]. URL: <http://www.dunatv.hu/musor/videotar?vid=760162&pid=1034788> (mode of access: 21.02.2020).

- Fóris, Á. (2014). Holokauszt a Nyugati Megszálló Csoport területén. Az Államvédelmi Hatóság Ügyészi Kirendeltségének jelentései Pápa Nándor és társai ügyében, 1950. január 12. In *Eszmélet* [website]. 101. sz. 2014. Tavasz. URL: http://www.eszmelet.hu/foris_akos-holokauszt-a-nyugati-megszallo-csoport-teruleten (mode of access: 19.04.2020).
- GARF [State Archive of the Russian Federation]. Stock. 7445. List. 2. Dos. 96, 141, 166.
- Gleason, A. (1995). *Totalitarianism: The Inner History of the Cold War*. N. Y., Oxford, Oxford Univ. Press. 320 p.
- Hellbeck, J. (2012). *Die Stalingrad-Protokolle. Sowjetische Augenzeugen berichten aus der Schlacht*. Frankfurt a. M., S. Fischer. 608 S.
- Khristoforov, V. S. (2008). *Stalingrad. Organy NKVD nakanune i v dni srazheniya* [Stalingrad. The NKVD Apparatus before and during the Battle]. Moscow, Moskovskie uchebniki. 239 p.
- Khristoforov, V. S. (2010). Kollaboratsionisty otdel'no vzyatogo Lokotskogo okruga [Collaborators of Lokot District]. In *65 let velikoi Pobedy v 6 t.* Moscow, MGIMO Universitet. Vol. 4. Drugoe litso voyny, pp. 181–213.
- Khristoforov, V. S. (2011). *Organy gosbezopasnosti SSSR v 1941–1945 gg.* [The Apparatus of the USSR's State Security in 1941–1945]. Moscow, Izdatel'stvo Glavnogo arkhivnogo upravleniya goroda Moskv. 432 p.
- Khristoforov, V. S. (Ed.). (2013). *Velikaya Otechestvennaya voina. 1943 god. Issledovaniya, dokumenty, kommentarii* [The Great Patriotic War. 1943. Studies, Documents, Comments]. Moscow, Izdatel'stvo Glavnogo arkhivnogo upravleniya goroda Moskv. 688 p.
- Krausz, T. (2011). Jaj a győzőknek? In Krausz, T. (szerk.). *Vitás kérdések a Szovjetunió és Kelet-Európa XX. századi történetében. Ruzsiztikai Könyvek XXXIII.* Budapest, Russica Pannonicana, o. 100–121.
- Krausz, T., Varga, É. M. (2013). Egy könyvrecenzió – tizenkét csúsztatás. In *Történelmi Szemle*. No. 2, o. 325–340.
- Lazare, D. (2014). Timothy Snyder's Lies. In *Jacobin* [website]. 9 September. URL: <https://www.jacobinmag.com/2014/09/timothy-snyders-lies/> (mode of access: 19.04.2020).
- Musial, B. (2009). *Sowjetische Partisanen 1941–1944. Mythos und Wirklichkeit*. Paderborn, Ferdinand Schöningh. 592 S.
- Musial, B. (Hrsg.). (2004). *Sowjetische Partisanen in Weißrußland. Innenansichten aus dem Gebiet Baranovici. Eine Dokumentation*. München, De Gruyter Oldenbourg. 271 S. (Schriftenreihe der Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte, Bd. 88).
- NCA [Nazi Conspiracy and Aggression] : 10 vols. / ed. by Office of the United States Chief of Counsel for Prosecution of Axis Criminality. Nuremberg, Germany (1945–1946). (1946). Washington, U. S. Government Printing Office. Vol. 1–8.
- Nolte, E. (1963). *Der Faschismus in seiner Epoche. Action française – Italienischer Faschismus – Nationalsozialismus*. München, Piper. 633 S.
- Ormos, M., Krausz, T. (1999). *Hitler – Sztálin*. Budapest, Pannonica. 324 o.
- Pálffy, L. (2013). Kiállításra termosz kávéval és szendvicsekkel. In *Magyar Nemzeti Digitális Archívum és Filmintézet* [official website]. 14 February. URL: http://mandarchiv.hu/cikk/1546/Kiallitasra_termosz_kaveval_es_szendvicsekkel (mode of access: 19.04.2020).
- Picker, G., Haffner, S. (2011). *Plan „Ost”: kak pravil'no podelit' Rossiyu* [The „Ost” Plan. How to Divide Russia Properly]. Moscow, EKSMO. 384 p.
- Prestupnye tseli – prestupnye sredstva. Dokumenty ob okkupatsionnoi politike fashistskoi Germanii na territorii SSSR. (1941–1944 gg.)* [Criminal Goals – Criminal Instruments. Documents about Fascist Germany's Occupation Policy on the Territory of the USSR (1941–1944)]. (1968). 2nd Ed. Moscow, Politizdat. 383 p.
- Romsics, I. (2017). *Magyarország története*. Budapest, Kossuth Kiadó. 544 o.
- Rürup, R. (Ed.). (1992). *Voina Germanii protiv Sovetskogo Soyuza, 1941–1945. Dokumental'naya ekspozitsiya k 50-letiyu so dnya napadeniya na Sovetskii Soyuz* [Germany's War against the Soviet Union, 1941–1945. Documentary Exhibition Dedicated to the 50th Anniversary of the Attack on the Soviet Union]. Berlin, Argon. 288 p.

Schmid, T. (2013). Erzwingen Armut und Hinterwäldlertum Judenhass? In *Die Welt* [website]. 28 October. URL: <http://www.welt.de/kultur/article121262464/Erzwingen-Armut-und-Hinterwaeldlertum-Judenhass.html> (mode of access: 19.04.2020).

Shneer, A. (2005). *Plen. Sovetskie voennoplennye v Germanii 1941–1945* [Captivity. Soviet Prisoners of War in Germany, 1941–1945]. Moscow, Mosty kul'tury, Jerusalem, Gesharim. 623 p.

Streit, Ch. (2009). „Oni nam ne tovarishchi...”. *Vermakht i sovetskie voennoplennye v 1941–1945 gg.* [„They are not our comrades...”. The Wehrmacht and Soviet Prisoners of War in 1941–1945] / transl. by I. D'yakonov, pref. and ed. by I. Nastenko. Moscow, Russkoe istoricheskoe obshchestvo, Russkaya panorama. 480 p.

Szabó, M. (2000a). Fasizmus és kommunizmus : François Furet és Ernst Nolte levélváltása I. In *Világosság*. Vol. 41. No. 3, o. 7–26.

Szabó, M. (2000b). A „heyzethiány” ellenforradalma. In *Világosság*. Vol. 41. No. 4, o. 53–58.

Szilágyi, Á. (2013). Hideg évek. A magyar megszálló csapatok a Szovjetunióban. In *Élet és Irodalom* [website]. Vol. 57. No. 12. Március 22. URL: <https://www.es.hu/cikk/2013-03-22/szilagyi-akos/hideg-evek.html> (mode of access: 19.04.2020).

Ungváry, K. (2004). *A magyar honvédség a második világháborúban*. Budapest, Osiris Kiadó. 604 o.

Ungváry, K. (2013). A magyar megszálló csapatok a Szovjetunióban. Levéltári dokumentumok 1941–1947. In *Századok*. Vol. 147. No. 6, o. 1561–1581.

Ungváry, K. (2019). *Hősök? – A budapesti csata német katonai elitje*. Budapest, Jaffa Kiadó. 352 o.

Vági, Z., Kádár, G. (N. d.). Szláv népirtás Kelet-Európában. In *ELTE PPK Holokauszt és Társadalmi Konfliktusok Program (HTKP)* [website]. URL: http://htkp.org/index.php?option=com_content&task=view&id=32&Itemid=33 (mode of access: 19.04.2020).

Varga, E. M., Krausz, T. (2013). Zamalchivaemyi genotsid. Vengerskie okkupatsionnye voiska na territorii Sovetskogo Soyuzu [Suppressed Genocide. Hungarian Occupational Troops on the Territory of the Soviet Union]. In Khristoforov, V. S. (Ed.). *Velikaya Otechestvennaya voina. 1943 god. Issledovaniya, dokumenty, kommentarii*. Moscow, Izdatel'stvo Glavnogo arkhivnogo upravleniya goroda Moskvyy, pp. 285–312.

The article was submitted on 23.10.2019

Disputatio

Г. И. Сенников. Фото 1941–1942 гг.
Отряд подводного плавания Тихоокеанского флота.
Владивосток

G. I. Sennikov. Photograph 1941–1942.
Submarine detached unit of the Pacific Fleet.
Vladivostok

**ЭТО МОЙ МИР:
ФРОНТОВЫЕ ДНЕВНИКИ МАТРОСА-ПОДВОДНИКА**

Екатерина Постникова

Виктория Волкова

Магнитогорский государственный
технический университет,
Магнитогорск, Россия

**THIS IS MY WORLD:
A SUBMARINER'S BATTLEFIELD DIARY***

Yekaterina Postnikova

Viktoriya Volkova

Nosov Magnitogorsk State Technical University,
Magnitogorsk, Russia

Battlefield diaries written by simple soldiers and seamen are unique, rare, and practically uncensored sources of war anthropology. The authors combine the comparative historical method of literary criticism with source analysis, which enables them to consider the Great Patriotic War from the point of view of personal history and reveal the peculiarities of wartime ego-documents. The authors refer to the battlefield diary of G. I. Sennikov, a submariner of the Northern Fleet, written between 1943 and 1946. The diary combines the genres of a diary and an ego-document. The peculiarity of the text is the fact that it combines the functions of a battlefield diary (keeping the author's memories, having a therapeutic effect, etc.) and those of the individualisation process which helps the author to construct and preserve their own personality (self-identification, self-expression, philosophical, analytical, and vicarious functions, etc.) in the extreme conditions of war (from Murmansk between 1943 and 1944 to Crimea between 1944 and 1946). The autobiographic narrative bears the typical features of a diary, reflecting the development of a young Red Army sailor, i. e. severe self-criticism, the "other" individuality which the author painfully becomes aware of,

---

* *Citation:* Postnikova, Y., Volkova, V. (2020). *This Is My World: A Submariner's Battlefield Diary*. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 2. P. 623–638. DOI 10.15826/qr.2020.2.484.

Цитирование: Postnikova Y., Volkova V. *This Is My World: A Submariner's Battlefield Diary* // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 2. P. 623–638. DOI 10.15826/qr.2020.2.484 / *Постникова Е., Волкова В. Это мой мир: фронтовые дневники матроса-подводника* // *Quaestio Rossica*. Т. 8. 2020. № 2. С. 623–638. DOI 10.15826/qr.2020.2.484.

a frank and quite often uncomplimentary analysis of situations related to sexual relations. Additionally, the diary reflects the crucial stages in the sailor's personal growth. The author of the diary builds a world of his own and works out his own ethical code; also, he creates a life plan and sets goals for himself.

Keywords: Great Patriotic War; man at war; battlefield diaries; battlefield practices; autobiographic narrative; G. I. Sennikov.

Фронтовые дневники непосредственных участников боев, особенно солдат и матросов, являются уникальными и практически неподцензурными источниками антропологии войны. Обращение автора к литературоведческому сравнительно-историческому методу в соединении с источниковедческим анализом позволяет увидеть события Великой Отечественной войны сквозь призму личной истории, выявить специфику эго-документов военных лет. Источник данной работы – дневниковые записи 1943–1946 г. матроса-подводника Северного флота Г. И. Сенникова – сочетает в себе жанр военного событийного дневника и эго-документа. Особенностью изучаемого текста является соединение функций фронтового дневника (сохранение памяти, психотерапевтический эффект и др.) со специфическими функциями процесса индивидуализации, подчиненного задаче построения и сохранения собственной личности (самоидентификацией, самовыражением, философско-аналитической и компенсаторной функциями и др.) в экстремальных условиях войны (от Мурманска 1943–1944 г. до Крыма 1944–1946 гг.). В тексте автобиографического нарратива проявляются характерные черты дневника, связанные со становлением личности молодого краснофлотца: жесткая самокритика; болезненно прочувствованная собственная «иная», «другая» индивидуальность, нетипичность; откровенный, иногда некомплементарный анализ ситуаций, связанных с интимными отношениями; фиксация точек роста (взросления); создание собственного мира, «своего» пространства; выработка и фиксация собственного этического кодекса; построение программы жизни, задач на будущее.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; человек на войне; военные дневники; фронтовые практики; автобиографический нарратив; Г. И. Сенников.

Задачами целенаправленного систематического изучения антропологического аспекта истории войны, являющегося важнейшим ресурсом для понимания современности и социального прогнозирования, становятся поиск, атрибуция, введение в научный оборот новых источников. В архивах России военные дневники представлены единично, что обусловлено официальным запретом на их ведение (в целях безопасности), в отличие от фронтовых писем. Поэтому каждый такой текст представляет особую ценность как уникальный, практически неподцензурный документ, фиксирующий военные события.

Сотрудники Лаборатории народной культуры НИИ исторической антропологии и филологии МГТУ им. Г. И. Носова много лет работают над выявлением, атрибуцией, расшифровкой и публикацией документов личного происхождения Великой Отечественной войны [О войне из войны; «...Я умру, когда природа будет воскресать»]. В архиве лаборатории хранятся электронные копии трех фронтowych тетрадей матроса-подводника, штурманского электрика подводных лодок «М-107» («Новосибирский комсомолец») и «М-119» Г. И. Сенникова: первая тетрадь охватывает события войны на Севере (Мурманск, Полярное – Северный флот) с августа 1943-го по май 1944 г. (214 с.) и содержит в том числе подробное описание боев, гибели и побед подводных лодок, очерковые зарисовки сослуживцев и командиров. Вторая тетрадь – Крым (Черноморский флот) с сентября 1944-го по август 1945 г. (158 с.), третья тетрадь – с октября 1945-го по май 1946 г. – Крым, Балаклава (157 с.) [Архив ЛНК. РФ 42. Д. 1, 2, 3]. Вторая и третья (крымские) тетради отражают процесс «выхода из войны», позволяют отследить проявления посттравматического синдрома, исследовать проблему адаптации фронтовиков к послевоенной мирной жизни, дают представление о повседневной жизни послевоенного Крыма. Демобилизовался Георгий Иванович в феврале 1947 г.

Ведение дневников на фронте не поощрялось командованием. Но подводники были элитой военно-морского флота. После благополучного возвращения из боевого похода у Георгия Ивановича была возможность читать, писать, рисовать, фотографировать на базе подводников в Полярном (под Мурманском), о чем он неоднократно упоминает в своем дневнике. Штурманский электрик «М-119» обозначает точное место и комментирует условия ведения записей во время Великой Отечественной войны на Севере. В первой тетради читаем:

Часть команды, не занятая на вахте, укладывается спать, а т. к. отсек мой аккумуляторный, жилой, то я вскоре один остаюсь среди царства сна. Я не сплю (мы на ходу подзаряжаем батарею) и произвожу замеры в обеих ямах [Архив ЛНК. РФ. 42. Д. 1. С. 63].

Георгий Иванович вел запись показаний приборов в штурманском журнале и здесь же делал заметки (черновые). В крымских тетрадях он уточняет то место в лодке, где имел возможность уединиться с книгой или дневником:

В четвертом отсеке, под гирокомпасом, у меня есть уютное местечко. Там пропадаю я весь день, читая Роллана. Я не несу ходовой вахты и, если все мои приборы работают нормально, мне нечего делать [Там же. Д. 3. С. 103].

В семье Сенниковых сохранился черновик северной тетради, которую молодой краснофлотец прятал между страниц штурманского журнала и позднее переписал в чистовик. Сделано это было не позднее лета 1944 – мая 1946 г. Есть все основания утверждать, что три тетради дневников, которые сохранились в семье Сенниковых, написаны именно в Крыму. Первая тетрадь – это восстановленный, переписанный набело из черновика дневник, фиксирующий события войны на Севере (северный дневник). В двух крымских тетрадях записи делались сразу или почти сразу после события. Если сравнить два документа, черновик и чистовик северной тетради, которые соотносятся как претекст и текст, можно понять принципы самоцензуры. Вот что не вошло в чистовой вариант: горькая правда о гибели товарища, неудачная шутка, оскорбившая представителя другого рода войск («чудик авиационный»), нецензурное выражение (о самолете: «б... изобретение») [Архив ЛНК. РФ. 42. Д. 4].

Дневник Г. И. Сенникова можно отнести к *типу дневников периода индивидуализации* (согласно классификации О. Г. Егорова), так как он велся с 19 до 22 лет жизни автора [Егоров]. Процесс психологического становления личности завершается чаще всего к 25 годам. Восстановленный нами по наградным документам список экипажа подводной лодки «М-119» свидетельствует о том, что Георгий Иванович Сенников 1923 года рождения был на лодке одним из самых молодых. За эту молодость, страсть к чтению и самообразованию, по свидетельству командира «М-119» К. М. Колосова, за Сенниковым закрепилось прозвище «Студент» [Сенников, с. 4] (ил. 1 на цв. вклейке).

Обратимся к жанровой специфике и функциональным особенностям исследуемого эго-документа. Жанр дневника Георгия Ивановича можно определить как *фронтальной дневник*. Уникальность данного дневника заключается в соединении указанных типа и жанра (*дневник процесса индивидуализации и фронтальной дневник*). Этот эго-документ позволяет вникнуть в психологию самоосуществления юного бойца, проследить процесс становления его личности в экстремальных условиях войны. В дневнике Сенникова фронтальником-подводником решаются задачи установки системы ценностей, поиска духовно-нравственных ориентиров, самовоспитания, выработки волевых качеств и корректировки собственной личности, адаптации комбатанта к экстремальным условиям войны.

Главная функция фронтального дневника – *функция памяти*. Отсюда детальная фиксация событий, правды, отличной от официальной. Вот что Георгий Иванович рассказывает о том, как он оказался на лодке «М-119»:

Февраль 1944 г. Полярное.12/ II. Убит Яшка Васильев, штурманский электрик п/л «М-119», самый веселый, самый неугомонный паренек в бригаде. Умер самой идиотской смертью, какую только можно представить себе. Сам черт не разберется в этой истории. Самое неприятное то,

что эта смерть имела некоторое отношение ко мне. Сегодня я получил приказ: занять Яшкино место [Архив ЛНК. РФ. 42. Д. 1. С. 53].

Сохранился листок из дневника штурманского электрика, в котором смерть Якова Васильева описана иначе:

Вчера он поругался с радистом своей подводной лодки. А сегодня утром этот тип принес с лодки автомат и в упор всадил в Яшкину грудь девять пуль, зацепив по пути еще двух человек. А потом сел на койку и дал очередь по собственной голове, но, к несчастью, только ранил себя. Сам черт не разберет ничего в этой истории. Или люди до такой степени перенервничали, или... Факт тот, что Яшка, десяток раз бывавший в море, потопивший четыре немецких корабля, Яшка, награжденный за бесстрашие «Звездой», не раз смотревший в глаза смерти, побывавший не в одной переделке, погиб у себя в кубрике, дома, от руки своего товарища. Что может быть обиднее и паскуднее этого? Иду на Яшкино место. Не скажу, чтоб я пылал желанием попасть на этот мрачный кораблик, но очень часто на желания сейчас приходится плевать. Да и все равно. Иду, в общем, а что там – никто не может знать [Там же. Д. 4. С. 10].

В книге «Выстрел в бухте», изданной по материалам дневника (1969 г.), от этого эпизода осталась одна строка:

Сегодня меня вызвал к себе начальник штаба дивизиона и вручил приказ перейти на подводную лодку «М-119». У них погиб штурманский электрик. Я должен занять его место [Сенников, с. 7].

Перед нами феномен самоцензуры во фронтовых дневниках и цензуры в книгах о войне, изданных в советский период. Странички черновика автор дневника сохранил именно потому, что в них содержится более подробная и правдивая история гибели штурманского электрика «М-119», на чьем месте потом оказался Г. И. Сенников. В документах о потерях Северного флота зафиксирована эта дата «выбытия» Васильева Якова Афанасьевича 12 февраля 1944 г. с указанием «Погиб в бою» [Именной список безвозвратных потерь личного состава].

Дневник краснофлотца, даже подвергшийся самоцензуре, как ни один из официальных документов, может передать трагедию войны. Матрос-подводник не мог себе позволить откровенно написать о своем товарище, неожиданно для себя и других ставшем убийцей сослуживца. Но в дневнике Сенникова завеса тайны, окружающей это страшное событие, приоткрывается в апрельской записи. Листая первую северную тетрадь, мы обнаружили очень профессионально сделанный портрет матроса с подписью художника Сикорского и комментарием автора дневника:

Сикорский – бывший беспризорник, воспитанник детского дома. Кончил художественное училище. Прекрасно рисовал. (В эти годы было не до живописи.) Помню, однажды на вахте он нарисовал здоровенный портрет какого-то мужчины. Весь эффект заключался в том, что при близком рассмотрении весь портрет состоял из женских обнаженных фигур. Сделан он был здорово и, конечно, вызвал у матросов всеобщий восторг. Сам С. отличался веселым характером и был хороший товарищ [Архив ЛНК. РФ. 42. Д. 1. С. 146].

Автор комментария не скрывает своей симпатии к близкому по духу, по художественной натуре бывшему беспризорнику, при этом говорит о нем в прошедшем времени. Совершенно другими глазами видится эта запись, когда на сайте «Великая Отечественная под водой: о подлодках и подводниках 1941–1945 гг.» были обнаружены следующие подробности гибели Якова Васильева:

Васильев Яков Афанасьевич, 1920 г. р., старшина 2 статьи, командир отделения штурманских электриков подводной лодки «М-119». <...> 12 февраля 1944 года застрелен краснофлотцем Сикорским из мести за требовательность при проведении авральных работ. Похоронен в Полярном [Потери личного состава ПЛ СФ].

Не имея возможности откровенно изложить все обстоятельства трагедии, разыгравшейся в кубрике на базе подводных лодок в Полярном 12 февраля 1944 г., Сенников все же считает необходимым завуалированно выразить свое отношение к произошедшему и дать характеристику участникам событий.

Великая Отечественная война для Георгия Ивановича и его поколения являлась личным опытом, автобиографическим фактом, отраженным в эго-документах. Фронтовой дневник – это форма субъективной памяти о событиях Великой Отечественной войны.

Важнейшая функция ведения фронтového дневника – *психотерапевтическая*. Ее задача – притупить чувство страха, преодолеть его через объективизацию и рационализацию. Дневник юного матроса-подводника показывает, что страх – лейтмотив текста эго-документа. Страх угнетает, он неотвратимо преследует, а рассказать об этом товарищам стыдно, да и паниковать прилюдно перед боевым походом нельзя. Дневник в таком случае выступает в роли психоаналитика, которому можно выговориться, снять напряжение. В процессе внутреннего разговора, который автор дневника ведет сам с собой, происходят разрядка накопившегося напряжения и проработка внутренних конфликтов.

В дневнике Георгия Ивановича за 1943 г. есть такая запись:

Сегодня матросы с «Пятерки» поймали одну крысу каким-то хитрым способом. Они вытащили ее на верхнюю палубу и бросили за борт. Все мы, движимые каким-то нездоровым любопытством, стояли у поруч-

ней и жадно следили за тем, как она билась в воде, пытаясь долгое время безуспешно выбраться по отвесному борту корабля и, наконец, затихла, бессильно погрузив голову в воду. Неожиданно *острая боль сжала мое сердце*. Ведь, может быть, через несколько дней *и я буду вот так же биться* в безжизненных потоках воды, стараясь поймать стеклянным взором последний солнечный луч уходящей жизни... (декабрь 1943) (здесь и далее курсив в цитатах наш. – Е. П., В. В.) [Архив ЛНК. РФ. 42. Д. 1. С. 35].

Юный подводник не просто идентифицирует себя с гибнущим животным, фиксируя чувство страха, передавая его в художественном образе с помощью ярких эпитетов и метафор («стеклянный взор», «последний луч уходящей жизни» и т. д.), он пытается это чувство анализировать, то есть преодолеть страх, отодвинуть его, используя механизм рационализации. Автор беседует сам с собой, отвечая на собственные вопросы. В этом проявляется *аналитическая функция* военного дневника. Цитируем из северной тетради:

Что такое трусость и что такое храбрость? <...> А чего боится человек? Что страшит его? Или сам процесс умирания, физическая боль, или то, что ты перестанешь существовать? Мысль о том, что ты никогда уже больше не будешь – пожалуй, страшнее. И как это глупо – иметь способность размышлять на войне. По всякому поводу и без повода [Там же, с. 38].

Аналитический подход к экзистенциальному чувству страха перед смертью, пошаговый разбор смертельно опасных ситуаций во фронтных тетрадах Георгия Ивановича сочетается с такими специфическими чертами дневника процесса индивидуализации, как, например, идентификация и фиксация точек взросления. Показательна в этом отношении запись, сделанная 7 апреля 1943 г. после тяжелого мартовского похода «М-119» (28 марта – 2 апреля 1944 г.), в которой матрос-подводник задается вопросом «Кто я?»:

Итак, на повестке дня – я. Кто я такой – мне известно. (А известно ли?) Может быть, другие люди понимают нас лучше, чем мы сами? [Там же, с. 155].

Специфика работы над собственной идентичностью в травматических условиях войны проявляется в том, что главным критерием для идентификации выступает оппозиция «трусость – мужество». Георгий Иванович пишет:

*Два вопроса последние годы особенно сильно волновали меня. Именно волновали. Если бы они не были решены, о них не стоило бы писать. 1. Мое отношение к войне. 2. Мое отношение к женскому полу. Первый вопрос поставлен неверно. Проще этот вопрос было бы поставить так: *трус я или нет, слякоть или человек?* [Там же].*

Далее в этой записи следует жесткий системный анализ, причем с ретроспективным взглядом в прошлое и четкой фиксацией точек роста (взросления). Первая точка взросления, отмечаемая Георгием Ивановичем, относится к периоду начальной школы, детству в Омске. Идет описание детской драки, в которой герой, отчаянно сопротивляясь, заставляет соперника отступить:

Вероятнее всего, они решили: ну его к черту, ненормальный какой-то! Но, тем не менее, я *прослыл героем на весь свой квартал* [Архив ЛНК. РФ. 42. Д. 1. С. 156].

Вторая имеет отношение к подростковому периоду, связанному, скорее всего, со школой в Тевризе (поселок на Севере Омской области):

В шестом классе школы мне случилось пробыть три дня одному в тайге. Я заблудился. <...> Я с честью вышел из положения. И тогда я гордо решил, что *смело могу тягаться с героями Джека Лондона* [Там же].

Третья точка взросления связана со смертью матери в Омске, когда автору дневника было всего 15 лет (1938 г.):

Потом, через год, я хоронил мать. Она умерла буквально на моих руках, а рядом не было ни одного близкого человека. <...> Потом я собственными руками закапывал могилу единственного родного человека. А ведь мне было тогда *только 15 лет*. После этого *мне казалось, что сразу стал взрослым*. Я спрашивал себя: может ли теперь меня испугать хоть что-нибудь? И отвечал: нет! [Там же].

Четвертая точка взросления, отмеченная юным подводником, это фронт (после 1942 г.):

А теперь мне двадцать лет. Я на фронте, где каждый день представляется возможность проявить чудеса героизма. А я целый год, испытывая адские нравственные муки, ломал голову над вопросом: *трус я или не трус!* [Там же, с. 157].

Георгий Иванович описывает «первое крещение», когда, стоя на вахте на лодке, он стал свидетелем авианалета и впервые увидел «обыкновенный бой», крики, плач, вой самолетов и черные лужи крови на снегу. 19-летний матрос фиксирует физические признаки того ужаса, который ему пришлось пережить:

Глядя со стороны на эту страшную картину, я почти чувствовал, как шевелились волосы на моей голове от ужаса. Холодный пот на спине и в сжатых кистях рук. А в ногах – непрерывная противная дрожь... <...> Боже, как я страдал на другой день, именно на другой. Страдал нравственно, а эта боль бывает страшнее боли физической. *Страдал от мысли, что я... жалкий трус, ягненок, возомнивший себя волком* [Там же, с. 158].

В дневнике даже есть намек на возможное самоубийство, которое чуть не совершил молодой подводник, решив, что он трус. Спас положение только случайно услышанный разговор двух командиров подводных лодок «М-107» и «Щ-402» (Н. И. Павлицкого и А. М. Каутского), в котором они делились воспоминаниями о своих ощущениях после первого боя:

Краем уха я услышал разговор нашего командира с командиром краснознаменной «Щ-402». Этот увешанный орденами подводник, о мужестве и отваге которого ходили легенды, рассказывал нашему батю о том, как он чуть не умер от страха в первом бою [Архив ЛНК. РФ. 42. Д. 1. С. 159].

Необстрелянный краснофлотец взял на вооружение рецепт храбрости от своих командиров – шутить и даже смеяться в критический момент над собственным страхом.

Юный подводник как творческий человек ощущал острую *потребность в самовыражении*. Для него писать было так же естественно, как дышать. И эту важнейшую функцию дневника он осознавал как необходимую норму своего самоосуществления и собственного жизнетворения, как поведенческий стереотип:

В общем, все в порядке. *Солнце светит, земля вертится, я пишу*. Что пишу и для чего пишу – можете спросить египетского фараона. Сам я явно не знаю [Архив ЛНК. РФ. 42. Д. 2. С. 139].

Острое желание высказаться – это типичная черта дневника индивидуализации:

Иногда у меня появляется острое желание словоблудия. Вот и... (а как будет первое лицо от глагола блудить? И глагол-то какой!). Блудить. Блужу? Бр-р-р! <...> А зачем? [Архив ЛНК. РФ. 42. Д. 1. С. 155].

Пытаясь описать грандиозные события, в гуще которых он оказался, объективируя пережитое, молодой подводник мучительно осознает ограниченность своих писательских способностей. Ему трудно подбирать верные слова и фразы. Слог кажется корявым, ведь он находится в процессе выработки. Эти муки творчества, так знакомые любому художнику, оправдываются только жанром дневника, ведь это только для себя, не для другого:

Нет, опять не то! Не то! А впрочем – какого черта! Что, я роман пишу? Это *для себя, это мой мир*, а в нем я всегда разберусь [Там же. С. 38].

Создание «своего мира», своего личного пространства – важнейшая психологическая функция дневника человека, переживающего процесс психологического самоосуществления личности. Участвуя

в большом социальном событии, являясь частью огромного человеческого моря, молодой человек не мог активно сопротивляться судьбе, имел мало возможностей ощутить себя личностью, индивидуальностью. Фронтовой дневник для юного матроса – это попытка в огромном хаотичном мире создать «свое собственное» пространство, «свой мир» и через это прочувствовать свою обособленность, целостность, индивидуальность.

Георгий Иванович сам пытается понять, зачем он ведет дневник:

Слишком много глупостей на свете. Кругом! Хотя бы эта моя писанина. Зачем? Для кого? Логически рассуждая, нерациональная трата времени. Вещь, абсолютно никому не нужная. Никто не увидит ее. Самое вероятное – это то, что в конце концов эта тетрадка будет плавать вместе со мной где-нибудь на дне морском... но опять-таки наплевать. Я уже не могу без этого собственного уютного мирка. Он да письма – вот то, что я имею своего личного! [Архив ЛНК. РФ. 42. Д. 1. С. 54].

Подводником еще раз отмечается необходимость существования «своего личного» пространства для сохранения психологического равновесия. В этом проявляется *компенсаторная функция* ведения дневника во фронтовых условиях.

Важно, что мечтой, идеалом, вокруг которого создавался этот самый «свой мир», для фронтовиков часто была женщина. Исследователями не раз отмечалась важность фронтовой переписки, особенно писем от женщин, для психологического равновесия бойца. Для Георгия Ивановича такую роль играли письма от Л. (Любы), которые он получал регулярно в самые трудные годы войны. В крымском дневнике он пишет:

Желание, необходимость большой и светлой любви заставляли меня вкладывать душу в письмах к Л. <...> И это был мой мир, мир, наполненный прекрасными грезами, светлой мечтой. Он помог мне пронести себя благополучно через самые тяжелые испытания [Там же. Д. 2. С. 53].

Проблема взаимоотношений полов, остро переживаемая в период индивидуализации, по-особенному отражается во фронтовом дневнике матроса. Характерной его чертой являлась особая категоричность в этом вопросе. Женщины делятся на идеальных, «чистых» и на абсолютную их противоположность. Причем вторых, по мнению матроса-подводника и его товарищей, гораздо больше. Целомудренное отношение к женщинам – то, что выделяло Георгия Ивановича из «гильдии» («золотых списков») моряков, мешало вписаться в «матросское братство». Эта тема дает возможность болезненно прочувствовать свою «иную», «другую» индивидуальность, нетипичность. Отсюда постоянный страх, чтобы тетрадь не нашли и не прочитали матросы:

Сидели и болтали. В. говорила бессвязно, а в глазах ее я явно читал: «Ну обними же ты меня, целуй же наконец...» Но пусть меня вычеркнут из золотых списков буйных, бесшабашных, вечно веселых и любвеобильных моряков, а я просто не могу этого сделать после тех слов у Л., после писем. *Дай бог, чтобы эта тетрадь не попала в руки моих товарищей, иначе они сдерут с меня десять шкур за эти слова* [Архив ЛНК. РФ. 42. Д. 1. С. 57].

В дневнике матрос не раз описывает нелепые ситуации, связанные с женщинами, и в этих описаниях проявляется страх чужого взгляда, стороннего наблюдателя:

Я, конечно, никому не стал рассказывать эту историю. *Представляю, как бы веселились наши мальчики.* Но этого урока я, кажется, никогда не забуду [Там же. Д. 3. С. 91].

Ощущение инаковости выражается в самоопределениях «урод», «белая ворона»:

Мне положительно не нужно бывать там... *Черт возьми! Как я скверно устроен! Почему я не могу, как другие: провести вечер с любой, говорить этой любой все то, что я сказал бы только...* Ну и черт с ним! Но это ежевечернее смакование подробностей в кубрике. Это гадость. Мне всегда хочется сказать: «Ну зачем ты болтаешь, зачем трясешь своим грязным бельем перед всеми?» Беда в том, что никто не видит на этом белье грязи. Скорее наоборот [Там же. Д. 1. С. 40].

Или, к примеру, строчки из Крымского дневника 1944 г.:

Вечерет. Команда получает деньги. Матросы один за одним исчезают в сумерках. Будет шум в «Серой рыбе». Одного меня, вероятно, это мало трогает. <...> Вероятно, это плохо. Отрываться от коллектива нельзя даже в этом случае. Вероятно, *я просто урод, что не могу так, как все.* Но я не могу! [Там же. Д. 2. С. 39].

Особенно остро эта проблема встала уже после войны в Крыму, когда другие матросы, сослуживцы-подводники, отчаянно бросились наверстывать упущенное в отношениях с женщинами. Георгию Ивановичу такое «наверстывание», свободная любовь с женщинами легкого поведения давались очень трудно. Это мучительное состояние, связанное и с послевоенной депрессией, и с неудачей в любви (адресат писем Л. не дождалась его с фронта и вышла замуж) – постоянная тема крымского дневника:

А я... Я ушел. Сколько раз я буду уходить еще? Господи, почему мне такой пакостью кажется то, что для других служит источником радостей? *Почему я не могу как все? Быть белой вороной плохо. Очень плохо! Очень*

плохо, когда в тебя постоянно тычут пальцем. *Кто меня сделал таким? Мать? Книги? Или те письма?* Но ведь именно это, последнее, доказало и обратное... Я скоро или взорвусь, или наделаю глупостей [Архив ЛНК. РФ. 42. Д. 2. С. 153].

И, конечно, свои тревоги фронтовик, болезненно переживающий процесс «выхода из войны» и личную травму предательства любимой, мог доверить только дневнику.

О. Г. Егоров отмечает, что у большинства дневниковедов создание системы нравственных норм и выработка ценностей сопровождаются беспощадной критикой собственных недостатков [Егоров, с. 19]. *Жесткая самокритика* – это характерная черта дневников процесса индивидуализации. Не щадя себя, молодой матрос во фронтовом дневнике описывает ситуации, за которые ему «было стыдно». Это могла быть и «глупая» ситуация, как та, которая случилась, например, в новогоднюю ночь 1944 г., когда, выпив с товарищами, Георгий Иванович отправился «шататься» по Росте, которую всю ночь «долбили фрицы», и угодил в огромную воронку, из которой смог выбраться только под утро:

Так и «провоевал» всю ночь. Ребята уже думали, что меня угрохало, и искренно удивились, когда я утром заявился домой, весь в земле, но целый и невредимый. А потом я читал письмо с голубем на конверте, и *мне было стыдно* [Там же. Д. 1. С. 46].

Случались и опасные ситуации, чуть не стоившие жизни всему экипажу, как та, которую Георгий Иванович описывает в записи от 21 января 1944 г., когда, не прочитав инструкцию к новому прибору РУКТ-5, он рассыпал вещество из сетки. Далее он пишет:

Потом замел его и со спокойной душой ссыпал в ведро с промасленной ветошью. Я и не подозревал, что эта белая гадость бурно выделяет кислород. Произошел взрыв. Над ведром столбом поднялось пламя. И это в аккумуляторном отсеке! <...> Нас задраили с обоих концов. <...> А с Рыбачьего передали в штаб бригады: «Всплыла малютка. Из лодки идет дым». Похоже, там перепугались больше нашего [Там же, с. 48].

Фронтовой дневник дает представление *о жизни души* человека, рассказывает *историю эмоций* автора. Краснофлотец не скрывает от себя свои слезы перед лицом смерти:

И, наконец, неизбежное. Выходит из строя агрегат гирокомпаса. <...> Но я не пытаюсь поставить его на место и закрепить... Не все ли равно теперь, в каком положении он застынет? *В горле – ком слез. И не стараюсь их скрыть* [Там же, с. 137].

Он откровенно пишет о своих эмоциях: о навязчивом страхе, о том, как ему хочется то заплакать, то обнять товарищей или командира, и чувство радости переполняет его. Характерно, что в опубликованной в советское время по материалам дневника повести «Выстрел в бухте» именно история эмоций не нашла никакого отражения. Связанные с чувствами эпизоды были убраны. Таким образом, текст оказался абсолютно выхолощенным, сухим, обедненным.

Важнейшая функция дневника процесса индивидуализации – *построение программы (плана) на жизнь (задач, желаний, резюме)* на будущее. Значимым структурным элементом дневника является и система нравственных правил и требований, вырабатываемых в процессе самоосуществления личности. Мы можем утверждать, что, ведя дневник, юный матрос занимался и самовоспитанием, выработкой волевых качеств, корректировкой собственной личности.

Показательна в этом отношении запись из крымского дневника, датированная ноябрем 1944 г., которая, в сущности, представляет собой *этический кодекс*, свод незыблемых правил на всю оставшуюся жизнь, выработанных в тяжелейших условиях войны, экстремальных условиях существования на грани жизни и смерти:

Балаклава. Ноябрь 1944. Больше *узнавай людей. Старайся заглянуть в каждую душу*. Душа человеческая – самое ценное и самое интересное в мире. *Помни*, что серой природы и серых дней нет. В твоих же силах и воле сделать из серого розовое. Красота окружает нас всюду. *Умей* находить ее. *Будь* всегда жизнерадостен. Радость жизни! Пойми, прочувствуй эти слова. Прошлое всегда прекрасно. *Вспоминай его, но не жалея о нем*. Это лишняя боль. *Не заглядывай* в будущее раньше времени. *Живи сегодня*. Живи так, чтобы каждая минута была занята с пользой для тебя. Слово «люблю» – святое слово. *Береги* его, не бросайся им. *Будь честен* перед самим собой. Если ты считаешь, что прав, не обращай внимания на плохое мнение о тебе других. Если совесть твоя спокойна, значит, все, что ни говорят – неправда. *Никогда не жалуйся, не ной*, это недостойно мужчины. *Смейся в несчастье*, только в этом случае это не согнет тебя [Архив ЛНК. РФ. 42. Д. 2. С. 42–43].

Что касается жизненных планов и программы самообразования, характерных для дневников процесса индивидуализации, то в крымских тетрадах 1944–1946 гг. не раз появляется мысль соединить то и другое в студенческой жизни. Мечта поступить в университет и получить педагогическое образование (не зря на флоте у Георгия Ивановича была кличка «Студент») проявляется, например, в отрицательной самоидентификации, а точнее, в наименовании, которое подводник дает себе, в записи, посвященной рассказу об отпуске после войны, проведенном в Омске:

В конце концов я почувствовал себя в старом обличи *недоучившегося студента. Юрка, какими-то темными путями не попавший в армию и теперь кончающий институт, был неизмеримо выше меня. И никто не думал о том, что ведь я и подобные мне своей кровью и жизнью дали ему эту возможность. Война кончилась, и слишком многие постарались забыть ее поскорей* [Архив ЛНК. РФ. 42. Д. 2. С. 151].

Здесь стоит отметить, что свою мечту матрос-подводник впоследствии реализовал, закончив филологический факультет Саратовского пединститута и аспирантуру по русской литературе в Ленинградском педагогическом институте им. А. И. Герцена.

Великая Отечественная война сформировала личность краснофлотца Сенникова. Фронтные воспоминания были воплощены в повестях, рассказах и эссе. Характерно, что за год до смерти Георгий Иванович снова возвратился к теме войны как главной теме своей жизни, создав ряд живописных картин. Многие из воплощенных в этих картинах сюжетов в качестве этюдов содержатся во фронтных дневниках (например, сюжет из тетради № 1 «Выход в море. Оленья губа»). Последним произведением Г. И. Сенникова стала картина «Матрос», на которой спасающийся с горящего судна моряк плывет прямо на глубоководную мину (ил. 2 на цв. вклейке).

Анализ фронтных дневников Г. И. Сенникова показал, что одна из важнейших функций ведения дневника – реализация задачи, стоящей перед бойцом в экстремальных условиях войны, собрать свою личность, не дать ей рассыпаться. В данном случае мы солидарны с выводами представителя нарративной психологии: «Посредством текста организуется сама личность его носителя, нарратив является организующим фактом человеческой психики. Личность не предшествует порождаемому повествованию, а создает себя в процессе этого порождения» [Нуркова, с. 81]. Мы можем с большой долей уверенности утверждать, что в экстремальных условиях войны, рассказывая себе о себе, самовыражаясь, дневниковед *создавал свою личность*.

Дневники Георгия Ивановича как эго-документы военных лет убедительно показывают, что именно на фронте им были усвоены этические принципы, выработаны ценностные ориентиры, заданы стереотипы поведения и выбран жизненный сценарий. Война обеспечила исторический смысл контекста индивидуальной жизни. Этим объясняются некоторые функциональные особенности изучаемого эго-документа: соединение функций фронтного дневника (функции памяти, предполагающей детальную фиксацию событий войны и точку зрения на них, не всегда совпадающую с официальной, психотерапевтической функции, позволяющей преодолеть чувство страха) со специфическими функциями дневника процесса индивидуализации, подчиненного задаче построения и сохранения собственной личности. Вторым обусловлены такие специфические функции дневника молодого комбатанта, как самоидентификация (в том числе и через литературных

героев, и отрицательная), самовыражение, компенсаторная функция, философская и аналитическая функции, функция создания «своего мира», своего личного пространства, фиксации точек взросления (точек роста), самовоспитания, воспитания волевых качеств, корректировки собственной личности. Дневник процесса индивидуализации имеет специфику, связанную с личностью молодого подводника и ярко выраженную в тексте автобиографического нарратива: жесткую самокритику; болезненно прочувствованную собственную «иную», «другую» индивидуальность, нетипичность; откровенный, иногда некомплементарный для дневниковеда анализ ситуаций, связанных с интимными отношениями; выработку и фиксацию собственного «этического кодекса»; построение программы (плана) на жизнь, (задач, желаний, резюме) на будущее.

Список литературы

Архив лаборатории народной культуры (ЛНК). Фронтовые записи Сенникова Г. И. Рукописный фонд (РФ) 42. Д. 1, 2, 3, 4.

Егоров О. Г. Русский литературный дневник XIX века. История и теория жанра : Исследование. 2-е изд. М. : Флинта : Наука, 2011. 280 с.

Именной список безвозвратных потерь личного состава // Память народа : [официальный сайт]. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_donesenie77738801/ (дата обращения: 29.03.2019).

Нуркова В. В. Рассказывать о себе, рассказывать себя, рассказывать собой: автобиографический нарратив с позиции культурно-деятельностного подхода // Развитие личности. 2010. № 1. С. 73–92.

О войне из войны: народная письменность 1941–1945 гг. / сост. С. А. Моисеева, Т. И. Рожкова, И. В. Лосева, Е. Б. Дерябина. Магнитогорск : МГТУ, 2015. 336 с.

Постникова Е. Г., Моисеева С. А. Чтение на войне: рефлексия, терапия, самоидентификация (на материале дневников 1943–1945 гг. подводника Северного флота Г. И. Сенникова) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 8. Ч. 2. С. 251–257. DOI 10.30853/filnauki.2018-8-2.7.

Потери личного состава ПЛ СФ // Великая Отечественная под водой : [официальный сайт]. URL: http://www.sovboat.ru/dead/mean_sf.php3 (дата обращения: 29.03.2019).

Сенников Г. И. Выстрел в бухте. Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1969. 91 с.

Это и моя война: Великая Отечественная война в письменных и визуальных эгодокументах : сб. док. / под ред. А. Ю. Рожкова, И. Г. Тажитдиновой. Краснодар : Традиция, 2016. 592 с.

«...Я умру, когда природа будет воскресать»: дневниковые записи 1940–1943 гг. / сост. Т. И. Рожкова, С. А. Моисеева, И. А. Филиппова. Магнитогорск : МаГУ, 2010. 124 с.

References

Arkhiv laboratorii narodnoi kul'tury (LNK) [Archive of Folk Culture Laboratory (LNK)]. Frontovye zapisi Sennikova G. I. Rukopisnyi fond (RF). 42. Dos. 1, 2, 3, 4.

Egorov, O. G. (2011). *Russkii literaturnyi dnevnik XIX veka. Istoriya i teoriya zhanra. Issledovanie* [The Russian Literary Diary of the 19th Century. The History and Theory of Genre. Research]. 2nd Ed. Moscow, Flinta, Nauka. 280 p.

Imennoi spisok bezvozvratnykh poter' lichnogo sostava [Nominal Roll of Irrevocable Personnel Losses]. (N. d.). In *Pamyat' naroda* [official website]. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_donesenie77738801/ (mode of access: 29.03.2019).

Moiseeva, S. A., Rozhkova, T. I., Loseva, I. V., Deryabina, E. B. (Eds.). (2015). *O voine iz voiny: narodnaya pis'mennost' 1941–1945 gg.* [About the War from the War Perspective: Folk Writings from 1941–1945]. Magnitogorsk, Magnitogorskii gosudarstvennyi tekhnicheskii universitet. 336 p.

Nurkova, V. (2010). Rasskazyvat' o sebe, rasskazyvat' sebya, rasskazyvat' soboi: avtobiograaficheskii narrativ s pozitsii kul'turno-deyatel'nostnogo podkhoda [Telling about Oneself, Telling Oneself, Telling by Oneself: Autobiographical Narrative from the Standpoint of the Cultural Activity Approach]. In *Razvitie lichnosti* No. 1, pp. 73–92.

Postnikova, E. G., Moiseeva, S. A. (2018). Chtenie na voine: refleksiya, terapiya, samoidentifikatsiya (na materiale dnevnikov 1943–1945 gg. podvodnika Severnogo flota G. I. Sennikova) [Reading at War: Reflection, Therapy, Self-Identification (Based on the Diaries from 1943–1945 Written by Submariner of the Northern Fleet G. I. Sennikov)]. In *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. No. 8. Part 2, pp. 251–257. DOI 10.30853/filnauki.2018-8-2.7.

Poteri lichnogo sostava podvodnykh lodok Severnogo flota [Personnel Loss of the Submarines of the Northern Fleet]. (N. d.). In *Velikaya otechestvennaya pod vodoi* [official website]. URL: http://www.sovboat.ru/dead/mean_sf.php3 (mode of access: 29.03.2019).

Rozhkov, A. Yu., Tazhitdinova, I. G. (Eds.). (2016). *Eto i moya voina: Velikaya Otechestvennaya voina v pis'mennykh i vizual'nykh ego-dokumentakh* [This is My War: The Great Patriotic War in Written and Visual Ego-Documents]. Krasnodar, Traditsiya. 592 p.

Rozhkova, T. I., Moiseyeva, S. A., Filippova, I. A. (Eds.). (2010). "...Ya umru, kogda priroda budet voskresat'": dnevnikovye zapisi 1940–1943 gg. ["...I will die when nature resurrects": Diary Records from 1940–1943]. Magnitogorsk, Magnitogorskii gosudarstvennyi universitet. 124 p.

Sennikov, G. I. (1969). *Vystrel v bukhte* [A Shot in the Bay]. Sverdlovsk, Sredne-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo. 91 p.

The article was submitted on 05.05.2019

**ПРИБЫЛИ В ПОЛНОЙ СОХРАННОСТИ:
ЭВАКУАЦИЯ КОЛЛЕКЦИЙ ХЕРСОНЕССКОГО МУЗЕЯ
В СВЕРДЛОВСК***

Антон Мохов
Андрей Шаманаев
Карина Капсалькова
Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

**THEY ARRIVED COMPLETELY INTACT:
THE EVACUATION OF CHERSONESE MUSEUM
COLLECTIONS TO SVERDLOVSK****

Anton Mokhov
Andrey Shamanaev
Karina Kapsalykova
Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

This article considers the emergency evacuation of the collections of the Chersonese Historical and Archaeological Museum from Sevastopol to Sverdlovsk during the Great Patriotic War, between September and December 1941. The authors analyse some issues concerning the preparation and transportation of the museum collection and the interaction between state structures and cultural institutions in wartime conditions. The study is based on unpublished archival materials from the funds of the State Archive of Sverdlovsk Region and the Documentation Centre of Public Organisations of Sverdlovsk Region. The study of problems connected with saving cultural heritage during military conflicts is relevant considering the threat of local

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20–09–00106.

** *Citation:* Mokhov, A., Shamanaev, A., Kapsalykova, K. (2020). *They Arrived Completely Intact: The Evacuation of Chersonese Museum Collections to Sverdlovsk*. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 2. P. 639–651. DOI 10.15826/qr.2020.2.485.

Цитирование: Mokhov A., Shamanaev A., Kapsalykova K. *They Arrived Completely Intact: The Evacuation of Chersonese Museum Collections to Sverdlovsk* // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 2. P. 639–651. DOI 10.15826/qr.2020.2.485 / Мохов А., Шаманаев А., Капсалькова К. *Прибыли в полной сохранности: эвакуация коллекций Херсонесского музея в Свердловск* // *Quaestio Rossica*. Т. 8. 2020. № 2. С. 639–651. DOI 10.15826/qr.2020.2.485.

wars in the modern world. At present, military actions pose serious risks of the destruction, damage, and illicit transfer of museum exhibits. The authors employ the historical and anthropological approach, paying a great deal of attention to the historiography of the issue of cultural heritage preservation during the Great Patriotic War. The experience of evacuating heritage collections from the Chersonese Museum is both unique and typical. One hundred and eight crates of artifacts, books, and archival documents were sent from Sevastopol to Sverdlovsk, accompanied by a single employee of the museum, S. F. Strzelecki. Owing to his effort, the priceless collection was successfully delivered to the rear. Most problems faced during the emergency evacuation of the Chersonese collections related to the deficit of material resources, rapid changes in the situation at the front, inefficient interaction between the bodies of power, academic and cultural institutions, and deficiencies in the transportation system. The authors argue that during the early stages of the Great Patriotic War, the conditions in the military and cultural spheres posed a significant threat to the preservation of cultural heritage. There were no mobilisation plans for museums and the authorities failed to assess the real risks of wartime. Taking these factors into account should help diminish the threat of cultural heritage loss during military conflicts.

Keywords: Great Patriotic War; museum studies; Chersonese collection evacuation; S. Strzelecki; everyday life history.

Статья посвящена проблеме организации эвакуации музейных культурных ценностей в период Великой Отечественной войны из Херсонесского историко-археологического музея в сентябре-декабре 1941 г. из Севастополя в Свердловск. Авторы анализируют вопросы подготовки и транспортировки музейного собрания, опыт взаимодействия государственных органов и учреждений культуры в условиях военного времени. Исследование основано на архивных материалах личного происхождения из фондов Государственного Архива Свердловской области и Центра документации общественных организаций Свердловской области. Обращение к проблеме спасения культурных ценностей в период военных конфликтов также обусловлено опасностью локальных современных войн, где создаются риски уничтожения, повреждения и незаконного перемещения музейных экспонатов. Использован историко-антропологический подход, много внимания уделено историографии проблемы сохранения культурного наследия в годы Великой Отечественной войны. Опыт эвакуации ценностей Херсонесского музея одновременно уникален и типичен. Из Севастополя в Свердловск были отправлены 108 ящиков артефактов, книг, архивных документов, которые сопровождал единственный сотрудник музея С. Ф. Стржеleckий. Благодаря его усилиям бесценный груз без потерь был доставлен в глубокий тыл. Большая часть проблем, сопровождавших эвакуацию херсонесских коллекций, проистекала из дефицита материальных ресурсов, быстрого изменения обстановки на фронте, плохой организации взаимодействия органов власти, учреждений науки и культуры, недо-

статков транспортного обеспечения. Авторы полагают, что в начальный период Великой Отечественной войны существенную угрозу сохранению музейных ценностей представляли условия, сложившиеся в сферах военной и культурной политики государства: отсутствие мобилизационных планов музейных учреждений, неправильная оценка рисков военного времени. Учет этих факторов должен способствовать снижению угроз утраты объектов культурного наследия в периоды военных конфликтов.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; музейное дело; эвакуация коллекции Херсонеса; С. Ф. Стржелецкий; история повседневности.

В конце XX – начале XXI в. сохранение культурного наследия глобальной цивилизации стало осознаваться как одна из приоритетных мировых проблем [Harrison, p. 67–94], особенно это относилось к обеспечению безопасности объектов наследия в военных условиях. В современном мире локальные военные конфликты приводят к утрате, повреждению и незаконному перемещению культурных ценностей (ср. события в Сербии, Афганистане, Сирии и др.) [Roberts, p. 160–163; Manhart, p. 387–388; Wenzel, p. 316–321; АлАсаад, с. 222–234]. Эффективным способом спасения собраний музеев, библиотек, архивов является эвакуация коллекций в тыл. В начальный период Великой Отечественной войны в СССР был накоплен беспрецедентный опыт спасения национального культурного достояния, требующий серьезного научного анализа.

Среди огромного массива исследований, посвященных периоду Великой Отечественной войны, мало работ, посвященных изучению истории эвакуации музейных коллекций, что было отмечено А. М. Разгоном в 1985 г. Причину тому он видел в плохой изученности архивных материалов и ограниченности мемуарных источников [Разгон, с. 132]. Первые попытки создания обобщающих разработок по проблемам сохранения культурных ценностей в военные годы были представлены публицистическими изданиями [см., например: Бакуменко; Петровский]. Существенным вкладом в развитие темы стала монография Ю. З. Кантор, созданная с опорой на значительный массив архивных документов и материалов личного происхождения [Кантор].

История эвакуации коллекций музеев Крыма также рассматривалась в широком контексте проблем сохранения музейных ценностей как в советском тылу, так и на оккупированной территории [Бакуменко, с. 107–123; Андросов, с. 171–180; Кантор, с. 63–64, 192–203]. Деятельность сотрудников Херсонесского музея по спасению бесценных материалов раскопок долгое время была отражена только в научно-популярных очерках [Шевченко, с. 78–79; Кончин, с. 32–35]. Более развернутое представление об организации эвакуационных работ в Херсонесском музее дает статья Т. В. Диановой, написанная с использованием архивных источников [Дианова, с. 47–58].

С. Ф. Стржелецкий. Фото 1950-х гг.

S. F. Strzelecki. Photograph. 1950s

корреспондент АН СССР И. И. Минц (1896–1991), а главной целью ее деятельности было сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войне [Вклад ученых-историков, с. 50–61].

Уральский филиал Комиссии по истории Великой Отечественной войны начал функционировать в Свердловске летом 1942 г. Возглавил его академик АН СССР В. П. Волгин (1879–1962), заместителями были назначены академик АН СССР С. Г. Струмилин (1877–1974) и профессор В. В. Данилевский (1898–1960) [ЦДООСО. Ф. 520. Оп. 1. Д. 11. Л. 4]. Одним из направлений деятельности филиала стал сбор материалов о деятельности учреждений науки и культуры региона в условиях военного времени, в том числе эвакуированных из западных областей СССР. На совещании «работников искусства и культуры» 30 июля 1942 г., организованном Уральским филиалом, В. В. Данилевский обратил особое внимание на необходимость сохранить источники, характеризующие «самого человека, т. е. то, что очень слабо еще отражается в официальном материале: надо показать

Основная заслуга в успешной эвакуации археологических коллекций, архива и библиотеки Херсонесского музея принадлежит С. Ф. Стржеleckкому¹. Ценнейшим источником по истории эвакуации музейных ценностей Херсонеса является «Отчет об эвакуации Государственного историко-археологического Херсонесского музея (сентябрь–декабрь 1941 года)», написанный С. Ф. Стржеleckким в декабре 1942 г. в Свердловске² [ГАСО. Ф. Р-678. Оп. 1. Д. 454]. Создание этого документа, всего вероятнее, было связано с деятельностью Уральского филиала Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР (декабрь 1941 – декабрь 1945 г.). Инициатором создания комиссии являлся член-

¹ Станислав Францевич Стржеleckкий (1910–1969) родился в Севастополе. После окончания в 1938 г. аспирантуры Института истории материальной культуры (Ленинград) он стал научным сотрудником, позже – заведующим отделом Херсонесского музея [Даниленко, с. 320–321].

² В настоящее время документ хранится в ГАСО, в фонде Свердловского областного совета краеведения Народного комиссариата просвещения РСФСР [ГАСО. Ф. Р-678. Оп. 1. 1935–1946 гг. 510 ед. хр.]. Отчет С. Ф. Стржеleckкого напечатан на листах рулонной газетной бумаги, верхние и нижние края которых неровно обрезаны. До передачи в ГАСО он находился в делах Свердловского областного совета краеведения, а после его ликвидации в 1946 г. – в научно-краеведческой библиотеке Свердловского областного музея, о чем свидетельствуют соответствующие штампы на нескольких листах документа [ГАСО. Ф. Р-678. Оп. 1. Д. 454. Машинописная копия. Декабрь 1942 г., на 36 листах].

человека, его поведение, его образ, героикоу его действий» [ЦДООСО. Ф. 520. Оп. 1. Д. 7. Л. 4 об.]. На этом заседании директор филиала Государственного Эрмитажа в Свердловске В. Ф. Левинсон-Лессинг (1893–1972) призвал сохранить сведения об эвакуации предприятий и учреждений:

Этот материал будет иметь громадное значение. Этот материал может и должен собираться не в плане документа, а в плане живых рассказов участников, и здесь есть целый ряд моментов... которые иногда представляются интересными и ценными и ни в каких документах не отражены [Там же. Л. 21].

Следует отметить, что уже во второй половине 1942 – первой половине 1943 г. Уральский филиал комиссии получил письменные отчеты ряда вузов и музеев РСФСР и УССР, эвакуированных в Свердловск [Там же. Д. 8. Л. 81–171].

«Отчет» С. Ф. Стржелецкого является уникальным документом, содержащим, помимо прочего, сведения о повседневной жизни работника музейного учреждения на этапе транспортировки культурных ценностей к месту размещения в эвакуации³.

С первых дней войны сотрудники Херсонесского музея осознали масштабы угрозы объектам культурного наследия этого уникального памятника античной и средневековой истории. Музейные ценности и архитектурно-археологические памятники Крыма уже подвергались рискам повреждений и гибели в середине XIX в. В период Крымской войны войска союзников нанесли серьезный ущерб культурному слою Херсонеса, были похищены артефакты из раскопок конца 1840-х – начала 1850-х гг. [Шаманаев, с. 269]. В годы Первой мировой войны коллекции и архив херсонесских раскопок были эвакуированы в Харьков [Медведева, Всевиов, Мусин, Тихонов, с. 234]. Однако к 1941 г. подавляющее большинство музеев РСФСР не имело эвакуационных планов, кроме того, отсутствовали общие инструкции по отбору и подготовке к вывозу музейного имущества [Разгон, с. 130–131; Кантор, с. 34–35].

Отчет С. Ф. Стржелецкого демонстрирует трудности, которые возникли на этапе подготовки музейных фондов к вывозу в глубокий тыл. Хотя музей получил разрешение на эвакуацию 3 т груза, усилиями директора И. Д. Максименко (1894–1977) удалось вывезти 8 т музейного имущества [ГАСО. Ф. Р-678. Оп. 1. Д. 454. Л. 2]⁴. Существовали также проблемы с качеством тары для упаковки, в отчете фиксировались поломки и замены ящиков (л. 14–15). Собрание фо-

³ Ср. мемуары С. Г. Щеколдина (Алупкинский дворец-музей), в которых описываются неудачная попытка вывоза коллекций в тыл и их последующая жизнь в условиях оккупации [Щеколдин, с. 13–78].

⁴ В дальнейшем тексте статьи ссылки будут даваться только на это архивное дело, номера листов будут указываться в круглых скобках.

тонегативов было упаковано в ящики из-под сливочного масла, что спровоцировало попытку их кражи в порту Баку (л. 22).

Накануне отъезда заведующий фондами Р. Б. Ахмеров (1911–2000) был заменен научным сотрудником С. Ф. Стржелецким (л. 3). При этих обстоятельствах последний отправился в дорогу практически без личных вещей, получив 1500 руб. на расходы и полушубок от директора (л. 8, 26).

К вечеру 15 сентября 1941 г. к эвакуации были подготовлены 108 ящиков, содержащих 11 298 артефактов, 3 579 томов библиотеки, 573 архивных дела, 581 единицу научной картотеки, более 7 тыс. фотонегативов [Дианова, с. 50–52].

В условиях военного времени дорога из Севастополя до Свердловска заняла у С. Ф. Стржелецкого более трех месяцев. Согласно предписанию Наркомпроса, музейный груз следовало доставить морем в Новороссийск, далее предполагалась транспортировка по железной дороге до Свердловска. Таким образом, с некоторыми отклонениями, запланированный маршрут пролегал почти прямо на северо-восток (л. 6).

В отчете С. Ф. Стржелецкого подробно описаны события, связанные с отправкой груза Херсонесского музея из Севастополя: 16 сентября 1941 г. он был доставлен в порт, на следующий день погружен на баржу, выведенную на севастопольский рейд. Благодаря усилиям директора музея И. Д. Максименко 18 сентября 1941 г. работники музея самостоятельно разместили коллекции на теплоходе «Волга» (л. 4)⁵.

Ранним утром 19 сентября 1941 г. «Волга» в составе группы судов под конвоем тральщика и двух сторожевых катеров выдвинулась в сторону Новороссийска. О дальнейших событиях С. Ф. Стржелецкий писал:

В море узнал о распоряжении штаба флота – двигаться в Потю без захода в Новороссийск... Таким образом, утром 21 сентября «Волга» спокойно и без происшествий прибыла в Потю (л. 6).

Первая проблема, с которой столкнулся С. Ф. Стржелецкий после прибытия в Потю, заключалась в отсутствии вагона для перевозки музейных ценностей до места эвакуации. Основанием для выделения транспорта мог быть запрос Наркомпроса Крымской АССР, который никто в Потю не посылал. Безуспешными оказались как попытки установить связь с Крымским Наркомпросом, так и обращение в местный горком ВКП(б). В итоге вагон для имущества Херсонесского музея предоставил Севастопольский завод № 45, оборудование которого также

---

⁵ Самоходная плавбаза «Волга» (бывший испанский трансатлантический пассажирский лайнер *Juan Sebastián Elcano*) использовалась для перевозки грузов и людей из Одессы и Севастополя в порты восточного берега Черного моря [Плавучая база «Волга»].

вывозила «Волга». Поскольку вагон числился за заводом, С. Ф. Стржелецкий с грузом вынужден был следовать до Тбилиси, куда эвакуировали предприятие [ГАСО. Ф. Р-678. Оп. 1. Д. 454. Л. 6–7].

В столице Грузии вновь пришлось «добывать» средство для перевозки на самом высоком уровне. Выделить вагон разрешил первый заместитель председателя СНК Грузии Г. Ф. Стуруа (1884–1956) по просьбе вице-президента Академии наук Грузинской ССР С. Н. Джанашия (1900–1947). Большую помощь оказал начальник Закавказской железной дороги Г. С. Кикнадзе (1897–1973), что отметил Стржелецкий (л. 7–8, 13–14). В Красноводске следующий вагон (прежний пришлось освободить в Баку перед погрузкой на морской транспорт) удалось быстро получить при содействии местных органов НКВД (л. 25).

Вторая проблема, которую пришлось решать С. Ф. Стржелецкому, – отсутствие денежных средств для оплаты транспортировки. Закавказская железная дорога предварительно оценила дорожные расходы в 5 тыс. руб., которыми музей не располагал. Республиканская администрация не имела законных оснований для выдачи денег музею, находившемуся не в их ведении. Попытки получить гарантийное письмо от Наркомпроса РСФСР или Крымской АССР оказались безуспешными – связаться с этими учреждениями не удалось. Только 10 октября 1941 г. Наркомфин Грузинской ССР согласовал выделение Академией наук 4,5 тыс. руб. (л. 8–14).

Пока решался финансовый вопрос, возникло совершенно неожиданное препятствие. Транспортировка груза Херсонесского музея была оценена в 30 тыс. руб.! С железнодорожниками удалось договориться о перерасчете, но сопровождающему пришлось пойти на подделку: по документам, С. Ф. Стржелецкий вез учебники, бытовые вещи и т. п. Но только этот прием позволил снизить расходы более чем в шесть раз. Руководство Закавказской дороги не стало требовать большую часть штрафов за простой вагона (л. 11–14).

В дальнейшем отсутствие финансов заставило Станислава Францевича искать различные обходные пути для решения текущих вопросов. В Баладжарах ему удалось с помощью банки варенья (стоимостью 15 руб.) убедить диспетчера прицепить вагон к проходящему составу (л. 16)⁶. В Баку ящики разгружали пристанские рабочие трудбатальона, которым было обещано дать «на водку», благодаря чему «вся разгрузка обошлась в 50–60 рублей» (л. 22). В Красноводске С. Ф. Стржелецкий категорически отказался покидать судно. В отчете он так описывал эти события:

Вечером началась выгрузка парохода. Очередной бой, к счастью, словесный с попутчиками; грузился последним и своими ящиками закрыл все грузы. Прежде всего нужно выгружаться мне. Отказываюсь. Требуют

---

⁶ Баладжары – крупный железнодорожный узел в Азербайджане, в настоящее время входит в Бинагадинский р-н г. Баку.

убрать мои ящики – говорю, денег нет. Никогда в жизни меня так не ругали и столько людей сразу, но видя, что этим не поможешь, вынуждены были засучить рукава и вытащить мои ящики на палубу, чтобы добраться до своих. Три часа работали и три часа скопом «благословляли». Попало тут и моему начальству, и Наркомпросу. К утру на корабле остался я со своими ящиками (л. 24–25).

В середине октября вагон с музейным грузом оказался в «ловушке» в районе Баку. Почти месяц он перемещался между станциями Дивичи (совр. Шабран) в 120 км к северо-западу от столицы Азербайджана, Гильгиль-Чай (совр. Гильгильчай) и Сиазан (совр. Сиазань) (л. 14–19). Положение на фронте, между тем, все ухудшалось:

Наступили тревожные дни на Донбассе. Создается угроза, что дальнейшее промедление приведет к срыву проезда, даже через Тихорецкую и Сталинград. Мариуполь, Таганрог пали (л. 16)⁷.

Напрасные ожидания и опасения за сохранность музейных ценностей заставили Станислава Францевича искать альтернативный Свердловску вариант стационарного размещения коллекций. Опираясь на опыт, полученный в Грузии, он обратился за содействием в Азербайджанский филиал АН СССР (АзФАН). Уже после получения согласия разместить груз в одном из помещений дворца Ширваншахов, где находился Музей истории Азербайджана, его директор потребовал дополнительных согласований с АзФАН и СНК Азербайджанской ССР, что привело к категорическому указанию покинуть Баку в середине ноября 1941 г. (л. 20–21).

Содействие удалось получить у начальника специальной части АзФАН Тимошенко и научного сотрудника П. Н. Валуева, которые «по-советски подошли к делу сохранения государственных ценностей... С полуслова все понимали, не было необходимости лгать, выдумывать, преувеличивать значение научных материалов» (л. 23). Особенно С. Ф. Стржелецкий был благодарен Тимошенко, который обеспечил внеочередную погрузку на пароход из Баку в Красноводск (совр. Туркменбаши) (л. 21–22).

В пути от Севастополя до Свердловска С. Ф. Стржелецкий оказался в крайне сложных бытовых условиях. Проблемы с продовольствием возникли уже в октябре. Неоднократно возникали ситуации, когда продукты питания невозможно было купить, даже имея деньги. Так, говоря о стоянке на станции Гильгиль-Чай, он отметил, что «магазин есть, но проезжающим ничего не продают»; не было возможности купить продукты на перегоне Челябинск – Свердловск (л. 18, 31). После отъезда из Красноводска С. Ф. Стржелецкому пришлось несколько дней питать-

---

⁷ Мариуполь был захвачен немецкими войсками 8 октября 1941 г., Таганрог – 17 октября 1941 г. [Великая Отечественная война, т. 1, с. 171–173].

ся «омерзительными полусырыми кукурузными котлетами такой безумной цены, что больше трех штук в день не могу себе позволить» (л. 26).

Запасы хлеба удавалось пополнять, обращаясь в местные органы исполнительной власти; также поддерживали продуктами попутчики (л. 16–17, 27–31). В конце ноября 1941 г. во время почти недельного ожидания отправки со ст. Арысь Станислав Францевич решил на рискованный противозаконный шаг. Он обратился в горсовет с просьбой обеспечить хлебом 30 человек, якобы следующих с ним в одном вагоне. В список он включил «всех херсонесских работников... и знакомых историков Москвы и Ленинграда», что позволило получить 60 кг хлеба (л. 27–28)⁸. Последние восемь дней дороги от Чкалова до Свердловска ученому пришлось голодать (л. 29).

Не меньшие трудности возникли по мере приближения зимы и продвижения на север – с конца ноября 1941 г. ехать пришлось при температуре до -40°C (л. 25–26, 28). Несмотря на все препятствия, ученому удавалось заниматься научной работой и за время путешествия до Средней Азии «вчерне подготовить статью о мраморных барельефах, выдающихся памятниках раскопок 1935 года, рецензию на отчет о раскопках 1935 года и кое-что сделать для диссертации» (л. 15). После отправления из Красноводска от научных занятий пришлось отказаться: «чернила замерзли, даже читать пропала охота» (л. 26). Во время ожидания отправки со станции Арысь С. Ф. Стржецкий смог достать печку, уголь, вставил окно (л. 27). Однако топливо не всегда удавалось добыть, более или менее комфортные условия сменялись на ледяную стужу: «утром сверху на одеяле над головой – корка льда, образовавшаяся от паров дыхания» (л. 30).

23 декабря 1941 г. вагон прибыл в Свердловск, и на следующий день Станислав Францевич встретился с директором Свердловского областного краеведческого музея А. П. Курбатовой (1905–1987). Заведующий облоно Н. Ф. Хлесткин (1897–1943) «сразу же оказал содействие музею и мне. Для музея были выделены средства на доплату за проезд; я получил единовременное пособие и зачислен в число сотрудников краеведческого музея. Немедленно получил теплую комнату и обую. Музей выделил свой транспорт, и 1 января 1942 года имущество херсонесского музея было водворено в музей и картинную галерею Свердловска, занимаемую филиалом Гос. Эрмитажа» (л. 31).

Существенную помощь эвакуированному севастопольтцу оказали местные коллеги-историки. Е. Г. Суров, доцент Свердловского педагогического института, не только сам включился в работу по проверке вывезенного имущества, но и привлек к этому делу студентов. «В нетопленном помещении при температуре ниже 0° эти добровольцы самоотверженно тратились для блага музея» (л. 32–33). В работе с архивом, библиотекой и коллекциями херсонесского музея принимал

---

⁸ Арысь (*совр.* Арыс) – город в Туркестанской обл. Казахстана на железнодорожной линии Оренбург – Ташкент.

участие М. Я. Сюзюмов, который в 1942 г. завершал работу над кандидатской диссертацией. Сотрудничество свердловских историков и крымского археолога, начавшееся в годы Великой Отечественной войны, имело серьезное продолжение во второй половине 1950-х гг. при организации в Херсонесе Крымской археологической экспедиции Свердловского педагогического института (с 1959 г. – Уральского государственного университета) [Мохов, Капсалькова].

Оглядываясь на проделанный путь, Станислав Францевич отметил:

Так усилиями многих и многих советских патриотов, проследовав 6 000 км пути, переплыв два моря, пробыв в пути 105 дней и при затрате менее, чем 6 000 рублей, прибыли в полной сохранности ценнейшие собрания памятников, архив, научные материалы и библиотека в надежный тыл, где им была обеспечена полная безопасность и сохранность до окончания войны (л. 34)⁹.

Маршрут движения ценностей Херсонесского музея сложился так:
– 6 дней в Поти, 26 сентября – отправление в сторону Тбилиси, прибытие 28 сентября;

– 13 дней в Тбилиси, 10 октября – выезд в направлении Баку, прибытие 12 октября;

– 40 дней в окрестностях Баку (железнодорожные станции Баладжары, Сиазан, Гильгиль-Чай, Дивичи), 20 ноября – переправа через Каспий из Баку в Красноводск, прибытие 22 ноября;

– 3 дня в Красноводске, 24 ноября – отъезд по железной дороге в направлении Ташкента до станции Арысь, прибытие 29 ноября;

– 10 дней на станции Арысь, 6 декабря – отправление в Чкалов (Оренбург), прибытие 15 декабря;

– отъезд из Чкалова через Челябинск до Свердловска, прибытие 23 декабря 1941 г. (л. 6–31)¹⁰.

Опыт эвакуации коллекций Херсонесского музея в 1941 г. является примером своевременных и эффективных действий в условиях кризисной ситуации, угрожавшей сохранению объектов культурного наследия. В полной мере можно согласиться с утверждением Т. В. Диановой, что Херсонесский музей был единственным в Крыму (из 25 действовавших до начала войны), своевременно и в значительном объеме осуществившим эвакуацию фондов [Дианова, с. 50–51]. Вывоз ценностей других музейных учреждений проходил в условиях экстремальных рисков при транспортировке по Черному морю (это Севастопольская картинная галерея, панорама «Оборона Севастополя 1854–1855 гг.»), приводил к гибели целых собраний (Симферопольская картинная галерея, Пушкинский музей в Гурзуфе) или

⁹ 105 дней пути С. Ф. Стржелецкий отсчитывал от 18 сентября 1941 г. до 1 января 1942 г. [ГАСО. Ф. Р-678. Оп. 1. Д. 454. Л. 4, 31].

¹⁰ Здесь и далее названия станций даны по изданию: [Схемы железных дорог и водных путей сообщения СССР].

значительных комплексов (Керченский историко-археологический музей). На оккупированной врагом территории музейные коллекции подвергались систематическому разграблению [Шевченко, с. 78–82; Бакуменко, с. 108–123; Андросов, с. 172–178; Щеколдин, с. 33–77].

Анализ истории эвакуации коллекций Херсонесского музея наглядно показывает проблемы сохранения культурных ценностей в условиях войны: это отсутствие мобилизационного плана, неправильная оценка рисков военного времени, плохая организация межведомственного взаимодействия, слабая подготовка материального обеспечения вывоза и др. Каждый из этих факторов мог привести к невозможной утрате ценнейших объектов культурного наследия. В тоже время опыт спасения ценностей Херсонесского музея демонстрирует роль личности, значение человеческого фактора в деле сохранения исторической памяти и достижений российской и мировой цивилизации.

Список литературы

АлАсаад Ш. Историко-археологическое наследие Пальмиры и его сохранение в условиях военного конфликта // Поволжская археология. 2018. № 4 (26). С. 222–234. DOI 10.24852/2018.4.26.222.234.

Андросов С. А. Музеи Крыма в годы Великой Отечественной войны // Историческое наследие Крыма. 2004. № 6–7. С. 171–180.

Бакуменко М. Н. Сокровища в огне войны. Минск : Беларусь, 1990. 232 с.

Великая Отечественная война 1941–1945 гг. : Кампании и стратегические операции в цифрах : в 2 т. / рук. авт. коллектива М. Э. Морозов ; науч. ред. М. Ю. Моруков. М. : Объед. редакция МВД России, 2010. Т. 1. 608 с.

Вклад ученых-историков в сохранение исторической памяти о войне : На материалах Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР, 1941–1945 гг. / авт. текста и коммент. А. Г. Гуськов и др. ; отв. ред. С. В. Журавлев. М. : СПб. : Центр гуманитар. инициатив, 2015. 384 с.

ГАСО. Ф. Р-678. Оп. 1. Д. 454.

Даниленко В. Н. С. Ф. Стржелецкий // Советская археология. 1970. № 4. С. 320–321.

Дианова Т. В. Выставка «Херсонесский музей в годы Великой Отечественной войны» (по архивным материалам) // Крымский архив. 2016. № 1 (20). С. 47–57.

Кантор Ю. З. Невидимый фронт. Музеи России в 1941–1945 гг. М. : Полит. энцикл., 2017. 334 с.

Кончин Е. Не предам Херсонеса! // Вокруг света. 1981. № 10. С. 32–35.

Медведева М. В., Всевиов Л. М., Мусин А. Е., Тихонов И. Л. Очерк истории деятельности Императорской археологической комиссии в 1859–1917 гг. // Императорская археологическая комиссия (1859–1917): у истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия : К 150-летию со дня основания / науч. ред.-сост. А. Е. Мусин ; под общ. ред. Е. Н. Носова. СПб. : Дмитрий Буланин, 2009. С. 21–247.

Мохов А. С., Капсалькова К. Р. «Без Ваших работ не может быть археологии Крыма и Херсонеса...»: переписка М. Я. Сюзюмова и А. Л. Якобсона // Античная древность и Средние века. 2017. Вып. 45. С. 176–197. DOI 10.15826/adv.2017.45.012.

Петровский Н. В. По следам утраченных шедевров. М. : Крафт+, 2007. 302 с.

Плавучая база «Волга» // Краснознаменный Черноморский флот : [сайт]. URL: https://www.kchf.ru/ship/vspomog/volga_old.htm (дата обращения: 27.12.2019).

Разгон А. М. Эвакуация музеев и музейных коллекций в период Великой Отечественной войны // Слово о соратнике и друге : (К 80-летию А. М. Разгона) : науч. чтения / отв. ред. Т. И. Игумнова. М. : Гос. ист. музей, 1999. С. 122–133.

Схемы железных дорог и водных путей сообщения СССР. М. : Воен. изд-во Народного комиссариата обороны, 1943. 86 с.

ЦДООСО. Ф. 520. Оп. 1. Д. 7, 11.

Шаманаев А. В. Утрата культурных памятников в ходе Крымской войны // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2, Гуманитар. науки. 2013. № 3 (117). С. 265–273.

Шевченко В. И. Сокровища исчезнувших городов: записки музейного работника. Л. : Лениздат, 1948. 87 с.

Щеколдин С. Г. О чем молчат львы: Крым. Алушка. 1941–1944. Симферополь : Н. Орианда, 2009. 94 с.

Harrison R. *Heritage: Critical Approaches*. N. Y. : Routledge, 2013. 268 p.

Manhart C. The Afghan Cultural Heritage Crisis: UNESCO's Response to the Destruction of Statues in Afghanistan // *Am. J. of Archeology*. Vol. 105. 2001. Iss. 3. P. 387–388. DOI 10.2307/507361.

Roberts B. O. War Emergencies: Coordination and Preparedness Do Pay Off – an International Perspective // *Museum Management and Curatorship*. Vol. 16. 1997. No. 2. P. 160–163. DOI 10.1016/S0260-4779(97)00026-5.

Wenzel M. Bosnia and Herzegovina: Danger, through Social Readjustment to Cultural Property Which Had Survived War // *Museum Management and Curatorship*. Vol. 19. 2001. No. 3. P. 316–321. DOI 10.1016/S0260-4779(01)00053-X.

References

AlAsaad, Sh. (2018). Istoriko-arkheologicheskoe nasledie Pal'miry i ego sokhranenie v usloviyakh voennogo konflikta [The Historical and Archaeological Heritage of Palmyra and Its Preservation in the Conditions of a Military Conflict]. In *Povolzhskaya arkheologiya*. No. 4 (26), pp. 222–234. DOI 10.24852/2018.4.26.222.234.

Androsov, S. A. (2004). Muzei Kryma v gody Velikoi Otechestvennoi voiny [Museums of Crimea during the Great Patriotic War]. In *Istoricheskoe nasledie Kryma*. No. 6–7, pp. 171–180.

Bakumenko, M. N. (1990). *Sokrovishcha v ogne voiny* [Treasures in the Flames of War]. Minsk, Belarus'. 232 p.

Danilenko, V. N. (1970). S. F. Strzheletsii [S. F. Strzelecki]. In *Sovetskaya arkheologiya*. No. 4, pp. 320–321.

Dianova, T. V. (2016). Vystavka "Khersonesskii muzei v gody Velikoi Otechestvennoi voiny" (po arkhivnym materialam) [The Exhibition "The Museum of Chersonese during the Great Patriotic War" (Based on Archival Materials)]. In *Krymskii arkhiv*. No. 1 (20), pp. 47–57.

GASO [State Archive of Sverdlovsk Region]. Stock R-678. List 1. Dos. 454.

Harrison, R. (2013). *Heritage: Critical Approaches*. N. Y., Routledge. 268 p.

Kantor, Yu. Z. (2017). *Nevidimyi front. Muzei Rossii v 1941–1945 gg.* [The Invisible Front. Museums of Russia in 1941–1945]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya. 334 p.

Konchin, E. (1981). Ne predam Khersonesa! [I Will Not Betray Chersonese!]. In *Vokrug sveta*. No. 10, pp. 32–35.

Manhart, C. (2001). The Afghan Cultural Heritage Crisis: UNESCO's Response to the Destruction of Statues in Afghanistan. In *Am. J. of Archeology*. Vol. 105. Iss. 3, pp. 387–388. DOI 10.2307/507361.

Medvedeva, M. V., Vseviou, L. M., Musin, A. E., Tikhonov, I. L. (2009). Oчерк istorii deyatel'nosti Imperatorskoi Arkheologicheskoi Komissii v 1859–1917 gg. [An Outline of the History of the Activities of the Imperial Archaeological Commission in 1859–1917]. In Musin, A. E., Nosov, E. N. (Eds.). *Imperatorskaya arkheologicheskaya komissiya (1859–1917): u istokov otechestvennoi arkheologii i okhrany kul'turnogo naslediya. K 150-letiyu so dnya osnovaniya*. St Petersburg, Dmitrii Bulanin, pp. 21–247.

Mokhov, A. S., Kapsalykova, K. R. (2017). "Bez Vashikh rabot ne mozhет byt arkheologii Kryma i Khersonesa...": perepiska M. Ya. Syuzyumova i A. L. Yakobsona ["Without your work, there could be no archaeology of Crimea and Chersonese": M. Ya. Syuzyumov

and A. L. Jakobson's Correspondence]. In *Antichnaya drevnost' i srednie veka*. Iss. 45, pp. 176–197. DOI 10.15826/adsv.2017.45.012.

Morozov, M. E., Morukov, M. Yu. (Eds.). (2010). *Velikaya Otechestvennaya voina 1941–1945 gg. Kampanii i strategicheskie operatsii v tsifrakh v 2 t.* [The Great Patriotic War of 1941–1945. Campaigns and Strategic Operations in Numbers. 2 Vols.]. Moscow, Ob'edinennaya redaktsiya MVD Rossii. Vol. 1. 608 p.

Petrovskii, N. V. (2007). *Po sledam utrachennykh shedevrov* [In the Wake of the Lost Masterpieces]. Moscow, Kraft+. 302 p.

Plavuchaya baza “Volga” [The Volga Floating Base]. In *Krasnoznamennyi Chernomorskii flot* [website]. URL: https://www.kchf.ru/ship/vspomog/volga_old.htm (mode of access: 27.12.2019).

Razgon, A. M. (1999). Evakuatsiya muzeev i muzeinykh kollektzii v period Velikoi Otechestvennoi voiny [Evacuation of Museums and Museum Collections during the Great Patriotic War]. In Igumnova, T. I. (Ed.). *Slovo o soratnike i druge. (K 80-letiyu A. M. Razgona). Nauchnye chteniya*. Moscow, Gosudarstvennyi istoricheskii muzei, pp. 122–133.

Roberts, B. O. (1997). War Emergencies: Coordination and Preparedness Do Pay Off – An International Perspective. In *Museum Management and Curatorship*. Vol. 16. No. 2, pp. 160–163. DOI 10.1016/S0260-4779(97)00026-5.

Shamanaev, A. V. (2013). Utrata kul'turnykh pamyatnikov v khode Krymskoi voiny [Cultural Heritage Loss during the Crimean War]. In *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnye nauki*. No. 3 (117), pp. 265–273.

Shehekoldin, S. G. (2009). *O chem molchat l'vy: Krym. Alupka. 1941–1944* [What Lions are Silent about: Crimea. Alupka. 1941–1944]. Simferopol, N. Orianda. 94 p.

Shevchenko, V. I. (1948). *Sokrovishcha ischeznuvshikh gorodov: zapiski muzeinogo rabotnika* [Treasures of Disappeared Cities: Notes of a Museum Worker]. Leningrad, Lenizdat. 87 p.

Skhemy zheleznykh dorog i vodnykh putei soobshcheniya SSSR [Schematics of the Railways and Waterways of the USSR]. (1943). Moscow, Voennoe izdatel'stvo Narodnogo komissariata oborony. 86 p.

TsDOOSO [Documentation Centre of Public Organisations of Sverdlovsk Region]. Stock 520. List 1. Dos. 7, 11.

Wenzel, M. (2001). Bosnia and Herzegovina: Danger, through Social Readjustment to Cultural Property Which Had Survived War. In *Museum Management and Curatorship*. Vol. 19. No. 3, pp. 316–321. DOI 10.1016/S0260-4779(01)00053-X.

Zhuravlev, S. V., Gus'kov, A. G. et al. (Eds.). (2015). *Vklad uchenykh-istorikov v sokhranenie istoricheskoi pamyati o voine. Na materialakh Komissii po istorii Velikoi Otechestvennoi voiny Akademii nauk SSSR, 1941–1945 gg.* [Contribution of Historians to the Preservation of the Historical Memory of the War. With Reference to Materials from the Commission on the History of the Great Patriotic War of the USSR Academy of Sciences, 1941–1945]. Moscow, St Petersburg, Tsentr gumanitarnykh initsiativ. 384 p.

The article was submitted on 10.03.2020

«КОРЕННОЙ ПЕРЕЛОМ»: ДОВОЕННАЯ РЕФОРМА СОВЕТСКОГО ЗДРАВООХРАНЕНИЯ*

Сергей Затравкин

Национальный научно-исследовательский
институт общественного здоровья;
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

Елена Вишленкова

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

Елена Шерстнева

Национальный научно-исследовательский
институт общественного здоровья,
Москва, Россия

“A RADICAL TURN”: THE REFORM OF THE SOVIET SYSTEM OF PUBLIC HEALTHCARE**

Sergei Zatravkin

National Research Institute of Public Health,
National Research University Higher School of Economics,
Moscow, Russia

Elena Vishlenkova

National Research University Higher School of Economics,
Moscow, Russia

Elena Sherstneva

National Research Institute of Public Health,
Moscow, Russia

While analysing medical statistics from the Russian archives and the political speeches of medical administrators in the 1930s–1940s, the authors of this article discovered a tendency in the development of the healthcare system which

---

* Статья подготовлена в рамках программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» и с использованием средств субсидии в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5–100».

** *Citation:* Zatravkin, S., Vishlenkova, E., Sherstneva, E. (2020). “A Radical Turn”: The Reform of the Soviet System of Public Healthcare. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 2. P. 652–666. DOI 10.15826/qr.2020.2.486.

Цитирование: Zatravkin S., Vishlenkova E., Sherstneva E. “A Radical Turn”: The Reform of the Soviet System of Public Healthcare // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 2. P. 652–666. DOI 10.15826/qr.2020.2.486 / Затравкин С., Вишленкова Е., Шерстнева Е. «Коренной перелом»: довоенная реформа советского здравоохранения // *Quaestio Rossica*. Т. 8. 2020. № 2. С. 652–666. DOI 10.15826/qr.2020.2.486.

was dramatically different from the post-revolutionary era. The reform was ideologically grounded and consistently conducted in the USSR. During this time, the healthcare system was restructured and expanded in order to treat patients in the state's economic and military interests, which forced doctors to care more about workers' ability to work and production costs than about people's health. For this reason, access to free medical care was severely limited for Soviet citizens, but the range of services provided to workers in leading industries was expanded (including the establishment of medical centres in factories, sanatoriums and resorts, day nurseries, etc.). During the prewar decade, the public healthcare system expanded in terms of the number of hospitals, doctors, and patient capacity while reducing the quality of medical care caused by poor training, poor hospital facilities, lack of medicines and instruments, low-quality catering, etc. The authors reach conclusions about this seeming concern about the development of the healthcare system, comparing statistical data, optimistic official reports and revelatory narrative evidence, political debates of medical managers, and the accusations of party leaders. It is established that during the Great Terror (1937), reform critics were repressed and the assessment of state policy prohibited. In the postwar years, the reform of the 1930s was concealed by medical historians inside a 'grand narrative' of the past, which described the achievements of the healthcare system as aimed at saving the Soviet people's lives and health. The only possible and universally accepted approach was a myth about a consistent policy and quality science-based medicine available to everyone. The authors maintain that discourse control over the circulation of historical evidence about prewar healthcare policy made it impossible for researchers to see the discrepancies between politicians' statements, which were based on selective statistics, and social realities.

Keywords: history of Stalinism; history of medicine; Soviet public healthcare; medical education.

Анализируя медицинскую статистику из архивных фондов и политические выступления медицинских администраторов 1930–1940-х гг., авторы статьи обнаружили, что направленность в развитии здравоохранения этого периода радикально отличалась от послереволюционного времени. Реформа была идеологически обоснована и последовательно проводилась в СССР, за это время система здравоохранения была перестроена и развернута с целью излечения пациентов в экономических и оборонных интересах государства, что заставило врачей заботиться не о здоровье, а о трудоспособности рабочих и о себестоимости продукции. В ходе реформы был резко ограничен доступ советских граждан к бесплатной медицинской помощи, но расширен спектр услуг, предоставляемых рабочим ведущих отраслей промышленности (были созданы медицинские пункты на предприятиях, санатории и курорты, открыты ясли). За предвоенное десятилетие государственное здравоохранение нарастило экстенсивные показатели по числу больниц, врачей, больничных коек и снизило качество медицинской помощи из-за слабой подготовки кадров, необустроенности больниц, отсутствия инструментов и лекарств, плохого питания пациентов и т. п. Эта псев-

дозабота о развитии здравоохранения выявлена через сопоставление статистических данных, официальных бравурных отчетов и разоблачительных нарративных свидетельств, через политические дебаты медицинских администраторов и их обвинения в адрес партийных лидеров. Установлено, что во время «большого террора» 1937 г. критики реформы были репрессированы, а ее оценка в последующем дискурсе была запрещена. В послевоенные годы реформа 1930-х гг. была спрятана историками медицины в «большой нарратив» советского прошлого, который демонстрировал успехи здравоохранения в области сохранения жизни и здоровья советских людей. Был принят в качестве единственно возможного широко распространяемый миф о поступательно реализуемой политике и качественной, доступной всем научной медицине. Установленный тогда дискурсивный контроль над циркуляцией исторических свидетельств о довоенной политике здравоохранения не позволял исследователям увидеть расхождения между утверждениями политиков, основанными на выборочной статистике, и социальными реалиями.

Ключевые слова: история сталинизма; история медицины; советское здравоохранение; медицинское образование.

Летом 1930 г. на VII Съезде здравотделов нарком здравоохранения М. Ф. Владимирский укорял собравшихся в зале: «Товарищи! А где же ваша пятилетка, где ваши контрольные цифры... нет коренного перелома во всей работе» [Владимирский, с. 3]. С завершением съезда в СССР началась реформа здравоохранения, продолжавшаяся до начала войны.

Ретроспективно она кажется парадоксальной. На фоне высокопарной риторики о здоровье населения в 1930-е гг. ширились практики массового уничтожения людей. При росте численности медицинских кадров и лечебных учреждений был радикально ограничен доступ населения к медицинской помощи. А «освобождение» женщин и вовлечение их в публичное пространство сопровождалось установлением государственного контроля над их телами (запретом аборт) и требованиями репродукции.

Историография советской медицины и сталинизма не проясняет этой картины, в ней сосуществуют взаимоисключающие объяснения указанных противоречий. Одни авторы считают, что политика 1930-х гг. была логическим продолжением принципа «классовости» революционных лет [Сорокина, Морозов, с. 35], другие – что она привела к радикальной трансформации ранее аполитичной и теоретически ориентированной сферы в политизированную и практическую программу по достижению рационального и модернизированного общества [Хоффманн, с. 137].

О коренном переломе заявляли агитационные брошюры 1930-х гг., но протагонисты этой политики постарались об этом

забыть в более поздние времена. И чем больший временной интервал отделял от исследуемого периода, тем лаконичнее становились его описания. Намерения большевистского правительства в годы Гражданской войны и индустриализации рассматривались как единый фронт борьбы с эпидемиями и голодом, заботой о здоровье граждан. В этих летописях славы стерлись имена и споры наркомов здравоохранения, а показатели эффективности обрели статус аксиом. В современных российских учебниках по истории для студентов медицинских вузов 1930-е гг. представлены единой грандиозной стройкой, в которую внесли лепту советские врачи [Лисицын, Улумбекова; Лисицын; Сорокина].

Иную версию предложили исследователи сталинизма, использовавшие подходы М. Фуко. Изучая социальную инженерию и властные практики сталинских сподвижников, они сделали объектом внимания латентные конфликты интересов. Л. Энгельстайн, С. Г. Соломон, Р. Девис, а позднее Д. Хоффманн объясняли разрывы в советской политике утратой медицинской профессией экспертных функций и растущей закапсулированностью партийной элиты [Field; Weissman, p. 97–120; Solomon, p. 206–208]. Поскольку критика действий государства со стороны социалгигиенистов с земским прошлым раздражала партийцев, с конца 1920-х гг. их начали вытеснять из здравоохранения и заменять «красными врачами». А после отставки социалгигиениста Н. А. Семашко построенная по территориальному принципу система здравоохранения, ориентированная на борьбу с эпидемиями, была заменена на производственную, нацеленную на рост трудовых ресурсов. Последующие исследования Д. Хоффмана и М. А. Колерова [Hoffmann, 2003; Hoffmann, 2011; Колеров, 2017; Колеров, 2018] указали на общеевропейский тренд того времени – стремление подчинить медицину экономическим приоритетам государства. Советская специфика, считает А. Сампф, состояла лишь в полном исчезновении частной врачебной практики и провальной политике обеспечения амбициозных проектов партии финансовыми и людскими ресурсами [Sumpf, p. 724–726]. Этим провалом, а также тем, что к 1934 г. ВКП(б) удовлетворилась ликвидацией буржуазных классов и заявила о достижении социализма, Хоффманн объясняет сворачивание реформы здравоохранения [Хоффманн, с. 137].

В силу скудного набора документальных источников, циркулирующих в научном обороте, многие вопросы оказались за пределами исследований и до сих пор остаются открытыми. На некоторые из них мы и намерены ответить в данной статье. В чем заключалась новая программа здравоохранения? Произошел ли в 1930-е гг. отказ советского государства от социально ориентированной медицины? Почему, несмотря на рост численности медицинских учреждений и кадров, преемник Владимирского Каминский критиковал его политику как провальную? Была ли эта критика отказом от реформы?

Начало реформы: 1929–1934

Установка на переключение здравоохранения с потребностей населения на экономические интересы государства была дана в декабре 1929 г. в постановлении ЦК ВКП(б) «О медицинском обслуживании рабочих и крестьян». Вскоре полномочия наркома здравоохранения были переданы от Н. А. Семашко М. Ф. Владимирскому. Профессиональный революционер, входящий в партийную элиту, задачу партии воплотил в программу конкретных действий. На VII Всероссийском съезде здравоотделов он призвал медиков «вклиниться в хозяйственную работу страны», обеспечить повышение производительности труда и снизить себестоимость выпускаемой продукции [Владимирский].

Новые задачи разъяснились медикам на съездах и совещаниях, в партийной и профессиональной печати, в учебниках для студентов. Не здоровье и жизнь, а себестоимость продукции и производительность труда стали главными ориентирами в работе врачей.

Медицинская помощь государству

Реализация этой программы потребовала перестройки системы здравоохранения. Самыми радикальными новшествами стали отказ от принципа общедоступности медицинской помощи и переход к обслуживанию отдельных групп населения, дифференцированных в зависимости от их места в социалистическом строительстве. И хотя большевики говорили о классовой медицине, фактически услуги стали предоставляться не классам, а конкретным производственным группам, приносящим прибыль государству, и объем этих услуг напрямую зависел от размера прибыли, а также от отчислений предприятий на медицинское страхование.

Самыми привилегированными в новой схеме оказались рабочие химической, горной и металлургической промышленности (I группа). Если рассмотреть объем планируемой внебольничной помощи, то для этой категории был установлен норматив в 16,5 посещения в год на одного застрахованного, и 8 – для каждого члена семьи. Следующую категорию составляли пищевики, текстильщики, бумажники, швейники, кожевники (II группа). Для них устанавливался норматив из расчета 13,5 посещения на одного застрахованного (на члена семьи – 7,4). Прочие застрахованные и приравненные к ним городские жители формировали III группу и обеспечивались амбулаторной помощью из расчета 10,2 посещения на одного застрахованного (на члена семьи – 6,8). Рабочим совхозов полагалось 6, а застрахованным труженикам колхозов – 4 посещения в год. Таким же образом выстраивались и нормативы стационарной помощи: 11,08, 9,85 и 5,84 койки на 1 тыс. застрахованных каждой группы соответственно (на иждивенцев – 6,5; 4,95; 4 койки на 1 тыс. соответственно) [Материалы к пятилетнему плану, с. 16, с. 25–26].

На этом пациенты со свободным доступом к государственной медицине заканчивались. Незастрахованным колхозникам был уста-

новлен показатель стационарной помощи в одну-две койки на 1 тыс. чел., а индивидуальный сектор деревни мог рассчитывать лишь на получение «родильной, заразной и неотложной помощи» [Там же, с. 16]. Из незастрахованных горожан бесплатную помощь получали лишь дети, а взрослые – только в неотложных случаях и при острых заразных заболеваниях (2,15 койки на 1 тыс. чел.).

Все остальные виды медицинской помощи незастрахованные горожане могли обрести за личные средства. У нас нет оснований согласиться с утверждением А. Сампфа об исчезновении в 1930-е гг. частной врачебной практики, она не была запрещена. Более того, по постановлению ВЦИК и СНК 1930 г. частному врачу полагалась дополнительная площадь для ведения приема, он лишь должен был зарегистрироваться в местном органе здравоохранения, вести журнал пациентов и книгу доходов. Сегментация и ограничения в доступе к благам государственной медицины позволили плановикам построить в социалистическом государстве новую социальную иерархию.

Лицом к производству!

В начале 1930-х гг. произошел «поворот лечебно-профилактических учреждений лицом к производству» [Владимирский, с. 4]. Это означало перераспределение ресурсов с направлением их в главные промышленные районы страны. Участие медицины в производстве было институционализировано в здравпункты, действующие на предприятиях, МТС, в колхозах и совхозах¹.

На Первом совещании врачей промышленных предприятий РСФСР (октябрь 1930 г.) здравпункты были объявлены «аванпостом советского здравоохранения» [Владимирский, с. 12]. Наряду с оказанием первой помощи при травмах, внезапных заболеваниях и профессиональных отравлениях, производственные врачи были обязаны проводить санитарно-гигиенические мероприятия, заниматься их санитарным просвещением, попутно формируя идейные установки для поддержания трудового энтузиазма.

В тандеме со здравпунктами повсеместно должны были появиться ясли². Их задача состояла в том, чтобы обеспечить максимальное использование женского труда, не лишив страну естественного прироста населения. Для перестройки сознания женщин была развернута широкая агиткампания с выпуском плакатов, демонстрирующих радость матерей, освобожденных от детей. В той же экономическо-маскулинной логике принимались и последующие решения. Так, для освобождения женщин от ухода за больными детьми в 1931 г. ясли

---

¹ В течение 1930-х гг. было создано в общей сложности 9 824 постоянных здравпункта на промышленных предприятиях и бесчисленное число здравпунктов при МТС, в колхозах и совхозах, действовавших во время посевных и уборочных кампаний.

² Историю и идеологию появления ясель и детских садов в России начиная с конца XVIII в. см.: [Кароли].

обязали обслуживать и заболевших младенцев; были открыты круглосуточные ясли для детей, чьи матери работали в ночные смены.

Динамика роста постоянных ясельных мест в 1930-е гг. была колоссальной: в 1928 г. в стране их насчитывалось только 62 054, а в 1932 г. – уже 600 178! Кроме того, более 4 млн мест числилось в сезонных яслях, создававшихся на селе во время посевной и страды [РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 18. Д. 192. Л. 42].

Санитарное законодательство

Санитарная ситуация в стране, порождавшая высокую инфекционную заболеваемость, вела к потерям рабочей силы, а значит, ущемляла экономические интересы государства. Но решение санитарных задач было сопряжено с финансовыми затратами, а следовательно, увеличивало себестоимость продукции и снижало темпы промышленного роста.

Власти попытались справиться с этой дилеммой традиционно – посредством декларативных постановлений и приказов, изданных в 1930-е гг. в огромном количестве. Они установили жесткие требования к строительству и санитарному благоустройству населенных мест и предприятий, к санитарной охране атмосферного воздуха, почвы и водоемов, к озеленению и др. Более того, в 1931–1939 гг. Наркомздрав РСФСР разрабатывал Санитарный кодекс, призванный кодифицировать все законодательные акты в области санитарии. В конце 1933 г. была учреждена Государственная санитарная инспекция, наделенная широчайшими полномочиями. По закону санинспекторы могли привлекать виновных в санитарных нарушениях к административной и уголовной ответственности и даже до решения суда закрывать предприятия, если их эксплуатация была сопряжена с вредом для здоровья и др.

Творчество чиновников в установлении санитарных норм позволило им решить три задачи: убедить современников, а затем и историков в неустанной заботе партии и правительства о здоровье граждан [Егорова]; возложить ответственность за санитарное благополучие на местные власти; наконец, действительно улучшить состояние единичных предприятий, сумевших изыскать на это средства без ущерба для промфинплана.

В старые кадры влить новых людей!³

Новая программа здравоохранения нуждалась в новых («красных») врачах. Вместо земского врача-универсала с широкой теоретической и клинической подготовкой требовалось поставить стране медиков «с широким общественно-политическим кругозором и организаторов активности широких масс трудящихся» [Резолюции VII Всероссийско-

---

³ Название раздела из доклада Владимирского [Владимирский, 1930, с. 14].

го съезда здравотделов, с. 137]. Для этого в 1930 г. медицинские факультеты были преобразованы в самостоятельные институты и переданы из Наркомпроса в Наркомздрав. В институтах появились специализированные факультеты: лечебно-профилактический, санитарно-гигиенический, охраны материнства, младенчества и детства (далее – ОММ). Для повышения пропускной способности вузов сроки обучения были сокращены до 3,5–4 лет за счет уменьшения объема общетеоретической и клинической подготовки, что следовало компенсировать непрерывной производственной практикой и методами массового обучения (бригадно-лабораторный метод, Дальтон-план и др.).

Через рабочие факультеты в медицинскую специальность пришли рабочие. Их доля среди студентов-медиков была установлена партийным постановлением в 75 %. «Через пять лет мы будем иметь врачей – бывших текстильщиков, металлистов и т. п., – рисовал будущее Владимирский, – они сейчас работают на фабриках, а через пять-шесть лет будут лечить рабочих этих фабрик» [Владимирский, с. 10]. В 1930 г. в медицинских институтах решили открыть вечерние отделения и ввести «две смены непрерывного года и два приема в год» [Резолюции VII Всероссийского съезда здравотделов, с. 138]. Так что индустриальные принципы ускорения и увеличения выпускаемой продукции применялись и в образовании.

Корректировка реформы: 1934–1941

Но вскоре обнаружили неожиданные негативные последствия реформы для государства и его граждан. Перекосы дали о себе знать уже в конце первой пятилетки, когда в кабинетных интригах рождались «контрольные цифры» следующего пятилетнего плана. На волне обнаружившихся конфликтов к управлению здравоохранением в 1934 г. пришел Г. Н. Каминский. Имея большой опыт партийно-хозяйственной работы, он решительно взялся за новое дело. Вполне вероятно, что он был частью команды С. Орджоникидзе, отвечавшего за подъем тяжелой промышленности. Это дало ему некоторые бонусы, например, возможность перевести медико-инструментальные и химико-фармацевтические заводы из Наркомтяжпрома в Наркомздрав.

В полемике с Госпланом и ВЦИК новый нарком отстаивал отраслевые интересы, объяснял специфику медицинской сферы, ее несводимость к инструментам индустриализации. В 1936 г. ему удалось получить добро на учреждение Наркомздрава СССР и возглавить эту общегосударственную структуру. При этом Каминский был не противником, а скорее протагонистом начатой реформы. Именно поэтому в течение второй и третьей пятилеток нормативы оказания медицинской помощи по группам рабочих хоть и пересматривались, но сам подход оставался прежним [Об основных установках плана по здравоохранению на 1937 год]. Так что гипотеза Д. Хоффмана о свертывании в 1934 г. политизированной программы Владимирского не подтверждается.

Санитария на предприятиях

Несмотря на создание Госсанинспекции и серию строгих законов, санитарное состояние большинства предприятий и населенных пунктов оставалось удручающим. Но в условиях приоритета промфинплана чиновники убеждали врачей не замечать санитарные нарушения. Власть директоров заводов была выше авторитета Госсанинспекции [Поддубный].

Инспекторы знали, что во всех случаях, когда они встанут на защиту санитарных норм, за нарушителей вступятся профильные наркоматы, которые не допустят остановки предприятия. В свою очередь, прокуратура и суды под разными предлогами отказывали в возбуждении дел и преследовании нарушителей санитарных законов [Поддубный, с. 29]⁴, причем не только Госсанинспекции, но даже органам ОГПУ! Одно из спецсообщений секретно-политического отдела ОГПУ с описанием чудовищной обстановки в рабочих бараках на Сталинградском тракторном и ряде других заводов завершалось словами: «Материалы были переданы в прокуратуру, но результатов по ним до сих пор нет» [ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 11. Д. 47. Л. 479–480].

Суммировав эти сведения, Каминский добился Постановления XVI Съезда Советов (1935), в котором признавались «слабость и безвластность санитарного надзора, приводящие к безнаказанности администраторов и хозяйственников» [Постановления КПСС и Советского правительства об охране здоровья народа, с. 244]. Но и оно не привело к улучшениям. По всей видимости, санитарные законы принимались декларативно, и их соблюдение мешало ускоренной индустриализации. Поэтому Санитарный кодекс также не был принят. В 1939 г., когда окончательный вариант текста поступил в СНК на согласование, промышленные наркоматы отказались его визировать [Поддубный, с. 26].

Больницы и ясли: количество и качество

В результате переброски основных финансовых и кадровых ресурсов на приоритетные для страны направления образовался их дефицит в других сферах здравоохранения, прежде всего в больничном строительстве. Формально число больниц и коек неуклонно росло (в 1928 г. – 5 700 больниц и 247 тыс. коек, в 1940 г. – 13 666 больниц и более 790 тыс. коек [РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 18. Д. 192; Оп. 41. Д. 65. Л. 213]), но цифры не должны вводить исследователей в заблуждение. Во-первых, это количество не покрывало потребностей страны в стационарной помощи. По расчетам Наркомздрава, потребность в больничных койках в 1932 г. составляла 8,5 на 1 тыс. населения. На деле даже в 1940 г. в СССР име-

⁴ Исключением из этой практики были лишь предприятия пищевой промышленности, в отношении которых советская власть позволила провести несколько десятков показательных процессов. Так, в 1933 г. было закрыто 16, а в 1934 г. – 172 пищевых предприятия [Каминский, 1935, с. 22].

лось всего 4,36 койки на 1 тыс. населения [Здравоохранение в СССР, с. 48–49]. Во-вторых, этот рост был обеспечен за счет снижения качества больниц и обслуживания в них. Чаще всего они не строились, а открывались в непригодных зданиях (бараках, избах и др.) [Об основных установках плана по здравоохранению на 1937 год, с. 7], планировка которых не допускала развертывания важных структурных подразделений больниц, многие не имели водопровода, канализации, электроснабжения, нуждались в ремонте.

Каминский сокрушался: «Придите во многие больницы, которые имеют всесоюзные имена... в качестве больного, и вы рискуете иногда получить... нервную травму только от одного факта помещения вас в эту больницу. Антисанитария, грубость... Больница сразу производит на вас тягостное впечатление» [Каминский, 1936, с. 18]. Он приводил и противоположные примеры, но как исключение, как результат самоотверженной работы главврачей, и то лишь тогда, когда им удавалось получить помощь от колхозов и предприятий.

Морально устаревшее оборудование и аппаратура в больницах дополняли безрадостную картину. По подсчетам Наркомздрава, в середине 1930-х гг. обеспеченность лечебных учреждений даже таким оборудованием составляла около 20 % [Каминский, 1936, с. 24], инструментами – 5–25 %, медикаментами – около 20 % [Каминский, 1935, с. 68]. Купить лекарства в аптеках тоже было непросто [Там же, с. 26].

О том, что представляли собой ясли, свидетельствуют результаты их проверок. В постановлении ВЦИК и СНК РСФСР сообщалось об их скудном обеспечении и антисанитарном состоянии [О ясельном обслуживании, с. 467–468]. У воспитателей не было возможности изолировать больных детей, что поддерживало постоянные вспышки инфекций. Сельские ясли нередко размещали в домах колхозников: днем там находились младенцы, а вечером – хозяева. Воспитателей использовали на полевых работах, а за грудничками следили дети и подростки. Проверяющие от Наркомздрава сокрушались, что колхозное руководство больше переживает за гибель телят, нежели детей [ГАРФ Ф. А-482. Оп. 24. Д. 1277. Л. 7, 9, 13, 14, 32, 36].

Тем не менее необходимость яслей никто не подвергал сомнению. К 1940 г. число постоянных мест в них выросло до 854 046, а расходы на содержание учреждений системы ОММ достигли 25 % от общих расходов на здравоохранение [Ковригина, с. 18–30].

Распределение и подготовка врачей

Поскольку врачей тысячами направили в здравпункты и на санитарную работу, в больницах и амбулаториях возник острый дефицит кадров. Концентрация ресурсов на обеспечении промышленных рабочих привела к фактическому отказу в медицинской помощи сельчанам. В 1930-е гг. на 10 тыс. сельского населения приходился 0,7–1 врач. Каминский разоблачал цифры Госплана: «В 1930 г. в деревне работало 8 280 врачей, а в 1933 г. – 6 180. Две тысячи врачей за три года

сбежали из деревни... Мы обслуживаем сейчас только 20 % рожениц, 80 % наших колхозниц еще вынуждены пользоваться помощью бабок и повитух или обходиться вообще без всякой родильной помощи» [XVI Всероссийский съезд Советов, с. 427, с. 435].

Снижение уровня подготовки врачей обернулось беспрецедентным ростом ошибок в диагностике и лечении, пугающими результатами так называемого «хирургического хулиганства». Но поскольку такие случаи были массовыми, «красных» врачей не судили даже за гибель пациента, а отправляли доучиваться.

Слушавший обличительные выступления Каминского Сталин назвал на XVII съезде ВКП(б) низкий уровень медицинского образования «недостатком, граничащим с нарушением интересов государства». Это позволило наркомун принять контрмеры. В 1934 г. в медицинские вузы был возвращен пятилетний срок обучения. Вскоре были восстановлены вступительные экзамены, отменены новаторские педагогические технологии, восстановлены прежние объемы теоретических и клинических дисциплин.

Однако установка на удвоение числа врачей сохранялась. В 1928 г. в стране было 25 медицинских вузов, а к 1940 г. – 72. Экспансия породила дефицит преподавателей, помещений, лабораторного оборудования, аппаратуры, учебников. Тем не менее численность лиц с врачебным дипломом увеличилась в СССР почти вдвое: с 63 219 чел. в 1928 г. до 122 796 в 1940 г. Но достигнуто это было только ценой снижения качества их подготовки.

Результаты реформы

Каминскому и его команде удалось сгладить остроту реформы, но они не изменили ее направления. Подчинение человеческого фактора экономическим задачам диктовало решения, далекие от социальной справедливости и декларируемой гуманности. Чтобы представить, сколько людей оказались лишены бесплатной специализированной медицинской помощи, следует соотнести число застрахованных и общую численность населения. К началу 1930 г. из 157 млн граждан застрахованными были лишь 10,5 млн чел. [Вопросы труда в цифрах, с. 78]. К 1940 г. их число увеличилось до 32 млн, но и общая численность населения – до 192 млн.

Реформа даже в откорректированном виде радикально не изменила санитарное состояние страны. Оставаясь тяжелым, оно обеспечивало рост заболеваемости и смертности от инфекций, болезней органов пищеварения и дыхания. Если в 1929 г. суммарная заболеваемость 11 основными острозаразными заболеваниями (брюшным, сыпным и возвратным тифом, оспой, малярией, скарлатиной, корью, коклюшем, дифтерией, дизентерией и гриппом) составляла на 10 тыс. населения 678,7 случая, то к 1940 г. – 1060,5 [Затравкин, Харбриев, Щепин, с. 350–356] (+ 56,3 %). Как свидетельствуют архивные документы, за период с 1935 по 1940 г. показатель смертности горожан от болезней органов

дыхания вырос с 15,9 до 35,9 (+125,8 %), от болезней органов пищеварения – с 20,4 до 35,5 (+ 74 %), от инфекционных заболеваний – с 32,8 до 53,9 на 10 тыс. населения (+ 64,3 %) [РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 33. Д. 2638].

В 1940 г. показатель общей смертности в СССР превышал аналогичный показатель в США более чем в два раза (в СССР – 21,7 на 10 тыс. населения [Андреев, Дарский, Харькова, с. 120], в США – 10,8 на 10 тыс. населения). По младенческой смертности различия были еще существеннее: в СССР умирало 184 младенца из 1 тыс. родившихся живыми, в США – 55 [Андреев, с. 108–128]. Ясли внесли в это свою лепту.

Что же касается выполнения промфинплана и увеличения производительности труда, то здесь цели были достигнуты. Было организовано около 237 тыс. колхозов, 4 159 совхозов и 7 069 МТС, построено около 9 тыс. крупных промышленных предприятий, созданы новые отрасли – автомобилестроение, станкостроение и др. Промышленное производство росло ежегодно на 11–16 %, к 1940 г. СССР по объему выпускавшейся промышленной продукции вышел на второе место в мире, уступив США. По оценкам Госплана и ряда исследователей, с 1928 по 1940 г. производительность труда в промышленности выросла в 3,4 раза, а объем валового национального продукта – на 60 %.

Вычислить вклад реформы здравоохранения в достижение этих результатов невозможно, поскольку народнохозяйственный эффект любого мероприятия никогда не проявляется прямо и подвержен влиянию очень многих факторов. Но, вероятнее всего, реформа 1930-х гг. имела негативные следствия для экономики страны. Прямые и косвенные потери от роста заболеваемости и смертности перекрывали прибыль, полученную ценой интенсификации труда. Косвенно об этом свидетельствует тот факт, что сразу после войны власти пошли на требующее больших инвестиций преобразование здравоохранения с деконструкцией системы 1930-х гг.

Список литературы

Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харькова Т. Л. Население Советского Союза. 1922–1991. М. : Наука, 1993. 143 с.

[Андреев Е. М.] Снижение младенческой смертности в России в 1940–1958 гг. // Развитие населения и демографическая политика. Памяти А. Я. Кваши : сб. ст. / под ред. М. Б. Денисенко, В. В. Елизарова. М. : МАКС Пресс, 2014. С. 108–128.

Владимирский М. Ф. Задачи органов здравоохранения и социалистическое строительство // На фронте здравоохранения. 1930. № 5–6. С. 3–15.

Вопросы труда в цифрах : Статистический справочник за 1927–1930 гг. М. : Гострудиздат, 1930. 72 с.

ГАРФ. Ф. А-482. Оп. 24. Д. 1277.

Егорова Д. В. Правовая политика в сфере здравоохранения и правовая охрана здоровья населения в советском государстве (1917–1991 гг.) : дис. ... канд. юридич. наук. Саратов : [Б. и.], 2011. 181 с.

Затравкин С. Н., Хабриев Р. У., Щепин В. О., Саркисов А. С. Заболеваемость инфекционными болезнями в СССР. Сообщение 1. 1919–1949 годы // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2018. № 5. С. 350–356.

Здравоохранение в СССР. М. : Изд-во ЦСУ при Совете министров СССР, 1966. 447 с.

Кароли Д. Распространение европейской образовательной модели детских яслей (crèches) в России // *Quaestio Rossica*. Т. 4. 2016. № 3. С. 141–158. DOI 10.15826/qr.2016.3.180.

Каминский Г. Н. Охрана здоровья в Советском союзе. М. : Биомедгиз, 1935. 118 с.

Каминский Г. Н. Задачи советского здравоохранения. М. : Биомедгиз, 1936. 164 с.

Ковригина М. Д. Забота государства о матери и ребенке. М. : Госполитиздат, 1946. 32 с.

Колеров М. А. Сталин: от Фихте к Берия : Очерки по истории языка сталинского коммунизма. М. : Модест Колеров, 2017. 640 с.

Колеров М. А. Тоталитаризм: русская программа для западной доктрины. М. : Изд. кн. магазина «Циолковский», 2018. 152 с.

Лисицын Ю. П. История медицины : учебник. 2-е изд. М. : ГЭОТАР-Медиа, 2008. 398 с.

Лисицын Ю. П., Улумбекова Г. Э. Общественное здоровье и здравоохранение : учебник для мед. вузов. 3-е изд. М. : ГЭОТАР-Медиа, 2011. 544 с.

Материалы к пятилетнему плану здравоохранения РСФСР. М. : Гос. мед. изд-во, 1930. 152 с.

Об основных установках плана по здравоохранению на 1937 год. М. : Биомедгиз, 1936. 28 с.

Поддубный М. В. Санитарная охрана окружающей среды в России и СССР в первой половине XX века. Киев : Киевский эколого-культурный центр : Центр охраны дикой природы СоЭС, 1997. 111 с.

О ясельном обслуживании детей в городах, промышленных центрах, совхозах, МТС и колхозах : постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 20 сентября 1932 г. // *СУ РСФСР*. 1932. № 78. Ст. 345. С. 467–468.

Постановления КПСС и Советского правительства об охране здоровья народа. М. : Гос. изд-во мед. лит., 1958. 338 с.

РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 18. Д. 192; Оп. 41. Д. 65; Оп. 33. Д. 2638.

Резолюции VII Всероссийского съезда здравотделов // На фронте здравоохранения. 1930. № 5–6. С. 134–140.

Сорокина Т. С. История медицины : учебник для студ. высш. мед. учеб. заведений. 8-е изд. М. : Академия, 2008. 560 с.

Сорокина Т. С., Морозов А. В. Отечественное здравоохранение и медицинское образование в первой половине двадцатого века. М. : РУДН, 2017. 55 с.

Хоффманн Д. Л. Взращивание масс : Модерное государство и советский социализм. 1914–1939 / пер. с англ. А. Терещенко. М. : Новое лит. обозрение, 2018. 424 с.

ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 11. Д. 47.

XVI Всероссийский съезд Советов : 15–23 января 1935 г., [Москва] : стеногр. отчет: бюллетени. № 1–17. Постановления. М. : ВЦИК, 1935. 708 с.

Field M. Soviet Socialized Medicine. N. Y. : Free Press; L. : Collier – Macmillan, 1967. 231 p.

Hoffmann D. L. Stalinist Values: The Cultural Norms of Soviet Modernity, 1917–1941. Ithaca : Cornell Univ. Press, 2003. 264 p.

Hoffmann D. L. Cultivating the Masses. Modern State Practices and Soviet Socialism, 1914–1939. Ithaca : Cornell Univ. Press, 2011. 327 p.

Solomon G. S. The Expert and the State in Russian Public Health: Continuities and Changes across the Revolutionary Divide // *The History of Public Health and the Modern State* / ed. by D. Porter. Amsterdam : Rodopi, 1994. P. 183–223.

Sumpf A. Book Review : David L. Hoffmann, Cultivating the Masses // *Cahiers du Monde Russe*. Vol. 52. 2011. № 4. P. 724–726.

Weissman N. B. Origins of Soviet Health Administration : Narkomzdrav, 1918–1928 // *Health and Society in Revolutionary Russia* / ed. by G. Solomon and J. F. Hutchinson. Bloomington : Indiana Univ. Press, 1990. P. 97–120.

References

- [Andreev, E. M.]. (2014). Snizhenie mladencheskoi smertnosti v Rossii v 1940–1958 gg. [The Decline in Infant Mortality in Russia between 1940 and 1958]. In Denisenko, M. B., Elizarov, V. V. (Eds.). *Razvitie naseleniya i demograficheskaya politika*. Moscow, MAKS Press, pp. 108–128.
- Andreev, E. M., Darskii, L. E., Khar'kova, T. L. (1993). *Naselenie Sovetskogo Soyuz. 1922–1991* [The Population of the Soviet Union. 1922–1991]. Moscow, Nauka. 143 p.
- Caroli, D. (2016). Rasprostranenie evropeiskoi obrazovatel'noi modeli detskikh yaslei (crèches) v Rossii [The Introduction and Spread of European-Style Crèches in Russia]. In *Quaestio Rossica*. Vol. 4. No. 3, pp. 141–158. DOI 10.15826/qr.2016.3.180.
- Egorova, D. V. (2011). *Pravovaya politika v sfere zdravookhraneniya i pravovaya okhrana zdorov'ya naseleniya v sovetskom gosudarstve (1917–1991 gg.)* [Legal Policy and Legal Protection of Public Health in the Soviet Union (1917–1991)]. Dis. ... kand. yuridich. nauk. Saratov, S. n. 181 p.
- Field, M. (1967). *Soviet Socialized Medicine*. N. Y., Free Press, L., Collier – Macmillan. 231 p.
- GARF [State Archive of the Russian Federation]. Stock A-482. List 24. Dos. 1277.
- Hoffmann, D. L. (2003). *Stalinist Values: The Cultural Norms of Soviet Modernity, 1917–1941*. Ithaca, Cornell Univ. Press. 264 p.
- Hoffmann, D. L. (2011). *Cultivating the Masses. Modern State Practices and Soviet Socialism, 1914–1939*. Ithaca, Cornell Univ. Press. 327 p.
- Hoffmann, D. L. (2018). *Vzrashchivanie mass. Modernoe gosudarstvo i sovetskii sotsializm. 1914–1939* [Cultivating the Masses. Modern State Practices and Soviet Socialism, 1914–1939] / transl. by A. Tereshchenko. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 424 p.
- Kaminskii, G. N. (1935). *Okhrana zdorov'ya v Sovetskom soyuze* [Health Care in the USSR]. Moscow, Biomedgiz. 118 p.
- Kaminskii, G. N. (1936). *Zadachi sovetskogo zdravookhraneniya* [Aims of the Soviet Health Sector]. Moscow, Biomedgiz. 164 p.
- Kolerov, M. A. (2017). *Stalin: ot Fikhte k Beriya. Ocherki po istorii yazyka stalinskogo kommunizma* [Stalin: From Fichte to Beria. Essays on the History of the Language of Stalinist Communism]. Moscow, Modest Kolerov. 640 p.
- Kolerov, M. A. (2018). *Totalitarizm: russkaya programma dlya zapadnoi doktriny* [Totalitarianism: A Russian Programme for Western Doctrine]. Moscow, Izdanie knizhnogo magazina “Tsiolkovskii”. 152 p.
- Kovrigina, M. D. (1946). *Zabota gosudarstva o materi i rebenke* [State Care of Mother and Child]. Moscow, Gospolitizdat. 32 p.
- Lisitsyn, Yu. P. (2008). *Istoriya meditsiny. Uchebnik* [History of Medicine. Textbook]. 2nd Ed. Moscow, GEOTAR-Media. 398 p.
- Lisitsyn, Yu. P., Ulumbekova, G. E. (2011). *Obshchestvennoe zdorov'e i zdravookhranenie* [Public Health and Healthcare]. 3rd Ed. Moscow, GEOTAR-Media. 544 p.
- Materialy k pyatiletnemu planu zdravookhraneniya RSFSR* [Materials for the Five-Year Health Plan of the RSFSR]. (1930). Moscow, Gosudarstvennoe meditsinskoe izdatel'stvo. 152 p.
- О yasel'nom obsluzhivanii detei v gorodakh, promyshlennykh tsentrakh, sovkhozakh, MTS i kolkhozakh. Postanovlenie VTsIK i SNK RSFSR ot 20 sentyabrya 1932 g. [On the Nursery Services in Cities, Industrial Centres, State Farms, Machine Tractor Stations and Collective Farms. Resolution of the Central Executive Committee and the Council of People's Commissars of the RSFSR as of September 20, 1932]. (1932). In *Sobranie uzakonenii RSFSR*. No. 78. Article 345, pp. 467–468.
- Ob osnovnykh ustanovkakh plana po zdravookhranenyu na 1937 god* [About the Main Points of the Health Plan for 1937]. (1936). Moscow, Biomedgiz. 28 p.
- Poddubnyi, M. V. (1997). *Sanitarnaya okhrana okruzhayushchei sredy v Rossii i SSSR v pervoi polovine XX veka* [Sanitary Protection of the Environment in Russia and the USSR in the First Half of the 20th Century]. Kiev, Kievskii ekologo-kul'turnyi tsentr, Tsentr okhrany dikoi prirody Sotsial'no-ekologicheskogo soyuza. 111 p.

Postanovleniya KPSS i Sovetskogo pravitel'stva ob okhrane zdorov'ya naroda [Decisions of the CPSU and the Soviet Government on the Protection of Public Health]. (1958). Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo meditsinskoi literatury. 338 p.

Rezolyutsii VII Vserossiiskogo s'ezda zdravotdelov [Resolutions of the 7th All-Russian Congress of Health Units]. (1930). In *Na fronte zdravookhraneniya*. No. 5–6, pp. 134–140.

RGAE [Russian State Archive of Economics]. Stock 1562. List 18. Dos. 192; List 41. Dos. 65; List 33. Dos. 2638.

Solomon, G. S. (1994). The Expert and the State in Russian Public Health: Continuities and Changes across the Revolutionary Divide. In Porter, D. (Ed.). *The History of Public Health and the Modern State*. Amsterdam, Rodopi, pp. 183–223.

Sorokina, T. S. (2008). *Istoriya meditsiny. Uchebnik dlya studentov vysshikh meditsinskikh uchebnykh zavedenii* [History of Medicine. A Textbook for Students of Higher Medical Educational Institutions]. 8th Ed. Moscow, Akademiya. 560 p.

Sorokina, T. S., Morozov, A. V. (2017). *Otechestvennoe zdravookhranenie i meditsinskoe obrazovanie v pervoi polovine dvadtsatogo veka* [Russian Healthcare and Medical Education in the First Half of the 20th Century]. Moscow, Rossiiskii universitet druzhby narodov. 55 p.

Sumpf, A. (2011). Book Review: David L. Hoffmann, *Cultivating the Masses*. In *Cahiers du Monde Russe*. Vol. 52. No. 4, pp. 724–726.

TsA FSB Rossii [Central Archive of the Federal Security Service of the Russian Federation]. Stock 2. List 11. Dos. 47.

Vladimirskii, M. F. (1930). Zadachi organov zdravookhraneniya i sotsialisticheskoe stroitel'stvo [Tasks of the Health Authorities and the Construction of Socialism]. In *Na fronte zdravookhraneniya*. No. 5–6, pp. 3–15.

Voprosy truda v tsifrakh. Statisticheskii spravochnik za 1927–1930 gg. [Labour Issues in Numbers. Statistical Compendium 1927–1930]. (1930). Moscow, Gostrudizdat. 72 p.

Weissman, N. B. (1990). Origins of Soviet Health Administration. *Narkomzdrav, 1918–1928*. In Solomon, G., Hutchinson, J. F. (Eds.). *Health and Society in Revolutionary Russia*. Bloomington, Indiana Univ. Press, pp. 97–120.

XVI Vserossiiskii s'ezd Sovetov. 15–23 yanvarya 1935 g. [Moskva]. Stenograficheskii otchet: byulleteni. № 1–17. Postanovleniya [16th All-Russian Congress of Soviets: 15–23 January 1935 [Moscow]. Verbatim Transcripts. Newsletters. No. 1–17. Regulations]. (1935). Moscow, Vserossiiskii tsentral'nyi ispolnitel'nyi komitet. 708 p.

Zatravkin, S. N., Khabriev, R. U., Shchepin, V. O., Sarkisov, A. S. (2018). Zabolevaemost' infektsionnymi boleznyami v SSSR. Soobshchenie 1. 1919–1949 gody [Incidence of Infectious Diseases in the USSR. Message 1. 1919–1949]. In *Problemy sotsial'noi gigieny, zdravookhraneniya i istorii meditsiny*. No. 5, pp. 350–356.

Zdravookhranenie v SSSR [Public Health in the USSR]. (1966). Moscow, Izdatel'stvo Tsentral'nogo statisticheskogo upravleniya pri Sovete ministrov SSSR. 447 p.

The article was submitted on 07.04.2019

Controversiae
et recensiones

Controversiae
et recensiones

PRIVATE TRADE IN THE MIXED ECONOMY OF THE URALS UNDER THE NEP*

Rev. of: Kilin, A. P. (2018). *Chastnaya trgovlya i kredit na Urale v gody nepa: ekonomicheskie, politicheskie i sotsial'nye aspekty* [Private Trade and Credit in the Urals under the NEP: Economic, Political, and Social Aspects]. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. 606 p.

Vladimir Ilyinykh

Institute of History of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russia

The author reviews *Private Trade and Credit in the Urals under the NEP: Economic, Political, and Social Aspects: A Monograph* by A. P. Kilin, which focuses on the topic of private trade under the NEP and considers it in a wider chronological context. The monograph analyses the NEP as a model of managing and regulating the economy, trade, and commodity turnover in the Urals. It also considers private trade as an object of state control, the credit system, social aspects of private enterprise under the NEP and the trading and intermediary activities of workers. The monograph provides a heterogeneous picture which enables the reader to gain a comprehensive idea of the NEP and the place private trade occupied in it. Of crucial historiographic importance is the author's conclusion that private trade was an organic part of the mixed economy's structure under the NEP and served to connect the producer, the consumer, different spheres of economy and economic setups.

Keywords: NEP; nepman; private capital; trade; credit; Urals.

Представлен анализ монографии А. П. Килина «Частная торговля и кредит на Урале в годы НЭПа: экономические, политические и социальные аспекты». В исследовании тематика частной торговли в условиях НЭПа встроена в более широкий проблемный и хронологический контекст. В монографии осуществлен анализ новой экономической политики как модели управления и регулирования экономики, торговли и товарооборота на Урале, частной торговли как объекта государственного регулирования, кредитной системы, социальных аспектов частнопредпринимательской деятельно-

---

* *Citation:* Ilyinykh, V. (2020). Private Trade in the Mixed Economy of the Urals under the NEP. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 2. P. 669–677. DOI 10.15826/qr.2020.2.487.

Цитирование: Илюных В. Private Trade in the Mixed Economy of the Urals under the NEP // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 2. P. 669–677. DOI 10.15826/qr.2020.2.487.

сти в условиях НЭПа, торгово-посреднических практик рабочих. В книге представлена достаточно мозаичная картина, которая позволяет читателю получить репрезентативное представление о НЭПе и месте в нем частной торговли. Историкографическое значение имеет вывод автора, что частная торговля органически вписывалась в структуру нэповской многоукладной экономики, служила связующим звеном между производителями и потребителями, различными секторами экономики и хозяйственными укладами.

Ключевые слова: НЭП; нэпман; частный капитал; торговля; кредит; Урал.

The NEP remains one of the key issues of post-Soviet historiography. However, academic attention has not always been equally intense, peaking during the 1990s. Nowadays, the issue is quite rarely the focus of scholarly attention. As a result, any new monographs examining the topic are of interest to academia. One such work is *Private Trade and Credit in the Urals under the NEP: Economic, Political, and Social Aspects* by the Ural researcher A. P. Kilin [Килин].

Private trade was a characteristic feature of the NEP and is recognised as one of its key institutional features. Without NEPmen, there was no NEP.

However, it is important to point out that private entrepreneurs not only defined the NEP but were also its collective *actors*. Their economic and social behaviour was the foundation for the changes made to the New Economic Policy by the government and conditioned its dynamics.

Of primary importance is the regional aspect of the topic; according to I. B. Orlov, this makes it possible to proceed from averages to a multitude of assessments [Орлов, с. 33]. For instance, E. V. Demchik's monograph, which remains the most fundamental work on the history of private capital in the 1920s, refers to Siberian material [Демчик]; tak-

ing into account a considerable number of both published and unpublished sources, it analyses the main stages of the development of private enterprise under the NEP. As for the study of private enterprise in the Urals during the NEP era, the most comprehensive portrait of a NEPman was created by R. A. Khaziev (see: [Хазиев, 2005; Хазиев, 2015] et al.).

Instead of using the chronological principle, Kilin organises the material according to a thematic structure. This makes it possible for the researcher to include private enterprise during the NEP in a wider context. To a large

extent, this approach was conditioned by the fact that the monograph was written as part of research project 16–18–10106 “Early Soviet Society as a Social Project: Ideas, Realisation Mechanisms, and Construction Results” (academic supervisor: L. N. Mazur), supported by the Russian Science Foundation. This predetermined the author’s choice to consider theoretical issues which are not directly related to the topic reflected in the book’s title of the book. First of all, Kilin analyses the NEP as a management model, concluding that the NEP was an authoritarian, situational and adaptive model that took into account the agrarian and industrial character of the economy and combined traditional Russian elements and Soviet innovations (c. 29)². The NEP can be characterised as a mixed economy, although regional economic policy had corporate and market features (c. 67).

It is important to point out that the *union* between the city and the village is not the main focus of the research; however, it is directly connected with the NEP as a whole and a complex analysis of early Soviet society. The *union*, which is understood as a congruence between the economic interests of the town, the village, the working class and the peasantry, was an illustration of the NEP’s motto, which almost turned into a meme. In 1921, the NEP started to turn into a project whose aim was a transition from non-economic to economic exchange between state industry and petty peasant households. The exchange was supposed to be based on barter rather than monetary principles. Nationwide barter was regarded as a means to both satisfy the needs of the peasantry in manufactured goods and provide urban dwellers with food products.

This experiment was mostly a result of economic dislocation and the malfunction of the monetary system. However, the main reason for the introduction of barter was the Soviet leaders’ negative attitude to trade as such. For them, trade was a bearer of “the mark of Cain”, reserved for private traders and limited to internal use in districts to meet local demand. According to the theorists of the Bolshevik Party, including Lenin, the development of barter was meant to lead to general distribution, one of the communists’ objectives, thereby skipping the stage of trade.

However, the experiment failed quite rapidly, the ones to “blame” being peasants and private traders. Peasants preferred the free money market over barter while private traders took state-permitted cooperation from the local to the inter-district level. As a result, the Soviet state had to sanction the transition to private trade and legalise private capital. In fact, private traders became one of the tools of the *union* (Rus. *смычка*) as they provided the transfer of produce manufactured by state industrial enterprises to the rural consumer. Despite all this, the authorities ignored the fact, ascribing this role to Soviet (state and cooperative) trade. Posters devoted to the “*union*” (including the one on p. 358 of the book) depicted only workers and peasants. For a NEPman to appear on them was regarded as absolutely impossible.

---

² Hereinafter, references to the monograph under review will be provided in parentheses.

In some sections of the book, Kilin considers not only a wider thematic context than that designated by the title but also a wider chronological context. He analyses the peculiarities of commodity turnover in the Urals, the social and psychological aspects of private enterprise in Russia, and a number of some other issues, including references to pre-revolutionary materials. Overall, the monograph refers to historical material directly connected with the history of private trade under the NEP, which, however, is interlaced with theoretical parts.

The author starts the examination of private enterprise in the 1920s by defining its role in the NEP economy and singling out forms of private trade enterprise, product specialisation, and commodity classification of a private trader. The analysis carried out makes it possible for the author to rightfully conclude that the toughening of state policy led private trade to switch to primary commodities and relocate from larger cities to the periphery (c. 213, 234).

Together with this, it is important to make the author's statement that "private enterprise in the Urals, unlike that in the USSR as a whole, did not occupy the leading position in the market" more accurate (c. 213). It does not include any reference to the year, to the types or classification of commodities or their geography. Indeed, in the late 1920s, private trade was not the leading type of trade anywhere, but the situation was drastically different at the beginning of the decade. In 1922 and 1923, private trade accounted for a considerable part of commodity turnover and was the leader when it came to certain kinds of goods. Moreover, the data provided by Kilin testify to the fact that there were no major differences between the state of things in the Ural region and the rest of the country. The share of private traders in intermediate turnover in the USSR for 1926 and 1927 accounted for 18.5 percent, while in the Urals it was 14,9%.

As part of the study of commodity turnover, the book focuses on singling out its peculiarities in the Urals as a region. However, it would have made the work more comprehensive if the author had included data per district. For instance, in the mid-1920s, the southwestern districts of Ural oblast (namely, Kurgan and Ishim) witnessed an intense private butter trade. Despite this, the author mentions the role of the districts in the wholesale trade of butter only once in connection with the purveyance campaign of 1925/26 (c. 343). Additionally, there was private grain procurement in the districts. Still more important for private commodity turnover was Tobolsk District.

The book introduces a considerable number of materials when exploring issues connected with crediting private enterprise. This is the least studied sphere in the national historiography. Kilin provides the general characteristics of the Soviet credit system under the NEP, describing the main principles of crediting private enterprise and offering a detailed analysis of the activity of Mutual Credit Associations and their social composition. He also focuses on the role of credit agencies as an element of the credit sector's infrastructure. When evaluating the activity of the credit system under the NEP, the author points out that it was quickly adapted for the use in market

conditions. In the late 1920s, it was just as quickly transformed to suit the needs of a centrally planned economy.

An important place in the book is occupied by the analysis of the state regulation of private trade. Here, the author turns to the historiography of the periodisation of the development of trade in the USSR. Unfortunately, Kilin ignores the periodisation proposed by E. V. Demchik, which seems to be the most representative one with regards to private entrepreneurial activity, including trade in the 1920s: 1921–1922/23; 1923/24 – first half of 1924/25; second half of 1924/25–1926; and 1927–1930 [Демчик, с. 204, 239].

When considering the policy of private trade regulation, Kilin provides a brief overview of the “fluctuations of state policy regarding private entrepreneurs” around the USSR without denoting any specific time frame or describing any Ural-specific features. “The “rising stage” of the NEP and private trade is described as being interrupted in 1924/1925. The period between the beginning of 1925 and the end of 1926 is characterised by an intensification of commodity turnover with the active participation of private entrepreneurs. In late 1927, the tendency was to eliminate private enterprise (с. 313–315). Referring to the correlation between the market and administration methods in the economic regulation of private enterprise at different stages of the NEP, the author makes a conclusion which is of crucial importance, i. e. the NEP was a situation model of economic management “with a very short planning period” (с. 317). When faced with another crisis caused by the authorities (resulting from their failure to take into account market-based mechanisms), the state retreated. After this, it “made a leap forward” by means of trial and error method (там же).

Kilin classifies methods of state regulation and provides a more detailed description of some of their peculiarities. Thus, he scrupulously analyses issues underlying the disenfranchisement of private traders, which is regarded not only as a means to limit private enterprise but was also used by the Bolshevik regime as a method of social construction. Of historiographic importance is the source and content analysis of 287 cases of *lishentsy* (Rus. *лишеницы*), persons stripped of voting rights, the majority of whom were traders (с. 539).

Together with this, it is important to point out the scarce focus on state and regional policies regarding private trade in agricultural produce. In fact, their description is limited to an example mentioning a ban on the transportation of privately produced butter. In Soviet newspeak, this event was referred to as “economic regulation” (с. 343). This issue is considered in a number of my works which are not mentioned in the references for the book ([Ильиных, 1992; Ильиных, 2005]), etc.

Referring to a step-by-step analysis of the way in which the state regulated the procuring agricultural market of Siberia between 1921 and 1928, I conclude that the degree of anti-market sentiments of the provincial elite was higher than that of the central elite. When taking management decisions, the party, Soviet and economic leaders of the Siberian region proceeded from the need to constantly counteract NEP “outbursts”. The regional authorities quite often undermined Moscow’s attempts to carry out

market liberalisation. Thus, starting with 1925, the Siberian Territory Committee of the RCP(B), disregarding V. M. Molotov's orders, kept the ban on the transportation of privately produced grain to regions outside Siberia. Despite A. I. Rykov's dissatisfaction, R. I. Eihe, chairman of the Siberian Territory Committee, justified the arrests of fourteen large grain producers whose "goal was to prevent a complete failure of the collection of grain for the state grain stockpile" [Ильиных, 2005, с. 114, 119, 270]. Unfortunately, it is impossible to either prove or refute this statement with regards to the situation in the Urals. As a result, the Ural authorities seem to have complied strictly with orders from the centre.

Of considerable historiographic importance is the author's description of the tax and law enforcement authorities and their participation in the elimination of private capital in the late 1920s. Certain sections of the book are devoted to the Astrakhan case and its Ural analogue, the case of the Sverdlovsk Regional Financial Department and the campaigns which followed them. These were meant as a purge of the tax authorities and a way to collect debts from private entrepreneurs ("the night of long debts"). As a result of increased pressure from the side of the government, private entrepreneurs formed a so-called closed circle where private enterprise directly interacted with the consumer, leaving out the state. This was perceived by the state as a threat to the Soviet regime and as an attempt to restore capitalism, which led to even harsher measures limiting private enterprise.

A considerable part of the monograph is devoted to the examination of the "social aspects of private entrepreneurship". Before considering the topic, Kilin undertakes an analytical review of Russia's pre-revolutionary past: upon completing this, he makes a rather debatable conclusion about the real social status of the entrepreneurial strata of society. According to him, "the notorious 'relics of the feudal past' gave entrepreneurs a subordinate role in the social hierarchy" (с. 559).

The book considers social aspects of private enterprise under the NEP as part of the analysis of the stratification, identification, and mobility of private traders. The author maintains that as regards private entrepreneurs under the NEP, their social mobility could be characterised as multidirectional. Thus, a marginalised person (e. g. an unemployed or a "former" (Rus. *бывший*) person), took a step down in the official Soviet social hierarchy when starting trade and becoming a NEPman. On the other hand, their business activity enabled them to make a profit, which meant going up the hierarchical system based on the amount of money made (с. 560).

Referring to the official division of private traders into fiscal categories, Kilin singles out three main strata of private traders, i. e. petty (patents of the first and second categories), medium (patents of the third category) and large (patents of the fourth and fifth categories). Following some experts of the 1920s, he does not include petty traders in the private capitalist system, characterising them as a category of self-employed producers (small-scale commodity production). Large traders are characterised as representatives of the private capitalist system. The medium group occupies an intermedi-

ate position. Nationwide, such traders belonged to the private capitalist system of trade, while in the Urals where “private trade was not wide-spread, enterprises of the third category could not always become an important source of capital accumulation” (c. 206).

A number of researchers, however, have a different point of view. E. V. Demchik categorises all private entrepreneurs, including traders, as “capitalist elements”, characterising traders in categories 3 to 5 as the “new” bourgeoisie. According to U. Enyuan and V. M. Rynkova, the NEP bourgeoisie only includes traders of the fifth category.

Like his predecessors, Kilin argues that most private traders had not previously participated in any commercial activity. Many of them were forced to turn to petty private trade when they failed to find a job in state and cooperative structures. As for large private traders, the share of “former people” among them was a lot bigger. Petty traders were mostly industrial workers who had lost their jobs, peasants who were looking for a source of income, unemployed clerks and housewives. As for the medium and large groups, they comprised many former employees of trade organisations (salesmen and agents of trade institutions) (c. 507–508).

Analysing the social mobility of private traders, the book’s author concludes that the first and third categories of traders were characterised by highly dynamic activity. They were also marked by a high rate of enterprise collapse. The medium group was the most stable one and was constantly replenished by representatives from the other categories. I consider it important to provide additional statistical data to substantiate this fact.

Consequently, I think it would be useful to turn to materials first introduced by L. I. Borodkin and M. A. Svishchev. Having analysed data collected about owners of private trade and industrial enterprises in Ukraine for 1925/26 and 1926/27, they concluded that the lower groups were characterised by a low inter-group mobility (patents of categories 1 and 2). Higher-category patents were chosen by 2,8 and 2,6 % of the surviving enterprises of the category. This illustrates the marginalised position of petty traders, who did not have an opportunity to improve their status within their respective stratum of entrepreneurs. The number of closed trading establishments in categories 1 and 2 was also high – 38,1 and 37,1%, respectively. The medium group was relatively stable (patents of category 3): 27,2 % of the enterprises closed, 4 % transferred to the other categories and 4,5 % of representatives from the other categories joined the group. As for enterprises owning patents of the fourth category, 38,6 % of them closed and 11,1 % joined other groups, while the fifth category was characterised by 51,3 and 6,8 % respectively. The least stable group was group 5, while group 4 was the most mobile [Бородкин, Свищев, с. 109].

When considering petty trade, Kilin points out the fact that it involved some workers of state enterprises who sold cottage industry products made from materials which they stole from their workplaces, things they did not need that they received through the state distribution system and produce from their own gardens.

One of the book's significant merits is, beyond any doubt, the illustrative material it contains. Of major interest are postcards and caricatures depicting the most typical representatives of the NEP (commissioners, NEPmen, cigarette makers, barterers, shashlik café keepers serving shashlik made from "genuine Siberian cat"): these supplement the author's ideas about the forms of private trade enterprise.

To conclude, it seems important to point out that the author of the monograph opted for the thematic principle when arranging the material instead of the chronological one, thus impeding a more subject-oriented description of the NEP's dynamics. Meanwhile, the NEP was an ever developing (self-organising and self-destroying, as noted ironically by Yu. P. Bokarev [Бокарев, с. 121]) system of economic, political and ideological relations. The first stage of the development of private entrepreneurship under the NEP remains the least-studied and is defined by several researchers as a period of initial accumulation of capital.

It is important to mention, however, that the merits of the work outnumber the disadvantages listed above. Despite its mosaic character, Kilin's work enables the reader to form a comprehensive idea of the NEP and the place of private trade in it. Of great historiographic importance is the author's conclusion about the fact that private enterprise was organically interwoven into the structure of the NEP's mixed economy and served as a bridge between producers, consumers and different sectors of the economy and economic systems (с. 565). Overall, the work is a notable event in the contemporary historiography of the NEP. It does not leave the reader indifferent but rather makes them think and debate, encouraging them to reconsider existing patterns of thinking.

Список литературы

Бокарев Ю. П. НЭП как самоорганизующаяся и саморазрушающаяся система // НЭП: экономические, политические и социокультурные аспекты. М. : РОССПЭН, 2006. С. 121–133.

Бородкин Л. И., Свищев М. А. Социальная мобильность в период нэпа: к вопросу о росте капитализма из мелкого производства // История СССР. 1990. № 5. С. 105–121.

Демчик Е. В. Частный капитал в городах Сибири в 1920-е гг.: от возрождения к ликвидации. Барнаул : Изд-во Алтай. ун-та, 1998. 240 с.

Килин А. П. Частная торговля и кредит на Урале в годы нэпа: экономические, политические и социальные аспекты. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2018. 606 с.

Ильиных В. А. Коммерция на хлебном фронте : (Государственное регулирование хлебного рынка в условиях нэпа. 1921–1927 гг.). Новосибирск : Наука, 1992. 224 с.

Ильиных В. А. Государственное регулирование сельскохозяйственного рынка Сибири в условиях нэпа (1921–1928 гг.). Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2005. 284 с.

Орлов И. Б. НЭп в региональном ракурсе: от усредненных оценок к многообразию // НЭП: экономические, политические и социокультурные аспекты. М. : РОССПЭН, 2006. С. 33–54.

Хазиев Р. А. «Ударники капиталистического труда» эпохи нэпа на Урале // Бюллетень для республики: исторический профиль нэпманов. Уфа : РИО БашГУ, 2005. 224 с.

Хазиев Р. А. Частный капитал Башкирии в эпоху нэпа : «Что значит быть советским предпринимателем в провинции» // Вестн. Башкир. ун-та. 2015. № 3. С. 1122–1128.

References

- Bokarev, Yu. P. (2006). Nep kak samoorganizuyushchayasya i samorazrushayushchayasya sistema [The NEP as a Self-Organising and Self-Destroying System]. In *NEP: ekonomicheskie, politicheskie i sotsiokul'turnye aspekty*. Moscow, ROSSPEN, pp. 121–133.
- Borodkin, L. I., Svishech, M. A. (1990). Sotsial'naya mobil'nost' v period nepa: k voprosu o roste kapitalizma iz melkogo proizvodstva [Social Mobility under the NEP: On the Development of Capitalism from Petty Production]. In *Istoriya SSSR*. No. 5, pp. 105–121.
- Demchik, E. V. (1998). *Chastnyi kapital v gorodakh Sibiri v 1920-e gg.: ot vozrozhdeniya k likvidatsii* [Private Capital in Siberian Cities in the 1920s]. Barnaul, Izdatel'stvo Altaiskogo universiteta. 240 p.
- Il'inykh, V. A. (1992). *Kommertsiya na khlebnom fronte: (Gosudarstvennoe regulirovanie khlebnogo rynka v usloviyakh nepa. 1921–1927 gg.)* [Commerce on the Grain Market: (State Regulation of the Grain Market under the NEP. 1921–1927)]. Novosibirsk, Nauka. 224 p.
- Il'inykh, V. A. (2005). *Gosudarstvennoe regulirovanie sel'skokhozyaistvennogo rynka Sibiri v usloviyakh nepa (1921–1928 gg.)* [State Regulation of the Agricultural Market of Siberia under the NEP (1921–1928)]. Novosibirsk, Izdatel'stvo Sibirskogo otdeleniya RAN. 284 p.
- Khaziev, R. A. (2015). Chastnyi kapital Bashkirii v epokhu nepa: “Chto znachit byt' sovetским predprinimatelem v provintsii” [Private Capital of Bashkiria under the NEP: “What it Means to be a Soviet Entrepreneur in the Province”]. In *Vestnik Bashkirskogo universiteta*. No. 3, pp. 1122–1128.
- Khaziev, R. A. “Udarniki kapitalisticheskogo truda” epokhi nepa na Urale [Udarniks of Capitalist Labour under the NEP in the Urals]. In *Bubliki dlya respubliki: istoricheskii profil' nepmanov*. Ufa, RIO Bashkirskogo gosudarstvennogo iniversiteta. 224 p.
- Kilin, A. P. (2018). *Chastnaya trgovlya i kredit na Urale v gody nepa: ekonomicheskie, politicheskie i sotsial'nye aspekty* [Private Trade and Credit in the Urals under the NEP: Economic, Political, and Social Aspects]. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. 606 p.
- Orlov, I. B. (2006). Nep v regional'nom rakurse: ot usrednennykh otsenok k mnogoobraziyu [The NEP through the Regional Perspective: From Averages to Diversity]. In *NEP: ekonomicheskie, politicheskie i sotsiokul'turnye aspekty*. Moscow, ROSSPEN, pp. 33–54.

Translated by Tatiana Kuznetsova

The article was submitted on 15.12.2019

**МАССОВАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА
И «ВСЕНАРОДНОЕ ОБСУЖДЕНИЕ»
СТАЛИНСКОЙ КОНСТИТУЦИИ В КОНЦЕПЦИИ
ОЛЬГИ ВЕЛИКАНОВОЙ**

Рец. на: Velikanova O. Mass Political Culture under Stalinism. Popular Discussion of the Soviet Constitution of 1936. – Denton : Palgrave Macmillan, 2018. – 260 p.

Михаил Шматов

Новосибирский государственный университет,
Новосибирск, Россия

**MASS POLITICAL CULTURE AND THE “NATIONAL
DISCUSSION” OF THE STALIN CONSTITUTION
IN THE CONCEPT OF OLGA VELIKANOVA***

Rev. of: Velikanova, O. (2018). Mass Political Culture under Stalinism. Popular Discussion of the Soviet Constitution of 1936. Denton, Palgrave Macmillan. 260 p.

Mikhail Shmatov

Novosibirsk State University,
Novosibirsk, Russia

This review analyses a monograph by O. Velikanova, an American historian of Russian descent. The work focuses on the interaction of the Bolshevik authorities with the USSR's population during the most large-scale political campaign of the early Soviet era, the “national discussion” of the draft version of the Stalin Constitution in the second half of 1936. Special attention is paid to the author's method with various sources: from official legislation to classified document management, including several previously unpublished documents. The author aims to theoretically substantiate the existence of the phenomenon of mass political culture in the Soviet reality of the 1930s at the individual and group

---

* *Citation:* Shmatov, M. (2020). Mass Political Culture and the “National Discussion” of the Stalin Constitution in the Concept of Olga Velikanova. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 2. P. 678–691. DOI 10.15826/qr.2020.2.488.

Цитирование: Shmatov M. Mass Political Culture and the “National Discussion” of the Stalin Constitution in the Concept of Olga Velikanova // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 2. P. 678–691. DOI 10.15826/qr.2020.2.488 / Шматов М. Массовая политическая культура и «всенародное обсуждение» сталинской Конституции в концепции Ольги Великановой // *Quaestio Rossica*. Т. 8. 2020. № 2. С. 678–691. DOI 10.15826/qr.2020.2.488.

levels. Additionally, the author provides arguments illustrating the need to study the social perception of power practices during the mobilisation campaign by the civilian population and confirms the effectiveness of the results. Attention should be paid to the author's justification of the point of view about the early date (1933) of the start of the constitutional reform in the USSR. The author proves the thesis about the large-scale social conditions that arose as a result of the extreme events of the early 1930s. Velikanova explains the goals of the reform of the USSR constitution in the context of domestic and international realities of the mid-1930s and the relations of the supreme leadership of the Soviet Union with regional functionaries and mass groups of the population. The author's attention focuses on the causes and forms of perception of the campaign and the discourses in relation to the draft version of the Stalin Constitution. Velikanova analyses and explains both loyalist (conformist) and liberal (both conformist and protest) discourses, and the insufficiently studied positions of the part of the population which supported the reinforcement of the repressive anti-democratic policy of the authorities, concluding that the spread and influence of protective tendencies in society were sufficiently strong. The reviewer appreciates the author's contribution in the form of a detailed consideration of mass sources, although the method of working with them could be a subject for discussion. Finally, it is emphasised that, beyond any doubt, the author's position and conclusions are valuable for further interdisciplinary studies of the nature and evolution of Stalinism in the USSR.

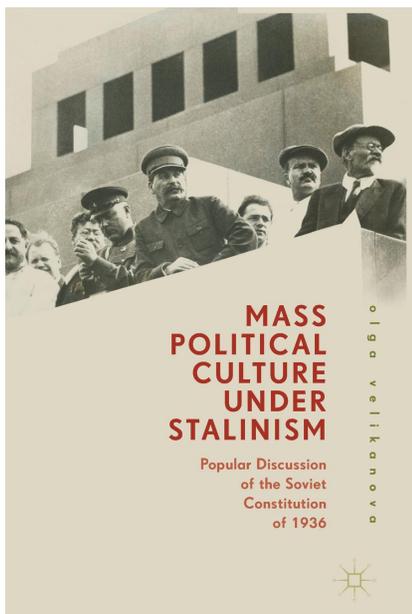
Keywords: Stalinism; 1936 Constitution; public opinion; political culture; reforms.

Анализируется монография американского историка российского происхождения О. Великановой. В работе осмыслиется взаимодействие большевистского руководства с населением СССР в процессе масштабной массовой политической кампании раннесоветской эпохи – «всенародного обсуждения» проекта «сталинской» Конституции во второй половине 1936 г. Особое внимание уделяется методике работы автора с разнообразными источниками: от официального законодательства до секретного делопроизводства, включая ряд ранее не публиковавшихся документов публичного, секретного и личного характера. Автор ставит задачу теоретического обоснования существования в советских реалиях 1930-х гг. феномена массовой политической культуры в его преломлении на индивидуальном и групповом уровнях, аргументирует необходимость и подтверждает результативность исследования социального восприятия гражданским населением властных практик в ходе мобилизационной кампании. Внимание заслуживает авторское обоснование точки зрения о ранних сроках начала конституционной реформы в СССР (1933 г.), доказывается тезис о масштабных социальных условиях для нее, возникших в результате экстремальных событий начала 1930-х гг. О. Великанова объясняет цели реформы Конституции СССР в контексте внутренних и международных реалий середины 1930-х гг., взаимоотношений верховного руководства Советского Союза с региональными функционерами, массовыми группами населения. Внимание автора сконцентрировано на при-

чинах и формах восприятия кампании, на существовавших в обществе дискурсах по отношению к проекту «сталинской» Конституции. Анализируются и объясняются как лоялистские (конформистские) и либеральные (как конформистские, так и протестные) дискурсы, так и недостаточно изученные историками позиции части населения в поддержку усиления репрессивной, антидемократической политики руководства; делается вывод о высокой степени распространения и влиянии охранительных тенденций в обществе. Заслуга автора, по мнению рецензента, состоит в детальном рассмотрении массовых источников, при этом методика работы с ними может быть предметом дискуссии. Сделан вывод о безусловной ценности позиций и выводов автора для дальнейших междисциплинарных исследований природы и эволюции сталинизма в СССР.

Ключевые слова: сталинизм; Конституция 1936 г.; общественное мнение; политическая культура; реформы.

Проблематика советского конституционализма 1930-х гг., взаимосвязи конституционной политики большевиков с социальными настроениями и ожиданиями советского населения в последние годы оказалась востребованной для переосмысления данной отечествен-

ной традиции в современности. Исследователи используют междисциплинарные методологические принципы, дающие возможность расширить проблемное поле изучения советской правовой системы и ее функционирования в реалиях сталинизма [Медушевский]. Особый интерес представляет анализ «всенародного обсуждения» проекта «сталинской» Конституции в контексте концепции социальной мобилизации, которая является важнейшей характеристикой сформировавшегося к середине 1930-х гг. в СССР политического режима [Арнаутов, Красильников, Кузнецов и др.]. Не менее значимой чертой советской партийно-государственной

системы стала охранительность, в рамках и под воздействием которой проходила массовая кампания по формально демократическому обсуждению конституционного проекта [Великанова, с. 27].

В числе новейших трудов, созданных в данной концептуальной парадигме, выделяется вышедшая в 2018 г. монография ныне работающего в США историка Ольги Великановой *Mass Political Culture under*

Stalinism. Popular Discussion of the Soviet Constitution of 1936 («Массовая политическая культура при сталинизме. Всенародное обсуждение советской Конституции 1936 г.»). В ней представлен анализ целей, интересов и специфики действий властных институций, с одной стороны, и индивидов и групп из числа советских граждан, с другой. Следует отметить оригинальность и дискуссионность названия – автор, известный специалист в области изучения массовых политических, экономических и социокультурных настроений и взглядов, позиционирует как исторический факт наличие в СССР 1930-х гг. массовой политической культуры. Примечателен выбор О. Великановой исторического контекста для изучения данного феномена – массовой политической кампании специфичного и даже нестандартного для советских реалий типа: обсуждения подчеркнуто демократичного конституционного проекта в условиях усиления и ужесточения тоталитарных, в том числе репрессивных практик большевистского руководства страны (р. 3–11)¹. В то же время существует точка зрения о неожиданном характере кампании не только для рядовых советских граждан, но и для функционеров партийной и советской власти, комсомольских, профсоюзных и иных общественных активистов [Шлэгель, с. 229]. Исследователь утверждает, что предпосылки для конституционной реформы (точнее, для «пересмотра или ревизии Конституции, действовавшей с 1924 г.») существовали с начала 1930-х гг., и возникли они в результате итогов «Великого перелома» (р. 30–31). Автор отстаивает мнение о готовности широких масс населения к преобразованиям и формированию «определенного запроса на реформы действующего законодательства» (р. 29–35). Оригинальность позиции исследователя создает потребность в детальном анализе основных положений монографии для понимания социальной природы большевизма в СССР, причин и сущности преобразований 1930-х гг. (пусть и кажущихся «косметическими»), а также для изучения права и реальных политических практик в начале нового витка массовых репрессий и предвоенной социальной мобилизации.

Подзаголовок работы очерчивает весьма сжатые хронологические рамки основной части исследования: несколько месяцев во второй половине 1936 г. В то же время автор не ограничивается рассмотрением событий собственно конституционной кампании. Для О. Великановой процедура «всенародного обсуждения» (мобилизационная и носящая характер стремительной и интенсивной кампании) является своего рода маркером различных паттернов массовой политической культуры. Дискуссионным является тезис о всенародном характере обсуждения проекта конституции, поскольку постулат о нем выступал в советском официальном нарративе очевидным идеологическим клише, которое используется автором без кавычек и, апеллируя к дей-

---

¹ Здесь и далее номера страниц рецензируемой книги приводятся в круглых скобках по изданию: [Velikanova].

ствительно имевшему место колоссальному масштабу вовлеченности граждан в ходе кампании, позиционируется как исторический факт.

Во введении автор формирует теоретический и терминологический фундамент исследования. Исторически оправданным видится тезис о «дрейфе» (*drift*) России в первые четыре десятилетия XX в. от демократических по своей природе и лозунгам революций (р. 15–16) к постреволюционному авторитаризму. О. Великанова полагает, что этот «дрейф» – следствие специфических настроений в социуме (автор аргументированно и последовательно использует дискуссионный применительно к советскому периоду термин «общество»² в значении объединения граждан, обладающих политической субъектностью), в первую очередь низкой и «брутальной» политической культуры в не завершившей модернизацию и не вышедшей из состояния Первой мировой войны России. Активное участие значительной части активных и зрелых граждан в политических событиях эпохи Первой мировой и Гражданской войн культивировало специфическую, тесно связанную с насилием и подавлением модель поведения и мировоззрения. Формирование таких антидемократических позиций автор именуется «оборотной стороной» (*backside*) 1917–1921 гг.» (р. 5). Однако проведенные автором параллели между ситуацией в Советской России и СССР в 1917–1936 гг. и политической эволюцией ряда стран СНГ, Ближнего Востока и Латинской Америки на рубеже XX–XXI вв. выглядят несколько тенденциозно и искусственно (р. 2–4).

О. Великанова осуществляет достаточно емкий обзор эволюции российского/советского конституционализма с 1906 по 1977 г., акцентируя затем внимание на дискуссии в социальных науках о значении и границах применения термина «политическая культура» (р. 26–27). Автор понимает ее как совокупность установившихся и принимаемых гражданами идей и практики действия в политической среде, что является частью советских реалий. Так, исследователь аргументирует наличие политической культуры в СССР массовым участием нескольких поколений жителей страны в коренных преобразованиях государственного строя и социально-экономического уклада в ходе нескольких революций и войн, а также в совсем недавних (по отношению к 1936 г.) событиях сталинской «революции сверху» на рубеже 1920–1930-х гг. (р. 20–25). Вызывают сомнения

---

² Ряд исследователей, преимущественно представителей «тоталитарного» направления советологии, полагают, что говорить о «советском обществе» не представляется возможным – речь в их трудах идет о «социуме» или «населении СССР». Учитывая продолжающуюся терминологическую дискуссию, мы предлагаем использовать по отношению к сообществу советских граждан термин «советский социум». В то же время применение термина «граждане» применительно к советским людям, вовлеченным в кампанию, оправдано с формально-юридической позиции второй половины 1930-х гг., однако сопряжено с рядом проблемных вопросов: например, о том, можно ли относить к одной и той же категории советских граждан – жителей города и сельской местности (как это делала советская пропаганда с момента прихода большевиков к власти), если последние на момент проведения кампании и много позднее не обладали паспортами?

безапелляционные ссылки О. Великановой на труды М. Левина, А. Гетти и других признанных специалистов по социальной истории СССР (р. 5–7), ряд позиций которых относительно действительного влияния групп советского социума на действия власти являются по меньшей мере дискуссионными, поскольку очевидно верный тезис о высоком уровне мобильности советского населения (как горизонтальной, так и вертикальной) лишь косвенно может свидетельствовать о формировании массовой политической культуры среди граждан, охваченных этой мобильностью (не всегда приводившей к политическим «высотам»). Однако автору нельзя отказать в четкой аргументации терминологического и методологического аппарата работы, присущей и другому труду О. Великановой, посвященному общественным настроениям в советском обществе 1920-х гг., – «Разочарованные мечтатели» [Великанова]. В сущности, рассматриваемая нами работа – логическое продолжение комплексного труда автора по изучению специфического междисциплинарного феномена восприятия индивидами и группами политических событий в СССР. Граждане Советского Союза в силу мобилизационного характера проводимых руководством страны мероприятий вне зависимости от их направленности неизбежно и зачастую вопреки собственной воле оказывались вовлеченными в них.

Источниковая база исследования представлена качественно классифицированным и проанализированным автором корпусом источников различной типовидовой принадлежности (р. 15–20). Совершенно оправдано использование официальных законодательных и массово-публицистических источников (советского законодательства, периодики, печатных и визуальных агитационно-пропагандистских материалов) в совокупности с делопроизводством, включая секретные сводки ЦК ВКП(б), ЦИК СССР, ВЦИК, Постоянной Центральной комиссии по вопросам культа при ВЦИК, а также карательных органов. Из последней группы документов О. Великанова отдает предпочтение сводкам НКВД, и в меньшей степени – органов суда и прокуратуры.

Автор справедливо отмечает тенденциозность этих источников, однако спорным остается вопрос характера и масштабов искажений и фальсификации секретных материалов (р. 16–17). На наш взгляд, секретное непубличное делопроизводство в рамках массовых политических кампаний служило целям своего рода «социологических замеров» массовых взглядов – восприятия гражданами действий власти. Поэтому при безусловном наличии у различного рода функционеров карьеристской и иной заинтересованности в преувеличении масштабов недовольства (об этом пишет О. Великанова) в целом задачей таких сводок было как можно более тщательное фиксирование картины массовых умонастроений. Наличие же в ходе кампании различных ведомственных каналов сбора информации уже тем самым повышает потенциал такого рода источников и их ценность.

Конструктивно обращение автора к специфическим источникам – сводкам разведывательных и дипломатических органов ряда западных государств (США, Великобритании, Норвегии, Финляндии и др.) о ситуации в СССР (р. 18). Опыт работы с такого рода материалами позволяет понять не только степень осведомленности иностранных чиновников о реальном положении вещей в советском социуме, но и характер преломления политических реалий Советского Союза в сознании иностранцев, что важно для понимания международной значимости конституционной кампании 1936 г.

Вполне оправдано и использование эго-документов, целого корпуса источников личного происхождения (р. 20): от конъюнктурных, преследующих зачастую не только идейные, но и прагматические цели «писем во власть» и партийных автобиографий до личных дневников и мемуаров, включая интервью эмигрантов из СССР, полученные в рамках проекта Гарвардского университета по изучению советской социальной системы в 1950–1951 гг. (р. 20–21). В качестве критики данной группы источников следует отметить временной разрыв, специфический тип отношения эмигрантов к советскому строю и собственному опыту существования в его условиях, а также тенденциозность самого проекта, реализуемого в ситуации «маккартизма» в США. По степени тенденциозности такие интервью можно сопоставить с идентичными по формату проектами об истории фабрик и заводов или сбору воспоминаний о революции и Гражданской войне при участии ведущих советских писателей и журналистов под эгидой М. Горького в 1930-е гг.

Завершая обзор источников и представляемых ими исследовательских возможностей, О. Великанова делает совершенно справедливое заключение о различиях терминов «общественное мнение» (*public opinion*) и «общее/общепринятое мнение» (*popular opinion*) и подчеркивает, что в политических реалиях СССР общественное мнение как таковое не сформировалось; это не мешает судить о наличии мнения общепринятого, то есть индивидуальных, но носящих массовый характер позиций по ряду актуальных государственных и общественных вопросов (р. 23), что подтверждает существование в стране массовой политической культуры (р. 5, 7, 22).

Монография структурно разделяется на две части: «Правительственные цели пересмотра Конституции и национальной дискуссии» (часть 1) и «Народное восприятие Конституции» (часть 2). Каждая из частей состоит из тематических глав, посвященных отдельной проблеме конституционного строительства как для советского руководства, так и для разных групп советского населения.

Оригинальна авторская точка зрения о первых шагах к конституционной реформе: она основывается на документе от 25 мая 1933 г., выявленном в 2010 г. О. В. Хлевнюком, – записке секретаря ЦИК СССР А. С. Енукидзе в ЦК ВКП(б) о необходимости изменений в избирательном законодательстве (р. 29). Эти изменения планировалось

внести до электорального цикла 1934 г., то есть до очередных общесоюзных выборов в советы. Отталкиваясь от этого факта, О. Великанова высказывает мнение о длительном характере приготовлений к конституционной реформе, необходимость которой была вызвана кажущейся незавершенностью потенциальной электоральной реформы (р. 34). О. Великанова утверждает, что «с мая 1933 г. по 1934 г. идея изменений в избирательном законе не имела продвижения» (ibid.). Автор сообщает о попытках А. С. Енукидзе инициировать избирательную реформу на XVII Съезде ВКП(б) в январе 1934 г., где он «повторил свои оценки изменений ситуации в деревне», и в мае 1934 г., когда советский деятель подготовил «детальный план нового избирательного закона», после чего к 1935 г. возникло осознание необходимости более глубоких изменений законодательства. Кроме того, О. Великанова аргументирует осознанную представителями высшего партийно-государственного руководства необходимость реформ структурными трансформациями в советском социуме, а именно «стиранием границ» между рабочим классом и крестьянством «после реализации политики индустриализации и особенно коллективизации и “раскулачивания” в ходе первой пятилетки (1928–1932 гг.)» (р. 30–32). Автор подчеркивает осознание потребности в новой Конституции И. В. Сталиным и его окружением: «3 марта 1935 г. Политбюро сместило Енукидзе с поста секретаря ЦИК... несмотря на это, он остался членом Конституционной комиссии, коим был избран 8 февраля 1935 года» (р. 29).

Авторский тезис о влиянии социальных изменений на реформы конституционного законодательства СССР достаточно спорный. С одной стороны, «Великий перелом» действительно привел к колоссальной, катастрофической ломке прежней социальной структуры, выражавшейся в том числе в «чистках» интеллигенции и бюрократического аппарата, в их тотальной лоялизации, и в особенности в фактическом разрушении крестьянства как социальной общности. Не случайно современные историки характеризуют коллективизацию как процесс раскрестьянивания – превращения крестьян в носителей иного статуса: сельскохозяйственных работников, занятых обязательным трудом в интересах государства [Красильников]. В этом смысле можно говорить о статусной унификации пролетариата и колхозников. Однако руководство СССР (судя по его практическим шагам) осознало произошедшие социальные трансформации лишь к середине 1930-х гг.: только в 1935–1936 гг. стабилизировался правовой статус колхозов и их жителей, де-юре был отменен статус лишенных избирательных прав («лишенцев»), и лишь Конституция СССР 1936 г. окончательно уравнила городских и сельских жителей в избирательных правах (р. 50). В то же время нельзя отрицать убедительность, с которой О. Великанова критикует точку зрения о спонтанности конституционной реформы (р. 29–32) – она, по мнению ряда авторов, началась «волевым решением И. В. Сталина» лишь

7 февраля 1935 г. созданием Конституционной комиссии ЦИК СССР во главе с «вождем».

В монографии поднимается важная проблема политических и социально-экономических условий, в которых подготавливалось «все-народное обсуждение». В начале главы, посвященной данной проблеме, О. Великанова ссылается на сформулированную в середине 1940-х гг. историческую концепцию американского социолога русского происхождения Н. С. Тимашева о «великом отступлении» советского руководства от революционных идеалов в пользу строительства «нормального» национального государства с 1934 г. (р. 37). Примечательным является факт анализа применимости этой концепции к реалиям эпохи в историческом труде. В большинстве работ историков о концепции Н. С. Тимашева, популярной среди философов, юристов и социологов, упоминается лишь вскользь.

О. Великанова подробно рассматривает шаги, предпринятые И. В. Сталиным и Политбюро в политико-правовой сфере, называя их проявлениями «относительной сдержанности» (*relative moderation*) в политике (р. 38). Исследователь полемизирует с мнением, что эта «сдержанность» была «осознанной политикой» (*conscious policy*), отмечая, что к преобразованиям руководство «подталкивали кризисные явления», а общая политика большевиков «продолжала включать в себя репрессии» (р. 38). К числу шагов в «русле сдержанности» автор справедливо относит мероприятия по конституированию, юридическому закреплению возникших в результате «Великого перелома» реалий, что было совершенно необходимо хотя бы для относительного смягчения колоссальной социальной напряженности, характерной для первой половины 1930-х гг. (р. 39–41).

Внимания заслуживает комплексное освещение причин конституционной реформы, делавших ее необходимой для власти. Они справедливо разделены на международные (р. 49), идеологические (р. 52) и внутренние (р. 62). Первые две причины указаны верно, и их можно назвать общепринятыми: это необходимость демонстрации демократического характера советского строя для обеспечения идеи создания системы коллективной безопасности в Европе, моральная поддержка левых политических и рабочих движений стран Запада, демонстрация «достижений социализма», юридическое «подтверждение» этих достижений, правовая фиксация бесклассового общества, о котором Сталин неоднократно говорил в интервью иностранным корреспондентам и на партийно-государственных мероприятиях [см.: Сталин, т. 13].

Особого внимания заслуживает авторский взгляд на внутренние причины, к числу которых относится необходимость расширения социальной базы режима за счет демонстрации его «демократизма» (р. 63). При этом автор увязывает расширение социальной базы с мобилизацией аппарата функционеров, сопровождавшейся жесткими масштабными репрессиями против них. Такая позиция известна в науке и достаточно глубоко разработана в трудах ряда

историков-ревизионистов [Гетти, с. 94], однако продолжают дискуссии в кругу специалистов относительно возможных заигрываний верховного руководства СССР с «массами» в 1936–1937 гг. Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 г. демонстрируют обеспокоенность и растерянность региональных партийно-государственных руководителей в связи с принятием «демократической» Конституции и перспективой открытых конкурентных выборов в декабре 1937 г. [Шлэгель, с. 228]. При этом большинство жертв «Большого террора» пришлось на непартийные «массы», а сущность режима и его практики не претерпели изменений. Так или иначе, вопрос о конституционной реформе как средстве усиления легитимности сталинского персоналистского режима в СССР и за его пределами остается нерешенным вопреки аргументации О. Великановой, которую она подкрепляет результатами исследований историков социально-политических отношений в СССР А. Гетти, Д. Бранденбергера и др. (р. 52–55). Автор задается вопросом: «Являлось ли лозунговое провозглашение (*motto proclamation*) построения социализма лишь маркетинговым ходом (руководства СССР. – М. III.)?» (р. 55). Далее О. Великанова, опираясь на теоретические рассуждения К. Маркса и В. И. Ленина, доказывает, что в марксистском мировоззрении реалии, сложившиеся к середине 1930-х гг. в СССР, для значительной части «марксистов и веривших пропаганде граждан» вполне могли служить доказательством построения социализма в стране: это отсутствие рынка, кажущееся уничтожение эксплуататорских классов, значительная унификация социума, активная интеграция технических достижений в народное хозяйство в сравнении с предшествовавшими десятилетиями (р. 55–57).

Важным и своего рода переходным элементом работы является глава о социально-политической мобилизации в СССР, в которой рассматриваются механизмы кампаний по изучению массовых настроений. Положение местных функционеров в рамках этих кампаний автор метко и аргументированно характеризует выражением «между молотом и наковальней» (*between a rock and a hard place*) (р. 74). О. Великанова отмечает взаимное давление на аппарат местных функционеров – как вышестоящих институций партии и советов, так и местного населения, охваченного социальной напряженностью и при этом обладающего значительным уровнем политической субъектности и культуры, проявляющейся в «критике с официальных позиций» или «письмах во власть» или в прессу. Эта позиция характерна для ревизионистского направления в историографии, опирающегося во многом на методы социологии, психологии и социальной конфликтологии и рассматривающего советский социум как источник политической поддержки большевистского режима (равно как и конфликтов вокруг него и его политики). Таким образом, О. Великанова доказывает субъектность обеих сторон взаимодействия «власть – общество» в процессе политической кампании. Именно

поэтому руководству страны было важно придать видимость всенародности принятия решения по вопросам конституционной реформы (р. 99). Данная позиция верна и подтверждается формально демократическим, но фактически директивно-мобилизационным характером других кампаний второй половины 1930-х гг. – от обсуждения новых законов до принятия решений о закрытии церквей и молитвенных домов в 1937–1939 гг. [Одинцов, с. 215].

Вторую часть книги О. Великанова начинает с обзора экономических условий, в которых находились советские массы рядовых граждан (*grassroots*) в период кампаний (р. 111–113). Этот обзор позволяет понять, насколько далеко было сознание абсолютного большинства советских людей от политических перипетий в условиях повседневной необходимости в выживании и обеспечении минимального набора потребностей, лежащих в самом основании «пирамиды Маслоу». Автор верно устанавливает взаимосвязь экономических реалий с политическими образами и ожиданиями – особенность политической жизни в СССР привела к политизации абсолютного большинства выносимых на публичное обсуждение вопросов, что закономерно порождало у целого ряда граждан ожидания улучшения их материального (и правового – у «лишенцев») положения в результате изменений в Конституции (р. 114). Эта деталь важна для общего понимания восприятия разгоревшейся летом и осенью 1936 г. дискуссии о новом основном законе страны; этим объясняется внимание рядовых граждан к, казалось бы, несущественным для текста Конституции деталям (размеру оплаты труда, организации работы в колхозах и на заводах и т. д.) [ГАНУ. Сводки всенародного обсуждения проекта Конституции в Западно-Сибирском крае. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 2993. Л. 2–5]. В то же время тяжелое экономическое положение в зависимости от психологических и поведенческих особенностей граждан могло служить причиной как их радикального поведения (отчаянных протестов), так и провластного активизма (желания обратить на себя внимание, стать «своим» для власти) или конформизма («главное – выжить»).

В следующих главах с помощью анализа обширного корпуса источников выявляется несколько генеральных форм восприятия гражданами конституционной кампании: «либеральный дискурс» (р. 123), «голоса против свобод» (р. 163) и «иные комментарии и рекомендации» (р. 205). Автор тщательно фиксирует и предпринимает попытку объяснить плюралистичные, зачастую полярные точки зрения граждан по комплексу политических вопросов, которые в массовом сознании актуализировала кампания. Отмечается, что многие граждане восприняли конституционный проект в качестве свидетельства грядущей демократизации как по причине доверия к большевикам, так и под впечатлением от их кажущейся слабости и готовности к уступкам, к «отступлению», которое на деле оказалось их «великим маневром» (р. 137).

Заслугой автора является научная разработка антидемократического дискурса, который О. Великанова (возможно, гиперболизируя) считает одной из важнейших черт общепринятых взглядов 1930-х гг. (р. 165), сформировавшихся в жестоких условиях начала десятилетия. Сюда относятся и предвоенный алармизм и милитаризм (развитие идей, образов и опасений «военных тревог» 1923 и 1927 гг., но с более выгодным результатом в массовом сознании), и антирелигиозные и антицерковные настроения, в которых во многом проявился межпоколенческий конфликт религиозности старших и воинствующего «научного атеизма» молодежи (р. 171–179). Более того, О. Великанова отмечает масштабный уровень конфликтности и нетерпимости в советском обществе, причем навязанных не только конфронтационной советской пропагандой, но и все тем же тяжелым положением граждан, ненавидевших теперь не только «чужих» или «классовых врагов», но и бюрократов, «вредителей» и даже более удачливых коллег-стахановцев (р. 187–189). Отметим, что власть систематически использовала это недовольство в качестве «защитного клапана» для сброса массового недовольства в безопасные для себя сферы социальных отношений. К «иным» формам восприятия автор относит весьма многочисленные выражения недоверия к будущему закону (р. 212) или предложения по преобразованиям в неполитических сферах (р. 205).

Констатируя громадный объем и значимость работы, проделанной автором с массовыми источниками со всего Советского Союза, обозначим узловую проблему их интерпретации: в рассматриваемый период участниками кампаний письменно фиксировалось лишь публичное (реже – в эго-документах – личное) выражение восприятия событий. Большинство же граждан в ходе массовых мероприятий хранили молчание – их поведение конформно и практически не поддается измерению и анализу. Кроме того, публичные высказывания невозможно точно оценить с точки зрения искренности, даже если допустить абсолютную точность их фиксации (что тоже неочевидно). В этом, пожалуй, заключается одно из наиболее уязвимых для критики мест направления исторической науки, изучающего массовое восприятие событий, ярким приверженцем которого является О. Великанова.

В заключении автор подтверждает существование развитой корпоративной (среди функционеров власти) и массовой (в городах и сельской местности) «политической культуры в СССР с сильно ощущаемым отпечатком сталинизма» (р. 246). При этом автор отмечает, что период «восстановления сил» (*relaxation*) в политической жизни страны в 1936 г. оказался фикцией и сменился террором (р. 221–227). На наш взгляд, этот тезис справедлив – ряд исследователей доказывают прямую связь между репрессиями и квазидемократическими и управляемыми партией, комсомолом, профсоюзами акциями, служившими, по сути, лишь средствами сопровождения и оправдания

террора против аппаратчиков и специалистов [Шлёгель, с. 521–525]. Позволив себе некоторую игру слов, отметим: *relaxation* в значении «отдых» (для советского социума) оказалась лишь «восстановлением сил» для политического руководства, сущностно не изменившего мобилизационно-охранительный курс.

Монография О. Великановой дает исчерпывающий в рамках авторской концепции ответ на вопрос о сочетании и диссонансе политических целей большевистского руководства и групп рядовых граждан СССР в мобилизационной, по сути экстремальной обстановке массовой кампании «всенародного обсуждения» Конституции. Кажущаяся всенародной, Конституция, принятая 5 декабря 1936 г., оказалась вне всяких сомнений «сталинской» в том смысле, что отвечала интересам власти, которые, однако, во многом формировались под бесспорно ощутимым социальным давлением снизу. Ценность труда О. Великановой состоит в удачной попытке исследовать крайне противоречивый симбиоз конфликтных и консолидационных сторон потенциала раннесоветского социума в период и в ситуации всеохватной политической мобилизации 1936 г.

Список литературы

Арнаутов Н. Б., Красильников С. А., Кузнецов И. С. [и др.]. Социальная мобилизация в сталинском обществе (конец 1920-х – 1930-е гг.). М. : Полит. энцикл., 2018. 591 с.

Великанова О. В. Разочарованные мечтатели : Советское общество 1920-х гг. М. : Полит. энцикл., 2017. 295 с.

ГАНО. Сводки всенародного обсуждения проекта Конституции в Западно-Сибирском крае. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 2993.

Гетти А. Практика сталинизма : Большевики, бояре и неумирающая традиция. М. : Полит. энцикл., 2016. 374 с.

Красильников С. А. Серп и молот : Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М. : РОССПЭН, 2003. 288 с.

Медушевский А. Н. Политическая история русской революции: нормы, институты, формы социальной мобилизации в XX веке. М. ; СПб. : Центр гуманитар. инициатив, 2017. 656 с.

Одинцов М. И. Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма. 1917–1953 гг. М. : Полит. энцикл., 2014. 424 с.

Сталин И. В. Сочинения. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1951. Т. 13. X + 423 с.

Шлёгель К. Террор и мечта. Москва 1937. М. : РОССПЭН : Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011. 742 с.

Velikanova O. Mass Political Culture under Stalinism. Popular Discussion of the Soviet Constitution of 1936. Denton : Palgrave Macmillan, 2018. 260 p.

References

Arnautov, N. B., Krasil'nikov, S. A., Kuznetsov, I. S., et al. (2018). *Sotsial'naya mobilizatsia v stalinskom obshchestve (konets 1920-kh – 1930-e gg.)* [Social Mobilisation in Stalin's Society (Late 1920s – 1930s)]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya. 591 p.

GANO [State Archive of Novosibirsk Region]. Stock R-47. List 1. Doc. 2993.

Getti, A. (2016). *Praktika stalinizma: Bol'sheviki, boyare i neumirayushchaya traditsiya* [Practicing Stalinism: Bolsheviks, Boyars, and the Persistence of Tradition]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya. 374 p.

Krasil'nikov, S. A. (2003). *Serp i Molokh. Krest'yanskaya ssylka v Zapadnoi Sibiri v 1930-e gody* [The Sickle and Moloch. Peasant Exile in Western Siberia in the 1930s]. Moscow. ROSSPEN. 288 p.

Medushevskii, A. N. (2017). *Politicheskaya istoria russkoi revolyutsii: normy, instituty, formy sotsial'noi mobilizatsii v XX veke* [The Political History of the Russian Revolution: Norms, Institutes, and Forms of Social Mobilisation in the 20th Century]. Moscow, St Petersburg, Tsentr gumanitarnykh initsiativ. 656 p.

Odintsov, M. I. (2014). *Russkaya pravoslavnaya tserkov' nakanune i v epokhu stalinskogo sotsializma. 1917–1953* [The Russian Orthodox Church during the Stalin Era. 1917–1953]. Moscow, ROSSPEN. 424 p.

Schlögel, K. (2011). *Terror i mechta. Moskva 1937* [Terror and the Dream. Moscow 1937]. Moscow, ROSSPEN, Fond “Prezidentskii tsentr B. N. El'tsina”. 742 p.

Stalin, I. V. (1951). *Sochineniya* [Works]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury. Vol. 13. X + 423 p.

Velikanova, O. (2018). *Mass Political Culture under Stalinism. Popular Discussion of the Soviet Constitution of 1936*. Denton, Palgrave Macmillan. 260 p.

Velikanova, O. V. (2017). *Razocharovannye mechtateli: Sovetskoe obshchestvo 1920-kh gg.* [Frustrated Dreamers: Soviet Society of the 1920s]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya. 295 p.

The article was submitted on 31.07.2019

ИЗ ЛАГЕРЕЙ DP – НА «ЗЕЛЕННЫЙ КОНТИНЕНТ»

Рец. на кн.: Persian J. Beautiful Balts. From Displaced Persons to New Australians. – Sydney : New South Publ., 2017. – 240 p.

Алексей Антошин

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

FROM DP CAMPS TO THE “GREEN CONTINENT”*

Rev. of: Persian, J. (2017). Beautiful Balts. From Displaced Persons to New Australians. Sydney, New South Publ. 240 p.

Alexey Antoshin

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

This review focuses on a monograph written by Jayne Persian, lecturer at the University of Southern Queensland (Australia). The work is the first complex study devoted to the adaptation of former “displaced persons” (more particularly, émigrés from the Soviet Union) in Australia between the 1940s and 1960s. The work refers to an extensive complex of documents from the National Archives of Australia, the National Archives (United Kingdom), the Noel Butlin Archives Centre, Australian National University, and interviews with former “displaced persons” residing in Australia. The study is very important because it provides new information on the second wave of Soviet emigration, which is seldom examined by contemporary Russian scholars. Persian demonstrates that political factors played an important role in how the Australian government granted immigration permission. Quite frequently, Australia preferred people who shared anti-communist positions. Therefore, many former collaborators of the World War II era came to Australia; this hindered cooperation between the USSR and Australia. Persian shows that “new Australians” had difficulty integrating into society. The government tried to assimilate them, which pushed the immigrants to seek isolation in their communities. This book helps us understand the controversial character of the state policy of historical memory, a problem that is also very important for contemporary Russia.

---

* *Citation:* Antoshin, A. (2020). From DP Camps to the “Green Continent”. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 2. P. 692–698. DOI 10.15826/qr.2020.2.489.

Цитирование: Antoshin A. From DP Camps to the “Green Continent” // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 2. P. 692–698. DOI 10.15826/qr.2020.2.489 / Антошин А. Из лагерей DP – на «зеленый континент» // *Quaestio Rossica*. Т. 8. 2020. № 2. С. 692–698. DOI 10.15826/qr.2020.2.489.

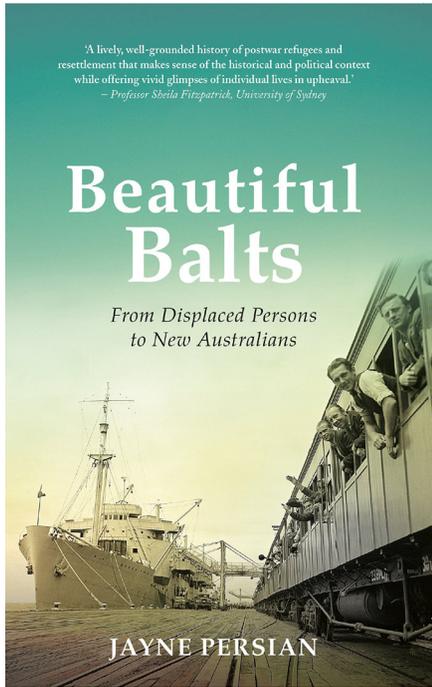
Keywords: second wave of Soviet emigration; collaborators; displaced person; Australia; Jayne Persian.

Монография Джейн Першен, преподавателя Университета Южного Квинсленда (Австралия), – первый обобщающий труд, посвященный проблемам адаптации бывших «перемещенных лиц» (в том числе и эмигрантов из Советского Союза) в австралийское общество в 1940–1960-е гг. Соединены источники из Австралийского национального архива, Национального архива Великобритании, Архивного центра Австралийского национального университета, интервью автора с проживающими в Австралии бывшими «перемещенными лицами». Работа существенно расширяет представления о второй волне эмиграции из СССР, которая в последние годы редко привлекает внимание российских исследователей. Дж. Першен показывает, что политические факторы играли важную роль в процессе выдачи правительством Австралии разрешений на иммиграцию: часто предпочтение отдавалось лицам, разделявшим антикоммунистические взгляды. В результате в Австралии оказалось немало бывших коллаборационистов времен Второй мировой войны, которые препятствовали улучшению отношений между СССР и Австралией. Дж. Першен показывает, что «новые австралийцы» столкнулись с серьезными трудностями в процессе интеграции в австралийское общество. Правительство страны стремилось проводить политику ассимиляции, что вызывало ответную реакцию иммигрантов. Книга помогает понять противоречивый характер государственной политики исторической памяти, что актуально и для современной России.

Ключевые слова: вторая волна эмиграции из СССР; коллаборационисты; перемещенные лица; Австралия; Дж. Першен.

Тема эмиграции была открыта для российского читателя в 1990-е гг. после долгих лет игнорирования данного феномена в советский период. На Западе же еще в 1978 г. широкий резонанс получила книга «Жертвы Ялты», автором которой явился потомок русских эмигрантов Н. Д. Толстой [Толстой]. О второй волне начали писать в России после распада СССР. В 1990–2000-е гг. благодаря усилиям историка и архивиста А. В. Попова издавалась серия «Материалы к истории русской политической эмиграции», в которой были опубликованы мемуары Н. А. Троицкого, протоиерея Димитрия Константинова, К. Ф. Штеппы, вышел сборник статей «В поисках истины» [Троицкий; Константинов; Штеппа; В поисках истины]. Однако постепенно осуществление подобных издательских проектов прекратилось. Жизненные истории советских военнопленных и «восточных рабочих» плохо вписываются в парадную картину юбилеев Победы. Между тем, речь идет о миллионах наших соотечественников, чьи судьбы искорежила война. Без обращения к данной проблематике невозможен адекватный ответ на вопрос о цене Победы, который исключительно важен для формирования исторической памяти о Второй мировой войне.

На Западе проблематика второй волны эмиграции из СССР практически всегда рассматривалась в общем контексте истории лагерей для перемещенных лиц (*displaced persons, DP*), созданных международными организациями после войны. Активно изучаются вопро-

сы создания этих лагерей, повседневная жизнь и настроения оказавшихся там людей [Wyman; Holian; Hilton].

Обращение австралийского историка Джейн Першен (Университет Южного Квинсленда) к данной проблематике не случайно [Persian]. После Второй мировой войны, когда Австралия начала проводить активную иммиграционную политику, чтобы решить проблему ускоренной индустриализации страны, был организован приезд в страну «перемещенных лиц» из Европы, в том числе бывших граждан СССР. К этой теме уже обращались некоторые российские историки [Каневская], немалое внимание этим сюжетам уделяли в своих мемуарах

и представители русской диаспоры в Австралии. Наиболее информативны мемуары С. А. Дичбалиса [Дичбалис] и «История русских в Австралии» (Сидней, 2004) [История русских в Австралии].

Однако труд Дж. Першен выделяется в этом ряду тем, что основан на большом комплексе документов австралийских архивов. Ею использованы материалы Австралийского национального архива и Архивного центра Австралийского национального университета; кроме того, привлечены фонды Национального архива Великобритании (Австралия долгое время была британским доминионом) и Австралийской национальной библиотеки. Историк также удалось взять 22 интервью у проживающих в Австралии «DP», среди которых оказались дедушка и бабушка ее мужа.

Дж. Першен признается: до знакомства с этими людьми она практически ничего не знала о феномене масштабной иммиграции «DP» в Австралию после Второй мировой войны, о судьбах перемещенных лиц (р. 9)¹. Это обстоятельство не является случайным, а вытекает из государственной политики исторической памяти в Австралии.

¹ Здесь и далее ссылки на рецензируемое издание даются в круглых скобках с указанием страниц.

В этой сфере на «зеленом континенте» во многом существуют те же проблемы, что и в современной России: власть и общество предпочитают не вспоминать о «черных дырах» национальной истории. Дж. Першен открыто полемизирует с официальными заявлениями австралийских политиков о том, что отношение к иммигрантам в Австралии – пример для всего мира. Так, официальным «местом памяти», «родиной австралийского мультикультурализма» в Австралии считается главный лагерь для размещения бывших «DP» Бонегилла. Однако, как отмечает Дж. Першен, сами бывшие «DP» называют это место «Бони-блади-гилла»², поскольку для них пребывание там было тяжелым личным опытом (р. 200).

В книге Дж. Першен охарактеризован путь «новых австралийцев», который начинался с лагерей «DP» в Европе. Ее исследование показывает, какую большую роль сыграли европейские лагеря «DP» в конструировании восточноевропейских диаспор, существовавших в годы холодной войны. Она отмечает значительную роль США в идеологическом обеспечении деятельности Администрации помощи и восстановления Объединенных наций – ЮНППА (*United Nations Relief and Rehabilitation Administration*), под эгидой которой и были созданы лагеря. Книга позволяет понять, как формировались националистические настроения, характерные для проживавших на Западе латышей, эстонцев, литовцев, украинцев и т. д. Именно лагеря «DP», часто возникавшие по этническому признаку, становились центрами формирования новых диаспор, в которых конструировались «националистические настроения в диаспоре» (р. 33). Эти настроения питались ностальгией по Родине, душевными травмами, которые нанесла война обитателям лагерей. Политические элиты «DP» «создавали связь между индивидуальными страданиями и национальным эпосом совместных потерь, изгнания и диаспоры» (р. 34), что исключительно важно. В последние годы активизировались исследования, посвященные формированию национально-государственной идентичности новых независимых государств, «политике памяти» на пространстве бывшего СССР [Шнирельман]. Исследование австралийского историка указывает на ряд факторов, которые часто ускользают из поля зрения как российских, так и зарубежных ученых.

Своеобразной элитой «DP» в послевоенной Европе часто считали выходцев из Прибалтики. Этим и обусловлено название книги Дж. Першен – «Прекрасные балты». Именно латыши, эстонцы и литовцы, как отмечает австралийский историк, считались наиболее трудолюбивыми, энергичными, интеллигентными, «лучшим материалом для ассимиляции» (р. 45, 62). Автор признает: политические аспекты также играли серьезную роль при формировании государственной иммиграционной политики стран Запада. Как и многие другие западные историки, она не замалчивает важное обстоятельство: разре-

² Игра слов, букв. – «кровавая Бонегилла».

ние на иммиграцию охотнее давалось тем, кто был известен своими антикоммунистическими взглядами. В результате в Австралии оказались многие коллаборационисты и «те, кто симпатизировали фашистам» (р. 66).

Дж. Першен прежде всего является не русистом, а историком Австралии (большое влияние на ее становление как исследователя оказала Ш. Фитцпатрик). Ключевое внимание автор уделяет жизни бывших «ДР» в Австралии, которые первоначально были размещены в лагерях, жили в спартанских условиях, в бараках. Она даже заявляет, что условия там «были часто хуже, чем в лагерях для “ДР” в Германии» (р. 95). Женщины были лишены нормальных условий для рождения детей. Результатом всего этого были частые разводы, психические расстройства и даже самоубийства в среде бывших «ДР».

Страницы, посвященные проблемам адаптации переселенцев в австралийском обществе, одни из самых сильных в книге. Дж. Першен показывает, что «новые австралийцы» столкнулись с массой трудностей: полученная ими на Родине квалификация не признавалась, коренные жители не воспринимали их равными себе. Правительство, проводя политику ассимиляции иммигрантов, настаивало на принятии ими «британско-австралийских норм и ценностей» (р. 121). Результатом становилась консолидация бывших «ДР» в рамках диаспоральных общностей, что было весьма противоречивым явлением. В национально-культурных объединениях развивались и националистические настроения, которые часто принимали экстремистский характер. В монографии приведены многочисленные примеры попыток коллаборационистов распространять в диаспоральных сообществах нацистские и антисемитские идеи. Были случаи, когда СССР добивался экстрадиции этих людей как военных преступников, а Австралия отказывалась это делать, так как не верила в советское правосудие (р. 157). Одним из таких «новых австралийцев» был, например, Н. Ф. Алферчик, в прошлом – начальник полиции в оккупированном немцами Смоленске, виновный в массовом уничтожении евреев и других жителей города в 1941–1942 гг. Известный историк П. М. Полян характеризует этого человека как «убийцу и палача», отмечая при этом, что Советский Союз так и не смог добиться от Австралии его экстрадиции [Полян, с. 44].

Как показано в исследовании, созданные бывшими «ДР» политические организации нередко препятствовали улучшению отношений между СССР и Австралией. Они пытались оказывать давление на австралийскую политическую элиту, полагая, что она «не знает, что такое коммунизм» (р. 165). Участвуя в австралийской политической жизни, эти люди являлись опорой правых сил, наиболее непримиримых антикоммунистов. Однако в их среде часто действовали советские агенты, и в среде бывших «ДР», по замечанию Дж. Першен, «страх перед тем, чтобы быть захваченным советской машиной, был всеобщим» (р. 165). С учетом присутствия среди «новых австралийцев» коллаборационистов, эти страхи были вполне обоснованными.

На наш взгляд, австралийский историк, как и большинство ее западных коллег, при характеристике настроений советских «ДР» в послевоенной Европе все-таки преувеличивает удельный вес тех, кто стремился остаться на Западе, подчеркивая: «многие советские граждане не желали возвращаться домой» (р. 22). Приводя многочисленные высказывания такого рода со стороны тех, кого она интервьюировала, Дж. Першен не учитывает, что подавляющее большинство ее собеседников – выходцы с Западной Украины и из Прибалтики (территорий, присоединенных к СССР в 1939–1940 гг.). В российской исследовательской литературе эти люди обычно именуется «западниками». Как показывают исследования В. Н. Земскова, именно «западники» составляли костяк второй волны эмиграции из СССР. Среди «восточников» (тех, кто были гражданами СССР до 1939 г.) репатриационные настроения были гораздо сильнее [Земсков, с. 111]. Вряд ли игнорирование факта, что большинство бывших советских военнопленных и «остарбайтеров», невзирая на угрозу возможных репрессий, все-таки мечтали после войны вернуться к своим семьям домой, способствует объективности. Дж. Першен, к сожалению, не удалось поработать в российских архивах, а их материалы (прежде всего фонды ГАРФ и РГВА) могли бы помочь австралийскому историку высветить новые грани ее исследования.

Резюмируя, следует сказать, что труд Дж. Першен вносит серьезный вклад в историографию истории второй волны эмиграции из Советского Союза. Впервые на материалах австралийских архивов проведен обстоятельный анализ проблемы интеграции бывших «ДР» в общество Австралии. Австралийский историк не замалчивает и темные стороны этого процесса, а открыто пишет о них, поскольку, по ее выражению, иначе общество будет иметь дело с «антиисторической памятью» (р. 200).

Список литературы

- В поисках истины. Пути и судьбы второй эмиграции : сб. ст. и док. / под общ. ред. А. В. Попова. М. : РГГУ, 1997. 376 с.
- Дичбалис С.* Зигзаги судьбы. М. : Ин-т полит. и воен. анализа, 2003. 272 с.
- Земсков В. Н.* Репатриация и вторая волна эмиграции // Родина. 1991. № 6–7. С. 110–113.
- История русских в Австралии : в 4 т. Сидней : [Б. и.], 2004. Т. 1. 297 с.
- Каневская Г. И.* «Мы еще мечтаем о России...» : История русской диаспоры в Австралии (конец XIX в. – вторая половина 80-х гг. XX в.). Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2010. 372 с.
- Константинов Д., прот.* Через туннель XX столетия. М. : ИАИ РГГУ, 1997. 592 с.
- Полян П. М.* О Борисе Меньшагине // Борис Меньшагин. Воспоминания, письма, дневники. М. ; СПб. : Нестор-История, 2019. С. 23–160.
- Толстой Н. Д.* Жертвы Ялты. М. : Рус. путь, 1996. 543 с.
- Троицкий Н. А.* Ты, мое столетие... М. : Ин-т полит. и воен. анализа, 2006. 496 с.
- Шнирельман В. А.* Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. М. : Академкнига, 2003. 350 с.
- Штенна К. Ф.* «Ежовщина» // XX век. История одной семьи. М. : Ин-т полит. и воен. анализа, 2003. С. 15–138.

Hilton L. J. *Prisoners of Peace: Rebuilding Community, Identity and Nationality in Displaced Persons Camps in Germany, 1945–1952* : PhD Diss. Ohio State Univ., 2001. 517 p.

Holian A. M. *Between National Socialism and Soviet Communism: Displaced Persons in Postwar Germany*. Ann Arbor : Univ. of Michigan Press, 2011. 367 p.

Persian J. *Beautiful Balts. From Displaced Persons to New Australians*. Sydney : N. South Publ., 2017. 240 p.

Wyman M. *DPs: Europe's Displaced Persons, 1945–1951*. Ithaca, N. Y. : Cornell Univ. Press, 1998. 272 p.

References

Dichbalis, S. (2003). *Zigzagi sud'by* [Zigzags of Fate]. Moscow, Institut politicheskogo i voennogo analiza. 272 p.

Hilton, L. J. (2001). *Prisoners of Peace: Rebuilding Community, Identity and Nationality in Displaced Persons Camps in Germany, 1945–1952*. PhD Diss. Ohio State Univ. 517 p.

Holian, A. M. (2011). *Between National Socialism and Soviet Communism: Displaced Persons in Postwar Germany*. Ann Arbor, Univ. of Michigan Press. 367 p.

Istoriya russkikh v Avstralii v 4 t. [The History of Russians in Australia. 4 Vols.]. (2004). Sydney, S. n. Vol. 1. 297 p.

Kanevskaya, G. I. (2010). "My eshcshe mechtaem o Rossii...". *Istoriya russkoi diaspori v Avstralii (konets XIX v. – vtoraya polovina 80-kh gg. XX v.)* ["We are dreaming of Russia...". The History of the Russian Diaspora in Australia, Late 19th Century – Second Half of the 1980s]. Vladivostok, Izdatel'stvo Dal'nevostochnogo universiteta. 372 p.

Konstantinov, D., archp. (1997). *Cherez tunnel' XX stoletiya* [Through the Tunnel of the 20th Century]. Moscow, Istoriko-arkhivnyi institut Rossiiskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. 592 p.

Persian, J. (2017). *Beautiful Balts. From Displaced Persons to New Australians*. Sydney, N. South Publ. 240 p.

Polyan, P. M. (2019). O Borise Men'shagine [On Boris Menshagin]. In *Boris Men'shagin. Vospominaniya, pis'ma, dnevniki*. Moscow, St Petersburg, Nestor – Istoriya, pp. 23–160.

Popov, A. V. (Ed.). (1997). *V poiskakh istiny. Puti i sudby vtoroy emigratsii* [In Search of Truth. The Roads and Fates of the Second Wave of Emigration]. Moscow, Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet. 376 p.

Shnirel'man, V. A. (2003). *Voiny pamyati: mify, identichnost' i politika v Zakavkaz'e* [Memory Wars: Myth, Identity, and Politics in the South Caucasus]. Moscow, Akademkniga. 350 p.

Shtepa, K. F. (2003). "Ezhovshchina" [Ezhovshchina]. In *XX vek. Istoriya odnoi sem'i*. Moscow, Institut politicheskogo i voennogo analiza, pp. 15–138.

Tolstoy, N. D. (1996). *Zherty Yalty* [The Victims of Yalta]. Moscow, Russkii put'. 543 p.

Troitskii, N. A. (2006). *Ty, moe stoletie...* [My Century...]. Moscow, Institut politicheskogo i voennogo analiza. 496 p.

Wyman, M. (1998). *DPs: Europe's Displaced Persons, 1945–1951*. Ithaca, N. Y., Cornell Univ. Press. 560 p.

Zemskov, V. N. (1991). Repatriatsiya i vtoraya volna emigratsii [Repatriation and the Second Wave of Emigration]. In *Rodina*. No. 6–7, pp. 110–113.

The article was submitted on 18.01.2020

“THE SEMANTIC ENVIRONMENT” OF THE LATE DRAMATIC WORKS OF A. PLATONOV*

Rev. of: Kogut, K. S., Khryashcheva, N. P. (2018). *Poetika dramaturgii A. P. Platonova kontsa 1930-kh – nachala 1950-kh gg.: mezhtekstovyi dialog* [The Poetics of A. P. Platonov’s Dramatic Works in the Late 1930s and Early 1950s. Intertextual Dialogue]. St Petersburg, Nestor–Istoria. 280 p.

Elena Proskurina

Institute of Philology of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russia

This review raises a set of important issues. The use of contextual, motif, and “evidence-based” methods make it possible to identify hidden semantic layers which are hard to discern in Platonov’s late plays at first. The authors manage to demonstrate both the peculiarities of the plot of Platonov’s late dramas and their connection with the writer’s creative work as a whole. Particularly important is the autobiographical context which significantly enriches the “semantic environment” of the works analysed. It is based on Platonov’s family drama related to the arrest and premature death of his son Platon. The study reveals various ways of inclusion of the “son motif” in the plays *Voice of the Father*, *A Magical Being*, and *A Student of the Lyceum*. The analysis of the play *Noah’s Ark* turns out to be less interesting, which is largely due to the fact of its being unfinished and, thus, lacking artistic perfection. The stylistic originality of Platonov’s late creative work and its artistic distinction from the works of the 1920s – 1930s remain outside the authors’ framework of reflection. This range of issues may serve as a future focus of study.

Keywords: plays of A. Platonov; plot poetics; context; intertextual dialogue; biography and creative work of a writer.

Освещаемая монография поднимает комплекс важных проблем. Обращение к контекстуальному, мотивному, «уликовому» методам анализа позволило определить потаенные смысловые слои в поздних платоновских пьесах, которые остаются незамеченными при первом впечатлении. Авторами

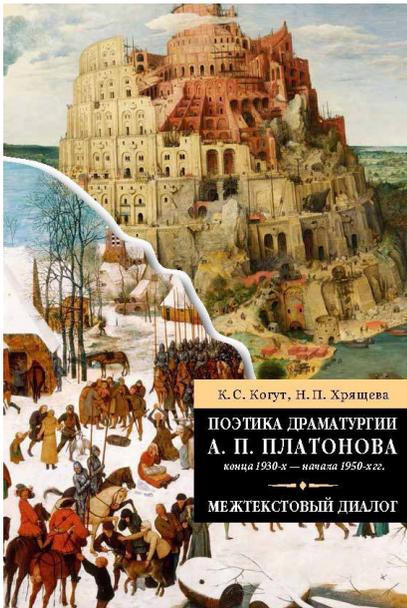
* *Citation:* Proskurina, E. (2020). “The Semantic Environment” of the Late Dramatic Works of A. Platonov. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 2. P. 699–710. DOI 10.15826/qr.2020.2.490.

Цитирование: Proskurina E. “The Semantic Environment” of the Late Dramatic Works of A. Platonov // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 2. P. 699–710. DOI 10.15826/qr.2020.2.490.

рецензируемой книги показано как сюжетное своеобразие анализируемых драм Платонова, так и связь произведений с творчеством писателя в целом. Особого внимания заслуживает автобиографический контекст, существенно обогащающий «смысловую среду» проанализированных текстов. В его основе – семейная драма Платонова, связанная с арестом и ранней смертью сына Платона. Выявлены разные способы включения «сыновнего сюжета» в пьесы «Голос отца», «Волшебное существо» и «Ученик лица». Менее интересным представляется анализ пьесы «Ноев ковчег», что во многом объясняется незавершенностью произведения, его художественной недовполненностью. За пределами рефлексии авторов монографии осталось стилистическое своеобразие позднего творчества Платонова, его художественное отличие от произведений 1920–1930-х гг. Данный спектр проблем определяется в рецензии как дальнейшая перспектива.

Ключевые слова: драматургия А. Платонова; поэтика сюжета; контекст; межтекстовый диалог; биография писателя и творчество.

Platonov's late dramas have become an object of research interest in the last decade. This includes, for example, Issue 7 of the collected articles *The Land of Philosophers of Andrei Platonov: Issues of Creativity* (2011) devoted to dramatic art. Nevertheless, it is hard to overestimate the importance of

the first attempt at a holistic interpretation of the late dramatic works of the writer undertaken by K. S. Kogut and N. P. Khryashcheva, in their complex monograph *Poetics of A. P. Platonov's Dramatic Works in the Late 1930s and Early 1950s. Intertextual Dialogue* [Когут, Хрящева]. Having chosen the late plays as an object of analysis, the authors have entered a difficult research area, since these works can hardly be considered among the writer's literary masterpieces.

A positive aspect of the study is the authors' ability to reveal hidden meanings within the plays, which remain unnoticed at first sight. In their investigation, the researchers reasonably use intertextual analysis with the accent on contextual, motif and “evidence-based” methods, which have not been comprehensively employed

in previous studies of Platonov's dramatic works. The substantial character of this scientific approach, the meticulous formulation of methodological aspects and the appeal to the latest studies of the writer's creative activity demonstrate a high level of scholarly reflection on the part of the mono-

graph authors. It is also necessary to note that the notorious "difficulty of reading" (A. Bitov) Platonov's texts is done away with in the plays under consideration. We come across an absolutely different language and new stylistics in them. But this aspect of Platonov's poetics dealing with the problem of the author's writing strategy is left beyond the scope of the monograph, which brings about new questions and challenges, and formulates a new area of scientific interpretation of Platonov's late dramatic works as a part of his creative activity in this period.

Chapter 1, dealing with the play *Voice of the Father*, convincingly shows the relationship between the poetics of the work and the graveyard elegy via a specific set of motifs: empty graveyard, evening graveyard landscape, and a talk with a dead person on a grave. This atmosphere is enhanced by the appeal to the genre of elegy in classical poetry and in the works by A. S. Pushkin. The interpretation of the play *Voice of the Father* as a "dialogue between a genius and a villain" through the allusion to Pushkin's *Andrei Chenier* is an original research finding. The authors present Father Yakov impersonating the "genius", whereas the villain is personified by Servant, a representative of the generation of forgetful sons, which is supported by the presence of demonic elements in the structure of his character. On the level of auto-dialogue, K. S. Kogut and N. P. Khryashcheva report the relationship between the play and Platonov's short story *The Happy Root-Crop*, in which there is a character with a similar function, and the novel *The Foundation Pit*, where traces of the "petty demon" can be seen in the character of Activist. It should be noted that the image of the evil force first appears in the early short story by Platonov, *Erick*. In future research, it would be interesting to study the movement of this chain of characters from its source to the final appearance in the play *Noah's Ark*.

The authors demonstrate a likeness between *Voice of the Father* and the lyrical miniature of Ignatiy Bryanchaninov's *A Voice from Eternity (Meditation at the Grave)* (1848). The words of the dead man, 'I can't speak!' and 'I can speak as yet!' [Брянчанинов], the motifs of infancy of the living, eternity, silence, and life-sleep kind of drift from the utterances of the lyrical character Saint Ignatiy into Platonov's text, transforming it in accordance with the author's intention. The genre of the first person narrative connects the words of Father Yakov in the play and *A Voice from Eternity* with confession and sermon, as well as with a dirge characterized by ambivalent subjectivity (the voice of the deceased is built into the voices of the praying): 'Сам Един еси Безсмертный, Сотворивый и Создавый человека, земний убо от земли создахомся, и в землю туюжде поидем, якоже повелел еси, Создавый мя, и Рекий ми: яко земля еси, и в землю отгидеши, аможе вси человецы поидем, надгробное рыдание творяще песнь: аллилуиа, аллилуиа, аллилуиа'¹ [Псалтирь, с. 402]. The author's

¹ 'You only are immortal, the creator and maker of mankind; and we are mortal, formed of the earth, and to earth shall we return. For so did you ordain when you created me, saying, "You are dust, and to dust you shall return." All of us go down to the dust; yet even at the grave we make our song: Alleluia, alleluia, alleluia' [The Book of Common Prayer, p. 499].

remark ‘And then follows a dialogue between the son, Yakov, and his Father speaking through Yakov’s heart with the voice of the son’ is rather important for this comparison [Платонов, 2006, с. 210]. In this way, literary intertextuality is interwoven into the sacred text, originating from a biblical archetype and epitomizing the basic theme of the whole creative legacy of Platonov: memory and forgetfulness.

Now let us focus on some aspects of this motif of duality in the play. The genealogical branch of the Father’s father (‘My father begat me’ [Платонов, 2006, с. 213], says Yakov’s father) – Father – Son is correlated with the biblical formula “the God of Abraham, the God of Isaac, and the God of Jacob”. The words “My father begat me” symbolize male priority in procreation (*begat* means *gave life*) originating from the Old Testament and associated in Christian consciousness with the New Testament formula “*Abraham begat Isaac*”. The name of the son, Yakov (Jacob), is a sign of this spiritual continuity opened up with the name of the God-Father-Life-giver and of the inclusion of his family into it. The Christian tradition is indicated by denoting the Father’s life as “holy existence” on his tombstone: Aleksandr Spiridonovich Titov. All this emphasizes the value of both family continuity and the father’s course of life. This detail expands the contextual field of *Voice of the Father* and serves as a contrastive marker of the nominative row in *The Foundation Pit*, where characters are given only surnames with fuzzy etymology (Zhachev, Chiklin, Voshchev), which demonstrates their unrooted existence. It is revealing that, while portraying Voshchev, the author removes all traces of his former life outlined in the sketches *The Teenager* and *The Gift of Life* [Корниенко, с. 118–130; Проскурина, с. 176–188].

The generational conflict between father and son is presented as a conflict of moral-ethical and scientific-technological views, where family memory is disrupted at the stage of the son. For Yakov, his own spiritual family history does not start from his birth father but from the “father of nations”, Joseph Stalin. The father’s realization of this difference is marked in the text by the stage remarks “silence”, “short silence”. The dialogue pause is enhanced after the son’s confession of his loyalty to Stalin. Thus, the love of the father and the act of missing him are rather natural filial emotions, whereas the Stalinist “doctrine” is for Yakov a source of knowledge about life and the birth of a “new man”. What has remained a mystery of life for the father and his generation appears to be a problem solved for Yakov’s generation. The Stalinist “doctrine” feeds his vehement desire to “rush” “the enemies of the people”. Thus, as K. S. Kogut and N. P. Khryashcheva rightly put it, between the lines of the dialogue, we can feel the writer’s concern about the spiritual health of young people, whose rootless nature might turn them into blind power executors (compare the elements of travesty in the character of Servant) and make them both part of the punitive system and its victims: the phrase “enemies of the people” sounds like the tragic formula of the Stalinist epoch.

Here, the monograph authors enter the autobiographical context of *Voice of the Father*: its connection with Platonov’s family drama – the ar-

rest of his 15-year-old son Platon in 1938 — which creates new semantic overtones in the plot. A detailed analysis of the text, and the political context in which it was written, allow the researchers to come to their conclusion about the motivated concern of the father over the fate of Yakov. The inclusion of Platonov’s letters to his wife Mariya Aleksandrovna into this context, overlooked by the authors, might have enhanced the dramatic effect of the plot collision of the play. Separated from the family, Platonov asks his wife to look after their son, to take care of him and to keep him out of trouble. This anxiety grows as Platon gets older. Thus, Platonov writes in the letter dated 25 February 1937: ‘Send me a telegram poste restante and let me know: if all goes well with you, if not, tell me (in detail) what has gone wrong’ [Платонов, 2013, с. 421]. A day later, on 27 February 1937, he writes in a highly depressed mood: ‘A hard unusual premonition troubles me. I feel as if something bad might happen to you and Platon in Moscow’ [Там же, с. 423]. This letter is published in a collection of Platonov’s letters and is the last one written before Platon’s arrest. That is how the political situation in the country and the juvenile age of his son, a boy with unstable behavior, are intertwined in a tragic way. Addressing his son, Platonov often asks him to obey his mother and not to fight with her. In the letter of 28 April 1934, Platonov asks his wife: ‘Ask Platon to be a good boy, avoid getting into any *<part of the sheet is lost>* let him obey and protect you, and you protect him’ [Там же, с. 362]. The lost part of the sheet may contain information about bad company and the risk of unfavorable influence upon the boy. Platon’s wife, Tamara Grigoryevna Zaytseva (Platonova), writes in her recollections about him: ‘He was a very unbalanced person after all’ [Платон, сын Платонова]. The unbalanced temper may explain that, under somebody else’s influence, Platon wrote those two “funny” in his opinion, letters addressed to a German reporter, which were the reason of his arrest [For more detail see: Платонов, 2013, с. 430–431]. Thus, the motif of the forgetful generation in *Voice of the Father* stems from the biographical plot of the author that performs the implicit frame function. The plot of the play creates its own dramatic effects, the basic one of which is the talk between father and son on the more distinct pattern of *quid pro quo* in contrast to the merger of the positions of Yakov and Servant. The fact that Yakov can be easily associated with the tempting pictures of the future drawn by Servant — a leisure park in the place of the cemetery — brings into the motif of collapse of the generation of fathers the semantics of a vain sacrifice.

On the level of intertextual dialogue, the assumption about the universal character of the issue of memory and forgetfulness in Platonov’s creative activity is marked by the allusion to the novel *The Foundation Pit*, in which this issue is put into the upper layer of the plot in the dialogues between Voshchev and the diggers. The non-viability of the project of a common proletarian house is mainly determined by the characters’ refusal from memory. As a result, their immersion in continuous “digging” turns into digging a common grave. Associated with the novel, the grave

of Yakov's father becomes a realized metaphor. According to the researchers, the play obtains a tragic ring, interpreted by the writer not only as an historical but also as a spiritual catastrophe. In view of this, the interpretation of the dialogue between the father and Yakov in the drama – as an inner dialogue between Platonov, who had gone through a lot in his life, and the younger Platonov, infatuated with the ideas of technical reformation of the world, which is saliently shown in his earlier plot of “rebellion against the universe” – becomes an important element of research reflection.

In the chapter devoted to the analysis of the play “The Magical Creature”, K. S. Kogut and N. P. Khryashcheva carry out a detailed study of the historical context, showing how the situation of warfare influenced a new turn in the theme of memory so significant for Platonov. The researchers made the first attempt to thoroughly analyze this work about which “only separate remarks had been made... on the level of comments on various publication” (c. 165). Of particular importance is the conclusion about the transitory nature of the artistic potential of the play, which forms the features of new poetics fully realized in the short story *The Return* – a key work of the postwar period of the writer's creative activity. This change is associated with Platonov's realization of the difficulties of transition from warfare to peaceful life, overcoming deformation of the human soul, which had lost hearty feelings during the terrible years of the war. The chronotope of *A Magical Being* is clearly divided into two poles: war and peace. It was a difficult task for the heroes who had got used to living in the trenches to go back to a peaceful situation. The comparative analysis of the two literary works shows their close ideological and poetic relationship. Nevertheless, as distinct from the plot of the short story *The Return* and its focusing on the problems of the character's coming back to peaceful life, the plot of the play is developed around a love collision moving in two directions: sacrificial love and love as self-indulgence. I believe that this collision allows one to speak of *A Magical Being* as an original work of fiction disregarding its “boosting” function in the direction of the short story *The Return*.

Investigating the plot situation of the wife lost and regained, K. S. Kogut and N. P. Khryashcheva discover its source from the fairy tale archetype, which is part of the universal idea of death-resurrection. It is worthy of note that interest in this cultural universal was in line with the creative tasks of literary activity of the war period, and specifically of poems, including lyrics, where the theme of protective memory overcoming separation and death was the leading one (*The Small Light* by M. Isakovskiy, *Dark Is the Night* by V. Agatov, *Wait for Me* by K. Simonov, etc.). A study of the poetic corpus of the literary environment of the play might have expanded its contextual field and have shown the specificity of Platonov's creative perspective consisting in an indirect method of the realization of ideas. This would have also facilitated the discovery of the reason why *A Magical Being* was regarded as an ideologically unclear play with a “fuzzy” and “blurred” plot.

A closer analysis of the plot structure of the play shows that, permeating the whole plot, the situation of the loss and regain of the wife is "submerged" by the author in other plot lines. And even the joy of the family reunion is immediately muffled by the wish of General Klimchitskiy, tired of forced rest after being wounded, to return to the front line in the finale of the play. Such a finale heightens the heroic and patriotic pathos of the play, but the motif of the search for the wife driving the plot line of the main character loses its organizational function. We cannot but mention that the situation of peace in which the larger part of the plot develops, emphasizing the scenes of eating, holiday and romantic dreams, undermines its ideological content. The episode of an untimely holiday in terms of intertextual dialogue contains allusions to *A Feast in Time of Plague* or to the scene of untimely holiday in *The Cherry Orchard* by A. Chekhov. An analysis of this similarity might have expanded the reception field of Platonov's play beyond the frames of auto-dialogue where, apart from *The Return*, the monograph authors refer to the play *A Hut at the Front Line* and the short story *Aphrodite*.

K. S. Kogut and N. P. Khryashcheva distinguish a Biblical layer in the poetic structure of the play, which is a result of an application of the "evidence-based" method of analysis. Evangelical allusions contain an analogy between the description of the fate of martyr Maria and the apocryphal story about the *Descent of the Virgin into Hell*. *An intertextual connection via a chain of signals (meaningful utterances, bows, kisses) between the acquaintance of Maria with Natasha, and the evangelical scene of the meeting between Virgin Mary and Elizabeth (known in iconography as "Kissing St. Elizabeth")* has been discovered by the monograph authors. These details, built into Platonov's drama, grant the archetypal plot of death-resurrection an evangelical ring. The authors discern references to Pushkin expressed by micro-poetical allusions to *Boris Godunov*: the motif of the *Massacre of the Sons merged into the motif of the holy fool*. *It is shown in the next chapter of the monograph that both motifs will go on to play an important role in the "son plot" of the play A Student of the Lyceum*.

Conducting a detailed analysis of the folklore and fairy tale elements in *A Magical Being* the authors, nevertheless, overlook the specificity of their creative application. The specificity of the functional meaning of fairy tale motifs in the case in question consists in their functions which are far from those of a fairy tale. Thus, the resurrection of Klimchitskiy's wife is not miraculous at all; what was believed to be death turned out to be just a severe wound. The reference to the fairy tale character soldier Ivan is also expressed in the play without magic; the skill of the girl Anyuta to do many things at the same time can be explained by her proletarian origin and wartime upbringing. The "Non-miraculous nature of magic" is Platonov's conceptual position, which also found its realization in his retelling of Russian fairy tales [e.g. see: Минеев]. At the same time, while analyzing the situation of the search for new shoes and a good dress for the deceased Maria, the researchers rightfully note its relationship not with fairy tale motifs but with

the Russian Orthodox funeral tradition through Christ's promise: 'In whatsoever things I shall take you, in these I shall judge you' [Dialogue of Justin, Philosopher and Martyr, with Trypho, a Jew]. New burial clothes symbolize the idea of a new life in the new body. On the basis of these arguments, the authors arrive at the conclusion that the accent is shifted from the fairy tale dress semantics to the ecclesiastical ("wedding") one for Maria.

While carrying out a functional analysis of fairy tale elements in Platonov's creative activity it should be taken into account that in Soviet times the fairy tale was regarded as an ideologically hostile genre, for preventing the normal upbringing of the younger generation whose purpose was 'to make fairy tales come true'. Is not it why 'A. Platonov created a text which is not only an example of leveling the cult nature of the fairy tale but also of reduction of everything magical and miraculous? Instead of miracles, A. Platonov introduces into his text detailed realistic descriptions and provides rational logical explanations of the "fairy tale reality"' [Минеев, с. 117]. Such specificity of fairy tale narration corresponds to the theme of the nation of 'jacks of all trades', which is important for Platonov. Thus, 'in Platonov's fairy tales, there are no foxes, bears and hares that work hard to bring justice and happiness to the people; the people achieve them on their own: through persistence, sacrifice, and wit', wrote S. Zalygin [see: Залыгин]. This peculiarity of Platonov's fairy tales determines the function of the fairy tale elements in his plays, consisting of the intention to portray the spiritual power of the people and its consolidation in the ancestors' experience of many centuries. The power of the spirit of the people is, according to Platonov, the real miracle capable of overcoming death. This power is personified in the play by Maria, which, I believe, constitutes the main sense of the title *A Magical Being*.

The theme of love and fidelity in the play has a biographical background that becomes clear if we compare the plot line of Klimchitskiy–Maria with the wartime letters of Platonov. This might have contributed one more aspect of the contextual analysis of *A Magical Being*, where the writer creates the image of an ideal lover using the device of twin characters (Maria and Nata-sha) and simultaneously portrays an ideal variant of marital relationship. Platonov makes an artistic correction of the line of his own fate, in which the "impossible" love of his wife did not get a mutually deep response. This spiritual conflict was a sore point for the writer, found reflected in his letters, and was realized in his creative activity in many different ways.

Among Platonov's late dramatic works the play *A Student of the Lyceum* was especially significant for the writer. The authors of the book rightly note that its plot has little to do with the real biography of Pushkin. Behind its text we can see the tragic fate of Platon Platonov. The supposition that, in this play, Platonov-playwright realized his long-cherished intention to write a piece of literature about his son is beyond doubt and is even indirectly corroborated by the title of the play. The parallel hidden in it is an emblem of the writer's intention: a student of the lyceum – a pupil of the school, which equates the fates of the student of the lyceum, Pushkin, as he

is portrayed in the play, and the schoolboy, Platon Platonov. It was not by chance that the author altered the title of the play several times. Its variants were *Pushkin in the Lyceum*, *Young Pushkin* and *In the Lyceum Gardens*. However, none of these alternative titles served the writer's intention. It was only the last variant that expressed his intention implicitly.

It is worthy of note that the motif of the execution of the sons associated with the future fate of the students of the lyceum found by the monograph authors possesses even more powerful potential than the motifs of exile, indefinite future and imminent death in the plot line of Pushkin. This is one more evident advantage of the work demonstrating Platonov's poetics of hint in a new light. The authors of the book emphasize a peculiar artistic power of the plot line of Fekla – a grieving mother whose son was beaten to death during physical punishment 'carried out according to the established rules'. It was in this subsidiary plot line that Platonov stresses the parallel with the fate of his own son driven to death by "the established rules" of the contemporary brutal power. The graveyard scene of the talk between Aleksandr and Fekla in which she tells him at the grave of her son about her life, how she lulls him 'to sleep a long sleep' with a lullaby, is the most tragic one, which is suggestive of the amount of grief Platonov himself felt about the death of his son. In the monograph, this is demonstrated by quoting the letters to Mariya Aleksandrovna written from 1943 on (from the time of Platon's death), permeated with the heartbreaking motif of sorrow 'about a little hill of land on the Armenian cemetery' [Платонов, 2013, с. 531]. Thus, Platonov's letters uncover the autobiographical basis of the motif of life at the grave, as it is there that his own soul rests; and the image of Fekla is a personification of Platonov's soul nourished with the memory of his son and mourning his underlived life. According to K. S. Kogut and N. P. Khryashcheva, this forms a variative turn of the plot situation of "father and son" in the play *A Student of the Lyceum*.

Had the monograph authors included the wartime prose of Platonov in their intertextual analysis, they would have managed to show the leading role of the motif of life at the grave. Variations of this motif can be found in the short stories *The Seeking of the Lost* and *On the Graves of Russian Soldiers*. In the first story, a grieving mother weeping over her children lost in the war dies on their grave. The second story narrates about a grieving mother singing a song at the grave of her son, which is a salient parallel to the image of Fekla:

In the dusk, a lonely woman came to the desolate military cemetery of the former concentration camp No 352. She went down on her knees near a grave with the names of those buried on the plaque.

At first, the woman kept silent, then she started singing a lullaby for her son sleeping there for the coming eternal night [Платонов, 1985, с. 139].

Let us look at one more probable correspondence between the text and the context of the play. I believe that the character of the girl next-door, Masha, who is not biographically correlated with the wife but with the

daughter, serves as a substitute for the dead son in the creative consciousness of the writer. This assumption can be corroborated by similarities between the words of Aleksandr and Platonov's letters of 1948 sent to little Masha from a sanatorium. The motifs of beauty and intelligence are the common motifs characterizing both his daughter and the main character of the play: 'Hi... my dear beauty!', 'Hello my most beautiful and most loving daughter little Masha... I am looking forward to seeing you, my beautiful and smart girly...' [Платонов, 2013, с. 622–623], etc. In the play, Masha is called "smarty", "witty", "flower", and the like. The time of the play creation (1947–1948) coincides with the time the letters to the daughter were written.

Special attention should be paid to the leitmotif of the "weak power" revealed by the researchers, which can be considered an element typical of Platonov's poetics. It sounds rather like the evangelical maxim 'my power is made perfect in weakness' (2 Corinthians, 12: 9), which is one more proof of the Christian orientation of the writer's consciousness. In the works under analysis, this leitmotif becomes one of the metatextual "assemblage points".

Platonov's last play *Noah's Ark (Cain's Bastard)* seems to stand apart from the rest of his dramatic works. The analysis of this play is the least interesting, the same as, by the way, the play itself, which remained unfinished. Its incompleteness is demonstrated, specifically, by the absence in the plot of some characters appearing in the beginning: Charlie Chaplin, Bernard Shaw and Albert Einstein. The monograph successfully compares *Noah's Ark* with the short story by L. Leonov *The Departure of Ham* in terms of similarities and differences in depicting one and the same situation: The Flood. The analysis itself is built not so much around a poetic principle as around a descriptive one. We cannot but note that after the first publication of the play, which took place in 1993, it aroused a heated scientific discussion reflected in Issue 5 of the collected articles *The Land of Philosophers of Andrei Platonov: Issues of Creativity* (2003). Only two articles are devoted to the play in Issue 7 of the collected articles dealing specially with Platonov's dramatic writings. This waning interest in the final work of Platonov may be attributed to its poetic "immaturity", emblematic nature of the characters, and the geopolitical conflict with a clearly-marked anti-American accent, triggered by the US dropping nuclear bombs over Japan in the late 1940s, brought up to the surface of the plot. The active nature of the outer plot and its leading position with reference to the inner one testify to the fact that the talent of the gravely ill writer was waning. The implicit semantic layer in his best works is much richer than the explicit one. The remaining potential of this key property in *Voice of the Father*, *A Magical Being* and *A Student of the Lyceum* ensures their structural and poetic multilayer organization, which might allow them to be presented as a dramatic trilogy.

The semantic field of Platonov's late plays revealed by the monograph authors turns out to be much wider than their plot. It must be acknowledged that, being the basis of their research strategy, immersion into the poetics of the plot puts aside the poetics of style as radically different from the stylistic arrangement of the works of the earlier period. And here we cannot do

without some brief reflections about the potential for further research. The elements of the inner layers singled out in the monograph (folklore, Biblical, fairy tale and the motif system) in fact overlap with each other according to the principle of interference. This enhances the main theme, which distinguishes the literary style of Platonov’s later plays and provides them with a homophonic ring. In *Voice of the Father*, we can still clearly see the typical author’s poetic devices of the literary period of the second half of the 1920s, to the early 1930s, which argues that this work occupies a special place among others. Thus, theoretical interpretation of Platonov’s later creative activity constitutes a special problem of literary studies and may become the subject of serious analysis. It is not by chance that neither *A Magical Being* nor *A Student of the Lyceum* aroused any interest both among publishers and theater directors, evidence of which can be found in Platonov’s letters. There is no sense in trying to find hidden ideological motifs in all this, as long as both plays conform with censorship requirements, as it has been convincingly shown in the monograph under review. Additionally, in *A Student of the Lyceum*, the socialist realism canon in terms of ‘class sensitivity and orientation towards the people’ is realized with distinct emphasis. The significance of this play is not heightened by the theme of Pushkin but by the family tragedy of Platonov built into the background of the plot. The enigma and controversial interpretations typical of Platonov’s best literary works as their generic feature turn out to be lost in his late dramas. Platonov’s authorship is recognized in them by the poetics of the “high primitive” and by the presence of purely Platonov motifs (sorrow, memory, poverty, and holy foolishness), but not by those elements of stylistic poetics, which are part of the master’s “patent” devices. A comparative analysis of the poetic thesaurus of the writer in late dramas might constitute a separate monograph chapter discovering the dynamic movement of its leading motifs and demonstrating a diagram of change in its dramatic artistic language.

On the whole, the monograph by K. S. Kogut and N. P. Khryashcheva is undoubtedly a successful literary study, outlying non-evident comprehensive vectors of interpretation of Platonov’s late dramatic works and simultaneously opening up rich perspectives for future scientific research.

Список литературы

Брянчанинов И., свт. Голос из вечности (дума на могиле) // Брянчанинов И., свт. Аскетические опыты : в 2 т. М. : Правило веры, 1993. Т. 1 / Православная беседа : [сайт]. URL: <https://pravbeseda.ru/library/index.php?page=book&id=145> (дата обращения: 15.04.2020).

Зальгин С. Сказки реалиста и реализм сказочника // Вопр. лит. 1971. № 7. С. 120–142.

Когут К. С., Хрящева Н. П. Поэтика драматургии А. П. Платонова конца 1930-х – начала 1950-х гг.: межтекстовый диалог. СПб. : Нестор – История, 2018. 280 с.

Корниенко Н. История текста и биография А. П. Платонова (1926–1946) // Здесь и теперь. 1993. № 1. 319 с.

Минеев В. Н. «Волшебное кольцо» А. Платонова: литературная сказка или контаминация? // Знание. Понимание. Умение. 2007. № 2. С. 112–118.

Платон, сын Платонова : Вспоминает Тамара Григорьевна Зайцева (Платонова) // Наше наследие : историко-культурный журнал : [сайт]. 2015. № 113. URL: <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/11310.php> (дата обращения: 17.10.2019).

Платонов А. Собрание сочинений : в 3 т. М. : Сов. Россия, 1985. Т. 3. 571 с.

Платонов А. Ноев ковчег : драматургия. М. : Вагриус, 2006. 462 с.

Платонов А. «...Я прожил жизнь» : письма [1920–1950 гг.]. М. : Астрель, 2013. 685 с.

Проскурин Е. Н. Фаустиана Андрея Платонова. М. : Новый хронограф, 2015. 350 с.

Псалтирь и каноны, читаемые по усопшим. 9-е изд. М. : Данилов мужской монастырь, 2007. 512 с.

Dialogue of Justin, Philosopher and Martyr, with Trypho, a Jew // Ante-Nicene Christian Library : [website]. URL: https://en.wikisource.org/wiki/Ante-Nicene_Christian_Library/Dialogue_with_Trypho (mode of access: 18.10.2019).

The Book of Common Prayer and Administration of the Sacraments and other Rites and Ceremonies of the Church. N. Y. : Church Publ. Inc., 2007. 1001 p.

References

Bryanchaninov, I., prelate. (1993). Golos iz vechnosti (duma na mogile) [Voice from Eternity (Meditation at the Grave)]. In Bryanchaninov, I., svt. *Asketicheskie opyty v 2 t.* Moscow, Pravilo very. Vol. 1. In *Pravoslavnyaya beseda* [website]. URL: <https://pravbeseda.ru/library/index.php?page=book&id=145> (mode of access: 15.04.2020).

Dialogue of Justin, Philosopher and Martyr, with Trypho, a Jew. (N. d.). In *Ante-Nicene Christian Library* [website]. URL: https://en.wikisource.org/wiki/Ante-Nicene_Christian_Library/Dialogue_with_Trypho (mode of access: 18.10.2019).

Kogut, K. S., Khryashcheva, N. P. (2018). *Poetika dramaturgii A. P. Platonova kontsa 1930-kh – nachala 1950-kh gg.: mezhtekstovyi dialog* [Poetics of A. P. Platonov's Dramatic Works in the Late 1930s and Early 1950s. Intertextual Dialogue]. St Petersburg, Nestor-Istoria. 280 p.

Kornienko, N. (1993). Istoriya teksta i biografiya A. P. Platonova (1926–1946) [Text History and Biography of A. P. Platonov (1926–1946)]. In *Zdes' i teper'*. No. 1. 319 p.

Mineev, V. N. (2007). “Volshebnoye kol'tso” A. Platonova: literaturnaya skazka ili kontaminatsiya? [*The Magic Ring* by A. Platonov: Literary Tale or Contamination?]. In *Znanie. Ponimanie. Umenie*. No. 2, pp. 112–118.

Platon, syn Platonova. Vspominaet Tamara Grigor'evna Zaitseva (Platonova) [Platon, Son of Platonov. Tamara Grigor'evna Zaitseva (Platonova) Recalls]. (2015). In *Nashe nasledie. Istoriko-kul'turnyi zhurnal* [website]. No. 113. URL: <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/11310.php> (mode of access: 17.10.2019).

Platonov, A. (1985). *Sobranie sochinenii v 3 t.* [Collected Works. 3 Vols.]. Moscow, Sovetskaya Rossiya. Vol. 3. 571 p.

Platonov, A. (2006). *Noev kovcheg. Dramaturgiya* [Noah's Ark. Plays]. Moscow, Vagrius. 462 p.

Platonov, A. (2013). “...Ya prozhil zhizn'”. *Pis'ma* [1920–1950 gg.] [“...I've lived my life”. Letters [1920–1950]]. Moscow, Astrel'. 685 p.

Proskurina, E. N. (2015). *Faustiana Andreya Platonova* [The Faustiana of Andrei Platonov]. Moscow, Novyi khronograf. 350 p.

Psaltir' i kanony, chitaemye po usopshim [Psalms and Canons Read over the Departed]. (2007). 9th Ed. Moscow, Danilov muzhskoi monastyr'. 512 p.

The Book of Common Prayer and Administration of the Sacraments and other Rites and Ceremonies of the Church. (2007). N. Y., Church Publ. Inc. 1001 p.

Zalygin, S. (1971). Skazki realista i realizm skazochnika [Tales of the Realist and the Realism of the Storyteller]. In *Voprosy literatury*. No. 7, pp. 120–142.

Translated by Sergey Polyakov

The article was submitted on 25.10.2019

ОБ АВТОРАХ ON THE AUTHORS

Аксенов Владислав Бэнович, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт российской истории РАН.
117036, Россия, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19.
ORCID 0000-0003-2716-7700
vlaks@mail.ru

Алексеев Евгений Павлович, кандидат искусствоведения, научный сотрудник, Институт истории и археологии Уральского отделения РАН; доцент, Уральский федеральный университет.
620990, Россия, Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16.
620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.
ORCID 0000-0003-3460-6679
ev-alex@yandex.ru

Антошин Алексей Валерьевич, доктор исторических наук, профессор, ответственный секретарь журнала *Quaestio Rossica*, Уральский федеральный университет.
620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.
ORCID 0000-0002-6093-2219
alex_antoshin@mail.ru

Болгова Ирина Вячеславовна, кандидат исторических наук, доцент, научный сотрудник, Московский государственный институт международных отношений (МГИМО Университет).
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76.
ORCID 0000-0001-6992-3792
ramp@mgimo.ru

Брейтвейт Родрик, старший научный сотрудник, Букингемский университет.
MK18 1EG, Великобритания, Букингем, Hunter Str.

Вишленкова Елена Анатольевна, доктор исторических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».
101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, 20.
ORCID 0000-0002-9471-0091
evishlenkova@mail.ru

Волкова Виктория Борисовна, доктор филологических наук, профессор, Магнитогорский государственный технический университет.
455000, Россия, Магнитогорск, пр. Ленина, 38.
ORCID 0000-0001-6559-360X
vbl2004@bk.ru

Вяземцева Анна Геннадиевна, кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник, Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства.
111024, Россия, Москва, ул. Душинская, 9.
ORCID 0000-0003-2782-3245
annushka9nov@gmail.com

Гусева Юлия Николаевна, доктор исторических наук, доцент, Самарский филиал Московского городского педагогического университета.

443081, Россия, Самара, ул. Стара Загора, 76.

ORCID 0000-0002-5731-7274

j.guseva@mail.ru

Запарий Юлия Владимировна, кандидат исторических наук, доцент, Уральский федеральный университет.

620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.

ORCID 0000-0002-1101-821X

zapary.iulia@urfu.ru

Затравкин Сергей Наркизович, доктор медицинских наук, профессор, Национальный научно-исследовательский институт общественного здоровья; главный научный сотрудник, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

105064, Россия, Москва, ул. Воронцово поле, 12, стр. 1.

101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, 20.

ORCID 0000-0002-2930-1873

zatravkine@mail.ru

Ильиных Владимир Андреевич, доктор исторических наук, заведующий сектором аграрной истории, Институт истории Сибирского отделения РАН.

630090, Россия, Новосибирск, ул. Николаева, 8.

ORCID 0000-0002-6361-1234

agro_iwa@mail.ru

Казанцев Андрей Анатольевич, доктор политических наук, главный научный сотрудник, директор Центра исследований проблем Центральной Азии и Афганистана, Московский государственный институт международных отношений (МГИМО Университет).

119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76.

ORCID 0000-0002-4845-1391

andrka@mail.ru

Капсалькова Карина Рамазановна, кандидат исторических наук, ассистент, Уральский федеральный университет.

620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.

ORCID 0000-0003-4163-5099

k.r.kapsalykova@urfu.ru

Козицкая Юлия Михайловна, преподаватель, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, 20.

ORCID 0000-0002-3507-6174

y.kozitskaya@gmail.com

Краус Тамаш, доктор исторических наук, профессор, Будапештский университет.

1053, Венгрия, Будапешт, Egyetem tér, 1–3.

tamas.krausz@t-online.hu

Лapidус Рина, PhD, профессор, Университет Бар-Илан.

5290002, Израиль, Рамат-Ган.

ORCID 0000-0002-0213-7225

rlapidus2011@gmail.com

Лямзин Андрей Валерьевич, кандидат исторических наук, доцент, Уральский федеральный университет.

620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.

ORCID 0000-0001-7086-5323

lyamzin@mail.ru

Маснык Марек, доктор исторических наук, профессор, Опольский университет.

45-040, Польша, Ополе, площадь Коперника, 11а.

ORCID 0000-0002-7895-1872

marek.masnyk@uni.opole.pl

Махмудов Рустам Баходирович, старший преподаватель, Университет мировой экономики и дипломатии.

100007, Узбекистан, Ташкент, пр. Мустакиллик, 54.

ORCID 0000-0002-1030-2200

rustammakhmudov73@gmail.com

Мохов Антон Сергеевич, доктор исторических наук, профессор, Уральский федеральный университет.

620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.

ORCID 0000-0001-9803-6949

a.s.mokhov@urfu.ru

Неклюдов Никита Яковлевич, эксперт Института международных исследований, аналитик Лаборатории анализа международных процессов, Московский государственный институт международных отношений (МГИМО Университет).

119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76.

ORCID 0000-0003-1240-4339

nehkludow96@gmail.com

Никитин Александр Иванович, доктор политических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; директор Центра евроатлантической безопасности, Московский государственный институт международных отношений (МГИМО Университет).

101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, 20.

119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76.

ORCID 0000-0003-3509-6893

politheory@mail.ru

Никитина Юлия Александровна, кандидат политических наук, доцент, Московский государственный институт международных отношений (МГИМО Университет).

119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76.

ORCID 0000-0003-3475-8365

world_politics@mgimo.ru

Печенкин Илья Евгеньевич, кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник, Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства.

111024, Россия, Москва, ул. Душинская, 9.

ORCID 0000-0002-8000-7792

pech_archistory@mail.ru

Постникова Екатерина Георгиевна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Лаборатория народной культуры Научно-исследовательского института исторической антропологии и филологии, Магнитогорский государственный технический университет.

455000, Россия, Магнитогорск, пр. Ленина, 38.

ORCID 0000-0001-8877-2328

ekaterinapost@mail.ru

Проскурина Елена Николаевна, доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Институт филологии Сибирского отделения РАН.

630090, Россия, Новосибирск, ул. Николаева, 8.

ORCID 0000-0003-2809-6780

proskurina_elena@mail.ru

Раков Тимофей Николаевич, старший преподаватель, Тюменский государственный университет.

625003, Россия, Тюмень, ул. Ленина, 23.

ORCID 0000-0003-2726-7939

timofey.rakov@gmail.com

Рябов Олег Вячеславович, доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Санкт-Петербургский государственный университет.

199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7/9.

ORCID 0000-0002-5944-9668

riabov1@inbox.ru

Сафранчук Иван Алексеевич, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник, Московский государственный институт международных отношений (МГИМО Университет).

119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76.

ORCID 0000-0003-2214-6628

and6958@yandex.ru

Соболева Лариса Степановна, доктор филологических наук, профессор, главный редактор журнала *Quaestio Rossica*, Уральский федеральный университет.

620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.

ORCID 0000-0002-0694-6687

l.s.soboleva@mail.ru

Старостенко Юлия Дмитриевна, кандидат архитектуры, старший научный сотрудник, Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства.

111024, Россия, Москва, ул. Душинская, 9.

ORCID 0000-0002-1840-931X

ystarostenko@yandex.ru

Сушенцов Андрей Андреевич, кандидат политических наук, доцент, директор Института международных исследований, директор Лаборатории анализа международных процессов, Московский государственный институт международных отношений (МГИМО Университет).

119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76.

ORCID 0000-0003-2076-7332

a.sushentsov@inno.mgimo.ru

Христофоров Василий Степанович, доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент РАН, Российский государственный гуманитарный университет.

125993, Россия, Москва, Миусская площадь, 6.

ORCID 0000-0003-3964-1967

xvsarhiv@rambler.ru

Чубарьян Александр Оганович, доктор исторических наук, профессор, академик РАН, президент Государственного академического университета гуманитарных наук, научный руководитель Института всеобщей истории РАН.

119049, Россия, Москва, Мароновский пер., 26.

119334, Россия, Москва, Ленинский пр., 32а.

ORCID 0000-0002-8937-0387

dir@igh.ru

Шаманаев Андрей Васильевич, кандидат исторических наук, доцент, Уральский федеральный университет.

620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.

ORCID 0000-0001-8955-8884

shamanaev@mail.ru

Шерстнева Елена Владимировна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Национальный научно-исследовательский институт общественного здоровья.

105064, Россия, Москва, ул. Воронцово поле, 12, стр. 1.

ORCID 0000-0002-8612-4834

lena_scherstneva@mail.ru

Шматов Михаил Юрьевич, магистрант, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет.

630090, Россия, Новосибирск, ул. Пирогова, 1.

ORCID 0000-0002-1736-704X

shmatov2009@yandex.ru

Aksenov Vladislav, PhD (History), Associate Professor, Senior Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences.

19, Dmitry Ulyanov Str., 117036, Moscow, Russia.

ORCID 0000-0003-2716-7700

vlaks@mail.ru

Alekseev Yevgeny, PhD (Art History), Research Fellow, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; Associate Professor, Ural Federal University.

16, S. Kovalevskaya Str., 620990, Yekaterinburg, Russia.

19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.

ORCID 0000-0003-3460-6679

ev-alex@yandex.ru

Antoshin Alexey, Dr. Hab. (History), Professor, Executive Secretary Associate of *Quaestio Rossica* Journal, Ural Federal University.
19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.
ORCID 0000-0002-6093-2219
alex_antoshin@mail.ru

Bolgova Irina, PhD (History), Associate Professor, Research Fellow, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University).
76, Vernadsky Ave., 119454, Moscow, Russia.
ORCID 0000-0001-6992-3792
pamp@mgimo.ru

Braithwaite Rodric, Senior Researcher, University of Buckingham.
MK18 1EG, Hunter Str., Buckingham, United Kingdom.

Chubariyan Alexander, Dr. Hab. (History), Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, President of the State Academic University for the Humanities, Scientific Director of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences.
26, Maronovsky Lane, 119049, Moscow, Russia.
32a, Leninsky Ave., 119334, Moscow, Russia.
ORCID 0000-0002-8937-0387
dir@igh.ru

Guseva Yulia, Dr. Hab. (History), Associate Professor, Samara Branch of Moscow City University.
76, Stara Zagora Str., 443081, Samara, Russia.
ORCID 0000-0002-5731-7274
j.guseva@mail.ru

Ilyinykh Vladimir, Dr. Hab. (History), Head of the Sector of Agrarian History, Institute of History, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.
8, Nikolaev Str., 630090, Novosibirsk, Russia.
ORCID 0000-0002-6361-1234
agro_iwa@mail.ru

Kapsalykova Karina, PhD (History), Assistant, Ural Federal University.
19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.
ORCID 0000-0003-4163-5099
k.r.kapsalykova@urfu.ru

Kazantsev Andrey, Dr. Hab. (Political Sciences), Chief Researcher, Director of the Center for Central Asia and Afghanistan Studies of Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University).
76, Vernadsky Ave., 119454, Moscow, Russia.
ORCID 0000-0002-4845-1391
andrka@mail.ru

Khristoforov Vasily, Dr. Hab. (Law), Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Russian State University for the Humanities.
6, Miusskaya Sq., 125993, Moscow, Russia.
ORCID 0000-0003-3964-1967
xvsarhiv@rambler.ru

Kozitskaya Yulia, Lecturer, National Research University Higher School of Economics.

20, Myasnitskaya Str., 101000, Moscow, Russia.

ORCID 0000-0002-3507-6174

y.kozitskaya@gmail.com

Krausz Tamás, Dr. Hab. (History), Professor, Eötvös Loránd University.

1–3, Egyetem tér, 1053, Budapest, Hungary.

tamas.krausz@t-online.hu

Lapidus Rina, PhD, Professor, Bar-Ilan University.

5290002, Ramat-Gan, Israel.

ORCID 0000-0002-0213-7225

rlapidus2011@gmail.com

Lyamzin Andrey, PhD (History), Associate Professor, Ural Federal University.

19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.

ORCID 0000-0001-7086-5323

lyamzin@mail.ru

Makhmudov Rustam, Senior Lecturer, University of World Economy and Diplomacy.

4, Mustakillik Ave., 100007, Tashkent, Uzbekistan.

ORCID 0000-0002-1030-2200

rustammakhmudov73@gmail.com

Masnyk Marek, Dr. Hab. (History), Professor, University of Opole.

11a, Plac Mikołaja Kopernika, 45-040, Opole, Poland.

ORCID 0000-0002-7895-1872

marek.masnyk@uni.opole.pl

Mokhov Anton, Dr. Hab. (History), Professor, Ural Federal University.

19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.

ORCID 0000-0001-9803-6949

a.s.mokhov@urfu.ru

Neklyudov Nikita, Expert of the Institute for International Studies, Expert of the Laboratory of International Trends Analysis, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University).

76, Vernadsky Ave., 119454, Moscow, Russia.

ORCID 0000-0003-1240-4339

nehkludow96@gmail.com

Nikitin Alexander, Dr. Hab. (Political Sciences), Professor, National Research University Higher School of Economics, Director of the Center for Euro-Atlantic Security, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University).

20, Myasnitskaya Str., 101000, Moscow, Russia.

76, Vernadsky Ave., 119454, Moscow, Russia.

ORCID 0000-0003-3509-6893

polittheory@mail.ru

Nikitina Yulia, PhD (Political Sciences), Associate Professor, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University).

76, Vernadsky Ave., 119454, Moscow, Russia.

ORCID 0000-0003-3475-8365

world_politics@mgimo.ru

Pechenkin Ilya, PhD (Art History), Senior Researcher, Scientific Research Institute of Theory and History of Architecture and Urban Planning.
9, Dushinskaya Str., 111024, Moscow, Russia.
ORCID 0000-0002-8000-7792
pech_archistory@mail.ru

Postnikova Yekaterina, Dr. Hab. (Philology), Leading Researcher, Folk Culture Laboratory of the Research Institute of Historical Anthropology and Philology, Magnitogorsk State Technical University.
38, Lenin Ave., 455000, Magnitogorsk, Russia.
ORCID 0000-0001-8877-2328
ekaterinapost@mail.ru

Proskurina Elena, Dr. Hab. (Philology), Chief Researcher, Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.
8, Nikolaev Str., 630090, Novosibirsk, Russia.
ORCID 0000-0003-2809-6780
proskurina_elena@mail.ru

Rakov Timofey, Senior Lecturer, Tyumen State University.
23, Lenin Str., 625003, Tyumen, Russia.
ORCID 0000-0003-2726-7939
timofey.rakov@gmail.com

Riabov Oleg, Dr. Hab. (Philosophy), Professor, Leading Researcher, St Petersburg State University.
7/9, Universitetskaya Embankment, 199034, St Petersburg, Russia.
ORCID 0000-0002-5944-9668
riabov1@inbox.ru

Safranchuk Ivan, PhD (Political Sciences), Leading Researcher, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University).
76, Vernadsky Ave., 119454, Moscow, Russia.
ORCID 0000-0003-2214-6628
and6958@yandex.ru

Shamanaev Andrey, PhD (History), Associate Professor, Ural Federal University.
19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.
ORCID 0000-0001-8955-8884
shamanaev@mail.ru

Sherstneva Elena, PhD (History), Senior Researcher, National Research Institute of Public Health.
1 bldg., 12, Vorontsovo Pole Str., 105064, Moscow, Russia.
ORCID 0000-0002-8612-4834
lena_scherstneva@mail.ru

Shmatov Mikhail, Graduate Student, Novosibirsk State National Research University.
1, Pirogov Str., 630090, Novosibirsk, Russia.
ORCID 0000-0002-1736-704X
shmatov2009@yandex.ru

Soboleva Larisa, Dr. Hab. (Philology), Professor, Editor-in-Chief of *Quaestio Rossica* Journal, Ural Federal University.

19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.

ORCID 0000-0002-0694-6687

l.s.soboleva@mail.ru

Starostenko Yulia, PhD (Architecture), Senior Researcher, Scientific Research Institute of Theory and History of Architecture and Urban Planning.

9, Dushinskaya Str., 111024, Moscow, Russia.

ORCID 0000-0002-1840-931X

ystarostenko@yandex.ru

Sushentsov Andrey, PhD (Political Sciences), Associate Professor, Director of the Institute for International Studies, Director of the Laboratory for International Trends Analysis, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University).

76, Vernadsky Ave., 119454, Moscow, Russia.

ORCID 0000-0003-2076-7332

a.sushentsov@inno.mgimo.ru

Vishlenkova Elena, Dr. Hab. (History), Professor, National Research University Higher School of Economics.

20, Myasnitskaya Str., 101000, Moscow, Russia.

ORCID 0000-0002-9471-0091

evishlenkova@mail.ru

Volkova Viktoriya, Dr. Hab. (Philology), Professor, Nosov Magnitogorsk State Technical University.

38, Lenin Ave., 455000, Magnitogorsk, Russia.

ORCID 0000-0001-6559-360X

vbl2004@bk.ru

Vyazemtseva Anna, PhD (Art History), Senior Researcher, Scientific Research Institute of Theory and History of Architecture and Urban Planning.

9, Dushinskaya Str., 111024, Moscow, Russia.

ORCID 0000-0003-2782-3245

annushka9nov@gmail.com

Zaparyi Yulia, PhD (History), Associate Professor, Ural Federal University.

19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.

ORCID 0000-0002-1101-821X

zapary.iulia@urfu.ru

Zatravkin Sergei, Dr. Hab. (Medicine), Professor, National Research Institute of Public Health, Chief Researcher, National Research University Higher School of Economics.

1 bldg., 12, Vorontsovo Pole Str., 105064, Moscow, Russia.

20, Myasnitskaya Str., 101000, Moscow, Russia.

ORCID 0000-0002-2930-1873

zatravkine@mail.ru

СОКРАЩЕНИЯ ABBREVIATIONS

ГАНО – Государственный архив Новосибирской области
GANO – Gosudarstvennyi arkhiv Novosibirskoi oblasti

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации
GARF – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii

ГАСО – Государственный архив Свердловской области
GASO – Gosudarstvennyi arkhiv Sverdlovskoi oblasti

РГАЭ – Российский государственный архив экономики
RGAE – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv ekonomiki

РГВА – Российский государственный военный архив
RGVA – Rossiiskii gosudarstvennyi voennyi arkhiv

РГИА – Российский государственный исторический архив
RGIA – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv

СКЗМ/ФМС – Советский комитет защиты мира / Федерация мира
и согласия
SKZM/FMS – Sovetskii komitet zashchity mira / Federatsiya mira i soglasiya

ЦА ФСБ России – Центральный архив ФСБ России
TsA FSB Rossii – Tsentral'nyi arkhiv FSB Rossii

ЦГАИПД – Центральный государственный архив историко-политических
документов
TsGAIPD – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv istoriko-politicheskikh
dokumentov

ЦДООСО – Центр документации общественных организаций
Свердловской области
TsDOOSO – Tsentr dokumentatsii obshchestvennykh organizatsii Sverdlovskoi
oblasti

ЦПМИ – Центр политических и международных исследований
TsPMI – Tsentr politicheskikh i mezhdunarodnykh issledovaniï

Научное издание

Quaestio Rossica

Vol. 8, 2020, № 2

Редакторы *Е. Берзина*

А. Попович

Верстка *А. Матвеев*

Editors *Ekaterina Berezina*

Alexey Popovich

Imposition *Alexey Matveev*

Дата выхода в свет – 25.06.2020. Формат 70x100/16.
Печать офсетная. Уч.-изд. л. 37,9. Усл. печ. л. 36,3.
Тираж 500 экз. Заказ № 151.

Издательство Уральского университета
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре УрФУ
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4
Тел.: +7 (343) 350-56-64, 350-90-13
Факс: +7 (343) 358-93-06
E-mail: press-urfu@mail.ru

Иллюстрации к статье:
 Владислав Аксенов. Образы Ленина в визуальной сатире и причины краха
 антибольшевистской пропаганды

Illustration for the article:
 Vladislav Aksenov. Lenin's Images in Visual Satire and the Collapse
 of Anti-Bolshevik Propaganda

Рисунок: "грозный конь" изготовился из двух зарезанных лошадей, из которых выжимали обильные слезы, и, бросив их в виде слезогонки и парализующей горькой смеси, выкатили, одна выкатывала при этом отругав на себя из горла заклятого слова.

1. Ре-Ми. Все совершенствуется //
 Новый Сатирикон. 1917. № 15. С. 16
 Re-Mi. Everything is improving //
 New Satirikon. 1917. № 15. P. 16

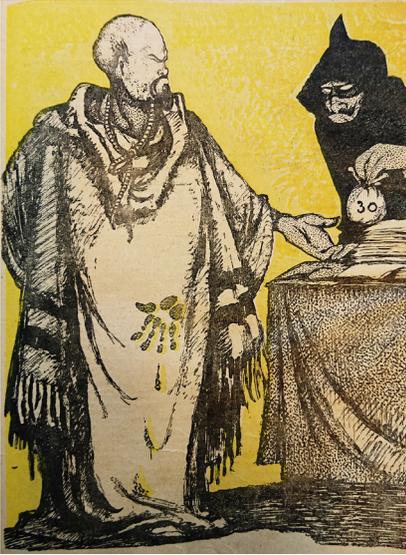
2. Между властью и анархией //
 Барабан. 1917. № 10. Обложка
 Between Power and Anarchy //
 Drum. 1917. № 10. Cover

3. Д. Мельников. Вперед! Только русские
 штыки принесут свободу германскому
 народу! // Будильник. 1917. № 19
 D. Melnikov. Let's go! Only Russian bayonets
 will bring freedom to the German people! //
 Alarm clock. 1917. № 19

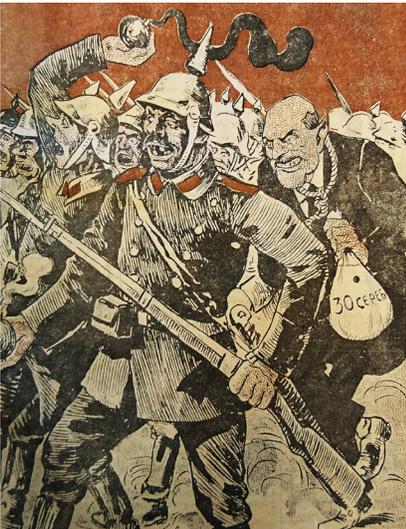
4. «Шло ликование в народе...» //
 Пугач. 1917. № 14. Обложка
 "There was jubilation among the people..." //
 Scarecrow. 1917. № 14. Cover

5. Дени. Верная служба – честный счет
// Бич. 1917. № 28
Deny. Faithful service – honest account //
Beach. 1917. № 28

6. Ленин за своей газетой //
Пугач. 1917. № 13. С. 14
Lenin with his newspaper //
Scarecrow. 1917. № 13. P. 14

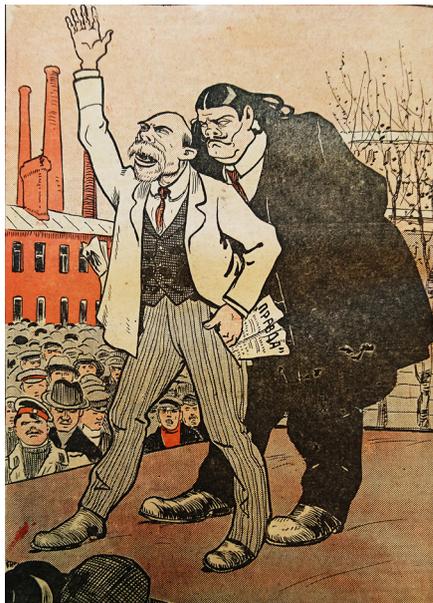
7. А еще говорят, что история не
повторяется // Пугач. 1917. № 20. Обложка
And they also say that history does not repeat
itself // Scarecrow. 1917. № 20. Cover

8. Ре-Ми. Семья не без уроды //
Новый Сатирикон. 1917. № 24. Обложка
Re-Mi. Family is not without a freak //
New Satirikon. 1917. № 24. Cover

9. Завивка «большевика» // Барабан. 1917. № 4. С. 7
Curling "Bolshevik" // Drum. 1917. № 4. P. 7

10. «Долой дисциплину! Мир без аннексий и контрибуций!» // Пугач. 1917. № 6
"Down with discipline! A world without annexation and counteraction!" // Scarecrow. 1917. № 6

11. Синус. Сретение неподобных великомучеников большевистских Ленина и Зиновьева // Бич. 1917. № 26
Sinus. The Meeting of Unworthy Great Martyrs of Bolshevik Lenin and Zinoviev // Beach. 1917. № 26

12. Дени. Владыка дней наших // Бич. 1917. № 38
Deny. Lord of our days // Beach. 1917. № 38

13. Д. Моор. На двух полюсах. Два казака – пара // Будильник. 1917. № 37–38
D. Moor. At two poles. Two Cossacks – pair // Alarm clock. 1917. № 37–38.

14. Ре-Ми. Рождество Христово 1917 // Новый Сатирикон. 1917. № 45
 Re-Mi. Christmas 1917 // New Satirikon. 1917. № 45

15. В жертву Интернационалу. Плакат. 1918–1922
 A sacrifice to the International. A poster. 1918–1922

Illustration for the article:
 Rina Lapidus. The “Erotic” Tractor in the Soviet Cinema

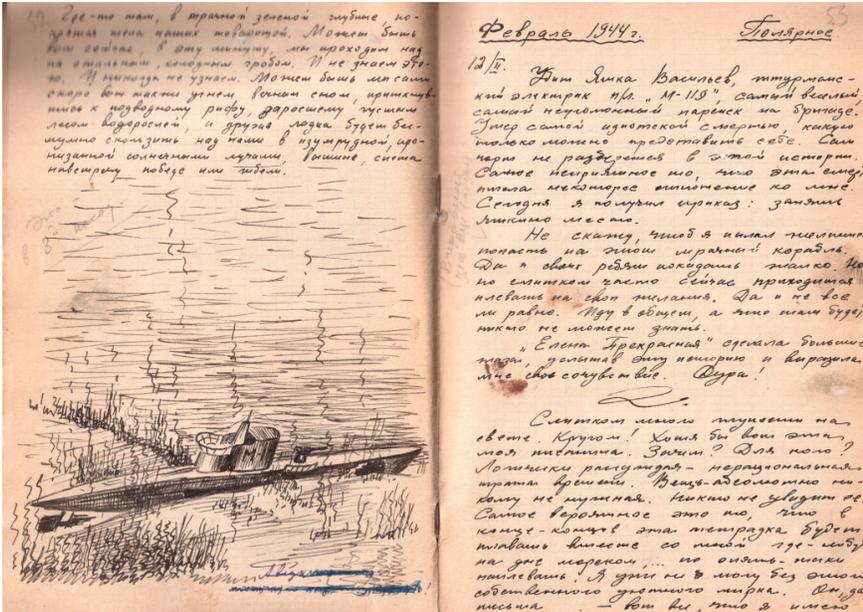
Poster for *Tractor Drivers*. 1949

Poster for *Tractor Drivers*. 1940

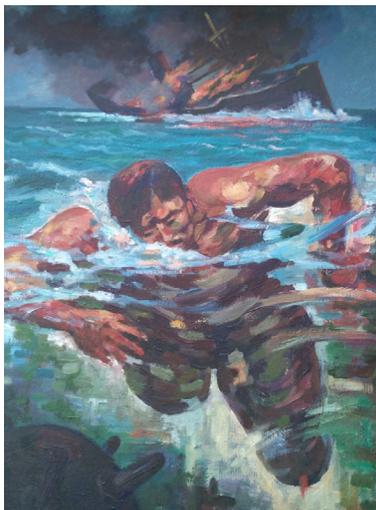
Иллюстрации к статье:
 Екатерина Постникова, Виктория Волкова.
 Это мой мир: фронтовые дневники матроса-подводника

Illustration for the article:
 Yekaterina Postnikova, Viktoriya Volkova.
 This is my world: a submariner's battlefield diary

Страницы из фронтового дневника Г. И. Сенникова. 1943–1944.
 Рисунок «Лодка на дне»

Pages from the battlefield diary of G. I. Sennikov. 1943–1944.
 The Submarine on the Bottom, drawing

Г. И. Сенников. Матрос.
 1987. Холст, масло
 G. I. Sennikov. Sailor.
 1987. Oil on canvas